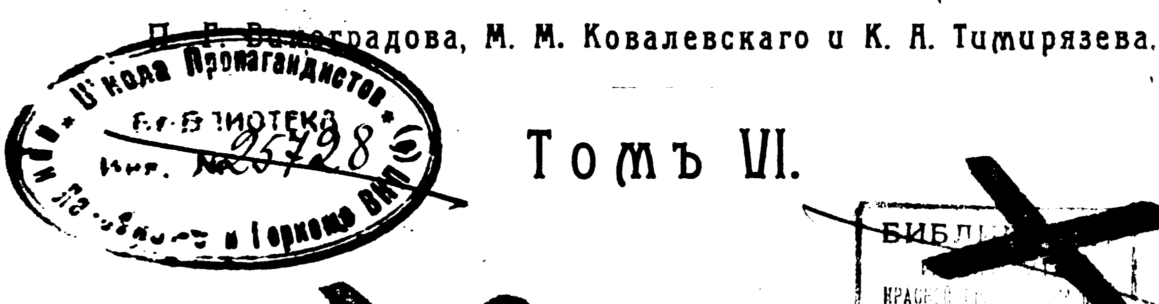
ИСТОРІЯ XIX ВѢКА

(ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА и ВНѢЕВРОПЕЙСКІЯ ГОСУДАРСТВА).

Подъ редакціей профессоровъ **Лависса** и **Рамбо**.

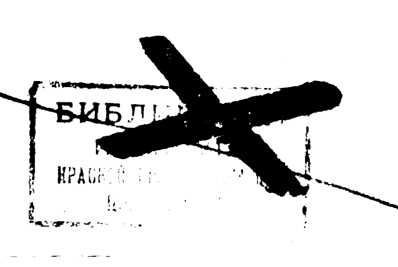
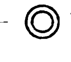
При участіи: проф. А. Ваддингтонъ, проф. М. Валь, академика гр. Альберъ Вандаль, Анри Вастъ, академика Анри Гуссэ, А. Дебидуръ, проф. Дедевизъ дю-Дезеръ, проф. Э. Дени, Л. Каэнъ, Роберъ де-Ке де-Сентъ Эймуръ, проф. А. Кордье, проф. Фр. де-Крю, А. Лавуа, проф. Л. Леже, проф. А. Мале, проф. А. Метенъ, проф. А. Мильо, А. Мишель, проф. А. Муаро, проф. А. Оларъ, проф. А. Пенго, Ромэнъ Ролланъ, проф. Ш. Сеньобосъ, проф. Э. Сейу, проф. А. Сорель, проф. П. Таннери, проф. Эмиль Фагэ, Л. Фаржъ, проф. Э. Шенонъ, проф. Хр. Шефферъ, проф. А. Шюкэ, проф. Л. Эйзенманъ,

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО, СЪ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫМИ СТАТЬЯМИ ПРОФЕССОРОВЪ

П. Г. Виноградова, М. М. Ковалевскаго и К. А. Тимирязева.

Томъ VI.

Изданіе Товарищества „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“.

1906 г.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская улица, соб. домъ.

МОСКВА — 1906.

ЭПОХА РЕВОЛЮЦІЙ И НАЦІОНАЛЬНЫХЪ ВОИНЪ.

1848—1870.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Главы I, III—IX переведены М. О. Гершензономъ, глава II—А. Н. Чеботаревской, главы X и XIII—Ю. М. Стекловымъ, глава XI—Н. И. Романовымъ и Ю. Д. Энгелемъ, глава XII—С. Г. Займовскимъ.

Глава I.

Скандинавскія государства.

(1848—1870.)

I.— Данія.

Черезъ всю исторію Даніи за время съ 1848 по 1864 г. красной нитью проходятъ осложненія, возникавшія изъ-за эльбскихъ герцогствъ. Внѣшніе кризисы, дважды вызванные этими затрудненіями, были такъ сильны, что почти совершенно останавливали внутреннюю политическую жизнь страны. Съ другой стороны, вопросы, стоящіе въ другихъ странахъ исключительно въ зависимости отъ внутренней политики,— мы разумѣемъ конституціонныя реформы—здѣсь постоянно осложнялись особыми отношеніями, существовавшими между собственно королевствомъ и герцогствами. Такимъ образомъ центръ тяжести лежитъ на послѣднихъ,—и всякому, кто, излагая вкратцѣ исторію Даніи за этотъ періодъ, желаетъ выяснить ея основныя черты, приходится все время выдвигать эти герцогства на первый планъ.

Восшествіе на престолъ Фридриха VII. Конституціонныя реформы.— Фридрихъ VII унаслѣдовалъ престолъ отъ своего отца Христіана VIII въ январѣ 1848 года. Новый государь въ первый же день своего царствованія очутился лицомъ къ лицу съ двумя вопросами одинаковой важности: съ конституціонной проблемой и вопросомъ о Шлезвигѣ и Голштиніи. Ни тотъ, ни другой не были новы: мы видѣли успѣхи и усилія либерализма при предшествующихъ короляхъ [1]), равно какъ и попытки согласовать либеральныя стремленія съ традиціями и желаніями короны; трудности, обусловленныя этимъ положеніемъ дѣлъ, восходили еще къ болѣе давнему времени, но получили особенно острый характеръ — и это мы также видѣли—въ продолженіе царствованій Фридриха VI и Христіана VIII. Уже одинъ тотъ фактъ, что эти вопросы обсуждались такъ долго, дѣлалъ ихъ разрѣшеніе что ни день, то болѣе настоятельнымъ, особенно, когда отраженіе событій, происходившихъ во Франціи и Германіи, вскорѣ еще болѣе взволновало умы. Притомъ вопросъ о конституціи и вопросъ о герцогствахъ были тѣсно связаны между собою и постоянно вліяли другъ на друга, хотя въ краткомъ разсказѣ для ясности приходится почти совершенно раздѣлять ихъ.

Тотчасъ по вступленіи на престолъ Фридрихъ VII захотѣлъ удовлетворить желанія своихъ подданныхъ, и манифестъ отъ 28 января 1848 года возвѣстилъ конституцію, излагая вкратцѣ ея основ-

[1]) См. т. IV, стр. 84.

16

ные принципы: провинціальные штаты, установленные Фридрихомъ VI, сохраняются, но наряду съ ними, или какъ высшая инстанція, учреждается сеймъ, общій для всей монархіи, который долженъ вѣдать установленіе налоговъ, финансовое управленіе и законодательство. Комиссіи, назначенной отчасти королемъ, отчасти провинціальными штатами, было поручено разработать этотъ проектъ и придать ему окончательную форму. Два мѣсяца спустя Фридрихъ VII сдѣлалъ новый шагъ: онъ призвалъ къ власти болѣе либеральныхъ министровъ и одновременно съ этимъ формально обѣщалъ своему народу раздѣлить съ нимъ власть (22—24 марта 1848). Учредительное собраніе, выбранное на очень широкихъ основаніяхъ, собралось въ Копенгагенѣ 23 октября того же года; оно выработало конституцію, обнародованную 5 іюня 1849 года и дѣйствующую понынѣ, по крайней мѣрѣ, въ своихъ существенныхъ частяхъ. Конституція 1849 года, установившая въ Даніи дѣйствительный представительный режимъ, была, слѣдовательно, гораздо болѣе либеральной, чѣмъ проектъ, провозглашенный въ королевскомъ манифестѣ предшествовавшаго года. Между тѣмъ она не была навязана силой; слѣдовательно, она была результатомъ глубокой перемѣны во взглядахъ Фридриха VII. Многое могло повліять на него въ этомъ направленіи. Прежде всего, при своемъ открытомъ и просвѣщенномъ умѣ онъ не былъ противникомъ такого рода нововведеній. Кромѣ того, происходившія предъ его глазами событія въ другихъ государствахъ Европы естественно заставляли его призадуматься надъ собственнымъ положеніемъ. Поэтому, когда въ Копенгагенѣ начались либеральныя манифестаціи и народныя собранія потребовали представительной конституціи, онъ рѣшилъ, что благоразуміе велитъ уступить этимъ требованіямъ. Наконецъ, какъ разъ въ это время возникъ кризисъ въ герцогствахъ, и настолько серьезный, что, повидимому, не было возможности справиться съ нимъ иначе, какъ при помощи всего датскаго народа. Такъ созрѣло въ немъ сознаніе безусловной необходимости избѣжать малѣйшаго несогласія между народомъ и правительствомъ, и это вполнѣ удалось Фридриху VII. Съ первыхъ мѣсяцевъ своего царствованія онъ пріобрѣлъ большую популярность и сохранилъ ее до конца своей жизни.

Возстаніе въ герцогствахъ [1]). — Проектъ конституціи, обнародованный въ январьскомъ манифестѣ 1848 года, вызвалъ извѣстное недовольство въ королевствѣ. Нѣкоторые пункты его, противопоставляя въ извѣстныхъ отношеніяхъ королевство герцогствамъ, клонились къ тому, чтобы разбить монархію на двѣ половины. Въ герцогствахъ тотъ же проектъ вызвалъ еще болѣе энергичные упреки и возраженія. На сѣверѣ отъ Конге-Аа проектъ упрекали въ томъ, что онъ приносилъ королевство въ жертву герцогствамъ, на югѣ — въ томъ, что онъ игнорировалъ законныя права послѣднихъ. Шлезвигъ-голштинская партія, руководимая герцогомъ Аугустенборгомъ, уже неоднократно проявляла свои нѣмецкія симпатіи. Естественно, что броженіе, царившее тогда въ Германіи, и извѣстія о совершающихся тамъ событіяхъ взволновали ее и побудили настойчиво предъявить свои требованія. Собраніе, состоявшееся въ Рендсборгѣ 16 марта 1848 года, постановило послать къ королю депутацію съ требованіемъ общей конституціи для обоихъ герцогствъ и включенія Шлезвига въ германскую конфедерацію. Но еще прежде, чѣмъ делегація вернулась съ отрицательнымъ отвѣтомъ короля, 23 марта, горсть солдатъ въ Килѣ взбунтовалась и сорвала свои датскія кокарды; въ тотъ же вечеръ образовалось временное правительство,

---

[1]) См. т. IV, стр. 85—86.

а на другой день герцогъ Аугустенборгъ овладѣлъ крѣпостью Рендсборгъ. Герцогства были охвачены открытымъ возстаніемъ, и время безсвязныхъ споровъ о конституціи миновало.

Первымъ послѣдствіемъ этихъ событій было то, что въ Даніи смолкли партійныя разногласія и стало очевиднымъ, что король дѣйствительно сумѣетъ обезпечить себѣ поддержку всей страны. Были приняты мѣры къ подавленію возстанія, и въ сѣверномъ Шлезвигѣ расположился корпусъ въ 10.000 человѣкъ. Шлезвигъ-голштинская армія, заключавшая въ себѣ около 7.000 человѣкъ, состояла изъ нѣсколькихъ полковъ, отложившихся отъ Даніи, и большого числа волонтеровъ. Двинувшись на сѣверъ, она встрѣтила королевскія войска въ Бовѣ и была обращена въ бѣгство. Два дня спустя датчане заняли городъ Шлезвигъ. Казалось, что датскій король очень быстро возстановитъ здѣсь свою власть; однако обстоятельства скоро приняли другой оборотъ, потому что вопросъ о герцогствѣ пересталъ быть исключительно датскимъ и сдѣлался до нѣкоторой степени европейскимъ.

Прежде всего герцогъ Аугустенборгъ и его сторонники постарались обезпечить себѣ поддержку за границей. Къ франкфуртскому парламенту отправилась депутація, а самъ герцогъ поѣхалъ въ Берлинъ. Делегаты встрѣтили дружескій пріемъ, ихъ требованія были признаны справедливыми, и Пруссіи было поручено поддержать ихъ (12 апрѣля 1848 г.). Впрочемъ, Фридрихъ-Вильгельмъ приступилъ къ дѣлу, не дожидаясь этой просьбы: за нѣсколько дней передъ тѣмъ, 6 апрѣля, безъ предварительнаго объявленія войны Даніи, онъ ввелъ въ герцогства небольшую армію. Другія германскія государства, особенно Ганноверъ, послѣдовали его примѣру, и вскорѣ 10.000-ная армія, составлявшая всѣ датскія силы въ Шлезвигѣ, очутилась лицомъ къ лицу съ противникомъ, превосходившимъ ее количественно въ три раза. Первая битва произошла 23 апрѣля, въ день Пасхи, у воротъ самаго города Шлезвига; датская армія потерпѣла пораженіе и отступила къ Фленсбургу, откуда перешла затѣмъ на островъ Альзенъ, отдѣленный отъ материка только очень узкимъ каналомъ; такимъ образомъ она могла напасть сзади на германскую армію, если бы та двинулась къ Ютландіи. И дѣйствительно, пруссаки пошли къ сѣверу до окрестностей Аргууза, оставивъ напротивъ острова Альзена для наблюденія ганноверскій отрядъ; послѣдній былъ разбитъ въ битвѣ при Дюббелѣ (28 марта 1848 г.). Въ то время, какъ на сушѣ операціи происходили съ перемѣннымъ счастьемъ, на морѣ датчане пользовались значительнымъ успѣхомъ. Вѣрнѣе, имъ даже вовсе не приходилось здѣсь вступать въ борьбу, такъ какъ ни одинъ изъ ихъ противниковъ не имѣлъ военнаго флота, который могъ бы противостать датскому. Пользуясь этимъ своимъ преимуществомъ, они вплотную блокировали порты и совершенно парализовали прусскую торговлю.

Вмѣшательство державъ. Перемиріе въ Мальмо.—Дипломатія также не бездѣйствовала. Инсургенты нашли поддержку въ Германіи, а датчане старались расположить въ свою пользу Европу. Нѣкоторыя государства, главнымъ образомъ Франція и Англія, гарантировали Даніи обладаніе Шлезвигомъ. Но это были очень старыя обязательства. Тѣмъ не менѣе Франція сдѣлала нѣсколько представленій берлинскому двору, а Англія предложила свое посредничество. Швеція, съ своей стороны, была обезпокоена успѣхами Пруссіи и опасностью, грозившей Даніи. Побуждаемая желаніемъ обезпечить собственную безопасность, а также чувствомъ скандинавскаго патріотизма, о которомъ была уже рѣчь и къ которому намъ придется еще вернуться, она сдѣлала въ маѣ мѣсяцѣ энергичныя представленія въ Берлинѣ, заявивъ, что отнюдь не допуститъ

занятія Ютландіи; а чтобы придать больше вѣса своимъ заявленіямъ, она снарядила эскадру и стянула въ одно мѣсто войска. Такъ какъ берлинскій кабинетъ далъ ей неудовлетворительный отвѣтъ, Швеція послала одинъ армейскій корпусъ на островъ Фіонію. Россія также заявила протестъ. Полагая, по собственному выраженію Нессельроде, „что война грозитъ... нанести ударъ всеобщему миру, торговлѣ и интересамъ прибалтійскихъ государствъ", она также сдѣлала представленія въ Берлинѣ и подкрѣпила ихъ посылкой эскадры къ датскимъ берегамъ. Эти энергичныя заявленія естественно склонили прусское правительство къ миру. Переговоры, длившіеся уже нѣсколько мѣсяцевъ, ускорились, и 2 іюля 1848 года въ Мальмо, въ Швеціи, при посредничествѣ Англіи было заключено перемиріе на три мѣсяца. Между прочимъ было условлено, чтобы впредь до заключенія окончательнаго мира управленіе герцогствами было ввѣрено датскимъ и прусскимъ комиссарамъ, которые должны выбрать президента не изъ своей среды съ правомъ рѣшенія при равенствѣ голосовъ. Это перемиріе, хотя и заключенное вполнѣ правильно, не было приведено въ исполненіе. Одновременно съ переговорами въ Мальмо шли переговоры между датскимъ главнымъ штабомъ и прусскимъ главнокомандующимъ Врангелемъ. Послѣдній хотѣлъ внести поправки въ мальмоскія условія и сверхъ того включить въ нихъ параграфъ о предоставленіи ратификаціи договора замѣстителю германскаго императора. Такъ какъ датскій генералъ не согласился на эти требованія, то военныя дѣйствія возобновились 24 іюля, и Данія тотчасъ объявила блокаду всѣхъ прусскихъ портовъ. Въ виду такого энергичнаго образа дѣйствій берлинскій дворъ согласился начать новые переговоры, и 26 августа Пруссія, снабженная полномочіями отъ федеральнаго правительства, подписала, опять въ Мальмо, новое перемиріе, на этотъ разъ заключенное при посредничествѣ Швеціи и поручительствѣ Англіи. Согласно этому акту, заключенному теперь на семь мѣсяцевъ, Шлезвигъ и Голштинія должны были быть эвакуированы нѣмецкими и датскими войсками и затѣмъ управляться комиссарами, назначенными датскимъ и прусскимъ королемъ, какъ было условлено въ іюлѣ мѣсяцѣ.

Возобновленіе военныхъ дѣйствій. Берлинскій миръ.—По заключеніи перемирія переговоры продолжались въ видахъ достиженія окончательнаго мира. Послѣднее было нелегко, такъ какъ желанія спорящихъ сторонъ далеко расходились. Хотя Франкфуртскій сеймъ и вотировалъ ратификацію перемирія, но это не обошлось безъ возраженій, и самое голосованіе вызвало со стороны патріотовъ взрывъ негодованія, свидѣтельствовавшій объ ихъ твердомъ намѣреніи включить герцогства въ составъ той Германіи, о которой они мечтали. Въ Даніи, напротивъ, стремились сохранить полную неприкосновенность монархіи, и министерство, склонившее короля согласиться на нѣкоторыя уступки, касающіяся управленія Шлезвигомъ, было вынуждено подать въ отставку. Сверхъ того, датчане скоро поняли, что для нихъ вовсе невыгодно поддерживать положеніе, созданное мальмоскимъ перемиріемъ, такъ какъ съ ихъ удаленіемъ герцогства были всецѣло предоставлены германскому вліянію. Итакъ, при открытіи сейма, 23 октября 1848 года, министерство, заявивъ о ведущихся переговорахъ, настаивало на необходимости усилить вооруженіе и, дѣйствительно, начались энергичныя приготовленія къ войнѣ. Наконецъ, 21 февраля 1849 года Фридрихъ VII объявилъ, что возобновитъ военныя дѣйствія съ окончаніемъ срока перемирія, т.-е. 26 марта. Къ этому времени Данія имѣла подъ ружьемъ до 33.000 человѣкъ; союзныя войска, посланныя въ герцогства, составляли свыше

60.000 человѣкъ. Несмотря на такое неравенство силъ, военныя дѣйствія шли съ перемѣннымъ счастьемъ. Датчане понесли очень чувствительныя потери. Два корабля изъ ихъ флота слишкомъ приблизились къ непріятельскимъ батареямъ и были уничтожены; одинъ отрядъ былъ снова вынужденъ скрыться на островѣ Альзенъ. Остальное войско отступило къ сѣверу; часть держалась въ крѣпости Фредериція, другая перешла на островъ Фіонію, наконецъ, третья отступила на полуостровъ Гельгенёсъ. Положеніе Даніи въ эту минуту было чрезвычайно критическимъ. Но благодаря превосходству морскихъ силъ, удалось переправить на Фіонію части войскъ, находившіяся на Альзенѣ и Гельгенёсѣ, и собранные такимъ образомъ 20.000 человѣкъ напали 6 іюля 1849 года на шлезвигъ-голштинцевъ, осаждавшихъ Фредерицію, и нанесли имъ полное пораженіе.

Между тѣмъ причины, побудившія Пруссію заключить перемиріе въ Мальмо, все еще оставались налицо; съ другой стороны, настроеніе умовъ въ Германіи, становившееся все болѣе бурнымъ, заставляло ее стремиться къ окончанію распри. Переговоры, начатые уже нѣкоторое время назадъ при посредничествѣ Англіи, вдругъ ускорились и закончились 10 іюля подписаніемъ въ Берлинѣ перемирія и протокола, заключавшаго въ себѣ предварительныя условія мира. Согласно перемирію, нѣмецкія войска должны были очистить Ютландію и сѣверный Шлезвигъ, который будетъ временно охраняться шведо-норвежскими войсками; Шлезвигомъ должна управлять комиссія изъ трехъ членовъ: датчанина, пруссака и англичанина. Протоколъ устанавливалъ принципы конституціи, которая должна быть дана герцогствамъ. Было установлено, что всѣ политическія узы, соединяющія Шлезвигъ съ Голштиніей, должны быть расторгнуты, и этотъ пунктъ могъ считаться выгоднымъ для Даніи, такъ какъ онъ ставилъ предѣлъ вмѣшательству конфедераціи. Но послѣдняя въ широкой мѣрѣ вознаграждалась тѣмъ важнымъ обстоятельствомъ, что Данія соглашалась внести въ договоръ принципы конституціи, которую предполагалось дать Шлезвигу, и обѣщала не принимать на этотъ счетъ никакихъ рѣшеній безъ участія Пруссіи. Этимъ подготовлялся цѣлый рядъ новыхъ затрудненій, которыя и не заставили себя ждать. Едва начались переговоры объ окончательномъ мирѣ, какъ выяснилось, что виды Даніи и Пруссіи касательно будущаго положенія Шлезвига совершенно непримиримы: первая намѣревалась дать ему только автономію, какъ своей провинціи, вторая хотѣла установленія въ немъ порядка, весьма сходнаго съ личной уніей. Переговоры тянулись безъ всякаго результата. Между тѣмъ возникла частная ссора между Пруссіей и союзными государствами, которыя считали интересы конфедераціи нарушенными въ берлинскихъ договорахъ. Въ то же время нейтральныя державы высказывали все большую и большую готовность къ вмѣшательству; ихъ представители собрались въ Лондонѣ, чтобы заняться дѣлами Даніи, которой Россія, повидимому, хотѣла оказать энергичную поддержку. При такихъ обстоятельствахъ Пруссія предпочла въ интересахъ будущаго временно ограничить свои притязанія, и поэтому заключенный 2 іюля 1850 года въ Берлинѣ договоръ сводился лишь къ возстановленію мира, оставляя неразрѣшенными всѣ спорные вопросы.

Подавленіе возстанія въ герцогствахъ.— Берлинскій договоръ положилъ конецъ вмѣшательству Германіи въ дѣла герцогствъ, но этимъ миръ еще не былъ возстановленъ: оставались инсургенты, тѣ самые, требованія которыхъ поддерживала Германія. Эти требованія также оставались налицо: за Даніей было теперь упрочено право чинить свою волю въ Шлезвигѣ и требовать вмѣшательства нѣмецкихъ федеральныхъ властей для водворенія порядка въ Голштиніи. Итакъ

началась новая кампанія. Датская армія одержала полную побѣду при Истедѣ (25 іюля) и во всемъ Шлезвигѣ была возстановлена власть датскаго короля. Затѣмъ датскій король обратился къ сейму; Австрія, со времени Ольмюца занимавшая въ Германіи первенствующее положеніе, взяла дѣло въ свои руки. Ея войска, подкрѣпленныя прусскими корпусами, составлявшими резервъ, заняли Голштинію. Голштинское правительство было упразднено и власть временно довѣрена тремъ комиссарамъ: датскому, австрійскому и прусскому (январь 1851). Оставалось уладить двоякаго рода вопросы: тянувшіяся такъ долго затрудненія были созданы запутаннымъ и своеобразнымъ положеніемъ герцогствъ, а также невозможностью для датскаго короля смотрѣть на нихъ, какъ на органическую часть своего королевства; итакъ, нужно было точно установить на будущее время ихъ конституціонное положеніе. Кромѣ того, Фридрихъ VII не имѣлъ прямого наслѣдника, и, хотя ему было только сорокъ два года, нельзя было разсчитывать, что онъ будетъ его когда-нибудь имѣть, потому что онъ только что вступилъ въ морганатическій бракъ. Спрашивалось: законъ о престолонаслѣдіи, въ случаѣ прекращенія прямой нисходящей линіи, былъ ли одинаковымъ для королевства и для герцогствъ? Это былъ, какъ извѣстно, спорный вопросъ, явившійся какъ разъ главнымъ предметомъ требованій герцога Аугустенборга. Во избѣжаніе новыхъ осложненій было рѣшено тотчасъ выбрать наслѣдника для всѣхъ частей монархіи.

Однако необходимо было, чтобы этотъ наслѣдникъ былъ признанъ Европой. Съ другой стороны, датскій король не могъ рѣшать конституціонные вопросы своей единоличной властью. Голштинія была членомъ германской конфедераціи, поэтому являлась необходимость считаться со взглядами послѣдней; активное вмѣшательство Пруссіи и Австріи и принятыя предъ ними обязательства дѣлали неизбѣжнымъ соглашеніе съ ними; наконецъ, различныя державы, принимавшія болѣе или менѣе активное участіе въ конфликтѣ, не могли теперь оставаться индифферентными къ окончательному его разрѣшенію; и дѣйствительно, на конференціи, состоявшейся въ Лондонѣ 2 августа 1850 года, уполномоченные Великобританіи, Франціи, Россіи и Швеціи - Норвегіи выработали ноту, къ которой примкнула Австрія и которая, признавая принципъ сохраненія неприкосновенности датской монархіи, принимала къ свѣдѣнію желаніе датскаго короля установить новый порядокъ престолонаслѣдія. Итакъ начались переговоры для улаженія двоякаго рода вопросовъ: 1) о престолонаслѣдіи и 2) о конституціонныхъ правахъ герцогствъ въ примѣненіи къ принципамъ, положеннымъ въ основу Берлинскаго договора.

Законъ о престолонаслѣдіи.—Наслѣдникомъ Фридриха VII былъ выбранъ принцъ Христіанъ Глюксбургскій, соединявшій въ своемъ лицѣ различныя права. Самъ онъ по мужской линіи происходилъ отъ Христіана III и былъ женатъ на дочери Луизы-Шарлотты, сестры Христіана VIII, бывшей замужемъ за ландграфомъ гессенскимъ. Согласно же закону, допускавшему для королевства наслѣдованіе по женской линіи, наслѣдникомъ короны долженъ былъ быть сынъ этой самой Луизы-Шарлотты; съ согласія всей королевской семьи, онъ передалъ всѣ свои права своему шурину. Русскій императоръ, въ качествѣ Ольденбургскаго герцога, имѣлъ нѣкоторыя законныя права, по крайней мѣрѣ, на извѣстныя части Голштиніи; и вотъ другимъ актомъ онъ также отказался отъ нихъ въ пользу принца Христіана. Всѣ эти соглашенія были затѣмъ торжественно подтверждены и гарантированы договоромъ, подписаннымъ въ Лондонѣ пятью великими державами и Швеціей и Норвегіей 8 мая 1852 года. Къ этому акту примкнули и нѣкоторыя другія государства, именно

Ганноверъ и Саксонія, но характерно, что не примкнула германская конфедерація. Наконецъ герцогъ Аугустенборгъ, который также былъ потомкомъ Фридриха III и права котораго, какъ потомка по прямой мужской линіи, имѣли первенство передъ правами принца Глюксбургскаго, былъ принужденъ вступить въ соглашеніе съ датскимъ королемъ. У него были куплены за 6.000.000 кронъ всѣ помѣстья, которыми онъ владѣлъ въ Даніи, взамѣнъ чего онъ подписалъ 30 декабря 1852 года актъ, которымъ обязался не возбуждать болѣе волненій и признавалъ порядокъ престолонаслѣдія. Новый законъ о престолонаслѣдіи былъ обнародованъ въ 1853 году.

Осуществленіе Берлинскаго договора. — Рѣшеніе вопроса о конституціонномъ положеніи герцогствъ представляло не малыя трудности въ виду указанной выше запутанности ихъ правового положенія. Кромѣ того, нужно было согласовать законное желаніе Даніи прочно утвердить въ нихъ свою власть со стремленіями пангерманизма и щепетильностью нѣмецкихъ державъ. Но и это было еще не все: хотя датская конституція 5 іюня 1849 года была очень либеральна, Пруссія и Австрія, поддерживаемыя въ этомъ пунктѣ Россіей, относились къ ней очень неодобрительно и были противъ ея введенія въ какой бы то ни было части герцогствъ. Сначала датскій король хотѣлъ включить Шлезвигъ всецѣло въ составъ монархіи, согласно выработавшейся на политическомъ жаргонѣ формулѣ „королевство до Эйдера" (Eiderstat). Но такъ какъ эта формула не была одобрена, именно по упомянутымъ уже нами причинамъ, то Данія мало-по-малу отказалась отъ нея и принуждена была допустить принципъ „составного государства". Именно, Шлезвигъ теряетъ всѣ связи съ Голштиніей, но вмѣстѣ съ тѣмъ отнюдь не включается въ составъ королевства: оба герцогства, оставаясь въ извѣстныхъ отношеніяхъ раздѣленными, будутъ связаны съ нимъ одной общей конституціей. Эта доктрина была развита въ королевскомъ манифестѣ 28 января 1852 года, возвѣщавшемъ предстоящую выработку общей конституціи. Австрія и Пруссія признали себя удовлетворенными; сеймъ одобрилъ ихъ поведеніе и заявилъ, что по отношенію къ Голштиніи и Лауэнбургу манифестъ 28 января не содержитъ въ себѣ ничего противорѣчащаго федеральной конституціи (іюль 1852). Итакъ, герцогства были окончательно очищены отъ нѣмецкихъ войскъ (февраль 1852 г.).

„Общая конституція" 1855 года. — Тѣмъ не менѣе осуществленіе принциповъ, провозглашенныхъ манифестомъ 28 января, представило серьезныя затрудненія. Приходилось не только считаться съ непримиримостью стремленій общества въ герцогствахъ и королевствѣ, но самая процедура введенія этихъ принциповъ въ жизнь оказывалась затруднительной и сложной. Прежде чѣмъ даровать общую конституцію всей монархіи, разумѣется, необходимо было дать каждой изъ ея частей отдѣльную конституцію въ духѣ предполагаемой общей конституціи, а для этого надо было пересмотрѣть конституцію 5 іюня 1849 года въ видахъ приспособленія ея только для королевства и издать необходимые законы для каждаго изъ герцогствъ. Король представилъ соотвѣтствующіе проекты на обсужденіе штатовъ Шлезвига и Голштиніи. Тѣ и другіе, особенно послѣдніе, высказали очень рѣзкія возраженія, но такъ какъ они располагали только правомъ совѣщательнаго голоса, то король пренебрегъ ихъ оппозиціей: въ Шлезвигѣ была объявлена конституція 15 февраля 1854 г., въ Голштиніи—11 іюня. Главной отличительной чертой этихъ конституцій было дарованіе провинціальнымъ штатамъ совѣщательнаго голоса при обсужденіи мѣстныхъ дѣлъ.

Въ самой Даніи дѣла шли не такъ

гладко. Конституція 5 іюня гарантировала сейму широкія права, и большинство депутатовъ были недовольны тѣмъ способомъ, какимъ былъ рѣшенъ вопросъ о герцогствахъ, между прочимъ и закономъ о престолонаслѣдіи. Въ это время оппозиція еще болѣе обострилась подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ происшествій, связанныхъ съ внутренней политикой короля. Бывшее въ то время у дѣлъ министерство совершенно не пользовалось симпатіями парламента; король распустилъ парламентъ, но въ то же время составилъ новое ультра-консервативное министерство, чтобы ограничить народныя права. Отсюда возникъ острый конфликтъ, благодаря которому Фридрихъ VII даже утратилъ временно свою популярность. Въ разгарѣ этого кризиса декретомъ отъ 26 іюля 1854 г. была объявлена общая конституція, которая однако не могла быть тотчасъ и вполнѣ примѣнена къ жизни, такъ какъ отъ датскаго сейма еще не удалось получить нѣкоторые необходимые вотумы. Добившись новыми выборами только усиленія оппозиціи, король измѣнилъ политику и составилъ болѣе либеральное министерство; сеймъ тотчасъ оказался сговорчивымъ и вотировалъ предложенныя ему мѣропріятія, такъ что общая конституція была, наконецъ, законно обнародована 2 октября 1855 года. Она весьма существенно отличалась отъ гораздо менѣе либеральной конституціи, объявленной въ предшествовавшемъ году; она учреждала общій сеймъ для различныхъ частей монархіи, предоставляя ему довольно широкія права.

Конституція 1855 года не принесла умиротворенія. Въ первую же сессію общаго сейма одиннадцать депутатовъ отъ герцогствъ заявили протестъ противъ подчиненнаго положенія, въ которое были поставлены послѣднія. Пруссія и Австрія тотчасъ же дипломатически поддержали эти требованія, а вскорѣ затѣмъ вмѣшался и Франкфуртскій сеймъ по ходатайству протестовавшихъ депутатовъ и заявилъ, что въ той части, которая касается Голштиніи и Лауэнбурга, общая конституція 1855 года противорѣчитъ основамъ федеральнаго государственнаго права. Такимъ образомъ, кризисъ возобновился. Англія пыталась выступить посредницей и предлагала передать вопросъ на разсмотрѣніе конференціи; но этотъ планъ разбился о поведеніе Пруссіи, заявившей, что все это дѣло — чисто нѣмецкое (1861). Будучи предоставлена собственнымъ силамъ, Данія пошла на уступки. Въ 1858 году конституція 1855 года была особымъ декретомъ отмѣнена для Голштиніи и Лауэнбурга. Затѣмъ депутатамъ отъ этихъ провинцій былъ представленъ рядъ новыхъ проектовъ, и въ то же время начаты крайне смутные переговоры съ Франкфуртскимъ сеймомъ, гдѣ снова начали поговаривать о вооруженномъ вмѣшательствѣ федеральной власти (1859 — 1860). Между тѣмъ нѣмецкія державы старались раздвинуть рамки спора и поднять вопросъ о положеніи Шлезвига, хотя послѣдній и не входилъ въ составъ конфедераціи. Тѣмъ временемъ датчане, сознавъ неудобства общей конституціи, рѣшили измѣнить ее. Манифестъ отъ 30 марта 1863 года, порывая съ теоріей „составного государства“, объявилъ расторгнутыми всѣ конституціонныя узы между Голштиніей и остальной монархіей, и на почвѣ этихъ принциповъ 13 ноября общимъ сеймомъ была вотирована новая конституція: не провозглашая полнаго включенія Шлезвига въ составъ монархіи, она возстановляла въ силѣ идею „королевства до Эйдера“. Но именно этого не хотѣли допустить нѣмецкія державы. Сеймъ опротестовалъ манифестъ 13 марта, потребовалъ возстановленія старой связи между Шлезвигомъ и Голштиніей (9 іюля) и 1 октября предложилъ Даніи покориться подъ страхомъ вооруженнаго вмѣшательства со стороны конфедераціи. Какъ разъ въ

это время умеръ король Фридрихъ VII (15 ноября 1863).

Христіанъ IX. Вторая война изъ-за герцогствъ.—Вступленіе на престолъ принца Глюксбургскаго подъ именемъ Христіана IX вызвало лишь новыя осложненія. Конституціонный вопросъ оставался попрежнему неразрѣшимымъ, а теперь къ нему прибавилась еще другая распря. Герцогъ Аугустенборгъ, лично отрекшійся отъ своихъ правъ, передалъ ихъ своему сыну, который тотчасъ же и воспользовался ими, возвѣстивъ населенію герцогствъ и федеральному сейму свое воцареніе подъ именемъ Фридриха VIII. Сеймъ, никогда не признававшій Лондонскаго договора, рѣшилъ поддерживать его, отказался допустить въ свою среду делегата Христіана IX и, наконецъ, рѣшилъ занять военной силою Голштинію. Въ то же время Пруссія и Австрія, при участіи которыхъ были въ 1851 и 52 гг. улажены конституціонныя трудности и предъ которыми Данія приняла на себя въ этомъ отношеніи извѣстныя обязательства, заявили, что она не исполнила этихъ обязательствъ, и обнаружили склонность самимъ вмѣшаться, несмотря на оппозицію большей части членовъ конфедераціи, въ которыхъ этотъ ихъ шагъ возбуждалъ ревность. Австрія и Пруссія обратились съ ультиматумомъ къ Даніи, предлагая ей отмѣнить конституцію отъ 13 ноября 1863 года для Шлезвига, что̀ снова отдѣлило бы Шлезвигъ отъ королевства (январь 1864 г.), Признавъ полученный отвѣтъ неудовлетворительнымъ, онѣ двинули войска. Такимъ образомъ, въ этотъ моментъ въ Даніи осуществлялись два нѣмецкихъ военныхъ вмѣшательства, розныхъ, но параллельныхъ: саксонскія и ганноверскія войска заняли Голштинію отъ имени конфедераціи, а австро-прусская армія шла черезъ Голштинію, чтобы вторгнуться въ Шлезвигъ.

Исходъ этой войны не могъ быть сомнительнымъ. По причинамъ, обусловленнымъ ихъ частной политикой (см. объ этомъ соотвѣтствующія главы), ни одна изъ европейскихъ державъ не была склонна оказать Даніи дѣятельную помощь; активную, но безуспѣшную попытку въ этомъ направленіи сдѣлалъ только шведскій король,—о ней будетъ рѣчь ниже. А собственныя силы Христіана IX были слишкомъ незначительны, чтобы онъ могъ долго противиться соединеннымъ силамъ Пруссіи и Австріи. Военныя дѣйствія начались 1 февраля 1864 года. Нѣсколько дней спустя датчане были вынуждены почти безъ боя очистить позиціи у Данневирке; въ мартѣ главная часть ихъ арміи была отброшена на островъ Альзенъ, одновременно непріятель вторгся въ Ютландію, и 9 марта пришлось заключить перемиріе. Еще за нѣсколько недѣль до этого державы, подписавшія Лондонскій договоръ, и съ ними германскій сеймъ открыли переговоры въ надеждѣ какъ-нибудь наконецъ рѣшить окончательно вопросъ о герцогствахъ; но переговоры только обнаружили полную непримиримость взглядовъ. Англія предлагала отдѣлить отъ Даніи Голштинію и южные округа Шлезвига, тогда какъ сеймъ, Пруссія и Австрія рѣшительно противились дробленію Шлезвига, хотя и сами отнюдь не были солидарны, потому что сеймъ попрежнему стоялъ за герцога Аугустенборга и требовалъ для него Голштиніи и Шлезвига цѣликомъ, Пруссія же и Австрія, враждебно настроенныя противъ герцога, хотѣли снова связать оба герцогства нерасторжимыми узами и затѣмъ прикрѣпить ихъ къ датскому королевству путемъ личной уніи. Наконецъ, Данія еще не могла рѣшиться принять слишкомъ строгія условія. Итакъ, въ концѣ іюня военныя дѣйствія возобновились. Въ серединѣ іюля австро-прусскія войска дошли до Скагена, и 1 августа сломленная въ конецъ Данія заключила въ Вѣнѣ прелиминарный миръ, подтвержденный договоромъ 30 октября 1864 года; по

смыслу этихъ актовъ датскій король ясно и категорически отказывался въ пользу Пруссіи и Австріи отъ всякихъ суверенныхъ правъ надъ герцогствами Шлезвигомъ, Голштиніей и Лауэнбургомъ. Вопросъ о герцогствахъ, насколько онъ касался Даніи, былъ рѣшенъ окончательно.

Потеря герцогствъ вызвала въ самой Даніи новыя конституціонныя трудности. Въ дѣйствіи были два основныхъ закона: общая конституція 13 ноября 1863 г. и конституція 5 іюня 1849 г. Теперь, безъ герцогствъ, довольно было одного; но недостаточно было рѣшить, что общая конституція отмѣнена, потому что многія ея статьи были необходимы: въ моментъ введенія въ дѣйствіе первой общей конституціи 1855 года были зачеркнуты въ законѣ 1849 года цѣлыя группы постановленій. Такимъ образомъ, настойчиво требовался общій пересмотръ конституціи. Онъ и былъ произведенъ, хотя медленно, подъ шумъ парламентскихъ преній, и новый основной законъ былъ обнародованъ лишь 28 іюля 1866 г.

II.—Швеція и Норвегія.

Оскаръ I.—Царствованіе Карла-Іоанна ознаменовалось какъ въ Швеціи, такъ и въ Норвегіи значительнымъ прогрессомъ[1]), который продолжался и въ правленіе его сына Оскара, наслѣдовавшаго ему въ 1844 году. Благодаря удачнымъ законодательнымъ мѣропріятіямъ, торговля и промышленность развивались безостановочно. Почти всѣ отрасли внутренняго управленія—народное образованіе, финансы, церковныя дѣла—были послѣдовательно улучшены. Особенно удачно были преобразованы уголовное законодательство и тюремное дѣло, такъ какъ новый государь лично крайне интересовался пенитенціарнымъ вопросомъ, о которомъ онъ написалъ сочиненіе. И такъ какъ починъ большинства этихъ мѣропріятій исходилъ не отъ сеймовъ, то получался рѣзкій контрастъ между энергичной преобразовательной дѣятельностью настоящаго правительства и послѣдними годами предыдущаго царствованія, когда Карлъ-Іоаннъ всячески старался избѣгать какихъ бы то ни было перемѣнъ. Однако, заботясь объ улучшеніи внутренняго состоянія своихъ королевствъ, новый король оставался вѣренъ отцовской традиціи. Но въ другомъ отношеніи онъ совершенно уклонился отъ нея.

Несмотря на то, что Оскару при его вступленіи на престолъ было сорокъ пять лѣтъ, онъ игралъ до тѣхъ поръ ничтожную роль. Исключая рѣдкихъ случаевъ, отецъ систематически устранялъ его отъ государственныхъ дѣлъ, относясь къ нему, особенно подъ конецъ жизни, съ полнымъ недовѣріемъ. Зато наслѣдникъ престола пользовался значительной популярностью среди оппозиціонныхъ партій, которыя восторженно привѣтствовали его воцареніе. Въ сущности обѣ эти оцѣнки были равно преувеличены. Безспорно, Оскаръ I былъ либеральнѣе своего отца, но и его либерализмъ былъ весьма умѣренъ, а, главное, его политическія идеи были блѣдны, неопредѣленны, зыбки. Незначительныя событія могли вызвать почти полный поворотъ въ его мысляхъ; и дѣйствительно, его царствованіе дѣлится на два періода, проникнутые почти противоположными тенденціями. Вступивъ на престолъ при горячихъ привѣтствіяхъ либераловъ, онъ вначалѣ былъ либераленъ; этому свидѣтельствомъ могутъ служить нѣкоторыя изъ упомянутыхъ сейчасъ законодательныхъ мѣръ. По его же почину были отмѣнены и нѣкоторыя политическія мѣропріятія, которымъ его отецъ всегда придавалъ большое значеніе,—напримѣръ, законъ 1812 года, воспрещавшій всякія сношенія съ членами низвергнутой въ 1809 году династіи, и тѣ пункты устава о печати, которые давали возможность произвольно закрывать газеты. Впрочемъ, намѣренія новаго короля ясно обнару-

[1]) См. т. IV, стр. 82.

жились въ первые же дни по его вступленіи на престолъ: большинство министровъ Карла-Іоанна получили отставку и были замѣнены умѣренными либералами.

Но затѣмъ наступили событія 1848 г. Общее состояніе Швеціи и Норвегіи и широта политической свободы, которою они пользовались, казалось, должны были избавить ихъ отъ насильственныхъ переворотовъ, какимъ подверглись въ эту эпоху многія европейскія государства. Между тѣмъ событія, разыгравшіяся во Франціи и Германіи, отразились и здѣсь, именно въ Стокгольмѣ, гдѣ произошло даже, 18—20 марта, нѣсколько кровавыхъ столкновеній на улицахъ. Вслѣдствіе этого король сблизился съ консерваторами и призвалъ къ власти новое министерство, въ которое вошли люди самыхъ разнообразныхъ убѣжденій. За либеральной бурей 1848 года въ большинствѣ европейскихъ государствъ послѣдовала рѣзкая реакція; то же было и въ Швеціи, хотя здѣсь реакція ничѣмъ не оправдывалась. Король снова и глубоко измѣнилъ составъ своего совѣта, гдѣ консерваторы оказались теперь въ большинствѣ (1852). Съ этой минуты правительство держалось направленія прямо противоположнаго тому, которому оно слѣдовало въ началѣ царствованія. Такимъ образомъ уже эти измѣненія въ личномъ составѣ достаточно характеризуютъ послѣдовательныя перемѣны во взглядахъ Оскара I, но еще яснѣе послѣднія выступаютъ при изученіи проектированныхъ конституціонныхъ реформъ.

Конституціонные вопросы. — Несмотря на противодѣйствіе Карла-Іоанна, при немъ все-таки были внесены кое-какія поправки въ основной законъ 1809 года. Кромѣ того, тотчасъ послѣ его смерти, въ 1844 году, вліяніе государственныхъ штатовъ было косвенно усилено, такъ какъ изданъ былъ законъ, въ силу котораго сеймъ долженъ былъ отнынѣ созываться каждые три года. Но эти частичныя реформы не могли удовлетворить либераловъ. Послѣдніе добивались ни болѣе, ни менѣе, какъ радикальнаго измѣненія системы народнаго представительства, и почти уже четверть вѣка время отъ времени настойчиво представляли проекты, во многомъ различные, но преслѣдовавшіе болѣе или менѣе прямо всѣ одну и ту же цѣль: дать Швеціи парламентъ, сходный съ парламентами другихъ конституціонныхъ странъ. Ни одинъ изъ этихъ проектовъ не былъ принятъ; но послѣдній сеймъ Карла-Іоанна принялъ къ соображенію одинъ подобный проектъ, такъ что первому сейму Оскара I (1844—45) пришлось его обсуждать. Пренія, вызванныя имъ, ясно показали, какую перетасовку партій произвело вступленіе на престолъ Оскара I. Такъ какъ всѣ были убѣждены, что въ случаѣ принятія проекта королевская санкція послѣдуетъ немедленно, то консерваторы, ставшіе теперь оппозиціей, удвоили свои усилія. Въ концѣ-концовъ они и одержали верхъ, такъ какъ реформа, принятая горожанами и крестьянами, была отвергнута дворянствомъ и духовенствомъ.

Во время этихъ преній правительство, быть можетъ, до извѣстной степени обманывая надежды либераловъ, соблюдало строжайшій нейтралитетъ. Во всякомъ случаѣ, оно обнаруживало готовность дать мѣсто реформамъ, которыхъ требовали такъ настойчиво. Одинъ изъ членовъ совѣта оффиціально заявилъ на сеймѣ, что улучшеніе системы представительства настоятельно необходимо; когда затѣмъ штаты обратились къ королю съ просьбою о томъ, чтобы онъ ознакомился съ вопросомъ и взялъ на себя починъ законодательнаго предложенія, была назначена для этого спеціальная комиссія (1846) и выработанный ею проектъ былъ представленъ слѣдующему сейму (1847), но не въ формѣ королевскаго предложенія. По этому проекту представительство по чинамъ упразднялось и сеймъ замѣнялся парламентомъ изъ двухъ палатъ, члены

которыхъ должны были выбираться по сложной цензитарной системѣ; въ ихъ число никто не могъ входить по праву, но коронѣ предоставлялось назначать пожизненно часть членовъ верхней палаты. Этотъ проектъ вызвалъ почти всеобщее недовольство: консерваторамъ былъ ненавистенъ самый принципъ этой реформы, а многимъ либераламъ она казалась слишкомъ робкой. Радикалы, обманутые въ своихъ надеждахъ, даже разозлились на правительство и открыли противъ него яростную кампанію. Среди такихъ-то обстоятельствъ разыгрались событія 1848 года, еще усилившія возбужденіе. Король, перемѣнивъ въ это время, какъ мы видѣли, министерство, воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы прямо вмѣшаться, и 1 мая 1848 года сейму былъ представленъ выработанный по его приказанію проектъ. Послѣдній былъ гораздо болѣе либераленъ, нежели проектъ комиссіи 1846 года: общія его основанія были въ сущности тѣ же, но условія избирательнаго права и избираемости были измѣнены и, главное, корона отказалась отъ права назначать членовъ верхней палаты. Передовымъ либераламъ эти уступки казались недостаточными; тѣмъ не менѣе проектъ былъ принятъ къ обсужденію и внесенъ въ программу занятій слѣдующаго сейма.

Послѣдній собрался въ концѣ 1850 г. Отмѣченная нами эволюція во взглядахъ Оскара I почти закончилась, и ни для кого не было тайной, что корона относилась теперь почти совершенно безучастно къ своему собственному проекту; съ другой стороны, консерваторы не одобряли его и передовые либералы также критиковали его, находя его недостаточнымъ. При такихъ условіяхъ исходъ дебатовъ былъ заранѣе очевиденъ: проектъ провалился. Закрывая сеймъ 4 сентября 1851 года, король въ своей рѣчи заявилъ, что намѣренъ не представлять никакого другого проекта, и онъ сдержалъ свое слово. Въ сеймъ поступило нѣсколько частныхъ предложеній, но ни одно изъ нихъ не было принято, такъ что рѣшеніе конституціоннаго вопроса отсрочилось до слѣдующаго царствованія.

Послѣдніе годы царствованія Оскара I были отмѣчены въ области внутренней политики лишь нѣкоторыми административными и финансовыми реформами. Впрочемъ, король скоро тяжело заболѣлъ, и съ осени 1857 года обязанности регента были возложены на наслѣднаго принца, который по смерти своего отца, послѣдовавшей 8 іюля 1859 года, вступилъ на престолъ подъ именемъ Карла XV.

Иностранная политика Оскара I.—Когда возникъ въ 1848 году конфликтъ между Даніей и нѣмецкими державами, въ Норвегіи и Швеціи распространилось сильное волненіе. Мы уже говорили о скандинавизмѣ, этомъ чувствѣ солидарности между тремя сѣверными народами, которое развивалось безпрерывно, несмотря на непріязненное отношеніе со стороны правительства Карла-Іоанна. Опасность, грозившая Даніи, дала этому чувству случай обнаружиться: множество добровольцевъ отправилось изъ Швеціи и Норвегіи, чтобы вступить въ датскую армію. Вмѣшалось и само правительство. Подстрекаемое общественнымъ мнѣніемъ и руководимое столько же чувствомъ, сколько заботою о собственной безопасности, оно рѣшилось предпринять тѣ шаги, о которыхъ выше была рѣчь.

Вскорѣ затѣмъ для Швеціи и Норвегіи возникла опасность столкновенія съ Россіей. Нѣкоторыя группы норвежскихъ лапландцевъ издавна имѣли обыкновеніе зимовать на русской территоріи; теперь русское правительство вдругъ потребовало вознагражденія, именно права для финляндскихъ лапландцевъ ловить рыбу въ норвежскихъ водахъ и даже уступки имъ для поселенія участка земли. Эти притязанія, противорѣчившія договору о границахъ 1826 г., были, кромѣ того, и

подозрительны, такъ какъ указывали, повидимому, на желаніе Россіи подвинуться къ западу съ цѣлью утвердиться на норвежскихъ фіордахъ, которыхъ ледъ никогда не запираетъ. Въ виду этого шведско-норвежское правительство отвѣчало отказомъ, и такъ какъ въ это время вспыхнула Крымская война, то оно рѣшило искать себѣ поддержки въ сближеніи съ союзными державами. Послѣднія, съ своей стороны, разочли, что содѣйствіе Швеціи облегчитъ имъ нападеніе на Финляндію. Такимъ образомъ сближеніе состоялось безъ труда, и результатомъ его явился договоръ 15 ноября 1855 года, гарантировавшій территоріальную цѣлость Швеціи и Норвегіи взамѣнъ ихъ содѣйствія противъ Россіи. Но до наступленія условленнаго срока военныя дѣйствія были пріостановлены, а потомъ заключенъ и миръ.

Карлъ XV. Его иностранная политика.—Вскорѣ по восшествіи на престолъ Карла XV Швеціи опять стали грозить внѣшнія осложненія. Варшавскія событія сильно взволновали общественное мнѣніе, и сейму были представлены два заявленія, приглашавшія правительство поднять голосъ за возстановленіе польскаго королевства. Подобныя манифестаціи, конечно, могли вовлечь Швецію въ серьезныя осложненія, которыхъ удалось избѣгнуть лишь благодаря выдержкѣ министровъ и короля. Однако вскорѣ послѣдній выказалъ большую отвагу. Карлъ XV былъ связанъ узами личной дружбы съ Фридрихомъ VII датскимъ. Карлъ отличался рыцарскимъ характеромъ, былъ пропитанъ скандинавизмомъ и мечталъ о томъ, чтобы возможно тѣснѣе связать другъ съ другомъ сѣверныя королевства. Поэтому онъ изъявилъ полную готовность поддержать Данію въ вопросѣ о герцогствахъ, съ тѣмъ, чтобы опезпечить ей мирное обладаніе всѣми землями, которыя населены датчанами. Лѣтомъ 1863 года между обоими королями состоялось нѣсколько свиданій, результатомъ которыхъ былъ договоръ, обсужденный и заключенный непосредственно обоими государями и устанавливавшій между ними оборонительный союзъ, причемъ Даніи гарантировалась граница по Эйдеру. Вскорѣ затѣмъ Фридрихъ VII умеръ, и Данія была вовлечена въ кризисъ, описанный выше. Швеція очутилась въ щекотливомъ положеніи. Въ виду извѣстныхъ шаговъ, предпринятыхъ Даніей для улаженія конституціоннаго вопроса, договоръ, строго говоря, могъ считаться уже недѣйствительнымъ. Тѣмъ не менѣе Карлъ XV, не считая себя свободнымъ отъ даннаго слова, желалъ вмѣшаться вооруженной рукой. И въ этомъ онъ былъ солидаренъ съ доброй частью норвежскаго общества: газеты настаивали на необходимости защитить Данію, и, какъ въ 1848 году, добровольцы массами вступали въ датское войско. Напротивъ, министерство, не участвовавшее въ заключеніи договора, полагало не безъ основанія, что было бы безуміемъ, если бы Швеція и Норвегія однѣ вмѣшались и что такъ какъ, повидимому, ни одна держава не намѣрена примкнуть къ нимъ, то всего лучше воздержаться. Въ концѣ-концовъ король далъ себя убѣдить. Тѣмъ не менѣе онъ не отказался отъ проекта, который ему полюбился, и еще во время войны предложилъ Христіану IX новый договоръ, который долженъ былъ связать всѣ три скандинавскихъ королевства своего рода военно-дипломатической уніей, но изъ котораго должна была быть исключена бо́льшая часть герцогствъ; послѣдняя оговорка и побудила датское правительство отвѣчать отказомъ.

Конституціонная реформа.—Образъ дѣйствій Карла XV въ его отношеніяхъ къ Даніи даетъ довольно точное представленіе о его характерѣ и политическихъ пріемахъ. Онъ дѣятельно занимался государственными дѣлами, не боялся смѣлыхъ начинаній и, въ противоположность своему отцу, имѣлъ ясныя и твердыя

убѣжденія, которымъ слѣдовалъ однако безъ чрезмѣрнаго упрямства. Его главнымъ стремленіемъ было править безусловно корректно, въ строгомъ согласіи со всѣми началами парламентскаго строя. Этимъ часто объясняется значительное вліяніе, которое имѣли на него министры: отсюда же его постоянная забота при выборѣ министровъ сообразоваться съ законными желаніями страны и ея представителей. Уже это одно должно было обезпечить Карлу XV симпатіи его шведскихъ подданныхъ, и таково же было все, что знали о его характерѣ и личности: неудивительно, что онъ вскорѣ пріобрѣлъ большую популярность. Въ выборѣ министровъ онъ былъ необыкновенно счастливъ. Онъ удержалъ при себѣ самаго выдающагося изъ совѣтниковъ своего отца, Грипенстедта, а остальныхъ замѣнилъ другими лицами, между которыми былъ одинъ недюжинный человѣкъ—баронъ Де Гееръ. Его министры были не просто способными людьми: они пользовались и довѣріемъ страны. А такъ какъ и государь внушалъ къ себѣ не меньшее довѣріе, то правительство Карла XV находилось въ исключительно благопріятномъ положеніи, почему и сумѣло довести до благополучнаго конца то щекотливое дѣло, которое до сихъ поръ неизмѣнно срывалось.

Конституціонная реформа, нѣсколько отодвинувшаяся на задній планъ въ послѣдніе годы царствованія Оскара I, теперь снова была поставлена на очередь. Въ странѣ было организовано широкое общественное движеніе, и въ началѣ 1862 года къ королю поступилъ рядъ петицій, приблизительно за 40.000 подписями, съ просьбою предложить новый проектъ. Карлъ XV, слѣдуя мудрымъ совѣтамъ Де Геера, охотно пошелъ навстрѣчу этому желанію; сейму, собравшемуся осенью этого же года, былъ представленъ оффиціальный законопроектъ, выработанный тѣмъ же Де Гееромъ. Согласно этому проекту представительство по чинамъ упразднялось и учреждались двѣ палаты, изъ которыхъ члены первой назначаются мѣстными собраніями, а второй—непосредственно избирателями, удовлетворяющими извѣстнымъ цензовымъ условіямъ. Этотъ проектъ, встрѣченный весьма сочувственно, былъ принятъ къ соображенію сеймомъ 1862—1863 года и окончательно утвержденъ слѣдующимъ сеймомъ; послѣднее голосованіе дворянской куріи состоялось 7 декабря 1865 года. Старая представительная система, бережно хранимая Швеціей въ теченіе вѣковъ, отошла въ прошлое, и благодаря ловкости ея правителей въ данный моментъ, и особенно Де Геера, это глубокое преобразованіе совершилось безъ трудностей и потрясеній.

Послѣдніе годы царствованія Карла XV не были отмѣчены никакими важными политическими событіями. Различныя попытки усовершенствовать военную систему страны не могли увѣнчаться успѣхомъ по причинѣ парламентской оппозиціи. Однимъ изъ послѣдствій реформы 1865 года было то, что мелкіе землевладѣльцы получили преобладаніе въ нижней палатѣ, а они, наряду съ достоинствами крестьянъ, отличались ихъ обычными недостатками: извѣстной узостью политическаго кругозора и часто чрезмѣрной бережливостью, имѣвшей цѣлью какъ можно больше облегчить налоговое бремя, падавшее на землю. Естественно, что эта аграрная партія очень скоро обнаружила большую независимость по отношенію къ правительству; съ другой стороны, противники реформы 1865 года не могли простить ему, что оно провело эту реформу. Эти разнородные оппозиціонные элементы заставили послѣдовательно нѣсколькихъ членовъ совѣта выйти въ отставку, и послѣдніе годы царствованія были омрачены политическими осложненіями, не слишкомъ серьезными, но все же болѣзненно отзывавшимися на коро-

лѣ,—и тѣмъ болѣзненнѣе, что онъ по справедливости считалъ ихъ незаслуженными.

Карлъ XV умеръ въ Мальмо 18 сентября 1872 года, оставивъ корону своему брату Оскару II.

Норвежскій вопросъ при Оскарѣ I и Карлѣ XV.—Собственно норвежская исторія не ознаменовалась въ эпоху Оскара I и Карла XV никакими выдающимися событіями. Отношенія съ Швеціей почти все время отодвигали на задній планъ внутреннюю политику, а въ ходѣ этихъ отношеній перемѣны на престолѣ не проводили рѣзкихъ демаркаціонныхъ линій. То положеніе дѣлъ, которое мы наблюдали въ царствованіе Карла-Іоанна привело, логически развиваясь, къ возникновенію при Карлѣ XV настоящаго „норвежскаго вопроса".

Оскаръ I продолжалъ дѣлать уступки требованіямъ національнаго самосознанія, слѣдуя примѣру, который противъ своей воли долженъ былъ показать его отецъ въ концѣ своего царствованія. Имъ рѣшены были вопросы о норвежскомъ гербѣ и знамени,—вопросы сами по себѣ ничтожные, но получившіе въ глазахъ общества существенное значеніе. Онъ старался всегда щадить національную щепетильность норвежцевъ, но, несмотря на его усилія, возбужденіе росло съ каждымъ днемъ. Въ концѣ-концовъ шведскій сеймъ вышелъ изъ себя, и одинъ изъ его членовъ потребовалъ пересмотра акта уніи (1859).

Почти одновременно стортингъ принялъ несравненно болѣе важное рѣшеніе. Конституція 1814 года предусматривала для Норвегіи должность генералъ-губернатора, которымъ могъ быть и шведъ. Первые генералъ-губернаторы, назначенные Карломъ-Іоанномъ, дѣйствительно были шведы; позднѣе—это была первая уступка національному самолюбію—губернаторами стали назначать норвежцевъ. На мѣсто Левенскьельда, вышедшаго въ отставку въ 1856 году, не былъ назначенъ никто. Норвежцы, протестовавшіе въ принципѣ противъ существованія самой должности генералъ-губернатора, не удовлетворились этимъ конкретнымъ рѣшеніемъ вопроса. Стортингъ принялъ къ обсужденію законопроектъ объ упраздненіи этого поста, и въ слѣдующей сессіи, 1859 г., этотъ проектъ былъ вотированъ большинствомъ 100 голосовъ противъ двухъ. Это былъ чрезвычайно важный актъ, такъ какъ онъ поставилъ и рѣшалъ сложный и щекотливый вопросъ: имѣла ли право Норвегія упразднить генералъ-губернаторство по собственной иниціативѣ и безъ согласія Швеціи? Норвежцы отвѣчали утвердительно, ссылаясь на то, что актъ уніи совсѣмъ не упоминалъ о генералъ-губернаторствѣ: напротивъ, шведы отказывались признать за этимъ доводомъ существенное значеніе, заявляя вмѣстѣ съ тѣмъ, что они безспорно заинтересованы въ этомъ дѣлѣ. Такимъ образомъ, вопросъ сводился къ тому, властна ли Норвегія по собственной волѣ измѣнять свою конституцію даже въ томъ случаѣ, когда эти измѣненія нарушаютъ права Швеціи. Этотъ принципіальный вопросъ такъ и остался открытымъ. 23 апрѣля 1860 года стортингъ вотировалъ адресъ королю, гдѣ торжественно оговаривалъ права Норвегіи; на этотъ адресъ съ тѣхъ поръ ссылались не разъ. Карлъ XV предпочелъ не осложнять положенія, которое грозило кризисомъ. Онъ просто отказался утвердить рѣшеніе стортинга, и признавъ пересмотръ взаимоотношеній обѣихъ странъ необходимымъ, отложилъ этотъ пересмотръ на неопредѣленный срокъ. Это былъ, разумѣется, лишь палліативъ; „норвежскій вопросъ" былъ ясно поставленъ и кризисъ былъ неизбѣженъ; онъ и подготовлялся медленно въ теченіе всей остальной части этого царствованія, чтобы разразиться при Оскарѣ II.

Глава II.

Установленіе Австро-Венгерскаго дуализма.

1859—1871.

I.—Либеральное централистическое правленіе.

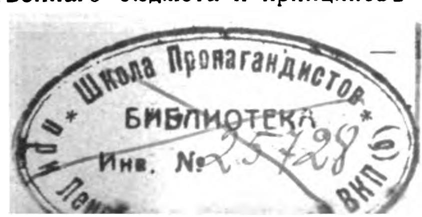
„Усиленный" рейхсратъ.—Злѣйшими врагами министра Баха [1]) были венгерскіе магнаты такъ называемой „старо-консервативной" партіи. Они презирали въ немъ выскочку и ненавидѣли революціонера, такъ какъ онъ всячески отстаивалъ освобожденіе крестьянъ. Не разъ уже общественное мнѣніе ожидало, что правительство пожертвуетъ имъ въ угоду его врагамъ. Послѣ пораженія при Сольферино часъ ихъ пробилъ: портфель министра внутреннихъ дѣлъ былъ прежде всего предложенъ ихъ единомышленнику — барону Іошикѣ; но, какъ венгерецъ, сторонникъ дуализма и противникъ централизаціи, онъ не могъ его принять. За его отказомъ на этотъ постъ былъ призванъ графъ Голуховскій, губернаторъ Галиціи.

Императоръ въ манифестѣ, съ которымъ онъ обратился ко всѣмъ подвластнымъ ему народамъ послѣ Виллафранкскаго договора, оффиціально призналъ несостоятельною политику предшествовавшаго десятилѣтія. Скандальные процессы раскрыли передъ обществомъ взяточничество военнаго интендантства и мошенничества его поставщиковъ. Заемъ въ 200 милліоновъ, выпущенный въ мартѣ 1860 года, былъ покрытъ подпискою всего лишь на 75 милліоновъ. Сохраненіе стараго режима становилось невозможнымъ уже въ силу однихъ финансовыхъ затрудненій. Брукъ давно уже настаивалъ на коренной реформѣ; полумѣры не помогали. Но у него всегда было много враговъ, и теперь они удвоили свои нападки. Благодаря недосмотру со стороны министерства финансовъ, стало извѣстно, что національный заемъ, разрѣшенный въ суммѣ 500 милліоновъ, былъ на самомъ дѣлѣ выпущенъ на сумму 611 милліоновъ. Это превышеніе займа, совершенное съ вѣдома и одобренія императора, подало однако поводъ врагамъ министра говорить о продѣлкахъ и аферахъ. Имъ удалось запутать его въ качествѣ свидѣтеля въ процессъ о военныхъ подрядахъ, и императоръ потребовалъ отъ него выхода въ отставку. Брукъ ни въ чемъ не могъ упрекнуть себя, какъ это вскорѣ было доказано оффиціальнымъ разслѣдованіемъ; тѣмъ не менѣе, приведенный въ отчаяніе, онъ покончилъ съ собой (23 апрѣля 1860 г.).

[1]) См. т. V, стр. 92 и слѣд.

Старый порядокъ завѣщалъ новому одно изъ своихъ учрежденій—*рейхсратъ* (имперскій совѣтъ), функціи котораго приблизительно соотвѣтствовали законодательнымъ функціямъ французскаго государственнаго совѣта. Рейхсратъ заключалъ въ себѣ раньше съ дюжину постоянныхъ членовъ; теперь составъ его былъ усиленъ чрезвычайными членами, изъ которыхъ десять назначались императоромъ пожизненно, а тридцати восьми предстояло быть избранными областными представительными учрежденіями; но такъ какъ послѣднія еще не существовали, то на первый разъ и эти тридцать восемь членовъ были назначаемы императоромъ по собственному выбору. Въ такомъ составѣ *усиленный рейхсратъ* былъ призванъ высказывать свое мнѣніе относительно общаго политическаго положенія. Большинство въ немъ составляли крупные собственники, князья и графы; кромѣ нихъ въ рейхсратъ входили немногіе разночинцы, купцы, промышленники, адвокаты и опредѣленное количество бывшихъ чиновниковъ. Чтобы добиться отъ венгерскихъ членовъ согласія присутствовать въ рейхсратѣ, правительство вынуждено было патентомъ 19-го апрѣля пообѣщать имъ возстановленіе комитатовъ и венгерскаго сейма и обязалось не предоставлять рейхсрату законодательной власти. Ему былъ предоставленъ лишь совѣщательный голосъ въ финансовыхъ дѣлахъ; онъ былъ совершенно лишенъ иниціативы, но имѣлъ право обращать вниманіе монарха на тѣ пробѣлы въ законодательствѣ, которые усмотритъ въ теченіе своихъ работъ. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ созыва рейхсрата императоръ даровалъ ему права въ сферѣ финансовъ, которыми, впрочемъ, ему не пришлось воспользоваться.

Въ теченіе своей единственной сессіи (май—сентябрь 1860 года) „усиленный рейхсратъ" занимался разсмотрѣніемъ государственнаго бюджета и принциповъ администраціи. Венгры, съ графами Сечени и Аппоньи и Георгомъ Майлатомъ во главѣ, не допускали обсужденія другихъ вопросовъ, чтобы не позволить рейхсрату присвоить себѣ законодательныя функціи, которыя въ венгерскихъ дѣлахъ принадлежали, по ихъ мнѣнію, исключительно венгерскому конституціонному сейму. Въ первомъ же засѣданіи они изложили свою точку зрѣнія въ резолюціи, прочитанной графомъ Аппоньи: „Учрежденіе центральнаго представительнаго собранія въ имперіи измѣняетъ установившееся отношеніе Венгріи къ монархіи; мы согласились присутствовать въ этомъ собраніи лишь для того, чтобы засвидѣтельствовать нашу готовность къ соглашенію и доказать другимъ областямъ, входящимъ въ составъ монархіи, что наши притязанія ни въ чемъ не противорѣчатъ ихъ правамъ и интересамъ, такъ же какъ правамъ и интересамъ короны и монархіи". Руководство преніями съ перваго же дня перешло къ венгерскимъ членамъ рейхсрата; у нихъ однихъ была опредѣленная программа и навыкъ къ парламентскимъ дебатамъ. Они увлекли за собой консерваторовъ-феодаловъ всѣхъ областей, которые разсчитывали въ случаѣ торжества историческаго права вернуть себѣ нѣкоторыя утраченныя привилегіи. Оппозицію же составляли, кромѣ бывшихъ австрійскихъ чиновниковъ, сторонниковъ централизаціи въ силу привычки, нѣмецкіе разночинцы, защищавшіе централизацію ради собственныхъ выгодъ. Когда одинъ изъ нихъ, Маагеръ, осмѣлился высказаться за конституцію съ представительнымъ образомъ правленія, его партія отреклась отъ него. Обѣ стороны не желали раскрывать своихъ картъ. Всѣ были согласны относительно того, что для возстановленія довѣрія необходимы реформы, но не были согласны относительно самыхъ реформъ. Въ результатѣ долгихъ политическихъ дебатовъ, которыми закончилась сессія, лишь об-

наружились двѣ непримиримыя тенденціи: одна изъ нихъ, феодальная, во имя историческаго права требовала признанія притязаній Венгріи, добивалась законодательной и административной автономіи для каждой области, какъ особой „историко-политической индивидуальности“, и желала основать могущество государства на его внутреннемъ, духовномъ единеніи, на довольствѣ населяющихъ его народовъ; другая, бюрократическая, во имя исконныхъ правъ государственной власти желала продолжать систему Баха, перенеся ее только изъ абсолютнаго въ конституціонный образъ правленія. Въ концѣ-концовъ федералистическій порядокъ дня прошелъ значительнымъ большинствомъ; императоръ обѣщалъ зрѣло обсудить постановленія рейхсрата и въ скоромъ времени сообщить свое рѣшеніе.

Октябрьскій дипломъ.—Рѣшеніе императора было обнародовано въ дипломѣ отъ 20-го октября 1860 года. Этотъ „постоянный и неотмѣняемый“ основной государственный законъ находился въ непосредственной связи съ Прагматической Санкціей и былъ вызванъ необходимостью внести измѣненія въ политическія учрежденія, въ виду перемѣнъ, происшедшихъ въ политическомъ и соціальномъ состояніи страны со времени изданія Прагматической Санкціи. Императоръ заявилъ о своей готовности дѣлить впредь законодательную власть съ собраніями представителей, избранныхъ его подданными, именно: съ рейхсратомъ—въ вопросахъ, касающихся всей монархіи (вопросы эти были ограничительно перечислены); съ провинціальными сеймами—въ вопросахъ, касающихся остальныхъ областей, и наконецъ, въ случаѣ надобности, съ рейхсратомъ въ неполномъ составѣ, безъ венгерскихъ членовъ,—въ такихъ дѣлахъ, которыя, согласно установленной традиціи, считались общими для всѣхъ провинцій, кромѣ Венгріи; число выборныхъ членовъ рейхсрата было доведено до ста; императоръ выбиралъ ихъ изъ списка кандидатовъ, составленнаго провинціальными сеймами въ количествѣ трехъ кандидатовъ на каждое депутатское мѣсто. Въ тотъ же день императорскими указами были уничтожены общія министерства внутреннихъ дѣлъ, вѣроисповѣданій, просвѣщенія и юстиціи. Голуховскій былъ назначенъ государственнымъ секретаремъ, т.-е. въ сущности министромъ внутреннихъ дѣлъ для Цислейтаніи; баронъ Вай, служившій въ 1848 году легальному венгерскому правительству, былъ назначенъ канцлеромъ Венгріи, т.-е. министромъ внутреннихъ дѣлъ для Транслейтаніи, а Сечени—министромъ безъ портфеля.

Старо-консерваторы однако заблуждались насчетъ своего вліянія въ Венгріи. Народная масса прежде всякаго соглашенія требовала признанія законовъ 1848 года. Когда Деаку, ставшему главой умѣренной либеральной партіи, было предложено занять постъ *judex curiae*, высшую судебную должность въ странѣ, онъ отвѣтилъ: „Это невозможно; еще не принята и не подписана оффиціально моя отставка отъ должности министра юстиціи въ 1848 году“. Онъ справедливо полагалъ, что дозволить нарушить хотя бы одинъ изъ законнымъ порядкомъ проведенныхъ и санкціонированныхъ законовъ, каковы были законы 1848 года, значило открыть путь безпрестаннымъ нарушеніямъ конституціи. Для старо-консерваторовъ, напротивъ, исторія Венгріи заканчивалась 1847 годомъ, и „революціонныхъ“ законовъ 1848 года они не желали признавать. Но комитаты, въ которыхъ преобладало мелкое дворянство, собравшись на основаніи „патента“ 19-го апрѣля, прогнали чиновниковъ, поставленныхъ Бахомъ, сорвали съ общественныхъ зданій имперскіе гербы, пріостановили исполненіе австрійскихъ законовъ и выбрали на муниципальныя должности лицъ, занимавшихъ ихъ въ 1848 году. Вопреки ин-

струкціямъ барона Вая, во всей странѣ былъ принятъ лозунгъ: не платить налоговъ и не поставлять солдатъ до тѣхъ поръ, пока на это не послѣдуетъ согласія конституціоннаго парламента, созваннаго въ силу законовъ 1848 года. Такимъ образомъ десятилѣтіе 1849—1859 гг. было какъ бы вычеркнуто изъ исторіи Венгріи.

Голуховскій, съ своей стороны, казалось, хотѣлъ вычеркнуть изъ исторіи Венгріи 1848 годъ—до того устарѣлыми и отжившими казались вырабатываемые имъ областные статуты. Областные сеймы должны были распадаться на куріи; городскіе и сельскіе депутаты избирались путемъ двухъ или трехстепенныхъ выборовъ; депутаты дворянства носили старинный имперскій мундиръ;—вотъ въ чемъ видѣли дѣйствительное средство для возстановленія утраченнаго общественнаго довѣрія! Въ первыхъ рядахъ недовольныхъ оказалась нѣмецкая буржуазія, равно оскорбленная въ своей національной гордости, въ своемъ политическомъ честолюбіи и задѣтая въ своихъ матеріальныхъ интересахъ. Въ знакъ протеста муниципальные совѣты нѣсколькихъ большихъ городовъ вышли въ отставку. Между тѣмъ внѣшнія обстоятельства складывались въ это время такъ, что оппозиція нѣмцевъ становилась опасною для монархіи. Возстановленіе во владѣніяхъ герцога Моденскаго и великаго герцога Тосканскаго, предусмотрѣнное Цюрихскимъ трактатомъ, оказывалось неосуществимымъ, въ виду захвата Пьемонта, которому Австрія, за недостаткомъ силъ, а главное—денегъ, не могла помѣшать. Быстрые успѣхи итальянскаго объединенія разрушали лелѣянную до тѣхъ поръ надежду на возстановленіе въ Италіи австрійскаго вліянія. Венеція не являлась уже базой для дальнѣйшихъ операцій, а представляла лишь одинокій постъ, удержаніе котораго было лишь вопросомъ чести. Династія должна была какъ-нибудь вознаградить себя за потери, и этого вознагражденія негдѣ было искать, кромѣ Германіи. Такимъ образомъ, цѣль внѣшней политики отнынѣ должна была заключаться въ укрѣпленіи узъ, связывавшихъ Австрію съ Германіей, и въ подготовкѣ пути къ болѣе тѣсному союзу между ними. Достиженіе этой цѣли было бы немыслимымъ, если бы Австрія взамѣнъ ничего не могла предложить Германіи, кромѣ своей внутренней слабости и кромѣ возбужденнаго ею въ своихъ нѣмецкихъ подданныхъ недовольства.—13-го декабря 1860 года Голуховскій былъ смѣщенъ и на его мѣсто назначенъ Шмерлингъ.

Система Шмерлинга. Февральская конституція.—Благодаря ошибкамъ Голуховскаго, назначеніе Шмерлинга было благосклонно встрѣчено даже славянами и венграми, хотя послѣдніе вскорѣ сдѣлались его непримиримыми врагами Нѣкоторые видѣли въ немъ защитника порядка и твердой власти; такъ, старо-консерваторы прямо указывали на него императору, какъ на единственнаго человѣка, способнаго положить конецъ анархіи, господствовавшей въ странѣ послѣ изданія октябрьскаго диплома; либералы всѣхъ національностей вспоминали, что, будучи министромъ юстиціи при Шварценбергѣ, онъ подалъ въ отставку, чтобы не подписывать отмѣны конституціи; нѣмцы, въ свою очередь, съ благодарностью вспоминали его поведеніе во Франкфуртѣ въ 1848—1849 годахъ, гдѣ онъ доказалъ свою преданность идеѣ объединенія Германіи, но при помощи и при господствѣ надъ нею Австріи. Такое отношеніе къ Шмерлингу былъ плодомъ недоразумѣнія, продолжавшагося въ теченіе всего его управленія министерствомъ. Дворъ призвалъ его лишь для того, чтобы при новыхъ конституціонныхъ формахъ продолжать политику Баха. Проникнутый духомъ іосифинизма, господствовавшаго все еще въ австрійской бюрократіи, онъ преслѣдовалъ исключительно охрану го-

сударственнаго единства; либеральныя же учрежденія были для него лишь средствомъ къ вѣрнѣйшему достиженію этой цѣли. Система его неизбѣжно должна была вскорѣ вызвать оппозицію со стороны всѣхъ не—нѣмецкихъ національностей, а среди нѣмцевъ возбудить недовольство тѣхъ изъ нихъ, которые серьезно повѣрили обѣщанію истинно-конституціоннаго режима.

„Октябрьскій дипломъ былъ смѣненъ „патентомъ" 26-го февраля 1861 года. Оффиціально отношеніе между этими двумя государственными актами было представлено иначе; неудобно было просто-на просто отмѣнить такъ торжественно провозглашенный основной законъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его обнародованія". Дѣло было представлено такъ, будто „патентъ" являлся дальнѣйшимъ развитіемъ „диплома", хотя на самомъ дѣлѣ онъ во всемъ ему противорѣчилъ. На первый планъ вмѣсто областей онъ выдвигалъ государство; онъ создавалъ компетенцію рейхсрата взамѣнъ компетенціи сеймовъ; „узкій рейхсратъ", который, согласно диплому, долженъ былъ созываться лишь въ особыхъ случаяхъ, патентъ превращалъ въ постоянное учрежденіе, и къ нему переходила бóльшая часть функцій областныхъ сеймовъ; наконецъ онъ сообщалъ рейхсрату новый составъ, а отсюда и новое значеніе. Рейхсратъ дѣлился на двѣ палаты, изъ которыхъ верхняя, палата господъ, вся находилась въ распоряженіи императора. Кромѣ наслѣдственныхъ членовъ ея, къ которымъ принадлежали эрцгерцоги, архіепископы и тѣ изъ епископовъ, которые носили княжескій титулъ, всѣ остальные члены верхней палаты назначались императоромъ или изъ высшей аристократіи (въ такомъ случаѣ званіе передавалось по наслѣдству), или изъ остальныхъ подданныхъ, отличившихся какими-либо заслугами, причемъ послѣдніе оставались членами верхней палаты пожизненно. Нижняя палата, или палата депутатовъ, состояла изъ членовъ, избираемыхъ областными сеймами: въ количествѣ 203 депутатовъ отъ Цислейтаніи, которые составляли такъ называемый *узкій рейхсратъ*, и 120 отъ Транслейтаніи, которые, въ соединеніи съ 20 депутатами отъ Венеціи, составляли *широкій рейхсратъ*. Въ число депутатовъ отъ Транслейтаніи входили 85 венгровъ, 9 хорватовъ и 20 трансильванцевъ. Указами отъ 26-го февраля областные сеймы Цислейтаніи реорганизовывались на началахъ представительства интересовъ. Избиратели, удовлетворявшіе требованіямъ ценза или правоспособности, дѣлились на двѣ коллегіи: городскихъ и сельскихъ жителей; кромѣ того, особую коллегію въ каждой области составляли крупные землевладѣльцы, и, наконецъ, правомъ посылать въ сеймъ одного или нѣсколькихъ депутатовъ пользовались также нѣкоторыя торговыя палаты. Эти четыре избирательныхъ коллегіи или *куріи* избирали своихъ депутатовъ въ сеймъ порознь; сеймъ же въ свою очередь выбиралъ изъ среды депутатовъ каждой куріи опредѣленное число представителей въ рейхсратъ. Цензъ въ областяхъ былъ различный, причемъ въ городахъ онъ былъ менѣе высокъ, чѣмъ въ сельскихъ мѣстностяхъ; число депутатовъ сообразовалось скорѣе съ богатствомъ края, нежели съ количествомъ населенія. Этой сложной системой разсчитывали обезпечить преобладаніе нѣмцевъ въ куріяхъ торговыхъ палатъ, въ городахъ и въ селахъ, такъ какъ нѣмцы, представляя меньшинство среди цислейтанскихъ народовъ, были однако самыми богатыми и образованными изъ нихъ. Дѣйствительно, въ первомъ же собраніи рейхсрата изъ 203 депутатовъ отъ Цислейтаніи 130 оказались на сторонѣ министерства, несмотря на то, что нѣмцы въ то время составляли не болѣе трети всего населенія Австріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, учрежденіемъ куріи крупныхъ землевладѣльцевъ, среди которыхъ преобладала вѣрноподданная

австрійская аристократія, имѣли въ виду обезпечить въ нижней палатѣ господство придворныхъ вліяній и династической политики. Сверхъ того, на случай какой-либо неожиданности, которой, впрочемъ, трудно было опасаться, патентъ заключалъ въ себѣ особую статью, 13-ую, которая уполномочивала министерство въ отсутствіе парламента управлять страной при помощи указовъ, съ тѣмъ только, чтобы „въ ближайшемъ собраніи парламента довести до его свѣдѣнія принятыя мѣры и ихъ мотивировку". Одной этой статьи было достаточно, чтобы свести къ нулю всѣ остальныя постановленія конституціи.—Вина во всѣхъ недостаткахъ этой конституціи падаетъ не на одного только составителя ея, Шмерлинга; при рѣшеніи самыхъ важныхъ вопросовъ онъ часто находился подъ непосредственнымъ вліяніемъ двора; если бы его предоставили самому себѣ, онъ, вѣроятно, выработалъ бы болѣе либеральные законы. Какъ бы то ни было, но въ томъ видѣ, въ какомъ февральскій патентъ былъ предложенъ народамъ Австріи, онъ вполнѣ заслуживалъ брошенные ему вскорѣ упреки въ „лицемѣріи и безнравственности" и въ предоставленіи меньшинству правъ, отнятыхъ имъ у большинства.

Нѣмецкая политика. Шмерлингъ и Рехбергъ.—Программа Шмерлинга заключала въ себѣ двѣ неразрывно связанныя между собой части: планъ переустройства Австріи и планъ активной политики въ Германіи. Бывшій министръ Германской имперіи 1848 года и наиболѣе выдающійся представитель политической идеи „Великой Германіи", онъ продолжалъ вѣрить въ свой прежній идеалъ. Преобразованіе Австріи, по крайней мѣрѣ, съ виду, въ конституціонное государство и благосклонное отношеніе къ нѣмцамъ,—все это служило для него лишь средствомъ; цѣлью же его было вновь попытаться провести въ Германіи широкія реформы, затмивъ Пруссію блескомъ новаго конституціонализма и пробудивъ въ мелкихъ германскихъ государствахъ ихъ симпатіи къ Австріи, отъ которыхъ они никогда вполнѣ не отрѣшались, привлечь на свою сторону нѣмецкое національное чувство перспективою законодательнаго и торговаго единства, и въ довершеніе всего, нѣмецкимъ парламентомъ. Такимъ образомъ, ради выгодъ Австріи, Шмерлингъ готовъ былъ прибѣгнуть въ Германіи даже къ революціонной силѣ общественнаго мнѣнія. Но дѣло въ томъ, что внѣшняя нѣмецкая политика Австріи не вполнѣ зависѣла отъ него; какъ государственный секретарь, онъ, въ силу вещей, завѣдывалъ и иностранными дѣлами, но лишь отчасти. Призванный къ власти, онъ засталъ министромъ иностранныхъ дѣлъ графа Рехберга, смѣнившаго на этомъ посту въ 1859 г. Буоля. Между Шмерлингомъ и Рехбергомъ была та разница, что первый являлся все-таки государственнымъ человѣкомъ, между тѣмъ какъ второй представлялъ изъ себя не болѣе какъ простого дипломата-карьериста. Шмерлингъ желалъ опираться на національное чувство нѣмцевъ, между тѣмъ какъ Рехбергъ зналъ только дворы и ихъ требованія и, проникнутый меттерниховскимъ духомъ, держался строго консервативной программы. Въ виду того, что вниманіе Австріи было отвлечено Италіей и Венгріей, онъ считалъ, что она не въ силахъ затѣвать борьбу съ Пруссіей въ Германіи, и поэтому предпочелъ бы, оставивъ въ покоѣ нѣмецкій вопросъ, прійти къ соглашенію съ Пруссіей, чтобы имѣть въ ней по крайней мѣрѣ союзника въ европейскихъ дѣлахъ. Возможно, что разсчетъ этотъ былъ невѣренъ, а планъ Шмерлинга, съ другой. стороны, слишкомъ рискованъ; но самой неудачной политикой, во всякомъ случаѣ, было колебаніе между этими двумя направленіями. Такъ именно оно и случилось.

Сначала побѣда осталась за Шмерлин-

гомъ. Нота отъ 2-го февраля 1862 года, проектъ съѣзда государей во Франкфуртѣ въ 1863 году,—были результатами его политики, которую поддерживали даже въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ наиболѣе влiятельные изъ подчиненныхъ Рехберга. Но роль исполнителя этой политики императоръ поручилъ Рехбергу; послѣднiй одинъ сопровождалъ Франца-Iосифа во Франкфуртъ. Шмерлинга императоръ не любилъ за его чопорность и самоувѣренный тонъ. Какъ и слѣдовало ожидать, Рехбергъ не былъ особенно огорченъ неудачей съѣзда. Въ свою очередь онъ получилъ теперь возможность проводить свои идеи во внѣшней политикѣ. Благодаря послѣднимъ, Австрiя устремилась вмѣстѣ съ Пруссiей въ авантюру съ герцогствами. Рейхсратъ не скрывалъ своего враждебнаго отношенiя къ этой политикѣ; правленiе Бисмарка, дошедшее въ это время до открытыхъ столкновенiй, не внушало ему ни симпатiи, ни довѣрiя. Шмерлингу нѣсколько разъ приходилось выступать на защиту сотоварища, взглядовъ котораго онъ не раздѣлялъ. Но въ концѣ-концовъ сотрудничество ихъ сдѣлалось немыслимымъ, и Рехбергъ вышелъ въ отставку 27-го октября 1864 года. Его смѣнилъ генералъ графъ Менсдорфъ-Пулльи, не имѣвшiй другихъ правъ на этотъ постъ, кромѣ знатнаго происхожденiя и родства съ нѣсколькими владѣтельными домами, и другой программы, кромѣ пассивнаго повиновенiя приказанiямъ своего государя. Менсдорфъ скорѣе сочувствовалъ политикѣ Шмерлинга, но онъ былъ лишь орудiемъ въ рукахъ графа Маврикiя Эстергази, министра безъ портфеля и самаго влiятельнаго изъ совѣтниковъ императора. „Я ничего не понималъ въ политикѣ,—говорилъ онъ впослѣдствiи,—и прямо сказалъ объ этомъ императору. Но я былъ кавалерiйскiй генералъ, государь приказалъ мнѣ занять постъ министра, и мнѣ волей-неволей пришлось позволить руководить мною профессiональному дипломату, у котораго не хватало смѣлости взять на себя всю отвѣтственность“. Между тѣмъ Эстергази вступилъ въ министерство съ прямой цѣлью низвергнуть Шмерлинга. И неудача германской политики Шмерлинга, равно какъ его ошибки въ венгерскихъ дѣлахъ значительно облегчили задачу Эстергази.

Венгрiя и февральская конституцiя.—Патентъ 18-го февраля указывалъ на рѣшимость правительства не считаться съ сопротивленiемъ венгровъ и сломить его силой. Тщетно пытался Вай отвратить этотъ ударъ, стараясь возстановить хоть нѣкоторый порядокъ въ странѣ. Рескриптомъ отъ 16-го января онъ призвалъ комитаты къ уваженiю существующихъ законовъ; но политическая конференцiя, состоявшаяся 14-го февраля подъ его предсѣдательствомъ въ Пештѣ, не дала никакихъ результатовъ. Эта неудача открыла просторъ чистымъ централистамъ и Сечени, реакцiонное влiянiе котораго боролось въ совѣтѣ съ влiянiемъ Вая,—и патентъ былъ обнародованъ. Подъ нимъ была подпись Сечени; Вай подписать его отказался. Вскорѣ однако обоимъ пришлось покинуть министерство. Шмерлингъ, лишенный поддержки Венгрiи, въ то же время слишкомъ бюрократъ, чтобы поладить со старо-консерваторами, и слишкомъ ярый сторонникъ централизма, чтобы пойти на соглашенiе съ либералами, вслѣдствiе гордости и упрямства, положилъ начало въ Венгрiи политикѣ безплоднаго сопротивленiя. Можетъ быть, онъ былъ осужденъ на это своей системой, такъ какъ если бы венгры заняли свои мѣста въ рейхсратѣ, то они могли бы, соединившись съ австрiйской федералистической оппозицiей, оставить правительство въ меньшинствѣ. Эта опасность казалась устраненной съ той минуты, когда венгерскiй сеймъ собрался въ первый разъ послѣ подавленiя революцiи, 6-го апрѣля 1861 года.

Едва былъ прочитанъ декретъ о назначении предсѣдателя палаты депутатовъ, какъ одинъ изъ членовъ палаты заявилъ протестъ по поводу отсутствія подписи отвѣтственнаго венгерскаго министра. Такимъ образомъ съ перваго же шага собраніе становилось на почву законовъ 1848 года. Открывая засѣданіе, Аппоньи въ своей рѣчи едва осмѣлился упомянуть о февральскомъ патентѣ, между тѣмъ какъ предсѣдательствующій по старшинству лѣтъ превозносилъ перваго президента венгерскаго совѣта и одну изъ жертвъ Гайнау—Людвига Баттіани, какъ мученика и какъ образецъ венгерскаго патріотизма. Магнаты старо-консервативной партіи, наученные опытомъ предыдущаго года, сознали, что у нихъ не останется никакой надежды на возстановленіе ихъ вліянія въ странѣ, если они не будутъ соперничать въ требованіяхъ съ либеральной партіей; дворъ между тѣмъ продолжалъ считаться съ ихъ совѣтами и смотрѣть на нихъ какъ на силу. На самомъ же дѣлѣ въ палатѣ депутатовъ господствовала крайняя партія, и лишь благодаря тому, что она воздержалась отъ голосованія, Деаку удалось провести въ палатѣ *адресъ* королю. Крайніе, руководимые Гличи и Тиссой, желали вынести простую *резолюцію*, съ изложеніемъ правъ, нуждъ и положенія страны, безъ обращенія къ Францу-Іосифу, котораго они считали незаконнымъ королемъ, такъ какъ онъ не былъ коронованъ. Самый адресъ не заключалъ въ себѣ королевскаго титула, и *фактическій государь* былъ названъ въ немъ лишь „свѣтлѣйшимъ господиномъ“. Однако Францъ - Іосифъ отказался принять адресъ, пока обѣ палаты не согласятся обратиться къ нему, какъ къ королю. Адресъ устанавливалъ въ сущности тотъ фактъ, что Венгрія стоитъ на почвѣ своей конституціи, часть которой составляетъ Прагматическая Санкція; что она готова по нѣкоторымъ пунктамъ пойти даже дальше своихъ законныхъ обязательствъ и руководиться главнымъ образомъ доводами справедливости и политики; но что во всякомъ случаѣ ничто не можетъ заставить ее получать законы отъ центральнаго парламента и дѣлить свои законодательныя права съ какою-либо другой властью, кромѣ венгерскаго короля; королемъ же Венгріи можетъ быть только коронованный король, а необходимымъ условіемъ коронованія является принятіе конституціи во всѣхъ ея частяхъ. Въ отвѣтъ на это король предложилъ сейму послать своихъ представителей въ рейхсратъ, чтобы осуществлять тамъ законное вліяніе Венгріи на общія дѣла; всякое же соглашеніе съ венграми король отложилъ до того времени, когда въ результатѣ пересмотра законы 1848 года будутъ согласованы съ интересами монархіи. Сеймъ отвѣчалъ на это отказомъ избрать депутатовъ въ рейхсратъ, отрицая за послѣднимъ всякую компетенцію по отношенію къ Венгріи, признавая въ полной силѣ законы 1848 года и объявивъ дальнѣйшіе переговоры безполезными, въ виду того, что „Его Величество устраняетъ всякую возможность соглашенія“. 21-го августа сеймъ былъ распущенъ.

Рейхсратъ, побуждаемый Шмерлингомъ, выступилъ съ адресомъ противъ венгровъ и, выражая свое сожалѣніе по поводу перерыва въ конституціонной жизни Венгріи, призналъ тѣмъ не менѣе распущеніе сейма „основаннымъ на правѣ и предписаннымъ необходимостью“. Въ то же время онъ объявилъ, что отказъ одного изъ народовъ имперіи воспользоваться своими правами не можетъ лишить пользованія ими остальные народы; и, не обращая вниманія на протестъ венгерскаго сейма, узкій рейхсратъ, послѣ нѣсколькихъ чисто формальныхъ оговорокъ, вотировалъ бюджетъ, обязательный и для Венгріи. Но венгры снова прибѣгли къ своей тактикѣ финансовой стач-

ки; правительство напрасно разорялось, принуждая ихъ къ уплатѣ податей съ помощью военной силы. Сопротивленіе мадьяръ было единодушнымъ и приняло опасныя формы. 5-го ноября 1861 года въ Венгріи были введены снова военное управленіе и осадное положеніе. Страна согласно оффиціальному взгляду, вступивъ на революціонный путь, нарушила свою конституцію; императоръ могъ согласиться на частичное ея возстановленіе, но имѣлъ право поставить при этомъ нѣкоторыя условія, какъ-то: признаніе Патента и участіе въ рейхсратѣ. Каждый годъ во время обсужденія бюджета въ Вѣнѣ группа нѣмецкихъ либеральныхъ депутатовъ, изъ наиболѣе передовыхъ и проницательныхъ, дѣлала запросъ правительству по поводу его венгерской политики и тѣхъ опасностей, которыми она грозила Австріи. Шмерлингъ презрительно отвѣчалъ на это: „Мы можемъ ждать". Однако общественное мнѣніе вскорѣ утомилось этой игрой; среди нѣмцевъ оппозиція противъ этой пассивной политики усиливалась, а въ совѣтѣ молчаливый графъ Маврикій Эстергази выжидалъ момента, чтобы предоставить побѣду политикѣ старо-консерваторовъ.

Шмерлингъ не могъ, подобно Баху, выдвинуть противъ мадьяръ славянскія народности. Приглашеніе въ рейхсратъ кроатовъ и сербовъ подорвало бы въ немъ нѣмецкое большинство. Поэтому онъ ограничился тѣмъ, что призвалъ въ Вѣну трансильванскихъ депутатовъ. Представители саксонцевъ въ силу нѣмецкаго національнаго чувства и представители румынъ изъ ненависти къ мадьярамъ дали ему желаемое большинство на германштадтскомъ сеймѣ, который и приступилъ затѣмъ къ выборамъ въ рейхсратъ. Появленіе въ рейхсратѣ трансильванскихъ депутатовъ, 20 октября 1863 года, было встрѣчено рукоплесканіями большинства. Предсѣдатель палаты въ своей рѣчи прославлялъ побѣду конституціи. Пополненный группой представителей Транслейтаніи, несмотря на всю ея малочисленность, рейхсратъ превращался въ „широкій рейхсратъ", и дѣйствительно, правительство вскорѣ признало за нимъ соотвѣтствующія права. Новые пришельцы въ нѣсколько пріемовъ повернули дѣла на старый ладъ: они краснорѣчиво говорили о вѣрности трансильванцевъ имперіи и конституціи, а всего болѣе о нуждахъ своего народа въ дѣлѣ податей и желѣзныхъ дорогъ. Въ итогѣ эта побѣда, которую Шмерлингъ доставилъ двору, была не особенно блестяща; зато венгерскіе магнаты, представителемъ которыхъ въ министерствѣ явился Эстергази, торжествовали гораздо болѣе важную побѣду. Деакъ, узнавъ о растущемъ вліяніи Эстергази, опубликовалъ на пасхѣ 1864 г. въ газетѣ Naplo программу австро-венгерскаго соглашенія: отказываясь отъ личной уніи, она признавала существованіе общихъ дѣлъ, которыя надлежало Австріи и Венгріи рѣшать съ общаго согласія. Въ іюнѣ 1865 года Эстергази, который по особому распоряженію императора и безъ вѣдома Шмерлинга получалъ свѣдѣнія обо всѣхъ правительственныхъ дѣйствіяхъ въ Венгріи, убѣдилъ императора совершить поѣздку въ Пештъ. Восторженный пріемъ, оказанный ему знатью и народомъ, знавшими о близкомъ поворотѣ въ политикѣ, произвелъ впечатлѣніе на императора: въ произнесенной имъ рѣчи онъ заявилъ о своемъ намѣреніи дать народамъ венгерской короны возможное удовлетвореніе. 26 іюня министры, одновременно съ обществомъ, узнали о назначеніи Георга Майлата верховнымъ канцлеромъ Венгріи; это было формальнымъ осужденіемъ ихъ политики; министры отвѣтили на него выходомъ въ отставку.

Рейхсратъ въ періодъ съ 1861 по 1865 годъ.—Чехи, поляки, словены и кроаты протестовали на своихъ сеймахъ противъ февральскаго Патента, какъ противнаго

духу и буквѣ октябрьскаго Диплома. Тѣмъ не менѣе они явились въ рейхсратъ, но возобновляя свои оговорки. Когда стало ясно, что венгерскихъ депутатовъ нельзя туда заманить, чехи удалились также изъ рейхсрата. Чешскія политическія партіи въ это время преобразовывались. Дворянство, опиравшееся на свои историческія права, съ одной стороны, и буржуазія,— съ другой, враждовавшія между собою со времени революціи, когда Ригеръ въ Кремзирѣ предложилъ отмѣну дворянскихъ титуловъ,— склонялись теперь къ миру. Въ первые дни 1861 года графъ Кламъ Мартиницъ и Ригеръ заключили соглашеніе: буржуазія обязалась принять программу историческихъ правъ, а дворянство, не принадлежавшее въ сущности ни къ нѣмецкой, ни къ чешской національностямъ, обѣщало поддерживать требованія чеховъ относительно ихъ языка. Но послѣдствіемъ этого соглашенія былъ разрывъ въ средѣ самихъ чеховъ. Младочехи, руководимые Сладковскимъ, упрекали Ригера въ томъ, что онъ измѣнилъ демократическому и гуситскому духу націи, примкнувъ къ феодальному и клерикальному дворянству. Дѣло дошло до того, что они помышляли было уже о сліяніи въ одну партію съ нѣмцами. Между тѣмъ поляки и южные славяне, лишенные въ рейхсратѣ поддержки чешскихъ голосовъ, съ трудомъ отстаивали права національностей отъ покушеній на нихъ со стороны правительства: всякій разъ при обсужденіи бюджета и при всякомъ другомъ удобномъ случаѣ они перечисляли всѣ жалобы на режимъ Шмерлинга, стремившагося совершенно такъ же, какъ это было при Бахѣ, онѣмечивать ихъ не во имя превосходства нѣмцевъ, а просто имѣя въ виду государственные интересы. Жалобамъ на насилія, чинимыя надъ славянскимъ населеніемъ въ области народнаго просвѣщенія, правосудія и администраціи, не было конца.

Нѣмецкое большинство защищало въ этомъ дѣлѣ правительство; въ другихъ случаяхъ оно расходилось съ нимъ, не будучи въ состояніи добиться отъ него дѣйствительно либеральныхъ законовъ, въ особенности по вопросу объ отвѣтственности министровъ и объ отношеніяхъ различныхъ исповѣданій между собой и къ государству, какъ первыхъ шаговъ на пути къ отмѣнѣ конкордата. Дворъ и слышать не хотѣлъ объ этомъ; Шмерлингъ постоянно находился между двухъ огней, такъ какъ, съ одной стороны, у него было собраніе, ревниво оберегавшее свои права, съ другой — императоръ, столь же ревниво державшійся за свою власть.

Въ третью сессію рейхсрата (1864—1865 г.) положеніе дѣлъ испортилось въ конецъ. Палата приняла предложеніе депутата Бергера, клонившееся къ измѣненію 13 статьи Патента, несмотря на рѣшительныя заявленія Шмерлинга о томъ, что статья эта никогда не будетъ „ребенкомъ, убивающимъ мать“. Шмерлингъ и его коллега по министерству финансовъ Пленеръ, подвергаясь все болѣе и болѣе рѣзкимъ нападкамъ, стали обнаруживать раздраженіе, на что депутаты отвѣчали имъ тѣмъ же. Дефицитъ между тѣмъ увеличивался. Несмотря на протесты кабинета, палата вычеркнула нѣсколько милліоновъ изъ ассигновокъ на армію и флотъ, предъявила неслыханное въ Австріи требованіе о представленіи ей министромъ иностранныхъ дѣлъ ежегоднаго дипломатическаго отчета и отсрочила свое согласіе на заемъ до того времени, когда ей будетъ дана увѣренность въ проведеніи реформъ. Это было отказомъ отъ исходной точки системы Шмерлинга, желавшаго на мнимомъ большинствѣ основать лишь мнимый конституціонализмъ. Министры фактически уже съ мѣсяцъ были въ отставкѣ, и кризисъ былъ ясенъ всѣмъ. 24 іюля сессія рейхсрата неожиданно была закрыта. „Я не былъ приготовленъ къ этому внезапному сообщенію“, сказалъ по этому поводу

предсѣдатель Гаснеръ, а депутатъ баронъ Пратобевера, выразивъ, согласно обычаю, благодарность отъ лица собранія членамъ бюро, прибавилъ: „Встрѣтимся ли мы снова въ этой палатѣ и при какихъ обстоятельствахъ,—это въ настоящее время остается для насъ загадкой". Всѣ знали о готовящейся перемѣнѣ управленія.

II.—Дуализмъ.

„Министерство трехъ графовъ". Пріостановка конституціи.—Какъ и при паденіи Баха, въ первыхъ рядахъ побѣдителей находились снова венгерскіе магнаты. Но ихъ представитель въ совѣтѣ Эстергази былъ слишкомъ нерѣшителенъ и лѣнивъ, чтобы захватить власть; кромѣ того, можетъ быть, не хотѣли придать дѣлу такой оборотъ, будто Венгрія диктуетъ законы имперіи. Первымъ министромъ былъ назначенъ цислейтанскій сановникъ, нѣмецъ по происхожденію, но съ феодальными симпатіями, и считавшійся поэтому расположеннымъ къ славянамъ,—графъ Рихардъ Белькреди. Выдѣляясь среди своего сословія умомъ и образованіемъ, онъ, къ сожалѣнію, раздѣлялъ его предразсудки, и подъ государствомъ понималъ дворъ и знать. Въ моментъ паденія Шмерлинга Морицъ Эстергази былъ долженъ въ казну значительную сумму пошлины съ наслѣдства, которую онъ упорно отказывался уплатить. Пленеръ распорядился возбудить противъ него судебное преслѣдованіе; но новый министръ, графъ Ларишъ, сталъ дѣйствовать въ иномъ духѣ, чѣмъ его незнатный предшественникъ: значительная часть долга Эстергази, владѣвшаго огромнымъ состояніемъ, была скинута со счетовъ, а уплата остальной части была отсрочена. Этотъ фактъ, ставшій извѣстнымъ лишь впослѣдствіи, показываетъ, какъ понимаютъ феодалы равенство передъ закономъ. Впрочемъ, все управленіе финансами графа Лариша было направлено къ тому, чтобы разными законодательными и административными мѣрами оказывать покровительство крупной земельной собственности и широкой сельскохозяйственной культурѣ, которыя повсюду находились въ рукахъ помѣщиковъ - дворянъ. Самъ богатый человѣкъ, отлично управлявшій своимъ состояніемъ, онъ такъ благородно завѣдывалъ финансами, что ажіо бумажныхъ денегъ на металлическія съ двухъ процентовъ, которымъ онъ равнялся при Пленерѣ, быстро возросъ до пятидесяти.

Программа *министерства трехъ графовъ*—прозвище, данное ему за участіе въ немъ Белькреди, Лариша и Менсдорфа—была программой феодаловъ; въ иностранныхъ дѣлахъ абсолютизмъ, т.-е. предоставленіе арміи, финансовъ и дипломатическихъ сношеній въ безконтрольное завѣдываніе монарха; во внутреннихъ дѣлахъ—областная автономія, выгодная особенно для аристократіи. Въ Венгріи Эстергази желалъ возстановить режимъ 1847 года; новшества 1848 года были ему ненавистны, такъ какъ они вводили демократическій и парламентарный строй. Что касается Белькреди, то онъ отрицалъ самое существованіе Цислейтаніи; этому порожденію централистической бюрократіи онъ противополагалъ области съ ихъ историческими правами. Такимъ образомъ дѣло шло не о возстановленіи дуализма, а о введеніи рода феодальнаго федерализма, въ которомъ въ силу вещей преобладающее вліяніе должно было принадлежать Венгріи. 1-го сентября 1865 года трансильванскій сеймъ, избравшій депутатовъ въ рейхсратъ, былъ распущенъ. Новый сеймъ, созванный въ мадьярскомъ городѣ Колошварѣ, вотировалъ подъ давленіемъ народа полное сліяніе Трансильванскаго великаго герцогства съ Венгріей, что было однимъ изъ завоеваній 1848 года. 20-го сентября февральская конституція, вопреки всѣмъ заключавшимся въ ней гарантіямъ, была „пріостановлена", и временно снова былъ водворенъ

абсолютизмъ. Разрывъ съ централистическимъ правленіемъ былъ полный; Патентъ 20-го сентября обѣщалъ цислейтанскимъ областямъ, по утвержденіи проекта соглашенія съ Венгріей, отдать его на разсмотрѣніе ихъ законныхъ представителей, т.-е. сеймовъ. Славяне восторженно привѣтствовали пріостановку конституціи, нѣмцы же рѣзко протестовали противъ нея. Безъ сомнѣнія, было весьма трудно соблюдать конституцію въ одной половинѣ имперіи, въ то время какъ она пересматривалась въ другой. Во всякомъ случаѣ хаосъ былъ полный; централистическая конституція, фактически пріостановленная, юридически продолжала существовать, между тѣмъ какъ безусловно противорѣчившая ей венгерская конституція была признана „въ принципѣ" подлежащей пересмотру; цислейтанскіе сеймы, выбранные согласно постановленіямъ февральскаго Патента, должны были высказаться по поводу этого пересмотра; въ то же время правительство, въ силу сентябрьскаго патента, пользовалось неограниченною властью.

Венгерскій сеймъ 1865 года. Садова. Заключеніе австро-венгерскаго соглашенія.—Выборы въ венгерскій сеймъ дали большинство въ сто голосовъ партіи Деака; старо-консерваторы, единственные приверженцы министерства, были представлены въ сеймѣ ничтожнымъ числомъ; слѣва же, напротивъ, *резолюціонисты* 1861 года и партія независимыхъ представляли силу. Присутствіе ихъ давало въ руки Деаку оружіе противъ министерства, если бы послѣднее оказалось слишкомъ неподатливымъ или слишкомъ требовательнымъ. Тронная рѣчь и отвѣтный адресъ сейма ясно показали, насколько обѣ стороны были еще далеки отъ взаимнаго пониманія. Правительство признавало, что законы 1848 года, вотированные и утвержденные законнымъ порядкомъ, составляютъ часть конституціи; но оно требовало, чтобы сеймъ предварительно пересмотрѣлъ ихъ съ цѣлью согласованія ихъ съ правами королевской власти и необходимымъ единствомъ монархіи: коронованіе должно было совершиться лишь послѣ этого. Сеймъ, напротивъ, вслѣдъ за Деакомъ требовалъ предварительнаго назначенія отвѣтственнаго венгерскаго министерства, признанія не только на словахъ, но и на дѣлѣ законовъ 1848 года, посредствомъ изданія соотвѣтствующаго акта; затѣмъ долженъ былъ послѣдовать пересмотръ и, наконецъ, въ довершеніе всего коронованіе. Деакъ упорно отказывался сойти съ почвы права и не поддавался попыткамъ двора увлечь его на путь оппортунизма. Снова, какъ въ 1861 году, началась борьба при помощи адресовъ и рескриптовъ; она грозила затянуться надолго, если бы не открылся „общеизвѣстный источникъ австрійскихъ конституцій", какъ его называетъ историкъ Шпрингеръ. Этимъ источникомъ были пораженія.

Перспектива угрожающаго конфликта съ Пруссіей замедляла ходъ переговоровъ, вмѣсто того чтобы ускорять его. Правительство разсчитывало на побѣду, которая значительно увеличила бы шансы абсолютизма; деакисты же ждали пораженія Австріи, которое сдѣлало бы ихъ господами положенія. Революціонная пропаганда распространялась энергично въ странѣ, какъ въ 1859 году, а между венграми было немало людей, готовыхъ воспользоваться случаемъ и снова взяться за планъ Кошута—покончить разъ навсегда съ Габсбургами. Чтобы приготовиться ко всѣмъ случайностямъ, Деакъ поспѣшно составилъ проектъ закона, регулирующаго отношенія между Австріей и Венгріей, который и былъ принятъ въ принципѣ палатской комиссіей. Если бы побѣда осталась за абсолютизмомъ, проектъ этотъ могъ лечь въ основу дальнѣйшихъ переговоровъ, которые должны были возобновиться въ лучшія времена,

а если бы, напротивъ, Австрія была побѣждена, проектъ долженъ бы былъ явиться ультиматумомъ со стороны Венгріи. Деакъ не напрасно спѣшилъ: 24-го іюня южная армія разбила итальянцевъ при Кустоццѣ; 27-го министерство, ободренное побѣдой, отложило засѣданія сейма. Но за побѣдой при Кустоццѣ очень скоро послѣдовало пораженіе при Садовѣ. Бенедекъ, который неохотно принялъ командованіе арміей и, встревоженный плохимъ состояніемъ войскъ и неспособностью своихъ помощниковъ, до послѣдней минуты высказывался противъ рискованнаго сраженія, былъ разбитъ пруссаками 9-го іюля. 17-го іюля императоръ призвалъ Деака въ Вѣну; а 19-го, соглашаясь съ видами Деака и принимая его проектъ, императоръ рѣшилъ дождаться заключенія мира и тогда, въ случаѣ отказа Деака, поручить составленіе перваго венгерскаго парламентскаго министерства графу Андраши, который въ 1849 году былъ присужденъ къ смерти, какъ сообщникъ Кошута.

Феодалы готовились къ сопротивленію, но имъ пришлось уступить болѣе сильнымъ вліяніямъ. Дѣло въ томъ, что война 1866 года окончательно заставила Австрію удалиться не только изъ Италіи, отъ которой она въ сущности отказалась съ 1860 года, но также изъ Германіи. Внѣшняя политика Австріи была приведена въ замѣшательство. Однако слишкомъ много нитей связывало еще династію Габсбурговъ съ Германіей, чтобы она съ перваго же раза согласилась уступить поле битвы Гогенцоллернамъ. Назначеніе министромъ иностранныхъ дѣлъ барона Бейста, бывшаго до 1866 года первымъ министромъ саксонскаго короля, знаменовало, напротивъ, начало реванша; но этотъ реваншъ былъ немыслимъ до тѣхъ поръ, пока Австрія не выйдетъ изъ своего неопредѣленнаго предконституціоннаго состоянія. Эстергази, къ великому его удивленію, было предложено подать въ отставку, а между Бейстомъ и вождями либеральной партіи состоялось соглашеніе. Либералы обязались окончательно принять въ палатской комиссіи проектъ Деака, слегка исправленный въ интересахъ единства монархіи. Какъ только они исполнили это обѣщаніе, немедленно 18-го февраля 1867 года было составлено министерство Андраши. 8-го іюня того же года Францъ-Іосифъ съ соблюденіемъ традиціонныхъ формъ былъ коронованъ венгерскимъ королемъ, послѣ того какъ онъ присягнулъ на вѣрность конституціи. Такимъ образомъ программа Деака была выполнена; непрерывность венгерскаго права восторжествовала.

Бейсту труднѣе было справиться съ Белькреди, чѣмъ съ Эстергази, такъ какъ императоръ благосклонно относился къ попыткѣ, отъ которой ждалъ примиренія постоянно враждовавшихъ между собой цислейтанскихъ національностей. Белькреди не рѣшился представить соглашеніе на разсмотрѣніе сеймовъ, такъ какъ отказъ одного изъ нихъ могъ поколебать съ такимъ трудомъ добытое соглашеніе. Патентомъ отъ 2-го января 1868 года былъ созванъ узкій рейхсратъ, но подъ видомъ „чрезвычайнаго"; это значило, что сеймы, обновившіе свой составъ въ теченіе предшествовавшаго промежутка, могли избирать делегатовъ въ этотъ рейхсратъ, не считаясь съ системой курій. Этимъ пріемомъ были разрушены всѣ разсчеты Шмерлинга, и когда министерство открыто предложило свои услуги феодаламъ, то анти-нѣмецкое большинство было обезпечено. Принятіе австро-венгерскаго соглашенія рейхсратомъ развязало бы руки правительству, но Деакъ и его друзья не допустили этого, опасаясь, чтобы побѣда австрійскихъ славянъ надъ нѣмцами не возбудила венгерскихъ славянъ противъ мадьяръ. Бейстъ указалъ на то обстоятельство, что нѣмецкая политика во внѣшнихъ дѣлахъ несовмѣстима съ внутренней славянской политикой. Вслѣдствіе этого Белькреди 7-го февраля

А. Эберле.

Вѣсти съ театра войны.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К

былъ отставленъ, а на его мѣсто назначенъ Бейстъ, который не замедлилъ созвать очередной рейхсратъ. Такимъ образомъ въ Цислейтаніи побѣда осталась за нѣмцами.

Австро-венгерское соглашеніе.—Австро-венгерское соглашеніе 1867 года установило взамѣнъ прежней Австрійской имперіи Австро-венгерскую монархію. Это соглашеніе является грамотой дуализма, если не создавшей, то во всякомъ случаѣ заново организовавшей его. Уже при старомъ строѣ, не взирая на неразрывность уніи, провозглашенную Прагматической Санкціей, дуализмъ существовалъ между конституціонной Венгріей и наслѣдственной монархіей, подчиненной неограниченному правленію. Начиная же съ 1867 года мы видимъ рядомъ два конституціонныхъ государства съ равными правами. Исторія трехъ вѣковъ и опытъ за время отъ 1848 до 1866 года показали Деаку и его сторонникамъ, что венгерская конституція не можетъ быть въ безопасности до тѣхъ поръ, пока ненасытный въ своихъ притязаніяхъ абсолютизмъ еще царитъ въ Вѣнѣ; и XII статья 1867 года (венгерскій законъ о „соглашеніи") оговариваетъ въ особыхъ выраженіяхъ, что Венгрія заключаетъ договоръ съ другими странами, подвластными его величеству, въ тѣхъ только случаяхъ и на то лишь время, когда въ нихъ будетъ введено конституціонное правленіе. Но именно вслѣдствіе этого необходимо было придать дуализму новую форму.

Австрія и Венгрія—Цислейтанія и Транслейтанія — не двѣ части одного и того же государства, а два отдѣльныхъ государства. Австро-Венгерская монархія не обладаетъ тѣми правами верховной власти, которыхъ лишены они; по полномочію этихъ двухъ государствъ она пользуется лишь тѣми, которыя стали у нихъ „общими" и которыя, главнымъ образомъ, относятся къ сношеніямъ съ иноземными странами. Иностранныя государства только и имѣютъ дѣло съ Австро-Венгріей; граждане принадлежатъ или къ австрійцамъ, или къ венграмъ. Орудія внѣшней политики, дипломатія, внѣшнія торговыя сношенія, армія, флотъ, — общія у обоихъ государствъ. Во внутреннихъ дѣлахъ государства сохранили свою полную самостоятельность, обязавшись лишь руководиться одинаковыми принципами въ нѣкоторыхъ вопросахъ экономическаго характера: поддержаніе таможеннаго и торговаго договора, заключеннаго въ 1850 году, обусловливаетъ необходимость единообразія въ системѣ косвенныхъ налоговъ; по крайней мѣрѣ, въ ея главныхъ чертахъ. Общія издержки по статьямъ, обусловленнымъ „соглашеніемъ", покрываются изъ доходовъ таможеннаго вѣдомства, а въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдніе оказываются недостаточными, общая касса пополняется прямыми налогами. Политическая унія, въ силу Прагматической Санкціи, должна длиться все время существованія династіи габсбурговъ. Торговые и таможенные договоры заключаются на десять лѣтъ: финансовый договоръ, опредѣляющій долю участія каждаго государства въ общихъ расходахъ, устанавливается также на десять лѣтъ. Если оба парламента не приходятъ къ соглашенію по вопросу о его возобновленіи, то императоръ является посредникомъ между ними; его рѣшеніе имѣетъ силу лишь въ теченіе года; но по истеченіи этого срока оно можетъ быть возобновлено.

Императоръ — представитель монархіи передъ иностранными державами; онъ начальствуетъ арміей и направляетъ внѣшнюю политику. Ему помогаютъ три министра по общимъ дѣламъ: министръ иностранныхъ дѣлъ, военный министръ и министръ общихъ финансовъ (вѣдающій одни расходы). Парламентскій контроль надъ министрами принадлежитъ делегаціямъ. Ежегодно каждый парламентъ избираетъ изъ своей среды комиссію, со-

стоящую изъ шестидесяти членовъ, причемъ двадцать избираются отъ верхней палаты и сорокъ—отъ нижней. Это—делегаціи: онѣ засѣдаютъ попеременно то въ Вѣнѣ, то въ Пештѣ, не сливаясь, и согласно закону сносясь между собою только письменно. Компетенція ихъ распространяется исключительно на бюджетъ: монархія, какъ таковая, лишена вовсе законодательной власти. Делегаціи вотируютъ общіе расходы; изъ принятой цифры вычитается сумма таможенныхъ доходовъ; затѣмъ выясняется сумма, которая должна быть внесена обоими государствами, и распредѣляется между ними согласно устанавливаемой каждыя десять лѣтъ пропорціи, которая однако съ 1867 года не измѣнялась: 70% для Австріи и 30% для Венгріи. Эти повинности являются для обоихъ парламентовъ обязательнымъ расходомъ, который имъ не предстоитъ даже обсуждать, а просто только внести. Итакъ, равенство правъ и неравенство обязанностей — вотъ принципъ дуализма. Венгрія въ минуту сведенія счетовъ въ 1867 году была менѣе населена, менѣе развита экономически, менѣе процвѣтала, чѣмъ Австрія. Съ большимъ или меньшимъ правомъ и искренностью она возлагала всю отвѣтственность за низкую ступень своего развитія на тотъ гнетъ, который тяготѣлъ надъ нею восемнадцать лѣтъ, принося, по ея словамъ, выгоду Австріи, и не безъ участія въ немъ послѣдней, во всякомъ случаѣ, не вызывая съ ея стороны никакой оппозиціи. Пусть Австрія страдала столько же отъ этого строя: Венгрія могла сослаться на свои права, Австрія—только на факты. Въ этомъ заключалась огромная разница, которая обнаружилась, когда обоимъ государствамъ предстояло обсудить вопросъ о государственномъ долгѣ. Венгры заявили рѣшительно, что всѣ займы, заключенные безъ вѣдома ихъ сеймовъ, по ихъ мнѣнію, были недѣйствительны, какъ несогласные съ конституціей, и что они дѣлаютъ огромную уступку, соглашаясь принять на себя часть этихъ займовъ. Австрійцы напрасно доказывали, что большая часть займовъ была заключена на предметъ общей обороны и что въ частности издержки на борьбу съ революціей въ 1849 году были возложены на монархію одними венграми. Но развѣ только что состоявшееся соглашеніе не узаконяло почти революцію? Приходилось покориться желанію венгровъ: они согласились уплачивать лишь постоянную сумму приблизительно въ 30 милліоновъ флориновъ процентныхъ денегъ; погашеніе же, сведеніе безчисленныхъ займовъ въ одну общую сумму государственнаго долга и перевѣсъ при уплатѣ процентныхъ денегъ въ 25 милліоновъ флориновъ остались на сторонѣ Австріи. Она давно уже привыкла къ дефицитамъ, и ея конституціонная эра могла вполнѣ примириться съ этимъ наслѣдіемъ абсолютизма. Венгры же, наоборотъ, не скрывали своего нежеланія начинать съ дефицита свое самостоятельное финансовое управленіе. Для великихъ плановъ ихъ національнаго подъема имъ нуженъ былъ нетронутый кредитъ.

Соглашеніе было заключено имперскимъ правительствомъ подъ давленіемъ необходимости. Венгры были господами положенія; они могли диктовать свою волю; мудрая умѣренность Деака облегчила имъ торжество, нисколько его не умаляя. Послѣ соглашенія, состоявшагося между дворомъ и венгерскимъ парламентомъ, и послѣ того, какъ это соглашеніе было скрѣплено рѣшительнымъ актомъ—назначеніемъ отвѣтственнаго министерства,—цислейтанскому рейхсрату было предложено его одобрить О внесеніи въ него какихъ-либо измѣненій не могло быть и рѣчи. Упреки централистовъ, жалобы нѣмецкихъ автономистовъ, боровшихся за установленіе австро-венгерскаго соглашенія при Шмерлингѣ, когда условія его были бы несомнѣнно менѣе тяжкими, теперь оправдались, но были лишены всякаго

значенія. Несомнѣнно, Австрія приносилась въ жертву Венгріи; она могла бы избѣгнуть этой участи, если бы сумѣла во время показать такую же энергію, такое же терпѣніе и разумное упорство, какъ мадьяры. Къ несчастью, она давно уже погрузилась въ безполезную борьбу и, раздробленная, должна была покориться противнику, сильному своимъ единствомъ. Какъ при заключеніи „соглашенія“ мадьяры заняли господствующее положеніе, дѣлая видъ, что идутъ на уступки въ ту минуту, какъ получали ихъ, такъ же точно и по тѣмъ же причинамъ эта роль осталась за ними и впослѣдствіи: соглашеніе 1867 года неизбѣжно повлекло за собой ихъ преобладаніе въ монархіи, и исторія послѣдняго тридцатилѣтія только и дѣлала, что заносила на свои страницы ихъ успѣхи.

Декабрьская конституція. „Министерство разночинцевъ“. Борьба за отмѣну конкордата.—Если бы рейхсрату былъ предоставленъ свободный выборъ, то соглашеніе было бы имъ, по всей вѣроятности, отвергнуто. Но всѣ знали, что если оно не будетъ принято добровольно, то его навяжутъ силою, и Бейстъ, въ видѣ награды за его принятіе, обѣщалъ возстановить конституцію въ Австріи. Къ законамъ, вводившимъ дуализмъ, рейхсратъ присоединилъ еще законы, устанавливавшіе въ Цислейтаніи настоящій конституціонный порядокъ, и представилъ ихъ вмѣстѣ съ первыми на санкцію императора. Эта санкція послѣдовала 21 декабря 1867 года, и дополненный такимъ образомъ февральскій патентъ превратился въ декабрьскую конституцію. Знаменитая 13-я статья, преобразованная теперь въ 14-ю, была редактирована такъ, чтобы, повидимому, помѣшать впредь всякой пріостановкѣ конституціи; устанавливалась отвѣтственность министровъ, которой тщетно добивались при Шмерлингѣ; гражданамъ обезпечивались основныя свободы, судьямъ—ихъ независимость, парламенту—его права. Австрія обладала бы съ тѣхъ поръ конституціоннымъ режимомъ, если бы у нея былъ парламентъ, представлявшій всю страну. Нѣмецкое большинство не смѣло коснуться избирательныхъ законовъ Шмерлинга, которымъ оно обязано было своимъ существованіемъ. Оно не видѣло или не хотѣло видѣть того противорѣчія, которое заключается въ понятіяхъ: фальсифицированное большинство и искреннее конституціонное правленіе.

Вскорѣ новое Цислейтанское государство получило парламентское министерство. Буржуазія праздновала побѣду, которую считала окончательною, ибо коллегами князя Карла Ауерсперга, „перваго кавалера имперіи“ были большею частью простые разночинцы, адвокаты и профессора. За „министерствомъ трехъ графовъ“ слѣдовало „министерство разночинцевъ“. Брестель, министръ финансовъ, Гискра, министръ внутреннихъ дѣлъ, Бергеръ, министръ безъ портфеля, были парламентскими дѣятелями 1848 года. Брестель внесъ порядокъ въ финансы, запутанные Ларишемъ; но ему пришлось прибѣгнуть къ насильственной конверсіи, имѣвшей видъ частнаго банкротства. Гискра и Гербстъ, министръ юстиціи, преобразовали администрацію и судебное вѣдомство, отдѣливъ ихъ на всѣхъ ступеняхъ другъ отъ друга. Печать стала снова подсудна суду присяжныхъ. Военный законъ, выработанный совмѣстно съ венгерскимъ правительствомъ, установилъ на десять лѣтъ контингентъ солдатъ и обязательность военной службы. Гаснеръ, министръ просвѣщенія и вѣроисповѣданій, закономъ 14-го мая 1868 года доставилъ торжество принципу обязательнаго обученія. Но заслуга „министерства разночинцевъ“ связана главнымъ образомъ съ законами мая мѣсяца 1868 года, нанесшими первый ударъ конкордату уничтоженіемъ тѣхъ уступокъ, которыя были сдѣланы церкви въ брачномъ вопросѣ и въ

вопросахъ обученія, и возстановленіемъ правъ гражданской власти. Папа въ своей знаменитой рѣчи объявилъ эти законы не имѣющими силы; наоборотъ, министерство и суды заявляли, что конкордатъ былъ недѣйствителенъ повсюду, гдѣ вступалъ въ противорѣчіе съ конституціей. Общественное мнѣніе требовало безусловнаго расторженія конкордата. Но лица, посланныя Бейстомъ для переговоровъ въ Римъ, были сторонниками скорѣе куріи, нежели министра. Они чувствовали за собой болѣе сильную поддержку. Епископъ Линцъ, ярый поборникъ господства церкви, былъ приговоренъ судомъ присяжныхъ за нарушеніе общественнаго мира пастырскимъ посланіемъ къ двѣнадцати днямъ заключенія; не дожидаясь просьбы съ его стороны, не посовѣтовавшись съ министрами, императоръ его помиловалъ.

Императоръ не безъ неудовольствія примирился съ необходимостью „министерства разночинцевъ". Ихъ борьба за отмѣну конкордата не была способна привлечь къ нимъ его расположеніе. Въ помощь и безъ того уже сильной федералистической агитаціи присоединилась еще агитація клерикальная. Чехи, низведенные съ высоты своихъ надеждъ паденіемъ Белькреди, 22 августа 1868 года опубликовали свою *декларацію*, отнимавшую у Цислейтаніи всякую историческую или законную почву, всякое право на существованіе: корона Богеміи имѣетъ тѣ же привилегіи, какъ и корона Венгріи, и отношенія между этой страной и другими государствами могутъ быть установлены лишь путемъ соглашенія императора съ политическимъ населеніемъ Богеміи. Вручивъ *декларацію*, чехи устроили родъ парламентской стачки: вплоть до 1870 года они не показывались ни въ сеймѣ, ни въ рейхсратѣ; по истеченіи срока ихъ мандатовъ они были избраны вновь. Народъ принималъ ихъ сторону съ такимъ жаромъ, что въ Прагѣ сочли нужнымъ ввести военное положеніе. Въ Лембергѣ демократическая фракція, руководимая Смолкой, приняла аналогичную программу; поддерживаемая также народомъ, она одержала верхъ надъ колебаніями дворянства, надъ сопротивленіемъ правительственной группы, руководимой Зиміалковскимъ, и добилась признанія сентябрьской *резолюціи* 1868 года; послѣдняя требовала ограниченія компетенціи рейхсрата одними лишь общими дѣлами, учрежденія въ Галиціи автономнаго судопроизводства и отвѣтственнаго правительства. Словены волновались въ свою очередь; итальянцы въ Тріестѣ вызывали бунты, а сербы, жившіе близъ устьевъ Катарро, во избѣжаніе примѣненія къ нимъ новаго военнаго закона, подняли вооруженное возстаніе. Движеніе національностей было направлено именно противъ Цислейтаніи и было довольно сильно, чтобы заставить призадуматься правительство и его сторонниковъ. „Спасемъ изъ централистической системы все, что можно еще спасти", сказалъ Гискра. Полякамъ сдѣлали уступку, разрѣшивъ имъ оффиціальное употребленіе ихъ языка въ Галиціи и расширивъ законодательную компетенцію ихъ сейма; они приняли это и продолжали требовать остального. Приблизительно то же самое было предоставлено чехамъ (за исключеніемъ языка) и, кромѣ того, имъ былъ предложенъ одинъ портфель: чехи не соблаговолили даже отвѣтить. Министерство раздѣлилось: Бейстъ работалъ втихомолку противъ соглашенія съ чехами, въ результатѣ чего уже явилась отставка Ауерсперга. Меньшинство кабинета: Бергеръ, Таафе, министръ полиціи, Потоцкій, министръ земледѣлія, представили императору программу примиренія: но большинство составило контръ-докладъ, настаивавшій на сопротивленіи; императоръ рѣшилъ въ пользу послѣдняго. Гаснеръ 1-го февраля 1870 года былъ назначенъ предсѣдателемъ совѣта. Но побѣдители не довѣряли своему тор-

жеству. Гискра, потерпѣвъ неудачу въ своихъ попыткахъ къ переговорамъ съ чехами, 22-го марта подалъ въ отставку. Рейхсратъ, въ началѣ новой эры, вотировалъ законъ, предоставлявшій правительству производить прямые выборы въ тѣхъ областяхъ, гдѣ сеймы отказывались избирать въ рейхсратъ депутатовъ. Кабинетъ внесъ законъ, разрѣшавшій прямые выборы не только въ цѣлой области, но и въ каждомъ округѣ, гдѣ депутатъ отказывался занять свое мѣсто въ рейхсратѣ. Ударъ, направленный противъ составителей *деклараціи*, въ то же время грозилъ и полякамъ, *резолюція* которыхъ была только что отвергнута комиссіей рейхсрата. Общій уходъ изъ парламента былъ отвѣтомъ на это со стороны славянъ. Парламентъ свелся къ какой-нибудь сотнѣ членовъ-нѣмцевъ. Не имѣя за собою значительнаго большинства, принужденное въ то же время сноситься съ далматскими повстанцами, которыхъ оно не могло усмирить, министерство находилось въ невыносимомъ положеніи. 4-го апрѣля оно подало въ отставку, чтобы уступить мѣсто меньшинству подъ предсѣдательствомъ Потоцкаго.

Венгрія въ эпоху министерства Андраши.— Признаніе дуализма въ его новомъ видѣ возлагало на Венгрію обязанность національнаго и политическаго преобразованія. Въ силу „соглашенія" Трансильванія и Кроація были окончательно присоединены къ коронѣ св. Стефана; но надо было опредѣлить ихъ положеніе въ венгерскомъ государствѣ. Трансильванія была безусловно присоединена къ Венгріи; въ ней насчитывалось до полумилліона мадьяръ, которыхъ соотечественники не хотѣли предоставить власти румынскаго большинства. Великое герцогство потеряло свою самостоятельность; саксонцы утратили свои муниципальныя вольности; Трансильванія стала лишь географическимъ названіемъ. По отношенію къ Кроаціи память о 1848 г. внушала осторожность государственнымъ людямъ въ Пештѣ: недовольная Кроація могла сдѣлаться опасной, если бы дворъ когда-нибудь, путемъ всегда возможнаго поворота, сдѣлалъ попытку вернуться къ централизаціи или къ абсолютизму. Къ тому же среди почти сплошь славянскаго населенія Кроаціи мадьяръ было весьма немного. Соглашеніе было заключено въ 1868 году. Во внутреннихъ дѣлахъ своихъ Кроація должна была пользоваться полною самостоятельностью, получая свои законы лишь отъ сейма въ Аграмѣ: исполнительная власть была предоставлена бану, отвѣтственному передъ сеймомъ и назначаемому королемъ по представленію венгерскаго министерства; въ составъ кабинета въ Пештѣ долженъ былъ входить всегда одинъ кроатскій министръ, на котораго возлагались исключительно дѣла Кроаціи. Вопросы военные, финансовые и коммерческіе были единственными общими вопросами для Венгріи и Кроаціи: они подлежали компетенціи венгерскаго парламента, усиленнаго спеціально въ этихъ случаяхъ делегатами кроатскаго сейма, въ количествѣ 29 членовъ для нижней палаты и 2-хъ для верхней палаты; четверо изъ числа первыхъ и одинъ изъ вторыхъ должны были входить въ венгерскую делегацію; 45% съ доходовъ Кроаціи (съ обезпеченіемъ минимальной суммы въ 2.200.000 флориновъ) назначались на покрытіе ея внутреннихъ расходовъ. Большая часть населенія была противъ всякаго союза съ Венгріей: надо было употребить немало давленія, произвола и несправедливостей, чтобы добиться вотума этого соглашенія; ближайшій сеймъ, избранный въ 1871 году, состоялъ по большой части изъ ярыхъ „націоналистовъ", потребовавшихъ отмѣны соглашенія. И даже тотъ сеймъ, который его вотировалъ, нѣсколько разъ принимался протестовать противъ неправильной системы его примѣненія; въ Аграмѣ произошли анти-венгерскія манифестаціи, но-

сившія довольно серьезный характеръ. Народное возбужденіе въ Кроаціи перешло въ возстаніе, впрочемъ, довольно быстро подавленное, въ области Военной Границѣ, которая въ то время была въ полномъ разстройствѣ. Кордонъ, учрежденный противъ заноса чумы и противъ турокъ, утратилъ теперь всякій смыслъ существованія: между 1870 и 1872 гг. военная администрація была мало-по-малу замѣнена гражданскою, и часть области была присоединена къ Венгріи, другая—къ Кроаціи; взамѣнъ этого увеличенія своей территоріи Транслейтанія согласилась на прибавку приблизительно 2 процентовъ къ долѣ, вносимой ею на общіе расходы монархіи. Законъ о національностяхъ (1868) установилъ окончательное преобладаніе мадьярскаго языка, единственнаго правительственнаго языка Венгріи (за исключеніемъ Кроаціи): остальные языки были лишь терпимы въ общественной жизни. Мадьяры считаютъ свои порядки либеральными; между тѣмъ подвластныя имъ національности уже 30 лѣтъ безпрерывно жалуются на тиранні мадьяръ.

Окончатель ноеустановленіе парламентскаго режима дѣлало необходимыми крупныя органическія реформы, которыя должны были обезпечить государству большее единство а его органамъ — бóльшую власть: въ частности предстояло сузить почти безпредѣльную свободу комитатовъ, дававшую поводъ для большихъ злоупотребленій въ ущербъ порядку и законности. Но, съ другой стороны, мелкое дворянство, преобладавшее въ собраніяхъ комитатовъ и извлекавшее пользу изъ этихъ злоупотребленій, рѣшило ихъ защищать; оно всѣми способами покровительствовало кандидатамъ лѣвой, противившимся реформамъ не столько изъ любви къ прежнимъ учрежденіямъ, сколько изъ ненависти къ правой и къ правительству. Деакистское большинство уменьшилось послѣ выборовъ 1869 года, но было еще достаточно сильно, чтобы заставить торжествовать свою программу. Оно приняло проекты реформъ министра юстиціи и министра внутреннихъ дѣлъ. Первые отнимали у комитатовъ власть выбирать судей и учреждали магистратуру по назначенію, члены которой, доказавшие свои юридическія способности, получали всевозможныя гарантіи независимости; что касается проектовъ второго рода, то они преобразовывали администрацію комитатовъ, расширяли нѣсколько компетенцію представителей исполнительной власти, ограничивали право протестовъ, которымъ такъ неумѣренно пользовались при старомъ порядкѣ. По нѣсколькимъ пунктамъ министерство отступило передъ оппозиціей магнатовъ, и съ этой минуты началъ выдвигаться вопросъ о реформѣ верхней палаты. Но поднимать его было несвоевременно: у правительства было достаточно другихъ заботъ. Лѣвая по каждому поводу нападала на „соглашеніе": она старалась противопоставить ему память о 1848 г., а противъ вліянія Деака выдвигала вліяніе Кошута. Но старые приверженцы Деака взяли на себя его защиту. Перцель, Клапка и другіе вожаки революціи были въ союзѣ съ правительствомъ: они приняли командованіе въ арміи гонведовъ, которая въ силу „соглашенія" зависѣла лишь отъ правительства и отъ венгерскаго парламента. Дворъ, впрочемъ, облегчилъ Андраши защиту. Государи выражали свои симпатіи къ Венгріи такъ открыто, что оскорбляли этимъ иногда австрійцевъ. 1848 годъ былъ, повидимому, забытъ и даже болѣе того: министры присутствовали въ церкви при службѣ въ память Людвига Баттіани, жертвы Гайнау. Нѣсколько столкновеній возникли на первыхъ порахъ между австрійскими генералами и венгерскими властями; перевѣсъ остался за послѣдними. Для Венгріи дулъ положительно попутный вѣтеръ: это видно изъ того оборота, который приняли дѣла Австро-Венгерской монархіи.

Дуализмъ въ эпоху 1867—1871 годовъ. Иностранная политика Бейста.— Склоняя императора къ введенію дуализма, Бейстъ прежде всего думалъ обезпечить себѣ этимъ полную свободу дѣйствій въ Германіи. Онъ хотѣлъ свести свои счеты съ Бисмаркомъ. Въ ту минуту, когда его назначили канцлеромъ, онъ былъ полонъ идей и проектовъ: союзъ съ Франціей, совмѣстная работа съ Италіей, примиреніе, по крайней мѣрѣ, внѣшнее, съ Россіей, покровительство христіанамъ на Востокѣ. Полный переворотъ въ традиціяхъ австрійской иностранной политики не былъ въ его глазахъ слишкомъ дорогою цѣною, если давалъ возможность или одержать побѣду надъ Пруссіей и возстановить Германію въ томъ видѣ, какъ она была до 1866 года, или же, по меньшей мѣрѣ, образовать союзъ между Австріей и тремя Южными государствами,—союзъ, который могъ бы составить противовѣсъ Сѣверной конфедераціи. Бейстъ повезъ своего государя въ Зальцбургъ, чтобы попытаться заключить союзъ между Австріей и Франціей; онъ велъ переговоры съ Флоренціей, чтобы на случай войны обезпечить себя отъ всякой неожиданности со стороны Италіи; онъ предлагалъ Россіи свободный выходъ изъ Чернаго моря, но тщетно, такъ какъ Россія надѣялась скоро получить его съ гораздо меньшими уступками, благодаря соглашенію съ Пруссіей; онъ склонилъ Порту на эвакуацію крѣпости Бѣлграда и выставилъ себя благодѣтелемъ Сербіи. Въ Германіи, по отношенію къ Пруссіи, онъ принималъ почти вызывающее положеніе. Онъ терпѣлъ интриги Ганноверскаго двора, укрывшагося въ Гитцингѣ, близъ Вѣны, и разсылавшаго оттуда, при благосклонномъ покровительствѣ австрійской полиціи, шпіоновъ и памфлеты. Отношенія между Вѣной и Берлиномъ минутами бывали весьма натянутыя; между оффиціозами съ обѣихъ сторонъ война не прекращалась. Было ясно, что Бейстъ разсчитывалъ на предстоявшій франко-прусскій конфликтъ и готовился къ борьбѣ. Но Венгрія, далеко не заинтересованная въ его планахъ германской политики, втихомолку боролась противъ нихъ. Ей не было дѣла до воспоминаній, привлекавшихъ габсбурговъ къ Германіи. Она заботилась лишь о своей выгодѣ, ради которой, наоборотъ, надо было порвать узы, соединявшія еще австрійскій домъ съ его бывшей имперіей. Побѣда, одержанная въ Германіи, могла бы черезчуръ легко вскружить голову австрійскимъ патріотамъ и подвергнуть опасности молодую независимость Венгріи. Если даже у двора не было этихъ заднихъ мыслей, то для Венгріи было уже неудобно то, что политика Бейста устремлялась на западъ въ то время, какъ венгерскіе интересы сосредоточены на востокѣ. Но дуализмъ помогъ ей. Андраши умѣлъ дѣйствовать на венгерскую делегацію и прятаться за ея мнимыя требованія, которыя онъ самъ ей диктовалъ. Избраніе делегацій предоставляетъ большое преимущество Венгріи: сорокъ делегатовъ Трансильванской нижней палаты (за исключеніемъ четырехъ кроатовъ) избираются по одному списку всей палатой и образуютъ однородное большинство. Съ австрійской стороны, наоборотъ, делегаты избираются порознь депутатами каждой провинціи. Такимъ образомъ делегація заключаетъ въ себѣ непремѣнно противниковъ не только на политической почвѣ, но и на почвѣ національной, и этимъ самымъ находится въ менѣе выгодномъ положеніи. Въ тѣхъ случаяхъ, когда обѣ делегаціи не могутъ придти къ соглашенію, онѣ обязаны въ силу австровенгерскаго соглашенія собраться въ общее засѣданіе, чтобы вотировать, безъ всякаго обсужденія, предложенныя имъ цифры. Въ то время, какъ венгерская делегація остается сплоченной, отъ австрійской делегаціи дворъ всегда можетъ отдѣлить нѣсколькихъ крупныхъ землевладѣльцевъ или нѣсколькихъ славянъ, нуждающихся

въ его благосклонности, и такимъ образомъ опредѣлить большинство. Опытъ подобнаго рода былъ сдѣланъ въ 1869 г. Вопреки волѣ большинства австрійскихъ делегатовъ, военный бюджетъ былъ вотированъ въ томъ видѣ, какъ того требовало министерство. Венгры такимъ образомъ заполняли во имя равенства своими соотечественниками органы общаго управленія, въ то же время противились воинственнымъ намѣреніямъ канцлера и мало-по-малу накладывали свою руку на иностранную политику монархіи. Событія 1870 года обезпечили имъ побѣду. Приведенный въ отчаяніе слишкомъ быстрымъ нападеніемъ на Францію, удерживаемый въ отдаленіи угрозами Россіи, Бейстъ, послѣ Седана, уже не могъ надѣяться на успѣхъ въ Германіи. Когда германскій вопросъ окончательно былъ рѣшенъ въ пользу Пруссіи, Австріи оставалось только обратиться на Востокъ: Пруссіи было чрезвычайно выгодно поддерживать ее впредь въ этомъ направленіи. Венгрія сразу сдѣлалась главнымъ двигателемъ внѣшней австрійской политики и внутренній кризисъ Австріи въ 1871 году только ускорилъ неизбѣжную развязку.

Министерство Гогенварта. Торжество дуализма. Министерство Потоцкаго было не болѣе, какъ переходнымъ кабинетомъ, предназначеннымъ подготовить путь для болѣе полнаго опыта федералистической политики. Онъ не зналъ въ точности, чего хотѣлъ: мечталъ, повидимому, о попыткѣ примиренія національностей на основѣ честнаго примѣненія конституціи. Были начаты переговоры съ партіей нѣмецкихъ автономистовъ, единственной фракціей лѣвой, которая искренно стремилась къ свободѣ. Переговоры происходили между Потоцкимъ и чешскими вожаками; но послѣдніе предъявили черезчуръ высокія притязанія; историческое дворянство какъ разъ въ эту минуту составляло декларацію, которая такимъ образомъ становилась программою для всего въ Богеміи, что не было нѣмецкимъ. Въ Галиціи также предложенія министра были сочтены неудовлетворительными. Онъ потерпѣлъ крушеніе повсюду. Въ качествѣ послѣдняго средства онъ попытался распустить всѣ сеймы,—выборы оказались благопріятными въ Богеміи — сторонникамъ *деклараціи*, въ Галиціи—*резолюціонистамъ*. Изъ 203 мѣстъ рейхсрата 75—мѣста чеховъ и нѣкоторыхъ другихъ славянъ остались пустыми. Потоцкій 7-го февраля 1871 г. уступилъ мѣсто графу Карлу Гогенварту. Министерство послѣдняго не оставило бы совсѣмъ слѣда въ исторіи Австріи, если бы случай не связалъ его существованія съ великимъ событіемъ: съ отмѣною конкордата. Поводомъ къ этому послужили декреты собора въ Ватиканѣ. Подъ тѣмъ предлогомъ, что провозглашеніе папской непогрѣшимости измѣняло положеніе одного изъ договаривающихся, дѣлая изъ него другое лицо по сравненію съ тѣмъ, съ которымъ договоръ былъ заключенъ, императоръ, по выслушаніи отчета министра вѣроисповѣданій Стремайра, 30 іюля повелѣлъ о невозобновленіи конкордата съ Римомъ. Послѣдній тяготѣлъ надъ Австріей пятнадцать лѣтъ.

Графъ Гогенвартъ, губернаторъ Верхней Австріи, былъ, подобно Белькреди, превосходнымъ чиновникомъ и, по отзыву Гискры, „образцомъ губернатора"; но, какъ и Белькреди, онъ находился во власти сословныхъ предразсудковъ. Онъ былъ нѣмецъ по происхожденію, но его министерство получило отъ вѣнскаго населенія прозвище *министерства богемцевъ*, вслѣдствіе того, что портфели народнаго образованія и юстиціи были предоставлены въ немъ двумъ чехамъ, Иречеку и Габитинеку: нѣмецкія газеты метали громы противъ неслыханной дерзости поставить во главѣ управленія просвѣщеніемъ въ Австріи чеха, словно этотъ постъ въ силу божескаго закона принадлежалъ

нѣмцу, и Иречекъ, посреди торжественной университетской обстановки, былъ освистанъ студентами. Идейнымъ представителемъ кабинета былъ министръ торговли Шеффле, профессоръ, родомъ изъ Тюбингена, изъ-за своего анти-прусскаго рвенія лишившійся каѳедры въ Вюртембергѣ, но вскорѣ вознагражденный за это каѳедрой въ Вѣнѣ. Въ теченіе короткаго времени, что онъ былъ министромъ, онъ явился вдохновителемъ политики, къ которой не разъ прибѣгали съ успѣхомъ впослѣдствіи. Либеральная нѣмецкая партія опирается на буржуазію, на средніе классы: чтобы сравняться съ нею, нужно открыть доступъ въ число избирателей мелкой буржуазіи, ремесленникамъ, послушнымъ руководству дворянства и духовенства. На долю дворянства и духовенства должны были выпасть всѣ выгоды новой системы, такъ же какъ и изъ системы Белькреди; роль славянскихъ народностей сводилась лишь къ маскированію ихъ честолюбивыхъ притязаній.

Рейсхратъ, состоявшій въ большинствѣ изъ нѣмцевъ, не скрылъ своего недовѣрія новому кабинету: Шмерлингъ, занимая предсѣдательское кресло въ верхней палатѣ, обрушился на него открыто; въ палатѣ депутатовъ кабинету предсказали крушеніе его попытки или гибель Австріи. Онъ внесъ законопроектъ, расширявшій компетенцію сеймовъ; въ отвѣтъ было заявлено, что вопросъ этотъ обсужденію не подлежитъ. По другому проекту Галиція получала большую часть тѣхъ уступокъ, которыхъ она требовала въ своей резолюціи: все законодательство, касавшееся внутреннихъ дѣлъ, должно было принадлежать сейму; въ австрійскомъ кабинетѣ долженъ былъ всегда засѣдать одинъ галиційскій министръ; делегаты сейма въ рейхсратѣ должны были имѣть право голоса во всѣхъ дѣлахъ, даже не касавшихся провинцій. Это послѣднее постановленіе возбудило особенно критику со стороны нѣмцевъ: имъ казалось, что министерство такимъ путемъ хочетъ обезпечить себѣ всегда преданное большинство. Въ отвѣтъ на запросъ Гогенвартъ изъявилъ готовность даровать тѣ же уступки Богеміи, если она ими удовольствуется. Палата, въ адресѣ, поданномъ императору, указала на вредную политику его министровъ; императоръ принялъ ихъ сторону. Лѣвая не хотѣла вотировать бюджетъ, но крупные собственники, побуждаемые своею трусливою преданностью, отказались присоединиться къ столь революціонному поступку. Какъ только бюджетъ прошелъ, министерство отложило засѣданія рейхсрата. Теперь оно было свободно. Планъ соглашенія съ Богеміей былъ установленъ: хотѣли удовлетворить чеховъ, чтобы охранить сѣверную окраину отъ пропаганды Пруссіи, которой все еще боялись. 10-го августа рейхсратъ былъ распущенъ, такъ же какъ и сеймы нѣмецкихъ областей, Моравіи и Силезіи; не были распущены только федералистическіе сеймы. Выборы, какъ всегда, дали большинство правительству; теперь правительство было увѣрено, что на его сторонѣ въ рейхсратѣ будетъ двѣ трети голосовъ и что при такихъ условіяхъ оно сможетъ пересмотрѣть конституцію по-своему. Нѣмецкое меньшинство заявило протестъ и удалилось. Весь интересъ сессіи сосредоточился на Богеміи. Рескриптъ императора, прочитанный при открытіи сейма, заключалъ въ себѣ признаніе правъ короны св. Вацлава и обѣщаніе подтвердить это признаніе актомъ коронованія. Но у императора были уже обязательства, принятыя имъ на себя по отношенію къ другимъ областямъ—соглашеніе и конституція; поэтому онъ просилъ сеймъ о принятіи такихъ мѣръ, которыя облегчили бы ему это. Чешское большинство, оставшееся въ одиночествѣ послѣ ухода нѣмцевъ, приняло, по предложенію Кламъ-Мартиница, адресъ императору, который долженъ былъ сопровождать *основныя статьи*. Послѣднія требовали для Бо-

гемiи такого же положенія, какимъ пользовалась Венгрія: ихъ представители въ цислейтанской делегацiи должны были избираться сеймомъ, а не рейхсратомъ; собраніе делегатовъ отъ цислейтанскихъ сеймовъ должно было издавать законы въ области торговли и сношеній; сенатъ, назначенный императоромъ, долженъ былъ выполнять роль охранителя и толкователя новой конституціи. Особый законъ долженъ былъ обезпечить одинаковыя права за національностями, а избирательный законъ богемскаго сейма долженъ былъ быть пересмотрѣнъ въ смыслѣ обезпеченія національностямъ полнаго равенства. Моравія присоединилась къ „основнымъ статьямъ". Императоръ принялъ адресъ благосклонно. Онъ высказалъ депутаціи, представлявшей ему адресъ, пожеланіе, чтобы сеймъ рѣшился избрать депутатовъ въ рейхсратъ: федералистическія партіи будутъ имѣть тамъ большинство и смогутъ законнымъ образомъ измѣнить конституцію; „только", прибавилъ онъ, „я не хочу ничего болѣе даровать". Но дворянство, стоявшее за свои историческія права, не хотѣло и слышать о рейхсратѣ; въ интересахъ его господства нужно было, чтобы Богемія была обязана удовлетвореніемъ своихъ требованій не парламенту, а только двору и аристократіи. Предсѣдатель сейма, графъ Ностицъ, убѣдилъ депутатовъ покинуть Вѣну, не входя въ переговоры съ правительствомъ. Въ то же время Бейстъ, въ запискѣ, поданной императору, заявилъ, что политика Гогенварта потрясаетъ основы Австро-Венгерской монархіи и снова поднимаетъ вопросъ о „соглашеніи" 1867 года. Уже въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ нѣмецкіе либералы прилагали всѣ усилія, чтобы заручиться посредничествомъ венгровъ. Андраши, приглашенный въ Вѣну императоромъ, подтвердилъ, что Венгрія не захочетъ, чтобы „соглашеніе" было представлено, хотя бы въ видѣ простой формальности, на разсмотрѣніе богемскаго сейма: ведя переговоры съ Цислейтаніей, она не хочетъ никого знать, кромѣ Цислейтаніи. Государственные дѣятели Венгріи особенно опасались отраженія на венгерскихъ славянахъ торжества, одержаннаго австрійскими славянами. 20-го октября 1871 года былъ созванъ имперскій совѣтъ, въ которомъ присутствовали три министра „общихъ" дѣлъ и два президента совѣтовъ: въ результатѣ его чехи должны были прежде всего признать декабрьскую конституцію. Кламъ-Мартиницъ и Ригеръ, приглашенные въ Вѣну, отказались пріѣхать; 30-го октября министерство подало въ отставку. Бейстъ одержалъ верхъ. Недѣлю спустя императоръ заставилъ его подать въ отставку; его торжество было слишкомъ полнымъ. 14-го ноября Андраши былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ: Венгрія становилась во главѣ иностранной политики монархіи; переходная эпоха и періодъ опытовъ миновали; въ Австріи былъ окончательно установленъ и признанъ дуализмъ со всѣми вытекавшими изъ него послѣдствіями.

Глава III.

Мусульманскіе народы.

1840—1870.

Въ этой главѣ идетъ рѣчь о мусульманскихъ народахъ, населяющихъ Оттоманскую имперію, Египетъ, Персію и Аравію. Мы оставляемъ въ сторонѣ мусульманъ, живущихъ въ Россіи, Алжирѣ, Тунисѣ, Индіи и на Малайскихъ островахъ; ихъ исторія уже не можетъ быть отдѣлена отъ исторіи тѣхъ европейскихъ государствъ, въ которыхъ они живутъ.

Мы разсматриваемъ исторію каждаго мусульманскаго народа безотносительно къ христіанскимъ правительствамъ или не-мусульманскимъ странамъ, съ которыми онъ находится въ прямомъ взаимодѣйствіи. Въ Турціи, Египтѣ и Индіи мусульманское общество замѣтно измѣнилось между 1840 и 1870 годомъ. Мы ставимъ себѣ цѣлью прослѣдить, какія перемѣны возникли у мусульманскихъ народностей самобытно, и какія явились результатомъ соприкосновенія съ христіанскими народами.

I. Турція.

Турки сами называютъ себя *османлисами*, „народомъ Османа"; это имя не лишено притязательности; оно значило первоначально „люди меча, *сипаги*", въ отличіе отъ земледѣльцевъ, *райа* [1]). Очевидно, что турки-османлисы [2]) искони считали себя привилегированной кастой, которая одна имѣла право занимать всѣ военныя и гражданскія должности; не-мусульмане могли вступать въ нее черезъ обращеніе въ исламъ и допущеніе на должность. Понятно, что османлисы никогда не обнаруживали особенно большой охоты вводить въ свою касту и допускать къ участію въ своихъ привилегіяхъ *райя*— мусульманъ, какъ и не-мусульманъ. Къ тому же, духъ прозелитизма чуждъ исламу, особенно у турокъ.

Османлисы составляли меньшинство въ Оттоманской имперіи; теперь это измѣнилось. За отсутствіемъ кадастра и правильныхъ народныхъ переписей невозможно опредѣлить точную цифру всего населенія, а еще менѣе отдѣльныхъ группъ его, изъ которыхъ каждая преувеличива-

---

[1]) Имя *райа*, которымъ обозначались христіанскіе подданные султана, было уничтожено *Хатти-Шерифомъ* 1856 года, какъ унизительное, и замѣнено именемъ *теба*, „сектантъ, подданный".

[2]) Еще лѣтъ 20 назадъ слово „турокъ" употреблялось въ унизительномъ смыслѣ „неотесаннаго, грубаго"; въ послѣдніе годы оно потеряло эту уничижительную окраску; теперь въ газетахъ часто встрѣчается выраженіе: *biz turkler*, „мы, исконные турки".

етъ или преуменьшаетъ свою численность, смотря по своимъ наклонностямъ и интересамъ [1]). На основаніи документальныхъ данныхъ, собранныхъ въ 1875 г. Павэ де-Куртейлемъ и Убичини, мы принимаемъ для всей Оттоманской имперіи, включая Аравію, Триполи и провинціи, отрѣзанныя въ 1878 г. по Берлинскому трактату, приблизительную цифру въ 18 мил. мусульманъ, въ томъ числѣ 13 мил. османлисовъ, и 9 мил. христіанъ.

Не слѣдуетъ думать, будто всѣ мусульмане, населяющіе Оттоманскую имперію, исповѣдуютъ суннитскій исламъ по ганефитскому обряду, который является государственной, господствующей и оффиціальной религіей имперіи. Подъ названіемъ *кезель-башъ*, „красноголовые" (этой кличкой турки нѣкогда обозначали персовъ-*шіитовъ*), слѣдуетъ понимать не только мусульманъ шіитской секты, но и всѣхъ сектантовъ, которые открыто исповѣдуютъ суннитскую мусульманскую религію, а тайно — другія ученія, болѣе или менѣе близко примыкающія къ оффиціальному магометанству. Эти секты, въ силу заповѣди, общей для нихъ и шіитовъ, могутъ, и даже обязаны въ извѣстныхъ случаяхъ, скрывать свои вѣрованія [1]). Поэтому трудно опредѣлить численность шіитовъ и кезель-башъ въ Оттоманской имперіи; мусульмане-раскольники или свободомыслящіе прячутся, — это *хамишаны*, „безмолвные, мертвые" [2]); въ Европѣ, благодаря сосѣдству большихъ массъ христіанскаго населенія, единство мусульманскаго правовѣрія сохранилось, за исключеніемъ Албаніи, почти неприкосновеннымъ.

Правовѣрные мусульмане имперіи и диссиденты принадлежатъ къ различнымъ племенамъ и не всѣ говорятъ на одномъ и томъ же языкѣ. Племя, въ рукахъ котораго находится политическое господство, османлисы, говоритъ на турецкомъ нарѣчіи — османлискомъ [3]), — закрѣпленномъ литературой; въ Европейской Турціи они являются большей частью владѣльцами городской недвижимости, чи-

---

[1]) Нижеслѣдующія цифры, опредѣляющія количество армянъ въ семи вилайетахъ Малой Азіи (Эрзерумъ, Ванъ, Битлисъ, Мамуретъ эль-Азизъ, Діарбекиръ, Сивасъ и Алеппо), дадутъ понятіе о шаткости статистическихъ данныхъ, какія можно собрать въ Турціи.

(Въ круглыхъ цифрахъ):

	Всего.	Армянъ.	Мусульманъ.	Грековъ, несторіанъ и пр.
По показаніямъ армянск. патріархата.	1.831.000	780.000	776.000	274.000
По показан. Троттера.	4.247.000	805.000	3.250.000	186.000
По показан. Виталя Кинэ.	4.576.000	705.000	3.461.000	410.000

Виталь Кинэ даетъ для 1891 г. слѣдующія числа:

Азіатская Турція	15.554.186
Европейская Турція	4.786.545
Турецкая Аравія	6.000.000
Триполи	1.300.000
	27.640.731

[1]) Оттоманское правительство признаетъ иновѣрныя религіи (христіанскую, еврейскую), но не признаетъ мусульманскихъ сектъ: послѣднія формально не допускаются, но существуютъ въ силу фикціи *такійэ:* „это слово означаетъ благоразуміе, сдержанность, осторожность; *такійэ* велитъ съ виду подчиняться всѣмъ требованіямъ господствующей религіи и прикидываться ея послѣдователемъ. Такъ, всякій персъ, проживая въ Турціи, Египтѣ или даже посѣтивъ паломникомъ Мекку, выдаетъ себя за суннита".

[2]) Въ *Леджэ и Османи,* словарѣ османлисскаго турецкаго языка, составленномъ Ахмедъ Вефикъ Пашой, слово *хамишанъ* объясняется, какъ „мѣсто, куда ввергаются безбожники, лже-дервиши и др., отложившіеся отъ ислама".

[3]) Въ Албаніи, Босніи, Болгаріи и на Критѣ османлисы, которые суть не что иное, какъ туземцы, принявшіе исламъ, говорили на шкипскомъ или албанскомъ языкѣ, на мѣстныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ или по-гречески. Турецкій языкъ—ихъ литературный языкъ, т.-е. албанскіе и болгарскіе мусульманскіе писатели писали на турецкомъ языкѣ, христіанскіе—на шкипскомъ и болгарскомъ. Только въ самое послѣднее время албанскіе мусульмане начали писать на шкипскомъ яз., турецкими буквами; а еще позже (конецъ 1898 г.) появился первый журналъ на курдскомъ языкѣ.

новниками, правительственными агентами, ремесленниками или лицами „свободныхъ“ профессій, какъ говорятъ на Западѣ. Въ Азіатской Турціи значительнѣйшая ихъ часть состоитъ изъ сельскихъ землевладѣльцевъ и хлѣбопашцевъ; въ городахъ большинство изъ нихъ — городскіе собственники, промышленники (насколько это слово приложимо въ Турціи), ремесленники разныхъ цеховъ, чиновники и служащіе; другая часть занимается свободными профессіями (къ которой я причисляю духовную); весьма небольшое число — торговцы.

Не слѣдуетъ смѣшивать съ османлисами народы тюркскаго племени, живущіе въ Турціи, — туркменовъ, юруковъ, татаръ. Хотя они и мусульмане, но на нихъ смотрѣли, какъ на *райя*; большая часть ихъ въ настоящее время состоитъ на положеніи *аширети*, „кочевыхъ племенъ, сохранившихъ свою организацію“. Наиболѣе многочисленной мусульманской группой, вслѣдъ за говорящей на турецкомъ языкѣ, является арабская. Эта группа обнимаетъ настоящихъ арабовъ, которые въ огромномъ большинствѣ (а между 1840 и 1870 годами почти поголовно) принадлежали къ аширети, и говорящее по-арабски населеніе разнороднаго происхожденія — преимущественно арамейскаго,—какъ живущее въ городахъ, такъ и воздѣлывающее поля Сиріи и Мессопотаміи. Оффиціальная турецкая статистика за періодъ 1850—1875 г. исчисляла количество арабскихъ *аширети* въ одинъ милліонъ, — цифру, недостаточную и для нынѣшняго дня, а тѣмъ болѣе для періода 1840—1870 г.

Говорящее по-арабски разноплеменное мусульманское населеніе, обитающее въ городахъ и селахъ Сиріи и области Алеппо, гораздо болѣе способно къ торговому дѣлу, нежели турки; оно выказываетъ явную склонность селиться въ городахъ и заниматься осѣдлыми ремеслами. Оно долго отказывалось принять турецкій языкъ и турецкую литературу; оно говоритъ, читаетъ и пишетъ по-арабски; до 1860 г. оно оставалось внѣ того, что турки называютъ *османлиликъ*, т.-е. „племеннымъ единствомъ османлисовъ“.

Къ арабамъ примыкаютъ мусульманскіе сектанты, составляющіе небольшія республики въ Сиріи и удерживаемые подъ господствомъ — болѣе номинальнымъ, нежели дѣйствительнымъ — оттоманской власти лишь силою оружія. Таковы друзы, метуалисы, іезиды, измаилиты и анзаріи. Всѣ они — земледѣльцы; анзаріи выказываютъ особенныя способности къ сельскому хозяйству, къ мелкимъ лѣснымъ промысламъ, и охотно эмигрируютъ въ качествѣ садовниковъ и огородниковъ; они живутъ въ открытой враждѣ съ арабами-*аширети* равнины.

За арабами идетъ курдская группа, принадлежащая по языку къ иранцамъ и стоящая рядомъ съ армянами. Главная масса этого народа, въ Эрзерумскомъ и Діарбекирскомъ вилайетахъ, состоитъ изъ *аширети*, какъ кочующихъ, такъ и прикрѣпленныхъ къ землѣ, но сохранившихъ древнюю организацію племенъ и колѣнъ. Она дѣлится на три касты: *торуновъ*, „благородныхъ“, *райа*, „вассаловъ-земледѣльцевъ“ и *заза*, „черни“. Курды занимаются скотоводствомъ съ его мелкими придаточными промыслами (войлочнымъ, ковровымъ) и земледѣліемъ и охотно эмигрируютъ, какъ цѣлыми колѣнами, такъ и по одиночкѣ. Колѣна, эмигрировавшія въ 1840 — 1870 году, порвали племенную связь и съ этого времени перестали быть *аширети;* при соприкосновеніи съ туркменами, если тѣмъ и другимъ случается одновременно сѣсть на землю, они быстро сливаются. Въ одиночку курды, живя по городамъ или вступая на государственную службу, отуречиваются и забываютъ свой языкъ.

Лазы, грузины и черкесы — послѣдніе съ 1864 г. — значительно измѣнили составъ османлисскаго населенія. Правда,

лазы и грузины не принадлежатъ къ мусульманскому населенію, но они держатъ себя такъ, какъ если бы принадлежали къ нему. Черкесы — всѣ мусульмане и быстро отуречиваются.

Итакъ, въ общемъ османлисы составляли въ 1840—1870 г. меньшинство народонаселенія имперіи (считая мусульманъ и христіанъ).

Слово *Шер'іатъ*, отъ арабскаго *Шеръ*, „законъ, богомъ установленный", обозначаетъ у мусульманскихъ народовъ совокупность религіозныхъ и гражданскихъ законовъ, въ основаніе которыхъ положены Коранъ и *Сунна*,—„правило для поведенія, обычай, собраніе предписаній, обязательныхъ для подражанія, т.-е. заимствованныхъ изъ жизни Пророка, его товарищей и четырехъ первыхъ правовѣрныхъ калифовъ". *Кануномъ* называется совокупность законовъ и постановленій, дѣйствующихъ въ Оттоманской имперіи. Турція управлялась по *Канунамъ* своихъ султановъ [1]), — книгамъ законовъ *шери*, т.-е. согласныхъ съ *Шер'омъ* и съ *Сунной*, но не составляющихъ *Шер'іата*. *Кануны* провозглашаетъ *шери шейхъ-уль-исламъ* или главный *муфти*. Этимъ словомъ, *муфти*, обозначается должностное лицо, постановляющее *фетвы*, т.-е. „рѣшенія, согласныя съ *Шер'іатомъ* и служащія прецедентомъ". *Шер'іатъ*, какъ божественное установленіе, не можетъ быть измѣненъ; но государь можетъ измѣнить *Канунъ*, а *муфти* можетъ провозглашать это измѣненіе *шери*. Законодательство Оттоманской имперіи было отождествлено съ *Шер'іатомъ* лишь помощью казуистическихъ ухищреній. Оно съ самаго начала признавало законную силу за обычнымъ правомъ, какъ существовавшимъ у османлисовъ, такъ и мѣстнымъ,—напр. за боснійскимъ или албанскимъ обычнымъ правомъ, стоящимъ внѣ *Шер'іата* и часто въ противорѣчіи съ нимъ. Подобное законодательство возможно въ Оттоманской имперіи, какъ странѣ, гдѣ господствуетъ ганефитское право; мусульманскіе народы, придерживающіеся ганефитскаго права, „признаютъ уваженіе къ государю догматомъ вѣры", и законы не дѣйствительны безъ его санкціи, между тѣмъ какъ по шафеитскому и ганбалитскому праву „дозволеніе государя безполезно во всѣхъ случаяхъ". Поэтому въ Турціи, признающей ганефитское право, государь могъ по своей прихоти и пользуясь фикціей *Шер'іата*, декретировать законы, не заключающіеся въ *Шер'іатѣ*, и ставить преграды дѣйствію законовъ, находящихся въ *Шер'іатѣ*, такъ какъ законы, по принятому въ Оттоманской имперіи мусульманскому праву, недѣйствительны безъ санкціи государя.

При старомъ порядкѣ законодательство, касающееся состоянія земли и личности, сводилось къ слѣдующему:

Міръ былъ раздѣленъ на двѣ области:

1) *Даръ-уль-исламъ*, „страна мусульманская", занятая *мумининами*, „правовѣрными", или *мувагиддунами*, „унитаріями".

2) *Даръ-уль-гарбъ*, „страна войны", занятая *куффарами*, „невѣрующими", или *мушрикунами*, „дающими Богу сотоварищей", т.-е. христіанами (тринитаріями).

Мусульманская земля раздѣлялась по отношенію къ земледѣлію на:

1) Земли *амиръ* или *ма'муръ*, „производительныя, обработанныя, приносящія доходъ";

2) Земли *меватъ*, „мертвыя", необработанныя, заброшенныя, не имѣющія хозяина. Въ видахъ поощренія земледѣлія государь жалуетъ эти земли всякому, желающему обрабатывать ихъ; но получив-

[1]) *Канунъ Намэ* султана Солимана I *Кануни*, „*законодателя*", содержитъ въ себѣ: *Канунъ и Дефтеръ*, законы о финансахъ; *Канунъ и Джерагимъ*, уголовное уложеніе; *Канунъ и Сеферъ*, военное уложеніе; *Канунъ и Тимаръ*, законы, касающіеся феодовъ; *Канунъ и Теклифатъ*, правила церемоніала.

шій землю можетъ ею пользоваться лишь подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы дѣйствительно обрабатывать ее.

Въ политическомъ отношеніи земля, подвластная мусульманамъ, раздѣлялась на:

1) Земли *ушрійе*, „не платящія дани", обложенныя десятиной; къ нимъ причисляется всякое владѣніе, завоеванное силой и раздѣленное между побѣдителями, и всѣ области, въ которыхъ туземцы добровольно приняли исламъ до завоеванія.

Въ составъ этихъ земель входятъ и *вакуфы*, неотчуждаемыя имущества, пожертвованныя мусульманами на постройку и содержаніе зданій, посвященныхъ нуждамъ культа, народнаго образованія или общественной помощи.

2) Земли *хараджійе*, „платящія дань", обложенныя *хараджемъ*, т.-е. земли, пріобрѣтенныя въ силу капитуляціи и оставленныя туземцамъ въ полную собственность,—„*мулькъ*"; или же земли, завоеванныя силой, оставленныя туземцамъ лишь для обработки и ставшія въ качествѣ *вакуфовъ* общенародною собственностью, доходъ съ которой употребляется на общія нужды.

Согласно фикціи, по которой основаніемъ собственности служитъ завоеваніе и раздѣлъ между мусульманами земель, населенныхъ *куффарами*, невѣрными, или *мушрикунами*, „христіанами - тринитаріями", послѣдніе были низведены въ подчиненное положеніе *цимми*, „кліентовъ" мусульманъ, которые взимаютъ съ нихъ *джизійе*, „подушную подать", „лепту униженія", а съ ихъ земель—*хараджъ*.

Въ разныя эпохи территорія различнымъ образомъ подраздѣлялась на участки, въ которыхъ сборъ податей на разныхъ основаніяхъ былъ ввѣренъ, вмѣстѣ съ сеньеріальными правами, военному сословію. Эта концессія, въ принципѣ ежегодная, обратилась позднѣе въ пожизненную и наконецъ въ наслѣдственную; превращеніе земель *мири*, т.-е. общественной собственности, въ неотчуждаемыя имѣнія и въ неприкосновенные фонды для богоугодныхъ учрежденій (вакуфъ, евкафъ) разорило османлисское мелкое дворянство, которое жило главнымъ образомъ съ дохода отъ этихъ земель, раздаваемыхъ въ ленъ (средняя доходность маленькихъ леновъ, *тимаръ*, не превышала 600—700 франковъ). Оно мало-помалу обѣдняло, бросило военную службу и устремилось изъ деревень въ города; именно это очень многочисленное дворянство представляло собою классъ среднихъ и мелкихъ земельныхъ собственниковъ. Земля перешла въ руки крупныхъ собственниковъ, *дере-беевъ* (господа долинъ), которые не заботились объ улучшеніи ея обработки, или же сдавалась казной изъ пятой, изъ десятой части арендаторамъ—дѣйствительнымъ земледѣльцамъ, высасываемымъ ростовщиками. Установленіе гедика [1]) еще болѣе способствовало обѣдненію средняго и мелкаго собственника-османлиса. *Гедикомъ* называется пріобрѣтеніе въ полную собственность, за ежегодную ренту, третьимъ лицомъ той или иной части чужой собственности съ цѣлью заниматься постоянно, и по праву, какимъ-нибудь ремесломъ. Чтобы доставить средства казнѣ, государство регламентировало эту новую форму собственности и въ концѣ-концовъ было вынуждено опредѣлить число лицъ, которыя имѣли исключительное право заниматься даннымъ ремесломъ; а такъ какъ эта цифра была установлена разъ навсегда, то *Еснафы* [2]), „цехи", пріобрѣли до извѣстной степени неизмѣнную форму; каждый мастеръ сталъ собственникомъ *гедика*, дававшаго ему право заниматься своимъ ремесломъ, но лишь тамъ, гдѣ

---

[1]) *Гедикъ* значитъ „брешь, дыра"; это, фигурально, брешь, сдѣланная въ чужомъ имуществѣ, когда покупатель пріобрѣтаетъ въ извѣстныхъ размѣрахъ право собственности на вещь, принадлежащую другому.

[2]) Арабское множ. число отъ *сенф*.

образовался *гедикъ*. *Гедикъ* привелъ къ тому, что большая часть промысловъ была поглощена неотчуждаемой земельной собственностью, такъ какъ доходъ, приносимый этимъ правомъ, употреблялся главнымъ образомъ на богоугодныя или общеполезныя учрежденія; другіе привились къ крупному землевладѣнію.

Постепенное обѣдненіе частныхъ лицъ, за исключеніемъ немногихъ привилегированныхъ, и, съ другой стороны, плохое управленіе и постоянныя войны привели къ истощенію государственной казны. Уже въ 1785 г. поднимался вопросъ о *заграничномъ займѣ;* это предложеніе осталось безъ послѣдствій, а былъ сдѣланъ *государственный заемъ*, путемъ продажи или отчужденія нѣкоторыхъ источниковъ государственнаго дохода на оплату *сегимовъ* (листы государственной ренты), выданныхъ частнымъ лицамъ изъ числа туземцевъ, взамѣнъ капитала, который они ссудили казнѣ (1785). Пришлось взимать усиленные налоги, затѣмъ выпускать бумажныя деньги съ повышеннымъ противъ ихъ дѣйствительной стоимости курсомъ (1788). Эта экономическая нужда главнымъ образомъ и породила реформы; истощивъ всѣ средства, правительство въ 1791 г. сознало необходимость коренного переустройства; съ этихъ поръ образовались въ Турціи двѣ партіи, стараго и новаго порядка. Партія новаго порядка одержала верхъ въ 1831 г., и результатомъ ея побѣды было обнародованіе оттоманской хартіи, называемой „гюльханской хаттой“.

Съ 1836 по 1856 г., рядомъ самовластныхъ султанскихъ указовъ [1]) Махмуда и Абдъ-уль-Меджида, были измѣнены старые основные законы Оттоманской имперіи и взаимныя отношенія различныхъ частей ея народонаселенія,—отношенія между мусульманами и христіанами и мусульманъ между собою. Эти указы служили подготовкой и слѣдствіемъ двухъ высочайшихъ рескриптовъ [2]) 1839 и 1856 г., которые считаются хартіями Оттоманской имперіи. Совокупность двухъ хартій 1839 и 1856 года и относящихся къ нимъ указовъ носитъ названіе *Танзимата*—арабская множественная форма, употребляемая по-турецки за единственное число, отъ глагола *наззамъ*, „привести въ порядокъ, организовать“, откуда существительное *низамъ*, „порядокъ, организація“.

Этотъ самодержавный актъ султана Махмуда имѣлъ, конечно, отчасти цѣлью обезоружить Европу, предупредить соглашеніе насчетъ раздѣла Турціи; но онъ имѣлъ и другую цѣль—улучшить Турцію для самихъ турокъ и турецкаго правительства путемъ реформъ, необходимость которыхъ провозглашалась извѣстной частью турецкихъ подданныхъ уже въ XVIII вѣкѣ. Небольшая кучка османлисскихъ либераловъ, сподвижниковъ султана Махмуда въ его государственномъ переворотѣ, искренно вѣрила, что въ реформахъ Турція найдетъ панацею противъ всѣхъ своихъ золъ и что для страны со слѣдующаго же дня начнется эра полнѣйшаго благоденствія. Но страна не была нисколько подготовлена къ новому порядку; правительство не располагало персоналомъ чиновниковъ, который могъ бы проводить его въ жизнь; туземцы не были достаточно образованы, чтобы его понять. Въ провинціяхъ, населеніе которыхъ обладало открытымъ умомъ и было расположено пользоваться реформами, послѣднія парализовались сепаратизмомъ и обычнымъ правомъ.

Чтобы замѣнить старыя силы, пришедшія въ упадокъ или сломленныя, надо было взрастить и воспитать новое поко-

[1]) *Ирадэ* (отъ арабскаго „желать, постановлять“), приказъ, высочайшее повелѣніе.

[2]) *Хатт-и-шерифъ, Хатт и-гумайунъ*, „царское письмо, собственноручное приказаніе султана“. Т. наз. Гюль-ханскій *Хатт-и-шерифъ* (1839); *Хатт-и-гумайунъ* (18 февраля 1856).

лѣніе, притомъ европейски образованное; первымъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ былъ *Терджуманъ одази*, „кабинетъ переводчиковъ“, учрежденный вслѣдъ за греческимъ возстаніемъ, когда удаленіе Фанаріотовъ отъ дѣлъ заставило образовать коллегію для международныхъ сношеній Порты; изъ него вышли люди, управлявшіе Турціей вплоть до 1870 г.—Али Паша, Фуадъ Паша, Ахметъ Вефикъ Паша, Намыкъ Паша, Савфетъ Паша и др.

Между тѣмъ какъ кабинетъ переводчиковъ знакомилъ небольшое число османлисовъ съ западной культурой,—и печать начала играть роль въ перевоспитаніи мусульманъ Оттоманской имперіи. Честь основанія турецкой прессы принадлежитъ французамъ. Въ 1825 г. Александръ Блаккъ основалъ въ Смирнѣ первую турецкую періодическую газету, *Восточный зритель*. Призванный султаномъ Махмудомъ въ Константинополь, онъ основалъ тамъ *Оттоманскій монитеръ*, оффиціальный органъ правительства (1831), выходившій сначала на французскомъ языкѣ. Въ слѣдующемъ году (1832) стала одновременно съ нимъ выходить на турецкомъ языкѣ *Таквимъ и Вакайехъ* „Вѣдомость событій“, которая представляла изъ себя воспроизведеніе *Монитѣра* [1]). Французское изданіе, къ которому враждебно относились правительства, прекратилось въ 1843 г. и было замѣнено *Джериде и хавадисъ*, „Перечнемъ извѣстій“,—полемической газетой правительства, оффиціальнымъ органомъ котораго оставался *Таквимъ и Вакайехъ*. Въ 1860 г. появилась первая турецкая газета, пытавшаяся представлять если не оппозицію, то, по крайней мѣрѣ, другую точку зрѣнія,—*Терджуманъ и Ахвалъ*, „Истолкователь событій“; затѣмъ въ 1861 г. стала выходить *Тазвиръ и Ефкіаръ* [2]), „Картина общественнаго мнѣнія“, газета либеральнаго направленія. *Тазвиръ и Ефкіаръ* знаменуетъ собой ступень въ эволюціи мусульманскихъ идей въ Турціи; онъ первый ввелъ въ письменность знаки препинанія; онъ помѣщалъ въ фельетонахъ или въ самомъ текстѣ ученыя сочиненія, какъ, напр., исторію Селевкидовъ и парѳянъ, Субхи Бея, иллюстрированную снимками съ портретныхъ медалей, библіографію Авицены, выдержку изъ *Международнаго права* Ваттеля и т. п.

Три года спустя въ Турціи уже сформировались среди мусульманъ настоящія партіи, имѣющія прессу для защиты своихъ программъ,—газеты *Басиретъ*, „Проницательный“ (консервативная), *Вакытъ* „Время“, *Истикбалъ*, „Будущее“, *Садакатъ*, „Правда“ (прогрессивныя).

Журналы, популяризація, общества. — Къ этому же времени (между 1860 и 1863 г.) относится основаніе перваго ученаго общества въ Турціи и первыхъ періодическихъ журналовъ, какъ научныхъ, такъ и популярныхъ, съ иллюстраціями, воспроизводящими человѣческій образъ; въ 1861 г. возникаетъ Оттоманское научное общество (*Джемійетъ-и-ильміе-и-Османійе*) [1]), издающее научное обозрѣніе (*Меджмуа-и-Фунунъ*); въ 1863 г.—Литературное общество (*Джемійетъ-и-Китабетъ*), издающее иллюстрированный ежемѣсячникъ и впослѣдствіи военное обозрѣніе. Сравнивая статьи, помѣщаемыя въ этихъ журналахъ, со статьями, появлявшимися въ первыхъ турецкихъ газетахъ, поражаешься перемѣ-

---

[1]) Въ его оффиціальной части, потому что французскій *Монитѣръ* заключалъ въ себѣ и неоффиціальную часть, подлежавшую обсужденію.

[2]) Онъ былъ основанъ Шинази Эфенди, однимъ изъ людей, оказавшихъ наибольшее вліяніе на турецкую умственную жизнь и литературу и содѣйствовавшихъ выработкѣ новаго языка. Къ числу его европейскихъ учениковъ принадлежалъ и извѣстный туркологъ Павэ де-Куртейль.

[1]) При немъ имѣется библіотека, открытая для читателей три раза въ недѣлю, и читаются публичные курсы по политической экономіи, французскому языку, письму и сочиненію, ариѳметикѣ, турецкому, англійскому, итальянскому и греческому языкамъ.

ной, происшедшей въ составѣ свѣдѣній о западѣ, въ идеяхъ и въ языкѣ, который начинаетъ вырабатываться для передачи этихъ свѣдѣній и этихъ идей. Въ 1848 г. *Таквимъ и Вакайехъ* пытается въ слѣдующихъ выраженіяхъ объяснить своимъ читателямъ, что такое Французскій институтъ: „Самой знаменитой французской академіей является большое учебное заведеніе по разнымъ наукамъ, соединяющее въ себѣ пять академій. Первая занимается тонкостями разныхъ языковъ; вторая — различными предметами обученія, рисованіемъ, скульптурой, архитектурой, музыкой, поэзіей, реторикой и прочими искусствами, которыя называются изящными искусствами; четвертая — науками филологическими; пятая — науками политическими". Начиная съ 1865 г., можно найти въ оттоманскихъ журналахъ не только точныя понятія объ Институтѣ, но и частичные отчеты, написанные на варварскомъ—съ точки зрѣнія оріентализма—турецкомъ языкѣ, испещренномъ французскими словами, которыя мало-по-малу входятъ въ туземный языкъ. За пятьдесятъ лѣтъ — и особенно быстро за послѣднія тридцать лѣтъ—османлисскій турецкій языкъ глубоко измѣнился. „Нашъ сводъ законовъ послужилъ образцомъ для законодательныхъ попытокъ, изложенныхъ въ *Дестуръ* [1]). Наши писатели-классики и особливо оба великіе фрондера XVIII вѣка, Вольтеръ и Руссо, изучались, переводились, сокращались и часто искажались въ цѣломъ рядѣ книгъ и газетъ. Большой турецкій словарь *Леджэ-и-Османи*, изданный въ 1875 г. Ахмедъ Вефикъ Пашей и составленный съ патріотической точки зрѣнія, такъ какъ въ него включены лишь дѣйствительно турецкія слова и небольшое число арабскихъ, персидскихъ и иностранныхъ словъ, получившихъ въ употребленіи особенный смыслъ, узаконилъ этотъ новый языкъ; онъ проложилъ новый путь оттоманской лексикографіи, возбудивъ, правда, вначалѣ нѣкоторый скандалъ" [1]).

Эти измѣненія въ понятіяхъ и языкѣ были вызваны преимущественно прессою, литературой, нарождающимся театромъ, зачатками политическихъ преній и парламентскаго режима; народное образованіе сыграло въ этомъ дѣлѣ лишь очень незначительную роль. Всѣ турецкіе интеллигенты, подвизавшіеся на практическомъ или литературномъ поприщѣ съ 1850 г., были самоучками.

Народное образованіе. — Секуляризація народнаго образованія въ Турціи была осуществлена въ 1846 г. Къ этому времени относится организація „совѣта" или „комиссіи по народному образованію" (*Меджлисъ-и-Меарифъ-и-Умумійе*), которая упоминается въ старѣйшемъ ежегодникѣ (*Сальнаме*) Оттоманской имперіи, изданномъ въ 1847 г. Въ 1857 г. этотъ совѣтъ былъ преобразованъ въ департаментъ министерства (*Меарифъ-и-Умумійе Назарете*).

До 1846 г. преподаваніе, всецѣло сосредоточенное въ рукахъ улемовъ, оставалось тѣмъ, чѣмъ оно было во времена халифовъ. Существовало два рода школъ: начальныя школы (*Мектебъ*), которыми завѣдывали имамы кварталовъ, и *Медрессе* (семинаріи и вмѣстѣ богословскія школы), состоящія при большихъ мечетяхъ и содержимыя за счетъ *вакуфа* (неотчуждаемыхъ имуществъ). Преподаватели *медрессе* получали свои ученыя степени въ формѣ свидѣтельствъ, выдаваемыхъ имъ ихъ учителями. О программѣ преподаванія, одинаковой для всѣхъ мусульманскихъ обществъ, даетъ точное понятіе программа университета Эль-Азхаръ въ Каирѣ: 1. Науки умозрительныя: синтаксисъ; грамматика; реторика; стихосложеніе; логика; каноническое право; терминологія

[1]) Оттоманскія уложенія.

[1]) Barbier de Meynard, *Dictionnaire turc-français* (1881).

преданія.—2. Науки откровенныя: чтеніе и правильное произношеніе корана; преданіе; экзегетика корана; право, юриспруденція; наслѣдственное право.—3. Науки, совмѣщающія оба начала: догматика.

Гораздо большія препятствія встрѣчала организація средняго образованія въ Турціи. Обѣ основы, на которыхъ оно построено во Франціи,—интернатъ и платность,—противорѣчатъ духу и обычаямъ мусульманъ[1]). Эти затрудненія осложнялись дальностью разстояній и дурнымъ состояніемъ путей сообщенія. Съ другой стороны, земледѣльцамъ и мелкому люду было легче провести своихъ дѣтей черезъ школы при мечети,—что освобождало ихъ отъ военной службы и почти обезпечивало имъ заработокъ,—нежели готовить ихъ въ чиновники и хлопотать о принятіи ихъ въ правительственныя школы. Наконецъ, совершенно не существовало самаго перваго условія--туземнаго учительскаго персонала. Разсадниками образованія въ Турціи до 1870 г. являлись самоучки, воспитанные на старинный ладъ и впослѣдствіи, изъ любознательности, отрывками познакомившіеся съ западной культурой. Воспитанные въ Европѣ молодые чиновники были слишкомъ немногочисленны и слишкомъ быстро поглощались интересами службы, чтобы оказывать воздѣйствіе на умы молодежи. Люди, которые на нее вліяли, каковы Шинази Эфенди, Субхи Бей, Зіа Бей, Тахзинъ Эфенди, Джевдетъ Паша, Кемаль Бей и др., никогда не бывали въ Европѣ или посѣтили ее уже въ ту пору, когда ихъ образъ мыслей отвердѣлъ до степени предубѣжденія.

Организовать систему воспитанія, основанную на западныхъ программахъ, было тѣмъ труднѣе, что весь отдѣлъ словесныхъ наукъ, который во французскихъ школахъ заключаетъ въ себѣ греческій и латинскій языки, исторію и классическую эстетику, былъ представленъ у турокъ арабскимъ и персидскимъ языками, мусульманской исторіей и литературой. Такимъ образомъ турки волей-неволей должны были сохранить свою старую восточную систему образованія, основанную на мусульманскихъ литературныхъ текстахъ, проникнутую духомъ ислама и его методомъ, и усваивать ея начала—то, что французы называютъ „les humanités",—прежде чѣмъ приступать къ изученію западныхъ наукъ. Къ тому же мусульманскія правительства никогда не имѣли въ виду устраивать университеты, которые распространяли бы западное образованіе. Ихъ цѣлью было подготовлять, при помощи западныхъ методовъ, персоналъ для государственной службы; ихъ пониманіе не шло дальше профессіональныхъ, техническихъ школъ.

„Образованіе, стоящее въ прямой зависимости отъ культа, подраздѣлялось на двѣ вѣтви: начальныя школы, называемыя *сибіанъ* и *рушдійесъ*, представляли собою двѣ низшія ступени обученія. Въ первыхъ обучали турецкой азбукѣ и чтенію корана по-арабски, во вторыхъ—чтенію и письму по-турецки, началамъ счета и геометріи, а также исторіи и географіи Оттоманской имперіи[1])".

Такъ были организованы „школы для начинающихъ", *Мекіатибъ и иптидайе*, „школы для мальчиковъ, *Мекіатибъи сибіанійе*" и начальныя школы второй ступени, называемыя „школами добраго поведенія", *Мекіатиби рушдійе*. Въ каждомъ селѣ или мѣстечкѣ, имѣющемъ не менѣе 600 домовъ,

[1]) Еще и теперь одинъ очень образованный и выдающійся турецкій мусульманинъ, Ф...бей, пишетъ намъ по поводу проекта основанія коллежа въ той провинціи, гдѣ онъ живетъ: „Подъ коллежемъ я понимаю не коллежъ французскаго образца; система закрытыхъ учебныхъ заведеній настолько несовмѣстима съ нашими привычками, что уже нѣсколько разъ ея примѣненіе у насъ кончалось неудачей. А приходящіе ученики работаютъ не хуже... Нашъ народъ такъ не привыкъ къ мысли, что *за ученіе надо платить*, что даже состоятельныхъ трудно принудить къ этому".

[1]) Engelhardt, *La Turquie et le Tanzimat.*

должна была находиться такого рода школа, въ которой обученіе было безплатно. Здѣсь преподавали, кромѣ мусульманскихъ языковъ, арабскаго, персидскаго и турецкаго, начатки исторіи, географіи и точныхъ знаній, и счетоводство.

Та же программа въ нѣсколько упрощенномъ видѣ примѣняется въ женскихъ школахъ, которыя никогда не встрѣчали въ Турціи серьезнаго противодѣйствія. Въ школахъ *рушдійе* ученіе продолжалось четыре года. Въ спеціальныхъ *рушдійе*, которыя служатъ низшими военными школами, — „*рушдійе и аскерійе*", — обучали еще и французскому языку.

Среднее образованіе было организовано лишь на бумагѣ. Въ теоріи, каждый городъ, насчитывающій свыше 1.000 домовъ, долженъ былъ имѣть коллежъ, *идадійе*, „подготовительную школу", а главный городъ каждаго *вилайета* — императорскій лицей, *шахане* или *султанійе*. Въ дѣйствительности, среднее образованіе было представлено лишь школами, подготовляющими къ вступленію въ бюрократію, на гражданскую службу и въ казенныя гражданскія и военныя школы. Высшее образованіе было преимущественно техническимъ. Сюда относятся, во-первыхъ, Морская школа, основанная въ 1852 г. и преобразованная въ 1868 г., и Лѣсная школа, открытая въ 1878 г. подъ руководствомъ двухъ французовъ — лѣсныхъ инспекторовъ (гг. Тасси и Итэмъ), Телеграфная школа, основанная въ 1861 г., Школа искусствъ и ремеслъ (420 учениковъ и 152 ученицы въ 1874 г.), Горная школа; Императорская школа, принимавшая учениковъ изъ начальныхъ *рушдійе и аскерійе* и изъ подготовительныхъ *идадійе и харбійе*, которыя и являлись органами средняго образованія въ Турціи. Въ связи съ военными школами стояли Военно-медицинская школа (въ 1873 г. выпущено 33 ученика) и Инженерно-артиллерійская. Больше всѣхъ другихъ содѣйствовала развитію умовъ въ Турціи несомнѣнно Императорская медицинская школа, *Мектебъ-и-тхиббіи-и-Шахане*, основанная въ зачаточной формѣ въ 1826 г.

На эту школу справедливо смотрятъ, какъ на лучшее въ Турціи общественное учебное заведеніе, давшее до сихъ поръ наилучшіе результаты. Она распадается на два отдѣленія: приготовительное, *идадійе*, которое можетъ быть названо образцовымъ средне-учебнымъ заведеніемъ, и собственно-медицинское. Оба отдѣленія вмѣстѣ насчитывали въ 1873 г. 1189 учащихся, а именно 887 чел. въ первомъ и 302 во второмъ.

Итакъ, въ этой школьной системѣ, составленной изъ кусочковъ и надставокъ, органами средняго образованія являлись школы, приготовлявшія къ техническимъ, и Французскій лицей, основанный въ 1868 г. въ Галата-Сераи, по иниціативѣ Дюрюи. Несмотря на противодѣйствіе со стороны православнаго и католическаго духовенства, этотъ лицей, управляемый французомъ де-Сальвомъ насчитывалъ въ 1869 г. 622 ученика, изъ которыхъ было 277 мусульманъ, 28 армянъ-католиковъ, 85 грековъ, 65 римскихъ католиковъ, 29 евреевъ, 40 болгаръ, 7 протестантовъ. Послѣ 1870 года французскій директоръ вышелъ въ отставку. Его замѣнили грекомъ, при управленіи котораго школа, уже сократившаяся послѣ войны до 471 ученика, потеряла еще 109.

Книги. — Библіографическія указанія о книгахъ, вышедшихъ на турецкомъ языкѣ съ 1856 г., даютъ понятіе о тѣхъ средствахъ, помощью которыхъ совершалось умственное развитіе мусульманъ, и о характерѣ этой эволюціи[1]). Изъ 317 сочи-

[1]) Полное отсутствіе данныхъ не позволяетъ составить эту библіографію за время съ 1728 г., когда введено было книгопечатаніе въ Турціи, по 1856 г. Съ 1822 г. когда была основана Булакская типографія въ Египтѣ, до 1843-го большая часть турецкихъ книгъ появлялась въ Египтѣ; а съ 1843 г., когда была основана въ Константинополѣ газета *Джеридэ*, до 1856 г. и всего-то было напечатано по-турецки очень мало книгъ.

ненiй, напечатанныхъ въ Константинополѣ съ 1856 по 1869 г. (съ 1856 по 1860 ихъ насчитывается 117), лишь очень немногiя уклоняются отъ старой средневѣковой рутины, богословской, схоластической и философской, и почти всѣ имѣютъ цѣлью только доставить читателю литературное развлеченiе въ прозѣ или стихахъ. Это большею частью очерки отечественной исторiи, сначала очень робкiе (какъ *Исторiя Оттоманской имперiи* Хаирулла Эфенди), затѣмъ болѣе смѣлые (какъ первые томы *Исторiи Оттоманской имперiи* Джевдетъ Паши). Первая книга, пригодная для изученiя французскаго языка, появилась въ 1857 г. (она уже была разъ напечатана въ 1849, но въ весьма небольшомъ количествѣ экземпляровъ): *„Ключъ къ языку“*, риѳмованный турецко-французскiй словарь для тѣхъ, кто желаетъ безъ труда выучиться французскому языку, составленный Керкуромъ Эфенди, профессоромъ французской грамматики въ императорской медицинской школѣ, переводчикомъ Бюро иностранныхъ языковъ при военномъ министерствѣ и чиновникомъ Кабинета переводчиковъ“.

Это первое руководство стоило еще 50 пiастровъ (12 фр.). Немного позже появилась книга улема Шинази, *Избранные отрывки* (преимущественно изъ Расина, Ламартина, Лафонтена и Фенелона), въ переводѣ съ французскаго на турецкiй языкъ. Именно по этой книгѣ турки начали знакомиться съ западно-европейской мыслью. Съ этого времени переводы съ французскаго и англiйскаго языка быстро слѣдуютъ другъ за другомъ: сочиненiя Мольера, въ переводѣ Ахмедъ Вефикъ Паши, отрывки изъ Ж.-Ж. Руссо и Ламартина, въ переводѣ Кемаля, драмы Шекспира въ народномъ изданiи, цѣною по 10 пара (два су); потомъ начинаютъ переводить зря, безъ разбора, все, отъ романовъ Вольтера до романовъ Монтепэна.

Изданiе книгъ, предназначаемыхъ для обученiя и для научной популяризацiи, шло тѣмъ же медленнымъ и безпорядочнымъ ходомъ; старѣйшее руководство по ариѳметикѣ относится къ 1857 г. Въ этомъ же году другъ за другомъ появляются: „Изображенiе открытiя Америки“, „Карта германскихъ странъ“, „Переводъ руководствъ по телеграфному искусству“, затѣмъ планъ Смирны и руководство по космографiи, далѣе первый атласъ[1]), „содержащiй карту полушарiй, рисунки, изображающiе нѣкоторыя знаменитыя страны, и карты пяти частей свѣта“. Г-жа Фатьма Алiйа, говоря о турецкихъ книгахъ, съ помощью которыхъ она безъ посторонняго руководства положила начало своему европейскому образованiю, называетъ ихъ „собранiемъ всякаго хлама“.

Театръ также не остался безъ влiянiя на это смутное пробужденiе восточной мысли. Въ 1858 г. въ театрѣ Наумъ, въ Перѣ, армянинъ Гекимiанъ впервые поставилъ [2]) пьесу на турецкомъ языкѣ, *Благодѣтельный брюзга*, передѣланную изъ Гольдони. Правительство и духовенство неоднократно пытались заглушить зарождающуюся въ Турцiи любовь къ театру. Въ 1859 г. представленiя въ театрѣ Наумъ были прерваны „за отсутствiемъ поддержки со стороны высшей власти“, по выраженiю одной константинопольской газеты, на самомъ же дѣлѣ—по требованiю улемовъ.

„Молодая Турцiя“.—Новая турецкая литература выросла изъ повременной печати, и именно оппозицiонной. Тѣ молодые люди (почти все изгнанники или добровольные эмигранты, жившiе объ эту пору во Францiи), которые преобразовали турецкую литературу около 1867—1868 г., всѣ писали въ гонимыхъ и запрещаемыхъ или же подпольныхъ газетахъ, какъ *Иттихадъ*, „Объединенiе“, *Гуррiйетъ*, „Сво-

[1]) Послѣ атласа султана Селима III, съ предисловiемъ Тасифъ Эфенди.

[2]) Играли армянскiе актеры. Теперь существуетъ и турецкая драматическая литература; ея авторы османлисы, но актеры—армяне.

бода" (послѣдняя выходила по-турецки въ Парижѣ и въ арабскомъ переводѣ въ Каирѣ). Во главѣ ихъ слѣдуетъ поставить поэта, памфлетиста и полемиста Зіа Бея, особенно же Кемаля, имѣвшаго значительное вліяніе; его романъ *Назми*, его патріотическія сочиненія по исторіи, въ которыхъ онъ довольно близко придерживается манеры *Исторій жирондистовъ* Ламартина, именно *Канизса* (венгерскія войны 1604 г.) и *Султанъ Фатихъ*, (взятіе Константинополя Магометомъ II), его критическіе, эстетическіе и политико-философскіе опыты обновили турецкій языкъ.

Это движеніе умовъ сосредоточивается въ столицѣ и въ немногихъ провинціальныхъ городахъ — Салоникахъ, Смирнѣ, Алеппо, Багдадѣ. Въ Турціи нѣтъ національной областной жизни. Въ Алеппо, въ Багдадѣ провинціальная жизнь носитъ арабскій, анти-турецкій характеръ; въ Албаніи, гдѣ она начинаетъ зарождаться, въ Эльбассанѣ, въ Бератѣ, она албанская. Умственное движеніе въ Турціи было въ дѣйствительности, до 1870 г. и позже, дѣломъ провинціаловъ, но оно проявлялось въ Константинополѣ, и это не могло быть иначе.

Этому свѣтскому движенію соотвѣтствовало религіозное, ему параллельное, но вытекавшее изъ другого источника. Современный исламъ далеко не похожъ на идеальный (не реальный) исламъ, который, по представленію богослововъ, существовалъ во времена первыхъ четырехъ халифовъ. Подъ вліяніемъ персидскаго ученія *Суфизма* магометанство съ давнихъ поръ безостановочно развивается въ сторону мистицизма. Въ теоріи, догматически, оно осталось неизмѣннымъ; въ дѣйствительности же оно превратилось какъ бы въ покрывало, наброшенное на древнія искаженныя народныя вѣрованія и на разнородныя доктрины, сводящіяся къ настоящему пантеизму. Два главныхъ и наиболѣе вліятельныхъ въ Турціи духовныхъ ордена, дервиши *Бекташисы* и *Мевлевисы*, представляютъ собою сообщества либертаріевъ-пантеистовъ, „вольнодумцевъ въ томъ двойномъ смыслѣ (политическомъ и нравственномъ), который это слово имѣло въ XVIII вѣкѣ", какъ пишетъ намъ одинъ зоркій наблюдатель.

Наши личныя наблюденія позволяютъ намъ добавить, что эти ордена одушевлены революціонными стремленіями, доходящими до мыслей о соціальной республикѣ.

Расправляясь съ янычарами, султанъ Махмудъ подвергъ гоненію и орденъ Бекташисовъ, съ которымъ они были тѣсно связаны; этимъ онъ пріобрѣлъ расположеніе представителей оффиціальнаго богословія, или того, что можно называть церковью въ мусульманствѣ, но оттолкнулъ отъ себя мистическія и пантеистическія секты, оффиціально исповѣдующія правовѣрный исламъ и дѣйствующія за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ какъ настоящія тайныя общества. Бекташисы исповѣдуютъ пантеистическую доктрину и догматъ троицы, состоящей изъ Али, Магомета и св. Бекташа (у азіатскихъ грековъ—св. Гараламбосъ), третьяго воплощенія мессіи. Революціонное теченіе, развившееся у „младотурокъ" благодаря общенію съ Европой, и то, которое возникло въ нѣдрахъ самого ислама (на почвѣ ли мусульманскаго пуританства, носящаго республиканскій коллективистическій характеръ, или на почвѣ пантеистическаго и анархическаго мистицизма), нѣкоторое время текли рядомъ; они сблизились около 1868 г., когда нѣсколько „младотурокъ" вошли въ сношенія съ Бекташисами и съ Бабидами, о которыхъ мы будемъ говорить впослѣдствіи.

Турки совершенно серьезно думали, что стоитъ ихъ правительству разработать на бумагѣ извѣстнаго рода реформы на европейскій ладъ—и въ ихъ странѣ снова водворится довольство, администрація упорядочится, и будетъ положенъ конецъ

злокозненнымъ намѣреніямъ державъ и стремленіямъ къ независимости подвластныхъ имперіи христіанъ. Когда они увидали, что экономическій кризисъ все усиливается, что иноземныя державы не отказываются отъ своихъ враждебныхъ замысловъ, и что реформы привели лишь къ новымъ займамъ и къ Крымской войнѣ, они стали винить свое правительство. Образовалась оппозиціонная партія противъ тѣхъ министровъ, которые проводили эти реформы,—Али Паши и Фуада Паши; одни ставили имъ въ упрекъ непригодность, другіе—недостаточность реформъ, и всѣ вообще обвиняли ихъ въ томъ, что они порвали съ народными преданіями, что они—не патріоты. Нѣсколько ловкихъ людей, руководимыхъ западными авантюристами, желая извлечь выгоду изъ народнаго броженія, стали выдавать себя на западѣ за турецкихъ либераловъ и иниціаторовъ этого движенія, которое они искажали въ глазахъ европейцевъ для достиженія своихъ корыстныхъ цѣлей; такимъ образомъ они сдѣлались представителями передовой партіи въ глазахъ европейскаго общества. Когда европейцы познакомились съ настоящей „молодой Турціей", они очень удивились, что передъ ними завзятые турки, убѣжденные націоналисты и поэтому противники всего европейскаго, и стали упрекать ихъ въ фанатизмѣ.

„Младотурокъ" неотступно преслѣдовала мысль, что Европа ненавидитъ ихъ родину и думаетъ лишь о томъ, какъ бы ее обмануть. Они искренно восхищались научнымъ и литературнымъ творчествомъ Европы; они, каждый на свой ладъ, сообразно своему темпераменту, искренно, но безъ толку, увлекались различными политическими системами, или скорѣе революціями,—Кромвелемъ, Руссо, Робеспьеромъ, Ламартиномъ—но у нихъ никогда не было въ мысляхъ перенести цѣликомъ политическія учрежденія Европы въ свою страну, и тѣ копіи съ этихъ учрежденій, которыя ихъ правительство будто бы вводило въ Турціи, встрѣчали съ ихъ стороны постоянное противодѣйствіе.

Тѣмъ временемъ ихъ воспитаніе мало-по-малу подвигалось впередъ; оно было нескладно, но своеобразно. Уже въ 1864 г. оппозиція стала настолько сильна въ Турціи, что правительство сочло необходимымъ измѣнить законъ о печати произвольными распоряженіями, заимствованными изъ французскаго законодательства того времени (предварительное разрѣшеніе, обязательная подпись, правительственныя сообщенія, предостереженія, пріостановка, запрещеніе ввоза оппозиціонныхъ газетъ и пр.). Впервые въ этой мусульманской странѣ, гдѣ двадцать лѣтъ тому назадъ не было ни газетъ, ни книгъ, гдѣ всѣ эти зловредныя вещи считались *бида*, „новшествомъ, осуждаемымъ религіей", мусульмане начинаютъ требовать свободу печати. Между тѣмъ какъ въ столицѣ у молодежи, увлеченной чтеніемъ западныхъ книгъ, эта оппозиція стала обнаруживаться въ европейскихъ и либеральныхъ формахъ, въ провинціи, она проявлялась въ совсѣмъ иной формѣ, чисто восточной. Мистическіе союзы, и заодно съ ними, по всей вѣроятности, Бекташисы и, навѣрное, Бабиды начинаютъ проповѣдовать въ Анатоліи—а именно въ Коніи и въ азіатскомъ Скутари—религіозную реформу. Съ этого времени начинается рядъ арабскихъ возстаній на Евфратѣ и возстаній среди сектантовъ—Анзаріесовъ и Друзовъ—въ сѣверной и южной Сиріи, которыя не разъ потребовали отъ турокъ серьезнаго напряженія военныхъ силъ. Оппозиціонная часть османлисской молодежи, сочетая въ своихъ грезахъ европейскій революціонный романтизмъ съ тѣми воспоминаніями о великихъ арабскихъ движеніяхъ, которыя она вынесла изъ своего классическаго мусульманскаго воспитанія, создала эпопею турецкой революціи, начатой арабами. Такъ, ихъ увлеченіе арабскимъ прошлымъ побудило ихъ вступить

въ сношенія съ египетскимъ княземъ Мустафой Фазилемъ, ограниченнымъ интриганомъ, сухимъ и эгоистичнымъ, который увидалъ въ ихъ предложеніяхъ возможность выгодной аферы и придалъ дѣлу характеръ спекуляціи, разсчитанной на то, чтобы доставить ему инвеституру Египта. Съ помощью камарильи европейскихъ интригановъ онъ задумалъ выдать себя въ Европѣ за главу либеральной партіи на востокѣ по европейскому образцу. Такимъ образомъ организовалась первая „Молодая Турція", лицемѣрная партія, гдѣ всѣ другъ друга обманывали, начиная съ настоящихъ „младотурокъ", которые видѣли въ Мустафѣ лишь вывѣску и денежный мѣшокъ. Это и была та партія, которая стала извѣстна Западу.

Увлеченіе „младотурокъ" арабскимъ прошлымъ побудило ихъ ввести въ замкнутый міръ *Османлилика* нѣкоторое число сирійцевъ, людей болѣе открытаго и въ особенности болѣе гибкаго ума, нежели настоящіе османлисы, всегда до нѣкоторой степени неповоротливые. Впервые арабскій и турецкій міръ сближаются на почвѣ мысли, одновременно и національной, и либеральной. Пока принцъ Мустафа Фазиль оказывалъ денежную поддержку европейскимъ газетамъ и тѣшилъ „младотурокъ" проектами конституціи, наиболѣе нетерпѣливые и искренніе члены партіи составляли заговоръ въ Константинополѣ: ихъ планъ состоялъ въ томъ, чтобы захватить въ свои руки султана и замѣстить его другимъ членомъ императорской фамиліи, подъ фирмой котораго предполагалось ввести сначала конституціонную монархію, а затѣмъ—республику. Арабы, на которыхъ они разсчитывали, должны были выбрать себѣ по установленному способу настоящаго халифа, мусульманскаго папу, резиденціей котораго должна была быть Мекка и который санкціонировалъ бы Оттоманскую республику. Такова была программа, по крайней мѣрѣ, въ такомъ видѣ она была сообщена намъ въ 1868 г. эмигрантами, членами партіи, которые нашли убѣжище въ Парижѣ. Они принадлежали къ двумъ группамъ: первая—группа умѣренныхъ, конституціоналистовъ, руководимая Зіа-Беемъ, вторая—группа революціонеровъ, республиканцевъ, состоявшая изъ Мехемедъ-Бея, османлиса изъ старой аристократической семьи, анатолійскихъ турокъ Решидъ-Бея и Нури-Бея, албанскаго писателя Кемаля, албанскаго улема Тахсина, улема Али Суави, сирійца Анисъ-Эль Биттара, армянина, котораго мы не можемъ назвать, и др. Гвардейскій бригадный генералъ Гуссейнъ Паша присоединился къ эмигрантамъ, вмѣстѣ съ однимъ полковникомъ польскаго происхожденія. Мустафа Фазиль давалъ средства, на которыя были основаны сначала *Иттихадъ* (объединеніе), а затѣмъ *Гуррійетъ* (свобода). Въ общемъ партія не имѣла глубокихъ корней въ странѣ.

Параллельно съ пока еще зачаточной идеей о народности, какъ племенномъ единствѣ, за послѣднее время въ Турціи зарождается идея ислама, какъ начала, способнаго приспособляться къ условіямъ расы, времени и среды. Уже съ 1860 г. можно найти въ турецкихъ изданіяхъ слѣды раціоналистическаго истолкованія корана; назовемъ относящуюся къ этому году очень распространенную книжечку,—написанную, впрочемъ, съ цѣлью возвеличить исламъ,—заглавіе которой достаточно указываетъ на ея раціоналистическій духъ: это—„*Лѣкарство пророка*, разсужденіе о гигіеническихъ заповѣдяхъ, содержащихся въ коранѣ". Въ это же время развилось ученіе о свободѣ изслѣдованія, заимствованное у *мотазелитовъ*, свободомыслящей секты, терпѣвшей гоненія при Аббасидахъ.

II. Египетъ.

Когда македонскій турокъ Мегеметъ-Али задумалъ организовать Египетъ европей-

скими пріемами, ему и въ мысль не пришло употребить на это дѣло настоящихъ туземцевъ, автохтоновъ, говорящихъ поарабски, или пришлые элементы, слившіеся съ ними. Онъ просто замѣнилъ правящій классъ мамелюковъ другимъ правящимъ классомъ, составленнымъ изъ турецкихъ, албанскихъ, курдскихъ, армянскихъ, греческихъ и сирійскихъ переселенцевъ, къ которымъ онъ причислилъ черкесовъ и грузинъ, состоявшихъ въ рабствѣ у мамелюковъ. Египетскіе государи очень мало заботились о развитіи общественнаго духа среди должностныхъ лицъ,—т.-е., по ихъ пониманію, среди слугъ, черезъ посредство которыхъ они управляли своими владѣніями; они хотѣли только привить имъ тѣ же способности, какими обладаютъ европейскіе чиновники, и обезпечить себѣ въ будущемъ потребное число ихъ; они хотѣли создать классъ мусульманъ, способныхъ управлять краемъ и эксплуатировать его и послушныхъ волѣ государя. Учениками первой школы, основанной Мегеметомъ - Али, были молодые рабы, отобранные у мамелюковъ, а программа ея обнимала чтеніе корана, письмо, турецкій языкъ и военныя упражненія. Во вторую, которая была не чѣмъ инымъ, какъ подготовительнымъ училищемъ для поступленія въ военныя школы, имѣли доступъ лишь тѣ дѣти— черкесы, грузины, турки, курды, албанцы, армяне и греки,—родные которыхъ состояли на службѣ у паши. Въ нее безусловно не принимались дѣти египетскаго происхожденія, и преподаваніе въ ней велось на турецкомъ языкѣ.

Курсъ этихъ школъ обнималъ, по старой методѣ, коранъ, письмо, грамматику и турецкую, персидскую и арабскую литературы; но, съ цѣлью подготовить учениковъ къ поступленію въ военную школу, къ этимъ основнымъ предметамъ присоединили элементарные курсы ариѳметики, геометріи, алгебры, рисованія и изученіе итальянскаго языка—того изъ европейскихъ языковъ, на которомъ говорило большинство преподавателей военной школы.

Чтобы завершить свою военно-учебную организацію, Мегеметъ-Али учредилъ медицинскую школу. То предубѣжденіе противъ арабовъ, которое османлисы питали въ отношеніи военнаго дѣла, здѣсь не имѣло почвы, ученики этой школы всѣ вербовались, т.-е. набирались принудительно, изъ числа дѣтей египетскаго происхожденія и изъ числа студентовъ мусульманскаго университета, софтъ-Эль-азхарской мечети.

Когда нужды дѣла заставили великаго пашу учредить Министерство и Совѣтъ народнаго просвѣщенія, министръ и большинство членовъ Совѣта были назначены изъ людей, незадолго передъ тѣмъ вернувшихся изъ Европы; остальные члены были французы. Въ этомъ совѣтѣ не было ни одного араба: онъ состоялъ изъ шести французовъ, двухъ армянъ и трехъ турокъ. Усвоенная имъ мысль объ основаніи арабской державы въ противовѣсъ турецкой была европейской теоріей, завезенной изъ Европы и не слишкомъ пріятной Мегемету-Али. Но такъ какъ война съ Турціей не позволяла вербовать служащихъ среди албанцевъ, османлисовъ, черкесовъ и пр., то паша далъ волю Совѣту, который „получилъ разрѣшеніе вводить въ школы египетскій племенной элементъ въ большомъ количествѣ, а уже не въ видѣ исключенія, какъ это дѣлалось до тѣхъ поръ..." Естественнымъ слѣдствіемъ допущенія въ большомъ числѣ, и даже въ большинствѣ, дѣтей египетскаго племени, говорящихъ по-арабски, былъ переходъ всего преподаванія на египетскій языкъ. Вслѣдствіе этой реформы пришлось обратиться къ Эль-азхарской мечети за преподавателями для среднеучебныхъ заведеній; вліяніе эль-азхарской методы весьма осязательно чувствовалось еще много лѣтъ спустя.

Итакъ, возникшее въ Египтѣ образованное мусульманское общество представляло собой касту чиновниковъ, по большей части иностраннаго происхожденія; тѣ туземцы, которые смѣшались съ этой кастой, принадлежали къ семьямъ, не имѣющимъ вліянія въ странѣ, и тѣмъ самымъ, что они вступали въ касту, они отдѣлялись отъ своихъ семействъ.

„Пока Мегеметъ-Али, вводя въ Египтѣ чужеземное образованіе, затрогивалъ лишь иностранцевъ,—мамелюковъ ли, или другихъ,—главная часть коренного населенія и самъ университетъ оставались довольно равнодушны къ этимъ новшествамъ; но при первыхъ попыткахъ распространить это свѣтское образованіе на всю египетскую молодежь въ населеніи обнаружилась рѣзкая оппозиція противъ иностранной науки. Тѣмъ не менѣе со временемъ между университетомъ и казенными школами установился *modus vivendi*, и съ каждымъ днемъ близость между ними становится тѣснѣе; этимъ сближеніемъ воспользовались мусульманскія женщины“.

Борцомъ за женское образованіе въ Египтѣ были улемъ Рифатъ Бей, питомецъ и докторъ Эль-Азхарскаго университета, состоявшій въ качествѣ *имама* (священника) при египетскомъ посольствѣ въ Парижѣ и умершій въ Каирѣ въ 1875 г. Въ книгѣ, изданной въ Каирѣ (въ 1292 году мусульманской эры), Рифатъ привелъ всѣ богословскіе и каноническіе аргументы ислама, изъ *Гадисъ* Пророка, изъ *Сунны* и изъ мусульманской агіографіи въ пользу женскаго образованія. Правительство мало способствовало этому нововведенію. Изъ всѣхъ проектовъ организаціи женскаго образованія, составленныхъ комитетомъ 1836 года, вице-король одобрилъ лишь одинъ, именно проектъ учрежденія школы повивальныхъ бабокъ. „Этотъ опытъ женскаго профессіональнаго образованія далъ спустя нѣсколько лѣтъ такіе блестящіе результаты, что было рѣшено его продолжать; мысль, что молодая мусульманка можетъ, не стыдясь, ходить въ эту школу, чтобы научиться тамъ знаніямъ, нужнымъ для отправленія этой профессіи, въ настоящее время не встрѣчаетъ никакихъ возраженій“.

Каста европейски-образованныхъ мусульманъ, будучи создана, такъ сказать, усмотрѣніемъ администраціи, никогда не обнаруживала въ Египтѣ той склонности къ спорамъ и тѣхъ революціонныхъ тенденцій, которыми отличались въ Оттоманской имперіи мусульмане-„младотурки“.

III.—Аравія.

Внутри аравійскаго полуострова исламъ, съ самаго своего возникновенія, не подвергался никакому иностранному вліянію. Мимолетныя вторженія турокъ и египтянъ не оставили осадка въ населеніи, которое сохранилось чистымъ отъ всякой примѣси. Арабы на полуостровѣ, если не считать мусульманскихъ догмъ и обрядностей, вернулись къ тому моральному и соціальному состоянію, въ которомъ они находились не послѣ Магомета, а до Магомета. Единственной перемѣной, которой они подверглись за послѣднее столѣтіе, было возвращеніе къ безусловному пуританству, попытка возстановить общество въ томъ видѣ, какой, по понятіямъ мусульманъ, оно представляло во времена „четырехъ блаженныхъ товарищей“, Абу Бекра, Омара, Османа и Али; это есть *уахабизмъ* (вагабизмъ) [1]).

Основатель этой секты, Мохаммедъ

---

[1]) Сохраняю это названіе, которое турки и европейцы дали сектѣ по имени ея основателя *Абдъ-эль-Оуахабъ*, „слуга щедраго“. *Уахабъ*, щедрый,—одно изъ 99 опредѣленій Бога. Сами Уахабиты называютъ себя *Муахидунъ*, „унитаріи“, въ отличіе отъ прочихъ мусульманъ, которыхъ они называютъ *Мушрикунъ* (дающіе въ товарищи Богу другое существо, политеисты).

Ибнъ Абдъ-эль-Уахабъ, родившійся въ Дерайе, въ Неждѣ въ 1691 г., умершій въ 1787 г., отвергалъ авторитетъ четырехъ *имамовъ*, такъ сказать, учителей мусульманской церкви (Абу Ганифы, Ганбала, Шафи и Малика), признаваемый правовѣрными мусульманами, и проповѣдывалъ возвратъ къ Корану и Суннѣ, т.-е. подражаніе Магомету и „четыремъ блаженнымъ товарищамъ", образцы котораго сохранились въ каноническомъ преданіи (*Гадисъ*). Отвергая законодательство четырехъ имамовъ, реформаторъ тѣмъ болѣе осуждалъ обрядности и суевѣрія, внесенныя въ исламъ, паломничества (Зіаретъ) иныя, кромѣ какъ въ Мекку (Хаджъ), призыванія Магомета, почитаніе святыхъ и ангеловъ, реликвіи, сверхъ-урочныя молитвы, молебствія, четки и всѣ новшества (Бида) сравнительно съ той жизнью, какую рисуетъ *Сунна*. Нѣсколько отрывковъ изъ одного *Рисала*, т.-е. разсужденія Абдъ-эль-Уахаба, дадутъ понятіе о его богословской системѣ.

„Пріобщить кого-нибудь Богу, т.-е. распространить на кого бы то ни было почитаніе, которое мы обязаны воздавать лишь одному Богу, значитъ грубо исказить смыслъ этого почитанія, пятная его идолопоклонствомъ... Люди, которые въ своихъ молитвахъ обращаются къ кому бы то ни было, кромѣ Бога, съ цѣлью получить черезъ иного то, что можетъ даровать одинъ Богъ,—вымолить себѣ добро или предохранить себя отъ зла,—вносятъ въ свою молитву языческую закваску... Это одинаково приложимо ко всѣмъ, кто кладетъ душу свою на служеніе посторонней Богу вещи (т.-е. религіознымъ памятникамъ, часовнямъ, гробницамъ святыхъ), кто надѣется на когонибудь другого, кромѣ Бога (государя, имама или халифа [1]), кто тайно трепещетъ передъ гнѣвомъ иной силы, кромѣ Божіей, кто призываетъ иную помощь, нежели помощь Бога: всѣ они—идолопоклонники".

[1]) По *гадису* Омара II: „Покорность творенію—мятежъ противъ творца".

Республиканское пуританство Ибнъ-Абдъ-эль-Уахаба нашло сочувствіе въ маленькихъ республикахъ Неджда и въ семействѣ главнаго изъ ихъ наслѣдственныхъ вождей, Мохаммеда Ибнъ Сауда (умеръ въ 1765 г.), женившагося на дочери Ибнъ-эль-Уахаба. Образуя федерацію подъ главенствомъ фамиліи Саудъ, пользовавшейся своего рода протекторатомъ въ Ріадѣ, уахабиты никогда не признавали за своими вождями *Имамата*, т.-е. власти калифа; они сохранили республиканскій образъ правленія, хотя выбирали своего представителя постоянно изъ одной и той же семьи [1]).

Политическое и военное господство уахабитовъ было недолговѣчно. Въ 1803 г. они овладѣли Мединой и Меккой, разрушивъ при этомъ часовни и гробницы святыхъ и ожесточенно уничтожая всѣ предметы культа. „Въ святомъ градѣ не осталось ни одного кумира", говорили они. Въ 1810 г. Саудъ Ибнъ Абдъ-эль-Азизъ разграбилъ храмъ при гробницѣ Магомета въ Мединѣ; его сподвижники-пуритане раздѣлили между собой жертвенные дары и церковную утварь. Слѣдствіемъ разграбленія Медины было вмѣшательство турокъ и египтянъ [2]). Въ 1818 г. Абдалла, взятый въ плѣнъ Ибрагимомъ Пашей, былъ отправленъ въ Константинополь, гдѣ султанъ приказалъ

[1]) Мохаммедъ Ибнъ Саудъ, ум. въ 1765 г.; Абдъ-эль-Азизъ, убитый однимъ персомъ въ 1803 г.; Саудъ Ибнъ Абдъ Эль Азизъ, ум. въ 1814 г.; Абдалла Ибнъ Саудъ, казненный турками въ 1818 г.; Турки Ибнъ Саудъ, убитый въ 1834 г.; Файзаль, ум. въ 1865 г.; Абдалла, низвергнутый Саудомъ и потомъ, въ 1875 г., въ свою очередь свергшій Сауда (передъ этимъ онъ изъявилъ покорность Турціи и принялъ отъ Мидхатъ-Паши должность каймакама въ Неждѣ); въ 1872 г. Саудъ вернулся въ Ріадъ.

[2]) См. т. II, стр. 107—108.

его обезглавить. Съ этихъ поръ уахабизмъ, оттѣсненный въ немногіе округа Неджда, пересталъ существовать, какъ политическая сила, и свелся, въ религіозномъ смыслѣ, къ простому пуританству; но, какъ секта, онъ распространился, съ одной стороны, въ Индіи, гдѣ, принявъ новую форму, сдѣлался внушительной силой, съ другой—въ Иракѣ, Бассорѣ, Багдадѣ, гдѣ преобразовался въ либеральномъ смыслѣ и клонится къ сліянію съ нео-мотазелизмомъ.

Въ Индіи ученикомъ и преемникомъ апостола „унитаріанства", Сеидъ Ахмеда, убитаго сикхами въ 1826 г., былъ Могаммедъ Измаилъ, формулировавшій ученіе этой секты въ книгѣ, очень распространенной теперь (переведена на турецкій языкъ въ 1881 г.), *Таквійетъ эль-Иманъ*, „укрѣпленіе вѣры" [1]). Послѣдователи Могаммеда Измаила, изгнанные изъ Индіи, гдѣ ихъ преслѣдовали и англійскія власти, и мусульманская правовѣрная церковь, распространили пуританскій унитаризмъ въ Ягистанѣ [2]) среди суровыхъ горцевъ сѣверо-западной окраины, къ республиканскимъ привычкамъ которыхъ это ученіе подходило какъ нельзя лучше. Исказившись подъ вліяніемъ древнихъ мѣстныхъ вѣрованій, пуританскій унитаризмъ сталъ съ 1863 г. религіей момандовъ, оракзайевъ, сватіевъ, афридіевъ, которые только-что оказали непреодолимое сопротивленіе англо-индійскому нашествію.

Въ Иракѣ унитаризмъ нашелъ приверженцевъ въ особенности среди городского населенія, говорящаго по-арабски и враждебнаго турецкому владычеству; какъ въ религіозномъ, такъ и въ политическомъ смыслѣ слова оно представляетъ собой *протестантизмъ*. На арабское населеніе пустыни оно не оказало никакого дѣйствія; религіозный индифферентизмъ этихъ племенъ номинально удерживаетъ ихъ въ правовѣріи.

1) *Таквійетъ* даетъ слѣд. формулу: „Двѣ вещи необходимы въ религіи: знать Бога, какъ Бога, и пророка, какъ пророка". Два основныхъ начала вѣры—догматъ единобожія и покорность суннѣ. Два главныхъ источника заблужденія — *ширкъ* (многобожіе) и *бида* (новшество).

2) Слово турецкаго происхожденія, означающее—„независимая страна".

IV.—Персія.

Въ 1848 г. умственное развитіе народовъ, населяющихъ Персію, было много ниже того, котораго населеніе Турціи достигло вслѣдствіе своего разнороднаго состава и своихъ долгихъ и частыхъ сношеній съ Западомъ. Можно составить себѣ о немъ понятіе по очерку, матеріалы для котораго были собраны десять лѣтъ спустя французскимъ офицеромъ [1]), въ теченіе восемнадцати мѣсяцевъ преподававшимъ въ Тегеранскомъ царскомъ коллежѣ – единственномъ учебномъ заведеніи въ Персіи, гдѣ въ то время, какъ и теперь, можно было получить европейское образованіе.

„Внѣ *Медрессе* можно найти нѣкоторое, очень небольшое число лицъ, способныхъ преподавать слѣдующіе предметы:

1. *Естественную философію*, т.-е. устарѣлую физику, излагающую, что вода, земля, воздухъ и огонь суть простыя тѣла природы; что міръ состоитъ изъ ряда концентрическихъ сферъ, въ центрѣ которыхъ находится земля; что онъ ограниченъ твердой оболочкой, къ которой прикрѣплены, на подобіе гвоздей, свѣтящіяся тѣла, звѣзды и т. д.;

2. *Медицину*. Книги, трактующія о ней, написаны на персидскомъ или на арабскомъ языкѣ;

3. Науку, трактующую о способахъ разстановки чиселъ для полученія магическихъ квадратовъ;

4. *Ильмъ-и-Рамль* (науку о рисункахъ на пескѣ). Это геомантія.

1) *Note sur l'enseignement en Perse* А. Николя, артиллерійскаго офицера, присланнаго со спеціальной миссіей въ 1858—61 г., *I. A.*, іюнь 1862 г.

5. ***Ильмъ-и-джафаръ*** (гаданіе на буквахъ).

6. ***Счетоводство.***

7. ***Ариѳметику*** по десятичной системѣ съ арабскими цифрами и на арабскомъ языкѣ.

8. ***Геометрію Евклида.*** До прибытія французскихъ преподавателей она была извѣстна въ Персіи лишь на арабскомъ языкѣ.

9. ***Космографію,*** по Птоломеевой системѣ (книги на персидскомъ и на арабскомъ языкахъ).

10. Науку предсказанія по звѣздамъ,— астрологическую науку, пользующуюся у персовъ безусловнымъ довѣріемъ".

Можно, слѣдовательно, принять, что причины религіознаго и политическаго движенія, взволновавшаго Персію въ 1848 г., совершенно не зависѣли отъ западныхъ вліяній. Инціаторами этого движенія въ странѣ, гдѣ господствовалъ неограниченный деспотизмъ, были иранцы, или люди, считавшіе себя иранцами; они основывались на національной литературѣ, на древней арабской наукѣ и на особой формѣ мусульманской религіи, Шиизмѣ [1].

Въ началѣ вѣка персидскій арабъ, уроженецъ маленькаго городка Лехзи (на юго-западномъ берегу Персидскаго залива) образовалъ духовное общество; къ концу своей жизни онъ собралъ своихъ *мюридовъ* (учениковъ) въ Кербелѣ, городѣ, вдвойнѣ освященномъ мученичествомъ Гассана и Гуссейна. Множество народа стекалось слушать его. Шейхъ Ахмедъ—такъ звали его—училъ, „что Богъ наполняетъ собой весь міръ, что послѣдній отъ него исходитъ и что всѣ Божіи избранники, всѣ имамы, всѣ праведники суть олицетворенія свойствъ Божества".

[1]) Арабское слово *шiа*, изъ котораго европейцы произвели *шiитъ*, означаетъ „сектантъ"; теперь такъ называютъ послѣдователей Али, двоюроднаго брата и зятя Магомета, четвертаго калифа,—особенно персидскихъ.

Значительная часть *мюридовъ* шейха Ахмеда происходила изъ южной Персіи и Ирака: именно въ этихъ провинціяхъ, пережившихъ столько крупныхъ и соціальныхъ религіозныхъ движеній, шейхъ нашелъ своихъ лучшихъ *наибовъ* (викаріевъ). Послѣ его смерти, одинъ изъ наиболѣе приближенныхъ къ нему *мюридовъ*, шейхъ Сеидъ Каземъ, былъ избранъ на его мѣсто пастыремъ зарождающейся кербельской церкви; между учениками, послѣдовавшими за новымъ учителемъ, одинъ особенно воспламенялъ воображеніе этого собранія экзальтированныхъ мистиковъ,— молодой человѣкъ съ странными манерами: то былъ будущій *Бабъ*.

Арабское слово *Бабъ* означаетъ „дверь". Мистическое имя, данное шiитами своему первому имаму, Али, было „дверь науки, дверь правды". Несомнѣнно, что это прозваніе не было никогда ни присвоено Али Могаммедомъ—таково было настоящее имя *Баба*,—ни дано ему его первыми учениками; въ народѣ его сначала звали *Меджзубъ*, „изступленный, озарённый". Впрочемъ, о его ученіи и проповѣдяхъ неизвѣстно ничего опредѣленнаго. „Въ приписываемомъ ему коранѣ мы находимъ мало его собственныхъ мыслей. Главными составителями и редакторами этого корана были безъ сомнѣнія двое учениковъ Ба́ба, [1]) Сеидъ Гассанъ и Сеидъ Гуссейнъ". Бабъ никогда не отрекался отъ ислама. Онъ проповѣдовалъ ученіе, признаваемое многими мусульманами, состоящее въ томъ, что жить слѣдуетъ не по буквѣ закона, а согласно съ духомъ его и отдаваясь созерцанію. Неизмѣнными темами его бесѣдъ были воздержаніе и молитва, цѣломудріе и милосердіе. Бабизмъ былъ созданъ вокругъ Ба́ба и именемъ Ба́ба, благодаря его непосредственнымъ ученикамъ, въ тѣ два или три года, когда Али Могаммедъ могъ свобод-

[1]) Мирза Каземъ Бегъ, *Bab et les Babis.* Каземъ Бегъ имѣлъ въ рукахъ экземпляръ корана Баба, писанный Сеидъ Гуссейномъ.

но проповѣдовать,—между 1840 и 1844 г. [2]). Уже въ періодѣ гоненій и арестовъ, между 1844 и 1848 г., второе поколѣніе учениковъ, въ большинствѣ никогда не видѣвшее Али Могаммеда, создало по разсказамъ нѣсколькихъ его непосредственныхъ учениковъ легенду о Бáбѣ и религію бабизма.

Дѣятельность самого Бàба была весьма непродолжительна. Въ 1840 г. онъ вернулся изъ Кербелы на свою родину, въ Ширазъ. Онъ проповѣдовалъ исправленіе нравовъ. „Себялюбивыя страсти одержали верхъ надъ Божьимъ словомъ". Въ 1841 г. онъ исчезъ; говорятъ, что онъ ушелъ въ Мекку. Во время его отсутствія его первые ученики начали возвѣщать „наступленіе блаженныхъ временъ, наступленіе видимаго царствія *Сагибъ эль-Земана*" [2]). Въ 1844 г. Бабъ снова появился, говоря, что онъ вернулся изъ Мекки; его арестовали въ Бендеръ-Буширѣ и увезли въ Ширазъ, гдѣ онъ былъ подвергнутъ допросу улемами. Благодаря *шейхитамъ* (приверженцамъ ученія шейха Ахмеда) онъ былъ оправданъ и могъ покинуть Ширазъ. Въ это самое время анархистскія сообщества, образовавъ нѣчто вродѣ каморры, подъ названіемъ *Лутисъ*, терроризировали Испагань; именно въ Испагани онъ обратился за пріютомъ къ оффиціальному настоятелю соборной мечети; у него и оставался онъ въ добровольномъ затворничествѣ до мая 1847 г., когда этотъ настоятель умеръ. Тутъ Бабъ опять исчезаетъ и появляется затѣмъ въ Тавризѣ въ апрѣлѣ 1848 г. Въ это время онъ уже находился подъ вліяніемъ двухъ молодыхъ людей, братьевъ Сеидъ Гуссейна и Сеидъ Гассана, которые и не разлучаются съ нимъ до его смерти.

Другой ученикъ Бàба, Мулла Юсуфъ изъ Ардебиля, проповѣдовалъ новое ученіе въ Азербейджанѣ и Казвинѣ. Одна молодая дѣвушка, туземка, увѣровала и стала апостоломъ бабизма; въ народѣ ее звали *Курретъ эль-Аинъ*, „свѣтъ очей", и *ЗерринъТаджъ*, „золотой вѣнецъ"; между учениками имя ея всегда было и осталось *Тахирэ*, „чистая, непорочная". Красота Тахирэ, ея несомнѣнный талантъ (стихи ея признаются теперь классическими въ Персіи), изумленіе, возбуждаемое ея смѣлостью, опьяняли колеблющихся. „Она показывалась всюду безъ покрывала, проповѣдуя любовь къ Бàбу и къ его ученію, и въ короткое время организовала многолюдную общину".

Въ Испагани бабидовъ обвиняли въ содѣйствіи анархистамъ, лутисамъ, въ Тавризѣ ихъ подозрѣвали въ антинаціональныхъ проискахъ. Всюду ихъ считали зачинщиками всѣхъ народныхъ волненій противъ *туйуля* (ренты, назначаемой должностнымъ лицамъ съ городовъ, мѣстечекъ и селеній), противъ продажи судейскихъ мѣстъ, противъ вымогательствъ духовенства; нѣтъ сомнѣнія, что бабиды цѣликомъ отвергали преданіе учителей и отцовъ ислама, признавая Коранъ единственно *символомъ грядущихъ истинъ*. Духовенство распространяло слухъ, что бабиды проповѣдуютъ общность женъ; шейхиты въ страхѣ отступились отъ секты, которая вышла изъ ихъ же среды. Въ іюнѣ или іюлѣ 1848 г. одинъ изъ священнослужителей въ Казвинѣ проклялъ Тахирэ; въ ту же ночь, въ часъ утренней службы, онъ былъ заколотъ у входа въ мечеть тремя бабидами; народная масса поднялась противъ новаторовъ; убійцы были арестованы, ихъ судили короткимъ судомъ и казнили. Тахирэ покинула Казвинъ съ горстью приверженцевъ. Одинъ изъ двухъ политическихъ вождей партіи, Хаджи Могаммедъ Али, соединился съ нею въ мѣстечкѣ Бедештъ, близъ Бастама. Началась Бабистская ре-

---

[1]) Али Могаммедъ родился въ 1812 г., по свидѣтельству Каземъ Бега, располагавшаго наиболѣе прямыми свѣдѣніями. Другіе его біографы указываютъ 1820 годъ.

[2]) „Господинъ времени", *Махди*, т.-е. Мессія.

волюція (августъ 1848). Въ сентябрѣ умеръ шахъ персидскій; его преемнику, Насръ-эдъ-Дину, было всего шестнадцать лѣтъ; вождь бабидовъ, революціонеръ Мулла Гуссейнъ, рѣшилъ, что наступилъ благопріятный моментъ; онъ сталъ во главѣ движенія, написалъ Хаджи Могаммеду и Тахирэ, чтобы они соединились съ нимъ въ Баръ Фурушѣ въ Мазандеранѣ, гдѣ самъ онъ смѣло расположился, терроризируя весь городъ съ помощью той кучки приверженцевъ, которою онъ располагалъ здѣсь. Тахирэ не послѣдовала за товарищами; въ сопровожденіи нѣсколькихъ вѣрныхъ людей она продолжала проповѣдовать, переходя изъ селенія въ селеніе.

Возстаніе Мулла Гуссейна и Хаджи Али и ропотъ улемовъ побудили новое правительство молодого шаха, руководимое его визиремъ и духовенствомъ и подстрекаемое землевладѣльцами Мазандерана, прибѣгнуть къ репрессіямъ.

Бабъ со своими двумя учениками, Сеидъ Гуссейномъ и Сеидъ Гассаномъ, былъ увезенъ изъ крѣпости Чегрикъ, гдѣ они втроемъ содержались. „Оба брата вмѣстѣ съ Бабомъ были привезены и заключены въ темницу, гдѣ уже нѣсколько дней находились два его приверженца. Впятеромъ они вышли изъ нея, чтобы идти на смерть; но только двое были казнены, потому что Сеидъ Ахмедъ и оба брата отреклись отъ своего учителя“.

По свидѣтельству Каземъ Бега, Бабъ, все время молчавшій, только кротко сказалъ предсѣдателю духовнаго суда: „Итакъ, ты осуждаешь меня на смерть?“

Въ Персіи разстрѣливаютъ въ спину; Ага Могаммедъ Али и Бабъ пожелали встрѣтить смерть лицомъ къ лицу. По странной случайности пули попали лишь въ веревки, которыми Бабъ былъ привязанъ; онѣ порвались, и онъ почувствовалъ себя свободнымъ. Говорятъ, что Бабъ бросился къ народу, желая внушить ему мысль о чудѣ. Можетъ быть, ему бы это и удалось, если бы солдаты были мусульманами; но христіанскіе *сарбазы* (солдаты) поспѣшили показать народу веревки, перебитыя пулями, и вторично привязали Баба. Ага Могаммедъ Али былъ разстрѣлянъ первымъ, а послѣ него Бабъ (19 іюля 1849).

Въ Азербейджанѣ, Иракѣ и особенно Мазандеранѣ бабиды, поднявшіеся по призыву Тахирэ и Молла Гуссейна, оказали серьезное сопротивленіе. Вооруженная борьба продолжалась съ декабря 1848 г. по конецъ августа 1849 г. Семьсотъ бабидовъ, укрѣпившись у гробницы шейха Таберзи, близъ Сари въ Мазандеранѣ, шесть мѣсяцевъ давали отпоръ болѣе или менѣе регулярнымъ войскамъ, которыя превосходили ихъ численностью въ двадцать разъ и которыхъ осажденные четыре раза разбивали во время вылазокъ. Стойкость бабидовъ сломилъ только голодъ; персидскіе генералы предложили имъ капитуляцію, на которую они и согласились; но она была нарушена. Жестокая расправа была произведена и въ остальной Персіи. Тахирэ, арестованная въ Азербейджанѣ, три года пробыла въ тюрьмѣ. Когда въ 1852 г. вспыхнуло новое возстаніе бабидовъ [1]), ее задушили въ тюрьмѣ. Въ 1852 г. было перерѣзано еще больше народа, нежели въ 1849 г. Въ это время Мирза Ягія (Иванъ), котораго партія признала преемникомъ Баба, бѣжалъ въ Багдадъ, на турецкую территорію; въ 1853 г. къ нему присоединился, выйдя изъ тюрьмы, другой вождь бабидовъ, Мирза Гуссейнъ Беха Алла. Въ 1864 г. персидское правительство, обезпокоенное бабистской пропагандой въ Багдадѣ, т.-е. близъ самой границы Персіи, обратилось съ представленіями къ турецкому правительству; вождямъ бабидовъ было приказано жить въ Константинополѣ, гдѣ они вступили въ сношенія

[1]) Дальнѣйшія бабистскія попытки относятся къ 1878, 1888 и 1889 гг.; всѣ онѣ были подавлены.

съ нарождающейся „младотурецкой“ партіей; правительство разсѣяло группу эмигрантовъ и водворило Беху въ Сенъ Жанъ д'Акрѣ, а Ягію—въ Фамагустѣ, губернаторомъ котораго былъ не кто иной, какъ Зіа, одинъ изъ лучшихъ писателей и одинъ изъ основателей „младотурецкой“ партіи. Подъ вліяніемъ Ягіи и вслѣдствіе его сношеній съ Зіа-Пашей, а позже — съ Мегемедъ-Беемъ, активная фракція бабидовъ, скрывавшихся въ Турціи, мало-по-малу утратила свой религіозный характеръ и слилась, въ качествѣ соціалистической и революціонной партіи, съ наиболѣе передовыми группами „Молодой Турціи“. Мистическая и богословская партія, партія Бехи, развилась въ религіозную секту съ либеральными стремленіями. Бабиды секты Беха возводятъ вѣротерпимость въ религіозный догматъ, предписываютъ правовѣрнымъ прощеніе обидъ и правило: „поступай съ другимъ такъ, какъ ты хотѣлъ бы, чтобы онъ поступалъ съ тобой“, признаютъ ненужными двѣ молитвы изъ пяти, паломничество въ Мекку и т. д. Впрочемъ, какъ и всѣ бабиды, они не признаютъ ритуальной нечистоты (въ ѣдѣ и одеждѣ) и провозглашаютъ равенство женщинъ. Эта секта ведетъ активную пропаганду въ Азіатской Турціи, особенно въ Иракѣ, въ южной Персіи и въ Индіи.

Глава IV.

Алжиръ и французскія колоніи.

1848—1870.

I.—Алжиръ.

Алжиръ въ 1848 г. — Въ 1848 году кончились большія войны въ Африкѣ. Могучіе вожди, олицетворявшіе собою сопротивленіе, Абд-эль-Кадеръ и Бу-Маза, сошли со сцены; Ахмедъ-Бей, давно уже обреченный на безсиліе, вскорѣ изъявитъ покорность. Города побережья превращаются во французскіе города, и вокругъ нихъ возникаютъ, въ видѣ предмѣстій, европейскіе поселки. Внутри страны Константина, Сетифъ, Омаль, Медея, Орлеансвиль, Маскара, Сидибель-Аббесъ и Тлемсенъ составляютъ какъ бы нить кордоновъ съ востока на западъ и держатъ въ уздѣ осѣдлое населеніе Телля. Дальше линія старыхъ крѣпостей Абд-эль-Кадера — Бискра, Бохаръ, Саида, Себду — господствуетъ надъ плоскогорьями. Чтобы довершить завоеваніе страны, остается лишь подчинить горныя гнѣзда Кабиліи, занять главные оазисы и распространить французское владычество или вліяніе на сѣверную Сахару, чтобы тѣмъ смирить кочевниковъ. Теперь возникаетъ вопросъ объ использованіи этой обширной территоріи, богатства которой одни преувеличиваютъ, другіе считаютъ ничтожными. На первый планъ выступаютъ теперь вопросы объ организаціи края и его заселеніи.

Поселенцы 1848 года. — Конституція 1848 г. объявила Алжиръ неотъемлемой частью французской территоріи и признала за нимъ право на представительство въ парламентѣ. Правительство рѣшило воспользоваться имъ для разрѣшенія соціальнаго вопроса, поставленнаго необыкновенно остро іюньскими днями. Одно время думали послать туда колонистами арестованныхъ мятежниковъ. Анфантэнъ предлагалъ нарѣзать для нихъ участки земли въ 150 гектаровъ, съ тѣмъ, чтобы по истеченіи десяти лѣтъ половина участка была отдана въ собственность обработавшему его колонисту, другая половина — тѣмъ туземцамъ-арендаторамъ, которые помогли ему привести участокъ въ культурное состояніе. Этотъ проектъ былъ принятъ съ измѣненіями, которыя совершенно исказили его. Все дѣло свелось къ тому, что набрали извѣстное число парижскихъ рабочихъ, которые ходили безъ работы вслѣдствіе закрытія національныхъ мастерскихъ и продолжавшагося промышленнаго кризиса. Ихъ отъѣздъ былъ обставленъ съ театральной торжественностью. Они были размѣщены со своими семьями на плотахъ, которые поплы-

ли вверхъ по Сенѣ и Іоннѣ, чрезъ Бургундскій каналъ достигли Соны, затѣмъ спустились до устья Роны, откуда на буксирѣ были приведены въ Марсель. Здѣсь эмигранты сѣли на казенныя суда, которыя и доставили ихъ въ Алжиръ. По прибытии каждый изъ нихъ получилъ участокъ примѣрно въ дюжину гектаровъ съ готовымъ домомъ, рабочій инвентарь и сѣмена. До перваго урожая имъ раздавали раціонами продовольствіе; былъ имъ данъ въ пользованіе и рабочій скотъ. Вся эта затѣя, на которую Учредительное собраніе ассигновало 50 милліоновъ, была заранѣе обречена на вѣрную неудачу. Участки были слишкомъ малы, штатъ колонистовъ неудовлетворителенъ. Не говоря уже о томъ, что промышленнымъ рабочимъ было довольно мудрено сразу превратиться въ земледѣльцевъ,— многіе изъ нихъ возлагали на государство заботу о своемъ пропитаніи и, точно по праву, требовали, чтобы временное вспомоществованіе, которое они получали на первыхъ порахъ, выдавалось и впредь. Слѣдственная комиссія 1849 года, докладчикомъ которой былъ Луи Рейбо, не только не утаила, но даже преувеличила ничтожность результатовъ. Тѣмъ не менѣе основанныя тутъ деревни, числомъ 42, уцѣлѣли, и дурные элементы парижской эмиграціи выдѣлились сами собою, а остальные пустили корни и сдѣлались ядромъ настоящей колонизаціи. Несмотря на всѣ ошибки, повредившія успѣху этого крупнаго предпріятія, оно оказалось не безплоднымъ.

Осада Заачи.—Возстаніе въ Заачѣ было вызвано чисто-мѣстными причинами: исконной буйностью берберскихъ племенъ, нелѣпымъ видоизмѣненіемъ пальмоваго налога и, можетъ быть, преувеличенными благодаря дальности разстоянія слухами, которые представляли революцію 1848 года катаклизмомъ, въ корнѣ подкосившимъ могущество Франціи. Заача—оазисъ группы Зибанъ, въ семи миляхъ къ сѣверо-западу отъ Бискры. Нѣкто Бу-Ціанъ, бывшій въ молодости водоносомъ въ Алжирѣ, потомъ ставшій шейхомъ Абд-эль-Кадера и сверхъ того марабу, сдѣлалъ Заачу центромъ агитаціи, скоро охватившей весь край. Лейтенантъ Серока изъ арабскаго бюро въ Бискрѣ арестовалъ главнаго коновода съ цѣлью положить конецъ броженію, но обитатели Заачи взбунтовались и освободили Бу-Ціана. Полковникъ Карбучья хотѣлъ ихъ наказать, но былъ отбитъ съ урономъ (іюль 1849). Осенью генералъ Эрбильонъ, командовавшій тогда въ восточной провинціи, подступилъ къ Заачѣ съ 4.000 человѣкъ. Скрытая въ глубинѣ пальмовыхъ рощъ, окруженная лабиринтомъ садовъ, оградъ и оросительныхъ каналовъ, Заача была защищена рвомъ въ 7 метровъ ширины и высокой зубчатой стѣною. Жители, хорошо вооруженные и сильно возбужденные, оказали энергичное сопротивленіе, о которое разбились 20 октября двѣ атаки. Пришлось начать правильную осаду и призвать подкрѣпленія изъ Омаля и Сетифа. Осажденные, выводимые изъ себя истребленіемъ ихъ пальмъ, дѣлали бѣшеныя вылазки, сосѣдніе оазисы волновались, готовясь поддержать ихъ, кочевники грозили французамъ съ тыла. Между тѣмъ апроши были срыты, бреши признаны достаточно широкими. 24 ноября была отбита послѣдняя вылазка, а 26-го въ 7 час. утра три колонны пошли на приступъ. Полковникъ Канроберъ велъ первую колонну. Въ одно мгновеніе всѣ 4 офицера и 12 изъ 16 солдатъ отборнаго взвода, шедшіе съ нимъ впереди, были выведены изъ строя. Одинъ онъ остался не раненнымъ и продолжалъ руководить штурмомъ. Ворвавшись въ городъ, французы были встрѣчены партизанской войною на улицахъ. Каждый домъ представлялъ собою крѣпость. Бу-Ціанъ съ 150 вѣрными людьми засѣлъ въ одномъ изъ самыхъ крѣпкихъ домовъ. Убійственная ружейная стрѣльба не позволяла

идти на приступъ; была выдвинута пушка, но осажденные перестрѣляли артиллеристовъ. Вдругъ взорвалась мина, выворотившая часть стѣны; всѣ осажденные были убиты; окровавленная голова марабу упала къ ногамъ Канробера. Побѣдители не пощадили ни одного изъ защитниковъ Заачи. Городъ былъ сравненъ съ землею, оазисъ опустошенъ. Но взятіе этого городка въ пустынѣ обошлось французамъ въ полторы тысячи человѣкъ убитыхъ или раненыхъ, не говоря уже объ опустошеніяхъ, которыя произвела въ ихъ рядахъ холера. На обратномъ пути Канроберъ прошелъ чрезъ возставшій Оресъ; взятіе и сожженіе Нары въ долинѣ Уэда Абди положили конецъ сопротивленію.

Движенія, вспыхнувшія въ обѣихъ Кабиліяхъ, вызвали посылку туда съ 1849 по 1851 г. нѣсколькихъ экспедицій; главная изъ этихъ кампаній, разыгравшаяся въ Малой Кабиліи между Филиппвилемъ, Джижелли и Милой, доставила Сентъ-Арно чинъ дивизіоннаго генерала.

Правленіе Рандона. — Кавеньякъ, смѣнившій герцога Омальскаго, и Шангарнье, занявшій въ апрѣлѣ 1848 года мѣсто Кавеньяка, недолго оставались губернаторами Алжира. Генералъ Шаронъ занималъ этотъ постъ два года (сентябрь 1848—октябрь 1850), генералъ Отпуль—четырнадцать мѣсяцевъ (октябрь 1850—декабрь 1851). Затѣмъ въ Алжиръ былъ присланъ генералъ Рандонъ, который передъ переворотомъ долженъ былъ уступить портфель военнаго министра Сентъ-Арно. Онъ вступилъ въ должность 1 января 1850 года и занималъ ее до іюня 1858 года, дольше, чѣмъ кто-либо изъ предшествовавшихъ ему губернаторовъ и чѣмъ большинство послѣдовавшихъ за нимъ. Въ его правленіе была покорена Сахара и окончательно завоевана Великая Кабилія.

Распространеніе французскаго владычества въ Сахарѣ. — Въ Сахарѣ появился шерифъ Мохаммедъ-бенъ-Абдалла, котораго французы пытались-было противопоставить Абд-эль-Кадеру. Онъ только что вернулся изъ паломничества въ Мекку и проповѣдывалъ священную войну. Турки, еще не оставившіе надежды вернуть себѣ Алжиръ, помогли ему пробраться чрезъ Триполи и Гадамесъ. Онъ утвердился въ Уарглѣ и сумѣлъ увлечь за собою почти всѣхъ юго-восточныхъ кочевниковъ. Въ 1852 году его сторонники подняли Лагуатъ, куда поспѣшилъ и онъ самъ. Тогда французы двинули три колонны: Юссуфъ наступалъ на Лагуатъ, Пелиссье двинулся на югъ, въ Оранъ, Макъ-Магонъ прикрывалъ область Бискры. Юссуфъ отбросилъ шерифа въ Лагуатъ; но, встрѣтивъ сопротивленіе, обѣщавшее быть столь же упорнымъ, какъ оборона Заачи, онъ остановился въ ожиданіи спѣшившаго къ нему на помощь Пелиссье. Они соединились 2 декабря, 3-го началась атака, утромъ 4-го артиллерія открыла брешь, чрезъ которую устремилось войско Пелиссье, тогда какъ Юссуфъ взбирался на стѣну въ другомъ пунктѣ. Борьба на улицахъ была почти такъ же кровопролитна, какъ въ Заачѣ. Лагуатъ, окончательно занятый теперь французами, медленно наполнился снова жителями и сдѣлался французскимъ передовымъ постомъ въ Алжирѣ.

Мохаммеду - бенъ - Абдалла удалось бѣжать съ нѣсколькими всадниками. Новый союзникъ французовъ Си-Гамза, вождь уледъ - сиди - шейховъ, послѣдовалъ за нимъ въ Уарглу, которую и отнялъ у него. Послѣ битвы при Меггаринѣ и потери Туггурта онъ бѣжалъ въ тунисскій Джеридъ, затѣмъ къ туарегамъ въ окрестности Инзала́. Въ 1861 году вдругъ сдѣлалось извѣстнымъ, что онъ вернулся въ Уарглу. Сынъ Си-Гамза, Си-бу-Бекеръ, почти тотчасъ выбилъ его отсюда, погнался за нимъ чрезъ пустыню и вернулся, ведя его плѣнникомъ. Тѣмъ временемъ французскія войска вступили въ

Туггуртъ и Эль-Уэдъ. Въ 1856 году по почину генерала Дево началось рытье артезіанскихъ колодцевъ въ Уэдъ-Рирѣ, оживотворившихъ потомъ всю эту группу оазисовъ. Чрезъ Уэдъ-Риръ и Уэдъ-Суфъ французы распространили свое вліяніе до границъ Триполи. По ту сторону Лагуата и юго-западныхъ французскихъ постовъ улэдъ-сиди-шейхи при поддержкѣ французовъ образовали большую марку въ Сахарѣ, прикрывавшую съ юга провинціи Алжиръ и Оранъ.

Завоеваніе Кабиліи.—Запертые въ своихъ суровыхъ и недоступныхъ горахъ, кабилы цѣлые вѣка оставались обособленнымъ народомъ. Римская ассимиляція ихъ не коснулась. Во время арабскаго нашествія они были обращены въ мусульманство, но сохранили свое берберское нарѣчіе, свои *кануны*, т.-е. мѣстные обычаи, свою организацію, столь непохожую на строй арабскаго общества. Они никогда не подчинились турецкому владычеству. Послѣ 1830 года они часто вступали въ бой съ французскими гарнизонами Бужи, Джижелли и Колло, но всегда избѣгали серьезныхъ ссоръ съ Абд-эль-Кадеромъ, самовластныя замашки котораго возбуждали въ нихъ недовѣріе. Бюжо хотѣлъ подчинить ихъ, но успѣлъ вынудить у нихъ только внѣшнюю покорность, да и ту они несли съ нетерпѣніемъ. Всѣ агитаторы, проникавшіе къ нимъ,—Бу-Барла, Си-Джуди, Бу-Сифъ,—находили ихъ готовыми слѣдовать за собою. Съ 1848 по 1857 г. приходилось почти ежегодно посылать войско въ Кабилію. Ни экспедиція на Бабо占ъ въ 1853 году, ни экспедиція на Верхній Себау въ 1854-мъ не дали окончательныхъ результатовъ. Кабилы просили амана, уплачивали военную контрибуцію, и затѣмъ снова поднимали мятежъ. Рандонъ ходатайствовалъ о томъ, чтобы ему были даны средства и разрѣшеніе положить этому конецъ. Его вліяніе все росло, въ 1856 году онъ сталъ маршаломъ. Наконецъ, въ 1857 году онъ получилъ возможность осуществить свой планъ. Было мобилизовано войско въ 35.000 человѣкъ. Въ то время какъ обсерваціонные отряды, размѣщенные въ Дра-эль-Мицанъ, у Бени-Мансуровъ, у Бени-Аббесовъ и въ ущельи Шеллата, со всѣхъ сторонъ оцѣпили крѣпость Джурджура, три дивизіи съ конницей и горной артиллеріей подступили къ ней спереди чрезъ Тици-Уцу. Племя Бени-Иратенъ, первымъ подвергшееся нападенію, упорно сопротивлялось, но послѣ двухдневной борьбы должно было сдаться. Дивизія Макъ-Магона въ кровавомъ бою 24 іюня отняла у Бени-Менгиллетовъ укрѣпленное селеніе Ишериденъ. Пораженіе послѣднихъ обрекло на неудачу и Бени-Іенни и Иллильтеновъ. Битвы при Аитъ-Гассенѣ и Тауриртъ-Мимунѣ и взятіе въ плѣнъ пророчицы Лелла-Фатмы были послѣдними эпизодами этой трудной двухмѣсячной кампаніи. Всѣ племена уплатили военную контрибуцію и дали заложниковъ. На плоскогорьи Сукъ-эль-Арба, въ землѣ Бени-Иратеновъ, въ сердцѣ Великой Кабиліи, былъ воздвигнутъ фортъ Наполеонъ (теперь Фортъ-Насіональ); среди горъ были проложены военныя дороги. Кабилы сохранили свои особыя учрежденія и общинное самоуправленіе, но они были усмирены. Только великое волненіе 1871 года подвигнетъ ихъ снова на мятежъ.

Колонизація.—Хотя и солдатъ до мозга костей, маршалъ Рандонъ не весь отдавался военнымъ заботамъ. Онъ дѣятельно развивалъ колонизацію. Было испробовано нѣсколько системъ: продажа земельныхъ участковъ, основаніе большихъ землевладѣльческихъ компаній, и т. д. Въ 1853 году Женевская компанія получила 20.000 гектаровъ съ обязательствомъ построить деревни и населить ихъ колонистами. Въ это же время измѣнена была система единоличныхъ концессій: участокъ предоставлялся колонисту уже не во временное пользованіе, а тотчасъ же

въ собственность, причемъ оговаривались тѣ случаи, когда онъ терялъ послѣднюю; онъ получалъ такимъ образомъ возможность передавать другому лицу свои права и обязанности, а также добывать нужныя средства путемъ ипотечной записи на свою землю. По этой системѣ было основано 85 новыхъ поселеній. Мѣстная власть старалась улучшать гавани, вводить новыя культуры, принимала мѣры къ охранѣ лѣсовъ. Многое здѣсь было сдѣлано ощупью и оказалось ошибочнымъ. Но всетаки Алжиръ развивался. Законъ 22 іюня 1851 года, разрѣшившій безпошлинный ввозъ въ метрополію почти всѣхъ алжирскихъ продуктовъ, которые до сихъ поръ разсматривались, какъ иностранные товары, далъ могучій толчокъ развитію этой колоніи. Въ одинъ годъ сумма вывоза удвоилась. Въ 1857 году по почину маршала Вейльяна былъ изданъ указъ о проложеніи въ Алжирѣ сѣти желѣзныхъ дорогъ; работы начались въ 1860 году. Въ это время оборотъ внѣшней торговли составлялъ уже 157 милліоновъ. Въ 1861 году количество европейцевъ въ Алжирѣ перевалило за 200.000.

Присутствіемъ этого народонаселенія завершалось упроченіе здѣсь французскаго владычества, но оно же значительно усложняло вопросъ о политическомъ устройствѣ края, который былъ гораздо проще, пока дѣло шло только о туземцахъ. Правительство естественно могло оставить туземцамъ не только ихъ обычаи и законы, но и весь феодальный или патріархальный строй, господствовавшій здѣсь до завоеванія: оно просто подчинило весь этотъ режимъ французскому военному начальству. Но для европейцевъ надо было создать и гражданскіе суды, и гражданскую администрацію. Съ 1848 года города и колонизованныя мѣста составляли въ каждой провинціи особый департаментъ. Но гражданскіе и военные округа часто соприкасались или перекрещивались. Генералы и префекты, суды, прокуратура и арабскія бюро не безъ труда могли различать и соблюдать границы своей компетенціи. Однако на сторонѣ военной власти долго оставался безусловный перевѣсъ. Конституція 1852 года уничтожила алжирское представительство; генеральные совѣты, учрежденные на бумагѣ въ 1848 году, никогда не функціонировали, а муниципальные, возникшіе объ это же время, съ 1854 года назначались исполнительной властью. Генералъ-губернаторъ, начальникъ колоніи, какъ и арміи, управлялъ первою и командовалъ второю вполнѣ самовластно, если не считать далекаго контроля военнаго министра и императора.

Алжирское министерство.—Въ 1858 году, въ виду полнаго умиротворенія страны, признано было благовременнымъ перейти въ видѣ пробы къ другому режиму, который направилъ бы всѣ усилія на экономическое развитіе Алжира. Декретомъ отъ 24 іюня учреждено было министерство по дѣламъ Алжира и колоній, во главѣ котораго сталъ принцъ Наполеонъ. Маршалъ Рандонъ тотчасъ подалъ въ отставку. Постъ алжирскаго генералъ-губернатора былъ уничтоженъ; для Алжира оставили только главнокомандующаго сухопутными и морскими силами. Полномочія префектовъ были расширены и въ каждой изъ трехъ провинцій учрежденъ генеральный совѣтъ, члены котораго назначались губернаторомъ. Цѣль была та, чтобы „править изъ центра, а управлять на мѣстахъ". Но при тогдашнихъ средствахъ сообщенія отъ Алжира до Парижа было очень далеко. Министръ и его помощники плохо знали страну; ихъ преобразовательный пылъ сказывался опрометчивыми, а подчасъ и пагубными мѣропріятіями, вызывавшими бурныя жалобы и протесты. Принцу Наполеону все это скоро надоѣло, и онъ ушелъ въ мартѣ 1859 года. Его преемникъ, Шасселу-Лоба, искусный

администраторъ, ознаменовалъ свое недолгое правленіе полезными нововведеніями: на Алжиръ была распространена привилегія, а слѣдовательно и операціи Земельнаго банка, преобразована почта, пользованіе удѣльными землями организовано на началахъ продажи вмѣсто безплатныхъ концессій. Но антагонизмъ гражданской и военной власти со временемъ только обострился: ежеминутно возникали конфликты, которые часто министръ былъ не въ силахъ разрѣшить. Поддавшись могущественнымъ вліяніямъ, Наполеонъ III рѣшился посѣтить Алжиръ. 17 сентября 1860 года онъ высадился въ Алжирѣ, а 19-го созвалъ на совѣщаніе министра по алжирскимъ дѣламъ, главнокомандующаго сухопутными и морскими силами, всѣхъ трехъ дивизіонныхъ генераловъ и всѣхъ трехъ префектовъ. Онъ молча присутствовалъ при обсужденіи дѣлъ, затѣмъ закрылъ засѣданіе и въ тотъ же день отплылъ обратно. Его рѣшеніе созрѣло. Спустя два мѣсяца императорскій указъ упразднилъ министерство по дѣламъ Алжира и колоній и возстановилъ генералъ-губернаторство. Однако организація, существовавшая до 1858 года, была не вполнѣ возстановлена. Рядомъ съ губернаторомъ, почти на одномъ уровнѣ съ нимъ, были поставлены военный вице-губернаторъ, сосредоточившій въ своихъ рукахъ туземныя дѣла, и директоръ гражданскихъ вѣдомствъ, а рядомъ съ совѣщательной коллегіей, куда входили начальники всѣхъ вѣдомствъ, сталъ высшій правительственный совѣтъ, въ который вошли делегаты отъ генеральныхъ совѣтовъ. Новый губернаторъ Пелиссье заявилъ, что „алжирское правительство преслѣдуетъ цѣли вполнѣ гражданскаго свойства“ и что „подъ его руководствомъ оно не уклонится отъ этого пути“. Но послѣ его смерти, въ 1864 году, должность директора гражданскихъ вѣдомствъ была уничтожена; вице-губернаторъ, долженствовавшій замѣнять генералъ-губернатора во время его отсутствія, могъ по уполномоченію исполнять даже его гражданскія функціи; дивизіонные генералы снова получили титулъ командующихъ провинціей и право контроля надъ всѣми отраслями управленія, не исключая и префектуръ. На этотъ разъ военная диктатура была возстановлена въ полномъ объемѣ.

Арабское царство. — Сторонники гражданскаго режима ссылались на нужды колонизаціи, а ихъ противники выставляли себя защитниками туземцевъ. Если было одинаково трудно какъ подчинить обѣ части населенія одному общему режиму, такъ и создать для каждой изъ нихъ особую администрацію, то еще гораздо труднѣе было урегулировать ихъ взаимныя отношенія, примирить интересы, потребности и права новыхъ обитателей съ интересами, потребностями и правами старыхъ хозяевъ страны. Для колонизаціи нужна была земля. Сначала правительство располагало землями *бейлика*, т.-е. турецкаго правительства, и *габбу*, т.-е. неотчуждаемыми вотчинами, конфискованными Франціей. Но этотъ запасъ былъ очень быстро истраченъ, а пополнить его снова нельзя было иначе, какъ путемъ захвата земельной собственности туземцевъ; между тѣмъ законъ 16 іюня 1851 года объявилъ всякую собственность неприкосновенной, „безъ различія между французскими и иными владѣльцами“. Но въ мусульманской странѣ можетъ ли существовать право собственности? не сказано ли въ Коранѣ, что „вся земля принадлежитъ Богу и его земному намѣстнику султану“? Развѣ племенамъ не принадлежитъ только право пользованія этими обширными пространствами земли, которыми они, безъ права передачи и отчужденія, владѣютъ коллективно и изъ которыхъ они эксплуатируютъ лишь ничтожную часть? И это право, всюду, гдѣ туземное населеніе не пользуется имъ, не является ли вы-

морочнымъ? Поэтому не законно ли оставить туземцамъ лишь ту землю, которую они способны утилизировать, а остальную, втунѣ пропадающую за ними, отнять у нихъ и передать людямъ, которые смогутъ извлечь изъ нея пользу? Да и тотъ небольшой ущербъ, который они потерпятъ, легко будетъ возмѣстить, замѣнивъ ихъ право пользованія на оставленную имъ землю полнымъ и вѣчнымъ правомъ собственности. Исходя изъ этихъ мыслей, правительство предприняло въ разныхъ мѣстахъ развѣдки, за которыми слѣдовалъ какъ бы дѣлежъ между государствомъ и мѣстнымъ племенемъ. Эта система была названа *cantonnement*. Несмотря на всѣ принятыя мѣры предосторожности, туземцы чувствовали себя обиженными. Они не знали, владѣютъ ли они правомъ пользованія или собственности, но они воочію видѣли, что у нихъ отнимаютъ часть земли. Даже и тѣ, кого не задѣла эта операція, считали себя въ опасности. Объ этой тревогѣ довели до свѣдѣнія правительства арабскія бюро, непосредственно соприкасавшіяся съ племенами. Они начали образовывать въ африканской арміи своего рода корпорацію, съ которой высшее начальство принуждено было считаться. А когда зашла рѣчь о распространеніи системы *cantonnement* на весь Алжиръ, они разразились бурными протестами.

Потерпѣвъ пораженіе въ Алжирѣ, они выиграли дѣло въ Парижѣ. Проектъ указа, выработанный алжирскимъ правительствомъ и уже внесенный въ Государственный совѣтъ, былъ взятъ назадъ. Императоръ обратился къ маршалу Пелиссье съ письмомъ-манифестомъ, гдѣ заявлялъ объ упраздненіи системы cantonnement. Сенатское рѣшеніе 1863 года признало алжирскія племена „собственниками территорій, разъ онѝ пользуются послѣдними искони и непрерывно, все равно—на какихъ основаніяхъ". „Алжиръ,—сказалъ императоръ,—не колонія въ собственномъ смыслѣ, а арабское царство". Послѣ своей второй поѣздки, въ 1864 году, Наполеонъ III пытался отчасти взять назадъ эти знаменательныя слова: „Эта страна,—писалъ онъ губернатору Макъ-Магону,—одновременно арабское царство, европейская колонія и французскій лагерь". Пришлось опровергать слухъ о полной ликвидаціи колонизаціоннаго дѣла. Тѣмъ не менѣе „арабское царство" осталось лозунгомъ новой политики. Постановленіемъ сената въ 1863 году предписано было отмежевать территорію племенъ, распредѣлить эту территорію между отдѣльными дуарами и наконецъ утвердить права частной собственности за членами дуаровъ „всюду, гдѣ эта мѣра будетъ признана осуществимой и умѣстной". Первыя два предписанія были исполнены, а третьяго нигдѣ даже не пробовали осуществить. И такъ какъ, согласно упомянутому сейчасъ постановленію сената, „личная собственность члена дуара не можетъ быть отчуждена раньше, чѣмъ она будетъ формально установлена путемъ врученія собственнику соотвѣтствующаго документа", то вся масса туземныхъ земель сдѣлалась неотчуждаемой, поземельныя сдѣлки прекратились, и колонизація была парализована. Въ промежутокъ времени съ 1850 по 1860 г. было основано 85 поселеній съ 15.000 жителей, а съ 1860 по 1870 водворили лишь 4.500 колонистовъ-земледѣльцевъ.

Возстаніе улэдъ-сиди-шейховъ.—Со времени большой экспедиціи въ Кабилію французамъ пришлось усмирить лишь нѣсколько мѣстныхъ бунтовъ, какъ напримѣръ въ Оресѣ въ 1858—59 гг. и въ Годнѣ въ 1860 г. Сколько-нибудь серьезный характеръ носили только операціи, направленныя противъ марокkскихъ племенъ ангадовъ, бени-снассеновъ и бени-гилей, безпокойныхъ сосѣдей, которыхъ надо было проучить, чтобы они впредь не смѣли нарушать французскую границу. Въ Сахарѣ Дювейрье безпрепятственно

совершилъ двухлѣтнее развѣдочное путешествіе чрезъ триполійскіе оазисы и территорію туареговъ, а майоръ Миршэ и капитанъ Полиньякъ совершили поѣздку въ Гадамесъ, гдѣ заключили съ туарэгъ-ацгерами торговый договоръ 1862 г. Юго-западный районъ, отъ Жеривиля до Уарглы, былъ обращенъ въ военный округъ и предоставленъ улэдъ-сиди-шейхамъ, религіозная кліентела которыхъ простиралась далеко за неопределенныя границы французскихъ владѣній въ Сахарѣ и Марокко. Такимъ образомъ французы сберегли расходы по завоеванію и избавились отъ непріятностей прямого управленія. Но спокойствіе французовъ во всей этой части Алжира зависѣло отъ добросовѣстности большой семьи марабутовъ. Халифъ или генералъ-лейтенантъ Си-Гамза, вѣрно служившій французамъ, внезапно умеръ въ 1861 году по возвращеніи изъ поѣздки въ Алжиръ. Враги французовъ пустили слухъ, что онъ былъ отправленъ. Его старшій сынъ Бу-Бекеръ, занявшій его мѣсто съ нѣсколько менѣе высокимъ титуломъ бахъ-ага, обнаружилъ такую же преданность французамъ; именно онъ, предпринявъ блистательный набѣгъ до большихъ дюнъ, избавилъ французовъ отъ шерифа Мохаммедъ-бен-Абдалла. Но онъ прожилъ послѣ этого набѣга лишь нѣсколько мѣсяцевъ. Его смѣнилъ его младшій братъ Си-Слиманъ, подозрительный и надменный молодой человѣкъ, мстительную гордость котораго французы, быть можетъ, недостаточно щадили. Нѣсколько непріятныхъ столкновеній съ французскими офицерами и подстрекательства его дяди Си-Эль-Ала побудили его возстать. Съ февраля 1864 г. его поведеніе болѣе не оставляла сомнѣній. Подполковникъ Бопретръ, одинъ изъ энергичныхъ офицеровъ, какіе попадались въ арабскихъ бюро, двинулся къ Жеривилю съ небольшой колонной изъ 100 пѣхотинцевъ, одного эскадрона спаги и туземныхъ контингентовъ. Гарарскій гумъ отложился. 8 апрѣля Бопретръ подвергся внезапному нападенію въ своемъ лагерѣ у Аин-бу-Бекера недалеко отъ Жиривиля и погибъ вмѣстѣ со всѣмъ своимъ войскомъ послѣ отчаяннаго сопротивленія, стоившаго жизни Си-Слиману. При извѣстіи объ этомъ происшествіи сомнительныя племена отложились поголовно, горцы Джебель-Амура взялись за оружіе, у главнаго военнаго начальника Богарскаго, занявшаго наблюдательный постъ у Тагуина, былъ истребленъ авангардъ, и самъ онъ спасся отъ участи Бопретра только поспѣшнымъ отступленіемъ. Другой сынъ Си-Гамза, Си-Мохаммедъ, провозглашенный верховнымъ вождемъ, призвалъ всѣхъ обителей Сахары къ священной войнѣ. Пока французскіе генералы силились преградить ему доступъ къ Плоскогорьямъ, за ихъ спиною въ центрѣ Теля марабутъ Ои-Пацрегъ возмутилъ между Тіаретомъ и Шелифомъ воинственное племя флита. Каравансерай Рауія на дорогѣ въ Мастаганемъ подвергся нападенію и былъ сожженъ вмѣстѣ со своими защитниками, двѣ деревни, населенныя колонистами, Амми-Мусса и Земмора, разграблены и сожжены. Наѣздники марабута показывались въ окрестностяхъ Релизаны. Начала волноваться Сахара. Возстаніе застигло французовъ врасплохъ; лучшія части африканской арміи были въ Мексикѣ и Кохинхинѣ.

Во время этого кризиса умеръ Пелиссье. Временно занявшій его мѣсто вице-губернаторъ Мартемпрей энергично принялся за дѣло. По отношенію къ южнымъ мятежникамъ онъ ограничился пока чисто оборонительными мѣрами: главныя свои усилія онъ направилъ противъ племени флитта, откуда грозила ближайшая опасность. Разбитые въ нѣсколькихъ схваткахъ, обезкураженные гибелью своего вождя Си-Лацрега и обложенные четырьмя колоннами, флитта наконецъ запросили амана, и 27 іюня война съ

ними кончилась. Не такъ скоро удалось справиться съ сахарскими повстанцами. Въ алжирской провинціи генералы Юссуфъ и Льеберъ частью сдерживали, частью вернули на путь долга колебавшихся, отбивали скотъ у мятежниковъ и многихъ привели къ покорности, но въ оранской провинціи генералъ Жоливэ потерпѣлъ пораженіе при Аинъ-Беидѣ; Си-Эль-Ала, смѣло спустившись по долинѣ Мекерры, низвелъ опустошеніе и ужасъ на равнину Сиди-бель-Аббеса. Только послѣ смерти Си-Мохаммеда, павшаго 4 февраля 1865 года въ сраженіи съ генераломъ Делиньи, возстаніе пошло на убыль. Однако улэдъ-сиди-шейхи не прекращали борьбы. Въ продолженіе 1867 и 1868 гг. французы вели съ ними въ пустынѣ непрерывную войну, которая представляла собою сплошной рядъ взаимныхъ нападеній врасплохъ и набѣговъ, державшихъ въ вѣчной тревогѣ замиренныя племена. Въ 1869 году полчище въ 3.000 всадниковъ и 800 пѣхотинцевъ дошло до Тагуина; французы отбросили его въ пустыню, но въ январѣ 1870 года снова подверглось нападенію и разгромленію одно изъ вѣрныхъ имъ племенъ, гаміаны. Диссиденты создали себѣ точку опоры въ Марокко, гдѣ три могущественныя племени, бени-гиль, улэдъ-джериръ и дуи-менія, состоявшія въ религіозной кліентелѣ улэдъ-сиди-шейховъ, образовали вмѣстѣ съ ними анти-французскую конфедерацію. Безсиліе марокксniкаго правительства обнаружилось воочію. Генералъ Вимпфенъ, командовавшій въ это время оранской провинціей, не безъ труда добился разрѣшенія перейти границу въ погонѣ за непріятелемъ. Съ небольшимъ войскомъ въ 3.000 человѣкъ, которымъ командовали подъ его верховнымъ начальствомъ генералы Коломбъ и Шанзи, онъ дошелъ до Уэдъ-Гира. Сахарцы ждали его, не трогаясь съ мѣста. „Скажи генералу,—отвѣтили они марабуту, предложившему свое посредничество,—что мы сосчитали число его солдатъ и что ему всего благоразумнѣе бѣжать что есть силъ". Сраженіе 15 апрѣля и взятіе оазиса Аинъ-Шаиро сдѣлали ихъ болѣе сговорчивыми. Они обязались болѣе не нападать на вѣрныя французамъ племена и не поддерживать улэдъ-сиди-шейховъ противъ французовъ. Эта блестящая экспедиція оказала на кочевниковъ спасительное дѣйствіе. Въ 1871 году юго-западный районъ былъ умиротворенъ совершенно.

Голодъ 1867 года. Проекты реформъ.— Съ 1 сентября 1864 г. постъ генералъ-губернатора занималъ Макъ-Магонъ. Споръ между сторонниками гражданскаго режима и сторонниками военнаго все еще продожался. Мѣстная печать раскрывала злоупотребленія арабскихъ бюро, и эхо этой страстной полемики отдавалось въ метрополіи. Нѣсколько освѣдомленныхъ журналистовъ, какъ Жюль Дюваль и докторъ Варнье, болѣе умѣренно и авторитетно выражали жалобы и пожеланія гражданскаго населенія Алжира. Долгое время имъ оказывала поддержку только либеральная оппозиція. Но важныя событія 1867 года глубоко взволновали общественное мнѣніе, остававшееся до тѣхъ поръ нерѣшительнымъ или безучастнымъ,

Уже и предыдущій годъ былъ достаточно тяжелъ. Жатва была уничтожена саранчой. Въ январѣ землетрясенье разрушило нѣсколько наиболѣе цвѣтущихъ поселеній въ Митиджѣ. Весна прошла безъ обычныхъ дождей, и засуха истребила хлѣбъ и кормъ. Палящее лѣто смѣнила лютая зима съ жестокими морозами, снѣгомъ и наводненіями. Стада погибли, степные кочевники были разорены такъ же, какъ земледѣльцы Телля; сразу изсякли всѣ источники пропитанія. Туземцы не знали, что такое бережливость; они утратили привычку накоплять запасы хлѣба въ общественныхъ магазинахъ. Скоро ихъ постигла страшная нужда. Ко-

чевники съ плоскогорій устремились на Телль, гдѣ уже свирѣпствовалъ голодъ. Множество голодающихъ толпилось на дорогахъ, у околицъ деревень и городскихъ воротъ, всюду сѣя трупы. Къ голоду присоединился тифъ. Общественная и частная благотворительность, несмотря на благородныя усилія, оказывалась безпомощной вычерпать это море нужды. Погибло до 300.000 арабовъ. Архіепископъ Лявижери открылъ Франціи совершающіеся здѣсь ужасы въ трогательномъ письмѣ, гдѣ молилъ о помощи. Отвѣтственность за нихъ онъ всецѣло возлагалъ на администрацію арабскихъ бюро. Онъ упрекалъ ихъ въ томъ, что они подготовили катастрофу, систематически разъединяя туземцевъ и колонистовъ, ограждая мусульманское населеніе отъ благодѣтельнаго вліянія цивилизаціи. Таковы были плоды этой заботливости объ интересахъ арабскаго народа, о которой столько трубили. Сконфуженная военная власть слабо защищалась, указывая на необычайное стеченіе бѣдствій, разстроившее всѣ принятыя ею мѣры предосторожности. Наиболѣе безпристрастные свидѣтели заявляли, что предотвратить повтореніе подобныхъ катастрофъ можно только въ томъ случаѣ, если путемъ возобновленія колонизаціи быстро двинуть впередъ разработку естественныхъ богатствъ Алжира и преобразованіе туземнаго общества. Таковы были выводы, къ которымъ пришла аграрная анкета 1868 года, руководимая графомъ Ле-Гонъ. Во время сессіи 1869 года, при обсужденіи бюджета, онъ предложилъ планъ реформъ, изъ которыхъ первыми должны были быть расширеніе гражданской территоріи, возложеніе разверстки и взиманія податей на агентовъ финансоваго вѣдомства, введеніе выборнаго начала для назначенія въ члены генеральныхъ совѣтовъ и несмѣняемость алжирской магистратуры. Большинство законодательнаго корпуса еще не рѣшилось принять этотъ смѣлый планъ. Но правительство, сознавая, что необходимо измѣнить систему, учредило подъ предсѣдательствомъ маршала Рандона комиссію, долженствовавшую выработать проектъ алжирской конституціи. Въ своемъ замѣчательномъ докладѣ, авторомъ котораго былъ Арманъ Бегикъ, она рекомендовала расширить гражданскую территорію, ввести въ законодательный корпусъ депутатовъ отъ колоніи, а главное—создать автономную власть, „ввѣренную безразлично лицу военнаго или штатскаго званія", съ выборнымъ верховнымъ совѣтомъ, который долженъ имѣть свой мѣстный бюджетъ, „вотированный въ Алжирѣ представителями Алжира". Этотъ тщательно обдуманный проектъ опирался на вполнѣ ясные и вѣрные принципы и предлагалъ по всѣмъ вопросамъ совершенно опредѣленныя рѣшенія, но онъ даже не былъ внесенъ въ сенатъ. Соблазнившись видимой простотой туманной формулы, законодательный корпусъ постановилъ распространить на Алжиръ дѣйствіе обычнаго права. 9 марта 1870 года онъ единогласно принялъ порядокъ дня, заявлявшій, что „при современномъ положеніи вещей установленіе гражданскаго режима способно, повидимому, примирить интересы европейцевъ съ интересами туземцевъ". Правительство, не сумѣвшее взять на себя починъ, пошло по направленію, какое указалъ ему законодательный корпусъ. Оно сняло съ префектовъ зависимость отъ главнокомандующихъ провинціями и организовало выборы въ генеральные совѣты; въ то же время оно изъявило намѣреніе провести при поддержкѣ палатъ болѣе обширныя реформы. Но оно уже не успѣло сдержать это обѣщаніе. Катастрофа 1870 года застала Алжиръ въ самомъ разгарѣ перехода отъ обреченнаго на упраздненіе военнаго режима къ еще не сформированому гражданскому строю.

II.—Сенегалъ и западная Африка.

Сенегалъ до Фэдэрба.—Сенегалъ, окончательно занятый французами въ 1817 году, состоялъ всего на всего изъ двухъ центровъ—Сенъ-Луи и Гореи—съ нѣсколькими торговыми пристанями вдоль рѣки и на побережьи. Сенъ-Луи, построенный на песчаномъ островѣ посреди рѣки, представлялъ собою кучу туземныхъ соломенныхъ хижинъ и деревянныхъ шалашей, безъ улицъ, набережной и мостовъ для сообщенія съ обоими берегами; жители терпѣли недостатокъ во всемъ, даже въ питьевой водѣ. Запрещеніе продажи невольниковъ подкосило безнравственную, но выгодную отрасль торговли, а освобожденіе рабовъ въ 1848 году нанесло послѣдній ударъ попыткамъ земледѣльческой колонизаціи. Единственнымъ источникомъ дохода осталась торговля камедью, которую покупали у правобережныхъ мавровъ для вывоза въ Европу; да и тутъ французскимъ купцамъ приходилось подчиняться вымогательствамъ и капризамъ мавританскихъ царьковъ, присвоивавшихъ себѣ право разрѣшать или запрещать такого рода сдѣлки и взимавшихъ подъ именемъ *пошлины* дань натурою въ размѣрѣ, опредѣляемомъ исключительно ихъ фантазіей Для нихъ, какъ и для ихъ сосѣдей по лѣвому берегу, уолофовъ и тукулеровъ, французы были не что иное, какъ данники, терпимые покуда платили. Ежегодно съ видомъ владыки являлся черный царекъ съ острова Соръ получать наемную плату за землю, которую занималъ Сенъ-Луи. Царь племени трарза заявлялъ, что при первомъ же разрывѣ съ бѣлыми онъ справитъ свой саламъ во французской церкви Сенъ-Луи.

Губернаторъ Фэдэрбъ.—Это положеніе вещей было невыносимо. Негоціанты Сенъ-Луи и бордосскіе судохозяева обратились къ правительству съ просьбою положить конецъ этимъ насиліямъ путемъ болѣе твердой политики, которая оградила бы безопасность торговли и достоинство Франціи. Но послѣдовательно проводить такую политику могъ бы только настоящій, долго не смѣняемый и планомѣрно дѣйствующій правитель. Они же и указали подходящаго человѣка; то былъ простой капитанъ, начальникъ инженернаго корпуса Фэдэрбъ. Въ 1854 году онъ былъ произведенъ въ чинъ батальоннаго командира и назначенъ губернаторомъ Сенегала. Ему было всего 36 лѣтъ, но со времени окончанія военной школы въ Мецѣ онъ почти все время служилъ въ Алжирѣ и колоніяхъ. „Новый губернаторъ,—писалъ онъ позднѣе скромно,—представлялъ то преимущество, что въ теченіе шестилѣтняго пребыванія въ Алжирѣ изучилъ мусульманскій міръ, два года находился въ сношеніяхъ съ черными на Гваделупѣ... и за двухлѣтнее свое пребываніе въ Сенегалѣ объѣхалъ весь этотъ край“. Находясь во цвѣтѣ лѣтъ и въ полномъ обладаніи своими физическими силами и своими замѣчательными умственными способностями, онъ выказалъ на своемъ новомъ посту не только широкій кругозоръ мыслителя и плодотворную любознательность ученаго, но и рѣдкій организаторскій и большой военный талантъ, огромную работоспособность и выдержку въ трудѣ, вѣрность взгляда, быструю рѣшимость и спокойное безстрашіе. Для его предшественниковъ Сенегалъ былъ лишь переходной ступенью: съ 1817 года здѣсь перемѣнились 31 губернаторъ, считая и временныхъ. Онъ остался на этомъ посту одиннадцать лѣтъ—съ 1852 по 1861 и съ 1863 по 1865, неослабно неся подъ этимъ палящимъ солнцемъ бремя труда, почти превышающаго человѣческія силы. Онъ ушелъ отсюда истощенный въ конецъ и только благодаря героическому напряженію воли могъ выдержать до конца лишенія и труды войны 1870 года; какъ извѣстно, славный вождь Сѣверной арміи провелъ въ подвижномъ креслѣ

годы своей преждевременной старости. Но дѣло, которому онъ посвятилъ свою жизнь, было налажено. Изъ жалкихъ французскихъ конторъ въ Сенегалѣ онъ создалъ колонію, ядро цѣлой большой державы, контуры которой намѣтились уже при немъ.

Борьба съ маврами.—Новому губернатору были даны весьма рѣшительныя инструкціи, но средства, предоставленныя въ его распоряженіе, были крайне скудны. Три батальона пѣхоты, въ томъ числѣ два туземныхъ, эскадронъ спаги, раздѣленный на двѣ части, и два артиллерійскихъ батальона—таковы были военныя силы, при помощи которыхъ онъ долженъ былъ справляться съ плохо вооруженными, но многочисленными и храбрыми врагами и ежедневно побѣждать ихъ подъ страхомъ гибели, ведя противъ нихъ непрерывную кампанію то въ безводныхъ пустыняхъ мавританской территоріи, то въ неизслѣдованныхъ лѣсахъ вдоль южныхъ рѣкъ или далекихъ окраинахъ по верхнему теченію Сенегала, при мучительномъ климатѣ, бездорожьи и безмѣрныхъ разстояніяхъ.

Самыми близкими и неудобными сосѣдями французовъ были трарзы. Держа въ своихъ рукахъ пристани по нижнему теченію рѣки, они обирали французскихъ откупщиковъ; они ежегодно переходили на лѣвый берегъ и грабили уолофовъ, которые бѣжали при ихъ приближеніи, не смѣя защищаться. Такимъ образомъ, они образовали пустыню вокругъ Сенъ-Луи. Въ 1855 году Фэдэрбъ предпринялъ охоту на ихъ шайки и отнялъ у нихъ награбленную ими добычу. Въ то же время онъ далъ жестокій урокъ обитателямъ Уало, которые, считая французовъ слабѣйшей стороной, возстали противъ нихъ заодно со своими притѣснителями. Уало изъявилъ покорность. Но царь трарзовъ, Мохаммедъ-Хабибъ, въ отвѣтъ на требованіе о прекращеніи сбора пошлинъ, объ отказѣ отъ своихъ притязаній на Уало и о прекращеніи разбойничьихъ набѣговъ въ Уало, прислалъ дерзкій ультиматумъ: „Я получилъ твои условія, а вотъ мои: чтобы увеличена была дань трарзовъ, бракна и уолофовъ, чтобы немедленно были разрушены всѣ форты, построенные французами, чтобы ни одно военное судно не смѣло входить въ рѣку и чтобы установлены были новыя пошлины на полученіе воды и лѣса въ Гэтъ-Н'Дарѣ и Бопъ-Н'Кіорѣ (у воротъ Сенъ-Луи); наконецъ, до начатія какихъ бы то ни было переговоровъ губернаторъ Фэдэрбъ долженъ быть съ позоромъ отосланъ во Францію".

Фэдэрбъ рѣшительно перешелъ въ наступленіе. Съ колонною въ 1.500 человѣкъ онъ перешелъ рѣку и проникъ въ землю трарзовъ. Послѣдніе, пользуясь его отсутствіемъ, попытались напасть на Сенъ-Луи, но сопротивленіе цитадели Лейбаръ, которую защищалъ сержантъ съ тринадцатью солдатами, разстроило ихъ планъ. Не желая тратить времени на погоню за ними, Фэдэрбъ запретилъ имъ приближаться къ рѣкѣ, захватилъ ихъ ставки и стада быковъ. Изгнанные изъ Уало, они тщетно пытались поправить свои дѣла, грабя черныхъ на лѣвомъ берегу; торговля камедью была парализована, а уолофы и пели, осмѣлѣвъ, стали нападать на караваны, везшіе провіантъ. Однако трарзы не хотѣли признать себя побѣжденными. При поддержкѣ своихъ соплеменниковъ бракна и дуаиховъ, они еще два года продолжали враждебныя дѣйствія. Эта война вся состояла изъ набѣговъ и внезапныхъ нападеній. Французскіе отряды и вспомогательныя войска переходили рѣку и стремительно вторгались въ непріятельскую страну; мавры съ своей стороны нападали на замиренныя села и уводили въ плѣнъ черныхъ рыболововъ и пастуховъ. Кампанія 1857 года оказалась рѣшающей. 13 мая, при температурѣ въ 57° по Цельсію, губернаторъ близъ озера Кайаръ врасплохъ напалъ

на наслѣднаго принца Сиди и взялъ его лагерь. Значительный отрядъ трарзовъ, который рискнулъ перейти на лѣвый берегъ и безуспѣшно атаковалъ блокгаузъ Н'Деръ, охраняемый двумя бѣлыми солдатами и семью черными, былъ настигнутъ и истребленъ у Лангобэ въ ту минуту, когда пытался перейти назадъ рѣку.

Дуаихи первые утомились и въ ноябрѣ пошли на мировую. Среди бракна образовался расколъ; одинъ изъ наиболѣе могущественныхъ родовъ отказался продолжать войну и на голову разбилъ царей бракна и трарзовъ, которые вздумали сообща наказать ихъ за эту измѣну. Въ маѣ 1858 года и Мохаммедъ-Хабибъ запросилъ мира. Вскорѣ затѣмъ то же сдѣлали бракна. Торговля камедью была урегулирована. Она должна была совершаться отнынѣ исключительно во французскихъ факторіяхъ съ уплатою трехпроцентнаго сбора въ пользу мавританскихъ царьковъ, взимаемаго однако не ими самими, а французами. Такъ наконецъ осуществилось упраздненіе пошлинъ и портовой дани, котораго столько времени добивались французскіе купцы. Суверенитетъ Франціи надъ лѣвобережными племенами былъ категорически признанъ трарзами. Всѣ обязались не допускать разбойническихъ набѣговъ на югъ отъ рѣки, и ни одинъ мавръ не могъ отнынѣ переправляться чрезъ нее въ вооруженіи безъ позволенія губернатора. Позднѣе пришлось измѣнить текстъ соглашеній, касавшихся торговли камедью; но миръ уже больше ни разу не былъ нарушенъ въ этихъ краяхъ.

Эль-Хаджъ-Омаръ. — Еще задолго до окончанія этой войны Фэдэрбъ не побоялся вступить и въ другую борьбу, съ противникомъ гораздо болѣе опаснымъ. Его неутомимая энергія позволяла ему вести ихъ обѣ сразу. Въ періодъ засухи онъ дѣйствовалъ противъ мавровъ, а какъ только съ дождями наступало половодье, ставившее преграду ихъ нашествіямъ, онъ поднимался вверхъ по рѣкѣ и дрался съ Эль-Хаджъ-Омаромъ.

Послѣдній вполнѣ заслуживаетъ имени черного Абд-Эль-Кадера. Это былъ тукулеръ изъ окрестностей Подора, по возвращеніи изъ долгаго паломничества въ Мекку выступившій въ качествѣ пророка и святого. Изувѣръ, въ которомъ фанатизмъ еще распалялся честолюбіемъ, онъ мечталъ объ обращеніи въ мусульманство всѣхъ идолопоклонниковъ между Нигеромъ и Сенегаломъ и Гамбіей и образованіи мусульманской державы, которой онъ былъ бы властелиномъ. Краснорѣчивый проповѣдникъ, искусный чудотворецъ, безстрашный въ бою и неумолимый послѣ побѣды, онъ умѣлъ и ослѣплять блескомъ, и поражать ужасомъ эти младенческіе народы. Нѣсколькихъ ракетъ, пущенныхъ на упорствовавшія селенія, было довольно, чтобы убѣдить ихъ, что онъ владѣетъ молніей. Утвердившись съ 1848 года въ Дингиреѣ, на границѣ Фута-Джалона, онъ не торопясь велъ свои приготовленія, подогрѣвая энтузіазмъ мусульманскихъ народовъ, которые должны были поставлять ему солдатъ, и формируя у себя отрядъ отборныхъ прозелитовъ, *талибэ*, преданныхъ ему до самозабвенія. Сначала онъ дѣлалъ видъ, будто хочетъ жить въ мирѣ съ бѣлыми; для этого онъ распространялъ слухъ, что проповѣдуетъ священную войну только противъ язычниковъ, и даже послалъ просить у губернатора Прота на время нѣсколько пушекъ. Легко было предвидѣть, что онъ обратится противъ французовъ, лишь только почувствуетъ себя довольно сильнымъ, и что имъ скоро придется вступить съ нимъ въ борьбу на жизнь и смерть, если они не захотятъ уступить ему мѣсто.

Въ 1855 году, послѣ произведенной имъ рѣзни, которая залила кровью Бамбукъ и Каарту, онъ подалъ знакъ къ военнымъ дѣйствіямъ, ограбивъ француз-

скихъ откупщиковъ по верхнему теченію рѣки. Онъ держалъ наготовѣ у границъ Бамбука войско въ 12.000 человѣкъ изъ пёлей, тукулеровъ, бамбаровъ и сараколей. Онъ призывалъ подвластныхъ французамъ мусульманъ отложиться отъ невѣрныхъ. „Богъ запрещаетъ вамъ соединяться съ ними, онъ объявилъ вамъ, что примкнувшій къ нимъ—такой же невѣрный, какъ они, ибо сказано: вы не должны жить въ перемежку съ евреями и христіанами, а кто сдѣлаетъ это—самъ еврей или христіанинъ". Эти подстрекательства оказали свое дѣйствіе; онъ пріобрѣлъ приверженцевъ даже въ самомъ Сенъ-Луи; тукулерскія деревни въ Фута встрѣтили баркасъ губернатора ружейными выстрѣлами. „Наше дѣло проиграно, если мы не постараемся положить конецъ успѣхамъ пророка и если начнемъ давать ему отпоръ на нижнемъ теченіи рѣки только тогда, когда онъ уже будетъ господствовать на верхнемъ".

Фэдэрбъ взялся за дѣло со своей обычной рѣшимостью. Въ сентябрѣ эскадра двинулась вверхъ по Сенегалу. Дойдя до Кайя, ниже водопадовъ Фелу и въ 1000 километрахъ отъ Сенъ-Луи, она выгрузила войско, рабочихъ, припасы и строительные матеріалы; на участкѣ, который уступилъ султанъ Самбала, близъ Медины, въ двадцать дней былъ построенъ фортъ. Это сразу вернуло бодрость врагамъ Эль-Хаджъ-Омара, и они начали смѣло давать отпоръ его полководцамъ по всей линіи отъ Бакеля до Медины.

Осада Медины.—Эль-Хаджъ-Омаръ, занятый въ Каартѣ, отсрочилъ свою месть. Въ началѣ 1857 года онъ снова явился на Сенегалѣ. Города и села пустѣли при его приближеніи. Въ мединской цитадели и селѣ Самбала собралось 6000 бѣглецовъ. 8 бѣлыхъ солдатъ и 40 черныхъ составляли гарнизонъ подъ командою Поля Голля, мулата изъ Сенъ-Луи. 19 апрѣля одна женщина сообщила ему, что непріятель приближается. На слѣдующій день началась атака. Три колонны сразу бросились на фортъ и село съ бамбуковыми лѣстницами, которыя должны были послужить для приступа. Онѣ отступили только тогда, когда у нихъ пало 600 человѣкъ. 11 мая попытка повторилась; осаждающіе заняли островокъ на рѣкѣ, всего въ 150 метрахъ отъ Медины, зайдя такимъ образомъ въ тылъ форту. Сержантъ Депла съ тремя туземными матросами и восемью людьми изъ Самбалы сѣлъ въ лодку, къ которой прикрѣплены были сѣти изъ бычачьей кожи, окружилъ островокъ и поставилъ тукулеровъ между своимъ огнемъ и огнемъ цитадели. Имъ скоро стало не въ мочь, и они спаслись вплавь, потерявъ больше ста человѣкъ. Эти двѣ неудачи охладили пылъ солдатъ Эль-Хаджъ-Омара, и, не видя того чуда, которое должно было даровать имъ побѣду, они отказались еще разъ идти на приступъ. Такимъ образомъ осада превратилась въ блокаду. Осаждающіе думали, что голодъ сломитъ это упрямое сопротивленіе, но недѣля шла за недѣлей, а Медина все держалась. Наконецъ пророкъ потерялъ терпѣніе. Онъ обратился къ своему войску съ пламенной рѣчью, въ которой оплакивалъ павшихъ воиновъ и призывалъ живыхъ отмстить за нихъ. Въ эту самую минуту пришло подкрѣпленіе. Новоприбывшіе, еще не видавшіе огня, вызвались идти впередъ, а за ними пошла вся армія. Подъ прикрытіемъ ночи они подошли къ деревнѣ и начали заступами рубить ея ограду съ цѣлью пробить бреши. Но тутъ поднялась тревога; жители Самбалы открыли стрѣльбу по осаждающимъ, цитадель засыпала ихъ картечью, и они отступили въ безпорядкѣ, оставивъ у подошвы стѣны груду труповъ.

18 іюля былъ девяносто седьмой день осады. Уже больше мѣсяца защитники Медины и бѣглецы, нашедшіе въ ней убѣжище, питались только сырыми земляными орѣхами. Вслѣдъ за провіантомъ и дровами кончились и боевые запасы.

Въ село больше не отпускали пороха, въ самомъ фортѣ оставалось только по два заряда на пушку и по два патрона на ружье. Непріятельскіе апроши приблизились на разстояніе 50 метровъ отъ форта и 25 отъ села. Первый штурмъ кончилъ бы дѣло.

Къ счастью, подоспѣла выручка. Дѣло въ томъ, что при малой водѣ рѣка не судоходна, такъ что приходилось ждать половодья. Какъ только начала прибывать вода, Фэдэрбъ отплылъ изъ Сенъ-Луи съ двумя паровыми судами *Подоромъ* и *Базиликомъ*. Авизо *Гэтъ-Н'Даръ*, посланный впередъ, наскочилъ на острыя скалы Малыхъ Пороговъ, *Подоръ* не могъ пройти ихъ, да и *Базиликъ* едва не застрялъ. Ему навстрѣчу несся стремительный потокъ, подъ его килемъ было едва 10 сантиметровъ воды, справа и слѣва рифы. Тщетно машина разводила всѣ пары,—судно не трогалось съ мѣста. Стоя на мостках съ флотскими офицерами, губернаторъ объявилъ командиру, „что надо во что бы то ни стало постараться пройти, такъ какъ долгъ повелѣваетъ либо спасти Медину, либо погибнуть. Предохранительные клапаны были закрыты и сдѣланъ залпъ изъ орудій". Судно дрогнуло, медленно двинулось противъ теченія и прошло. Затѣмъ надо было еще пройти Киппское ущелье, гдѣ стѣсненная рѣка течетъ между скалистыхъ стѣнъ, по верху которыхъ непріятель разставилъ стрѣлковъ. Наконецъ показалась Медина; на окопахъ все еще развѣвалось трехцвѣтное знамя, но царило мертвое молчаніе. Снѣдаемый безпокойствомъ, Фэдэрбъ не сталъ дожидаться, пока будетъ высажена его артиллерія; онъ поскакалъ съ авангардомъ изъ черныхъ добровольцевъ, привелъ въ безпорядокъ тукулеровъ, пытавшихся задержать его, и соединился съ гарнизономъ, который вышелъ ему навстрѣчу. Да и пора было. „Женщины набрасывались на малѣйшій кусокъ дерева, какъ на драгоцѣнность, чтобы развести огонь и сварить какіе-нибудь корни; другія собирали и ѣли сырую траву".

Пять часовъ спустя Фэдэрбъ съ 350 человѣками, изъ которыхъ 50 было бѣлыхъ, обратилъ въ полное бѣгство полчища пророка. Эль-Хаджъ-Омаръ отступилъ въ глубь Бамбука. Весною 1858 года онъ опустошилъ Бонду и Фута, избѣгая однако французскихъ постовъ. Въ 1859 году онъ медленно двинулся на востокъ, все истребляя на своемъ пути, сжигая деревни и заставляя ихъ обитателей слѣдовать за собою. По пути онъ напалъ было на Матамъ, но нашелъ здѣсь своего стараго противника по Мединѣ, который и нанесъ ему новое пораженіе. Это была его послѣдняя схватка съ французскими войсками. Поглощенный завоеваніемъ бассейна Нигера, онъ, повидимому, отказался отъ мысли оспаривать у французовъ Сенегалъ. Въ 1860 году онъ сдѣлалъ попытку вступить съ ними въ переговоры.

Южныя рѣки и Кайоръ. — Избавившись отъ этой опасности, Фэдэрбъ могъ направить свое вниманіе на лѣвый берегъ нижняго Сенегала и на южныя рѣки. Плодомъ быстрой кампаніи 1859 года было заключеніе французами договоровъ съ Баолемъ, Синомъ и Салумомъ, между Гореей и Гамбіей. Къ югу отъ Гамбіи народцы по Казаманцѣ признали надъ собою суверенитетъ Франціи.

Былъ одинъ трудный моментъ въ 1862 году, по отъѣздѣ Фэдэрба, замѣщеннаго флотскимъ капитаномъ Жорегиберри. Лѣвобережные тукулеры возстали отъ Подора до Бакеля, перерѣзавъ сообщеніе съ верхнимъ теченіемъ рѣки; на другой сторонѣ волновались мавры; ходили слухи о готовящемся нашествіи Эль-Хаджъ-Омара; одинъ изъ его полководцевъ, Тьерно-Демба, былъ провозглашенъ футскимъ альмами. Жорегиберри перешелъ въ наступленіе. Альмами былъ разбитъ близъ Салдэ и Даганы. Значительная

колонна, поддерживаемая эскадрой, прошла Торо и центральный Фута. Торо изъявилъ покорность и призналъ верховенство Франціи.

Въ іюлѣ 1863 года Фэдэрбъ, произведенный тѣмъ временемъ въ бригадные генералы, по собственной просьбѣ былъ снова назначенъ губернаторомъ Сенегала. Ему тотчасъ же пришлось заняться положеніемъ Кайора. Этотъ край, лежавшій на побережьѣ между Сенъ-Луи и Гореей, былъ совершенно изнуренъ грабительствомъ своихъ *дамелей*. Французамъ пришлось заключить съ ними договоръ съ цѣлью проложить сухопутную дорогу отъ Сенъ-Луи до Гореи, а потомъ они должны были вмѣшаться во внутреннія дѣла Кайора, чтобы обезопасить эту дорогу отъ нападеній. Дамель Мадіодіо, ставленникъ французовъ, былъ низвергнутъ, а занявшій его мѣсто Латъ-Діоръ агитировалъ противъ нихъ. Фэдэрбъ счелъ необходимымъ упрочить французскую оккупаціонную линію посредствомъ постройки двухъ новыхъ фортовъ, Тіеса къ востоку отъ Руфиска, и Нгюйжиса на самой дорогѣ изъ Сенъ-Луи въ Горею. Латъ-Діоръ врасплохъ напалъ на нгюйжисскій гарнизонъ, который потерялъ при этомъ 120 человѣкъ, въ томъ числѣ двухъ офицеровъ. Эта неудача, тягчайшая изъ всѣхъ, какія донынѣ испытало французское оружіе въ Сенегалѣ, была отомщена полковникомъ Пинэ-Ляпрадомъ. На голову разбитый и преслѣдуемый по пятамъ, Латъ-Діоръ бѣжалъ подъ защиту вождя Маба, которому удалось овладѣть Салумомъ. Оба они вмѣстѣ вторглись въ Джолофъ, грозя Кайору съ востока; но легкая колонна держала ихъ на почтительномъ разстояніи. Тутъ военныя дѣйствія были прерваны наступленіемъ зимы, и Фэдэрбъ, давно уже потерявшій здоровье, принужденъ былъ окончательно покинуть Сенегалъ до ихъ возобновленія. Пинэ-Ляпрадъ, назначенный губернаторомъ, прошелъ весь Кайоръ и Салумъ и на самой границѣ Гамбіи истребилъ войско Маба. Но послѣдній не сложилъ оружія, и французы избавились отъ него лишь въ 1867 году, послѣ того, какъ онъ былъ убитъ въ яростномъ 13-тичасовомъ бою съ царемъ Сина. Латъ-Діоръ еще до этого заключилъ миръ съ французами. Потомъ онъ нарушилъ его, вызвавъ, заодно съ фанатическимъ марабу Ахмаду-Шейку, одновременное возстаніе въ Кайорѣ и Фута. Въ 1869 году онъ имѣлъ удачную схватку съ французскимъ отрядомъ: эскадронъ спаги, брошенный у деревни Мехей черными добровольцами, былъ наполовину истребленъ. Въ свою очередь и Латъ-Діоръ былъ разбитъ въ нѣсколькихъ стычкахъ. Но онъ всегда ухитрялся возстановлять свои силы. Утомленные этой войною, французы рѣшили снова заключить съ нимъ договоръ и возстановить его въ санѣ кайорскаго дамеля.

Развитіе Сенегала.—Съ 1854 года французамъ принадлежало неоспоримое господство надъ всей линіей рѣки отъ Сенъ-Луи до Медины и надъ всей побережной дорогой отъ Сенъ-Луи до Гореи. Они отбросили въ Суданъ Эль-Хаджъ-Омара, принудили къ миру мавровъ, истребили Маба и подчинили себѣ Латъ-Діора. Внутреннее управленіе было не менѣе плодотворно, чѣмъ военно-политическая дѣятельность. Сенъ-Луи сталъ неузнаваемъ; въ немъ были теперь правильно проложенныя улицы, обшитыя камнемъ набережныя, общественныя зданія, мосты для сообщенія съ предмѣстьями Гэтъ Н'даръ и Буэтвилемъ. Были проложены дороги, проведенъ телеграфъ, воздвигнуты маяки, поставлены бакены и устроенъ насупротивъ Гореи превосходный портъ Дакаръ. Колонія имѣла казармы для солдатъ, госпитали, школы, банкъ, типографію и даже музей. Такъ называемая заложническая школа въ Сенъ-Луи, куда помѣщались дѣти вождей, выпускала отличныхъ помощниковъ дѣлу французскаго владыче-

ства, предназначенныхъ распространять въ глубинѣ страны французскій языкъ и французское вліяніе. Почти полное умиротвореніе края, распространеніе всѣхъ отраслей сельскаго хозяйства и обезпеченность торговыхъ сдѣлокъ вызвали такое оживленіе въ торговлѣ, какого старый Сенегалъ не зналъ никогда, даже въ эпоху торговли неграми. Оборотъ внѣшней торговли, составлявшій въ 1825году 5 милліоновъ, достигъ въ 1868 году 40 милліоновъ, въ 1869—30 милліоновъ. Народонаселеніе, насчитывавшее въ 1830 году 15.000 душъ, достигло въ 1870 г. 200.000.

Развѣдки.—Но патріотическіе замыслы Фэдэрба не ограничивались однимъ Сенегаломъ. Опережая на четверть вѣка европейское движеніе, направленное къ захвату чернаго материка, онъ хотѣлъ, чтобы эта колонія сдѣлалась для французовъ операціоннымъ базисомъ, опираясь на который они проникли бы въ глубь страны и со всѣхъ сторонъ охватили бы западную Африку своимъ вліяніемъ. Съ этой цѣлью было организовано нѣсколько экспедицій, которыя должны были изслѣдовать смежныя страны, изучить ихъ естественныя богатства, ихъ силы и торговые пути, завязать съ ними сношенія и заключить договоры. Уже раньше мулатъ Леопольдъ Панэ прошелъ чрезъ Адраръ отъ Шингетти до Марокко (1850); лейтенантъ спаги Гоккаръ посѣтилъ Фута-Джалонъ, пройдя Казаманцу, Гамбію и Ріо Гранде (1851). По порученію Фэдэрба капитанъ генеральнаго штаба Венсанъ сызнова обслѣдовалъ Адраръ; негръ изъ Сенъ-Луи, Бу-эль-Мохдадъ, совершилъ по сушѣ путешествіе изъ Сенъ-Луи въ Могадоръ; туземный офицеръ Аліунъ-Саль сдѣлалъ попытку достигнуть Алжира чрезъ Тимбукту; мичманъ Буррель посѣтилъ страну бракна; другой морякъ, Мажъ, — страну дуаиховъ; подпоручики Паскаль и Лямберъ объѣхали—первый Бамбукъ, второй Фута-Джалонъ. Въ 1863 году лейтенанту Мажу и доктору Кантэну приказано было отправиться къ старому недругу французовъ Эль-Хаджъ-Омару, который, повидимому, не прочь былъ заключить съ французами торговый и дружескій договоръ. Попутно они должны были обслѣдовать промежутки между французскими постами на верхнемъ Сенегалѣ и Нигеръ съ цѣлью опредѣлить наиболѣе удобные пункты для учрежденія постовъ на разстояніи тридцати миль другъ отъ друга, которые служили бы складочными мѣстами для товаровъ и охраною для каравановъ. Соединивъ такимъ образомъ обѣ эти рѣки, можно было надѣяться проторить со временемъ торговую дорогу, которая вела бы отъ Сенъ-Луи къ устьямъ Нигера чрезъ Суданъ. Мажу и Кантэну не удалось добраться до Эль-Хаджъ-Омара, занятаго въ то время войною съ массинскими пѣлями, въ которой ему суждено было найти смерть. Его сынъ Ахмаду не пустилъ ихъ дальше Сегу и болѣе двухъ лѣтъ держалъ ихъ въ полу-плѣну. Эта невольная задержка дала имъ возможность собрать обширныя свѣдѣнія по географіи, исторіи, о продуктахъ, торговлѣ и политическомъ состояніи страны; они ознакомились съ арміей тукулерскаго завоевателя, съ организаціей его державы, уяснили себѣ средства, которыя онъ пустилъ въ ходъ, силы, которыми онъ располагалъ, противодѣйствія, которыя ему приходилось одолѣвать. На пути туда чрезъ Бафулабэ, Кита и Ніамина и на обратномъ пути чрезъ Ніоро и Коніакари они могли изучить двоякій путь изъ Медины къ Нигеру, гдѣ послѣдній становится судоходнымъ. Они изслѣдовали дорогу, по которой позднѣе двинутся, осуществляя грандіозный планъ Фэдэрба, изслѣдователи и завоеватели Судана.

III.—Индо-Китай.

Преслѣдованія Ту-Дука. Кохинхинская экспедиція.—Съ конца XVIII вѣка смѣняв-

шіяся во Франціи правительства обнаруживали стремленіе и искали средствъ сызнова завязать въ восточномъ Индо-Китаѣ тѣ отношенія, которыя въ эпоху Людовика XVI не надолго установились между Франціей и Аннамскимъ царствомъ [1]). Но эти попытки каждый разъ разбивались о недовѣрчивость преемниковъ Гіа-Лонга. Они насиліемъ боролись противъ пропаганды европейскихъ „учителей вѣры", въ которой видѣли какъ бы прелюдію иноземнаго нашествія. Правительству Луи-Филиппа нѣсколько разъ пришлось вступаться за миссіонеровъ.

При второй имперіи событія, разыгравшіяся въ Китаѣ, окончательно доказали вѣрность мысли, неоднократно высказываемой моряками,—что французамъ необходимо имѣть на Дальнемъ Востокѣ портъ, который служилъ бы точкою опоры и продовольственнымъ базисомъ для ихъ эскадръ. Со времени вступленія на престолъ Ту-Дука (1847) гоненія усилились. Миссія Монтиньи, который долженъ былъ потребовать свободы торговли, свободы культа и разрѣшенія учредить французскую контору въ Гюэ и назначить консула въ Туранъ, окончилась полной неудачей. Въ отвѣтъ на враждебныя дѣйствія аннамскихъ мандариновъ судно *Catinat* подвергло бомбардировкѣ форты Турана и высадило дессантъ, который заклепалъ ихъ орудія (1856). Ту-Дукъ, болѣе раздраженный, нежели напуганный, издалъ прокламацію, въ которой заявлялъ, что „европейскіе варвары, дойдя на своемъ огненосномъ кораблѣ до цитадели столицы, тотчасъ же удалились, спасаясь бѣгствомъ отъ заслуженной кары". Ранѣе изданные указы объ умерщвленіи христіанъ были подтверждены, и начались еще болѣе жестокія звѣрства. Испанскихъ епископовъ Діаца и Санъ Педро постигла та же участь, какъ французскихъ миссіонеровъ Шеффлера и Боннара. Безплодность дипломатическихъ представленій и простыхъ морскихъ демонстрацій обнаружилась съ полной ясностью. Съ другой стороны, ища удовлетворенія за насилія, которымъ подверглись французскіе подданные, легко было стать твердой ногою на индо-китайскомъ полуостровѣ. Итакъ, рѣшено было снарядить экспедицію въ Аннамъ. Испанія, пострадавшая столько же и также жаждавшая мести, рѣшила принять участіе въ этомъ дѣлѣ.

Оно было исполнено безъ точно выработаннаго плана, съ такой шаткостью во взглядахъ и пріемахъ, что едва не потерпѣло неудачи. Небольшая эскадра адмирала Риго де Женуйльи безъ труда взяла Туранъ (1 сентября 1858); но затѣмъ она неподвижно простояла здѣсь пять мѣсяцевъ, ожидая невозможнаго возстанія туземцевъ-христіанъ и не смѣя предпринять походъ на Гюэ, чтобы не подвергнуть риску свой небольшой дессантъ. Лишь въ февралѣ она двинулась на югъ, къ Нижней Кохинхинѣ, силою вошла въ рѣку Сайгонъ, разрушила форты и цитадель и заняла крѣпость. Такимъ образомъ, французы владѣли теперь двумя превосходными позиціями—Тураномъ и Сайгономъ. Но въ Европѣ готовилась вспыхнуть итальянская война, въ самой Азіи возобновлялась китайская война. Адмиралъ Пажъ, занявшій мѣсто Риго де Женуйльи, получилъ приказаніе эвакуировать Туранъ и соединиться съ Печелійской эскадрою, оставивъ гарнизонъ въ Сайгонѣ. Это имѣло самыя пагубныя послѣдствія. Ту-Дукъ шумно торжествовалъ: „Пришлось таки имъ убраться, этимъ западнымъ варварамъ, зловреднымъ и алчнымъ созданьямъ... Глупые и трусливые пираты, они обращены въ бѣгство нашими храбрыми воинами и убѣжали, какъ псы, поджавъ хвостъ". Чтобы покончить съ ними, онъ рѣшилъ прогнать ихъ и изъ Сайгона. Его лучшій военачальникъ, Нгюйенъ-Три-Фуонгъ, осадилъ тѣ 800 солдатъ, которые были оставлены

[1]) См. т. IV, стр. 278 и слѣд.

въ Сайгонѣ подъ начальствомъ флотскаго капитана д' Аріэса и испанскаго полковника Паланка Гутьереца.

Осада Сайгона. — Сайгонъ лежитъ на правомъ берегу рѣки, носящей то же названіе, нѣсколько выше ея сліянія съ Доннаи, между Лавиннымъ каналомъ и Китайскимъ, который соединяетъ воднымъ путемъ Сайгонъ съ Шалономъ, мѣстопребываніемъ китайскихъ купцовъ и главнымъ средоточіемъ торговли рисомъ, въ 5 километрахъ отъ Сайгона. Рѣка настолько глубоководна, что по ней могутъ плавать самыя большія суда. Гарнизонъ занималъ новый фортъ, выстроенный на развалинахъ сайгонской цитадели, городъ Шалонъ и, между обоими этими пунктами, оборонительную линію, опиравшуюся на укрѣпленныя пагоды. Аннамиты сперва попытались перерѣзать эту линію, но, будучи отбиты въ ночной атакѣ (3 іюля 1860), организовали блокаду. Нгюйенъ взрылъ землю, какъ Тотлебенъ въ Севастополѣ; „форты выростали, точно грибы". Его линіи растянулись фронтомъ въ 16 километровъ длины и сплошь были усѣяны преградами въ видѣ траншей, редутовъ и фортовъ. Такимъ образомъ, онъ господствовалъ надъ всѣми дорогами и тѣснымъ кольцомъ сжалъ защитниковъ Сайгона. Въ продолженіе десяти мѣсяцевъ они не получали никакихъ извѣстій извнѣ.

Взятіе Ки-Хоа. — Между тѣмъ китайская война кончилась. Адмиралъ Шарнэ поспѣшилъ отправить вспомогательный отрядъ на выручку Сайгона и двинулся туда самъ во главѣ эскадры съ дессантомъ въ 3.000 человѣкъ (6 февраля 1861). Нгюйенъ не двигался со своихъ грозныхъ позицій у Ки-Хоа. Понадобилось настоящее сраженіе, чтобы выбить его отсюда. 24-го большія морскія орудія, размѣщенныя по линіи пагодъ, и суда, бросившія якорь предъ Сайгономъ, открыли огонь по непріятельскому центру; справа приближалась эскадра вверхъ по рѣкѣ, слѣва атакующія колонны прорвали линію осадныхъ траншей. 25-го, межъ тѣмъ какъ адмиралъ Пажъ одинъ за другимъ приводилъ въ негодность форты, загораживавшіе рѣку, двѣ пѣхотныя колонны, поддерживаемыя полевой артиллеріей, пошли приступомъ на укрѣпленный лагерь у Ки-Хоа. Правая колонна, прибывъ первая на мѣсто, взяла наружный валъ, но позади его наткнулась на внутреннее загражденіе, подъ прикрытіемъ котораго аннамиты перестрѣляли ее. Въ центрѣ и на лѣвомъ флангѣ многочисленность преградъ и энергичное сопротивленіе тормозили успѣхъ атаки. Наконецъ, въ ту минуту, когда лейтенантъ Жоресъ выбилъ топоромъ ворота внутренняго форта, ворвалась и вторая колонна. Всѣ, кто былъ живъ и не раненъ, бросились бѣжать; около тысячи человѣкъ легло на мѣстѣ. Французамъ эта ожесточенная битва стоила 300 человѣкъ убитыми и ранеными.

Освободивъ Сайгонъ, адмиралъ быстро повелъ преслѣдованіе. Онъ занялъ Тонгъ-Кеу, городъ *дани*, гдѣ находились непріятельскіе магазины, и продвинулъ свои авангарды до Тай-Нинга на границѣ Камбоджи. Аннамское войско разсѣялось, но его остатки пытались снова собраться къ сѣверу въ Бьенъ-Гоа, на Доннаи, и къ югу — въ крѣпости Мито, на одномъ изъ рукавовъ Меконга. Между тѣмъ какъ небольшая эскадра, поддерживаемая пѣхотой, поднималась по Почтовому каналу, продолжающему до Меконга Китайскій, адмиралъ Пажъ перешелъ устье главной рѣки и поднялся до Мито, который оказался оставленнымъ своими защитниками. Вслѣдствіе наступленія періода дождей кампанія была прервана и возобновилась въ декабрѣ подъ руководствомъ новаго вождя, контръ-адмирала Бонара. Бьенъ-Гоа былъ скоро взятъ. Въ мартѣ слѣдующаго года французскія войска вступили въ цитадель Винъ-Лонгъ.

Договоръ 1862 года. — Все это время корветъ *Форбенъ*, крейсируя у входа въ рѣку Гюэ, перехватывалъ суда съ ри-

сомъ. Вслѣдствіе этого въ Тонкинѣ начался мятежъ. Ту-Дукъ запросилъ мира. Аннамскій корветъ *Морской Орелъ*, слѣдуя на буксирѣ у *Форбэна*, привезъ въ Сайгонъ его уполномоченныхъ, которые 5 іюня 1862 года заключили договоръ съ адмираломъ Бонаромъ. Адмиралъ потребовалъ уступки трехъ областей—Сайгона, Мито и Бьенъ-Гоа, открытія портовъ Туранъ, Балатъ и Квангъ-Анъ, обѣщанія уплатить контрибуцію въ 20 милліоновъ и религіозной свободы для миссіонеровъ и ихъ туземныхъ прозелитовъ. Аннамскіе уполномоченные уступили по всѣмъ пунктамъ. Оставалось лишь обмѣняться ратификаціями, какъ вдругъ, въ декабрѣ, Ту-Дукъ далъ знать губернатору, что онъ никогда не имѣлъ намѣренія уступить свои провинціи, но лишь нѣсколько портовъ для надобностей торговли. Итакъ, приходилось начинать все сызнова. Скоро открылась и причина, заставившая Ту-Дука перемѣнить рѣшеніе. Письмо Ту-Дука прибыло 12-го, а 16-го вспыхнуло давно подготовлявшееся возстаніе—и такъ внезапно и дружно, что одну минуту адмиралу Бонару грозила опасность быть отрѣзаннымъ. Онъ потребовалъ помощи отъ французской эскадры, стоявшей въ китайскихъ водахъ. Въ февралѣ прибытіе подкрѣпленій позволило ему энергично перейти въ наступленіе. Взятіемъ Гоконга, главнаго очага возстанія, сопротивленіе было сломлено. Въ апрѣлѣ адмиралъ могъ уже отправиться въ Гюэ за ратификаціей договора, которую Ту-Дукъ и далъ ему въ торжественной аудіенціи.

Планъ обратной уступки Кохинхины.— Итакъ, вмѣсто простой морской станціи французы пріобрѣли цѣлую колонію. Этотъ успѣхъ доставилъ императорскому правительству меньше удовольствія, чѣмъ заботъ. Оно знало, какъ непопулярны всѣ далекія экспедиціи, а въ данный моментъ оно было озабочено тѣмъ, чтобы примирить общественное мнѣніе съ мексиканской авантюрой, въ которую оно ушло съ головой. Кохинхина едва не „явилась расплатою за мексиканскіе грѣхи". Точно провидя эту комбинацію, Ту-Дукъ, рѣшившійся идти на все, только бы вернуть себѣ свои дорогія провинціи, вздумалъ начать прямые переговоры съ Парижемъ. Онъ поручилъ своимъ посламъ предложить въ обмѣнъ крупную контрибуцію и не стоять за суммою. Дѣйствительно, былъ выработанъ проектъ соглашенія. Франціи предоставлялись протекторатъ надъ всей Нижней Кохинхиной и ежегодная дань въ 2—3 милліона, но зато она должна была удержать лишь города Сайгонъ, Шолонъ, Тюдомотъ и Мито съ подъѣздными дорогами и правомъ навигаціи по рѣкамъ. Иначе говоря, имѣлось въ виду примѣнить въ Кохинхинѣ систему частичной оккупаціи. Французскій консулъ въ Сіамѣ Обарэ былъ посланъ въ Гюэ для составленія окончательнаго договорнаго акта. Къ счастью для французовъ, Ту-Дукъ не торопился: онъ предъявилъ неожиданно новыя притязанія, признанныя чрезмѣрными; однако большая часть трудностей была улажена и на 22 іюля 1864 г. назначена аудіенція, на которой, повидимому, и должно было состояться соглашеніе, — какъ вдругъ вечеромъ 21-го Обарэ получилъ приказъ изъ Парижа, спѣшно пересланный ему губернаторомъ Кохинхины: ему предписывалось пріостановить переговоры. Протестующіе голоса изъ Сайгона и потокъ брошюръ, выпущенныхъ въ Парижѣ молодыми офицерами въ родѣ Гарнье и Ріенье, влюбившимися въ Кохинхину, произвели впечатлѣніе на кругъ лицъ, приближенныхъ къ императору, и на вождей либеральной оппозиціи. Подобно Тьеру и Ламбрехту, рѣшительно высказались противъ возвращенія Нижней Кохинхины морской министръ Шасселу-Лоба, Викторъ Дюрюи, Риго-де-Женуйльи и баронъ Бренье. Въ концѣ января 1865 года переговоры были окончательно прерваны.

Присоединеніе западныхъ областей. — Французы не только ничего не отдали, но имъ пришлось даже захватить больше прежняго. По договору 1862 года они получили лишь восточную часть Нижней Кохинхины и такимъ образомъ оказались сжаты между тремя западными провинціями, оставшиися подъ владычествомъ Ту-Дука, и среднимъ Аннамомъ; именно съ этой стороны граница была всего болѣе открыта, отсюда являлись эмиссары съ тайными приказами отъ Ту-Дука, здѣсь укрывались шайки повстанцевъ и пиратовъ, которыхъ французы тщетно преслѣдовали на своей территоріи. Французскія войска изнурялись въ этой безцѣльной погонѣ за неуловимымъ врагомъ, образованный классъ находился въ состояніи непрерывнаго заговора, сельскую массу, ничего другого не желавшую, какъ въ мирѣ обрабатывать свои рисовыя поля, волновали властные призывы ея старыхъ господъ, она была не увѣрена въ завтрашнемъ днѣ и потому держалась если не враждебно, то, по крайней мѣрѣ, недовѣрчиво. „Если вы хотите, чтобы мы стали французами,— говорили наиболѣе развитые изъ туземцевъ,—возьмите еще Винъ-Лонгъ, Гатіэнъ, Анъ-Гіангъ (Шодокъ), закройте узкую границу Гюэ со стороны Баріа, и, отрѣзанные отъ всякаго общенія съ заграницей, недоступные мятежнымъ подстрекательствамъ и тѣмъ тайнымъ проискамъ, которые теперь осаждаютъ всякаго, кто изъявилъ покорность, мы будемъ служить вамъ безъ задней мысли“ (Френсисъ Гарнье). Адмиралъ Ля Грандьеръ, занимавшій съ 1863 года губернаторскій постъ, горячо настаивалъ, чтобы ему позволено было занять западныя области. Добившись этого разрѣшенія, онъ приступилъ къ дѣлу немедля. Въ маѣ 1867 года, съ наступленіемъ періода дождей, прерывавшаго сельскія работы, по обыкновенію возобновилась та періодическая агитація, которую непрерывно поддерживали агенты изъ Гюэ. Французы тотчасъ въ строжайшей тайнѣ приготовились къ экспедиціи. Въ нѣсколько дней всѣ войска были снаряжены для похода. 19 іюня они вступили въ Винъ-Лонгъ, 22-го—въ Шодокъ, 24-го—въ Гатіэнъ, нигдѣ не встрѣтивъ сопротивленія. Это новое завоеваніе прибавило къ французскимъ владѣніямъ территорію въ 1. 200.000 гектаровъ, съ населеніемъ въ полмиляіона человѣкъ. Оно упрочило положеніе французовъ, положивъ конецъ надеждамъ и проискамъ аннамскаго правительства. Отнынѣ умиротвореніе края пошло впередъ быстрыми шагами.

Организація Кохинхины.—Пора было заняться внутреннимъ устройствомъ Кохинхины. Эту задачу исполнили адмиралъ Бонаръ и его преемникъ адмиралъ Ля Грандьеръ. Она была и вообще трудна, по причинѣ неопытности французовъ въ этого рода дѣлахъ, да еще ее осложняло систематическое уклоненіе бывшаго правящаго класса, рѣшившаго, очевидно, поставить французовъ въ безпомощное состояніе. Сельскія общины и волости со своими нотаблями и выборными старшинами довольно скоро вернулись къ нормальному порядку, такъ какъ они издавна привыкли сами вѣдать свои мѣстныя дѣла, собирать подати и охранять у себя тишину и спокойствіе. Но нужно было организовать посредствующія инстанціи между ними и высшею властью. Туземный персоналъ *фу* и *гюйен*'овъ (префектовъ и супрефектовъ), набранный французами изъ худшей части мѣстнаго населенія, которая одна была къ ихъ услугамъ, сначала больше вредилъ имъ, нежели приносилъ пользы. Въ виду его недостаточности адмиралъ Ля Грандьеръ развилъ въ широкихъ размѣрахъ институтъ инспекторовъ по туземнымъ дѣламъ, созданный адмираломъ Бонаромъ. Въ каждомъ округѣ былъ свой инспекторъ—обыкновенно откомандированный отъ флота морской офицеръ; при немъ состояли секретарь-французъ, одинъ или два переводчика, два

или три аннамскихъ писца. Онъ имѣлъ надзоръ надъ фу, гюйенами, волостными и сельскими старшинами, отвѣчалъ за правильное поступленіе податей, отправлялъ правосудіе и держалъ округъ въ повиновеніи, не располагая никакой военной силою, кромѣ туземной милиціи. Это было нѣчто въ родѣ арабскихъ бюро въ Кохинхинѣ. Вопреки неразумному фанатизму миссіонеровъ, адмиралъ Бонаръ съ самаго начала объявилъ, что Франція не намѣрена посягать на религіозную свободу своихъ новыхъ подданныхъ. Хотя для европейцевъ были учреждены французскіе суды, но аннамиты сохранили свое обычное право и свою особую юрисдикцію. Для нихъ были устроены школы, гдѣ преподаваніе велось на ихъ языкѣ, но латинскими буквами *(квокнгу)*; для подготовки секретарей и переводчиковъ учреждены были спеціальныя учебныя заведенія. Подать сначала уплачивалась, по мѣстному обычаю, натурой, но потомъ ее перевели на деньги. Первый бюджетъ Кохинхины, на 1865 годъ, опредѣлялъ приходъ въ 4.083.000 франковъ. Въ 1868 году эта сумма возросла до 8.670.000 франковъ. Отнынѣ доходовъ Кохинхины хватало на покрытіе внутреннихъ расходовъ и даже на уплату извѣстной суммы метрополіи въ возмѣщеніе части военныхъ издержекъ, ложившихся на Францію. Бережливость въ тратахъ позволяла предпринимать важныя работы, содержать въ исправности и расширять сѣть каналовъ, довести желѣзнодорожную сѣть до 2.000 километровъ, прокладывать телеграфныя линіи, строить казармы, больницы, школы, арсеналъ, оздоровить Шолонъ, обновить Сайгонъ. Въ порту ежегодно нагружалось и выгружалось свыше 500.000 тоннъ. Экспортъ риса, ничтожный до завоеванія, постепенно развился и вызвалъ соотвѣтствующій ввозъ товаровъ. Сумма обмѣна достигла 70 милліоновъ.

Протекторатъ надъ Камбоджей.—Завоеваніе Кохинхины привело французовъ въ соприкосновеніе съ Камбоджей. Это государство, находившееся въ упадкѣ и угрожаемое съ одной стороны аннамитами, съ другой—сіамцами, въ концѣ-концовъ подпало подъ власть послѣднихъ. Они присвоили себѣ двѣ плодороднѣйшія его провинціи, Баттамбангъ и Ангкоръ; сіамскій мандаринъ, назначенный на постоянное жительство въ столицѣ Удонгъ, сталъ настоящимъ властелиномъ страны; безъ его согласія царь не могъ сдѣлать ни одного движенія. Англійское вліяніе уже тогда являлось преобладающимъ въ Банкокѣ. Сіамская Камбоджа наглухо замыкалась Меконгомъ, такъ какъ о расширеніи ея на сѣверъ нечего было и думать. Французскіе губернаторы поняли это. Въ 1862 году адмиралъ Бонаръ посѣтилъ страну кмеровъ. Въ слѣдующемъ году адмиралъ Ля Грандьеръ основалъ здѣсь морскую станцію и начальникомъ ея назначилъ Дудара де Лагрей. Послѣдній выказалъ себя географомъ, лингвистомъ, археологомъ, дипломатомъ. Онъ объѣзжалъ край, изучалъ его естественныя богатства, языкъ, исторію, памятники, противодѣйствовалъ вліянію сіамскаго посланника и сумѣлъ пріобрѣсти довѣріе царя Нородома. Когда адмиралъ лично посѣтилъ Удонгъ, ему безъ труда удалось заключить съ Нородомомъ договоръ, въ силу котораго царь признавалъ надъ собою протекторатъ французскаго императора, открывалъ свои владѣнія для торговли и пропаганды миссіонеровъ, разрѣшалъ основать станцію въ Пномъ-Пенѣ, точкѣ пересѣченія четырехъ рѣчныхъ дорогъ, и допустить къ своему двору французскаго резидента. Резидентомъ былъ назначенъ, разумѣется, Лагрей, которому немалаго труда стоило справляться съ притязаніями Сіама и опаснымъ непостоянствомъ царя. Онъ не допустилъ Нородома просить у своихъ могущественныхъ сосѣдей инвеституры, которая снова поставила бы его подъ ихъ верховенство. Когда они наконецъ вернули королевскія

регалии, удержанныя ими въ Банкокѣ, коронованіе было совершено въ присутствіи оффиціальнаго представителя губернатора. Сіамскій посланникъ покинулъ Камбоджу, и Нородомъ отправился въ Сайгонъ съ отвѣтнымъ визитомъ адмиралу. Послѣ долгихъ увертокъ онъ, казалось, безповоротно подчинился французскому вліянію. Наконецъ, и самый Сіамъ, по договору 1867 года, призналъ французскій протекторатъ надъ Камбоджей; но французы довольно дорого заплатили ему за это, въ сущности ненужное имъ признаніе, утвердивъ за Сіамомъ захваченныя имъ провинціи Ангкоръ и Баттамбангъ.

Изслѣдованіе Меконга.—Тотъ же Дударъ де Лагрей руководилъ, при содѣйствіи Френсиса Гарнье, изслѣдованіемъ Меконга. „Опредѣлить географически теченіе рѣки путемъ спѣшной развѣдки, доведенной до возможно болѣе далекаго пункта; попутно изучить естественныя богатства пройденной страны и выяснить наиболѣе дѣйствительныя средства, при помощи которыхъ можно было бы соединить коммерчески верхнюю долину Меконга съ Камбоджей и Кохинхиной“—таковы были заранѣе намѣченныя цѣли экспедиціи. Выступивъ изъ Сайгона 5 іюня 1866 г., она нѣсколько времени провела въ Камбоджѣ и затѣмъ на канонеркѣ поднялась до Кратіэ, гдѣ пересѣла на пироги и, обойдя волокомъ Хонскіе пороги, добралась до Луангъ-Прабанга. Повыше этого города развѣдчики оставили лодки и двинулись слѣва вдоль рѣки, держась берега „какъ путеводной нити“, пока, послѣ 50-дневнаго труднаго перехода, не достигли Муонгъ-Юнга. 18 октября 1867 года они перешли юго-западную границу Китая, которой до нихъ не перешагнулъ еще ни одинъ бѣлый. Въ провинціи Юннанъ, куда они попали, свирѣпствовала гражданская война между императорскими войсками и повстанцами-мусульманами. Тѣмъ не менѣе экспедиція провела здѣсь шесть мѣсяцевъ, производя изысканія по верхнему теченію Сонгъ-Коя, въ которомъ они правильно предугадывали болѣе удобную соединительную артерію, нежели Меконгъ, и по направленію къ Тали-Фу, столицѣ мусульманскихъ мятежниковъ. Дударъ де Лагрей, изнуренный недугомъ, не могъ участвовать въ этой послѣдней экскурсіи: онъ умеръ 12 марта 1868 года отъ болѣзни печени, которую сдѣлали смертельной неслыханные труды и лишенія, перенесенные имъ въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ. Гарнье, вернувшись изъ Тали-Фу, не захотѣлъ оставить въ китайской землѣ останки своего начальника; онъ вырылъ ихъ и взялъ съ собою въ Сайгонъ, причемъ сначала тѣло покойнаго несли на рукахъ, потомъ везли водою. Вернулась экспедиція на Янг-це-Кіангъ, Ханъ-Кеу и Шанхай. 29 іюня 1868 года Гарнье съ товарищами вернулся въ Сайгонъ послѣ двухлѣтней отлучки, пройдя Индо-Китай поперекъ съ юга на сѣверъ и Китай съ запада на востокъ, сдѣлавъ между Кратіэ и Хан-Кеу, частью въ лодкахъ, частью пѣшкомъ, болѣе 10.000 километровъ. Эта замѣчательная экспедиція принесла пользу не только наукѣ: она явилась поворотнымъ пунктомъ и въ политической исторіи Дальняго Востока, такъ какъ намѣтила рамку позднѣйшаго французскаго владычества въ Индо-Китаѣ.

IV.—Прочія французскія колоніи.

Индійскій океанъ.—Развитіе французскихъ интересовъ на Дальнемъ Востокѣ и предстоявшее открытіе Суэцкаго канала должны были бы, казалось, заставить французское правительство, если бы оно было хоть сколько-нибудь предусмотрительно, обратить вниманіе на великіе водные пути Индійскаго океана. Пріобрѣтая въ 1862 году Обокъ, оно устроило себѣ морскую станцію въ виду Адена, у входа въ Красное море, но вслѣдствіе его постоянныхъ колебаній и крайней

уступчивости передъ англійскими притязаніями Мадагаскаръ еще разъ ушелъ изъ его рукъ.

Несмотря на свирѣпую вражду, которую обнаруживала къ иностранцамъ старая царица Ранавало, нѣсколько предпріимчивыхъ французовъ сумѣли утвердиться на островѣ. Лястель развелъ тамъ плантаціи и занимался скотоводствомъ въ крупныхъ размѣрахъ; Лябордъ выстроилъ у воротъ Тананаривы однѣми мѣстными рабочими руками нѣсколько громадныхъ заводовъ, въ которыхъ работало до 10.000 человѣкъ. Бретонецъ Лямберъ пріобрѣлъ дружбу наслѣднаго принца Ракото, восторженнаго поклонника европейской цивилизаціи. Онъ внушилъ ему мысль обширной колонизаціонной системы съ цѣлью начать эксплуатацію естественныхъ богатствъ страны и подготовить ея соціальное преобразованіе. Чтобы обезпечить успѣхъ предпріятія, предполагалось заранѣе провозгласить французскій протекторатъ. Въ 1855 году Лямберъ отправился во Францію съ письмами Ракото къ Наполеону III. Императоръ принялъ и благосклонно выслушалъ его, но обусловилъ свое согласіе согласіемъ Англіи, желая дѣйствовать заодно съ нею. Англійскій посолъ Кларендонъ отнесся довольно холодно къ этому проекту, успѣхъ котораго усилилъ бы, главнымъ образомъ, французское вліяніе. Такимъ образомъ, Лямберъ вернулся безъ всякаго положительнаго отвѣта. Несмотря на это разочарованіе, Ракото не отказался отъ своихъ плановъ. Для осуществленія ихъ онъ задумалъ захватить власть съ помощью своихъ друзей французовъ. Но Ранавало и ея главный министръ были кѣмъ-то предупреждены; Лямбера, Ляборда и австрійскую путешественницу Иду Пфейферъ тотчасъ арестовали и отвезли на берегъ; имущество Лястеля и Лямбера было конфисковано, а замѣшанные въ заговорѣ малгаши побиты камнями (1857).

Ракото оказался не въ силахъ защитить своихъ сообщниковъ, но его самого спасли царское происхожденіе и любовь матери. По смерти послѣдней, въ 1861 г., онъ былъ провозглашенъ царемъ подъ именемъ Радама II. Онъ тотчасъ же вернулъ изгнанниковъ, чтобы вмѣстѣ съ ними приняться за исполненіе своихъ старыхъ плановъ. Лябордъ былъ назначенъ французскимъ консуломъ въ Тананаривѣ, Лямберъ, возведенный въ санъ герцога Эмирнскаго,—представителемъ говайскаго правительства въ Европѣ. Тѣмъ не менѣе Англія была наравнѣ съ Франціей приглашена къ участію въ торжествѣ коронованія. Договоръ 1862 года, подготовленный въ Парижѣ Лямберомъ и подписанный въ Тананаривѣ комендантомъ Дюпрэ, признавалъ за Радамой титулъ короля Мадагаскарскаго, который французы постоянно оспаривали у его предшественниковъ; Франція только оговаривала свои права. Она добилась доступа для европейцевъ на Мадагаскаръ, не выговоривъ однако никакихъ особыхъ преимуществъ для французовъ. Разсчетъ былъ тотъ, что преобладающее вліяніе доставитъ ей дѣятельность „земельной, промышленной и торговой" компаніи, которой Радама II отдалъ въ концессію всѣ рудники и необработанныя земли. Она была организована императорскимъ декретомъ отъ 2 мая 1863 года, съ капиталомъ въ 50 милліоновъ, раздѣленнымъ на 100.000 акцій по 500 франковъ. Вначалѣ разобрано было только 5.000 акцій со внесеніемъ половинной суммы; эти деньги рѣшено было затратить на снаряженіе развѣдочной экспедиціи, которая и отплыла изъ Марсели подъ начальствомъ коменданта Дюпре и Лямбера. Но въ это время и правительство Радама, и самъ Радама уже болѣе не существовали.

Въ своемъ преобразовательномъ рвеніи молодой государь не стѣснялся дѣйствовать наперекоръ исконнымъ интересамъ и предразсудкамъ. Уничтоженіе таможенъ, разорившее правителей портовыхъ горо-

довъ, и отмѣна царской барщины, лишившая сановниковъ и придворныхъ даровой рабочей силы, возстановили противъ него всю знать; старую говайскую партію т. наз. *сикиди*, т.-е. жрецовъ, колдуновъ, знахарей и за ними всю невѣжественную массу, пугало предоставленіе свободнаго доступа и свободы религіозной пропаганды иностранцамъ. Началась страшная агитація. *Раманенжаны*, нѣчто въ родѣ одержимыхъ, разжигали толпу; распространился слухъ, что Ранавало, выйдя изъ могилы, явилась упрекать своего сына въ томъ, что онъ продалъ страну иностранцамъ. Когда методисты вздумали проповѣдовать въ Амбуимангѣ, мѣстѣ погребенія старой царицы, народъ возмутился и прогналъ ихъ, какъ святотатцевъ. Туземные христіане, которыхъ было уже много, грозили насильственными мѣрами. Обѣ стороны готовились къ гражданской войнѣ. Радама II, поддавшись вліянію окружавшей его молодой камарильи, узаконилъ анархію страннымъ указомъ, разрѣшавшимъ схватки между отдѣльными людьми и отдѣльными родами. Вельможи королевства во главѣ съ первымъ министромъ, опираясь на вооруженные отряды, прибывшіе изъ провинцій, потребовали образованія коллегіальнаго регентства, отмѣны указа о поединкахъ и уступокъ, сдѣланныхъ иностранцамъ, а также казни *мена мазосъ*, т.-е. товарищей короля; когда этотъ ультиматумъ былъ отвергнутъ, они дали сигналъ къ возстанію. Радама, арестованный въ своемъ дворцѣ, могъ бы еще спастись, если бы пожертвовалъ своими друзьями. Но онъ предпочелъ погибнуть вмѣстѣ съ ними. 12 мая заговорщики удавили его шелковымъ платкомъ. Его вдова Рабудъ, провозглашенная королевой подъ именемъ Разоэрины, должна была взять въ мужья сына бывшаго министра и мужа Ранавало. Такимъ образомъ власть перешла въ руки говайской аристократіи.

Новое правительство объявило недѣйствительнымъ договоръ 1862 года и отмѣнило концессіи, данныя Лямберу для мадагаскарской компаніи, и стоило немалаго труда склонить ее къ уплатѣ незначительнаго вознагражденія акціонерамъ. Франція удовлетворилась этимъ и въ 1868 году заключила новый договоръ съ Ранавало II, наслѣдницей Разоэрины. Если ошибкой было признаніе за Радама королевскаго титула, то теперь французское правительство сдѣлало еще большую ошибку, признавъ за королевой полный суверенитетъ надъ всѣмъ островомъ и отрекшись тѣмъ отъ своихъ исконныхъ правъ; взамѣнъ французы получили право свободно отправлять и преподавать свою религію, вести торговлю на островѣ, селиться на немъ и пріобрѣтать движимое и недвижимое имущество. Французское вліяніе не оправилось отъ удара, нанесеннаго ему паденіемъ Радама II.

Океанія. — Въ то самое время, когда Франція утверждала свой протекторатъ въ мелкихъ полинезійскихъ архипелагахъ, а на Таити даже мало-по-малу превращала его въ настоящій суверенитетъ, ей удалось въ 1853 году занять лежащій въ виду Австраліи небольшой, но здоровый островъ Новую Каледонію. Послѣдняя считалась вначалѣ лишь придаткомъ къ группѣ Таити и сдѣлалась отдѣльной колоніей лишь въ 1860 году. Свирѣпость и частыя возстанія канаковъ и пререканія администраціи съ миссіонерами-маристами, утвердившимися здѣсь, замедлили развитіе этой колоніи, а начавшаяся въ 1864 году ссылка сюда уголовныхъ преступниковъ больше затормазила, нежели подвинула его.

Америка. — Въ Америкѣ французы за этотъ періодъ не пріобрѣли ничего сверхъ того, что еще оставалось у нихъ. На Антильскихъ островахъ революція 1848 года, уничтожившая рабство, вмѣстѣ съ тѣмъ

сравняла во всеобщемъ правѣ голоса вчерашнихъ господъ и рабовъ. Выборы были очень бурны, расовая ненависть проявилась сильными безпорядками и покушеніями; въ Гваделупѣ пришлось объявить осадное положеніе. Вторая имперія уничтожила выборныя учрежденія, силою смирила враждующія страсти и возстановила матеріальный порядокъ. Чтобы обезпечить мѣстное сельское хозяйство дисциплинированной рабочей силой, правительство организовало иммиграцію свободныхъ рабочихъ съ африканскаго побережья и изъ англійской Индіи. Это дѣло оказалось особенно выгоднымъ для африканской колоніи Реюніонъ, имѣвшей возможность доставлять такихъ поселенцевъ по наиболѣе низкой цѣнѣ. Меньше пострадавъ отъ кризиса 1848 года, нежели Антильскіе острова, она нѣкоторое время благоденствовала, но затѣмъ и ее, какъ Антильскіе острова, посѣтили всяческія невзгоды и катастрофы. Гвіана, находившаяся уже въ упадкѣ вслѣдствіе недостатка рукъ и капиталовъ, была сдѣлана въ 1851 году мѣстомъ ссылки политическихъ изгнанниковъ и каторжныхъ. Огромная смертность въ ихъ средѣ усилила дурную репутацію Гвіаны въ гигіеническомъ отношеніи; присутствіе каторжныхъ дѣлало немыслимой свободную колонизацію, а судебная колонизація, предпринятая безъ яснаго плана и серьезныхъ предварительныхъ изысканій, повлекла за собою громадные расходы и гекатомбы жертвъ, не принеся странѣ никакой реальной пользы. Гвіана нашла источникъ доходовъ въ эксплуатаціи золотыхъ копей, открытыхъ въ 1854 и ближайшіе годы, но добываніе золота, занявъ всѣ рабочія руки, нанесло послѣдній ударъ сельскому хозяйству. Во все это время оставался открытымъ вопросъ о спорныхъ территоріяхъ — на западѣ между Франціей и Голландіей, на юго-востокѣ — между Франціей и Бразиліей.

V. — Положеніе колоній подъ конецъ второй имперіи.

Періодъ, когда закончено было завоеваніе Алжира, раздвинуты границы Сенегала и пріобрѣтена Кохинхина, конечно, нельзя назвать безплоднымъ. Между тѣмъ у Франціи тогда не было настоящей колоніальной политики, ясно обдуманной и систематически проводимой. При второй имперіи, какъ и въ эпоху Луи Филиппа, исключая немногихъ спеціальныхъ и небольшихъ кружковъ, народъ нисколько не интересовался колоніями и съ равнымъ отвращеніемъ относился и къ безумнымъ авантюрамъ въ родѣ мексиканской, и къ такимъ плодотворнымъ предпріятіямъ, какъ завоеваніе Кохинхины. Такое отношеніе общества не осталось безъ вліянія на правительство, которое сначала, по крайней мѣрѣ временами, обнаруживало нѣкоторую предпріимчивость, а потомъ сдѣлалось столь же нерѣшительнымъ и боязливымъ, какъ его предшественники.

Около 1870 года французскія колоніи, считая Алжиръ и состоявшія подъ французскимъ протекторатомъ части Океаніи и Камбоджи, занимали пространство приблизительно въ 700.000 кв. килом. съ населеніемъ въ 6 милліоновъ человѣкъ слишкомъ. Онѣ стоили, въ смыслѣ расходовъ на управленіе, охрану и суверенитетъ, около 100 милліоновъ въ годъ, но зато онѣ питали торговлю въ 600 милліоновъ, и на двѣ трети—съ Франціей. Обмѣнъ судовъ и товаровъ между ихъ портами и портами метрополіи составлялъ по количеству тоннъ десятую часть всей французской навигаціи. Въ то время, какъ Алжиръ былъ подчиненъ общей таможенной системѣ съ пониженнымъ тарифомъ на ввозъ иностранныхъ товаровъ, наиболѣе нужныхъ для его развитія, колоніи въ собственномъ смыслѣ слова постепенно освобождались отъ стараго колоніальнаго договора и приближались къ полной сво-

бодѣ торговли. Алжиръ былъ подчиненъ военному министру, колоніи—морскому. Ни первый, ни послѣднія не имѣли представителей въ парламентѣ. Алжиръ, Антильскіе острова и Реюніонъ управлялись сенатскими постановленіями; они имѣли свои генеральные совѣты, причемъ алжирскій сталъ выборнымъ лишь подъ конецъ второй имперіи (декретъ 11 іюня 1870), а генеральные совѣты Антильскихъ острововъ и о. Реюніонъ назначались посредственно или непосредственно губернаторомъ. Прочія колоніи, гдѣ не было никакихъ мѣстныхъ собраній, управлялись декретами, а администрація ихъ была всецѣло подчинена губернатору. Подобно тому, какъ губернаторъ Алжира назначался изъ числа маршаловъ или генераловъ, губернаторами колоній были адмиралы и вообще высшіе чины морского вѣдомства; Фэдэрбъ, бывшій инженернымъ офицеромъ сухопутной арміи, представлялъ собою почти единственное исключеніе.

Глава V.

Колоніи и подданства Соединеннаго королевства.

1848—1870.

I. — Метрополія и колоніи съ 1848 по 1870 г.

Парламентскій режимъ въ колоніяхъ.— Либеральная партія правила Англіей съ 1847 по 1866 г. съ двумя короткими перерывами (1852 и 1858—59) и затѣмъ снова съ 1868 до 1874 г. Въ этотъ періодъ она продолжала развивать то дѣло, которое начала дарованіемъ Канадѣ выборнаго парламента. Канада съ 1840 г. располагала полнымъ составомъ парламентскихъ учрежденій, т.-е. представительнымъ собраніемъ и отвѣтственнымъ министерствомъ, которое теоретически должно было составляться изъ большинства этого собранія. Парламентскій строй былъ введенъ затѣмъ и въ другихъ колоніяхъ съ европейскимъ населеніемъ. Представительное собраніе, вполнѣ или только частью выборное, было учреждено сначала (1842) въ Новомъ Уэльсѣ, затѣмъ въ остальныхъ колоніяхъ Австралазіи и въ 1853 г. въ Капской землѣ. Исполнительная власть оставалась въ рукахъ чиновниковъ, подчиненныхъ губернатору; начиная съ 1855 года въ четырехъ колоніяхъ Австралазіи и съ 1872 г. въ Капской землѣ, она ввѣряется отвѣтственному министерству, набираемому изъ парламентскаго большинства. Контроль британскаго правительства по прежнему осуществляется губернаторомъ, которымъ часто является штатское лицо.

Организація самоуправленія въ колоніяхъ соотвѣтствуетъ политическому идеалу либераловъ, для которыхъ автономія и экономія—два соотвѣтственныхъ понятія. Метрополія ничего не требуетъ отъ колоніи, но обязываетъ ее взамѣнъ свободы держать въ равновѣсіи свой бюджетъ. Колоніямъ предоставляются всѣ источники доходовъ, остававшіеся за Англіей, особенно продажа земель. Но зато онѣ должны сами нести издержки по общественнымъ работамъ, иммиграціи и народному просвѣщенію; единственное, что Англія считаетъ возможнымъ сдѣлать для нихъ, это гарантировать ихъ займы. Въ концѣ изучаемаго періода имъ предложено было самимъ заботиться и о своей оборонѣ. Послѣдніе англійскіе гарнизоны были отозваны изъ Новой Зеландіи въ 1869 году, изъ Канады—въ 1871, и министерство колоній въ либеральномъ кабинетѣ Гладстона заявило, что отнынѣ метрополія не будетъ тратить на автономныя колоніи ни пенса и что онѣ должны или совсѣмъ обходиться безъ войска, или содержать его на собственный счетъ.

Разумѣется, этотъ режимъ не распространялся ни на коронныя колоніи, которыя по прежнему управляются прямо англійскимъ правительствомъ по старому способу, ни на Капскую землю, гдѣ часто ведутся войны, ни на Индію, которая, благодаря возстанію сипаевъ, упраздненію Компаніи и организаціи прямого короннаго управленія, требуетъ отъ Англіи и частой присылки войскъ, и значительныхъ расходовъ. Вся эта категорія колоній стоитъ очень дорого и сильно обременяетъ бюджетъ имперіи. Поэтому либеральные министры, особенно подъ конецъ изучаемой нами эпохи, по свойственной имъ бережливости, стараются положить конецъ какъ войнамъ, такъ и присоединенію новыхъ владѣній.

Потокъ эмиграціи.—Мы видѣли раньше, что англійское правительство испробовало нѣсколько способовъ, чтобы заселить свои колоніи, и въ концѣ-концовъ остановилось на планѣ Уэкфильда. Для осуществленія этой системы британскому правительству пришлось оставить за собою право собственности и продажи земли въ колоніяхъ. Оно установило минимальную продажную цѣну. Обязанность инкассировать деньги, получаемыя съ продажи земельныхъ участковъ, и оплачивать перевозку чернорабочихъ и мастеровыхъ была возложена на *Emigration Commissioners*, имѣвшихъ пребываніе въ Лондонѣ. Наряду съ этой правительственной администраціей образовалось и нѣсколько частныхъ компаній (напримѣръ, южно-австралійскія и ново-зеландская), которыя получали отъ государства большія земельныя концессіи и крупную ссуду или даже нѣсколько ссудъ и обращали эмиграцію по способу Уэкфильда въ торговое предпріятіе съ цѣлью обогащенія своихъ акціонеровъ. Были еще и другія попытки содѣйствовать эмиграціи, но по ничтожности своихъ результатовъ онѣ не заслуживаютъ вниманія.

Свободные эмигранты направлялись, разумѣется, въ населенныя уже страны и выбирали кратчайшія дороги. Они массами устремлялись въ Канаду и Соединенные Штаты. Примѣненіе системы Уэкфильда и учрежденіе послѣ 1831 года эмиграціонной кассы и эмиграціонной канцеляріи имѣли цѣлью именно отвлечь къ Австралазіи и Капской землѣ часть потока, вливавшагося въ Сѣверную Америку. Попытка удалась. Съ 1837 до 1872—послѣдняго года своей дѣятельности—комиссары по переселенческимъ дѣламъ переправили 369.961 чел. въ Австралію и 14.531 въ Капскую землю. Общая цифра эмигрантовъ изъ Соединеннаго королевства возрастаетъ прогрессивно съ 23.000 въ среднемъ ежегодно передъ 1830 г. до 100.000 между 1840 и 1846 г. Бѣлое народонаселеніе колоній, составлявшее въ 1783 г. 50.000 человѣкъ, возрастаетъ до полутора милліоновъ. Такимъ образомъ Англія еще не вполнѣ вознаградила себя за потерю народонаселенія Соединенныхъ Штатовъ.

Около 1847 года невзгоды, постигшія Ирландію, вызвали значительный приливъ населенія въ Канаду. Въ 1845 году напала болѣзнь на картофель; урожай погибъ, и ирландское населеніе постигъ страшный голодъ (1846—47). Голодающіе питались травою и мхомъ, собирали отбросы въ городахъ; на дорогахъ находили трупы ирландцевъ, умершихъ съ голоду; множество ирландцевъ уѣхало въ Америку. Въ 1846 году на общее число 130.000 эмигрантовъ изъ Соединеннаго королевства ирландцевъ насчитывалось 110.000; число эмигрантовъ-ирландцевъ возросло въ 1847 году до 218.000 и, возрастая въ постоянной прогрессіи (исключая 1848 г.—188.000), достигло въ 1851 году 255.000 (при общемъ количествѣ переселенцевъ 336.000 чел.). Въ 1847 году была сдѣлана попытка направить потокъ ирландской эмиграціи въ Канаду. Несчастныхъ ирландцевъ набивали, какъ сельдей въ бочку, на всякаго рода суда;

предприниматели перевозили ихъ на разваливающихся корабляхъ, безъ лѣкарствъ, безъ врача; почти въ каждой партіи обнаруживалась чахотка, заразныя болѣзни, лихорадка: болѣе 16% эмигрантовъ умирали на судахъ или въ карантинахъ, въ которыхъ ихъ выдерживали по прибытіи. Канадское правительство, филантропическія и религіозныя общества оказывали помощь эмигрантамъ, но она была недостаточна въ виду многочисленности послѣднихъ. Въ ближайшіе затѣмъ годы ирландскіе эмигранты направлялись преимущественно въ Соединенные Штаты. Туда же явилась потомъ и часть уцѣлѣвшихъ эмигрантовъ 1847 года.

Едва началъ слабѣть потокъ ирландской эмиграціи, какъ открытіе золотыхъ залежей въ Австраліи привлекло главную массу переселенцевъ въ эту часть свѣта. Сюда стекались эмигранты изъ всѣхъ частей западнаго міра, но главнымъ образомъ изъ Соединеннаго королевства. Общее количество британскихъ эмигрантовъ возросло съ 248.000 въ 1848 году, который былъ отмѣченъ небольшимъ пониженіемъ, до 370.000 въ 1852 году, максимальномъ по числу эмигрантовъ. Дальнѣйшій періодъ не былъ ознаменованъ ни какимъ-либо крупнымъ кризисомъ въ Англіи, ни появленіемъ сильной приманки въ колоніяхъ. Послѣ 1854 года, когда увеличено было число рекрутовъ, вербуемыхъ въ армію, количество эмигрантовъ упало до 150.000; въ 1861 г. оно упало до 65.000, но затѣмъ повысилось и съ 1871 г. стало сильно возрастать.

Въ общемъ съ 1846 по 1870 г. Соединенное королевство покинули болѣе 4.600.000 эмигрантовъ (противъ 1.600.000 за время съ 1815 по 1846). Эта эмиграція значительно увеличила народонаселеніе Канады и Австралазіи, но еще въ гораздо большей степени принесла пользу Соединенному королевству.

Въ виду успѣховъ свободной эмиграціи государственная пришла въ упадокъ, а потомъ и совсѣмъ была заброшена. Комиссары по переселенческимъ дѣламъ функціонировали еще до 1873 года, когда ихъ должность была упразднена. Но ихъ касса оставалась почти пустою съ тѣхъ поръ, какъ метрополія передала автономнымъ колоніямъ право продажи общественныхъ земель (1855). Колоніи могли по произволу употреблять суммы, выручаемыя съ этой продажи, на поощреніе эмиграціи или на другія нужды. Нѣкоторыя изъ нихъ основали переселенческія агентства въ Лондонѣ. Но такъ какъ промышленность все болѣе развивалась, то капиталисты были противъ эмиграціи. Когда въ Лондонъ прибыли делегаты съ Новаго Уэльса для устройства переселенческаго бюро (1861), одинъ промышленникъ сказалъ имъ: „Вмѣсто того, чтобы отнимать у насъ рабочія руки, почему бы вамъ не воспользоваться опять каторжными?“ Объ эту эпоху въ руководящихъ классахъ восторжествовали теоріи манчестерской школы, и эмиграція, какъ и бо́льшая часть колоніальныхъ дѣлъ вообще, была предоставлена на произволъ свободно дѣйствующихъ „естественныхъ законовъ“.

Паръ и электричество.—Какъ разъ въ ту эпоху, когда колоніи сдѣлались автономными, устанавливается пароходное сообщеніе и прокладываются телеграфные кабели; и то, и другое позволяетъ имъ быстрѣе и чаще сноситься съ метрополіей. Первыми пароходными линіями изъ Англіи въ колоніи были тѣ, которыя обслуживали Австралію и Канаду: та возникла въ 1852 году, эта—въ 1853. Первымъ подводнымъ кабелемъ на далекое разстояніе былъ кабель, проложенный въ 1858 году между Ирландіей и Сѣверной Америкой. Когда онъ порвался, то въ 1866 году была сдѣлана вторая попытка, и съ отличнымъ успѣхомъ. Въ настоящее время всѣ колоніи, кромѣ Фальклэндскихъ острововъ (обслуживаемыхъ нѣмецкой линіей Гамбургъ-Вальпарайзо), соединены

съ метрополіей правильными пароходными рейсами. Прорытіе Суэцкаго канала, оконченное въ 1869 году, сблизило Англію съ Индіей и Австраліей. Всѣ крупныя колоніи связаны съ Лондономъ подводными кабелями, и большинство океанскихъ кабелей вообще принадлежитъ англійскимъ компаніямъ.

Паръ и электричество оказали большое вліяніе на колоніальную политику. Около 1848 года губернаторы далекихъ колоній лишь изрѣдка получали депеши отъ министра; правительство принуждено было предоставлять имъ широкую иниціативу и легко могло быть противъ своей воли вовлекаемо ими въ войны, захваты и столкновенія съ колонистами. А около 1870 года министръ самъ руководитъ колоніальнымъ управленіемъ до мелочей, и скоро будутъ говорить, что Индія и колоніи управляются по телеграфу изъ Доунингъ Стрита.

II.—Англійское владычество въ Сѣверной Америкѣ до учрежденія Dominion of Canada (1847—1867).

Въ 1847 году англійскія владѣнія въ Сѣверной Америкѣ состояли изъ: 1) пяти колоній—Канады, Новаго Брауншвейга, Новой Шотландіи, острова Капъ-Бретонъ и Нью-Фаундлэнда; 2) территорій Компаніи Гудсоновой бухты, обнимавшихъ весь сѣверъ, центръ и западъ, включая тѣ части, которыя нынѣ составляютъ автономныя колоніи британской Колумбіи и Манитобы.

Незадолго передъ этимъ была оффиціально установлена граница между Соединенными Штатами и Канадой. Въ 1842 г. установлена была граница между штатомъ Мэномъ и колоніей Новый Брауншвейгъ; канадцы остались недовольны этимъ размежеваніемъ и прозвали его Ашбертоновой капитуляціей (по имени англійскаго уполномоченнаго). Въ 1846 г. колонисты изъ Соединенныхъ Штатовъ зашли на территорію по берегу Тихаго океана, на которую заявляла притязанія Компанія. Американцы хотѣли закрыть англичанамъ доступъ къ Тихому океану, и образовалась даже цѣлая партія, выставившая на своемъ знамени: „54°40 или война!“ Начались переговоры, и границей былъ признанъ 49°. Сѣверная часть страны мало извѣстна. Компанія не любитъ ни миссіонеровъ, ни изслѣдователей. До сихъ поръ не найденъ сѣверо-западный проходъ между Атлантическимъ и Тихимъ океанами. Единственная колонія, въ которой замѣтна нѣкоторая политическая жизнь,—Канада.

Торжество либераловъ и парламентскаго режима въ Канадѣ. — Одновременно съ введеніемъ парламентскаго режима въ Канадѣ (1840) рѣшено было изъ недовѣрія къ французамъ слить обѣ старыя колоніи: Нижнюю Канаду со столицей Квебекомъ, населенную колонистами французскаго происхожденія, и Верхнюю Канаду со столицей Торонто, населенную англичанами; отнынѣ обѣ онѣ являлись лишь провинціями новой колоніи *Канада*, и обѣ посылали въ парламентъ, засѣдавшій въ Монреалѣ, равное число депутатовъ, несмотря на то, что народонаселеніе Верхней Канады было меньше. Въ парламентѣ образовались двѣ партіи: либеральная, въ большинствѣ французская, и консервативная (тори), въ большинствѣ англійская. Въ первомъ парламентѣ большинство было на сторонѣ либераловъ, но въ 1844 году, въ консервативное министерство Пиля, губернатору Меткафу удалось провести въ парламентъ большое число тори, изъ среды которыхъ онъ и набралъ затѣмъ министровъ. Либералы, послѣ многолѣтнихъ усилій, соединивъ наконецъ подъ своимъ знаменемъ большинство депутатовъ, нанесли пораженіе министерству; но губернаторъ отказался дать отставку послѣднему, и возникъ конфликтъ по вопросу о томъ, должно ли канадское

министерство выходить въ отставку, когда противъ него высказывается большинство. Губернаторъ Меткафъ былъ замѣщенъ лордомъ Эльджиномъ, который прибылъ въ 1847 году, какъ разъ въ то время, когда въ Англіи власть перешла къ либераламъ. Лордъ Эльджинъ устроилъ новые выборы, давшіе либераламъ 54 полномочія противъ 20, и затѣмъ составилъ кабинетъ изъ представителей большинства. За Канадой были окончательно утверждены прерогативы парламента (1847—48). Лордъ Эльджинъ проводилъ примирительную политику, благопріятную для франко-канадцевъ, и впервые было разрѣшено пользоваться французскимъ языкомъ въ парламентскихъ преніяхъ. Въ 1849 году лордъ Эльджинъ, открывая сессію, произнесъ тронную рѣчь по-французски. Была дарована амнистія всѣмъ лицамъ, причастнымъ къ возстанію 1837—38 гг. Тори были крайне недовольны этими мѣропріятіями, и ихъ раздраженіе достигло крайней степени, когда парламентъ постановилъ выдать 2.500.000 франковъ въ вознагражденіе обитателямъ Нижней Канады, пострадавшимъ отъ возстанія 1837—38 гг. Тори заявляли, что это является наградой за мятежъ, и оказали сильнѣйшую оппозицію этому предложенію въ монреальскомъ парламентѣ, а когда оно прошло и было утверждено губернаторомъ, англійскіе консерваторы подняли мятежъ въ Монреалѣ; зданіе парламента подверглось нападенію и было сожжено, жилища вождей либеральной партіи разграблялись въ теченіе нѣсколькихъ дней; въ лорда Эльджина, пытавшагося возстановить порядокъ, бросали камни, его жену оскорбили (1849). Губернаторъ рѣшилъ перенести мѣстопребываніе парламента въ Торонто, а на ближайшую сессію — въ Квебекъ. Канадскіе тори обратились къ англійскому парламенту съ петиціей о томъ, чтобы онъ не утверждалъ закона о вознагражденіи; но этотъ законъ, поддерживаемый либеральнымъ кабинетомъ Ресселя, былъ принятъ парламентомъ и санкціонированъ королевой. Этимъ закончился бурный кризисъ, начавшійся въ 1837 году.

Политическія партіи въ Канадѣ.—Слѣдовавшіе затѣмъ годы были заняты спорами о реформахъ, за которыя ратовали либералы. Въ программу, выработанную въ 1847 году ихъ главной организаціей, *Конституціоннымъ союзомъ для проведенія реформъ и прогресса*, входили: отвѣтственность министровъ, избирательная реформа, свобода торговли и свобода навигаціи по рѣкѣ св. Лаврентія, наконецъ, пониженіе продажной цѣны на коронныя земли. Главныя силы либераловъ, или *синихъ*, находились въ Квебекѣ и Нижней Канадѣ, но у нихъ были сторонники и среди депутатовъ Верхней Канады. Отъ ихъ партіи отдѣлилась крайняя лѣвая, либералы-демократы, или *красные*, требовавшіе всеобщаго голосованія и уничтоженія десятинныхъ сборовъ; единственнымъ депутатомъ *красныхъ* былъ сначала одинъ изъ вождей франко-канадскаго движенія 1837 года, Папино; на выборахъ 1854 года онъ не выставилъ своей кандидатуры, уступивъ мѣсто болѣе молодымъ дѣятелямъ.

Старая англійская партія въ Верхней Канадѣ подраздѣляется такъ же, какъ и старая французская партія; крупнѣйшими двумя группами являются консерваторы, къ которымъ примыкаетъ небольшое число французскихъ консерваторовъ, и либералы, находящіеся въ союзѣ съ *синими*; особнякомъ возникаетъ сѣрая партія (*clear grit*), насчитывающая въ 1850 году пять депутатовъ; сѣрые опираются на шотландскихъ пресвитеріанцевъ, руководятся почти тою же программой, что *красные*, и заодно съ ними въ 1854 году требуютъ упраздненія сеньеріальной зависимости, отмѣны десятинъ, доступа въ общественныя школы для всѣхъ вѣроисповѣданій, ежегоднаго созыва парламента, тайнаго голосованія въ парламентѣ

и выборности мировыхъ судей. *Красные* и *сѣрые* высказались въ 1849 и 1850 гг. въ пользу присоединенія къ Соединеннымъ Штатамъ; въ то время обѣ эти партіи вмѣстѣ имѣли всего шесть депутатовъ, а по мѣрѣ того, какъ число ихъ представителей возрастаетъ, онѣ становятся лойялистами. Теперь партіи уже не размежевываются такъ рѣзко по двумъ языкамъ и двумъ провинціямъ. Онѣ группируются слѣдующимъ образомъ: 1) французскіе умѣренные либералы, или *синіе*, и англійскіе либералы, 2) англійскіе непримиримые консерваторы, или тори, 3) французскіе демократы, или *красные*, наконецъ 4) англійскіе демократы, или *сѣрые*; послѣднія двѣ партіи обыкновенно находятся въ союзѣ.

Послѣ реформъ 1854 года число партій падаетъ до двухъ: 1) непримиримые тори Верхней Канады исчезаютъ; синіе, осуществивъ свою программу, соединяются съ англійскими консерваторами, и эти двѣ фракціи образуютъ вмѣстѣ *консервативную партію*; 2) часть синихъ, красные и сѣрые образуютъ *либеральную партію*, главное средоточіе которой находится въ Верхней Канадѣ. Лидеры той и другой партіи—лица англійскаго происхожденія: Макъ Набъ, затѣмъ Макъ Дональдъ у консерваторовъ, Броунъ, потомъ Мекензи у либераловъ. Консерваторы защищаютъ равенство обоихъ представительствъ, стоятъ за протекціонизмъ и относятся враждебно къ Соединеннымъ Штатамъ. Либералы требуютъ представительства, пропорціональнаго количеству жителей (и, слѣдовательно, сулящаго перевѣсъ Верхней Канадѣ), и ратуютъ за свободу торговли. Въ 1861 году одинъ изъ нихъ заявилъ, что онъ высказался бы за присоединеніе къ Соединеннымъ Штатамъ, если бы не были удовлетворены требованія его партіи. Либералы располагали властью лишь два очень короткихъ момента (1858 и 1862—3). Съ 1854 по 1873 г. почти безпрерывно правила консервативная коалиція. Ея вождь, Макъ Дональдъ, былъ главнымъ основателемъ Dominion'а.

Уничтоженіе церковныхъ отрѣзковъ и отмѣна сеньеріальныхъ правъ (1854). Избирательная и парламентская реформа.—Въ парламентѣ, выбранномъ въ 1854 году, большинство оказалось за секуляризацію земель, выдѣленныхъ на содержаніе духовенства, и за уничтоженіе феодальной зависимости,—двѣ реформы, давно стоявшія на очереди.

По конституціонному акту 1791 года седьмая часть коронныхъ земель должна была быть выдѣлена на содержаніе протестантскаго духовенства. Вначалѣ этими отрѣзками по закону могло пользоваться только англійское духовенство. Въ 1837 г. пресвитеріане, которыхъ, благодаря иммиграціи изъ Шотландіи, накопилось въ колоніи много, потребовали своей доли, и англійскій верховный судъ призналъ, что на выдѣленныя земли имѣютъ право всѣ протестантскія исповѣданія. Католики, на которыхъ этотъ дѣлежъ не распространялся, и демократы, какъ свѣтская партія, потребовали секуляризаціи отрѣзковъ. Англійское министерство Дерби (консервативное) въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ задерживало эту мѣру. Наконецъ въ 1854 году церковные отрѣзки были секуляризованы въ пользу муниципалитетовъ, исключая тѣхъ рентъ и назначеній, которыя были распредѣлены до 1848 года и которыя должны были остаться неприкосновенными до смерти пользующихся ими лицъ.

Вопросъ о сеньеріальныхъ правахъ касался только Нижней Канады, гдѣ происхожденіе его восходило ко временамъ французской колонизаціи. Потомки и наслѣдники пришельцевъ, ставшихъ сеньерами въ XVII вѣкѣ, сохранили право собственности на землю и право имѣть монопольныя угодья, какъ печь для хлѣба, мельницу и пр. Крестьяне были ихъ держателями и уплачивали имъ за поль-

зованіе землею ежегодную подать. Вопросъ объ уничтоженіи сеньеріальныхъ правъ стоялъ на очереди съ 1845 года. Англичане въ Верхней Канадѣ требовали полной и безусловной отмѣны ихъ; французскіе сеньеры требовали, по крайней мѣрѣ, вознагражденія. Одинъ изъ нихъ, Папино, крайній демократъ, сдѣлалъ въ парламентѣ такое заявленіе: „Я убѣжденный реформистъ въ отношеніи необходимыхъ политическихъ перемѣнъ, но закоренѣлый консерваторъ въ дѣлѣ сохраненія священнаго права собственности".

Вопросъ былъ рѣшенъ путемъ компромисса. Въ 1854 году парламентъ, вопреки оппозиціи Верхней Канады, ассигновалъ 2.600.000 ф. стер. изъ казенныхъ суммъ и 1.500.000 ф. стер. съ новыхъ налоговъ на выкупъ сеньеріальныхъ монополій, сеньеріальной пошлины въ $^1/_{12}$ съ продажи земли и принадлежавшаго сеньеру права преимущественной покупки земельныхъ участковъ. Выкупъ былъ облегченъ новой ассигновкой, вотированной въ 1859 году. Что касается поземельной подати и рентъ, то плательщикамъ было дано право выкупить ихъ, но многіе не пожелали воспользоваться этимъ правомъ. Послѣ этого произведена была поземельная перепись и установленъ размѣръ земельныхъ податей и рентъ. Сеньеры сохранили право собственности лишь на тѣ свои земли, которыя не находились въ пользованіи у другихъ лицъ.

Въ 1866 году многочисленные и сложные законы Нижней Канады были сведены въ гражданское уложеніе. Мы уже говорили о томъ, что Нижняя Канада сохранила тѣ законы и обычаи, которые господствовали въ ней въ моментъ присоединенія къ Англіи.

Изъ другихъ реформъ важнѣйшей является избирательная и парламентская реформа, обѣщанная либеральной партіей. Въ 1853 году избирательный цензъ былъ пониженъ; демократы тщетно требовали всеобщей подачи голосовъ. Въ томъ же году число депутатовъ было увеличено съ 84 до 130. Обѣ провинціи сохранили равное число представителей, согласно принципу, установленному въ 1840 году. Теперь это равенство оказалось выгоднымъ для Нижней Канады, такъ какъ перепись 1852 года обнаружила, что наиболѣе населенной провинціей сдѣлалась Верхняя Канада. Поэтому нижне-канадцы стали теперь отстаивать равенство представительства, противъ котораго они такъ горячо возставали, тогда какъ верхне-канадцы, особенно демократы, требовали—впрочемъ безуспѣшно—представительства пропорціональнаго числу жителей.

Въ 1856 году было установлено, что члены Законодательнаго совѣта (верхней палаты) впредь должны избираться. Но онъ не былъ обновленъ въ полномъ составѣ; было рѣшено, чтобы его члены сохранили свое званіе до смерти и чтобы ихъ замѣнили 48 новыхъ членовъ, которые должны быть выбираемы чрезъ каждые два года группами по двѣнадцати; этими членами могли быть лишь землевладѣльцы, располагавшіе земельной собственностью стоимостью свыше 2.000 луидоровъ. Въ 1860 году Законодательный совѣтъ получилъ право избирать своего президента.

Экономическій прогрессъ: общественныя работы.—Либеральное правительство установило умѣренный таможенный тарифъ и предприняло обширныя работы въ видахъ улучшенія путей сообщенія. Канада, какъ и всѣ автономныя англійскія колоніи, сама распоряжается своей таможенной системой. Въ 1846—49 гг. ея правительство, слѣдуя примѣру Англіи, узаконило свободу торговли и открыло рѣку св. Лаврентія для англійскихъ судовъ. Въ 1850 году было закончено сооруженіе сѣти большихъ каналовъ въ бассейнѣ св. Лаврентія. Въ 1847—51 гг. всѣ главные города были соединены между собою электрическимъ телеграфомъ. Въ 1850 г.

былъ введенъ единообразный почтовый тарифъ между всѣми англійскими колоніями Сѣверной Америки. Первая желѣзнодорожная линія была проведена въ 1837 г. Въ 1851 г. Канада, Новая Шотландія и Новый Брауншвейгъ гарантировали доходность важнѣйшихъ желѣзнодорожныхъ линій. Канада были соединена желѣзной дорогой съ Великими озерами (это былъ зародышъ будущей трансконтинентальной линіи) и съ Соединенными Штатами (1851), съ которыми ее уже до того соединила система каналовъ. Въ 1853 г. была вотирована субсидія для учрежденія пароходной линіи между Канадою и Англіей. Торговля Канады за десять лѣтъ возросла втрое. Народонаселеніе, въ 1840 г. едва превышавшее милліонъ, возросло къ моменту первой правильной переписи, въ 1851 г., до 1.848.265 человѣкъ, а въ 1861 г.—до 2.506.000. Государственные доходы возросли съ 6.250.000 франковъ въ 1840 г. до 22.500.000 въ 1861, но и долгъ удесятерился благодаря займамъ на общественныя работы (30 милл. фр. въ 1840, 280 въ 1861). Объединенная Канада сама по себѣ гораздо населеннѣе и богаче, нежели всѣ остальныя сѣверо-американскія колоніи въ совокупности.

Отношенія къ Соединеннымъ Штатамъ.— Канада—земледѣльческая страна и, слѣдовательно, должна продавать свои продукты какой-нибудь промышленной странѣ и взамѣнъ покупать у нея тѣ продукты, которыхъ сама не производитъ. Вначалѣ Канада вела торговыя сношенія преимущественно съ Соединенными Штатами. При либеральномъ правительствѣ отношенія между обѣими странами были хороши. Въ 1849 г. онѣ заключили договоръ о взаимной выдачѣ преступниковъ, въ 1854—очень важный договоръ о торговой взаимности на десять лѣтъ. Въ 1851 г. открытіе желѣзной дороги изъ Канады въ Соединенные Штаты было ознаменовано большими торжествами въ Бостонѣ, въ которыхъ участвовали президентъ Соединенныхъ Штатовъ и губернаторъ Канады. Казалось, торговые интересы неразрывно связывали между собою обѣ эти страны. Но спустя нѣсколько лѣтъ Соединенные Штаты начали сильно чувствовать конкурренцію, которую дѣлали канадскіе продукты ихъ собственнымъ, а канадцы начали находить сбытъ своимъ товарамъ въ Европѣ. Различные инциденты Междоусобной войны повлекли за собою рядъ столкновеній между обѣими странами. Въ 1861 году канадское судно было задержано американскимъ военнымъ кораблемъ. Въ 1864 г. двадцать три сторонника Юга ограбили городъ Сентъ-Альбансъ и скрылись въ Канаду. Сѣверные Штаты потребовали ихъ выдачи на основаніи договора 1849 г.; Канада отказала, признавъ ихъ воюющей стороной; тогда американцы возбудили противъ нихъ процессъ передъ канадскимъ судомъ за вооруженный грабежъ. Но судъ оправдалъ ихъ; довольно много сторонниковъ Юга скрывались въ Канадѣ, и канадское общество высказывало сочувствіе дѣлу южанъ. Въ отместку Сѣверъ позволилъ феніямъ открыто готовить набѣгъ на Канаду. Въ числѣ феніевъ (ирландскихъ патріотовъ) насчитывалось немало солдатъ и генераловъ, служившихъ передъ тѣмъ въ американскихъ арміяхъ. Они то составили заговоръ съ цѣлью свергнуть силою англійское владычество. Въ то время, какъ часть ихъ пыталась возмутить Ирландію, остальные сосредоточились на южной границѣ Канады и въ 1866 году совершили набѣгъ на Фортъ-Эріэ (канадскій), увѣнчавшійся успѣхомъ. Они разсчитывали поднять ирландское, а можетъ быть и французское населеніе Кавады; но никто не шевельнулся, и они принуждены были отступить передъ англійскими войсками. Вторая попытка, сдѣланная въ 1870 г., кончилась неудачей; третья, въ 1871, была разстроена вмѣшавши-

мися на этотъ разъ американскими войсками.

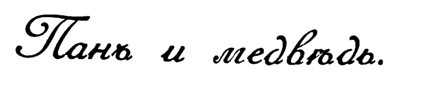
Среди всѣхъ этихъ инцидентовъ американцы заявили о своемъ нежеланіи возобновить торговый договоръ 1854 года; срокъ его истекъ въ 1866 году, послѣ чего обѣ смежныя страны установили другъ противъ друга покровительственные тарифы. Въ отместку за нежеланіе возобновить договоръ канадское правительство затрудняло выдачу разрѣшеній американцамъ на ловлю рыбы въ канадскихъ водахъ, куда имъ открылъ доступъ договоръ 1818 года.

Федерація 1867 года (Квебекъ, Онтаріо, Новая Шотландія, Новый Брауншвейгъ).— Осложненія, возникшія между Канадой и Соединенными Штатами, ускорили образованіе федераціи англійскихъ колоній въ Сѣверной Америкѣ. Проектъ союза возникъ еще въ 1847 г., а канадскому парламенту онъ былъ впервые представленъ въ 1851 г. Въ 1858 г. Канада представила метрополіи планъ федераціи, который однако пришлось оставить, такъ какъ онъ былъ отвергнутъ морскими колоніями. Наоборотъ, въ 1860 году аналогичное предложеніе, сдѣланное Новой Шотландіей и Новымъ Брауншвейгомъ, было отвергнуто Канадой.

При наличныхъ условіяхъ Канада была чрезвычайно заинтересована въ томъ, чтобы возобновить эти переговоры. Для того, чтобы сбывать свои продукты въ Европѣ, она должна была войти въ соглашеніе съ приморскими колоніями по вопросу о транзитѣ и нагрузкѣ, такъ какъ рѣка св. Лаврентія, являющаяся единственной дорогой изъ собственной Канады по направленію къ Европѣ, часть года покрыта льдомъ. Другимъ доводомъ въ пользу федераціи была необходимость принять мѣры противъ возможной попытки Соединенныхъ Штатовъ присоединить къ себѣ Канаду. Между тѣмъ британское правительство въ 1855 году изъявило намѣреніе отозвать тѣ 12.000 англійскихъ солдатъ, которые стояли гарнизонами въ Канадѣ. Поэтому Англіи было очень на руку, чтобы образовалась федерація колоній, которая бы располагала собственной милиціей и сама несла расходы по своей оборонѣ. Такимъ образомъ, проектъ, предложенный Канадою, былъ одобренъ въ Лондонѣ. Переговоры начались въ Сѣверной Америкѣ 1 сентября 1864 г., когда, по почину губернатора Канады, была созвана конференція въ Чарлоттаунѣ, перенесенная затѣмъ въ Квебекъ. Здѣсь были представители отъ Канады, Новой Шотландіи, Новаго Брауншвейга и о-ва Капъ-Бретонъ; каждая колонія располагала однимъ голосомъ, кромѣ Канады, располагавшей двумя. Здѣсь были установлены основные пункты проекта, именно: что союзъ будетъ федеральнымъ и что планъ его долженъ быть въ слѣдующемъ году представленъ колоніальнымъ парламентамъ. Въ Канадѣ противъ союза высказались только демократы, боясь утонуть въ союзномъ парламентѣ; впрочемъ, они не раздѣляли вражды консерваторовъ къ Соединеннымъ Штатамъ. Канадскіе французы поголовно высказались за проектъ, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы былъ расторгнутъ союзъ между обѣими Канадами и чтобы католической и французской провинціи Нижней Канадѣ было обезпечено отдѣльное существованіе; они боялись какъ-разъ того самаго, чего хотѣли демократы, именно сохраненія этого союза подъ условіемъ пропорціональнаго представительства. Рѣшено было возстановить дѣленіе, какое существовало до 1840 года. Бывшая Нижняя Канада получила названіе *провинціи Квебекъ*, Верхняя—*провинціи Онтаріо*; каждая изъ нихъ имѣла отнынѣ свой особый парламентъ и свое министерство; имя *Канада* обозначало теперь всю федерацію. Планъ федераціи былъ принятъ въ канадскомъ парламентѣ большинствомъ 91 голоса противъ 33.

Э. Фреми.

Панъ и медвѣдь.

Что касается приморскихъ областей, то здѣсь дѣло не обошлось безъ трудностей. Палаты о-ва Принца Эдуарда и Новой Шотландіи высказались противъ проекта; общіе выборы, произведенные въ 1865 г. въ Новомъ Брауншвейгѣ и Нью-Фаундлендѣ, обнаружили враждебное отношеніе къ идеѣ федераціи. Но въ концѣ-концовъ консервативному министру Новой Шотландіи, сэру Чарльзу Тёпперу, удалось увлечь либераловъ и провести проектъ наперекоръ народной партіи. Новый Брауншвейгъ также примкнулъ къ федераціи. Новая Шотландія располагала наилучшими гаванями и наибольшимъ количествомъ торговыхъ кораблей, почему канадцы всего больше желали залучить эту колонію. Она насчитывала 370.000 жителей, тогда какъ въ Новомъ Брауншвейгѣ ихъ было едва 200.000.

Въ концѣ 1866 года делегаты всѣхъ четырехъ колоній собрались въ Лондонѣ, чтобы совмѣстно съ англійскими министрами обсудить окончательный проектъ. Актъ конфедераціи былъ одобренъ парламентомъ и утвержденъ королевою въ мартѣ, обнародованъ 22 мая и вступилъ въ силу 1 іюля 1867 г.

По этому акту федерація образуется изъ четырехъ вышеназванныхъ колоній, къ которымъ могутъ примкнуть съ ихъ согласія и другія, называется *Dominion of Canada* и управляется парламентомъ, состоящимъ изъ двухъ палатъ; парламентъ долженъ засѣдать въ недавно основанномъ городѣ Оттава, который королева за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ назначила мѣстопребываніемъ правительства собственной Канады.

Нижняя палата, называемая *House of Commons*, какъ въ Англіи, состоитъ изъ 181 (теперь 213) депутатовъ, избираемыхъ по пропорціональной системѣ, но съ такимъ разсчетомъ, чтобы на провинцію Квебекъ (бывшую Нижнюю Канаду, католическую и французскую) всегда приходилось 65 депутатовъ, какъ до 1867 года. Избирателями являются землевладѣльцы съ доходомъ въ 1.500 франковъ для городовъ и въ 750 для сельскихъ мѣстностей. Выборы производятся тайнымъ голосованіемъ (австралійская система). Депутаты избираются на пять лѣтъ и получаютъ вознагражденіе (послѣднее существовало уже въ 1840 г.).

Верхняя палата, называемая, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, сенатомъ, состоитъ изъ 72 членовъ: по 24 отъ Квебека и Онтаріо, и по 12 (теперь 10) отъ остальныхъ двухъ колоній; они назначаются пожизненно короной изъ числа землевладѣльцевъ въ возрастѣ свыше 30 лѣтъ и располагающихъ земельной собственностью въ представляемой ими провинціи цѣною не ниже 20.000 франковъ.

Министерство (*Канадскій тайный совѣтъ*) состоитъ изъ перваго министра и 14 другихъ министровъ, назначаемыхъ губернаторомъ отъ имени короны. Они всегда избираются изъ среды большинства.

Генералъ-губернаторъ назначается королевою изъ числа высшихъ сановниковъ и получаетъ жалованье изъ канадской казны (250.000 фр. въ годъ). Онъ назначаетъ вице-губернаторовъ и судей, имѣетъ право смягчать судебные приговоры и налагать veto на постановленія парламента, но послѣднее—лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда затронуты интересы Англіи.

Въ составѣ канадской администраціи—только два англичанина: упомянутый сейчасъ генералъ-губернаторъ и начальникъ милиціи, также назначаемый королевою. Милиція состоитъ изъ волонтеровъ-канадцевъ. Итакъ, за исключеніемъ двухъ членовъ, весь оффиціальный персоналъ Dominion'а и каждаго изъ штатовъ состоялъ изъ канадцевъ.

Каждый изъ четырехъ штатовъ сохранилъ свой парламентъ, избираемый по цензитарной системѣ и состоящій изъ

двухъ палатъ, законодательный совѣтъ, назначаемый короною, выборное законодательное собраніе (кромѣ Онтаріо, у котораго только одно выборное собраніе), министерство, формируемое изъ членовъ большинства, и вице-губернатора, располагающаго — конечно, въ меньшихъ размѣрахъ — тою же компетенціей, что и генералъ-губернаторъ.

Каждый штатъ сохранилъ надзоръ надъ прямыми налогами, муниципальнымъ управленіемъ, торговлей спиртными напитками, мѣстными общественными работами, народнымъ образованіемъ, судопроизводствомъ въ первой инстанціи и тюрьмами.

Федеральные парламентъ и министерство вѣдаютъ все, что относится до торговли и таможенъ, навигаціи, рыбной ловли, почты, путей сообщенія, арміи и флота, индѣйцевъ, монетнаго дѣла, банковъ, уголовнаго уложенія, переписей, натурализаціи и эмиграціи, продажи и предоставленія въ пользованіе общественныхъ земель. Федеральное правительство приняло на свой счетъ долги всѣхъ четырехъ колоній. Сверхъ того, оно ежегодно выдаетъ каждому штату субсидію на покрытіе издержекъ по мѣстному управленію. Это фактически — тотъ же режимъ, который существуетъ *теперь* въ Сѣверной Америкѣ и Швейцаріи; но федеральная власть въ Канадѣ съ самаго начала и шире, и лучше опредѣлена, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ и Швейцаріи.

III. — Пять австралійскихъ колоній и Тасманія.

Австралія до 1851 г. — Колонія Викторія. — Важнѣйшей колоніей является здѣсь Новый Южный Уэльсъ. Въ немъ насчитывалось въ 1851 году 360.000 жителей и 15 милліоновъ овецъ. Южная часть Новаго Уэльса, округъ Портъ-Филиппъ, былъ отдѣленъ отъ него въ 1851 году и образовалъ независимую колонію *Викторію*. Этотъ округъ былъ изслѣдованъ въ 1803 году по распоряженію сиднейскаго губернатора. Экспедиція вошла въ бухту Портъ-Филиппъ и обслѣдовала ея берега, но нашла, что они мало снабжены прѣсной водою. Начальникъ экспедиціи заявилъ, что этотъ край годится развѣ только для кенгуру; между тѣмъ здѣсь суждено было возникнуть Мельбурну. Экспедиція 1803 года отправилась затѣмъ на Тасманію, гдѣ и основала первый англійскій поселокъ, а Портъ-Филиппъ еще болѣе двадцати лѣтъ оставался пустыннымъ. Между 1824 и 1831 гг. сюда переселилась горсть колонистовъ, частью съ Тасманіи, частью съ Лебяжьей рѣки, куда они прибыли съ злополучной экспедиціей Пиля. Всѣ они занялись скотоводствомъ или хлѣбопашествомъ, не покупая земли. Но тутъ вмѣшался сиднейскій губернаторъ. Въ 1838 году онъ послалъ полицейскій отрядъ въ Портъ-Филиппъ, приказалъ продавать землю съ торговъ согласно съ закономъ и распорядился о постройкѣ тюрьмы и зданія суда. Такъ былъ основанъ Мельбурнъ. Народонаселеніе края стало быстро увеличиваться: съ 10.000 чел. въ 1840 году оно возросло до 77.000 къ моменту отдѣленія Викторіи въ 1851 году. По количеству жителей Викторія была тогда второй колоніей Австраліи. Съ самаго своего возникновенія она получила законодательный совѣтъ, частью выборный.

Южная Австралія обладала тѣми же представительными учрежденіями съ 1850 года. Колонизаціонная компанія, доставившая въ эту страну первыхъ поселенцевъ, долго еще владѣла здѣсь рентами и землями, но уже не играла никакой активной роли.

Западную Австралію, послѣ неудачнаго опыта 1829 года, колонизовала въ 1838 г. компанія, подобная южно-австралійской, но безъ большого успѣха. Въ 1840 году здѣсь было всего только 2.300 бѣлыхъ. Главный городъ Пертъ, основанный въ

1829 году, представлялъ собою не что иное, какъ группу шалашей. Компанія не желала имѣть дѣло съ каторжными, но колонисты требовали ихъ, и это требованіе было удовлетворено въ 1850 году, когда ссылка была отмѣнена уже почти всюду. Доставка каторжныхъ лежала на обязанности метрополіи.

Изслѣдованіе внутреннихъ степей и пустынь начали выходцы изъ Новаго Южнаго Уэльса, перешедшіе чрезъ Голубыя горы, и колонисты, утвердившіеся въ южной Австраліи. Въ 1836 году было закончено изученіе водной сѣти Мёррея. Съ 1839 по 1840 г. Эйръ, выйдя изъ южной Австраліи, открылъ соленое озеро, носящее его имя, прошелъ съ востока на западъ великую безлѣсную равнину и установилъ, что внутреннія части южной и западной Австраліи представляютъ собою пустыню, лишенную дождей и родниковъ. Съ 1844 по 1845 г. Лейхардтъ впервые прошелъ поперекъ материка отъ побережья Квинслэнда до залива Карпентарія и убѣдился, что этотъ край не такъ безводенъ и пустыненъ, какъ предполагали. Въ 1847 году онъ снова выступилъ въ путь съ восточнаго берега въ сопровожденіи каравана лошадей, нагруженныхъ водою и провіантомъ, собираясь пересѣчь материкъ по самой большой его ширинѣ, но потерялъ всѣхъ лошадей и умеръ отъ жажды въ центральной пустынѣ.

Ванъ-Дименова земля привлекала многочисленныхъ поселенцевъ, такъ какъ она не такъ суха и знойна, какъ Австралія. Въ 1850 году она насчитывала 70.000 обитателей и по количеству народонаселенія слѣдовала непосредственно за Викторіей. Пропорціонально размѣрамъ острова она была населена гуще, чѣмъ какая-либо часть Австралазіи; неудивительно поэтому, что въ ту эпоху Ванъ-Дименовой землѣ пророчили болѣе блестящую будущность, нежели Новому Уэльсу и Викторіи. Туземцы, число которыхъ сократилось до 200 и которые въ 1834 году были выселены на сосѣдніе островки, быстро исчезали; послѣдній мужчина умеръ въ 1862 году, послѣдняя женщина— въ 1876. Колонисты давно уже требовали себѣ представительныхъ учрежденій по образцу существовавшихъ въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ и прекращенія ссылки, сильно тяготившей ихъ, такъ какъ расходы по перевозкѣ каторжныхъ покрывались изъ ихъ бюджета. По первому пункту ихъ удовлетворили въ 1850 г., по второму—въ 1853-мъ. Реформированная колонія приняла новое имя—Тасманіи.

Населенныя части Австраліи были въ то время исключительно земледѣльческими мѣстами: жители занимались преимущественно разведеніемъ тонкорунныхъ овецъ и производствомъ хлѣба (южная Австралія). Въ законодательныхъ собраніяхъ первенствовали крупные овцеводы. Когда открыто было золото, въ Австралію хлынулъ потокъ эмигрантовъ, города вдругъ выросли, мастеровыхъ стало больше, чѣмъ земледѣльцевъ, общество и учрежденія демократизировались. Это— коренной переворотъ, начавшійся послѣ 1851 г. и продолжающійся доселѣ.

Золотой періодъ.—О существованіи въ Австраліи золотыхъ мѣсторожденій знали и до 1851 года. Десять лѣтъ назадъ одинъ протестантскій пасторъ нашелъ золото въ Новомъ Уэльсѣ и сообщилъ о своемъ открытіи правительству, которое попросило его сохранить дѣло въ тайнѣ, боясь, чтобы не возникло волненія и чтобы жители не побросали своей работы. Открытіе 1841 года было подтверждено дальнѣйшими находками, и англійское правительство прислало геолога, чтобы онъ произвелъ развѣдки. Въ 1851 году къ этому геологу явился австралійскій колонистъ, представившій ему нѣсколько самородковъ и вызвавшійся указать мѣсто залежей за вознагражденіе. Этотъ колонистъ только что вернулся изъ Калифор-

 7*

ніи, куда ѣздилъ искать золото; онъ замѣтилъ, что мѣсторожденія золота въ Калифорніи разительно схожи съ извѣстными участками въ Новомъ Уэльсѣ, вернулся въ колонію и дѣйствительно скоро нашелъ золото. Его открытіе подтвердилось, и ему было выдано вознагражденіе; правительство дозволило поиски и начало продавать свидѣтельства на право добыванія золота. Открытый такимъ образомъ золотоносный районъ обнималъ бассейнъ верхняго Маккари, притока Мёррея; его средоточіемъ былъ городъ Батгерстъ. Въ августѣ 1851 года изъ Австраліи было уже вывезено золота на 17 милліоновъ.

Это было еще только начало золотого періода. Въ октябрѣ 1851 года были открыты залежи на горѣ Александръ, въ Викторіи, неподалеку отъ Мельбурна, сдѣлавшіяся вскорѣ главнѣйшимъ притягательнымъ пунктомъ. Ихъ средоточіемъ былъ Балларатъ. Къ декабрю 1851 года они доставили золота уже на $12^1/_2$ мил. франковъ. Золото находятъ здѣсь въ наносной землѣ, наполняющей бывшія русла рѣкъ; чтобы добыть его, искатели выкапываютъ ямы, промываютъ землю и песокъ и просѣиваютъ его; ихъ называютъ *диггерами* (землероями). Для добыванія золота не нужно ни машинъ, ни дорогихъ приборовъ; нужны только счастье и удача. Разсказывали, что одинъ скуотеръ случайно нашелъ самородокъ въ 100.000 фр., крупнѣйшій изъ всѣхъ когда-либо найденныхъ.

Новое народонаселеніе.—Подобные разсказы вызывали золотую лихорадку, не уступавшую по силѣ калифорнійской. Изъ Европы и Америки стекались искатели въ Батгерстъ и Балларатъ. До сихъ поръ Австралія привлекала такъ мало эмигрантовъ, что англійскіе комиссары направляли въ нее бо̀льшую часть субсидируемыхъ поселенцевъ. Въ 1852—54 гг. это отношеніе измѣнилось: на 224.000 вольныхъ эмигрантовъ въ Австралію прибыло только 46.373 субсидируемыхъ. Въ самой странѣ народонаселеніе отхлынуло изъ земледѣльческихъ мѣстностей въ золотоносныя. Въ январѣ 1852 г. нѣсколько колонистовъ съ Тасманіи послѣ восьминедѣльнаго золотоискательства въ Балларатѣ принесли домой каждый отъ 3 до 25 тыс. франковъ; въ слѣдовавшіе затѣмъ шесть мѣсяцевъ болѣе 4.000 мужчинъ, т.-е. почти всѣ молодые работники, переправились съ Тасманіи въ Викторію. Въ южной Австраліи, населенной земледѣльцами, правительство начало прокладывать дороги къ мѣсторожденіямъ золота въ Викторіи, устроило пароходное сообщеніе по Мёррею съ ново-уэльсскими залежами и пыталось удержать обитателей на ихъ поляхъ и въ садахъ, доставляя имъ средства для того, чтобы они могли по высокой цѣнѣ продавать свои продукты диггерамъ. Но южная Австралія опустѣла, подобно Тасманіи, благодаря отливу населенія въ золотоносный районъ.

Вокругъ Батгерста и Балларата диггеры безпрестанно переходятъ съ мѣста на мѣсто, пока найдутъ залежь; здѣсь образуется лагерь изъ бараковъ и шатровъ; въ каждомъ такомъ лагерѣ—множество лавокъ и кабаковъ; на каждомъ шагу возникаютъ споры изъ-за азартныхъ игръ и кражъ, такъ что правительство принуждено держать въ этихъ поселкахъ полицейскіе наряды; но золотая лихорадка заражаетъ и чиновниковъ, и они бросаютъ свою должность, чтобы стать диггерами. На Рождествѣ 1851 года золотоискатели изъ Балларата явились въ Мельбурнъ и издержали здѣсь столько денегъ, что всѣ полицейскіе служители вслѣдъ затѣмъ ушли изъ города искать золота. По требованію губернатора, ему прислали англійскій полкъ солдатъ и военное судно. Губернаторъ Тасманіи доставилъ ему двѣсти каторжниковъ, которые употреблялись раньше въ качествѣ сторожей, а теперь были сдѣланы полицейскими; ихъ вѣрность была почти обезпечена, такъ какъ въ случаѣ дезер-

тирства они рисковали быть пойманными и снова посаженными въ каторжную тюрьму. Въ этотъ періодъ колонія Викторія несла непосильные расходы. Правда, ея доходы возросли на 30% благодаря налогу на добываніе золота; дѣло въ томъ, что правительство колоніи взимало съ диггеровъ по 30 шиллинговъ въ мѣсяцъ за право искать золото на коронныхъ земляхъ и 10% съ тѣхъ, которые разрабатывали золотыя жилы въ горахъ. Но и увеличившихся доходовъ не хватало на покрытіе издержекъ по производству общественныхъ работъ и содержанію полиціи; предметы первой необходимости вздорожали благодаря изобилію золота, и пришлось удвоить жалованье чиновникамъ. Въ 1853 году бюджетъ Викторіи представлялъ дефицитъ въ 10 мил. фр. Понятно, что скуотеры, располагавшіе большинствомъ въ Законодательномъ совѣтѣ, были недовольны наплывомъ золотоискателей и отказались вотировать новые налоги. Губернаторъ испросилъ себѣ у метрополіи, въ видѣ временной мѣры, права свободно распоряжаться доходомъ съ продажи земель и развѣдочныхъ свидѣтельствъ, употреблявшимся до сихъ поръ на покрытіе издержекъ по перевозкѣ иммигрантовъ.

Губернаторъ намѣревался повысить стоимость развѣдочныхъ свидѣтельствъ, чтобы покрывать отсюда издержки по золотоносному району. Но диггеры воспротивились этому, и губернаторъ уступилъ. Пришлось даже отказаться отъ сбора нормальной платы за свидѣтельства—по 30 шиллинговъ въ мѣсяцъ. Въ концѣ 1853 года было много свидѣтельствъ, не оплаченныхъ уже три мѣсяца, и губернаторъ сбавилъ эту недоимку до 40 шилл. за послѣднюю четверть 1853 года; уменьшивъ плату за рудокопныя свидѣтельства, онъ увеличилъ стоимость патентовъ, которые выбирали лавочники и кабатчики. Но диггеры отказались платить за свидѣтельства, хотя бы по пониженной таксѣ; по обычаю англійскихъ рабочихъ, они собрались на конгрессъ и основали лигу. Они обязались взаимной порукою не платить за свидѣтельства больше трети узаконенной цѣны и пригрозили насильственнымъ воздѣйствіемъ всякому, кто заплатитъ больше; ихъ сопротивленіе было подогрѣто извѣстіемъ о томъ, что парламентъ Новаго Уэльса принялъ предложеніе объ отмѣнѣ свидѣтельствъ. Диггеры Викторіи, по числу не уступавшіе жителямъ (70 на 80.000), жаловались, что лишены права вотировать при выборахъ въ парламентъ колоніи. Они заявили, что, согласно съ правами англійскихъ гражданъ, не станутъ платить податей, въ установленіи которыхъ не участвовали ихъ представители. Тщетно губернаторъ предлагалъ имъ ввести одного изъ ихъ делегатовъ въ составъ Законодательнаго совѣта, члены котораго назначались имъ. Диггеры признали эту уступку недостаточной, а наиболѣе смѣлые изъ нихъ рѣшили силою добиться осуществленія своихъ требованій. Они устроили себѣ укрѣпленный лагерь въ Эурекѣ близъ Балларата (1854). Губернаторъ сосредоточилъ противъ нихъ всѣ свои войска и всю полицію колоніи; ему пришлось высадить экипажъ двухъ военныхъ судовъ и потребовать подкрѣпленій у губернатора Тасманіи для защиты Джилонга и Мельбурна, оставшихся безъ гарнизона; сторонники порядка и господства скуотеровъ сформировали изъ добровольцевъ конную полицію. Кризисъ завершился смѣлымъ набѣгомъ, который совершилъ офицеръ, командовавшій въ Балларатѣ. Въ ночь на 3 декабря 1854 г. онъ врасплохъ напалъ на укрѣпленный лагерь въ Эурекѣ, убилъ 30 диггеровъ и взялъ въ плѣнъ 120; онъ самъ потерялъ при этомъ 4 человѣкъ убитыми и 12 ранеными. Плѣнные были судимы судомъ присяжныхъ въ Мельбурнѣ и оправданы (1855). Комиссія, избранная спеціально для того, чтобы изслѣдовать положеніе

золотоноснаго района, предложила взимать, какъ единственный сборъ, 25 франковъ въ годъ за право искать золото въ опредѣленномъ пунктѣ общественныхъ земель, и установить пошлину на вывозимое золото, чтобы возмѣстить убыль въ доходахъ. Эти предложенія были приняты. По предложенію той же комиссіи диггерамъ, которые до тѣхъ поръ приравнивались къ иностранцамъ, было предоставлено право голоса. Такъ кончилось владычество скуотеровъ; новыхъ гражданъ было гораздо больше, чѣмъ старыхъ. Народонаселеніе колоніи Викторіи, насчитывавшее въ 1850 г. 76.000 человѣкъ, возросло къ 1856 году до 397.000 (двѣ трети въ городахъ). Отнынѣ Викторія—самая населенная колонія Австраліи.

Послѣ 1855 года среди обитателей золотоноснаго района больше не возникало волненій; залежи золота стали истощаться, и приходилось разрабатывать дорогими машинами пласты золотоноснаго кварца. На мѣсто жалкихъ диггеровъ явились большія компаніи капиталистовъ съ цѣлыми фалангами инженеровъ и рабочихъ. Золотоискатели, которымъ не повезло, превращаются въ земледѣльцевъ или, чаще, въ городскихъ рабочихъ. Количество добываемаго золота не падаетъ вплоть до 1861 года (ежегодно вывозится въ среднемъ 280 милліоновъ [1]). Затѣмъ оно падаетъ, и снова возрастаетъ уже только въ наше время.

Въ 1858 г. въ Квинслэндѣ и Новой Зеландіи были открыты золотыя копи, менѣе значительныя, нежели найденныя въ Викторіи.

Въ періодъ золотой лихорадки грабительство сильно развилось въ Викторіи и Новомъ Южномъ Уэльсѣ. Толпы бродягъ (*bushrangers*) нападали на проѣзжихъ и грабили поѣзда. Бродяжничество было искоренено конной полиціей. Послѣдняя большая шайка была уничтожена въ Новомъ Уэльсѣ въ 1867 г.

Введеніе парламентскаго режима въ австралійскихъ колоніяхъ.—Реформы 1841—1850 гг. дали четыремъ главнымъ австралійскимъ колоніямъ *Законодательный совѣтъ*, частью выборный. Либералы давно требовали, чтобы весь составъ представительнаго собранія былъ выборнымъ и чтобы исполнительная власть была ввѣрена отвѣтственному министерству.

Отвѣтственное правительство было установлено въ Австраліи благодаря усиліямъ группы либераловъ, во главѣ которой стояли Чарльзъ Уэнтуорсъ, „первый австраліецъ" [1]), шотландецъ Джонъ Денморъ Лангъ, пресвитеріанскій священникъ, историкъ и публицистъ, и адвокатъ, вышедшій изъ народа, Джемсъ Мартинъ. Первые проекты конституціи начали обсуждаться въ 1852 г. Въ 1854 г. законодательные совѣты четырехъ главныхъ колоній поручили особымъ комиссіямъ выработать окончательные проекты; послѣдніе были одобрены британскимъ парламентомъ и королевой и обнародованы въ 1855 г. Первые выборы при новомъ режимѣ состоялись въ 1855—56 г.

Починъ реформы исходилъ отъ старой либеральной партіи, возникшей при самодержавныхъ губернаторахъ (1820—42). Конституціи вступали въ силу тогда, когда новый рабочій и демократическій слой населенія—пришельцы 1851 и слѣдующихъ годовъ—уже располагали правомъ голоса; а среди нихъ были ирландскіе республиканцы и чартисты, которые бѣжали изъ аристократической Англіи и оставались вѣрны своей программѣ радикальныхъ реформъ. Часть ея они осуществили въ новыхъ конституціяхъ, либо въ самомъ началѣ, либо спустя нѣсколько лѣтъ, наперекоръ консерваторамъ и даже

[1]) Общее количество добываемаго въ мірѣ золота, равное въ 1846 г. 150 мил. фр., возросло въ 1852 г. до 750 милл. (1847—Калифорнія, 1851—Австралія).

[1]) См. т. IV, стр. 229.

Уэнтуорсу и его друзьямъ, которые благоразумно откололись отъ „чартистовъ" и „красныхъ соціалистовъ".

Первоначальныя австралійскія конституціи представляютъ собою компромиссъ между демократіей и умѣреннымъ либерализмомъ. Парламенты Викторіи, Новаго Уэльса, Южной Австраліи и Тасманіи состоятъ изъ двухъ палатъ—Законодательнаго собранія (новое имя) и Законодательнаго совѣта (названіе, существующее съ 1847 г.).

1) Члены *Законодательнаго собранія* выбираются либо по цензитарной системѣ, либо всеобщей подачей голосовъ. Въ этомъ отношеніи всѣхъ дальше ушла Южная Австралія, которая въ 1855 г. ввела всеобщее голосованіе для выборовъ въ парламентъ. Если не считать Соединенныхъ Штатовъ, то Южная Австралія была первой англійской страною, введшей у себя всеобщую подачу голосовъ. Та же колонія ввела въ 1856 г. особую форму тайной подачи голосовъ, извѣстную подъ названіемъ *ballot* и состоящую въ слѣдующемъ: администрація издаетъ печатные списки, содержащіе имена всѣхъ кандидатовъ; избиратель при входѣ въ залъ, гдѣ производится голосованіе, получаетъ экземпляръ этого списка и, уйдя за загородку, дѣлаетъ значокъ противъ имени своего кандидата, послѣ чего складываетъ списокъ и вручаетъ его лицу, руководящему голосованіемъ. Всеобщая подача голосовъ и *ballot* входили въ программу англійской радикальной партіи. Постепенно они были приняты и остальными австралійскими колоніями (исключая Тасманіи, не принявшей всеобщей подачи голосовъ). Въ Англіи нѣтъ всеобщей подачи голосовъ, а *ballot* она ввела у себя подъ именемъ *австралійской системы* только въ 1872 г.

По австралійскимъ конституціямъ 1855 г. депутатъ парламента долженъ былъ отвѣчать тѣмъ же условіямъ, какъ и избиратель, исключая Викторіи, гдѣ депутатъ долженъ былъ располагать недвижимой собственностью на 50.000 франковъ или годовымъ доходомъ въ 5.000 франковъ. Это правило, отмѣненное позднѣе, было установлено въ пользу скуотеровъ и въ ущербъ новымъ иммигрантамъ. Депутаты, по англійской системѣ, не получали жалованья. Съ 1861 по 1870 г. парламентъ Викторіи нѣсколько разъ принималъ законопроекты о вознагражденіи депутатовъ, но они неизмѣнно были отвергаемы Законодательнымъ совѣтомъ. Законодательное собраніе выбиралось на три года (Южная Австралія) или на пять лѣтъ; какъ и англійская палата общинъ, оно одно вотировало бюджетъ.

2) Члены *Законодательнаго совѣта*, представляющаго собою верхнюю палату, назначаются въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ пожизненно губернаторомъ; Уэнтуорсъ настаивалъ на учрежденіи въ Новомъ Уэльсѣ наслѣдственной палаты пэровъ, но его предложеніе не было принято. Въ остальныхъ трехъ колоніяхъ члены Законодательнаго совѣта избираются на срокъ цензовыми выборщиками (землевладѣльцами) и замѣняются группами. Цифра дохода, дающая право быть выборщикомъ въ совѣтъ, была въ нѣкоторыхъ колоніяхъ понижена. Въ 1868 г. въ Викторіи она была уменьшена съ 2.500 до 1.250 франковъ, благодаря чему число избирателей утроилась.

Губернаторъ сохранилъ право veto, но уже не отъ своего имени, какъ раньше, а отъ имени короны. Свое министерство онъ набираетъ изъ большинства Законодательнаго собранія. Установленіе отвѣтственности министерства встрѣчало помѣху въ слѣдующемъ: что было дѣлать съ начальниками вѣдомствъ, замѣнявшими до сихъ поръ министровъ? Въ концѣ-концовъ колоніи рѣшили дать имъ вознагражденіе, и они уступили мѣсто министрамъ, взятымъ изъ среды парламента.

Народное образованіе въ Новомъ Уэльсѣ (1866).—Отнынѣ каждая изъ большихъ

австралійскихъ колоній совершенно свободна въ своемъ внутреннемъ управленіи. Въ 1866 г. Новый Южный Уэльсъ опережаетъ Англію и бо́льшую часть европейскихъ государствъ въ дѣлѣ организаціи начальнаго образованія. Въ 1844 г. рядомъ съ конфессіональными (*denominational*) школами были заведены общенародныя школы. Закономъ 1866 г. былъ учрежденъ Учебный совѣтъ, нѣчто въ родѣ министерства народнаго образованія (низшаго); всѣ школы были подчинены контролю государства; конфессіональныя школы могли теперь получать субсидію лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ основывались въ мѣстностяхъ, гдѣ не было національныхъ школъ, и подъ тѣмъ условіемъ, чтобы въ нихъ имѣли доступъ всѣ дѣти безъ различія вѣроисповѣданія. Сиднейскій англиканскій епископъ жаловался, что этотъ законъ „задушитъ религіозную школу". Католическій архіепископъ обвинялъ правительство въ томъ, что оно „подрываетъ въ общественныхъ школахъ принципы религіи и морали".

Колоніи и продажа общественныхъ земель.—Ставъ автономными, колоніи должны были сами заботиться о своей защитѣ, для чего имъ приходилось организовать добровольческіе отряды. Точно также колоніи были заинтересованы въ обильномъ притокѣ эмигрантовъ. Новый Уэльсъ устроилъ въ Лондонѣ переселенческое агентство (1861). Его примѣру послѣдовалъ Квинслэндъ (1864).

Зато британское правительство послѣ учрежденія отвѣтственныхъ министерствъ предоставило общественныя земли въ распоряженіе самихъ колоній. Теперь каждая колонія начинаетъ вырабатывать свое особое аграрное законодательство; но общее направленіе одинаково почти всюду. Новые иммигранты желаютъ покупать землю; поэтому правительства принуждены брать концессіи на громадные участки земли, которые раньше были сданы въ аренду скуотерамъ и гдѣ послѣдніе считали себя упроченными навѣки со времени изданія законовъ 1847 года. Борьба между скуотерами и колонистами началась въ эпоху золотой лихорадки. Диггеръ, найдя хорошую залежь, хотѣлъ купить данный участокъ; между тѣмъ послѣдній часто оказывался принадлежащимъ къ пастбищу, арендованному скуотеромъ, который и предъявлялъ свое преимущественное право на покупку, принадлежавшее ему по закону 1848 г. Позднѣе особенно земледѣльцы жаловались на то, что нигдѣ не могутъ устроиться, такъ какъ всѣ хорошія земли находятся въ арендѣ у скуотеровъ. Въ 1861 г. Новый Уэльсъ впервые выступилъ съ законодательной мѣрой въ защиту мелкихъ собственниковъ, именно узаконилъ въ принципѣ т. наз. свободный выборъ (*free selection*). Всякій имѣетъ право выбрать себѣ участокъ общественной земли размѣромъ отъ 30 до 40 акровъ въ любомъ мѣстѣ; оплачивается эта земля 25 франками за акръ, причемъ четвертая часть должна быть внесена тотчасъ, а остальная сумма — годичными взносами, и въ первые три года—безъ процентовъ. Аналогичные законы были изданы въ Викторіи (1862) и Квинслэндѣ (1868). *Селекторы* уходятъ въ глубь страны, выбираютъ себѣ участокъ, покупаютъ его, выстраиваютъ на немъ хижину, разводятъ садъ, запахиваютъ поле; они огораживаютъ свой участокъ частоколомъ отъ овецъ. Скуотеры прозвали этихъ поселенцевъ (*settlers*) какаду; они избѣгаютъ вступать въ сношенія съ ними, оставляютъ ихъ въ одиночествѣ, засариваютъ воду въ ихъ сосѣдствѣ или мѣшаютъ имъ производить ирригаціонныя работы. Жизнь сетлера необыкновенно уныла. У скуотеровъ есть лошади, и они навѣщаютъ другъ друга въ праздники и досужіе дни, а какаду живетъ одинъ со своей библіей.

Спекулянты нашли способъ обходить законы въ пользу селекторовъ: скуотеры

или капиталисты закупали чрезъ подставныхъ лицъ множество смежныхъ участковъ и такимъ образомъ, вопреки закону, составляли себѣ громадныя имѣнія. Правительства принимали различныя мѣры съ цѣлью помѣшать возникновенію большихъ помѣстій. Такъ, каждаго покупщика обязывали загородить свой участокъ, построить на немъ избу и обработать по меньшей мѣрѣ десятую часть его. Въ Викторіи было постановлено (1869), что участки на первые три года только сдаются внаймы и затѣмъ продаются (или сдаются въ аренду на болѣе долгій срокъ) только въ томъ случаѣ, если селекторъ исполнилъ свои обязательства.

Законъ Торренса.—Сэръ Робертъ Торренсъ, занимавшій высокій административный постъ въ Южной Австраліи, связалъ свое имя съ закономъ, который имѣлъ цѣлью упрочить земельную собственность и вмѣстѣ облегчить ея отчужденіе. По системѣ Торренса, каждой земельной собственности ведется актъ гражданскаго состоянія, какъ лицу. Продавая участокъ земли, государство оставляетъ у себя опись его, занесенную въ протоколъ или реестровую книгу, набросокъ и планъ. Эти данныя повторены въ документѣ (аналогичномъ выпискѣ изъ актовъ гражданскаго состоянія для лица), который вручается собственнику. Ипотечныя записи должны вноситься какъ въ государственный реестръ, такъ и въ купчую собственника, и то же самое касается продажи, обмѣна и наслѣдованія. По закону Торренса, чтобы стать землевладѣльцемъ, недостаточно было купить участокъ земли: многіе скуотеры дѣйствительно или фиктивно покупали землю у туземцевъ или подставныхъ покупщиковъ. Землевладѣльцемъ становится лишь тотъ, кто купилъ землю непосредственно у государства или у лица, получившаго отъ государства концессію. Такая система безъ труда можетъ быть примѣнена въ молодой странѣ, какъ Австралія, гдѣ вся земля была объявлена собственностью короны и гдѣ первыя концессіи были розданы меньше вѣка назадъ. Система Торренса не только создала настоящее право собственности,—она представляла еще и ту выгоду, что позволяла новымъ собственникамъ легче и быстрѣе закладывать или продавать свои имѣнія. Торренсъ хотѣлъ сдѣлать земельную собственность такимъ же удобнымъ предметомъ купли-продажи, какимъ является корабль, и перенесъ на первую ту же процедуру, которая примѣнялась къ судовладѣнію. Законъ Торренса, или законъ о земельной собственности, былъ принятъ Южной Австраліей въ 1858 году, Квинслэндомъ и Тасманіей въ 1861, Новымъ Южнымъ Уэльсомъ и Викторіей въ 1867, Новой Зеландіей въ 1870, Западной Австраліей въ 1874, затѣмъ Британской Колумбіей, штатомъ Айова, примѣненъ на островахъ Фиджи, въ англійскихъ колоніяхъ Малаккскаго пролива и, наконецъ (1885) въ Тунисѣ.

Колонія Квинслэндъ (1859). — Сѣверная территорія (1863).—Изслѣдованіе внутреннихъ частей материка.—Притокъ эмигрантовъ въ Австралію обусловилъ новое дробленіе *колоніи-матери*. Въ 1859 году сѣверная часть Новаго Уэльса, называвшаяся до сихъ поръ округомъ Моретонской бухты, была обращена въ автономную колонію подъ названіемъ Квинслэндъ. Въ новой колоніи съ перваго же дня былъ введенъ парламентскій строй съ отвѣтственнымъ министерствомъ, согласно реформѣ 1855 года. Зародышемъ Квинслэнда была тюрьма для неисправимыхъ каторжниковъ, построенная въ 1824 году въ Моретонской бухтѣ; возникшій здѣсь тюремный поселокъ получилъ названіе Брисбейнъ; онъ-то и разросся затѣмъ въ нынѣшнюю столицу. Ссылка сюда каторжныхъ прекратилась въ 1842 году. Колонисты селились главнымъ образомъ въ окрестностяхъ Брис-

бейна, гдѣ разводили рогатый скотъ на хорошо орошенныхъ холмахъ по верхнему теченію Дарлинга и овецъ въ степяхъ. Въ сѣверной части колоніи, гдѣ климатъ и растительность—тропическіе, возникло нѣсколько сахарныхъ плантацій.

Въ 1863 году территорія, простиравшаяся позади Южной Австраліи до сѣвернаго побережья, была въ административномъ отношеніи подчинена этой колоніи. Центральная часть ея, называющаяся Землей Александры, почти необитаема. Въ приморской части, или Сѣверной территоріи, есть нѣсколько мелкихъ городовъ, расположенныхъ у моря. Изъ нихъ главный—Портъ Дарвинъ, а столицею является Пальмерстонъ. Второе путешествіе чрезъ внутреннюю пустыню совершилъ Беркъ, напавшій на мысль употребить для этого африканскихъ верблюдовъ; третье—Макъ-Кинлей (1861), посланный на поиски Берка, который умеръ въ самомъ началѣ обратнаго пути; четвертое—Стюартъ (1862), изслѣдовавшій ту линію, по которой позднѣе былъ проложенъ телеграфъ поперекъ всего материка отъ Порта Дарвина до Аделаиды (1870—72).

IV.—Новая Зеландія съ 1839 по 1870 г.

Новая Зеландія состоитъ изъ двухъ острововъ, поверхность которыхъ въ сложности равна площади Италіи. На сѣверномъ островѣ много вулкановъ, гейзеровъ и горячихъ источниковъ, южный пересѣкаютъ высокія горы, ново-зеландскія Альпы (съ вершинами выше 3.000 метровъ), покрытыя снѣгомъ и ледниками. Климатъ умѣренный и влажнѣе австралійскаго. Туземцы (*маорисы*), полинезійскаго племени, способнѣе австралійцевъ, живутъ кланами и привычны къ войнѣ, благодаря чему могли долго сопротивляться колонистамъ. Въ моментъ присоединенія Новой Зеландіи ихъ насчитывалось около 80.000; бóльшая часть ихъ жила на сѣверномъ островѣ.

Присоединеніе Новой Зеландіи; губернаторъ и Компанія. — Англія съ 1833 года имѣла резидента безъ точно обозначенныхъ полномочій въ Бухтѣ острововъ, на сѣверной оконечности сѣвернаго острова. Фактически она вступила во владѣніе Новой Зеландіей въ январѣ 1840 года, когда Гобсонъ, присланный изъ Сиднея въ качествѣ вице-губернатора, высадился въ Бухтѣ острововъ. 6 февраля онъ созвалъ въ Вайтанги, близъ Бухты, нѣсколькихъ сосѣднихъ маорисскихъ вождей и заставилъ ихъ принять договоръ, въ силу котораго они уступали королевѣ, во-первыхъ, всѣ свои суверенныя права и полномочія, во-вторыхъ, преимущественное право на покупку ихъ земель въ томъ случаѣ, если они пожелаютъ продавать землю; за ними оставались права собственности, рыбной ловли и охоты. Туземцы должны были впредь пользоваться „всѣми правами и преимуществами британскихъ подданныхъ". „Мы уступили, — сказалъ одинъ изъ нихъ,—тѣнь, сохранивъ самую вещь". Затѣмъ къ этому соглашенію было привлечено еще нѣсколько вождей, и 21 мая 1840 года Гобсонъ провозгласилъ владычество королевы на обоихъ островахъ. Для резиденціи онъ выбралъ тотъ пунктъ сѣвернаго острова, гдѣ послѣдній становится узкимъ перешейкомъ въ нѣсколько километровъ, такъ что здѣсь можно было устроить двѣ гавани—одну на западѣ, другую на востокѣ; здѣсь, на купленной у туземцевъ землѣ, были построены первые дома Ауклэнда. 16 ноября 1840 года Новая Зеландія была провозглашена отдѣльной колоніей и Гобсонъ назначенъ ея губернаторомъ съ двумя бюрократическими совѣтами — исполнительнымъ и законодательнымъ.

Въ предшествующемъ году частная компанія, основанная по почину знаменитаго Уэкфильда, собрала въ Англіи партію

колонистовъ, перевезла ихъ въ Портъ Никольсонъ, на югѣ сѣвернаго острова, и основала городъ Веллингтонъ (1839). Въ это самое время французская компанія набирала въ Бордо эмигрантовъ для Новой Зеландіи. Компаніи Уэкфильда удалось опередить ее, и этотъ-то успѣхъ побудилъ англійское правительство присоединить чрезъ Гобсона Новую Зеландію. Компанія, представлявшая собою сначала простое акціонерное предпріятіе, въ 1841 году получила отъ правительства привилегію на перевозку и устройство эмигрантовъ: правительство обязалось возмѣщать ея расходы по покупкѣ земли въ суммѣ 5 шиллинговъ за акръ. Для другихъ покупщиковъ оффиціальная цѣна казенной земли была опредѣлена актомъ 1842 года въ одинъ фунтъ стерлинговъ за акръ. Когда губернаторъ Гобсонъ сдѣлалъ попытку продавать землю по 5 шиллинговъ за акръ, правительство предложило ему держаться закона и запретило ему дѣлать конкурренцію Компаніи.

Маорисы и ихъ земля.—Самымъ острымъ вопросомъ въ Новой Зеландіи былъ вопросъ о земляхъ маорисовъ. Какъ и во всѣхъ своихъ колоніяхъ, англійское правительство объявило на этомъ островѣ, что всѣ свободныя земли принадлежатъ коронѣ и будутъ продаваться въ ея пользу. Но здѣсь было не то, что въ Австраліи, гдѣ приходилось имѣть дѣло съ малочисленнымъ и слабымъ туземнымъ населеніемъ, которое занималось исключительно рыбной ловлей и охотой и для котораго земля не имѣла никакой цѣнности. Маорисы обрабатывали землю, и бóльшая часть территоріи была подѣлена между колѣнами, изъ которыхъ каждое владѣло своимъ участкомъ коллективно. Съ цѣлью предупредить насильственные захваты со стороны колонистовъ и возстанія, которыя могли бы изъ-за этого возникнуть среди туземцевъ, губернаторъ договоромъ, заключеннымъ въ Вайтанги, установилъ, что коронѣ принадлежитъ преимущественное право покупки маорисскихъ земель, а затѣмъ воспретилъ бѣлымъ покупать землю иначе, какъ чрезъ его посредничество. Компанія и многіе колонисты поступали вопреки этому предписанію; да и точно, проще было за бездѣлушку купить у туземца участокъ земли, принадлежавшій его колѣну или даже чужому, нежели платить по 25 франковъ за акръ чрезъ губернатора. Такія сдѣлки влекли за собою пререканія. Въ 1841 г. Компанія основала первый англійскій поселокъ на южномъ островѣ, Нельсонъ. Капитанъ Уэкфильдъ, начальникъ этого поселенія, велѣлъ вымѣрять земли, прилегающія къ рѣкѣ Вэро, на томъ основаніи, будто купилъ ихъ у туземцевъ. Двое маорисскихъ вождей заявили, что эти земли никогда не были проданы, и такъ какъ европейцы продолжали измѣреніе, то туземцы сожгли хижину землемѣра. Поселенцы Нельсона явились съ оружіемъ; начались переговоры, но колонисты дали залпъ, маорисы бросились на нихъ и убили 19 человѣкъ, въ томъ числѣ капитана Уэкфильда. Губернаторъ разобралъ это дѣло, призналъ виновной Компанію и предложилъ ей впредь соблюдать Вайтангскій договоръ. Въ 1844 году новый губернаторъ разрѣшилъ Компаніи покупать землю прямо у туземцевъ подъ условіемъ уплаты въ казну пошлины въ 10 шиллинговъ за акръ, которую онъ потомъ уменьшилъ до одного пенни. Территорія Компаніи быстро увеличилась: въ 1840 г. Компаніи принадлежало въ Портѣ Никольсонъ 110.000 акровъ, а въ 1844 году она утверждала, что ею роздано колонистамъ 230.000 акровъ и что ей принадлежитъ около милліона акровъ. Снова начались возстанія среди маорисовъ. Въ 1845—46 гг. пришлось выслать отрядъ, чтобы отбить нападенія на Бухту островovъ и на Веллингтонъ. Въ 1846 г. губернаторъ запретилъ покупать землю прямо у маорисовъ подъ страхомъ штрафа. Вступленіе во власть либеральнаго

министерства Ресселя оказалось очень на руку ново-зеландской компаніи. Она получила отъ казны безпроцентную ссуду въ 236.000 фунтовъ (1846—47); она убѣдила правительство купить у маорисовъ всю территорію южнаго острова и предоставить ее ей, Компаніи, на срокъ съ 1847 по 1850 г., съ тѣмъ единственнымъ ограниченіемъ, чтобы земли, не предназначенныя на общественныя нужды, она продавала не ниже оффиціальной цѣны. На южномъ островѣ Компанія продала шотландской свободной церкви округъ Отаго (главн. гор. Денединъ), для устройства пресвитеріанскихъ колоній, и одному англиканскому колонизаціонному обществу—провинцію Кэнтербери, гдѣ главнымъ городомъ сдѣлался Кристчёрчъ (1849). Если для Компаніи Новая Зеландія была источникомъ доходовъ, то казнѣ она стоила очень дорого. Въ оффиціальномъ докладѣ 1849 г. издержки правительства на обоихъ островахъ были исчислены въ 144.000 фунтовъ (эмиграція, уплата вознагражденія колонистамъ, лишившимся своихъ участковъ, плата маорисамъ), а доходъ отъ продажи земли—въ 52.000 фун.; между тѣмъ теоретически доходъ съ продажи земли долженъ былъ покрывать издержки по колонизаціи. Въ 1851 г. Компанія была уничтожена; ея акціонерамъ была гарантирована рента изъ суммъ, получаемыхъ съ продажи государственной земли въ Новой Зеландіи. Продажа земли на обоихъ островахъ была снова поручена губернатору.

Конституція 1852 года. — Упраздненіе Компаніи дало возможность организовать Новую Зеландію по единообразному плану; такъ какъ она состояла изъ провинцій, колонизованныхъ различными способами, то ей рѣшено было предоставить больше мѣстныхъ вольностей, нежели остальнымъ колоніямъ. Еще въ 1846 г. была сдѣлана попытка создать въ ней федерацію муниципалитетовъ и провинцій, но послѣ годичнаго опыта этотъ планъ былъ оставленъ. Въ 1852 г. Новую Зеландію раздѣлили на шесть провинцій, изъ коихъ каждая управлялась Областнымъ совѣтомъ, избраннымъ на основаніи ценза, и суперинтендантомъ подъ надзоромъ губернатора. Въ центрѣ была учреждена палата представителей, выбираемая тѣми же избирателями, какъ и областные совѣты, и Законодательный совѣтъ, члены котораго назначались губернаторомъ. Послѣдній располагалъ правомъ veto. Въ Новой Зеландіи насчитывалось тогда около 60.000 туземцевъ и 27.000 бѣлыхъ колонистовъ, занимавшихся преимущественно овцеводствомъ и хлѣбопашествомъ. Съ 1852 года колонія сама оплачивала всѣ свои расходы, исключая содержанія войска.

Войны съ маорисами.—Британское правительство оставило въ силѣ запрещеніе покупать землю прямо у маорисовъ и подчинило всѣ дѣла, касавшіяся туземцевъ, своему контролю. По его распоряженію земли маорисовъ были обслѣдованы (1856), причемъ не обнаружилось „въ общемъ ничего, что походило бы на опредѣленное личное право собственности, независимое отъ коллективнаго права племени“. Главноуправляющій по дѣламъ туземцевъ старался закупать землю большими участками у племенъ или, вѣрнѣе, у вождей, для распродажи мелкими надѣлами колонистамъ; а послѣдніе предпочли бы покупать землю прямо у туземцевъ, и палата представителей въ Ауклэндѣ тщетно ходатайствовала предъ британскимъ правительствомъ о предоставленіи ей контроля надъ дѣлами, касающимися туземцевъ. Съ другой стороны, маорисовъ безпокоило, что бѣлые все покупаютъ да покупаютъ ихъ земли; въ 1856 году за ними оставались еще только центральная часть сѣвернаго острова и о-въ Стюартъ. Въ концѣ этого года на большомъ собраніи вождей близъ озера Таупо рѣшено было больше не про-

давать земли. Между маорисами и колонистами уже нѣсколько лѣтъ шелъ споръ, превратившійся теперь въ войну. Предметомъ спора былъ одинъ округъ (Нью-Плимутъ, на сѣверномъ островѣ), оставленный населявшимъ его племенемъ, которое около 1830 г. бѣжало изъ страха предъ врагами. Въ 1840 г. Компанія купила округъ у оказавшейся тамъ кучки туземцевъ и, вопреки представленіямъ губернатора, отказалась вознаградить изгнанное племя. Въ 1848 году бѣглецы вернулись въ числѣ 600 и пожелали снова занять свои земли; результатомъ былъ рядъ споровъ и столкновеній, такъ что въ 1858 г. губернаторъ долженъ былъ пригрозить, что всякій, кто будетъ схваченъ съ оружіемъ въ рукахъ на спорной территоріи,—все равно, европеецъ или маорисъ,—будетъ повѣшенъ. Въ 1869 г., казалось, былъ найденъ выходъ: одинъ вождь предложилъ продать участокъ земли, расположенный недалеко къ сѣверу отъ Нью-Плимута; ему дали въ задатокъ 100 фунтовъ и приступили къ промѣру, но тутъ явились 70—80 маорисовъ и обратили землемѣровъ въ бѣгство. Поселенцы Нью-Плимута взялись за оружіе и окопались; губернаторъ спѣшно явился съ полковникомъ, командовавшимъ войсками; передъ Нью-Плимутомъ начало крейсировать судно. Губернаторъ написалъ въ Сидней и въ Лондонъ, прося подкрѣпленія въ 3.000 человѣкъ; генералъ-майоръ, командовавшій въ Австраліи, прибылъ въ Нью-Плимутъ и принялъ начальство надъ войскомъ. Война осталась мѣстною, но продолжалась цѣлый годъ. Воины-маорисы, не знавшіе до сихъ поръ другого оружія, какъ изъ твердаго дерева или камня, обзавелись ружьями; они укрывались въ *пахахъ*, укрѣпленіяхъ, воздвигнутыхъ на скалахъ и окруженныхъ палисадами и рвами. Въ *пахѣ* имѣлись дозорныя башни и площадки среди деревьевъ для стрѣлковъ, вода, магазины съ провіантомъ и печи на случай продолжительной осады. Взявъ приступомъ внѣшній палисадъ, непріятель долженъ былъ затѣмъ еще опрокинуть тѣ частоколы, которые преграждали улицы или окружали дома. Войны съ маорисами были продолжительны и кровопролитны. Первая изъ нихъ окончилась въ 1860 году; за нею послѣдовали долгіе переговоры, которые привелъ къ концу Грей, бывшій губернаторъ, потерявшій мѣсто изъ-за твердости, съ которою онъ защищалъ туземцевъ. Губернаторъ снова занялъ округъ Нью-Плимута, но отказался отъ тѣхъ земель, продажа которыхъ послужила начальной причиной войны: для того, чтобы наблюдать за территоріей маорисовъ, онъ проложилъ дорогу черезъ весь сѣверный островъ. Англичане думали, что войнъ больше не будетъ. Контроль по дѣламъ туземцевъ былъ наконецъ ввѣренъ палатѣ представителей въ Ауклэндѣ.

Въ 1863 году стало извѣстно, что въ бухтѣ Новаго Плимута убито нѣсколько англичанъ (4 мая). Нѣсколько туземныхъ вождей сообща рѣшили возобновить войну. Это была самая продолжительная и самая кровавая изъ войнъ. Она охватила не всю страну, но въ ней приняли участіе многія колѣна. Это была племенная война, не разъ приводившая къ рѣзнѣ съ той и другой стороны; маорисы врасплохъ нападали на поселки и убивали всѣхъ—мужчинъ, женщинъ и дѣтей; они вѣрили въ пророчество, согласно которому въ концѣ 1864 года съ острова должно было исчезнуть все, что не принадлежало къ туземному племени. Англичане выставили почти 20.000 человѣкъ солдатъ и добровольцевъ; въ открытомъ полѣ они разбивали маорисовъ, но потомъ имъ приходилось брать одинъ *пахъ* за другимъ. Военныя дѣйствія тянулись три года, съ 1863 по 1866-ой.

Послѣ войны полки одинъ за другимъ покинули сѣверный островъ; въ 1868 г. оставался еще только одинъ, какъ вдругъ пришло извѣстіе, что въ стычкѣ съ мя-

тежниками погибло 5 офицеровъ и 70 солдатъ колоніальнаго войска и что въ Поверти-Бей на восточномъ побережьѣ убито 40 европейцевъ и 20 дружественныхъ туземцевъ. Это извѣстіе вызвало сильное волненіе, а мѣстами и панику. Но этотъ мятежъ былъ довольно легко подавленъ, и тѣмъ кончились войны съ маорисами.

Число туземцевъ сильно уменьшилось благодаря войнѣ и вызванному ею голоду. Одно племя съ 18.000 человѣкъ сократилось до 2.279. Въ 1867 г. общее число туземцевъ исчислялось въ 38.000. Значительная часть земель въ мятежныхъ округахъ была конфискована по приказанію Аукләндскаго собранія и наперекоръ британскому правительству. Тѣмъ не менѣе туземцы владѣли еще десятью милліонами акровъ въ центрѣ сѣвернаго острова, въ странѣ горячихъ источниковъ и гейзеровъ. Въ 1869 году губернаторъ посѣтилъ территорію маорисовъ и обѣщалъ имъ, что земля будетъ имъ оставлена; на собраніяхъ они обязались болѣе не начинать войнъ; къ нимъ снова прислали миссіонеровъ и устроили школы. Въ 1871 году отъ нихъ были призваны два депутата въ представительное собраніе колоніи.

Въ то время, когда на сѣверномъ островѣ свирѣпствовала война, населеніе южнаго мирно расширяло свои запашки и пастбища. Оно было недовольно тѣмъ, что ему приходилось нести часть военныхъ издержекъ сѣвернаго острова, и поговаривало о томъ, чтобы выдѣлиться въ особую колонію. Чтобы имѣть возможность наблюдать за нимъ вблизи, губернаторъ перенесъ свою резиденцію изъ Аукләнда въ Веллингтонъ (1865).

Благодаря миру, царившему на южномъ островѣ, колонизація достигла здѣсь прямо невѣроятныхъ размѣровъ. Въ 1867 г. число европейскихъ колонистовъ достигло 226.618, количество овецъ—8.418.397, рогатаго скота—312.835.

V. — Южно-африканскія колоніи съ 1847 по 1872 г.

Война Топора. Присоединеніе части Кафраріи.—Кафрскія племена (между Капомъ и Наталемъ) сохранили свою независимость благодаря миссіонерамъ; капскіе колонисты жаловались на ихъ разбойничьи набѣги, и правительство всячески охраняло границу. Въ 1846 г. одинъ кафръ былъ обвиненъ въ кражѣ топора и приведенъ для суда въ англійскій постъ Грәгемстоунъ; но его племя увело его изъ-подъ ареста. Тогда губернаторъ послалъ военный отрядъ, чтобы наказать похитителей; такъ началась „Война Топора", длившаяся семь лѣтъ (1846—1853). Военныя дѣйствія состояли преимущественно въ томъ, что колонисты брали краали, окруженные колючей изгородью и храбро защищаемые туземцами; въ первое время англичане не разъ подвергались внезапнымъ нападеніямъ кафровъ и отступали, бросая часть своего багажа. Въ 1848 г. главное племя покорилось, и казалось, что война кончена. Въ 1851 г. кафры возстали всѣ сразу и напали на пограничные форты. На ихъ окончательное усмиреніе потребовалось два года. По заключеніи мира часть Кафраріи, смежная съ Капской землею (между Фишъ-Риверомъ и Кей-Риверомъ), сдѣлалась англійской колоніей, подъ управленіемъ вице-губернатора, съ резиденціей въ Кингъ-Уильямсъ-Тоунѣ. Остальная часть (Пондоләндъ), между Кей-Риверомъ и Наталемъ, осталась независимой (1853).

Второй Voorttrekken; присоединеніе, затѣмъ очищеніе англичанами Оранжевой республики; Трансвааль. — Еще не кончилась война съ кафрами, какъ губернаторъ Капской колоніи началъ уже другую—съ Оранжевой республикой, основанной бурами, выходцами изъ Наталя.

Наталь сдѣлался самостоятельной колоніей въ 1856 г. Въ эту эпоху его народонаселеніе состояло главнымъ обра-

зомъ изъ кафровъ и другихъ черныхъ, искавшихъ убѣжища подъ сѣнью англійскаго владычества (около 400.000). Главную массу бѣлаго населенія составляли буры-скотоводы, переселившіеся сюда въ 1838 г. Одинъ англичанинъ, Байрнъ, попытался поселить въ Наталѣ британскихъ хлѣбопашцевъ; въ промежутокъ времени съ 1848 по 1850 г. онъ перевезъ сюда около 3.800 человѣкъ, взимая съ нихъ за переѣздъ и участокъ земли въ 20 акровъ десять фунтовъ стерлинговъ. Этотъ опытъ оказался неудачнымъ; Наталь, какъ страна съ тропическимъ климатомъ, привлекала лишь плантаторовъ, воздѣлывавшихъ здѣсь сахарный тростникъ руками батраковъ-туземцевъ или кули, привозимыхъ изъ Индіи. Губернаторы старались привлечь въ колонію какъ можно больше туземцевъ, оказывая имъ защиту противъ бѣлыхъ. Такая политика была не по душѣ бурамъ. Въ 1846 г. они послали одного изъ своей среды, Андрея Преторіуса, съ жалобой къ губернатору Капской колоніи; но губернаторъ отказался выслушать его. Тогда Преторіусъ и его друзья ушли со своими семьями, повозками и быками на сѣверо-западъ. Новый губернаторъ Капской колоніи поспѣшно нагналъ ихъ и обѣщалъ имъ вдоволь земли, если только они вернутся; но буры продолжали свой новый *trekk* и добрались до группы эмигрантовъ 1836—7 гг., которые жили за Оранжевой рѣкой; старые и новые *треккеры* образовали совмѣстно Оранжевую республику со столицей Блумфонтейномъ. Территорію этого государства до прибытія буровъ занимали безобидные туземцы, жившіе небольшими колѣнами и занимавшіеся — одни охотою, какъ готтентоты, прочіе скотоводствомъ; таковы бечуаны и гриква, изъ коихъ послѣдніе съ XVIII вѣка подчинялись вождямъ изъ рода бурскихъ метисовъ Кокъ. Миссіонеры просили капское правительство взять подъ свою защиту туземцевъ, и оно прислало резидента (1845). Въ 1848 г., по прибытіи натальскихъ эмигрантовъ, пріѣхалъ въ республику губернаторъ Капской колоніи и присоединилъ къ англійскимъ владѣніямъ всю область отъ Дракенбергскихъ горъ до р. Вааля, подъ названіемъ *Orange River British Sovereignty* (1848). Онъ обратился къ вождямъ гриква съ прокламаціей, въ которой говорилось: „Храните миръ, слушайтесь миссіонеровъ, — тогда вашъ скотъ будетъ тученъ и вы пойдете на небо“. Онъ заявилъ, что буры обязаны платить поземельную подать и отбывать воинскую повинность. Онъ предложилъ кальвинистскому синоду внушить имъ чувство покорности. Но едва онъ покинулъ край, какъ часть буровъ подъ предводительствомъ Андрея Преторіуса принудила небольшіе англійскіе гарнизоны капитулировать. Губернаторъ вернулся съ солдатами; Преторіусъ, голова котораго была оцѣнена, бѣжалъ на сѣверный Вааль, гдѣ его не стали преслѣдовать (1849). Теперь губернаторъ направилъ свои усилія на базутовъ, занимавшихъ горы между Оранжевой рѣкой и Наталемъ; одинъ изъ ихъ вождей изъявилъ ему покорность. За время съ 1848 по 1850 г. площадь англійскихъ владѣній на югѣ Африки удвоилась, но эти пріобрѣтенія стоили очень дорого. Одинъ депутатъ жаловался въ парламентѣ, что метрополія тратитъ въ Капской колоніи на военныя издержки около 25 милліоновъ ежегодно. Либеральное правительство, стоявшее за миръ и бережливость, рѣшило вернуться въ старыя границы. Оно начало съ того, что дало амнистію Преторіусу и мятежнымъ бурамъ, ушедшимъ за Вааль, и предоставило имъ устроиться къ сѣверу отъ этой рѣки, какъ пожелаютъ (договоръ, заключенный на Сандъ-Риверѣ 7 января 1852 г.). Такъ была признана Трансваальская республика. Затѣмъ правительство эвакуировало Оранжевую республику и признало ея автономію (соглашеніе, заключенное въ Блумфонтейнѣ

23 февраля 1854 г.). При этомъ Англія оговорила независимость гриква (при сліяніи Вааля съ Оранжевой рѣкой) и базутовъ (между Оранжевой рѣкой и Каледономъ).

Губернаторамъ Капской колоніи изъ Англіи было приказано не вмѣшиваться въ дѣла, происходящія за предѣлами подчиненной имъ территоріи. Территоріальное расширеніе было пріостановлено на нѣсколько лѣтъ.

Представительныя учрежденія въ Капской колоніи (1853).—Отвѣтственное правительство (1872).—Между тѣмъ капскіе колонисты продолжали добиваться политической свободы. Они отказались допускать къ себѣ каторжныхъ; но правительство, не обращая никакого вниманія на ихъ рѣшеніе, въ 1849 г. отправило въ Капскую колонію 200 преступниковъ. Тогда колонисты постановили прекратить всякія сношенія съ губернаторомъ и его агентами, пока каторжники не будутъ увезены. По истеченіи шести мѣсяцевъ министръ уступилъ и отослалъ каторжныхъ на Ванъ-Дименову землю. Во время этого столкновенія колонисты возобновили свое, уже многократно повторенное ходатайство о выборномъ парламентѣ, и ихъ просьба была наконецъ исполнена въ 1853 году. Имъ предоставили представительныя учрежденія, но отвѣтственнаго министерства не дали. Отнынѣ колонія располагала Законодательнымъ совѣтомъ и Законодательнымъ собраніемъ, избираемыми по цензитарной системѣ; исполнительная власть по прежнему принадлежала начальникамъ вѣдомствъ, назначаемымъ губернаторомъ. Капскій парламентъ требовалъ министерства, назначаемаго изъ среды его большинства, и добился этого послѣ столкновенія съ губернаторомъ по одному финансовому вопросу. Въ 1867 г. губернаторъ Удгаузъ, сторонникъ политики пріобрѣтеній, предложилъ палатѣ повысить подать, но она отвергла это предложеніе, отвѣтивъ на него проектомъ сокращенія расходовъ. Губернаторъ распустилъ парламентъ и послѣ новыхъ выборовъ, произведенныхъ подъ сильнымъ оффиціальнымъ давленіемъ, попытался провести законопроектъ, который сливалъ обѣ палаты въ одну, всего изъ 36 членовъ, и расширялъ компетенцію чиновниковъ, облеченныхъ исполнительной властью. Въ отвѣтъ новый парламентъ потребовалъ отвѣтственнаго правительства. Англійское министерство, недовольное завоевательной политикой Удгауза, отозвало его и назначило на его мѣсто одного губернатора изъ Австраліи, которому и поручило выработать планъ парламентской конституціи для Капской колоніи (1870). Новая конституція была введена въ дѣйствіе въ 1872 году. Капскій парламентъ, слѣдуя примѣру австралійцевъ, вознаградивъ денежно чиновниковъ, осуществлявшихъ исполнительную власть, заставилъ ихъ тотчасъ выйти въ отставку. Отнынѣ губернаторъ бралъ министерство изъ среды большинства въ парламентѣ.

Включеніе британской Кафраріи въ Капскую колонію. Присоединеніе Базутолэнда и Западнаго Гриквалэнда.—Колонія, называвшаяся британской Кафраріей, была организована сначала по образцу Наталя; туземные вожди сохранили свою власть, но должны были въ своей администраціи подчиняться надзору и руководству европейскихъ резидентовъ, получившихъ право налагать штрафы и конфисковать; зато правительство платило вождямъ пенсію. Упразднены были пытки, жестокія наказанія, казни и истязанія за колдовство; учреждены были школы и миссіи. Но одинъ кафрскій вождь и одинъ кудесникъ, недовольные новыми порядками, возмутили народъ. Они объявили, что всѣ покойные кафрскіе богатыри воскреснутъ, если туземцы принесутъ въ жертву весь свой скотъ и всѣ запасы хлѣба. Результатомъ было умерщвленіе 150.000 быковъ. Когда наступилъ обѣщанный день воскресенія, кафры были разорены, измучены голодомъ

и готовы были на грабежъ, чтобы добыть пищи. Губернаторъ предотвратилъ опасность, вызвавъ 30.000 кафровъ въ Капскую колонію на общественныя работы; а 20.000 умерло съ голоду. Въ Кафраріи осталось не много черныхъ, и губернаторъ поселилъ тамъ бѣлыхъ, организовавъ изъ нихъ военныя поселенія; онъ выписалъ для этого остатки одного иррегулярнаго корпуса, участвовавшаго въ Крымской войнѣ. Всѣ эти мѣропріятія обходились дорого. Англійское правительство хотѣло переложить эти расходы на Капскую колонію и съ этой цѣлью запросило ее, согласна ли она присоединить къ себѣ Кафрарію, а когда колоніальный парламентъ отказался, то губернаторъ Удгаузъ своею властью включилъ Кафрарію въ составъ Капской колоніи (1865).

Изъ-за оставшихся независимыми туземныхъ владѣній между Капомъ и Оранжевой рѣкой возникали безпрестанныя осложненія, которымъ тотъ же губернаторъ положилъ конецъ, присоединивъ и эти земли. Оранжевая республика была въ это время наиболѣе значительнымъ изъ двухъ бурскихъ государствъ. Правда, Трансвааль уже въ 1864—65 г. расширился на сѣверъ до своей нынѣшней границы, рѣки Лимпопо; но онъ почти не былъ населенъ. Напротивъ того, въ Оранжевой республикѣ поселилось много эмигрантовъ; около 1865 г. въ ней насчитывалось 35.000 обитателей, занятыхъ почти поголовно скотоводствомъ. Они старались расширить площадь своихъ пастбищъ въ ущербъ базутамъ. Базутолэндъ, „южноафриканская Швейцарія",—страна долинъ и горъ вышиною въ 3.000 и болѣе метровъ, хорошо орошенная и очень удобная для скотоводства. Базуты, какъ и кафры, занимаются разведеніемъ быковъ. Ихъ было около 175.000, и почти всѣ они подчинялись царю Мошегу. Первая война между ними и бурами Оранжевой республики вспыхнула въ 1858 г. Буры жаловались, что у нихъ крадутъ быковъ, черные—что буры захватываютъ ихъ земли. Англійскіе миссіонеры, которыхъ въ Базутолэндѣ было множество, стали на защиту туземцевъ. Губернаторъ Капской колоніи вмѣшался и оградилъ неприкосновенность базутской территоріи. Въ 1866 г. война возобновилась. Несмотря на призывъ царя Мошега, англичане на этотъ разъ не вмѣшались. Мошегъ, потерпѣвъ пораженіе, явился въ лагерь буровъ у Таба-Босиго и обѣщалъ уступить имъ часть своей земли и подарить 3.000 головъ скота въ возмѣщеніе военныхъ издержекъ. Буры отпраздновали заключеніе этого договора торжественной молитвой, которую въ присутствіи всего лагеря произнесъ, стоя на телѣгѣ, президентъ Но миръ оказался непродолжительнымъ: изъ-за уступленныхъ земель возникли осложненія; буры убили нѣсколькихъ базутовъ и собирались возобновить войну, когда губернаторъ Удгаузъ собственной властью объявилъ Базутолэндъ присоединеннымъ къ англійскимъ владѣніямъ (1868). Оранжевая республика послала въ Лондонъ двухъ делегатовъ съ протестомъ противъ этого захвата; министръ отнесся къ нимъ весьма сочувственно, но такъ какъ Удгаузъ придалъ дѣлу личный характеръ, то министръ, чтобы не оскорбить его, отказалъ Оранжевой республикѣ. Не менѣе послѣдней была недовольна и Капская колонія; ея парламентъ жаловался, что губернаторъ пользуется конной полиціей, содержимой на счетъ колоніальнаго бюджета, для захвата Базутолэнда и наблюденія за базутами. Съ другой стороны, англійское министерство соглашалось ратифицировать присоединеніе лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы не истратить ни пенса. Въ концѣ-концовъ рѣшено было включить Базутолэндъ въ составъ Капской колоніи (1871). Эта страна, подобно Кафраріи и Наталю, была населена исключительно туземцами, жившими подъ властью своихъ вождей; европейцевъ здѣсь не было, кромѣ миссіоне-

ровъ и нѣсколькихъ чиновниковъ, несшихъ обязанности по контролю. Присоединеніе Базутолэнда въ первый разъ сомкнуло территоріи Наталя и Капской колоніи и тѣмъ остановило успѣхи Оранжевой республики на востокѣ. Такимъ же образомъ она была блокирована и съ запада. Здѣсь находилась земля племени гриква, независимость которой была признана въ 1854 году; какъ буры, такъ и англичане не придавали ей никакой цѣны. Но ихъ взглядъ измѣнился, когда въ странѣ гриква были открыты алмазныя копи. Первые алмазы были найдены въ 1867 г. Спустя два года готтентотъ продалъ одному искателю знаменитую „Южную звѣзду", стоящую 625.000 франковъ. Скоро искатели наводнили этотъ край; въ 1870 г. ихъ насчитывалось уже болѣе 10.000; они ютились въ шалашахъ, палаткахъ, баракахъ изъ листового желѣза. Въ это время былъ основанъ Кимберлей, столица алмазоноснаго района. Кому принадлежалъ послѣдній? Оранжевая республика признала его своей собственностью и прислала сюда своихъ чиновниковъ. Губернаторъ Капской колоніи объявилъ этотъ округъ принадлежащимъ племени гриква и убѣдилъ вождя гриква, Ватербура, просить о присоединеніи своей страны къ англійскимъ владѣніямъ. Этотъ край, вмѣстѣ съ Кимберлейскимъ округомъ, сдѣлался провинціей Западный Гриквалэндъ (1871). Оранжевая республика заявила протестъ, но въ концѣ-концовъ удовольствовалась денежнымъ вознагражденіемъ.

Такъ начала всходить звѣзда Капской колоніи. До сихъ поръ ее считали колоніей безъ будущаго; думали даже, что прорытіе Суэцкаго канала совсѣмъ погубитъ ее.

VI.—Индостанъ до и послѣ возстанія сипаевъ.

Лордъ Далгузи. Присоединеніе Пенджаба, центральныхъ областей и Ауда.—Періодъ времени отъ 1848 года до мятежа 1857 г. наполненъ управленіемъ „великаго проконсула", лорда Далгузи. Лордъ Далгузи присоединилъ нѣсколько крупныхъ областей, подобно Уэльслею, и провелъ рядъ важныхъ реформъ, подобно Бэнтинку.

Вторая и послѣдняя война съ сикками вспыхнула полгода спустя по пріѣздѣ лорда Далгузи. Совѣтъ регентства у сикковъ распался на партію царицы-матери и партію молодого государя; изъ-за этого возникла смута, во время которой въ Мультанѣ было убито двое англійскихъ офицеровъ. Всѣ союзные сикки возстали; ихъ войско, насчитывавшее болѣе 50.000 человѣкъ, было обучено европейскими авантюристами и снабжено пушками. При первой встрѣчѣ англійскій генералъ вздумалъ тотчасъ же атаковать сикковъ, хотя приближался вечеръ и размѣры непріятельскихъ силъ не были ему въ точности извѣстны; онъ потерялъ 2.400 человѣкъ, 4 орудія и 3 знамени (Шиліанвала, 13 января 1849). Зато другой англійскій отрядъ взялъ городъ Мультанъ. 27 февраля всѣ англійскія силы, соединившись, разбили сикковъ при Гуджератѣ, послѣ чего преслѣдовали вплоть до горъ явившуюся къ нимъ на помощь афганскую конницу Достъ-Мохаммеда. 29 марта лордъ Далгузи провозгласилъ присоединеніе Пенджаба, наперекоръ генералу сэру Генри Лауренсу, который высказывался за возстановленіе протектората. Магараджа былъ высланъ въ Англію съ пенсіей въ 58.000 фунтовъ; населеніе было обезоружено, причемъ выдало 120.000 штукъ всевозможнаго оружія.

Результатомъ новой войны съ Бирманіей было присоединеніе въ 1852 году Пегу, благодаря чему обѣ провинціи, занятыя въ 1826 году, слились и независимая Бирманія была отрѣзана отъ моря.

Кромѣ завоеванныхъ земель, лордъ Далгузи присоединилъ къ англійскимъ владѣніямъ нѣсколько вассальныхъ государствъ, государи которыхъ умерли, не оставивъ прямыхъ наслѣдниковъ. Бездѣт-

ные индусскіе князья обыкновенно усыновляли наслѣдника, къ которому и переходили ихъ владѣнія, а если они были вассалами, то и субсидіи, уплачиваемыя имъ Англіей. Въ первый разъ, несмотря на оппозицію части своего совѣта, лордъ Далгузи отказался утвердить подобныя усыновленія. Такимъ образомъ онъ призналъ прямо подвластными Компаніи владѣнія послѣдняго потомка Сиваджи, раджи Сатарскаго (1849), послѣдняго Бонслы Нагпурскаго (1853) и князя Джанси, не оставившаго другихъ наслѣдниковъ, кромѣ пріемныхъ сыновей. Слѣдуя тому же принципу, намѣстникъ отказался платить пріемнымъ дѣтямъ пенсіи, которыя получали набабъ Карнатика, раджа Танджаорскій и пешва (1853). Княжество Нагпурское составило ядро Центральныхъ провинцій; Далгузи присоединилъ къ нему Бераръ, взятый у Низама въ видѣ гарантіи за неуплаченный долгъ (1853). Но наиболѣе важно было присоединеніе Ауда (гл. г. Лакнау), богатой земледѣльческой страны. Аудская династія пользовалась покровительствомъ англичанъ съ 1765 года. Ходили слухи, что она разоряетъ своихъ подданныхъ налогами. Бентинкъ, намѣстникъ-реформаторъ, нѣсколько разъ дѣлалъ по этому поводу представленія Лакнаускому шаху. Далгузи, испросивъ у директоровъ согласія на присоединеніе этого края, приказалъ военному агенту въ Лакнау присоединить Аудъ на томъ основаніи, что „британское правительство было бы виновно передъ Богомъ и людьми, если бы еще мѣшкало вырвать власть изъ рукъ правителей, отвѣтственныхъ за такія страданія“ (1856). Напрасно шахъ послалъ миссію въ Англію, прося, чтобы ему оставили его владѣнія; наконецъ онъ рѣшилъ поселиться вблизи Калькутты съ пенсіей въ 120.000 фунтовъ, и Аудъ безъ сопротивленія перешелъ подъ владычество англичанъ.

Лордъ Далгузи съ полнымъ основаніемъ утверждалъ, что англійскій режимъ стоитъ выше туземныхъ правительствъ. Подати были уменьшены въ присоединенныхъ областяхъ и распредѣлены лучше прежняго. Въ Калькуттѣ было учреждено министерство общественныхъ работъ. Большой Гангскій каналъ—самое крупное ирригаціонное сооруженіе Индіи—былъ конченъ въ 1854 году, начата прокладка желѣзныхъ дорогъ, проведенъ телеграфъ, пониженъ почтовый тарифъ и вскорѣ установлены правильные пароходные рейсы между Англіей и Индіей. Но всѣ эти улучшенія не коснулись туземцевъ; среди населенія присоединенныхъ областей царило недовольство, сипаи волновались.

Возстаніе сипаевъ.—Индійская армія состояла изъ двухъ элементовъ: коронныхъ войскъ, принадлежавшихъ къ регулярной арміи, и войскъ Компаніи, сформированныхъ изъ туземцевъ-сипаевъ подъ командою офицеровъ-англичанъ, назначенныхъ директорами. Карьера офицеровъ Компаніи была непохожа на карьеру офицеровъ регулярной арміи; первые назначались по протекціи (кавалерійскіе офицеры назначались изъ числа пользовавшихся покровительствомъ молодыхъ людей, которые провалились на экзаменѣ, открывавшемъ доступъ въ индійскую гражданскую службу); они не могли подвигаться дальше полковничьяго чина, но зато только имъ могли быть поручаемы нѣкоторыя крайне доходныя гражданскія функціи. Не менѣе офицерскаго персонала разнились между собою обѣ арміи. Туземные полки набирались изъ всѣхъ классовъ, всѣхъ племенъ и всѣхъ вѣроисповѣданій Индіи. Сипай, пѣшій или конный, во время маневровъ и на войнѣ одѣтъ и вооруженъ по-европейски; во время, не занятое службой, онъ живетъ дома со своей женой и дѣтьми и одѣтъ, какъ прочіе туземцы; онъ получаетъ жалованья около 8 рупій въ мѣсяцъ. Сипаи находятъ это ремесло выгоднымъ и даже откладываютъ часть жалованья; до-

ступъ къ высшимъ чинамъ имъ закрытъ; они становятся, самое большее, *субадарами:* такъ называютъ туземцевъ-офицеровъ, исполняющихъ приблизительно тѣ же функціи, какъ у насъ адъютанты. Они наблюдаютъ за поведеніемъ войскъ и ежедневно являются съ рапортомъ; при входѣ субадара подпоручики-европейцы продолжаютъ сидѣть, тогда какъ самъ субадаръ долженъ снять туфли и стать во фронтъ. Таковъ самый высокій чинъ, доступный туземцу. Англичане и до сихъ поръ считаютъ сипая отличнымъ солдатомъ и плохимъ офицеромъ.

Сипаи были, повидимому, довольны своей участью; за все время съ начала завоеванія среди нихъ не произошло ни одного возстанія, если не считать незначительныхъ мѣстныхъ вспышекъ; это спокойствіе внушило англичанамъ чрезмѣрную безпечность. Послѣ присоединеній лорда Далгузи большое число высшихъ офицеровъ было откомандировано въ качествѣ резидентовъ, и начальство не позаботилось, назначить на ихъ мѣсто другихъ; въ то же время и Компанія изъ бережливости уменьшила число бѣлыхъ въ своемъ войскѣ. Въ 1856 году въ индійской арміи было 40.000 европейцевъ на 215.000 туземцевъ. Между тѣмъ англичане знали, что въ арміи идетъ броженіе; дѣло въ томъ, что присоединенія Далгузи и религіозная пропаганда миссіонеровъ, равно какъ многихъ чиновниковъ и военныхъ, породили представленіе, что англичане хотятъ насильно обратить индусовъ. Дѣла Афганистана и Крымская война показали индусамъ, что Англія имѣетъ грознаго врага въ Россіи. Князья, которыхъ Далгузи лишилъ владѣній или пенсіи, подстрекали недовольныхъ. Изъ устъ въ уста переходило пророчество, въ силу котораго англійское владычество должно было кончиться спустя сто лѣтъ. Англичане не придавали большой важности этому броженію; ихъ безпечность разсѣялась только тогда, когда возстаніе вспыхнуло; поэтому и до сихъ поръ остаются недознанными реальныя пружины возстанія. Поводомъ къ нему была раздача патроновъ, смазанныхъ коровьимъ саломъ; этимъ грубо нарушались вѣрованія индусовъ-брамановъ, потому что ихъ религія предписываетъ изгонять изъ касты всякаго, чьи губы коснулись вещества, взятаго отъ животнаго, и это предписаніе особенно строго соблюдается какъ разъ въ отношеніи коровъ. Англичане, презирая вѣру и обычаи туземцевъ, не хотѣли бросить заготовленныхъ патроновъ. Они пробовали научить сипаевъ отрывать ихъ пальцами, а не откусывать зубами. Но индусы не хотѣли употреблять ихъ и въ такомъ видѣ. Полки сипаевъ начали сноситься между собою, и солдаты-мусульмане, относившіеся къ животному жиру вполнѣ равнодушно, приняли участіе въ этихъ волненіяхъ, потому что надѣялись возстановить въ Дели мусульманскую державу. Возстаніе тлѣло первые мѣсяцы 1857 года; англійскіе офицеры не догадывались о грозящей имъ опасности и почти не освѣдомляли новаго намѣстника, лорда Каннинга, о симптомахъ мятежа. Въ апрѣлѣ и маѣ рѣшено было распустить два полка, отвергшихъ новые патроны; эта мѣра была разсчитана на то, чтобы запугать сипаевъ угрозою лишить ихъ промысла, которымъ они дорожили; но она оказалась недостаточной, и пришлось прибѣгнуть къ репрессіямъ. 9 мая военный совѣтъ въ Миратѣ, наиболѣе крупной крѣпости сѣверо-западныхъ провинцій, приговорилъ къ пятилѣтнимъ смирительнымъ работамъ 85 кавалеристовъ, отказавшихся принять новые патроны, и осужденные были закованы въ присутствіи всѣхъ сипаевъ, оцѣпленныхъ европейскимъ войскомъ съ заряженными ружьями и зажженными фитилями. На слѣдующій день туземная конница взбунтовалась, освободила арестованныхъ и бросилась къ Дели. Комендантъ Мирата, пораженный неожиданностью, не рѣшился

преслѣдовать ихъ и ограничился тѣмъ, что телеграфировалъ въ Дели. Этотъ городъ былъ не въ силахъ сопротивляться. Лейтенантъ, защищавшій съ восемью человѣками арсеналъ и магазины, взорвалъ ихъ, чтобы они не достались мятежникамъ. Мусульмане возмутились, убили около полусотни европейцевъ и провозгласили султаномъ потомка Великаго Могола, который жилъ въ уединеніи на пенсію, получаемую отъ англичанъ. Такимъ образомъ возстаніе пріобрѣло историческій центръ, и видимой задачей его сдѣлалось возстановленіе мусульманской державы. Другими важными его очагами были Каунпуръ и Лакнау. Въ Каунпурѣ одинъ индусъ изъ высшей касты, Данду Пантъ, болѣе извѣстный подъ прозваніемъ Нана Сагибъ, пріемный сынъ умершаго въ 1853 г. пешвы, лишенный лордомъ Далгузи пенсіи, которую получалъ этотъ низвергнутый князь, явился среди мятежныхъ сипаевъ, заставилъ ихъ провозгласить себя пешвою и принялъ начальство надъ ними. Европейцы, жившіе въ Каунпурѣ, укрѣпились за наскоро сооруженными окопами; ихъ было болѣе 300 солдатъ и гражданскихъ чиновниковъ со множествомъ женщинъ и дѣтей. По прошествіи 19 дней, оставшись безъ воды, они предложили капитулировать. Нана-Сагибъ обѣщалъ имъ свободный пропускъ въ Аллагабадъ; но едва они сѣли въ лодки на Гангѣ, какъ сипаи съ обоихъ береговъ открыли стрѣльбу по нимъ. Они были всѣ утоплены или убиты, исключая 425 женщинъ и дѣтей, которыхъ Нана-Сагибъ удержалъ въ качествѣ заложниковъ.

Въ одномъ только Лакнау англичане не были захвачены возстаніемъ врасплохъ. Благодаря стараніямъ генерала Г. Лауренса, главнаго комиссара въ Аудѣ, его резиденція была упрѣплена и снабжена провіантомъ. Европейцы успѣли бѣжать сюда и стойко выдержали осаду до прибытія подкрѣпленій (2 іюля—25 сентября). Лауренсъ былъ убитъ еще 4 іюля.

Въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ Аудѣ и Бенгаліи туземные полки, браманскіе и мусульманскіе, возставъ, освобождали арестованныхъ, убивали бѣлыхъ, грабили казначейства и уходили въ ближайшіе центры возстанія.

Изъ всей бенгальской арміи вѣрнымъ остался только одинъ полкъ. Въ Бомбеѣ и Мадрасѣ туземныя войска держались спокойно; позднѣе оказалось возможнымъ даже двинуть ихъ противъ мятежниковъ. Такимъ образомъ, возстаніе локализировалось на Гангской равнинѣ; оно до конца сохранило чисто-военный характеръ, исключая Ауда, обитателей котораго подняла на мятежъ одна принцесса изъ династіи, низложенной лордомъ Далгузи. Маратткія княжества остались спокойными. Большое мусульманское княжество Гайдерабадское сохранило нейтралитетъ благодаря одному министру, подкупленному англичанами. Въ центральной Индіи къ возстанію примкнуло лишь нѣсколько князей, такъ что Деканъ былъ предохраненъ; но въ только что присоединенномъ Пенджабѣ можно было опасаться возстанія и со стороны сикковъ, и со стороны сипаевъ, составлявшихъ главную часть гарнизоновъ. Резидентъ собралъ всѣхъ сипаевъ, окружилъ ихъ вооруженными европейскими солдатами, обезоружилъ ихъ и распустилъ по домамъ. Что же касается сикковъ, то онъ сумѣлъ использовать ихъ ненависть къ мусульманамъ, такъ что они не только не возстали сами, но выставили контингентъ въ армію, занятую подавленіемъ мятежа.

Возстаніе захватило индійское правительство врасплохъ, и власть хотѣла энергіей и смѣлостью поправить свою ошибку. Хотя стояло самое жаркое и нездоровое время года, правительство, не дожидаясь даже подкрѣпленій, испрошенныхъ у метрополіи, организовало изъ европейскихъ солдатъ и горсти сикковъ смѣлую экспедицію противъ Дели и другую—противъ Каунпура и Лакнау. 8 іюня 8.000

англійскихъ солдатъ явились передъ Дели, гдѣ они заперли болѣе 30.000 мятежниковъ; 14 августа прибыли подкрѣпленія изъ Пенджаба. 14 сентября былъ предпринятъ штурмъ, длившійся восемь дней; приходилось одну за другою брать забаррикадированныя улицы; здѣсь палъ командиръ пенджабской арміи, и половина наличнаго состава англійскаго войска была выведена изъ строя. По взятіи города одинъ офицеръ добровольческаго отряда въ сопровожденіи нѣсколькихъ всадниковъ отправился арестовать потомка Великаго Могола въ его резиденціи; на слѣдующій день онъ снова явился за сыновьями султана и, будучи окруженъ враждебной толпой, желавшей освободить ихъ, застрѣлилъ ихъ изъ пистолета. Населеніе Дели было на время изгнано; индусамъ вскорѣ позволено было вернуться, а по отношенію къ мусульманамъ англичане обнаружили большее злопамятство. Городъ и его округъ цѣлый годъ оставались на осадномъ положеніи. Здѣсь было совершено множество казней, частью безчеловѣчныхъ; мятежниковъ привязывали къ дулу заряженныхъ пушекъ, изъ которыхъ затѣмъ выстрѣливали.

Экспедиція противъ Каунпура и Лакнау оказалась болѣе трудной и вначалѣ не увѣнчалась успѣхомъ. 7 іюля Гавелокъ выступилъ изъ Аллагабада съ отрядомъ европейцевъ приблизительно въ 1.000 человѣкъ и, несмотря на палящій зной, за девять дней прошелъ 200 километровъ, отразивъ при этомъ непріятеля четыре раза. 17-го войско заняло Каунпуръ, который только что покинулъ Нана-Сагибъ, предварительно умертвивъ всѣхъ женщинъ и дѣтей, которыя оставались въ его рукахъ. Гавелокъ перешелъ Гангъ и безъ замедленія двинулся на Лакнау; но въ его войскѣ обнаружились дизентерія и холера; онъ не сумѣлъ пробить себѣ дорогу чрезъ полчища мятежниковъ, далеко превосходившихъ его численностью и располагавшихъ множествомъ орудій, и принужденъ былъ вернуться въ Каунпуръ. Здѣсь присоединился къ нему небольшой отрядъ подъ начальствомъ сэра Джемса Утрама. Утраму и Гавелоку удалось съ 2.000 человѣкъ проникнуть до резиденціи Лакнау, гдѣ горсть англичанъ защищалась уже три мѣсяца (26 сентября). Этотъ небольшой вспомогательный отрядъ былъ въ свою очередь блокированъ массою мятежниковъ; наконецъ генералъ Колинъ Кэмпбель, присланный изъ Англіи для руководства операціями, выручилъ осажденныхъ (16 ноября) и удалился съ ними, оставивъ Лакнау пока въ рукахъ мятежниковъ; онъ привелъ въ Каунпуръ 400 женщинъ и дѣтей и болѣе 1.000 раненыхъ и больныхъ.

Весною 1858 года сэръ Колинъ Кэмпбель при поддержкѣ непальскихъ гурхасовъ одинъ за другимъ взялъ назадъ города Ауда; 19 марта былъ окончательно занятъ Лакнау. Нана-Сагибъ исчезъ въ Непалѣ. Въ январѣ 1859 года сопротивленіе было окончательно сломлено. Въ то же время войско, посланное изъ Бомбея, покорило мятежныя княжества центральной Индіи (1858—59).

1 ноября 1858 года лордъ Каннингъ обѣщалъ амнистію всѣмъ мятежникамъ, не замѣшаннымъ въ убійствѣ англійскихъ подданныхъ. 8 іюля 1859 года былъ провозглашенъ миръ на всемъ протяженіи Индійскаго полуострова. Затѣмъ лордъ Каннингъ сдѣлалъ оффиціальные визиты вассальнымъ князьямъ, принимая отъ нихъ изъявленіе покорности и возвѣщая имъ, что отнынѣ имъ снова даровано право назначать себѣ въ наслѣдники пріемныхъ сыновей.

Переходъ Индіи въ непосредственное вѣдѣніе англійскаго правительства.—Послѣдствіемъ мятежа было упраздненіе Компаніи. Эта мѣра не явилась неожиданностью: Компаніи давно уже ставили въ упрекъ, что она эксплуатируетъ Индію. Съ 1813 г. парламентъ, возобновляя ея привилегію, каждый разъ лишалъ ее какихъ-нибудь

льготъ. Послѣдній разъ, въ 1853 году, ея привилегія была возобновлена не на двадцать лѣтъ, какъ обыкновенно, а на неопредѣленный срокъ, предѣлъ котораго могъ быть установленъ парламентомъ. Компанія была уничтожена въ 1858 году и *Указъ объ улучшеніи индійскаго управленія* организовалъ прямую коронную администрацію края. Совѣтъ директоровъ былъ упраздненъ. Отнынѣ Индіей долженъ былъ управлять отъ имени королевы особый статсъ-секретарь, отличный отъ министра колоній, при содѣйствіи совѣта изъ 15 членовъ, другими словами,— просто было расширено старое контрольное бюро. Индійскій генералъ-губернаторъ, называемый отнынѣ (не оффиціально) вице-королемъ, назначается королевою и управляетъ при посредствѣ *Исполнительнаго совѣта*, куда входятъ начальники отдѣльныхъ вѣдомствъ, обыкновенно и справедливо называемые министрами, и *Законодательнаго совѣта*, состоящаго изъ нихъ же да еще нѣсколькихъ лицъ по назначенію вице-короля. Послѣдній не обязанъ подчиняться мнѣнію большинства своихъ совѣтниковъ.

Въ мѣстномъ управленіи переходъ Индіи подъ прямую власть короны вызвалъ лишь незначительныя измѣненія. Компанія держала какъ можно меньше чиновниковъ, платила имъ очень много и раздавала мѣста по протекціи. Молодые люди, протежируемые директорами или вліятельными акціонерами, принимались на четырехлѣтній курсъ въ коллежъ Гейлбери въ Англіи; по окончаніи его и выдержаніи перваго экзамена они получали званіе writers и поступали приблизительно на два года, съ жалованьемъ, въ коллежъ Форта Уильяма близъ Калькутты, гдѣ изучали индусскій языкъ и нарѣчіе той мѣстности, въ которой имъ предстояло служить. По выдержаніи послѣдняго экзамена они назначались ассессорами, потомъ, наконецъ, сборщиками податей или магистратами, т.-е. вмѣстѣ и судьями, и администраторами; въ этомъ званіи они получали въ управленіе округъ, т.-е. обширный край съ населеніемъ примѣрно въ 800.000 человѣкъ. Въ главномъ городѣ округа жило лишь 4—5 крупныхъ чиновниковъ: сборщикъ податей, магистратъ (оба эти званія часто соединялись въ одномъ лицѣ), одинъ или два ассистента, почтмейстеръ и врачъ. Въ 1857 году Компанія имѣла въ Индіи лишь 800 чиновниковъ; низшую службу несли въ значительной мѣрѣ туземцы по найму. Послѣ 1858 г. округъ былъ сохраненъ въ качествѣ административной единицы, и число чиновниковъ не было увеличено. Въ 1853 году парламентъ потребовалъ, чтобы они назначались съ первыхъ же ступеней по конкурсу, а не по протекціи.

Измѣнился главнымъ образомъ духъ правительства. Компанія походила на восточныхъ властителей, чьей она явилась наслѣдницей: ея единственная забота состояла въ томъ, чтобы извлекать изъ Индіи возможно больше дохода. Англійская администрація принимаетъ къ сердцу нужды страны и начинаетъ тратить на самое Индію все бо́льшую часть доставляемаго ею дохода. Но эта перемѣна совершилась крайне медленно.

Финансовое положеніе Индіи и поземельный налогъ.—Послѣ войны оказалось, что долгъ Индіи увеличился на 40 милл. фунтовъ, а ея годичные расходы—на 10 милл. Приходилось изыскивать новые рессурсы; это лежало на обязанности *financial member* Калькуттскаго исполнительнаго совѣта (индійскаго министра финансовъ). Онъ повысилъ доходъ съ таможенъ и съ косвенныхъ налоговъ и ввелъ въ Индіи подоходный налогъ. Но, увеличивая размѣръ налоговъ, англійская администрація старалась вмѣстѣ съ тѣмъ внести больше справедливости въ способы ихъ взиманія.

Главнымъ источникомъ дохода была поземельная подать ($^2/_3$ общей суммы доходовъ за 1869—70 г.). Она была введена еще мусульманскими государями, которые

считали себя собственниками всей земли и смотрѣли на хлѣбопашцевъ, какъ на фермеровъ, обязанныхъ платить имъ арендныя деньги. Мусульманскихъ государей смѣнила Компанія, Компанію—англійское правительство. Поземельный налогъ называется здѣсь доходомъ съ земли (*Land revenue*), и авторъ наиболѣе солиднаго новѣйшаго сочиненія объ Индіи, В. Гёнтеръ, занимающій видную должность въ колоніи, признается, что не въ состояніи отвѣчать на вопросъ: „что такое *Land revenue*: подать или арендная плата?“ Размѣръ этой своеобразной подати устанавливается путемъ цѣлаго ряда операцій, выработанныхъ еще въ эпоху Компаніи. Прежде всего производится кадастръ (*survey*); затѣмъ опредѣляется производительность почвы, добавочная стоимость, которую сообщаютъ землѣ оросительныя сооруженія, пути сообщенія и пр., наконецъ, вѣроятная стоимость урожая (*settlement*). На основаніи всѣхъ этихъ выкладокъ опредѣляется цифра налога, который должны платить каждый собственникъ или каждое село (*assessment*).

При коронномъ управленіи кадастры стали производиться тщательнѣе и чаще; разрѣшено было приносить жалобы и требовать частичной перемѣрки. Плательщики могутъ привлекать финансовыхъ агентовъ къ суду. Подать была распространена на всѣ земли, благодаря чему оказалось возможнымъ облегчить тѣ, которыя были черезчуръ обложены. Во времена Великаго Могола фискъ взималъ треть общаго дохода, приносимаго землей; теперь онъ взимаетъ только одну семнадцатую.

Реформы въ интересахъ земледѣлія.— Облегченіе бремени, падающаго на земледѣльцевъ, сдѣлалось въ этой исключительно земледѣльческой странѣ одною изъ главныхъ заботъ англійскаго правительства. Къ мѣрамъ, имѣвшимъ цѣлью болѣе справедливую разверстку подати, прибавились въ 1859 году спеціальныя мѣропріятія въ видахъ покровительства держателямъ земли въ Бенгаліи. Этимъ правительство хотѣло исправить ошибку Компаніи, которая по нерадѣнію превратила заминдаровъ, простыхъ откупщиковъ подати, въ собственниковъ и не принимала никакихъ мѣръ, чтобы защитить отъ ихъ алчности земледѣльцевъ, внезапно превратившихся въ держателей. Земиндары безъ мѣры увеличивали арендную плату; держатели, впадая въ уныніе, плохо обрабатывали землю или совсѣмъ бросали ее. Англійское правительство пыталось обуздать эту эксплоатацію земельнымъ закономъ 1859 года, изданнымъ спеціально для Бенгаліи. Этотъ законъ запретилъ земиндарамъ увеличивать арендную плату, разъ она не измѣнилась съ 1793 г., причемъ принято было за правило, чтобы рента, не мѣнявшаяся послѣднія двадцать лѣтъ, осталась тою же, какою была въ 1793 г., если не доказано противное; арендаторамъ, платившимъ одну и ту же ренту въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, было предоставлено право просить судебнаго рѣшенія, если собственникъ хотѣлъ повысить ренту.

Предприняты были общественныя работы съ цѣлью поднять уровень сельскаго хозяйства. Таковы были въ особенности оросительные каналы. Желѣзныя дороги въ занимающій насъ періодъ почти всѣ были построены частными компаніями.

Нѣкоторыя отрасли сельскаго хозяйства развились при поддержкѣ правительства. Оно давало субсидіи и устраивало питомники съ цѣлью акклиматизировать чай на южныхъ склонахъ Бенгаліи и Гатса. Оно поощряло разведеніе хлопка въ тѣ годы, когда Соединенные Штаты изъ-за войны не могли снабжать имъ Европу. Производство хлопка въ Индіи съ 204 милліоновъ фунтовъ въ 1860 г. возросло до 615 милл. въ 1866 г., но въ 1870 упало до 341.—Въ 1864-65 г. англійское правительство въ первый разъ организовало надзоръ надъ лѣсами. Въ 1869 г.

было учреждено министерство земледѣлія, которое позднѣе было уничтожено, затѣмъ опять возстановлено. Въ ту же эпоху началось статистическое изслѣдованіе сперва Бенгаліи, потомъ и другихъ областей.

Реформы въ области суда и военнаго дѣла.—Послѣ финансовъ, важнѣйшимъ гражданскимъ вѣдомствомъ въ Индіи является судебное; и правительство улучшило его, создавъ судебныя палаты, являвшіяся промежуточной инстанціей между тремя высшими судами и окружными судьями (1861). Опубликованъ былъ текстъ законовъ. Для этого правительство въ 1837 г. ввело въ составъ Калькуттскаго исполнительнаго совѣта особаго *law member*, который былъ настоящимъ министромъ юстиціи. Уголовное уложеніе было наконецъ обнародовано въ 1860 г., кодексы гражданскаго и уголовнаго судопроизводства—въ 1861-мъ. Правительство отказалось отъ мысли выработать одно общее гражданское уложеніе для всей Индіи. Оно ограничилось тѣмъ, что собрало обычаи, наиболѣе часто практикуемые различными сектами, запретило тѣ изъ нихъ, которые отличались негуманнымъ характеромъ или являлись безнравственными на европейскій взглядъ, а остальные проредактировало и напечатало.

Армія была преобразована. Остатки войскъ Компаніи слились съ коронной арміей. Корпусъ сипаевъ уцѣлѣлъ, но число офицеровъ-европейцевъ въ немъ было увеличено. Сипай и теперь не могъ стать офицеромъ; со времени возстанія сипаевъ не обучали артиллерійскому дѣлу, къ которому отнынѣ приставлялись исключительно европейцы. Всѣ офицеры индійской арміи числятся въ кадрахъ британской арміи и назначаются королевой.

Съ 1859 г. начинается для Индіи періодъ мира, длящійся двадцать лѣтъ.

Благодаря политикѣ либеральной партіи, въ концѣ этого періода, исполненнаго почти безпрерывныхъ войнъ съ туземцами, въ британской имперіи воцаряется повсемѣстный миръ.

Глава VI.

Соединенные Штаты.

1848—1870.

I.—Послѣдніе годы верховенства рабовладѣльческихъ штатовъ.

Компромиссъ 1850 года.—Генералъ Тейлоръ, выбранный президентомъ Соединенныхъ Штатовъ осенью 1848 г. [1], вступилъ въ должность 4 марта 1849 г. Важнѣйшимъ вопросомъ, которымъ онъ долженъ былъ заняться на первыхъ порахъ, былъ вопросъ о принятіи на правахъ штата въ союзъ Калифорніи, этой мексиканской провинціи, только что окончательно пріобрѣтенной по договору, заключенному въ Гваделупе-Гидальго. Конституція, которую ввели у себя калифорнійцы, запрещала рабовладѣніе. Президентъ Тейлоръ былъ далекъ отъ мысли возражать противъ этого условія, и въ конгрессъ 1850 г. внесенъ былъ проектъ билля о принятіи Калифорніи. Кальгунъ и зюдисты тотчасъ открыли ожесточенную кампанію противъ этого законопроекта, и весь вопросъ о невольничествѣ снова выступилъ на сцену. Споръ разросся, захвативъ и вопросы о будущей организаціи Новой Мексики, о границахъ Техаса, о невольничествѣ въ округѣ Колумбія и о законахъ противъ бѣглыхъ рабовъ. Виги и демократы, тѣ и другіе, за исключеніемъ своихъ аболиціонистскихъ фракцій, сблизились съ цѣлью снова потребовать устраненія вопроса о невольничествѣ ради высшихъ интересовъ союза. Умѣренные вожди обѣихъ партій выработали и, благодаря своимъ сторонникамъ, провели крупный компромиссъ. Клей снова заслужилъ прозваніе „миротворца".

„Компромиссъ" 1850 года состоялъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ законовъ: 1) Калифорнія допускалась въ союзъ, какъ свободный штатъ, и рабство въ ней запрещалось; 2) Новая Мексика и Утахъ были организованы какъ территоріи, причемъ рѣшеніе вопроса о допущеніи невольничества предоставлялось мѣстному населенію; 3) опредѣлены были границы Техаса; 4) воспрещена была торговля рабами въ округѣ Колумбія; 5) приняты были различныя мѣры съ цѣлью придать бо́льшую силу тѣмъ статьямъ конституціи Соединенныхъ Штатовъ, которыя касались выдачи бѣглыхъ рабовъ свободными штатами. Тейлоръ умеръ (9 іюля 1850 г.) во время обсужденія этихъ биллей, которые всѣмъ своимъ вліяніемъ поддерживало правительство въ лицѣ вице-президента Фильмора, ставшаго президентомъ. 20 сентября 1850 г. былъ принятъ послѣдній билль компромисса.

[1] См. т. IV, стр. 171.

Открыто выраженная цѣль иниціаторовъ этого широкаго примирительнаго мѣропріятія заключалась въ томъ, чтобы оно было признано окончательнымъ и безусловнымъ рѣшеніемъ невольническаго вопроса. Консерваторы въ обѣихъ партіяхъ считали долгомъ патріотизма хранить молчаніе по вопросу о рабствѣ. Но крайнія фракціи, сѣверные *free soilists*, и либеральные виги, съ одной стороны, южные демократы и „бароны склавократіи"—съ другой, смотрѣли на дѣло иначе. Послѣдніе отнюдь не обманывались насчетъ продолжительности только что заключеннаго перемирія; они ясно видѣли, что, если рабовладѣльческіе штаты останутся въ союзѣ, они очень скоро утратятъ свою политическую гегемонію въ виду подавляющаго превосходства Сѣвера какъ по числу, такъ и по богатству штатовъ,—и тогда невольничество должно будетъ исчезнуть. Вслѣдствіе этого на югѣ начала складываться сецессіонистская партія; однимъ изъ главныхъ вождей ея былъ Джефферсонъ Дэвисъ. Вмѣстѣ съ дюжиной своихъ товарищей онъ въ 1850 г. заявилъ протестъ противъ всего компромисса въ цѣломъ и особенно противъ допущенія въ союзъ Калифорніи на правахъ свободнаго штата.

Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ признать, что компромиссъ 1850 г. на нѣкоторое время остановилъ ходъ событій, увлекавшій Соединенные Штаты къ рѣшительному кризису, и во всякомъ случаѣ на нѣсколько лѣтъ отсрочилъ гражданскую войну. Вниманіе общества было поглощено въ это время вопросами международнаго свойства: направленными противъ пиратовъ экспедиціями на Кубу (1851), пріѣздомъ Кошута въ Соединенные Штаты и возникшей отсюда размолвкой съ Австро-Венгріей (1851), конфликтомъ съ Англіей изъ-за рыбной ловли (1852), договоромъ съ Японіей, который заключилъ коммодоръ Перри и который открылъ для міровой торговли эту страну, замкнутую дотолѣ. Въ 1850 году (19 апрѣля) былъ заключенъ съ Англіей договоръ Клейтонъ-Бульвера, которымъ обѣ страны обязывались не домогаться исключительнаго контроля надъ проектированнымъ морскимъ каналомъ чрезъ Никарагуа.

Избраніе Франклина Пирса (1852).—На президентскихъ выборахъ 1852 г. соперничали три кандидата: Франклинъ Пирсъ отъ демократовъ, Уайнфильдъ Скоттъ отъ виговъ и Гейль отъ *free-soiler*'овъ. Двое первыхъ олицетворяли съ нѣкоторыми оттѣнками формальное признаніе компромисса 1850 года, третій—протестъ противъ компромисса во имя принадлежащаго конгрессу права издавать законы для территорій: „Невольничество, — гласила программа *free-soiler*'овъ, — дѣло областное, свобода—національное, и союзное правительство должно осуществлять свой конституціонный авторитетъ въ духѣ свободы". И такъ сильно было во всѣхъ штатахъ желаніе уберечь союзъ отъ распаденія, что Гейль получилъ при всенародномъ голосованіи только 155.000 голосовъ, тогда какъ за Скотта было подано 1.386.000, за Пирса—1.601.000. Скоттъ получилъ во многихъ штатахъ значительное меньшинство, но большинство голосовъ оказалось на его сторонѣ лишь въ четырехъ штатахъ, подавшихъ за него въ совокупности 42 голоса, тогда какъ его соперникъ получилъ 254 голоса отъ 27 штатовъ.

Сѣверъ и Югъ.—Эта крупная побѣда вернула національно-демократической партіи ея былое верховенство въ союзѣ. Нѣкоторое время какъ сторонники свободы на сѣверѣ, такъ и сецессіонисты на югѣ хранили молчаніе или только слабо агитировали въ обществѣ. Но на сѣверѣ изъ года въ годъ наростала громадная мощь—благодаря притоку поселенцевъ (въ среднемъ 383.000 иммигрантовъ ежегодно въ пятилѣтній періодъ 1851—1855), развитію торговли и промышленности, росту сельскаго хозяйства, желѣзнымъ дорогамъ, разработкѣ новыхъ земель. Опубликованіе

результатовъ переписи 1850 года рѣзко обнаружило, насколько южные штаты уступаютъ сѣвернымъ по числу жителей и экономическому состоянію. Пятнадцать рабовладѣльческихъ штатовъ занимали площадь въ 929.000 кв. миль, т.-е. несравненно обширнѣйшую, нежели шестнадцать свободныхъ штатовъ (включая и Калифорнію), территорія которыхъ составляла лишь 643.000 кв. миль. Но народонаселеніе послѣднихъ насчитывало 13.342.000 душъ, первыхъ—лишь 9.613.000, т.-е. на каждую квадратную милю въ сѣверныхъ штатахъ приходилось въ среднемъ 20 жителей, въ южныхъ только — 10. Въ число 9.613.000 обитателей пятнадцати рабовладѣльческихъ штатовъ входило 229.000 свободныхъ черныхъ и 3.220.000 негровъ-рабовъ, которые для представительства въ Конгрессѣ исчислялись (по разсчету $^3/_5$ дѣйствительнаго количества) въ 1.932.000 свободныхъ гражданъ. Такимъ образомъ, число бѣлыхъ на югѣ равнялось 6.164.000 чел. противъ 13 милл. въ шестнадцати не-рабовладѣльческихъ штатахъ. Иммиграція съ Сѣвера далеко не возмѣщала Югу того ущерба въ народонаселеніи, который причиняла ему эмиграція изъ рабовладѣльческихъ штатовъ въ свободные. Легенда о баснословныхъ богатствахъ Юга основывалась лишь на вычисленіи суммъ, которыя онъ выручалъ за свой единственный продуктъ—хлопокъ. Онъ получалъ ежегодно 300—350 милліоновъ франковъ за два милліона кипъ хлопка; но цѣна хлопка непрерывно падала, а стоимость производства возростала. Огромное большинство плантаторовъ было обременено долгами. Средняя цѣна земли на Югѣ была почти въ три раза ниже, чѣмъ на Сѣверѣ. Въ морской торговлѣ союза, исчислявшейся (1853) въ 42.369.000 тоннъ, Югъ участвовалъ только 438.000 тоннами. Хлопчатобумажныя фабрики Новой Англіи представляли стоимость въ 43 мил. долларовъ, а фабрики Теннесси, Алабамы, Георгіи и Южной Каролины—только въ 2 милл. На Сѣверѣ желѣзнодорожныя линіи занимали (1850) 6.300 миль, на Югѣ—2.300.

Наиболѣе просвѣщенные изъ южанъ, видѣвшіе это положеніе вещей и желавшіе улучшить его, встрѣчали неодолимыя препятствія; духъ предпріимчивости отсутствовалъ на Югѣ, рутина царила во всемъ, даже въ культурѣ хлопка, составлявшей единственный источникъ богатства,—и это было естественнымъ слѣдствіемъ экономическаго режима, основаннаго на рабствѣ. При такихъ условіяхъ политическая побѣда, которую Югъ одержалъ надъ Сѣверомъ, не могла быть прочна. Она удалась лишь благодаря тому, что южные рабовладѣльцы сумѣли путемъ искусной и неумолимой партійной организаціи совершенно подчинить себѣ свою сѣверную кліентелу. Цѣлое полчище содержимыхъ Югомъ публицистовъ неустанно доказывало коммерческимъ, финансовымъ, промышленнымъ и землевладѣльческимъ кругамъ въ сѣверныхъ штатахъ, также какъ и духовенству разныхъ исповѣданій, что не слѣдуетъ доводить Югъ до крайности, что необходимо щадить его ради мира и цѣлости союза и не толкать его къ разрыву, который де неизбѣженъ, если нарушить важнѣйшій его интересъ.

Франклинъ Пирсъ призвалъ на постъ министра иностранныхъ дѣлъ Марси, а на постъ военнаго министра—Джефферсона Дэвиса (демократъ сѣверный и демократъ южный). Новое правительство купило у Мексики территорію въ 55.000 кв. миль къ югу отъ Новой Мексики и Аризоны (договоръ Гедсдена 1853 г.) и дѣятельно занялось планомъ желѣзнодорожной линіи между Миссисипи и Тихимъ океаномъ.

Главное вниманіе южанъ было обращено на Кубу: они боялись, чтобы испанское правительство не освободило негровъ на этомъ островѣ. По этому поводу представители Соединенныхъ Штатовъ въ Англіи, Франціи и Испаніи (Бекененъ,

Масонъ и Сулэ) собрались въ Остенде и издали манифестъ, вызвавшій большую сенсацію въ Европѣ и сѣверныхъ штатахъ Америки (1854); въ немъ говорилось, что американскій союзъ долженъ либо по соглашенію купить Кубу у Испаніи, либо овладѣть островомъ насильно, если иначе нельзя предотвратить освобожденіе негровъ. Еще общество занимала экспедиція флибустьера Уокера въ Никарагуу, а затѣмъ все вниманіе сосредоточилось на внутреннихъ дѣлахъ по поводу Канзаса.

Билль Канзасъ-Небраска. — Въ январѣ 1854 года одинъ сѣверный демократъ, всей душою преданный дѣлу сохраненія невольничества, сенаторъ Иллинойса Стефенъ Дугласъ, представилъ законопроектъ объ устройствѣ двухъ новыхъ территорій, Канзаса и Небраски, къ западу отъ Миссури, на сѣверъ отъ 36°30. Билль предлагалъ отмѣнить компромиссъ 1820 года и дозволить рабство въ той части края, гдѣ оно было этимъ компромиссомъ запрещено навсегда. Этотъ билль, поддержанный правительствомъ и главными вождями демократической партіи, оспаривали приверженцы *free soil*'я, Чейзъ и Уейдъ (Огіо), Эверетъ и Семнеръ (Массачузетсъ), Сюардъ (Нью-Іоркъ), и даже Густонъ (Техасъ), Белль (Теннесси) и Бентонъ (Миссури). Наконецъ онъ прошелъ въ обѣихъ палатахъ и въ маѣ 1854 года получилъ силу закона. Въ печати и на митингахъ канзасскій билль и отмѣна компромисса 1820 года (***Missuri compromise***) подвергались ожесточеннымъ нападкамъ, какъ нарушеніе всѣхъ обязательствъ со стороны Юга и какъ расторженіе перемирія 1850 г.

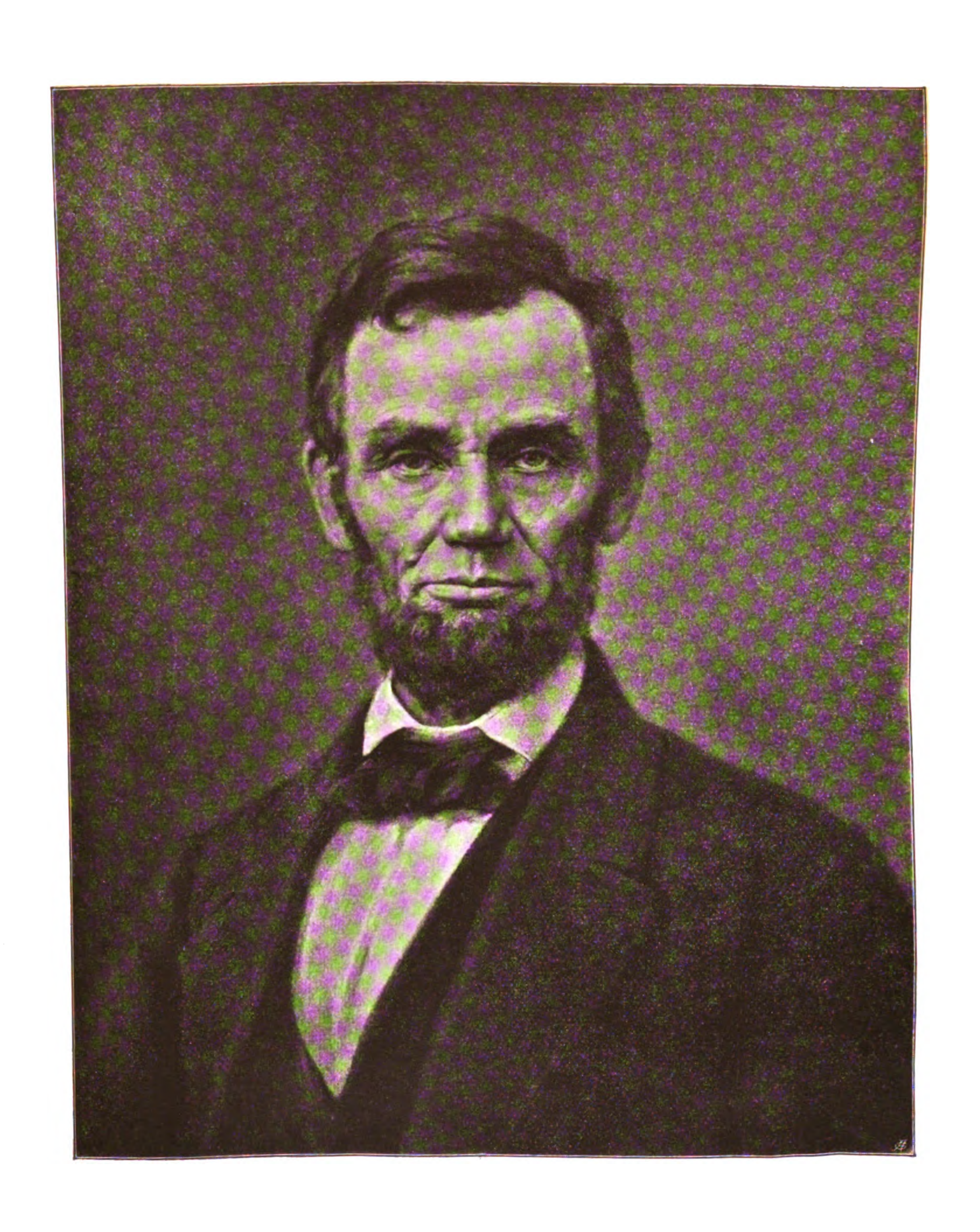
Перемѣщеніе партій.—Исходя изъ новаго принципа *squatter sovereignty* (верховенство піонера), канзасскій билль предоставилъ самому населенію обѣихъ территорій рѣшить вопросъ о допущеніи или недопущеніи невольничества въ Канзасѣ и Небраскѣ. Тотчасъ же обѣ партіи принялись наперебой заселять Канзасъ; Небраска, лежавшая дальше къ сѣверу, фактически не шла въ счетъ. Территорію наводнили южные рабовладѣльцы и янки изъ Новой Англіи и сѣверо-западныхъ штатовъ. Вспыхнула гражданская война, локализировавшаяся въ Канзасѣ; она кончилась побѣдой сѣверянъ, которые потребовали принятія Канзаса въ союзъ на правахъ штата съ конституціей, запрещающей невольничество (1856). Такимъ образомъ, снова открылась борьба между свободой и рабствомъ, и снова возродилась аболиціонистская партія, къ которой примкнуло немало новыхъ сторонниковъ изъ среды обѣихъ національныхъ партій и которая стала называться отнынѣ „республиканской“. Какъ разъ въ это время (20 мая 1856) на Семнера напалъ въ сенатѣ и до полусмерти избилъ его тростью одинъ депутатъ отъ Южной Каролины по имени Бруксъ, котораго весь Югъ прославилъ за это героемъ. Что касается партіи виговъ, то большинство ихъ вошло въ новую организацію, задававшуюся цѣлью сдѣлать болѣе строгими законы о натурализаціи, чтобы ослабить вліяніе иностранцевъ, особенно католиковъ, на внутреннюю жизнь союза. Этотъ націоналистическій кружокъ принялъ названіе „Американской партіи“, но извѣстенъ преимущественно подъ кличкою „партіи know nothing'овъ“, данной ему за ту таинственность, которою онъ окружалъ себя. На президентскихъ выборахъ 1856 года были выставлены три кандидата: Бекененъ отъ демократической партіи (программа 1852 г. и восторженное прославленіе билля Канзасъ-Небраска), Фильморъ отъ американской (та же программа въ смягченной формѣ) и Фремонъ отъ республиканской партіи съ программою, требовавшей безусловнаго искорененія на территоріяхъ обоихъ остатковъ варварства—многоженства и невольничества (многоженство практиковалось у мормоновъ, поселившихся за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ на территоріи Утахъ).

Бекененъ былъ избранъ 174 голосами противъ 114, поданныхъ за Фремона, и 8, поданныхъ за Фильмора. Это еще не знаменовало побѣды для республиканской партіи, но уже предвѣщало демократамъ скорое пораженіе. Вожди крайней фракціи южанъ поняли это и стали готовиться къ отложенію, которое считали теперь уже неизбѣжнымъ.

Президентство Бекенена и избраніе Линкольна.—Въ конгрессѣ, печати, романахъ, на всевозможныхъ митингахъ и въ мѣстныхъ законодательныхъ собраніяхъ продолжались страстные споры по вопросу о невольничествѣ. Многія изъ законодательныхъ собраній сѣверныхъ штатовъ издали спеціальные законы съ цѣлью парализовать дѣйствіе федеральнаго законодательства о бѣглыхъ рабахъ, формулированнаго въ компромиссѣ 1850 г. Но эти законы, называвшіеся *personal liberty laws*, были признаны недѣйствительными въ силу рѣшенія, которое постановилъ *chief justice* верховнаго суда, Тэни, по дѣлу негра Дредъ Скотта (1857). Въ 1859 г. Джонъ Броунъ, аболиціонистъ изъ Канзаса, произвелъ вооруженное нападеніе на союзный арсеналъ въ Гарперсъ Ферри и призвалъ рабовъ къ свободѣ. Онъ былъ арестованъ виргинскими властями, осужденъ и повѣшенъ 2 декабря 1859 г. Эта казнь вызвала сильное волненіе во всей странѣ и въ Европѣ.

Канзасская смута пережила президентство Бекенена: она разрѣшилась лишь въ январѣ 1861 года благодаря признанію этой территоріи свободнымъ штатомъ. Въ эту минуту южные члены конгресса оставили Вашингтонъ, такъ какъ президентскіе выборы предшествующаго года (1860) окончательно разбили союзъ. На этотъ разъ соперничали четыре кандидата: Брекинриджъ отъ крайнихъ южанъ, Дугласъ отъ демократовъ-уніонистовъ, Белль отъ „американской партіи", называвшейся теперь „партіей конституціоннаго союза" и Авраамъ Линкольнъ отъ партіи сѣверянъ-республиканцевъ. Республиканская программа 1860 года не носила аболиціонистскаго характера; она признавала за каждымъ штатомъ право самому рѣшать для себя вопросъ о невольничествѣ, но заявляла, что такъ какъ свобода—естественное условіе жизни, то ни конгрессъ, ни мѣстное законодательство, ни вообще кто бы то ни было не вправѣ вводить рабство на какой-либо территоріи Соединенныхъ Штатовъ. Линкольнъ былъ выбранъ голосами всѣхъ свободныхъ штатовъ, именно 189-ью, противъ 39, поданныхъ за Белля, 12 за Дугласа и 72 за Брекинриджа, т.-е. получилъ большинство въ 66 голосовъ сравнительно съ своими тремя соперниками. Всенародное голосованіе дало 1.866.000 голосовъ за Линкольна, 994.000 за Дугласа, 669.000 за Брекинриджа, 575.000 за Белля. При общемъ числѣ голосовъ въ 4.680.000 Линкольнъ получилъ, стало быть, меньше половины, но избирательное собраніе сдѣлало его президентомъ союза.

„Защитники правъ Юга", которые, предусматривая подобный случай, за послѣднія нѣсколько лѣтъ все подготовили какъ въ главныхъ государственныхъ вѣдомствахъ при Бекененѣ, такъ и въ рабовладѣльческихъ штатахъ, немедленно привели въ исполненіе свой планъ. Спустя шесть недѣль послѣ выборовъ народный конвентъ Южной Каролины вотировалъ законъ объ отложеніи (20 декабря 1860 г.). Ея примѣру послѣдовали остальные южные штаты; 4 февраля 1861 года сепаратистскій конгрессъ, собравшійся въ Монтгомери, утвердилъ конституцію для „Союзныхъ штатовъ Америки" и выбралъ Джефферсона Дэвиса въ президенты и Александра Стеффенса въ вице-президенты. Бекененъ не пытался принять сколько-нибудь серьезныя мѣры противъ дѣятельности сецессіонистовъ. Онъ покинулъ Бѣлый домъ 4 марта 1861 года, оставляя въ наслѣдство своему преемнику и своей странѣ гражданскую войну.

А. Линкольнъ.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

II. — Гражданская война (1861—1865).

Сецессія.—Буль Ренъ (21 іюля 1861 г.).— Линкольнъ, водворившійся въ Бѣломъ домѣ 4 марта, не хотѣлъ брать на себя иниціативы враждебныхъ дѣйствій противъ южнаго союза. Ему не долго пришлось ждать наступательныхъ дѣйствій со стороны южанъ. Первые отложившіеся штаты овладѣли федеральными крѣпостями и арсеналами, лежавшими на ихъ территоріи. Между прочимъ власти Южной Каролины хотѣли занять фортъ Семтеръ, расположенный на скалистомъ островѣ у входа въ портъ Чарльстонъ; но тутъ имъ стала поперекъ дороги вѣрность майора Андерсона. Когда Линкольнъ выразилъ намѣреніе снабдить припасами и усилить гарнизонъ, Джефферсонъ Дэвисъ велѣлъ произвести атаку. Комендантъ Чарльстона Борегаръ 12 апрѣля бомбардировалъ фортъ Семтеръ. Андерсонъ, не получившій еще ни подкрѣпленій, ни боевыхъ запасовъ, долженъ былъ капитулировать въ тотъ же день.

17-го конвентъ, собравшійся въ Ричмондѣ, положилъ конецъ колебаніямъ Виргиніи, провозгласивъ вступленіе этого штата въ южный союзъ. Отрядъ виргинскихъ милиціонеровъ и добровольцевъ тотчасъ двинулся къ Гарперсъ Ферри въ сѣверной части штата и къ Норфольку у устья Джемсъ Риверъ. Небольшой федеральный гарнизонъ поджегъ военные склады въ Гарперсъ Ферри и удалился на сѣверъ (18 апрѣля). 20 апрѣля былъ занятъ Норфолькъ. Коммодоръ Польдингъ, начальникъ федеральнаго арсенала въ Госпортѣ, потопилъ и сжегъ нѣсколько кораблей, но не могъ помѣшать южанамъ овладѣть многочисленными орудіями.

Теперь федеральное правительство отдѣлялъ отъ возставшихъ только Потомакъ. Оно даже едва не было блокировано въ Вашингтонѣ. Дѣло въ томъ, что 19 апрѣля балтиморскія власти, симпатизировавшія южанамъ, разрушили желѣзнодорожные мосты и перерѣзали телеграфные проводы. Въ продолженіе восьми дней было прервано сообщеніе между Вашингтономъ и Сѣверомъ. Изъ этого опаснаго положенія вывелъ столицу Бётлеръ, высадивъ 25 апрѣля въ Аннаполисѣ массачузетскіе полки. Онъ безъ единаго выстрѣла овладѣлъ Балтиморой, и послѣ 15 мая Вашингтонъ, занятый достаточнымъ гарнизономъ, могъ уже не бояться внезапнаго нападенія. Желая приблизиться къ федеральной столицѣ, мятежное правительство перенесло свою резиденцію изъ Монтгомери въ Ричмондъ, отдѣленный отъ Вашингтона не болѣе, какъ 120 километрами. Такимъ образомъ, главный городъ Виргиніи сдѣлался столицей южнаго союза, и сюда-то былъ созванъ на 20 іюля сецессіонистскій конгрессъ. Конфедераты уже снарядили въ походъ 20.000 человѣкъ, расположенныхъ отъ Норфолька до Гарперсъ-Ферри. Джефферсонъ Дэвисъ отправилъ въ Европу делегатовъ съ ходатайствомъ о признаніи новаго правительства, велѣлъ погасить всѣ побережные маяки отъ Гемптонъ-Родса (Джемсъ Риверъ) до Ріо Гранде и выдалъ каперскія свидѣтельства на право захвата федеральныхъ судовъ. Затѣмъ онъ сталъ ждать врага.

Федеральное правительство располагало лишь частью регулярнаго войска въ 15.000 человѣкъ, да и тѣ были разсѣяны по крайнимъ пунктамъ территоріи и отчасти уже измѣнили союзу, перейдя на службу конфедераціи. 15 апрѣля Линкольнъ призвалъ подъ оружіе 75.000 ополченцевъ и объявилъ на 4 іюля экстренную сессію конгресса. Семидесятилѣтній генералъ Скоттъ былъ назначенъ главнокомандующимъ союзной арміи, которую ему предстояло еще организовать, прежде чѣмъ вести на врага. Военной администраціи почти не существовало, сѣверные арсеналы и склады были пусты, штабы

отсутствовали. Довольно большое число офицеровъ, окончившихъ военную школу въ Вестъ Пойнтѣ, предложили свои услуги конфедератскому правительству (около 200 изъ 950), между ними полковникъ Робертъ Ли, состоявшій при Скоттѣ начальникомъ штаба, какъ и его начальникъ—виргинецъ родомъ и одинъ изъ наиболѣе выдающихся генераловъ американской арміи. Массачузетская и пенсильванская милиція, вмѣстѣ съ добровольческими отрядами, наскоро сформированными въ Сѣверныхъ Штатахъ, составили ядро федеральной арміи. 3 мая Линкольнъ новой прокламаціей призвалъ 82.000 волонтеровъ. Крѣпость Монроэ въ Чизапикской бухтѣ была снабжена припасами, южные порты объявлены въ блокадѣ. Федеральныя войска начали переходить Потомакъ и заняли высоты Арлингтонъ и Александрію на правомъ берегу рѣки, а вскорѣ и нѣсколько южнѣе Контревиль и Ферфаксъ. Этими войсками командовалъ генералъ Макъ Доуэль. Скоттъ охранялъ столицу и свой укрѣпленный лагерь.

Уніонисты съ самаго начала придавали большое значеніе обладанію лежащей по ту сторону горъ частью Виргиніи изъ-за желѣзной дороги Балтимора-Огайо, господствовавшей надъ путями сообщенія между Западомъ и Вашингтономъ. Первое сраженіе въ открытомъ полѣ произошло при Филиппи, гдѣ полковникъ Келлей разбилъ конфедератовъ, благодаря чему желѣзная дорога очутилась въ его рукахъ (3 іюня). Затѣмъ конфедераты были снова разбиты при Ромнеѣ, 11 іюня; они принуждены были очистить Гарперсъ-Ферри и отступить къ Винчестеру, гдѣ во главѣ ихъ сталъ Дж. С. Джонстонъ. Паттерсонъ съ отрядомъ федеральной арміи въ 14.000 человѣкъ перешелъ Потомакъ и утвердился въ Мартинсбургѣ; Макъ Клеланъ и Розекрансъ нанесли еще нѣсколько пораженій южанамъ; въ срединѣ іюля южныя войска очистили территорію западной Виргиніи. Этотъ рядъ побѣдъ вскорѣ затмила первая крупная неудача, постигшая федеральную армію.

4 іюля въ Вашингтонѣ собрался федеральный конгрессъ; уже были извѣстны заявленія о нейтралитетѣ, сдѣланныя Англіей (май) и Франціей (іюнь). Конгрессъ одобрилъ распоряженія президента о призывѣ милиціи и волонтеровъ и уполномочилъ правительство сформировать армію въ 500.000 человѣкъ. Всѣ финансовые проекты, предложенные секретаремъ казначейства Чэзомъ (о налогѣ и займѣ), были одобрены.

Общественное мнѣніе, наскучивъ долгими приготовленіями, требовало рѣшительныхъ дѣйствій. Болѣе двухъ мѣсяцевъ федеральная армія и южане стояли другъ противъ друга въ Манассасъ, на берегахъ рѣки Булль-Ренъ. 17 іюля Макъ-Доуэль получилъ приказъ атаковать врага. 21-го произошло рѣшительное сраженіе. Часть вашингтонскаго населенія переправилась черезъ Потомакъ, чтобы присутствовать, точно въ театрѣ, при ожидаемомъ пораженіи конфедератовъ. Но своевременное прибытіе Джонстона, который съ 6.000 человѣкъ бросился изъ Винчестера на помощь Борегару, доставило побѣду южанамъ. Это первое сраженіе при Булль Ренѣ сопровождалось настоящимъ бѣгствомъ федеральной арміи до самаго Вашингтона. Джефферсонъ Дэвисъ не использовалъ этого громаднаго успѣха для дальнѣйшихъ ударовъ. Можетъ быть, онъ и не былъ въ состояніи это сдѣлать за недостаткомъ провіанта и полнымъ отсутствіемъ административной организаціи. Президентъ южанъ, лично присутствовавшій при концѣ сраженія, долженъ былъ удовольствоваться посылкою въ отложившіеся штаты широковѣщательнаго донесенія о побѣдѣ, которое вызвало бурный восторгъ на всемъ пространствѣ конфедераціи.

Джемсъ-Риверъ. — Во главѣ разбитаго войска сталъ, вмѣсто Макъ-Доуэля, моло-

дой генералъ Макъ-Клеланъ, который въ ноябрѣ, послѣ отступленія генерала Уайнфильда Скотта, былъ назначенъ главнокомандующимъ всей арміи республики. Человѣкъ методическій и медлительный, онъ посвятилъ всю осень и зиму переустройству своей арміи, контингентъ которой въ мартѣ 1862 г. достигъ 150.000 человѣкъ, раздѣленныхъ на корпусы, дивизіи и бригады. Въ продолженіе этихъ девяти мѣсяцевъ Борегаръ успѣлъ окружить себя въ Манассасъ солидными укрѣпленіями. 5 марта 1862 г. онъ былъ перемѣщенъ изъ виргинской арміи на постъ командующаго дивизіей Миссиссипи. Его преемникъ, генералъ Джонстонъ, побѣдитель при Булль-Рёнѣ, узнавъ, что Макъ-Клеланъ собирается перевести свою армію на правый берегъ Джемсъ-Ривера, къ югу отъ Ричмонда, 9 марта эвакуировалъ линіи Манассасъ и отступилъ къ югу. Онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи только 50.000 человѣкъ, между тѣмъ какъ Макъ-Клеланъ думалъ, что у него втрое больше. Федеральныя войска были на судахъ перевезены изъ Александріи въ Фортъ Монроэ, лежащій на оконечности полуострова Іорка и Джемса.

Первоначальный планъ состоялъ въ томъ, чтобы эскадра, поднявшись вверхъ по рѣкѣ Джемсу, прямо напала на Ричмондъ и въ то же время сухопутная армія подвигалась бы впередъ по обоимъ берегамъ. Но одинъ инцидентъ, надѣлавшій въ то время большого шума, заставилъ уніонистскаго генерала измѣнить этотъ планъ. Старый федеральный фрегатъ *Мерримакъ*, который конфедераты перекрыли желѣзомъ и вооружили пушками большого калибра, потопилъ въ рейдѣ Гемптонъ Родсъ два фрегата и ушелъ назадъ въ Норфолькъ только въ виду появленія *Монитора*, небольшого бронированнаго и снабженнаго башней судна изъ федеральнаго флота. Теперь въ Вашингтонѣ не рѣшались рисковать посылкою эскадры въ Джемсъ-Риверъ. Макъ-Клелану приходилось теперь предпринимать операцію на сѣверномъ берегу рѣки. Федеральная армія тронулась въ путь 4 апрѣля, употребила мѣсяцъ на осаду окоповъ Іорктоуна, 4 мая взяла ихъ и на слѣдующій день, послѣ горячей схватки, выбила изъ Уильямсбурга союзную армію, которая принуждена была отступить къ Ричмонду. Макъ-Клеланъ расположилъ свои войска (16 мая) по обоимъ берегамъ Чикагомини, лѣваго притока Джемсъ-Ривера. Здѣсь онъ предполагалъ соединиться съ тремя союзными корпусами, приближавшимися по тремъ различнымъ направленіямъ: корпусомъ Фремона, который шелъ изъ виргинскихъ горъ, Бенкса, шедшимъ изъ долины Шенандоа, и Макъ-Доуэля, шедшимъ изъ Фредериксбурга. Но въ эту самую минуту одинъ изъ южныхъ генераловъ, Стонуоль Джексонъ, нагналъ паническій страхъ на сѣверянъ необыкновенно смѣлымъ набѣгомъ, который на время снова отдалъ Гарперсъ Ферри въ руки южанъ. Макъ-Доуэль былъ отозванъ на защиту Потомака, остальныя двѣ колонны остановлены въ пути.

Между тѣмъ Джексонъ сумѣлъ ускользнуть отъ обложившихъ его непріятельскихъ силъ и во время поспѣть на поле сраженія, гдѣ шелъ бой между Макъ-Клеланомъ и Джонстономъ. Джонстонъ, очистивъ Норфолькъ и всѣ посты, занятые ниже Ричмонда по теченію рѣки, далъ 31 мая бѣшеное сраженіе лѣвому крылу федеральной арміи при Феръ-Оксѣ. Бой длился два дня, былъ очень кровопролитенъ, но остался нерѣшеннымъ. 2 іюня обѣ арміи снова заняли свои первоначальныя позиціи. Джонстонъ, тяжело раненный при Фейръ-Оксѣ, былъ замѣненъ генераломъ Робертомъ Ли. Подкрѣпленный Борегаромъ и Джексономъ, Ли 26 іюня атаковалъ Макъ-Клелана на Чикагомини въ ту самую минуту, когда тотъ собирался произвести фланговое движеніе, чтобы приблизиться къ Джемсъ-

Риверу. Въ этомъ первомъ сраженіи, получившемъ названіе боя при Мекениксвилѣ, усилія конфедератовъ направились на правое крыло федеральной арміи, которое и было разбито и отброшено къ Гейнсъ-Милю, гдѣ на слѣдующій день, 27-го, разыгралось второе сраженіе. Подъ соединеннымъ напоромъ Ли и его помощниковъ Лонгстрита, Гиля и Джексона федеральныя войска были въ конецъ сокрушены.

Однако Макъ-Клеланъ искусно отступилъ, отбросилъ конфедератовъ при Саведжсъ Стешенъ и Уайтъ Окъ Суампѣ (29 и 30 іюня) и собралъ свои войска въ Гаррисонсъ Лэндингъ на Джемсъ-Риверѣ, гдѣ нашелъ поддержку со стороны федеральныхъ канонерокъ и гдѣ ему легко было запастись провіантомъ. Конфедераты произвели еще 1 іюля атаку на линіи Макъ-Клелана при Мальвернъ Гиллѣ, но при всей своей кровопролитности она оказалась неудачной. Послѣ этого Ли отвелъ всѣ свои силы за ограду ричмондскихъ укрѣпленій.

Въ Вашингтонѣ испуганное правительство не думало ни о чемъ другомъ, какъ о сосредоточеніи всѣхъ своихъ силъ для защиты столицы. Корпусы Фремона, Бенкса и Макъ-Доуэля были слиты въ одну армію подъ начальствомъ генерала Попа. Въ виду того, что Джексонъ грозилъ его правому флангу, Попъ отступилъ на сѣверъ отъ Раппаханнока. Макъ-Клеланъ, получивъ предписаніе отвести всю свою армію къ Потомаку, 16 августа очистилъ Гаррисонсъ Лэндингъ. На Раппаханнокѣ Попъ, попавъ между Ли, атаковавшимъ его спереди, и Джексономъ, который, обойдя его съ фланга чрезъ горы, грозилъ его правому крылу и соединительнымъ линіямъ съ федеральной арміей, энергично отбивался 28 и 29 августа, но 30-го былъ разбитъ во второмъ сраженіи при Булль Ренѣ. Остатки федеральной арміи должны были искать убѣжища за укрѣпленіями Вашингтона, оставивъ въ жертву врагу весь провіантъ и артиллерію. Макъ-Клеланъ, прибывъ изъ Чезапикской бухты, размѣстилъ эти остатки въ рядахъ своей арміи и былъ назначенъ главнокомандующимъ всѣхъ федеральныхъ войскъ. Ему предстояло отразить вторженіе въ Мерилэндъ, предпринятое конфедератами.

Вторженіе въ Мерилэндъ. Антіетамъ (17 сентября 1862).—Въ виду явной невозможности прямо атаковать федеральную столицу, Ли рѣшилъ обойти ее чрезъ долины Блю Риджа. 12 сентября Джексонъ атаковалъ Гарперсъ Ферри, между тѣмъ какъ корпусы Гиля и Лонгстра перешли Потомакъ и продвинулись до Фредерика въ 70 километрахъ отъ федеральной столицы. Дальше они не пошли, такъ какъ Макъ-Клеланъ направлялся противъ нихъ съ большими силами, и нашли себя вынужденными вернуться въ Виргинію. Но это имъ удалось лишь послѣ того, какъ они 17 сентября отразили бѣшеную атаку Макъ-Клелана (битва при Антіетамѣ). Несмотря на нерѣшительный исходъ этого убійственнаго боя, конфедераты поспѣшили 19-го перейти на южный берегъ Потомака.

Война на западѣ. Битва при Шило (6 и 7 апрѣля 1862).—Съ самаго начала войны сецессіонистское правительство, владѣя устьемъ Миссисипи и его нижнимъ теченіемъ чрезъ Новый Орлеанъ и Луизіану, прилагало всѣ усилія, чтобы пріобрѣсти и верхнее теченіе рѣки и привлечь на свою сторону крупные штаты Теннесси, Кентукки и Миссури. Власти держали сторону Юга, но въ законодательныхъ собраніяхъ царилъ расколъ. Зюдистская милиція Теннесси овладѣла Мемфисомъ, милиція Кентукки—Колумбусомъ. Въ Миссури попытка овладѣть федеральнымъ арсеналомъ въ Сенъ-Луи была предупреждена генераломъ Ліономъ. Быстро подоспѣли подкрѣпленія изъ сосѣднихъ сѣверныхъ штатовъ, оставшихся вѣрными союзу. Милиція Иллинойса за-

няла Каиро, генералъ Грантъ вступилъ въ Кентукки во главѣ милиціи Индіаны и Огайо.

На правомъ берегу Миссиссипи небольшая зюдистская армія, которую составили добровольцы изъ Миссури, Арканзаса и Теннесси, нанесла пораженіе федеральному войску; генералъ Ліонъ былъ убитъ. Этотъ успѣхъ остался безъ результатовъ. Конфедераты были легко остановлены и постепенно оттѣснены въ Арканзасъ, гдѣ нѣкоторое время спустя разбиты Куртисомъ у Пи-Риджа. Фремонъ, назначенный главнокомандующимъ федеральными войсками на верхнемъ Миссиссипи, расположился въ Сенъ-Луи; но послѣ того, какъ онъ издалъ прокламацію объ освобожденіи рабовъ, которую вашингтонскія власти нашли несвоевременной, его замѣнили генераломъ Галлекомъ.

На лѣвомъ берегу ареной борьбы служилъ Кентукки. Грантъ, утвердившись въ Каиро и Падука на нижнемъ теченіи Огайо, рѣшилъ атаковать форты Генри и Донельсонъ, господствовавшіе надъ рѣками Кумберлендъ и Теннесси, невдалекѣ отъ ихъ впаденія въ Огайо. Онъ овладѣлъ ими 6—15 февраля 1862 г. съ помощью флотиліи канонерокъ, предводимой Футомъ. Конфедераты потеряли плѣнными 13.000 человѣкъ, и Кентукки остался вѣренъ дѣлу союза. Съ цѣлью использовать свою побѣду Грантъ тотчасъ двинулся на югъ, вступилъ въ Теннесси и 22 февраля безъ боя занялъ столицу штата, Нашвиль. Между тѣмъ конфедератскій генералъ Полькъ, бывшій епископъ, принужденъ былъ оставить Колумбусъ въ виду приближенія канонерокъ Фута и отступить до Мемфиса, причемъ онъ всюду по пути сжигалъ запасы хлопка. Борегаръ, назначенный главнокомандующимъ союзной арміи на Миссиссипи, сосредоточилъ 60.000 человѣкъ въ Коринѳѣ, къ югу отъ Теннесси, центрѣ желѣзнодорожнаго узла, и воздвигъ здѣсь укрѣпленный лагерь.

Футъ со своими канонерками, спускаясь по Миссиссипи, вытѣснилъ еще конфедератовъ изъ Новаго Мадрида (на правомъ берегу, въ Миссури) и съ острова № 10 (7 апрѣля). Благодаря этому послѣднему успѣху, онъ пріобрѣлъ господство надъ всѣмъ верхнимъ теченіемъ Миссиссипи до Мемфиса.

Въ Теннесси Грантъ и Бюэль выступили изъ своихъ стоянокъ съ цѣлью соединиться на рѣкѣ Теннесси, за которой стоялъ Борегаръ. Главнокомандующій, генералъ Галлекъ, также покинулъ Сенъ-Луи, чтобы соединиться съ обоими генералами. Грантъ, придя первымъ, перешелъ Теннесси у Питсбургъ-Лэндинга и сталъ въ ожиданіи Бюэля. Но тутъ онъ былъ 6 апрѣля атакованъ конфедератами (Джонстономъ и Борегаромъ) и въ концѣ перваго боевого дня (сраженіе при Шило) едва не сброшенъ въ рѣку. Но ночью подоспѣли свѣжія войска Бюэля; 7-го битва возобновилась и кончилась побѣдою федеральныхъ войскъ. Борегаръ увелъ свое изнуренное войско въ свой укрѣпленный лагерь у Коринѳа, гдѣ вскорѣ былъ блокированъ Галлекомъ, который, соединившись съ Грантомъ и Бюэлемъ, принялъ верховное начальство надъ всѣмъ войскомъ. Боясь быть отрѣзаннымъ отъ всѣхъ своихъ соединительныхъ линій, Борегаръ 30 мая 1862 г. очистилъ укрѣпленіе. Часть его войскъ была отряжена къ Виксбургу (на лѣвомъ берегу Миссиссипи, пониже Мемфиса). Остальное войско онъ повелъ къ Ричмонду, гдѣ Макъ-Клеланъ энергично тѣснилъ конфедератовъ. Его уходъ повлекъ за собою паденіе Мемфиса (6 іюня) и почти полное истребленіе зюдистской флотиліи. Федеральныя канонерки, плывшія внизъ по рѣкѣ, не встрѣчали теперь никакихъ преградъ до крѣпости Виксбурга.

Береговая блокада.—Федеральное правительство въ самомъ началѣ военныхъ дѣйствій объявило въ блокадѣ все побережье мятежной территоріи; но нужно

было время, чтобы осуществить эту блокаду на протяженіи свыше 3.000 миль. Было вооружено множество торговыхъ судовъ и снаряжено нѣсколько морскихъ экспедицій для занятія важнѣйшихъ пунктовъ у входа въ южныя гавани. 31 августа 1861 года Бутлеръ съ флотиліей фрегатовъ, канонерокъ и транспортовъ занялъ фортъ Гаттерасъ (Сѣверная Каролина). Генералъ Шерманъ и коммодоръ Дюпонъ съ другой эскадрой овладѣли Портъ-Ройялемъ (Южная Каролина). Непріятельская флотилія была сожжена и Бофоръ взятъ. Безтактное усердіе одного федеральнаго командира едва не вызвало конфликта между Соединенными Штатами и Англіей. Джефферсонъ Дэвисъ послалъ въ Европу, въ качествѣ уполномоченныхъ южной конфедераціи, бывшаго сенатора отъ Луизіаны Слайделя и бывшаго посланника Соединенныхъ Штатовъ во Франціи Масона, перваго въ Парижъ, второго въ Лондонъ. Оба они отплыли 7 ноября 1861 года изъ Гаваны на англійскомъ пакетботѣ *Trent;* федеральный фрегатъ *San Jacinto* подъ начальствомъ капитана Уилькса остановилъ *Trent* въ открытомъ морѣ, и федеральный офицеръ силою захватилъ южныхъ уполномоченныхъ. Смѣлый поступокъ капитана Уилькса возбудилъ на сѣверѣ большой энтузіазмъ; Уилькс удостоился привѣтствія отъ Конгресса и былъ произведенъ въ коммодоры. Напротивъ, въ Англіи это оскорбленіе, нанесенное національному флагу, вызвало единодушный взрывъ негодованія; правительство потребовало освобожденія плѣнниковъ и удовлетворенія за обиду и начало грозныя приготовленія къ войнѣ. Вашингтонскія власти, разумѣется, не могли допустить, чтобы борьба съ южанами осложнилась войною съ Англіей. 1 января 1862 г. Мейсонъ и Слайдель были выпущены на свободу.

Блокада побережья конфедерованныхъ штатовъ мало-по-малу становилась все строже. Съ другой стороны, нѣсколько южныхъ судовъ, вышедшихъ на каперство (*Nashville, Sumter, Alabama, Florida*), начали причинять большой ущербъ торговлѣ сѣвера. Въ цѣляхъ борьбы съ судами, прорывавшими блокаду (*Blockade-runners*), федеральныя власти пробовали закупоривать входъ въ южные порты путемъ потопленія въ ихъ устьяхъ старыхъ судовъ, нагруженныхъ камнями, но это средство, примѣненное особенно въ Чарльстонѣ и Саванна, не принесло ожидаемой пользы, такъ какъ теченіе сносило погруженныя суда. Поэтому снова стали снаряжать экспедиціи наполовину сухопутныя, наполовину морскія.

Миссиссипи. Полная блокада Юга.— Важнѣйшей изъ этихъ экспедицій была та, которая имѣла цѣлью Новый Орлеанъ. Грозныя сооруженія, брандеры и блиндированныя канонерки обезпечивали господство южанъ надъ всѣмъ нижнимъ теченіемъ Миссиссипи отъ Новаго Орлеана. Въ апрѣлѣ 1862 г. въ устьѣ рѣки показалась большая эскадра подъ начальствомъ коммодоровъ Портера и Фаррагута, сопровождавшая флотилію транспортовъ подъ командой Бутлера и дессантный отрядъ. 18-го федеральныя суда открыли огонь противъ обоихъ фортовъ. 25-го Фаррагутъ съ пятью корветами и девятью канонерками устремился на всѣхъ парахъ противъ загражденій, прошелъ мимо фортовъ, истребилъ эскадру конфедератовъ и навелъ свои орудія на Новый Орлеанъ. Городъ и не пробовалъ сопротивляться. Инсургентскій генералъ Лоуэль отступилъ къ Джексону, сжегши предварительно провіантскіе склады, и 27 апрѣля Бутлеръ занялъ городъ. Все это произошло спустя нѣсколько дней послѣ сраженія у Питсбургъ-Лэндинга. Затѣмъ федеральная эскадра поднялась вверхъ по Миссиссипи, взяла политическій центръ Луизіаны Батонъ Ружъ, но была остановлена Портъ-Гудсономъ на южномъ берегу; почти въ это самое время на сѣверномъ берегу федеральныя канонерки были остановлены Виксбургомъ.

Положеніе дѣлъ въ концѣ 1862 года.— И Виксбургъ, и Портъ-Гудсонъ представляли собою очень сильныя крѣпости; взять ихъ штурмомъ не было никакой надежды. Тутъ требовалась правильная осада, которой сейчасъ нельзя было предпринять. Такимъ образомъ часть Миссисипи, заключенная между обѣими этими крѣпостями, осталась во власти конфедератовъ, а это обезпечивало имъ сообщеніе съ западомъ.

Эвакуація Коринѳа (30 мая) и отступленіе Борегара къ Ричмонду, казалось, открыли федеральнымъ войскамъ доступъ въ штаты Миссиссипи и Алабаму. Но арена оказалась занятой. Бракстонъ Браггъ, преемникъ Борегара, организовалъ новую армію въ восточной части Теннесси; Прайсъ, Ванъ Дорнъ и Лоуэль стягивали разбросанные отряды конфедератовъ на сѣверѣ штата Миссиссипи. Галлекъ съ іюля 1862 г. болѣе не командовалъ западной арміей: вашингтонское правительство призвало его въ Вашингтонъ и назначило главнокомандующимъ всѣхъ сухопутныхъ силъ (11 іюля). Его смѣнилъ на Миссиссипи генералъ Грантъ, у котораго помощниками были генералы Скофильдъ, Шерманъ, Розекрансъ и Бюэль.

Въ ту самую минуту, когда Грантъ готовился выступить къ Виксбургу со своей отдохнувшей и пополненной арміей, Бракстонъ Браггъ, стоявшій до сихъ поръ неподвижно, внезапно вторгся въ Кентукки и прошелъ на сѣверъ до Франкфурта. Бюэль успѣлъ отрѣзать ему отступленіе; но Браггъ, почти окруженный у Перривиля (8 октября 1862), прорвался послѣ цѣлодневнаго боя и ушелъ въ горы восточнаго Теннесси.

Несмотря на свое энергичное сопротивленіе, южная конфедерація находилась къ концу 1862 года въ критическомъ положеніи. Но какъ разъ вблизи федеральной столицы силы борющихся сторонъ оставались почти равными, такъ же какъ и выгоды ихъ стратегическихъ положеній. Конфедераты занимали Виргинію отъ устья Раппаханнока на правомъ крылѣ до Аллеганскихъ проходовъ на лѣвомъ, прикрывая Ричмондъ, столицу мятежниковъ. Лицомъ къ нимъ развертывалась федеральная армія, имѣя въ тылу Потомакъ и столицу союза. Въ прочихъ мѣстахъ федеральныя войска всюду достигли крупныхъ успѣховъ: все побережье было блокировано, взято множество отдѣльныхъ пунктовъ и снова занятъ Новый Орлеанъ; на всемъ огромномъ протяженіи между Аллеганскими горами и Миссиссипи возстаніе сведено на партизанскую войну, Кентукки удержанъ въ союзѣ, Теннесси отбитъ у возстанія и весь Миссиссипи, исключая отрѣзка между Виксбургомъ и Портъ-Гудсономъ,—во власти федеральныхъ канонерокъ.

Фредериксбургъ.—Въ ноябрѣ 1862 года, когда сосредоточенныя передъ Фредериксбургомъ войска союза готовились приступить къ дѣйствіямъ, командованіе было внезапно отнято у Макъ-Клелана (котораго демократическая партія на сѣверѣ уже намѣчала своимъ будущимъ кандидатомъ на президентскихъ выборахъ 1864 года). Его преемникъ, неспособный Бёрнсайдъ, сдѣлалъ тяжелую ошибку, рѣшивъ напасть съ фронта на Фредериксбургскую позицію (на правомъ берегу Раппаханнока), защищенную грозной артиллеріей, и взять ее штурмомъ. Онъ упорно повторялъ эту попытку весь день 13 декабря и понесъ огромныя потери. Повергнутый въ отчаянье своей неудачей, онъ тотчасъ послалъ заявленіе объ отставкѣ. Его преемникъ Гукеръ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, ничего не предпринимая, только наблюдалъ за врагомъ.

Мёрфрисборо.—Послѣ сраженія у Перривиля Бракстонъ Браггъ отступилъ чрезъ Ноксвиль въ Чаттануга, гдѣ сталъ готовиться къ новому набѣгу на сѣверъ. Въ концѣ декабря 1862 г. онъ направился къ Нашвилю, гдѣ командовалъ Розекрансъ (преемникъ Бюэля). Столкновеніе произо-

шло у Мёрфрисборо 27 декабря. Браккстонъ Браггъ 28, 29 и 30 декабря ощупывалъ своего врага и затѣмъ далъ ему ожесточенное сраженіе 31 декабря 1862 и 1 января 1863 г. Ему не удалось прорвать непріятельскіе ряды, и онъ рѣшился отступить. Побѣда у Мёрфрисборо обезпечила за федеральнымъ правительствомъ господство надъ Теннесси. Розекрансъ преслѣдовалъ конфедератовъ, отступившихъ къ Чаттанугѣ. Театръ войны на западѣ передвинулся такимъ образомъ къ границѣ Георгіи.

Виксбургъ и Портъ-Гудсонъ. — Зимою 1862—1863 г. генералъ Бенксъ и Фаррагутъ приступили къ осадѣ Портъ-Гудсона, а Грантъ рѣшилъ атаковать Виксбургъ. Онъ возложилъ эту задачу на Шермана, который съ 40.000 человѣкъ попытался 29 декабря произвести штурмъ и потерялъ здѣсь 2.000 человѣкъ. Теперь Грантъ рѣшилъ самъ принять на себя руководство операціями противъ Виксбурга, который превратился въ огромный укрѣпленный лагерь, неприступный почти со всѣхъ сторонъ. Предприняты были громадныя работы для прорытія апрошныхъ каналовъ, но безъ всякаго результата. Наконецъ двѣ канонерки прорвались подъ огнемъ безчисленныхъ батарей и прошли внизъ за Виксбургъ, но нѣсколько дней спустя онѣ попали въ руки конфедератовъ. Аналогичная операція, предпринятая Фаррагутомъ противъ Портъ-Гудсона съ *Hartford*'омъ нѣсколькими канонерками, оказалась болѣе удачной: онъ овладѣлъ отрѣзкомъ Миссиссипи между обѣими крѣпостями. Вскорѣ къ нему присоединился Портеръ, пробивъ себѣ путь на *Benton*'ѣ, за которымъ послѣдовала вся его эскадра (7 апрѣля). На сушѣ полковникъ Грирсонъ съ частью кавалеріи прошелъ весь штатъ Миссиссипи съ сѣвера на югъ, разрушая на своемъ пути всѣ желѣзнодорожныя линіи и провіантскіе склады. Онъ былъ пораженъ пустынностью и мертвенностью пройденнаго имъ края. „Южная конфедерація, — сказалъ онъ, — пустая скорлупа".

Грантъ рѣшилъ, что наступило время для окончательнаго удара. Отъ Мемфиса онъ повелъ свою армію, численностью въ 60.000 человѣкъ, по правому берегу Миссиссипи до точки, лежащей насупротивъ Грандъ-Гёльфа ниже Виксбурга, такъ какъ по лѣвому берегу послѣдній былъ неприступенъ изъ-за Іазу и его безчисленныхъ болотъ. Эскадра бомбардировала Грандъ-Гёльфъ 29 апрѣля. Защищавшіе этотъ постъ покинули его, и вся армія могла теперь перейти на лѣвый берегъ. Здѣсь Грантъ, совершенно порывая сообщеніе съ рѣкою, направился противъ арміи Джонстона, расположившейся между Виксбургомъ и главнымъ городомъ штата Миссиссипи — Джексономъ. Послѣ ожесточенной схватки у Раймонда городъ Джексонъ перешелъ въ руки Макъ-Клернанда и Шермана (14 мая), а Джонстонъ былъ отброшенъ за этотъ городъ къ востоку. Теперь вся защита Виксбурга падала на его гарнизонъ, которымъ командовалъ Пембертонъ. Послѣдній также былъ разбитъ при Чемпіонъ-Гиллѣ и 21 мая запертъ въ Виксбургѣ. Общій штурмъ, произведенный 22-го, потерпѣлъ неудачу на всѣхъ пунктахъ. Онъ стоилъ союзу огромныхъ потерь, которыхъ полководецъ, болѣе проникнутый гуманностью, чѣмъ Грантъ, легко избѣгнулъ бы. Эта рѣзня была первой въ ряду многихъ подобныхъ гекатомбъ, которыя вовсе не были нужны и которыя ложатся пятномъ на память Гранта.

Началась правильная осада. Подъ Портъ-Гудсономъ Бенксъ, подобно Гранту, сначала обложилъ крѣпость, а затѣмъ произвелъ неудачный штурмъ, такъ что и здѣсь приходилось начать правильную осаду. Попытки произвести внѣшнюю диверсію, сдѣланныя на правомъ берегу Макъ-Куллокомъ, Мармадюкомъ и Прайсомъ, и на лѣвомъ — Джонстономъ, ока-

зались безплодными. Въ концѣ іюня съѣстные припасы въ обѣихъ крѣпостяхъ были на исходѣ и обѣ крѣпости почти разрушены бомбардировкой. Пембертонъ рѣшился вступить въ переговоры, не ожидая окончательнаго штурма; онъ капитулировалъ, и 4 іюля федеральная армія вступила въ „Севастополь мятежниковъ". Конфедератовъ было взято въ плѣнъ 18.000 человѣкъ. По полученіи извѣстія о паденіи Виксбурга, 8 іюля, сдался и Портъ-Гудсонъ съ 8.000 человѣкъ.

Чанселорсвилль.—Послѣ кровопролитнаго боя подъ Фредериксбургомъ (23 декабря 1862) обѣ арміи четыре мѣсяца простояли другъ противъ друга, раздѣленныя Раппаханнокомъ. Благодаря снѣжнымъ заносамъ, дороги стали непроѣзжими. Оба врага слѣдили другъ за другомъ, укрѣплялись, но не рѣшались взять на себя починъ нападенія. Гукеръ, назначенный вмѣсто Бёрнсайда главнокомандующимъ федеральной арміи, реорганизовалъ свое войско и пополнилъ его полученными подкрѣпленіями. 27 апрѣля 1863 г. онъ вышелъ изъ своей неподвижности. Оставивъ свои стоянки у Фальмута, на лѣвомъ берегу Раппаханнока, онъ поднялся вверхъ по этой рѣкѣ, затѣмъ внезапно переправился черезъ нее и пошелъ въ обходъ Фредериксбургскихъ высотъ. Ли повернулъ влѣво къ Чанселорсвиллю, гдѣ и встрѣтилъ федеральныя войска. Сраженіе завязалось 1 мая, въ мѣстности, покрытой мелкимъ лѣсомъ и кустарникомъ, носившей названіе пустыни, *Wilderness*. Въ началѣ перваго же дня правое крыло Гукера было опрокинуто и почти истреблено Стонуоль Джексономъ, тѣмъ легендарнымъ генераломъ,—полу-солдатомъ, полумонахомъ—храбрость котораго, казалось, превосходила человѣческій уровень; въ этомъ сраженіи онъ потерялъ руку и нѣсколько дней спустя умеръ. Его смерть была для Юга невознаградимой потерей.

Три дня федеральныя войска силились дать отпоръ все болѣе энергичному натиску южанъ. Но ихъ вожди не оказались на должной высстѣ. Больной или ошеломленный тяжестью падавшей на него отвѣтственности, Гукеръ или совсѣмъ не распоряжался, или отдавалъ приказанія, гибельныя для его арміи. Пришлось отступить и уйти назадъ за Раппаханнокъ. Армія пострадала такъ сильно, что была не въ состояніи сдерживать врага. Робертъ Ли счелъ минуту благопріятной для того, чтобы нанести федеральнымъ силамъ рѣшительный ударъ, который обезпечилъ бы существованіе южной конфедераціи. Если бы ему удалось одержать побѣду къ сѣверу отъ Потомака, бѣшеная энергія проявленная Грантомъ у Виксбурга, была бы обезцѣнена. Миръ, думалъ Ли, долженъ быть подписанъ подъ Вашингтономъ, если не въ самомъ Бѣломъ Домѣ.

Ли въ Пенсильваніи. Геттисбургъ (3 іюля 1863).—3 іюня Ли двинулся въ путь. Его армія насчитывала 80.000 человѣкъ и состояла изъ трехъ корпусовъ подъ начальствомъ Лонгстрита, Иуэля, генерала съ деревянной ногой, и Гилля; отдѣльнымъ кавалерійскимъ отрядомъ командовалъ Стюартъ. При арміи находилась очень крупная артиллерія, насчитывавшая 15 батальоновъ и 240 орудій.

Количественный перевѣсъ былъ на сторонѣ федеральной арміи: 80.000 человѣкъ подъ начальствомъ Гукера стояли къ сѣверу отъ Раппаханнока, 15.000 подъ командой Кійза—въ Сеффолькѣ, наконецъ 15.000 подъ командой Шенка—въ Винчестерѣ и Гарперсъ Ферри. Гейнцельманъ съ 36.000 человѣкъ прикрывалъ Вашингтонъ. Всѣ четыре генерала были подчинены Галлеку, который, несмотря на свои неудачи, остался главнокомандующимъ. Первая колонна конфедератовъ, предводимая Иуэлемъ, пошла долиною Шенандоа, у Винчестера настигла врасплохъ корпусъ Мильроя и разсѣяла его,

перешла Потомакъ нѣсколько выше Гарперсъ Ферри и вступила въ долину Кумберлэнда (Мерилэндъ), сопутствуемая колоннами Лонгстрита и Гилля. Стюартъ со своей конницей прикрывалъ это движеніе справа, не давая Плезонтону занять проходы Блю-Риджа. Гукеръ велъ параллельно свою армію къ сѣверу чрезъ Сентрвиль и Ферфаксъ. Получивъ извѣстіе о томъ, что Ли перешелъ Потомакъ, онъ въ свою очередь перешелъ рѣку, нѣсколько далѣе къ востоку, и такимъ образомъ занялъ позицію въ Мерилэндѣ, между Вашингтономъ и южанами. Тогда Стюартъ рѣшилъ произвести большой обходъ. Пройдя позади федеральной арміи, онъ перешелъ Потомакъ у самаго Вашингтона, разобщивъ такимъ образомъ этотъ городъ съ арміей Гукера, затѣмъ поднялся къ сѣверу параллельно этой арміи и арміи Ли, и наконецъ вышелъ со своими изнуренными отъ усталости эскадронами на правый берегъ Сусквеганны, гдѣ разсчитывалъ найти авангардъ конфедератовъ. Но послѣдній, дойдя до Гаррисбурга, былъ внезапно отозванъ назадъ генераломъ Ли, и Стюартъ только съ большимъ трудомъ добрался до него къ сѣверу отъ Геттисбурга. Этотъ *raid* причинилъ мало вреда федеральной арміи, тогда какъ для конфедератовъ отсутствіе конницы оказалось пагубнымъ.

Гукеръ хотѣлъ присоединить къ себѣ гарнизонъ Гарперсъ Ферри, чтобы увеличить контингентъ своей арміи. Но Галлекъ не согласился на это. Понимая, что послѣ Чанселорсвилля онъ утратилъ довѣріе президента, онъ подалъ въ отставку (конецъ іюня). Главнокомандующимъ былъ назначенъ Мидъ, инженерный офицеръ, скромный, исполнительный и очень цѣнимый товарищами. Мидъ оставилъ безъ перемѣны планъ движенія, и армія продолжала подвигаться къ Геттисбургу, небольшому мѣстечку, расположенному у подошвы горы, которою заканчивается цѣпь возвышенностей, направляющаяся отъ юга къ сѣверу. Геттисбургъ лежитъ между двухъ долинъ, которыя соединяются къ сѣверу отъ него. Мидъ приказалъ своему авангарду занять гору, а отдѣльныя части своей арміи растянулъ по всему гребню, конфедераты же приближались по долинѣ, вытягивая свой фронтъ на сѣверѣ дальше федеральной арміи.

1 іюля авангардъ конфедератовъ овладѣлъ мѣстечкомъ и утвердился въ немъ, грозя федеральному войску съ праваго фланга. Для Мида опасно было то, что ему приходилось начинать сраженіе раньше, чѣмъ онъ успѣлъ докончить концентрацію своихъ войскъ на оборонительныхъ позиціяхъ. Дѣйствительно, онъ еще продолжалъ передвиженія, когда 2 іюля Ли въ нѣсколькихъ точкахъ сразу всѣми своими силами атаковалъ высоты. Благодаря своей сильной артиллеріи, Мидъ сумѣлъ, не переходя въ наступленіе, отразить всѣ атаки конфедератовъ. 3 іюля онъ ввелъ въ дѣло всѣ резервы и двинулъ ихъ на приступъ непріятельскихъ позицій. Одной изъ дивизій, предводимой Пикеттомъ, удалось взойти на гребень, но, дойдя до баттарей, она почти вся легла здѣсь. Федеральную армію не удалось прорвать ни въ одномъ мѣстѣ.

Потери были значительны съ обѣихъ сторонъ. Мидъ не хотѣлъ прямо атаковать врага, чтобы не подорвать того великаго успѣха, который долженъ былъ спасти союзъ. Ли съ своей стороны былъ не въ состояніи возобновить усиліе, въ которомъ только что потерпѣлъ неудачу. Не успѣвъ раздробить на части федеральную армію, онъ долженъ былъ отказаться отъ мысли о вторженіи на сѣверъ и вернуться въ Виргинію. Да и эта задача была не легка; но, маневрируя съ необыкновенной ловкостью, онъ сумѣлъ поддержать дисциплину въ своихъ войскахъ, изнуренныхъ трехдневнымъ кровопролитнымъ боемъ, и ни разу не былъ серьезно обезпокоенъ въ пути. Медленно

подвигаясь, онъ повернулъ къ Потомаку и перешелъ его въ то самое время, когда нѣсколько ниже перешелъ его Мидъ. Такимъ образомъ надежды, возлагавшіяся на вторженіе въ Пенсильванію, не оправдались. Впереди Ли предстояло, очевидно, вторично защищать Ричмондъ отъ нападенія федеральной арміи. Конфедераты, разбитые у Геттисбурга и въ тотъ же день потерпѣвшіе тяжелый ударъ на западѣ въ видѣ потери Виксбурга, не имѣли больше никакихъ надеждъ побѣдить сѣверянъ. Великій вопросъ, поставленный расколомъ 1861 года, былъ рѣшенъ: союзъ одержалъ верхъ надъ принципомъ суверенитета штатовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшенъ былъ вопросъ о невольничествѣ.

Чаттануга. — Пораженіе при Геттисбургѣ и потеря Виксбурга повлекли за собою всеобщую концентрацію южныхъ войскъ въ видахъ отпора наступленію, которое федеральныя силы собирались предпринять въ Виргиніи и на западѣ. Послѣ Мёрфрисборо Бракстонъ Браггъ отступилъ на Чаттанугу, въ восточной части Теннесси. Здѣсь къ нему присоединился Джонстонъ съ остатками виксбургскаго гарнизона и Лонгстритъ, посланный изъ арміи Ли. Получивъ извѣстіе, что Розекрансъ, наблюдавшій за нимъ, долженъ вскорѣ получить значительныя подкрѣпленія, онъ отступилъ еще дальше и укрылся за рѣчкой Чикамауга. Розекрансъ тотчасъ занялъ городъ и нѣсколько опрометчиво бросился на врага. Сраженіе продолжалось два дня (19 и 20 сентября) и кончилось полнымъ пораженіемъ федеральныхъ войскъ, отброшенныхъ въ безпорядкѣ къ Чаттанугѣ. Бракстонъ Браггъ не пытался отнять у федеральныхъ войскъ эту важную стратегическую позицію, господствовавшую надъ всѣми дорогами изъ восточныхъ штатовъ въ штаты, прилегающіе къ заливу, и изъ Теннесси въ Георгію, и удовольствовался лишь слабой блокадой. Командующимъ вмѣсто Розекранса былъ назначенъ генералъ Грантъ, къ которому были прикомандированы для подкрѣпленія корпусы Гукера и Шермана, одинъ отъ Потомакской арміи, другой отъ арміи Миссиссипи. Бракстонъ Браггъ, наоборотъ, ослабленный уходомъ Лонгстрита, занялъ позицію на холмахъ Лукаута и Мишіонари, къ югу отъ Чаттануги. Грантъ настигъ его здѣсь 23 ноября и вытѣснилъ послѣ нѣсколькихъ ожесточенныхъ стычекъ. Прогнанные съ высотъ конфедераты собрались только въ Рингольдѣ, гдѣ прекратилась погоня. Пораженіе конфедератовъ у Чаттануги обезцѣнило всѣ результаты ихъ блестящей побѣды подъ Чикамаугой. Бракстонъ Браггъ былъ замѣненъ Джоэ Джонстономъ, который отвелъ свои войска назадъ до Дальтона (Георгія), чтобы реорганизовать ихъ.

Послѣ этого прошло нѣсколько мѣсяцевъ безъ новаго генеральнаго сраженія. Шерманъ потерпѣлъ неудачу въ комбинированной съ адмираломъ Фаррагутомъ атакѣ на Мобиль. Въ февралѣ 1864 года Грантъ былъ назначенъ вмѣсто Мида главнокомандующимъ Потомакской арміи, а мѣсто Томаса, временно замѣнившаго Гранта, занялъ во главѣ арміи Теннесси Шерманъ.

Портъ Чарльстонъ былъ атакованъ 7 апрѣля 1863 года контръ-адмираломъ Дюпономъ, который командовалъ блокадной эскадрой въ южной Атлантикѣ. Въ теченіе двухъ часовъ всѣ суда его бронированной эскадры, проникшія въ рейдъ, были выведены изъ строя огнемъ фортовъ (Моультри, Семтеръ, Вагнеръ и Грегъ). Аваріи были такъ велики, что о возобновленіи боя нельзя было и думать; мониторы были разбиты. Вмѣсто Дюпона командующимъ былъ назначенъ контръ-адмиралъ Футъ, который однако вскорѣ по болѣзни долженъ былъ уступить мѣсто контръ-адмиралу Дальгрину. Въ этомъ же мѣсяцѣ Гильморъ съ 12.000 человѣкъ высадился на островѣ Фолли (къ югу отъ Чарльстона) отсюда пере-

правился 10 іюля на островъ Моррисъ и правильной осадой (съ 18 іюля по 6 сентября) взялъ форты Вагнеръ и Грегъ. Попытка ночного штурма на фортъ Семтеръ, сдѣланная 8 сентября, потерпѣла неудачу. Нѣсколько позднѣе необыкновенно сильная бомбардировка въ продолженіе семи дней обратила фортъ въ развалины, не сломивъ однако упорства его защитниковъ. 23 ноября былъ произведенъ новый штурмъ и опять безъ успѣха. Наконецъ федеральные полководцы рѣшили оставить это предпріятіе; Гильморъ былъ въ началѣ 1864 года отозванъ въ Ричмондъ, а Дальгринъ остался наблюдать за Чарльстономъ.

Кампанія 1864 г.—Съ началомъ 1864 года открывается послѣдній фазисъ гражданской войны. Войска конфедераціи уже не могутъ пополняться такъ легко, какъ въ первый періодъ войны. Населеніе истощено. Непріятельскій огонь причинилъ большія потери; болѣзни и дезертирство—еще бо́льшія. Южане были разбиты у Геттисбурга и отброшены въ Виргинію; они потеряли Виксбургъ, Портъ-Гудсонъ и все теченіе Миссиссипи. Корпусъ Пембертона былъ взятъ въ плѣнъ, корпусъ Джонстона разсѣянъ, корпусъ Бракстонъ Брагга отброшенъ въ Георгію. На всемъ огромномъ протяженіи отъ Аллеганскихъ горъ до Миссиссипи конфедераты не имѣли ни одной регулярной дивизіи. Одни только партизаны вродѣ Форреста могли совершать здѣсь свои *raids*,—настоящіе разбойничьи набѣги, разорительные для мирнаго населенія, но лишенные всякой стратегической пользы.

На западъ отъ Миссиссипи рабовладѣльческое знамя держали еще Магрудеръ въ Техасѣ, Прайсъ въ Арканзасѣ, Дикъ Тэйлоръ въ Луизіанѣ, и Керби Смисъ главнокомандующій замиссиссипскаго округа. Противъ этихъ вождей Банксъ, главная квартира котораго была въ Новомъ Орлеанѣ, велъ кампанію въ теченіе всего 1864 года. Онъ предпринялъ съ помощью эскадры Портера на Красной рѣкѣ большую экспедицію, изъ которой вернулся побѣдителемъ.

Въ этихъ далекихъ экспедиціяхъ обѣ стороны проявили много энергіи, отваги и героизма, разыгралось много сраженій, часто очень кровопролитныхъ, но лишенныхъ серьезнаго результата и вліянія на окончательный исходъ войны. Послѣдняя рѣшалась исключительно въ Виргиніи и Георгіи: въ Виргиніи—между Грантомъ и Ли, въ Георгіи между Шерманомъ и послѣдними генералами, какихъ могъ противопоставить ему Джефферсонъ Девисъ.

Грантъ и Ли.—Генералъ-майоръ Грантъ, призванный въ февралѣ 1864 года съ Чаттануги въ Вашингтонъ, чтобы вмѣсто Мида принять начальство надъ виргинской арміей, вскорѣ затѣмъ получилъ отъ Линкольна чинъ генералъ-лейтенанта и званіе главнокомандующаго всѣми сухопутными войсками. Такимъ образомъ, въ его рукахъ сосредоточились какъ иниціатива, такъ и исполнительная власть по дѣламъ войны. Онъ остановился на слѣдующемъ планѣ: виргинская армія, надъ которой онъ лично принялъ начальство, должна была истребить армію Ли; его помощникъ Шерманъ, назначенный вмѣсто него командующимъ арміей Теннесси, долженъ былъ преслѣдовать въ Георгіи южный корпусъ Бракстонъ Брагга, пока онъ не будетъ окончательно сокрушенъ; затѣмъ Грантъ думалъ обойти съ юга Аппалахскую гряду и занять послѣдніе мятежные штаты, еще не сложившіе оружія,—Южную и Сѣверную Каролины, причемъ онъ долженъ былъ обойти въ тылъ арміи Ли, которую въ это же время спереди атакуетъ главная армія.

Главная федеральная армія была сосредоточена на лѣвомъ берегу Рапидана (правый притокъ Раппаханнока въ Виргиніи), насупротивъ войскъ Ли, расположенныхъ на правомъ берегу. Грантъ приказомъ по войску оповѣстилъ (3 мая 1864),

что переходитъ въ наступленіе. Войско, предназначенное для переправы черезъ рѣку, было поставлено подъ начальство генерала Мида; оно заключало въ себѣ 140.000 человѣкъ.

Грантъ послалъ Бётлера съ отрядомъ занять позицію на рѣкѣ Джемсѣ, чтобы грозить отсюда Петерсбургу, укрѣпленному посту къ югу отъ Ричмонда. Но лишь только Бётлеръ высадился на южномъ берегу Джемса у его сліянія съ Аппоматтоксомъ, онъ былъ запертъ на полуостровѣ Бермуда Хёндредъ Борегаромъ, вызваннымъ изъ Чарльстона для прикрытія съ юга путей, ведущихъ къ столицѣ конфедератовъ.

3 и 4 мая армія Мида перешла Рапиданъ. 5-го она двинулась къ Чанселорсвиллю, прикрываемая слѣва конницей Шеридана. Здѣсь, въ той *Wilderness*, гдѣ за годъ передъ этимъ было остановлено войско Гукера, она скоро встрѣтила силы Ли, раздѣленныя на три корпуса подъ начальствомъ тѣхъ же Иуэля, Гилля и Лонгстрита, которые прославились подъ Геттисбургомъ. Въ теченіе двухъ дней, 5 и 6 мая, обѣ арміи тягались и причинили другъ другу большія потери, но ни одна не прорвала другой (сраженіе въ Пустынѣ или Уильдернесѣ).

Тогда Грантъ передвиженіемъ на своемъ лѣвомъ флангѣ сдѣлалъ попытку обойти правое крыло Ли, разсчитывая раньше его придти въ Споттсильванію и отрѣзать его отъ дороги на Ричмондъ. Ли предусмотрѣлъ этотъ обходъ и Грантъ нашелъ его отлично укрѣпленнымъ. Послѣ двухдневнаго боя (10 и 12 мая) непріятельскія линіи оставались еще нетронутыми. Федеральныя войска понесли огромныя потери въ западномъ углу позицій, занятыхъ конфедератами (сраженіе при Споттсильваніи). Грантъ началъ новое фланговое движеніе (23 мая) и перешелъ въ двухъ пунктахъ Норсъ-Анна Риверъ, но на томъ берегу нашелъ Ли, притомъ въ такой сильной позиціи, что не осмѣлился атаковать его. Перейдя Паменкей (близъ его устья) 29 мая, онъ разсчитывалъ быстрымъ маршемъ достигнуть Чикагомини раньше Ли и, можетъ быть, дойти даже до Ричмонда. Но Ли прикрывалъ всю линію Чикагомини отъ Кольдъ Гарбора справа до Гановера слѣва. 3 іюня, не нащупавъ предварительно слабаго пункта непріятельскихъ позицій и даже не обслѣдовавъ ихъ съ разныхъ сторонъ, Грантъ повелъ общій штурмъ на правый флангъ врага. Федеральная армія меньше чѣмъ въ часъ потеряла 10.000 человѣкъ и была отброшена на свои позиціи. Это— знаменитая бойня у Кольдъ Гарбора. Грантъ ночью (12 іюня) спустился по лѣвому берегу Чикагомини, перешелъ рѣку въ нѣсколькихъ миляхъ отъ поля послѣдней битвы и, никѣмъ не тревожимый, двинулся къ Джемсъ-Риверу, чрезъ который и перевелъ (14 іюня) всѣ свои войска по одному изъ мостовъ, наведенныхъ Бётлеромъ. Это большое сухопутное передвиженіе съ 3 мая по 14 іюня, перебросившее федеральную армію съ праваго берега Рапидана на лѣвый берегъ Джемса, потребовало огромныхъ жертвъ людьми, тогда какъ армія Ли была почти не тронута.

Еще прежде, чѣмъ федеральная армія кончила переправу чрезъ Джемсъ, Грантъ рѣшилъ атаковать Петерсбургъ, который представлялъ собою ключъ къ сообщеніямъ между Ричмондомъ и Югомъ. Операція была плохо слажена въ своихъ отдѣльныхъ частяхъ, распоряженія недостаточно точны, отдѣльныя колонны безъ всякой системы направлялись на непріятельскую крѣпость по мѣрѣ ихъ прибытія на правый берегъ рѣки. Въ теченіе четырехъ дней, съ 15 по 18 іюня, помощники Гранта безуспѣшно, хотя и съ ожесточеніемъ штурмовали линіи Петерсбурга и оставили на мѣстѣ не одну тысячу человѣкъ.

Приходилось начинать правильную осаду Петерсбурга. Эскадра блокировала Джемсъ,

прикрывшись эстокадою отъ бронированныхъ судовъ, построенныхъ въ Ричмондѣ. Федеральныя войска вскорѣ захватили Уэльдонскую желѣзную дорогу (Ричмондъ-Уильмингтонъ), и конфедератамъ не удалось вернуть ее, несмотря на троекратную атаку (19, 21 и 28 августа). Послѣ этого они перешли къ оборонительному образу дѣйствій и продолжали непрерывно укрѣплять свои позиціи. Между тѣмъ какъ Грантъ все тѣснѣе затягивалъ сѣть, въ которую онъ хотѣлъ заключить Ричмондъ и Петерсбургъ, Ли попытался возобновить маневръ, такъ хорошо удавшійся въ 1862 году, именно путемъ демонстраціи противъ Вашингтона заставить Гранта уйти отъ Петерсбурга. Эта задача была возложена на Иуэля, и онъ блестяще исполнилъ ее. Онъ занялъ Гарперсъ-Ферри, перешелъ Потомакъ, вторгся въ Мерилэндъ и Пенсильванію и повергъ въ трепетъ Вашингтонъ. Но федеральныя власти на этотъ разъ не призвали виргинскую армію на защиту столицы, несмотря на то, что послѣдняя двое сутокъ была совершенно отрѣзана отъ западныхъ городовъ. Иуэль оказался скоро въ критическомъ положеніи. Такъ какъ его набѣгъ имѣлъ цѣлью прежде всего запастись провіантомъ, то, желая отвезти свою добычу въ безопасное мѣсто, онъ перешелъ Потомакъ, энергично преслѣдуемый до Винчестера. Тутъ онъ повернулся лицомъ къ непріятелю и, сметая все на своемъ пути, снова вторгся въ Мерилэндъ, гдѣ прогуливался нѣсколько дней, и затѣмъ утвердился въ Гарперсъ-Ферри, который только прибытіе Шеридана, посланнаго отъ главной федеральной арміи, заставило его очистить недолго спустя.

Единственнымъ результатомъ этой диверсіи было то, что южане запаслись большимъ количествомъ провіанта. Грантъ не покинулъ своихъ позицій и федеральныя батареи не перестали бомбардировать укрѣпленія линіи Петерсбургъ-Ричмондъ, а линія оцѣпленія все болѣе растягивалась. Въ концѣ августа армія Ли располагала уже только одной желѣзнодорожной линіей, именно Данвиль-Линчбургъ. По всѣмъ остальнымъ дорогамъ сообщеніе было ему отрѣзано. Тѣмъ не менѣе онъ будетъ обороняться еще цѣлыхъ полгода.

Шерманъ въ Георгіи.—Первыя операціи Гранта внушали надежду, что Ричмондъ скоро падетъ. Въ ожиданіи этого событія операціи въ другихъ пунктахъ на нѣкоторое время пріостановились. Онѣ возобновились повсюду, какъ только стало очевиднымъ, что сопротивленіе конфедератовъ можетъ долго продлиться. Съ 5 по 23 августа адмиралъ Фаррагутъ овладѣлъ фортами, защищающими входъ въ бухту Мобиль, послѣ блестящаго морского сраженія, гдѣ *Теннесси*, бронированный корабль конфедератовъ, одинъ въ продолженіе двухъ часовъ выдерживалъ атаку всей федеральной эскадры. 2 сентября армія Шермана вступила въ Атланту. Изъ этихъ двухъ успѣховъ первый лишилъ конфедерацію единственнаго выхода въ Мексиканскій заливъ, который еще оставался у нея, и истребилъ ея послѣднія морскія силы; второй отдалъ всю Георгію во власть главнаго помощника Гранта и осуществилъ первую часть плана, состоявшаго въ томъ, чтобы обойти мятежниковъ чрезъ юго-восточные штаты.

Послѣ пораженія Бракстонъ Брагга у Чаттануги Джонстонъ собралъ зюдистскую армію въ Дальтонѣ. Еще спустя нѣсколько мѣсяцевъ она заключала въ себѣ не болѣе 30.000 человѣкъ. Наоборотъ, Шерманъ получилъ въ подкрѣпленіе свѣжія войска; его силы были раздѣлены на три корпуса подъ командою генераловъ Томаса, Макъ-Ферсона и Скофильда.

Онъ открылъ кампанію 6 мая 1864 г., въ тотъ самый день, когда на югъ отъ Рапидана кончалось сраженіе въ Уильдернесѣ. Цѣлыхъ четыре мѣсяца пришлось ему непрерывно сражаться, чтобы сло-

мить сопротивленіе южанъ до Атланты. Джонстонъ принужденъ былъ уступить Дальтонъ и Резаку (15 мая) и не могъ помѣшать непріятелю переправиться чрезъ Итоуа (23 мая), Далласъ (5 іюня) и Кенесоу (27 іюня). Вынужденный все дальше отступать, онъ могъ остановиться только въ Атлантѣ, гдѣ сходились нѣсколько желѣзнодорожныхъ линій и гдѣ южане имѣли большой складъ военныхъ запасовъ. 10 іюля онъ былъ отрѣшенъ отъ командованія. Его преемникъ Гудъ далъ нѣсколько неопредѣленныхъ сраженій въ окрестностяхъ города и сумѣлъ держаться еще въ теченіе шести недѣль. Но послѣ того, какъ онъ 31 августа былъ разбитъ при Джонсборо и Маконская желѣзная дорога перешла въ руки враговъ, онъ рѣшился 1 сентября очистить городъ, предварительно взорвавъ склады и сжегши провіантъ. Гудъ, отступившій къ Макону, возымѣлъ смѣлое намѣреніе оставить Георгію и вторгнуться въ Теннесси, для чего ему нужно было описать большую дугу вокругъ Атланты чрезъ Алабаму. Шерманъ отрядилъ Томаса на защиту Теннесси, затѣмъ съ разрѣшенія Гранта рѣшилъ идти черезъ Георгію къ морскому побережью.

Употребивъ два мѣсяца на отдыхъ и приготовленія, онъ выступилъ въ походъ 14 ноября, спустя шесть дней послѣ того, какъ Линкольнъ былъ вторично избранъ президентомъ союза въ борьбѣ съ Макъ-Клеланомъ, кандидатомъ демократовъ. Уходя, онъ разрушилъ городъ. Грозная армія, которая могла бы оказать ему сопротивленіе, была уже далеко на пути въ Теннесси. У Шермана было 60.000 человѣкъ превосходнаго войска. Южане высылали ему навстрѣчу лишь незначительные отряды, несмотря на старанія Джефферсона Дэвиса, который, нарочито прибывъ въ Маконъ, подстрекалъ населеніе возстать и отразить нашествіе. Такимъ образомъ походъ черезъ Георгію (*The great March to tho Sea*) встрѣтилъ очень мало препятствій и представилъ собою фактически большую военную прогулку. Все разрушая или сжигая на своемъ пути, армія 29 ноября прибыла въ Милленъ. Вскорѣ она явилась передъ Саванна, которую уже блокировалъ адмиралъ Дальгринъ. Фортъ Макъ-Аллистеръ, защищавшій городъ, былъ взятъ 13 декабря; послѣ этого Гарди съ 15.000-нымъ гарнизономъ очистилъ городъ, который 21-го былъ занятъ федеральными войсками.

Между тѣмъ какъ въ Георгіи происходили эти событія, Гудъ, направляясь чрезъ Алабаму на сѣверо-западъ, вступилъ въ Теннесси и далъ у Франклина ожесточенное сраженіе Скофильду (30 ноября), чѣмъ однако не сумѣлъ помѣшать соединенію послѣдняго съ Томасомъ у Нашвиля. Когда 2 декабря конфедераты явились передъ главнымъ городомъ Теннесси, федеральныя силы были уже достаточно значительны, чтобы обезпечить оборону крѣпости. 15 декабря Томасъ и Скофильдъ вышли изъ окоповъ и атаковали южанъ. Сраженіе длилось весь день и возобновилось на слѣдующій день, 16-го. Оно кончилось пораженіемъ арміи Гуда, которую отъ полнаго истребленія спасла лишь отчаянная атака Форреста съ его партизанскимъ отрядомъ. Федеральное войско преслѣдовало остатки побѣжденной арміи до Теннесси (27 декабря).

Окончаніе войны.—Борьба близилась къ концу. Джефферсонъ Дэвисъ уже не могъ снабжать своихъ генераловъ новыми войсками; Югъ истощилъ свои послѣдніе ресурсы; всѣ позиціи, остававшіяся еще въ рукахъ конфедератовъ, быстро переходятъ во власть федеральныхъ войскъ. Фортъ Фишеръ (господствовавшій надъ входомъ въ Уильмингтонгскій рейдъ) былъ взятъ 7 января 1865. Самая крѣпость Уильмингтонъ была занята 21-го числа того же мѣсяца. 17-го Шерманъ прибылъ въ Колумбію (главный городъ Южной Каролины). Тѣсня передъ собою разрозненные остатки корпусовъ Гуда, Гарди и Боре-

тара, онъ продолжалъ путь на сѣверъ и 12-го марта прибылъ въ Файеттвиль. Городъ Чарльстонъ, такъ долго отражавшій атаки федеральныхъ силъ, былъ очищенъ 17-го февраля. На полуразрушенной верхушкѣ форта Семтеръ адмиралъ Дальгринъ велѣлъ поднять флагъ союза, сорванный 12-го апрѣля 1861 г. Страшный пожаръ свирѣпствовалъ въ рабовладѣльческой столицѣ въ ту минуту, когда вступили въ нее черные полки; магазины, склады хлопка, желѣзнодорожные вокзалы, военные корабли и строящіяся суда—все было уничтожено огнемъ. Джонстонъ, вызванный изъ опалы Джефферсономъ Дэвисомъ и посланный остановить Шермана, былъ разбитъ послѣднимъ у Бентонвиля (22-го марта) и не могъ помѣшать ему дойти до Гольдсборо, а оттуда до Сити - Пойнта, гдѣ Шерманъ нашелъ своего начальника, генерала Гранта, и условился съ нимъ насчетъ дальнѣйшихъ операцій.

Началась агонія конфедераціи. Съ августа 1864 г. армія Ли и армія Гранта стояли другъ противъ друга и время отъ времени вступали въ безпорядочныя стычки, не затѣвая однако серьезныхъ сраженій; сѣверный главнокомандующій выжидалъ результатовъ кампаніи, предпринятой Шерманомъ. Было очевидно, что по существу дѣло южанъ было проиграно. Оставалось формально кончить. Шериданъ блестящимъ кавалерійскимъ набѣгомъ въ долину Шенандоа (съ 1-го по 24-ое марта) прогналъ конфедератовъ изъ западной Виргиніи, причемъ они потеряли одного изъ своихъ послѣднихъ генераловъ, Эрли. Въ послѣднюю минуту Ли попытался еще атаковать непріятельскія линіи (25-го марта), но былъ отбитъ. 28-го былъ произведенъ общій штурмъ на его укрѣпленія. 29-го Шериданъ, стоявшій на крайнемъ лѣвомъ флангѣ федеральной арміи, произвелъ обходное движеніе вокругъ праваго крыла Ли, результатомъ чего, послѣ трехдневнаго ожесточеннаго боя (30-го, 31-го марта и 1-го апрѣля), гдѣ палъ Гилль, былъ переходъ въ руки федеральной арміи укрѣпленія Файвъ Уорксъ. Правое крыло Ли, отрѣзанное отъ остальной арміи, было почти цѣликомъ взято въ плѣнъ. 2-го апрѣля вся армія Гранта двинулась на укрѣпленія Петерсбурга и взяла первое кольцо окоповъ. Тогда Ли телеграфировалъ Джефферсону Дэвису, что больше не въ силахъ сопротивляться врагу, что необходимо немедленно эвакуировать Ричмондъ и что самъ онъ съ остатками своей арміи уйдетъ въ Данвиль. Джефферсонъ Дэвисъ тотчасъ выѣхалъ изъ Ричмонда вмѣстѣ со всѣмъ правительствомъ и значительнымъ числомъ жителей по желѣзной дорогѣ на Линчбургъ. 3-го Ли очистилъ послѣдніе Петерсбургскіе окопы и направился къ Данвилю. Но Шериданъ обогналъ его и пришелъ въ Берксвиль раньше его. Конфедераты отклонились на западъ, и Шериданъ, ускоривъ погоню, нагналъ арьергардъ у Дитонвиля (5-го апрѣля) и взялъ въ плѣнъ Иуэля почти со всей его дивизіей. 7-го южанамъ окончательно былъ отрѣзанъ путь къ Данвилю, и Ли не оставалось другого выхода, какъ окопаться въ Фармсвилѣ, а потомъ въ Аппоматтоксъ-Стешенъ, и ожидать федеральную армію. 8-го апрѣля онъ былъ окончательно окруженъ, и Грантъ предложилъ ему сдаться во избѣжаніе новаго безплоднаго кровопролитія; 9-го онъ изъявилъ согласіе капитулировать. Онъ обязался сдать только свою собственную армію, контингентъ которой упалъ до 25.000 человѣкъ. Джонстонъ сдался 26-го на тѣхъ же условіяхъ, какъ Ли. Дикъ Тейлоръ, защищавшій Мобиль до 8-го апрѣля, удалился послѣ эвакуаціи внутрь штата Миссиссипи, бродилъ здѣсь нѣкоторое время и наконецъ, 4-го мая, узнавъ о капитуляціи главной арміи, сложилъ оружіе. Кёрби Смисъ, который послѣ неудачной экспедиціи Бенкса удержалъ въ своихъ рукахъ весь правый берегъ Миссиссипи, удалился въ Мексику, предварительно распустивъ свои войска (26-го

мая). Магрудеръ, командовавшій въ Техасѣ, сдалъ Гальвестонъ федеральнымъ войскамъ 2-го іюня. Это былъ послѣдній пунктъ на территоріи Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ еще не была признана власть федеральнаго правительства.

Каперское судно *Алабама* подъ начальствомъ капитана Семмеса причинило большой ущербъ американской торговлѣ. По возвращеніи изъ одного рейса въ Индійскій океанъ оно вошло въ Шербургскій портъ (іюнь 1864), куда вскорѣ прибылъ и федеральный корветъ *Kearsage* подъ командою капитана Уинслоу. Оба судна 19-го іюня вышли изъ рейда и завязали сраженіе внѣ французскихъ водъ. Послѣ часового боя *Алабама* пошла ко дну. Часть экипажа попала въ руки федеральнаго командира. Семмесъ и около полусотни офицеровъ и матросовъ были подобраны одной англійской яхтой, *Deerhund*, и доставлены въ Соутгемптонъ, откуда Семмесъ вернулся въ Америку. Джефферсонъ Дэвисъ поручилъ ему командованіе южной флотиліей на Джемсъ Риверъ. Другое каперское судно конфедератовъ, *Флорида*, было атаковано и захвачено въ самой гавани Багія федеральнымъ корветомъ *Wassuchet* (5-го октября 1864).

Джефферсонъ Дэвисъ, пропавшій послѣ сдачи Ли, былъ 10-го мая 1865 года найденъ и взятъ въ плѣнъ; его заключили въ фортъ Монроэ, но нѣсколько лѣтъ спустя освободили. Первая амнистія была обнародована въ 1865 году, дальнѣйшія слѣдовали до 1868, когда фактически амнистія стала полной.

Первые наборы для пополненія огромныхъ сѣверныхъ армій были добровольческіе, причемъ рекруты не получали вознагражденія. Но 1-го іюля 1861 года конгрессъ постановилъ выдавать по 100 долларовъ каждому рекруту, который обяжется служить три года; вскорѣ затѣмъ отдѣльные штаты, графства, города и частныя общества стали прибавлять къ платѣ, установленной конгрессомъ, еще особыя вознагражденія, чтобы поставлять требуемые контингенты, не прибѣгая къ обязательной воинской повинности. Мало-помалу вознагражденіе добровольцевъ возросло до 350 долларовъ. Общая сумма вознагражденій, выданныхъ федеральнымъ правительствомъ, достигала 300 милліоновъ долларовъ, а уплаченныхъ мѣстными властями—286 милліоновъ. Южная конфедерація уже въ послѣдніе мѣсяцы 1861 года прибѣгла къ конскрипціи, а федеральное правительство ввело ее лишь законами 1863 и 1864 гг. о рекрутскомъ наборѣ. Основой рекрутской системы осталось добровольчество, а къ конскрипціи прибѣгали лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда нормальный порядокъ не давалъ требуемаго количества новобранцевъ. Тѣмъ не менѣе метаніе жребія вызвало кое-гдѣ серьезные безпорядки, а въ Нью-Іоркѣ даже настоящіе мятежи. Тѣ, на кого палъ жребій, могли откупаться уплатою 300 долларовъ, но въ 1864 г. право выкупа было уничтожено. Съ 15-го апрѣля 1861 по 14-ое апрѣля 1865 г. было призвано къ оружію 2.759.000 человѣкъ. Въ 1863 и 1864 гг. союзъ постоянно имѣлъ въ своемъ распоряженіи около 900.000 солдатъ, а 1-го мая 1865 г. подъ ружьемъ находилось больше милліона человѣкъ. Въ продолженіе всей войны въ арміи находилось 186.000 негровъ. По оффиціальнымъ докладамъ за 1865—66 гг. война обошлась Сѣверу въ 280.000 человѣкъ, изъ коихъ 5.220 офицеровъ и 91.000 солдатъ пали въ бояхъ или умерли отъ ранъ, а 2.320 офицеровъ и 182.000 солдатъ умерли отъ болѣзней. Эти цифры, вѣроятно, ниже дѣйствительности. Что касается умершихъ и раненыхъ южанъ, то ихъ число никогда не было оффиціально установлено.

Въ финансовомъ отношеніи послѣдствіями войны были для союза долгъ въ 3 милліарда долларовъ и введеніе строго-протекціонистскаго таможеннаго тарифа.

Освобожденіе негровъ. — Вопросъ объ освобожденіи негровъ съ самаго начала

войны привлекалъ къ себѣ вниманіе президента и конгресса, но къ нему подступали осторожно, и Фремонъ на западѣ былъ отрѣшенъ отъ командованія за желаніе предвосхитить въ этомъ дѣлѣ рѣшеніе федеральныхъ властей. Рабство было упразднено въ округѣ Колумбія и въ Территоріяхъ законами отъ 16-го апрѣля и 9-го іюня 1862 г. Прокламація отъ 1-го января 1863 г. объявила свободными всѣхъ невольниковъ въ мятежныхъ штатахъ. Тринадцатое добавленіе къ конституціи, вотированное сенатомъ 8-го апрѣля 1864 г. и палатою 31-го января 1865 г., затѣмъ ратификованное законодательными собраніями трехъ четвертей штатовъ, окончательно уничтожило невольничество въ Соединенныхъ Штатахъ. Эта поправка вступила въ силу 18-го декабря 1865 г.

Эти мѣропріятія, равно какъ и тѣ, путемъ которыхъ конгрессъ обезпечивалъ веденіе войны и добывалъ нужныя для нея огромныя средства, встрѣчали на сѣверѣ рѣзкое противодѣйствіе. Здѣсь еще существовала довольно значительная группа демократовъ, изъ которыхъ иные, носившіе въ обществѣ презрительную кличку *Copperheads*, даже сочувствовали южанамъ и желали ихъ побѣды и которые требовали возстановленія мира путемъ уступокъ мятежникамъ. Чтобы сломить эту оппозицію, возраставшую соразмѣрно трудностямъ и тягостямъ войны, конгрессъ долженъ былъ временно пріостановить дѣйствіе *habeas corpus*. Въ 1864 г. демократы на президентскихъ выборахъ выставили Макъ-Клелана противъ Линкольна. Кандидатъ республиканской партіи получилъ 212 голосовъ, его соперникъ—21, а 81, принадлежавшихъ мятежнымъ штатамъ, остались неподанными.

III.—Реорганизація (1865—1870).

Поправки въ конституціи. — Вторично Линкольнъ занялъ президентское кресло 4-го марта 1865 г. 9-го апрѣля Ли капитулировалъ; пять дней спустя актеръ Бусъ убилъ президента. Вице-президентъ Эндрью Джонсонъ тотчасъ взялъ въ руки бразды правленія, и очень скоро у него возникло столкновеніе съ республиканской партіей на конгрессѣ по вопросу о способѣ реорганизаціи союза, — вопросу, который съ 1865 по 1870 г. являлся главной злобой дня. Линкольнъ уже въ 1864 г. распорядился организовать уніонистскія правительства въ штатахъ Луизіана и Арканзасъ. Этому примѣру въ 1865 г. послѣдовалъ Теннесси. Джонсонъ призналъ эти правительства и назначилъ, кромѣ того, временныхъ губернаторовъ въ Виргинію, Сѣверную Каролину, Южную Каролину, Георгію, Флориду, Алабаму, Миссиссипи и Техасъ. Этимъ губернаторамъ предписано было созвать учредительныя собранія изъ лицъ, избранныхъ населеніемъ по той избирательной системѣ, которая господствовала въ данномъ штатѣ непосредственно передъ расколомъ; делегаты должны были присягнуть на вѣрность конституціи. Учредительныя собранія дѣйствительно были созваны во всѣхъ южныхъ штатахъ и вотировали постановленіе объ отмѣнѣ невольничества, недѣйствительности долга, сдѣланнаго конфедераціей, и указовъ, изданныхъ мятежнымъ правительствомъ. Послѣ этого были выбраны законодательныя собранія, и всѣ они утвердили тринадцатое добавленіе къ конституціи. Казалось, переустройство союза было осуществлено; чтобы санкціонировать его, оставалось лишь снова ввести въ конгрессъ южныхъ сенаторовъ и депутатовъ.

Но конгрессъ не одобрилъ плана реорганизаціи, принятаго президентомъ. Республиканское большинство отказалось допустить въ конгрессъ южныхъ депутатовъ и, вопреки *veto* Джонсона, вотировало 9-го апрѣля 1866 г. „билль о гражданскихъ правахъ“ для освобожденныхъ негровъ. Кромѣ того было принято четырнадцатое добавленіе къ конституціи, согласно которому всякій родившійся въ

Соединенныхъ Штатахъ или натурализованный признается гражданиномъ Соединенныхъ Штатовъ и того штата, въ которомъ онъ обитаетъ, и всякому штату возбраняется нарушать или сокращать привилегіи и права гражданъ Соединенныхъ Штатовъ. Въ 1867 году закономъ было даровано право голоса цвѣтнымъ жителямъ округа Колумбіи и Территорій. Такимъ образомъ съ каждымъ днемъ все болѣе выяснялась тенденція радикальнаго республиканскаго большинства на конгрессѣ, избраннаго въ 1866 г.,—именно въ сторону полнаго уравненія черныхъ съ бѣлыми въ гражданскихъ и политическихъ правахъ. Было вотировано еще и нѣсколько другихъ законовъ вопреки veto Джонсона: уничтожены временныя правительства, учрежденныя или утвержденныя президентомъ, и южные штаты раздѣлены на пять военныхъ округовъ, изъ которыхъ каждый долженъ быть управляемъ офицеромъ федеральной арміи въ чинѣ не ниже бригаднаго генерала. Главной функціей этихъ окружныхъ начальниковъ являлось составленіе избирательныхъ списковъ, куда должны были вноситься всѣ, какъ бѣлые, такъ и черные, исключая лицъ, которыя участвовали въ какомъ-нибудь законодательномъ собраніи или занимали какую-нибудь судебную должность въ конфедераціи или подходили подъ ограниченія, перечисленныя въ четырнадцатомъ добавленіи. По составленіи этихъ избирательныхъ списковъ должны были быть созваны законодательныя собранія для выработки новыхъ конституцій, распространенія избирательнаго права на цвѣтныхъ гражданъ и ратификаціи четырнадцатаго добавленія; по исполненіи всѣхъ этихъ условій представители Юга будутъ снова допущены въ конгрессъ. Бывшіе рабовладѣльческіе штаты, управляемые *carpet-bagger*' ами и *scalawagh*' ами (сѣверными авантюристами въ союзѣ съ политиканами-неграми) подъ контролемъ военныхъ властей, согласились на всѣ условія, поставленныя конгрессомъ. Въ 1868 году объявлено было вступленіе въ силу четырнадцатой поправки. Два года спустя федеральное законодательство вотировало и три четверти штатовъ ратифицировали пятнадцатую поправку, которая обезпечиваетъ право голоса за всѣми гражданами Соединенныхъ Штатовъ и тѣмъ дополняетъ четырнадцатую. Отнынѣ каждый штатъ имѣлъ въ Вашингтонѣ своихъ представителей и сенаторовъ, какъ до войны.

Джонсонъ и конгрессъ. — Конфликтъ между президентомъ и конгрессомъ чрезвычайно обострился въ 1867 году по случаю назначенія военнымъ министромъ вмѣсто Стантона сначала Гранта, потомъ Томаса. Палата, выведенная изъ себя поведеніемъ президента, рѣшила въ февралѣ 1868 г. произвести *impeachment*, который однако кончился ничѣмъ: сенатъ, превращенный въ судебную палату, призналъ Джонсона виновнымъ, но не большинствомъ двухъ третей голосовъ, которое требовалось для осужденія. Послѣ этого конфликтъ нѣсколько утихъ, но Джонсону нечего было и думать о вторичномъ избраніи. Республиканская партія избрала кандидатомъ въ 1868 году генерала Гранта, героя гражданской войны; демократы противопоставили ему Горація Сеймура изъ Нью-Іорка. Грантъ былъ избранъ 214 голосами противъ 81, поданныхъ за Сеймура, а четыре года спустя (1872) онъ былъ избранъ вторично 286 голосами противъ 80, поданныхъ за разныхъ кандидатовъ, такъ какъ его соперникъ Горацій Грилей умеръ до конца избирательной кампаніи.

Въ 1867 г. въ союзъ былъ принятъ новый штатъ Небраска, и Россія продала Соединеннымъ Штатамъ территорію Аляску. Осложненія съ Англіей, вызванныя поведеніемъ послѣдней по отношенію къ воюющимъ сторонамъ во время борьбы Сѣвера съ Югомъ и помощью, которую оказала Великобританія каперскимъ су-

дамъ конфедераціи (*Алабама* и *Флорида*), были улажены третейскимъ судомъ на почвѣ Вашингтонскаго договора отъ 27 февраля 1871 г. По рѣшенію третейскаго суда, состоявшемуся въ Женевѣ (14 сентября 1872), Соединенные Штаты получили вознагражденіе въ 15.500.000 долларовъ за упущенія, сдѣланныя Англіей въ исполненіи ею своихъ обязанностей, какъ нейтральной державы. Отношенія между Испаніей и Соединенными Штатами были въ этотъ періодъ довольно натянуты: могущественную республику опять подозрѣвали въ томъ, что она зарится на островъ Кубу. Грантъ также тщетно пытался путемъ переговоровъ пріобрѣсти территоріальныя права на Санъ-Доминго.

Глава VII.

Латинская Америка.

1848—1870.

Въ этотъ періодъ въ латинскихъ государствахъ Америки кипитъ жестокая партійная борьба. Одна только Бразилія имѣетъ либеральное правительство и остается свободна отъ конституціонныхъ потрясеній; если по временамъ здѣсь и вспыхиваютъ волненія, то правительство быстро справляется съ ними. Бразилія ведетъ внѣшнюю борьбу съ тираннами-абсолютистами Розасомъ и Лопецомъ. Въ остальныхъ государствахъ борются духовенство и генералы противъ свѣтскихъ и гражданскихъ властей и федералисты противъ централистовъ. Большую роль играютъ столицы и большие города, въ которыхъ европейскій элементъ оказываетъ значительное вліяніе на дѣла,—напримѣръ, Лима, Монтевидео и Буэносъ-Айресъ. Въ эту эпоху войны съ иноземными государствами принимаютъ благопріятный оборотъ для американцевъ: Испанія терпитъ неудачу противъ Чили и Перу, Франція—въ Мексикѣ. Если не считать этого пораженія европейцевъ, то результатомъ даннаго періода является въ общемъ крушеніе партій, отстаивавшихъ централизацію, вліяніе духовенства и военной власти на дѣла правленія.

I. — Бразильская имперія.

Императоръ Педро II.—Педро II царствовалъ съ 18 іюля 1841 г.[1]) Въ началѣ его царствованія горсть сторонниковъ республики, и именно федеративной республики по образцу Соединенныхъ Штатовъ, вызвала возстаніе, которое сосредоточилось въ провинціяхъ Санъ-Паоло и Минасъ-Гераэсъ. Въ этихъ провинціяхъ политическая жизнь отличалась особенной кипучестью: здѣсь существовала республиканская партія. Генералъ Кахіасъ усмирилъ мятежниковъ (1842), но въ 1848 г. вспыхнуло новое возстаніе въ провинціи Пернамбуко; однако и эта попытка оказалась тщетной. Императоръ Педро—мягкій, гуманный, образованный и либеральный человѣкъ—умиротворилъ свою имперію амнистіей.

По усмиреніи этихъ мятежей внутренній миръ въ Бразиліи не нарушался вплоть до 1870 г., благодаря благодушію и миролюбію императора. Онъ былъ лишенъ всякой склонности къ насилію, и хотя оказывалъ довольно замѣтное вліяніе на государственныя дѣла, но не на-

1) См. т. IV, стр. 202.

рушалъ нормальнаго дѣйствія конституціи, предписывавшей ему царствовать, а не править. Правленіе Педро II могло служить образцомъ либеральной монархіи. Такъ, несмотря на постоянную и иногда ожесточенную борьбу двухъ враждующихъ партій, императоръ ни разу не прибѣгъ къ тѣмъ средствамъ, которыя обычно практикуются въ государствахъ Южной Америки,—къ введенію осаднаго положенія и военной диктатуры. Онъ ни разу не наложилъ оковъ на свободу мысли и печати, онъ не препятствовалъ изданію республиканскихъ газетъ. Онъ старался сообразовать свою политику съ политикой государствъ Европы, по которой онъ такъ любилъ путешествовать и въ которой бралъ себѣ за образецъ только либеральныя правительства.

Политическій строй Бразиліи былъ установленъ закономъ 25 марта 1824 г., измѣненнымъ дополнительными актами отъ 12 августа 1834 г. и 12 мая 1845 г. Государь носитъ титулъ *конституціоннаго императора* и *несмѣняемаго защитника Бразиліи;* императору присвоивается исполнительная власть (но отвѣтственными являются министры); онъ располагаетъ правомъ помилованія и созываетъ палаты въ промежутки между сессіями; это право вмѣстѣ съ правомъ утверждать законы составляетъ *умѣрительную власть*. Законодательная власть принадлежитъ, во-первыхъ, *Сенату* изъ 58 членовъ, назначаемыхъ пожизненно; принцы императорскаго дома вступаютъ въ сенатъ по достиженіи двадцатипятилѣтняго возраста; во-вторыхъ, *Палатѣ депутатовъ* изъ 122 членовъ, избираемыхъ на четыре года. Палата депутатовъ выбирается по двухстепенной системѣ: избранные гражданами выборщики назначаютъ депутатовъ и представляютъ императору списокъ трехъ кандидатовъ въ сенатъ, выборъ между которыми принадлежитъ императору. Палата депутатовъ располагаетъ иниціативой въ области налоговъ, воинскихъ наборовъ и преданія министровъ суду. Законы вырабатываются совмѣстно обѣими палатами. Ихъ постановленія получаютъ силу закона только по утвержденіи ихъ императоромъ.

Судебная власть ввѣряется: 1) мировымъ судьямъ, избираемымъ гражданами по одному на приходъ и склоняющимъ стороны къ миру, 2) судьямъ, примѣняющимъ законъ, и присяжнымъ, устанавливающимъ наличность проступка. Свобода личности и совѣсти, равно какъ неприкосновенность собственности гарантированы конституціей. Народное образованіе основано на принципѣ безплатности. Конституція терпитъ рабство, но не признаетъ его.

Во главѣ каждой провинціи стоитъ президентъ, назначаемый центральной властью и осуществляющій рѣшенія провинціальнаго собранія. Провинціи дѣлятся на приходы, приходы—на округа. Муниципальные совѣты вѣдаютъ финансы и полицію на территоріяхъ, зависящихъ отъ прихода.

Каждая провинція имѣетъ свои особые доходы, которыми и распоряжается по собственному произволу. Такъ, Бразилія выработала себѣ систему, сочетающую федерализмъ Соединенныхъ Штатовъ съ формами конституціонной монархіи.

Періодъ крупныхъ парламентскихъ столкновеній (1862—1870).—12 мая 1863 г., въ виду невозможности достигнуть соглашенія между консервативной партіей, крайними либералами и императоромъ, палаты были распущены. Въ предыдущую сессію консерваторы ожесточенно боролись съ министерствомъ; теперь всѣ силы въ странѣ соединились противъ консерваторовъ. Эта коалиція (т. наз. *ligueiros*) одержала 8 сентября верхъ надъ консерваторами, потерпѣвшими полное крушеніе. Послѣ побѣды либералы свергли кабинетъ Олинда, который они поддержали во время избирательной борьбы (январь 1864). Заккаріасъ де Гоэсъ и Васкон-

сельосъ попытались составить примирительный кабинетъ изъ представителей всѣхъ партій; но они никого не удовлетворили и уступили мѣсто Фуртадо, который съ успѣхомъ прибѣгъ къ комбинаціи болѣе либеральнаго свойства. Время правленія этого министерства совпало съ экономическимъ кризисомъ, который ознаменовался банкротствомъ крупной банкирской фирмы въ Ріо де Жанейро, рядомъ финансовыхъ краховъ и чувствительной заминкой въ торговлѣ; одинъ случайный инцидентъ заставилъ этотъ кабинетъ уйти отъ власти.

Бразды правленія снова принялъ маркизъ Олинда, распредѣливъ портфели между радикалами и умѣренными либералами. Но въ виду затрудненій, вызванныхъ внѣшней войною, внутри министерства произошелъ расколъ, и оно подало въ отставку. У кормила власти снова сталъ Заккаріасъ (1867), но консерваторы стали нападать на него за дороговизну и медлительность войны, начатой въ это время противъ Лопеца и Парагвая. Въ іюлѣ 1868 года императоръ предложилъ консерваторамъ составить министерство. Но въ виду ярости и протестовъ либеральной партіи Педро II принужденъ былъ распустить палату.

II. — Государства по Ла-Платѣ.

Аргентинская республика. — Урквиза и Розасъ. — Неистовая тираннія Розаса [1]) истощила терпѣніе и сосѣдней либеральной Бразиліи, и Аргентинскихъ провинцій, которыхъ все еще раздражало привилегированное положеніе Буэносъ-Айреса. Провинціи возстали, и генералъ Урквиза, которому поручено было усмирить возстаніе, взялъ ихъ сторону. Бразилія покровительствовала повстанцамъ. Урквиза пошелъ на югъ съ „великой южно-американской освободительной арміей". Розасъ, разбитый у Монте-Казеросъ (3 февраля 1862), бѣжалъ и переправился въ Ирландію.

Буэносъ-Айресъ думалъ, что его могуществу пришелъ конецъ. Между тѣмъ онъ хотѣлъ первенствовать; онъ не довольствовался тѣмъ, чтобы быть членомъ конфедераціи; столица хотѣла властвовать надъ республикой. Онъ отказался послать делегатовъ въ учредительное собраніе, созванное Урквизой въ Санта-Фе, и свергъ администрацію, учрежденную въ немъ Урквизой. Новый освободитель оказался не въ силахъ смирить этотъ городъ, который онъ тщетно пытался блокировать. Ему не оставалось ничего другого, какъ признать провинцію Буэносъ-Айресъ отдѣльнымъ независимымъ государствомъ. Въ эту эпоху Буэносъ-Айресъ роскошно обстроился и украсился великолѣпными памятниками.

Конфедерація остальныхъ провинцій избрала своей столицей Парану (1853). Дѣйствительная власть была ввѣрена Урквизѣ. Онъ задался цѣлью возсоединить отложившуюся провинцію, и это ему удалось: его войска одержали верхъ надъ войскомъ Митра (сраженіе при Сепедѣ, 23 октября). Такимъ образомъ Буэносъ-Айресъ вернулся въ конфедерацію; примиреніе было торжественно отпраздновано. Тотчасъ послѣ этого Урквиза передалъ свою власть Деркви (1860). Въ 1861 г. возникла новая распря между Буэносъ-Айресомъ и конфедераціей; на этотъ разъ побѣда осталась за Митромъ (битва у Пабона, 17 сентября 1861). Въ 1862 г. Митръ былъ избранъ президентомъ Аргентинской республики, и Буэносъ-Айресъ снова сдѣлался столицей. Ближайшіе за тѣмъ годы были ознаменованы войной съ Парагваемъ и эпидеміями. Конфедерація переживала тяжелыя времена. Провинціи волновались, Урквиза присвоилъ себѣ независимость въ Энтрэ-Ріосѣ, гдѣ онъ былъ губернаторомъ.

Въ 1868 г. Митръ уступилъ власть

[1]) См. т. IV, стр. 199.

бывшему публицисту, противнику Розаса и помощнику Урквиза,—Сарміенто, который являлся горячимъ и дѣятельнымъ защитникомъ народнаго просвѣщенія. Съ его вступленіемъ во власть, казалось, должна была начаться эра мирнаго развитія. Но въ это же время былъ убитъ Урквиза, броженіе въ провинціяхъ продолжалось, а возстаніе, поднятое Лопецомъ Іорданомъ, улеглось лишь въ 1873 году.

Уругвай.—Бланкосъ и колорадосъ.—Правительству не скоро удалось справиться съ послѣдствіями внутреннихъ смутъ, вызванныхъ вмѣшательствомъ аргентинцевъ подъ руководствомъ Урквиза въ 1861 г. Страна по прежнему была раздѣлена между двумя враждебными другъ другу партіями, распадавшимися еще на всевозможныя, часто соперничавшія между собою фракціи; это были: *колорадосъ*, т.-е. либералы, и *бланкосъ*, т.-е. консерваторы.

Въ 1851 г. у кормила власти сталъ Бернардо Берро, принадлежавшій къ консервативной партіи. Сначала онъ держался умѣренно; но эмигранты - колорадосъ собрались на границѣ подъ предводительствомъ Венансіо Флореса и стали призывать страну къ возстанію. 1 марта мѣсто Бернардо Берро занялъ Анастасіо Агуирре, тоже консерваторъ, заставшій правительство и армію въ полномъ разложеніи. Но въ это время Флоресъ занималъ всю западную часть республики, гдѣ управлялъ, собиралъ подати и пытался войти въ соглашеніе съ Бразиліей. Объявленный внѣ закона, Флоресъ вступилъ во Флориду, взялъ Дурагуо и съ помощью подкрѣпленія изъ 6.000 бразильцевъ завоевалъ Пайсанду. Это нагнало панику на Монтевидео; передъ послѣднимъ тотчасъ явилось 8.000 бразильцевъ, и въ то же время 13 пароходовъ блокировали портъ. Среди царящей паники семь сенаторовъ замѣнили президента Агуирре Виллальбой.

23 февраля Флоресъ, заключивъ соглашеніе съ Виллальбой, вступилъ въ Монтевидео. Его въѣздъ сопровождался общественными увеселеніями. Вожди консервативной партіи были посажены на судно и изгнаны. Флоресъ, провозглашенный временнымъ правителемъ республики, заключилъ съ Бразиліей и Аргентинской республикой наступательный союзъ противъ парагвайскаго президента, союзника консерваторовъ. Самъ Флоресъ отправился въ армію.

Теперь возобновилась иммиграція изъ Европы; Буэносъ-Айресъ и Монтевидео были соединены телеграфной линіей; стали проводить желѣзныя дороги. О размѣрахъ уругвайскаго скотоводства можно судить по тому, что въ первые три семестра 1866 г. было убито и засолено 452.834 штукъ рогатаго скота и 21.404 лошади. Въ 1867 г. торговые обороты Уругвая превышали 150 милліоновъ и въ порту Монтевидео перебывало 2.865 судовъ (335.000 тоннъ).

Флоресъ пожелалъ сложить диктаторскую власть, которую онъ взялъ на себя; были произведены парламентскіе выборы (въ сессію 1868 г.); но враги Флореса не помиловали его: онъ былъ убитъ. При его преемникѣ, генералѣ Лоренцо Батлѣ, консерваторы подняли возстаніе; оно длилось четыре года и было подавлено въ 1872 г. Въ это время въ Парагваѣ возникла новая партія *радикаловъ*, стремившихся преодолѣть распри между либералами и консерваторами.

Парагвай.—Двое Лопецовъ. — Конгрессъ вручилъ на десять лѣтъ власть, которою располагалъ Франсія, его племяннику Карлосу Антоніо Лопецу [1]). Лопецъ (1844—1862), не внося либерализма въ свою политику, постарался однако вывести страну изъ ея обособленности. Онъ завязалъ дружескія сношенія съ Франціей, Англіей, Сардиніей и Соединенными Штатами, открывъ страну ихъ судамъ (1857). Въ 1848 г. Лопецъ особымъ указомъ распу-

[1]) См. т. IV, стр. 201.

стилъ парагвайскія миссіи; индѣйцы уже до этого были свободны, теперь имъ были даны права гражданства. Въ 1854 году національный конгрессъ снова избралъ Лопеца президентомъ на десять лѣтъ. Онъ умеръ въ 1862 году. Онъ игралъ важную роль какъ третейскій судья по непрекращающимся спорамъ между Буэносъ-Айресомъ и аргентинскими провинціями. Незадолго до смерти онъ на основаніи права, предоставленнаго ему конституціей, назначилъ вице-президентомъ своего сына Солано. Конгрессъ утвердилъ выборъ Лопеца (26 октября 1862 г.). Солано Лопецъ путешествовалъ по Европѣ и во Франціи; ему было въ это время тридцать пять лѣтъ. Онъ уже при отцѣ занималъ постъ министра (военнаго и морского). Дальнѣйшія событія обнаружатъ его энергію и подвергнутъ его мужество тяжелымъ испытаніямъ.

Война въ Парагваѣ (1864—1870.) — Зависть, которую питали другъ къ другу три республики, расположенныя на Ла-Платѣ (Уругвай, Аргентина и Парагвай), и постоянное стремленіе Бразиліи и Аргентины расширить свою территорію сдѣлали неизбѣжнымъ кровавое столкновеніе на Ла-Платѣ.

Боясь подвергнуться атакѣ, Лопецъ сразу перешелъ въ наступленіе. Захвативъ губернатора Матто Гроссо на бразильскомъ суднѣ (ноябрь 1864 г.), онъ вторгся въ Матто Гроссо съ войскомъ въ 10.000 человѣкъ. Сначала онъ одерживалъ побѣду за побѣдой; бразильскіе форты Корумба и Донрадо перешли въ его руки; онъ дошелъ до Куйабы, взялъ Корріентесъ и захватилъ въ плѣнъ два бразильскихъ судна.

Эта безпощадная политика пришлась по сердцу конгрессу, который одобрилъ ее, назначилъ Лопеца маршаломъ и разрѣшилъ сдѣлать заем въ 124 милліона (1865). Зато она, съ другой стороны, вызвала заключеніе тройственнаго союза между Бразиліей, Уругваемъ и Аргентиной (6 мая).

Тутъ начались неудачи: парагвайская эскадра была разбита бразильскимъ флотомъ, истреблена цѣлая дивизія, разбитъ въ пухъ и прахъ одинъ парагвайскій корпусъ.

Лопецъ собралъ свои войска сначала подъ Стапирой, затѣмъ у Гумаиты и здѣсь разбилъ аргентинцевъ подъ начальствомъ Митра (апрѣль 1866 г.); затѣмъ онъ вытѣснилъ съ парагвайской территоріи бразильское войско, пришедшее изъ Матто Гроссо (1867). 1868-й годъ былъ очень несчастенъ для Парагвая; союзники заставили Лопеца уйти отъ Гумаита къ Тебимари и Тимбо; его войско, которое онъ успѣлъ обновить, было разбито подъ Ангостурой, причемъ непріятелю досталось 16 орудій и 1.000 плѣнныхъ; оставшаяся безъ прикрытія столица была взята. Но Лопецъ былъ неукротимъ; онъ и теперь не складывалъ оружія. Въ августѣ 1869 г. онъ снова былъ разбитъ бразильской арміей графа д'Ю близъ Карагуатри; въ мартѣ 1870 г., напрягши послѣднія силы, собравъ остатки конницы и пѣхоты и получивъ подкрѣпленіе въ 5.000 индѣйцевъ, онъ далъ сраженіе на берегахъ Аквидабана. Здѣсь онъ былъ самъ убитъ и его войско разбито наголову.

Эта несчастная война гибельно отозвалась на побѣжденной странѣ. Въ 1857 г. въ ней насчитывалось около 140.000 жителей; въ 1870 г. оставалась лишь шестая часть населенія—женщины и дѣти; доходы сократились съ тринадцати милліоновъ до двухъ. Страна была совершенно разорена. Приходилось снова организовать правительство. Сначала былъ преобразованъ политическій строй; новая конституція была въ точности списана съ сѣверо-американской (президентъ, избираемый на три года, вице-президентъ, сенатъ и палата депутатовъ, всеобщее избирательное право).

Окончательнымъ мирнымъ договоромъ съ Бразиліей, заключеннымъ въ январѣ 1872 г., была опредѣлена новая граница между обоими государствами.

III.—Колумбія и Венецуэла.

Федеральное правительство въ Колумбіи.—Съ 1836 г., когда покинулъ власть Сантандеръ [1]), до 1858 г. среди непрерывной гражданской войны были перепробованы различныя формы правленія; наконецъ въ 1858 г. была организована федеративная система. Президентъ Маріано Оспина внесъ въ конгрессъ нѣсколько законопроектовъ, которыми онъ хотѣлъ спасти кое-какіе остатки централизаціи. Штаты Сантандеръ, Каука, Боливаръ и Магдалена были противъ этой попытки президента и рѣшеній конгресса. Маріано Оспина сначала думалъ принудить ихъ силою; онъ провозгласилъ осадное положеніе въ конфедераціи и объявилъ наборъ войска. Но онъ не предпринималъ военныхъ дѣйствій. Въ началѣ 1861 г. приморскіе города примкнули къ повстанцамъ; срокъ президентства Оспины кончился, и президентомъ былъ избранъ другой консерваторъ, Арболеда, принадлежавшій къ семьѣ, которая участвовала въ войнѣ за независимость. Арболеда былъ также хорошимъ ораторомъ и хорошимъ поэтомъ. Онъ правилъ не долго. Его политическіе враги подъ предводительствомъ Москэры проникли въ Боготу 18 іюля 1862 г. послѣ пятичасовой битвы.

Эта побѣда обезпечила торжество принципу федерализма. Москэра былъ выбранъ временнымъ президентомъ Новой Гренады, переименованной теперь въ „Соединенные Штаты Колумбіи". „Онъ объявилъ, что единственнымъ кодексомъ республики будетъ естественный законъ, провозгласилъ отдѣленіе церкви отъ государства, причемъ священнослужителямъ было воспрещено отправлять службу безъ разрѣшенія гражданской власти, и конфисковалъ монастырскія имущества".

Конституція 1862 г.—Конфедерація состоитъ изъ девяти штатовъ: Антіокія, Боливаръ, Бойала, Каука, Кондинамарка, Магдалена, Панама, Сантандеръ и Толима. Въ дѣлахъ внутренняго управленія эти штаты автономны: каждый изъ нихъ имѣетъ своего президента, свой парламентъ и свою верховную уголовную палату; всѣ должности, даже судебныя, замѣщаются по выборамъ; городское управленіе организовано на либеральныхъ началахъ.

Мѣстомъ пребыванія федеральнаго правительства служитъ Богота; это правительство состоитъ изъ президента, выбираемаго народомъ на два года, и конгресса, выбираемаго штатами (сенатъ изъ 27 членовъ, палата—изъ 66). Президентъ по окончаніи своего срока не можетъ быть избранъ вторично; исполнительную власть онъ осуществляетъ съ помощью четырехъ министровъ (внутреннихъ дѣлъ, иностранныхъ дѣлъ, казны и государственнаго кредита, *hacienda y fomento*, наконецъ военно-морского). Палаты всѣхъ девяти штатовъ выбираютъ верховную палату изъ девяти членовъ и государственнаго генералъ-прокурора. Это—конгрессъ, объявляющій войну. Онъ же издаетъ и законы; но законодательная власть конгресса иногда встрѣчаетъ противодѣйствіе со стороны штатовъ; отсюда и возникаютъ мятежи.

1 апрѣля 1864 г. Москэра, не нарушая нормальнаго дѣйствія конституціи, принялъ присягу отъ д-ра Мануэля Мурильо Торо и, уступивъ ему президентское кресло, сдѣлался лидеромъ демократической партіи; онъ сохранилъ свою популярность и часто выступалъ съ рѣчами въ клубахъ, нападая на Францію и Испанію, которыя тогда воевали—первая съ Мексикой, вторая съ Перу.

Мурильо пришлось преодолѣвать за время своего президентства большія трудности; государственные доходы были скудны; соловарни давали мало, конфискованныя церковныя земли были проданы по дешевой цѣнѣ. Духовенство, недоволь-

[1]) См. т. IV, стр. 198.

ное конфискаціями и отдѣленіемъ церкви отъ государства, вмѣстѣ съ консерваторами волновало провинціи; Мурильо долженъ былъ взяться за оружіе и разбилъ своихъ враговъ. Въ апрѣлѣ 1865 г. послѣ Мурильо президентомъ опять сталъ Москэро. Онъ былъ въ это время 74-лѣтнимъ старикомъ. Старость не умалила его пыла, но измѣнила его политику. Вскорѣ возникъ конфликтъ между нимъ и конгрессомъ. Онъ сдѣлалъ заемъ въ Англіи и тратилъ казенныя деньги, не желая давать отчетъ въ своихъ расходахъ; онъ безцеремонно обходился съ мѣстными властями, забиралъ церковную утварь и перечеканивалъ ее въ монету. Онъ обратился съ воззваніемъ къ населенію Боготы и солдатамъ. Противодѣйствіе конгресса политикѣ президента привело къ распущенію конгресса. Москэра объявилъ осадное положеніе. Но въ виду диктаторскаго характера этихъ мѣропріятій второй вице-президентъ велѣлъ арестовать его и заключить въ тюрьму. Онъ былъ изгнанъ на четыре года. Власть, согласно конституціи, перешла къ вице-президенту Гутьерецу (1 апрѣля 1868), котораго смѣнилъ генералъ Салгаръ.

Венецуэла; пораженіе унитаріевъ. — Въ январѣ 1847 г. Паэцъ, пустивъ въ ходъ свое вліяніе, добился избранія Тадео Монагаса. Онъ скоро раскаялся въ этомъ и попытался свергнуть его, но, потерпѣвъ неудачу, долженъ былъ бѣжать въ Нью-Іоркъ. Двое братьевъ Монагасъ, Тадео и Грегоріо, смѣнялись во власти до 1858 г. Оба они были федералистами.

Власть перешла къ консерваторамъ; либералы и демократы возстали въ провинціяхъ, но имъ не удалось свергнуть консерваторовъ. Паэцъ вернулся на родину и снова сдѣлался диктаторомъ. Однако онъ долженъ былъ признать могущество Хуана Фалькона, вождя федералистовъ. Впрочемъ, Паэцъ служилъ лишь ширмою для правительства, въ которомъ дѣйствительная власть принадлежала его другу Рохасу, министру внутреннихъ дѣлъ, человѣку деспотическихъ наклонностей. Между тѣмъ унитаріанская консервативная партія распалась; солдаты Фалькона разбили войско Паэца. Приходилось вступить въ соглашеніе съ федералистами, которые господствовали на западѣ и волновали восточную часть страны; столица была какъ бы блокирована. Дѣйствительно, между обѣими партіями состоялось соглашеніе; генералъ Хуанъ Фальконъ былъ избранъ временнымъ президентомъ, его другъ и сотрудникъ Гузманъ Бланко — временнымъ вице-президентомъ. Учредительное собраніе, открывшееся 24 декабря 1863 г., пригласило Фалькона, организовавшаго великую борьбу за свободу, „руководить и впредь верховнымъ управленіемъ федераціи въ званіи президента Соединенныхъ Штатовъ Венецуэлы“.

Согласно конституціи 22 августа 1864 г., республика состоитъ изъ двадцати независимыхъ штатовъ, которые управляются каждый своимъ особымъ демократическимъ и отвѣтственнымъ правительствомъ. Федерація управляется сенатомъ и парламентомъ, которые наполовину обновляются чрезъ каждые два года. Депутатъ не можетъ стать министромъ. Исполнительная власть принадлежитъ президенту, избираемому на четыре года. Особый верховный судъ разбираетъ тяжбы между штатами. Конституція обезпечиваетъ свободу во всѣхъ ея видахъ (свободу печати, союзовъ, преподаванія, совѣсти и собраній).

Обнищаніе казны и возобновленіе унитаріанскаго движенія привели къ крушенію Фалькона (1868). Власть снова перешла къ унитаріанской партіи въ лицѣ Х.-Р. Монагаса, который однако скоро умеръ. Этимъ случаемъ воспользовался Гузманъ Бланко: онъ добился своего избранія во временные президенты и затѣмъ оставался на этомъ посту до 1873 г.

IV.—Республики, расположенныя въ Андахъ.

Боливія; военные перевороты.—1848 годъ былъ ознаменованъ военнымъ переворотомъ: военный министръ Бельцу съ помощью арміи захватилъ власть. То же сдѣлалъ послѣ Бельцу, въ 1855 г., генералъ Кордова, свергнутый затѣмъ бунтомъ.

Наперекоръ войску либералы провели въ президенты д-ра Линареса. Но генералы скоро постарались отдѣлаться отъ него. Однако между ними самими не было никакого единодушія; чтобы положить конецъ смутамъ, Чили и Перу задумали подѣлить между собою Боливію. Въ маѣ 1862 г. національный конвентъ избралъ въ президенты генерала Аша; полковникъ Бальца поднялъ свой полкъ, а генералъ Перецъ, которому поручено было подавить этотъ мятежъ, въ свою очередь возмутился и провозгласилъ себя президентомъ. Воцарилась военная анархія. Въ январѣ 1865 г. противъ генерала Аша снова возсталъ генералъ Бельцу. Вслѣдъ за Бельцу возсталъ подполковникъ Мальгарехо. Бельцу былъ убитъ, и Мальгарехо уже считалъ свой успѣхъ обезпеченнымъ, какъ вдругъ полковникъ Касто Агуэдасъ захватилъ Кобиху и Ля-Пацъ, которые пришлось отнимать у него силою (1866). Избиратели назначили Мальгарехо президентомъ до 1869 г. Онъ до конца удержалъ за собою власть, причемъ дѣлалъ кое-какія попытки съ цѣлью оживить экономическую жизнь страны. Весь этотъ періодъ наполненъ непрерывными войнами между честолюбивыми военачальниками, изъ которыхъ каждый опирается на какой-нибудь гарнизонъ или полкъ; здѣсь дѣйствуютъ не партійныя страсти, а алчное честолюбіе; это — одна долгая комедія, которую разыгрываютъ передъ глазами испуганнаго общества полковники и генералы.

Экуадоръ; господство клерикальной партіи.—Около 1849 г. клерикальная партія возвела на президентскій постъ своего кандидата, Діего Нобоа, который не замедлилъ призвать іезуитовъ и дать пріютъ бѣжавшимъ изъ Колумбіи консерваторамъ. Когда Колумбія потребовала удовлетворенія, Діего Нобоа послалъ противъ нея войско, начальникъ котораго, Хозе-Марія Урбино, первымъ дѣломъ низвергъ самого Нобоа. Урбино сталъ диктаторомъ (1851); онъ опирался на крайнихъ демократовъ; власть онъ сохранилъ до 1856 г. Его преемникъ Роблесъ также не былъ клерикаломъ. Между тѣмъ Перу изъ-за пограничнаго спора объявило войну Экуадору; Урбино и Роблесъ стали во главѣ арміи, но тутъ возстала страна; консервативная партія Анито избрала своимъ вождемъ Морено и доставила ему президентство; Роблесъ и Урбино были принуждены удалиться въ Чили.

Профессоръ химіи Габріэль-Гарсія Морено въ молодости былъ изгнанникомъ; онъ жилъ въ Лондонѣ и Парижѣ и изучилъ европейскія учрежденія. 8 іюля 1861 г. онъ былъ избранъ президентомъ. Морено принадлежалъ къ консервативно-клерикальной партіи. Сначала онъ былъ популяренъ, но потомъ возбудилъ противъ себя неудовольствіе, заключивъ конкордатъ съ Римомъ; его свѣтская политика также была крайне вредна для страны: его обвиняли въ томъ, что онъ добивается протектората Франціи, что замышляетъ присоединить Экуадоръ къ Испаніи. Все это сильно возстановило противъ него извѣстные слои экуадорцевъ и сосѣдей (колумбійцевъ). Москэра (Колумбія) явился съ 4.000 человѣкъ, чтобы освободить „братьевъ-демократовъ въ Экуадорѣ отъ теократической тиранніи профессора Морено“. Морено былъ разбитъ.

Конгрессъ утвердилъ Морено во власти и призналъ правильнымъ, чтобы духовныя лица были подсудны только духовнымъ судамъ. Правительство на государ-

ственный счетъ учредило нѣсколько школъ ордена *Doctrine chrétienne*. Нѣсколько возстаній, направленныхъ противъ Морено и его политики, были подавлены. Выборы также оказались благопріятными для консерваторовъ. Президентъ предложилъ въ преемники себѣ Карріона, и послѣдній былъ избранъ 21.000 голосовъ противъ 8.000. Новая попытка возстанія была подавлена самимъ Морено.

Карріону было невозможно править, не пріобщивъ къ своей власти Морено; онъ назначилъ его главнокомандующимъ своего войска, а Морено воспользовался этимъ, чтобы свергнуть его. Нѣкоторое время президентомъ былъ Эспиноза, затѣмъ, на основаніи поправки, внесенной въ текстъ конституціи (1869), снова захватилъ власть Морено; онъ продолжалъ свою клерикальную политику—подарилъ папѣ милліонъ государственныхъ денегъ, оказывалъ покровительство миссіямъ. Его убили подъ конецъ его второго президентства; его смерть была ужасна: его изрѣшетили ударами кинжаловъ и револьверными выстрѣлами (1875).

Перу; господство военныхъ. — Періодъ съ 1851 по 1872 г. ознаменовался въ Перу господствомъ военныхъ. Въ 1851 г. маршалъ Кастилья оставилъ власть, которая—впервые безъ смуты—перешла къ генералу Эченику. Но послѣ президентства генерала Санъ-Романа и бывшаго диктатора Виванко маршалъ Кастилья, опасаясь анти-революціонной реакціи, самъ поднялъ мятежъ.

Въ 1858 г. „великій маршалъ“ Кастилья снова былъ избранъ президентомъ республики. Онъ первымъ дѣломъ распустилъ конгрессъ, оказывавшій ему противодѣйствіе. Не лучше обошелся онъ и съ конгрессомъ, выбраннымъ въ 1859 г. Кастилья былъ мегаломанъ; онъ хотѣлъ расчленить Экуадоръ и захватить Боливію. Его дерзкая внѣшняя политика нравилась народу; но когда она привела къ тому, что въ Каллао явилась французская эскадра, Кастилья сдѣлался умѣреннѣе. Однако онъ протестовалъ противъ французской экспедиціи въ Мексику и предложилъ Хуарецу денегъ и солдатъ.

Въ іюнѣ 1862 г. былъ избранъ президентомъ и вступилъ во власть кандидатъ правительства генералъ Санъ-Романъ; онъ умеръ недолго спустя, въ апрѣлѣ 1863 г. Согласно конституція, власть должна была перейти къ первому вице-президенту, но послѣдній—генералъ Хуанъ Антоніо Пецетъ — путешествовалъ въ это время по Европѣ; до его пріѣзда исполнительной властью руководилъ второй вице-президентъ, Кансеко.

Внѣшняя политика генерала Пецета отличалась миролюбивымъ характеромъ; онъ уладилъ осложненія, существовавшія съ Экуадоромъ, Боливіей и Соединенными Штатами. Онъ воздержался отъ вмѣшательства въ мексиканскія дѣла. Но вызывающее поведеніе испанцевъ заставило его измѣнить своему миролюбію. При совершенно мирныхъ отношеніяхъ испанскій флотъ вдругъ занялъ острова Чинча (14 апрѣля 1864 г.). Перуанскій министръ иностранныхъ дѣлъ слѣдующимъ образомъ отвѣчалъ на заявленіе испанскаго адмирала Пинцона:

„Заявленіе, которое вы соблаговолили сообщить мнѣ, будетъ сохранено въ архивѣ моего министерства, какъ свидѣтельство обиды, нанесенной республикѣ, какъ документъ, способный воспламенять въ правительствѣ и въ сердцѣ каждаго перуанца, который станетъ его читать, чувство національной гордости, такъ безразсудно оскорбленное вами. Было бы недостойно перуанскаго правительства обсуждать заключающіяся въ этомъ документѣ утвержденія, пока часть національной территоріи продолжаетъ находиться во власти его автора... Каковъ бы ни былъ вашъ дальнѣйшій образъ дѣйствій, вы можете быть увѣрены, что проживающіе въ Перу испанскіе подданные будутъ

по прежнему пользоваться полнѣйшей личной безопасностью, если только будутъ и впредь заниматься своими дѣлами мирно и честно. Съ тѣхъ поръ какъ Перу получила независимость отъ своей метрополіи, она слишкомъ далеко подвинулась по пути цивилизаціи, чтобы нужно было обезопасить себя противъ нея путемъ захвата *заложниковъ*. Вы можете гордиться тѣмъ, что воскресили военный обычай варварскихъ временъ, дѣлающій мало чести военачальнику державы, которая называетъ себя цивилизованной...“

Конгрессъ поддержалъ правительство, утвердивъ сдѣланный имъ заемъ въ 50 милліоновъ піастровъ на предметъ увеличенія арміи на 20.000 человѣкъ и флота на 20 судовъ. Англія и Франція выразили порицаніе испанской политикѣ, симпатіи Америки были всецѣло на сторонѣ Перу, особенно дѣятельно обнаруживало свои симпатіи Чили. Испанское правительство отказалось отъ своихъ притязаній, и назначенный вмѣсто Пинцона адмиралъ Пареха 28 января 1865 г. подписалъ прелиминарный миръ.

Внѣшняя политика Пецета послужила оппозиціи предлогомъ для нападокъ на президента. Маршалъ Кастилья агитировалъ за основаніе наступательной лиги американскихъ государствъ противъ Испаніи; онъ желалъ войны. Пришлось выслать его изъ предѣловъ страны. Возникъ мятежъ въ Арекипѣ, Пуно и Куско; второй вице-президентъ Кансеко примкнулъ къ возстанію и съ войскомъ вернулся въ Лиму. Пецетъ былъ свергнутъ и преданъ суду; его министры подверглись гоненіямъ. Впрочемъ, экс-президентъ успѣлъ спастись на одно англійское судно. Кансеко въ качествѣ вице-президента принялъ власть и составилъ министерство. Онъ заявилъ, что будетъ дѣйствовать строго-конституціонно и законно и испроситъ у народа утвержденія своей власти. Но военачальники низложили его, и полковникъ Пардо былъ назначенъ диктаторомъ.

Полковникъ Пардо привлекъ къ отвѣтственности виновниковъ соглашенія съ Испаніей; онъ порвалъ съ Испаніей и объявилъ недѣйствительнымъ прелиминарный миръ. Былъ заключенъ противъ Испаніи четверной союзъ изъ Чили, Перу, Боливіи и Экуадора. Испанская эскадра покинула Каллао, который она тщетно бомбардировала. Несмотря на достигнутые успѣхи, диктатура Пардо имѣла противниковъ. Шуринъ Кансеко, Кастилья, пользовавшійся большой популярностью, сгруппировалъ часть недовольныхъ; другой заговоръ составилъ полковникъ Балта. Пришлось созвать избирателей для выбора депутатовъ. 31 августа 1867 г. была выработана конституція: президентъ выбирается на пять лѣтъ, католицизмъ является единственной признанной религіей.

Возстаніе, которое организовалъ Кансеко въ Арекипѣ, кончилось сверженіемъ Пардо. Его преемникомъ сталъ Балта, избранный на четыре года; конституція 1867 г. была оставлена (1868).

Чили. — Умѣренные консерваторы и радикальные консерваторы (pelucones). — Въ 1851 г. консерватора Бульнеса смѣнилъ другой консерваторъ, профессоръ Монтъ. Кое-какія волненія были подавлены благодаря содѣйствію Бульнеса. Но въ 1858 г. власть президента встрѣтила болѣе энергичное сопротивленіе: изъ-за постройки протестантскаго храма въ Вальпарайзо подняли мятежъ крайніе консерваторы (*pelucones*), подстрекаемые духовенствомъ. Они требовали пересмотра конституціи, и правительство оказалось безсильнымъ закрыть основанный ими клубъ. Въ Вальпарайзо и Сантъ-Яго было объявлено осадное положеніе. Копіапо возсталъ, радикалы овладѣли Талькой (1859). Генералы плохо поддерживали Монта, который не былъ военнымъ; но, благодаря чрезвычайной власти, предоставленной ему конгрессомъ, онъ сумѣлъ разбить инсургентовъ у Пенуэлосъ (29 апрѣля).

Въ іюнѣ 1861 г. выборы дали ему въ преемники Хозе Іоакина Переца. Избраніе Переца было результатомъ соглашенія между партіями; онъ далъ амнистію всѣмъ мятежникамъ, начиная съ 1851 г. Но скоро онъ оказался не въ состояніи удовлетворять ни радикаловъ; ни консерваторовъ.

Испано-чилійскій конфликтъ.—Во время Испано-перуанской войны Чили обнаружило симпатіи къ Перу; когда этотъ конфликтъ былъ улаженъ, испанское правительство потребовало у Чилійской республики удовлетворенія за ея образъ дѣйствій. Перуанское правительство дало испанскому послу въ Сантъ-Яго, Тавирѣ, объясненія, которыя онъ призналъ достаточными; Тавира былъ тотчасъ отозванъ. Испанія питала враждебныя намѣренія; это доказала присылка адмирала Пареха, который, прибывъ съ пятью судами, потребовалъ пушечнаго салюта въ 21 выстрѣлъ и новыхъ объясненій. Чилійское правительство не дало себя запугать. Оно заявило: „Республика, сильная сознаніемъ своей правоты, поддерживаемая отвагою своихъ сыновъ, призвавъ Бога въ судьи и весь цивилизованный міръ въ свидѣтели борьбы, будетъ защищать свою честь и свои права до послѣдней крайности и станетъ вести войну всѣми средствами, допускаемыми международнымъ правомъ, какъ бы суровы и тягостны они ни были“.

Война была объявлена и народъ привѣтствовалъ ея объявленіе съ энтузіазмомъ. Конгрессъ вотировалъ на оборону страны 20 милліоновъ піастровъ. Въ отвѣтъ испанскій адмиралъ объявилъ блокированными главные порты: Вальпарайзо, Кокимбо, Кальдера и пр. Чтобы парализовать эту мѣру, убыточную для нейтральныхъ державъ, чилійское правительство открыло на правахъ портофранко 38 гаваней. Морская война началась блестящимъ успѣхомъ чилійцевъ Чилійскій корветъ *Esmeralda* бросился между Кокимбо и Папуло на испанскую канонерку *Virgen de Cavadonga* и въ двадцать минутъ овладѣлъ ею. Получивъ извѣстіе объ этой неудачѣ, испанскій адмиралъ Пареха застрѣлился изъ револьвера.

Испанскій флотъ перешелъ теперь подъ начальство Мендецъ-Нунеца, командира *Нуманціи*, находившейся тогда въ Каллао. Прибывъ въ чилійскія воды, онъ отвѣчалъ на захватъ канонерки безпощадными репрессіями. Онъ потребовалъ, подъ угрозой бомбардировки Вальпарайзо, чтобы чилійское правительство приняло условія соглашенія, которыя предложатъ Францiя и Англія. Чилійское правительство упорствовало въ своемъ отказѣ; давъ двухчасовой срокъ для эвакуаціи города, Нунецъ открылъ бомбардировку по Вальпарайзо (31 марта 1866 г.). Эскадры нейтральныхъ державъ не вмѣшались; кончивъ „операцію“, Нунецъ удалился изъ чилійскихъ водъ.

Республики, расположенныя въ Андахъ,—Чили, Боливія, Экуадоръ и Перу,—образовали четверной союзъ; Боливія и Чили мирнымъ путемъ уладили свои пограничные споры. По окончаніи военныхъ дѣйствій чилійское правительство сохранило свою популярность, и Перецъ былъ 25 іюля 1866 г. снова избранъ въ президенты на пять лѣтъ. Обновленіе обѣихъ палатъ не доставило побѣды оппозиціи (31 марта—1 апрѣля 1867). Было заключено два займа въ Англіи (1866—1867); республика на югѣ расширила свою территорію въ Арауканіи.

Въ 1871 г. Чили изъявило согласіе на проектъ перемирія съ Испаніей, который Перу приняло въ Лимѣ въ 1869 г.; это было большимъ облегченіемъ для торговли нейтральныхъ и союзныхъ державъ. Въ этомъ же году, въ іюлѣ, конгрессъ постановилъ, что президенты чилійской республики не могутъ быть избираемы вторично на этотъ постъ. Преемникомъ Переца былъ Эрразуризъ.

V.—Мексика.

Паденіе Санта Анна.—Успѣхи іоркиносовъ.—Съ 1848 по 1858 г. Мексику волнуетъ цѣлый рядъ гражданскихъ смутъ, которыя еще болѣе дискредитируютъ мексиканскую республику, уже и безъ того ослабленную пораженіемъ, которое нанесли ей Соединенные Штаты. Президентскій постъ послѣдовательно занимали: Геррера (во второй разъ, 1848—1851), Ариста (1851—1853), Санта Анна (въ четвертый разъ, 1853—1854), Мартинъ Каррера (1854—1856) и Комонфортъ (1856—1858). Этотъ періодъ ознаменованъ упадкомъ вліянія Санта Анна, пошлаго честолюбца, котораго жажда власти побудила перейти изъ лагеря *yorkinos*, т.-е. демократовъ, въ лагерь клерикаловъ, ратовавшихъ за монархію и централизацію и скрывавшихся подъ именемъ *escoceses*.

Въ эту эпоху централистическая конституція 1835 г. была замѣнена конституціей 1846 года, которая установила въ Мексикѣ режимъ, близко напоминавшій государственное устройство Соединенныхъ Штатовъ; въ сущности она воскресила порядки 1824-го и ближайшихъ къ нему годовъ. Но эта конституція подверглась многочисленнымъ превратностямъ; въ 1853 г. Санта Анна упразднилъ ее, присвоилъ себѣ титулъ Свѣтлости и сталъ править безъ конгресса, разыгривая изъ себя императора. Онъ возстановилъ противъ себя всѣхъ. Теперь взяли верхъ демократы въ лицѣ Альвареца и Комонфорта. Это была побѣда индѣйцевъ, либераловъ, сторонниковъ религіозной терпимости и демократическихъ принциповъ надъ сторонниками диктатуры или замаскированной монархіи, надъ поземельной олигархіей и клерикальнымъ вліяніемъ.

Президентъ Хуарецъ (1858—1872).—Изъ всѣхъ мексиканскихъ государственныхъ людей Хуарецъ, безъ сомнѣнія, сыгралъ наиболѣе крупную роль. Онъ достигъ власти вмѣстѣ съ демократической и антиклерикальной партіей, которой онъ былъ вождемъ. Бенито Хуарецъ былъ родомъ индѣецъ и низкаго происхожденія; онъ родился въ 1808 г. въ окрестностяхъ Оахаки, въ деревушкѣ, состоявшей изъ нѣсколькихъ камышевыхъ хижинъ. Его родители имѣли хижину и клочокъ земли. Онъ рано потерялъ отца и росъ сначала у бабушки, потомъ у дяди; двѣнадцати лѣтъ онъ не умѣлъ ни читать, ни писать и не говорилъ по-испански. Онъ служилъ сначала въ Оахакѣ домашнимъ слугою. Его хозяинъ, пораженный его большимъ умомъ, рѣшилъ дать ему образованіе. Хуарецъ прошелъ сначала семинарію, затѣмъ учился въ одномъ институтѣ, основанномъ либералами. Онъ сталъ адвокатомъ, но еще до этого, съ 1828 г., занимался политикой въ рядахъ демократической партіи; затѣмъ онъ сдѣлался муниципальнымъ совѣтникомъ въ Оахакѣ (1831), потомъ дважды выбирался депутатомъ. Затѣмъ онъ былъ до 1852 года губернаторомъ Оахаки. Во время возстанія демократовъ въ 1855 г. онъ сдѣлался однимъ изъ ихъ вождей. Здѣсь онъ ярко обнаружилъ свои нравственныя качества и прежде всего неукротимую энергію.

Въ разгарѣ гражданской войны онъ сдѣлался президентомъ республики. Партійныя страсти достигли крайняго обостренія, консерваторы были ожесточены противъ демократовъ. Демократы восторжествовали и провели въ президенты генерала Альвареца, который скоро ушелъ въ отставку, потомъ Комонфорта. Консерваторы, поддерживаемые духовенствомъ, пытались поднять возстаніе противъ Комонфорта. Они были побѣждены и клерикальной партіи нанесенъ сильный ударъ: мексиканскій конгрессъ объявилъ церковныя имущества секуляризованными (1856). Вскорѣ затѣмъ было рѣшено, что католицизмъ впредь не долженъ призна-

ваться государственной религіей и что церковные суды должны быть закрыты, а духовенство отдано подъ власть общаго права; далѣе, оно утратило надзоръ надъ школьнымъ дѣломъ и монашескіе ордена были уничтожены. На эти мѣропріятія консерваторы и духовенство отвѣтили гражданской войною. Комонфортъ былъ разбитъ и долженъ былъ удалиться изъ Мексико (21 января 1858). Столица перешла въ руки инсургентовъ, предводимыхъ Цулагоа и Мирамономъ (1858—1859).

Въ это время Хуарецъ былъ первымъ судьею высшей судебной палаты и вице-президентомъ республики. Когда Комонфортъ былъ низвергнутъ, Хуарецъ, опираясь на конституцію 1857 г., занялъ постъ президента. Но онъ находился въ критическомъ положеніи; онъ былъ осажденъ въ Вера-Круцѣ и всякое сообщеніе съ внутренностью страны было ему отрѣзано. Между тѣмъ Соединенные Штаты признали его президентомъ республики, и генералы Альварецъ, Видаурри и Ортега высказались въ его пользу.

Гражданская война длилась три года. Боролись—на одной сторонѣ вождь клерикаловъ-консерваторовъ Мирамонъ, желавшій призвать въ правители государства какого-нибудь иностраннаго принца, вернуть духовенству его прежнія привилегіи и обуздать прессу; съ другой—Хуарецъ, поддерживаемый морально нѣсколькими государствами, но лишенный всякихъ средствъ, лишенный возможности созвать конгрессъ и принужденный составить временную конституцію. Тѣмъ не менѣе побѣдителемъ остался Хуарецъ; онъ нанесъ ударъ своему главному врагу—духовенству. Онъ конфисковалъ всѣ его имущества, кромѣ храмовъ, упразднилъ монастыри, предоставилъ монахамъ право требовать назадъ свои вклады, разрѣшилъ гражданскіе браки, передалъ веденіе гражданскихъ записей свѣтскимъ органамъ и уничтожилъ мексиканское посольство въ Римѣ.

Въ декабрѣ 1860 г. Хуарецъ побѣдителемъ вступилъ въ Мексико.

Осложненія между Мексикой и Англіей, Испаніей, Франціей. — Какъ разъ въ ту минуту, когда Хуарецъ восторжествовалъ внутри страны, возникли всякаго рода дипломатическія затрудненія. Во время гражданской войны былъ разграбленъ домъ англійскаго консула въ Санъ-Луи и убито нѣсколько испанцевъ. По окончаніи гражданской войны англійское и испанское правительства потребовали удовлетворенія. Ихъ примѣру послѣдовала и Франція. Одинъ швейцарскій банкиръ, Жеккеръ, натурализовавшійся во Франціи благодаря поддержкѣ герцога Морни (1862), потребовалъ вознагражденія за понесенный имъ убытокъ, причемъ герцогъ Морни долженъ былъ получить 30% съ той суммы, которую удастся получить. Мирамонъ занялъ у Жеккера 75 милліоновъ франковъ, но фактически получилъ лишь 3 милл. серебромъ и 4½ милл. фр. ассигнаціями. Хуарецъ отказался уплатить—какъ того требовалъ французскій консулъ полностью всю сумму, занятую на предметъ борьбы съ нимъ. Притомъ конгрессъ постановилъ (17 іюля 1861) пріостановить на два года уплату по иностраннымъ займамъ съ цѣлью провѣрить ихъ дѣйствительность.

Соглашеніемъ, заключеннымъ въ Лондонѣ 31 октября 1861 г., Франція, Англія и Испанія условились сообща добиваться удовлетворенія своихъ требованій. Союзники рѣшили воздерживаться отъ всякаго дробленія Мексики и всякаго вмѣшательства въ ея внутреннія дѣла. Президентъ Линкольнъ въ отвѣтъ на предложеніе этихъ трехъ державъ отказался примкнуть къ нимъ, сославшись на доктрину Монроэ. Притомъ онъ уже раньше обѣщалъ свою поддержку Хуарецу.

И вотъ морскія силы трехъ державъ явились въ мексиканскихъ водахъ. Ис-

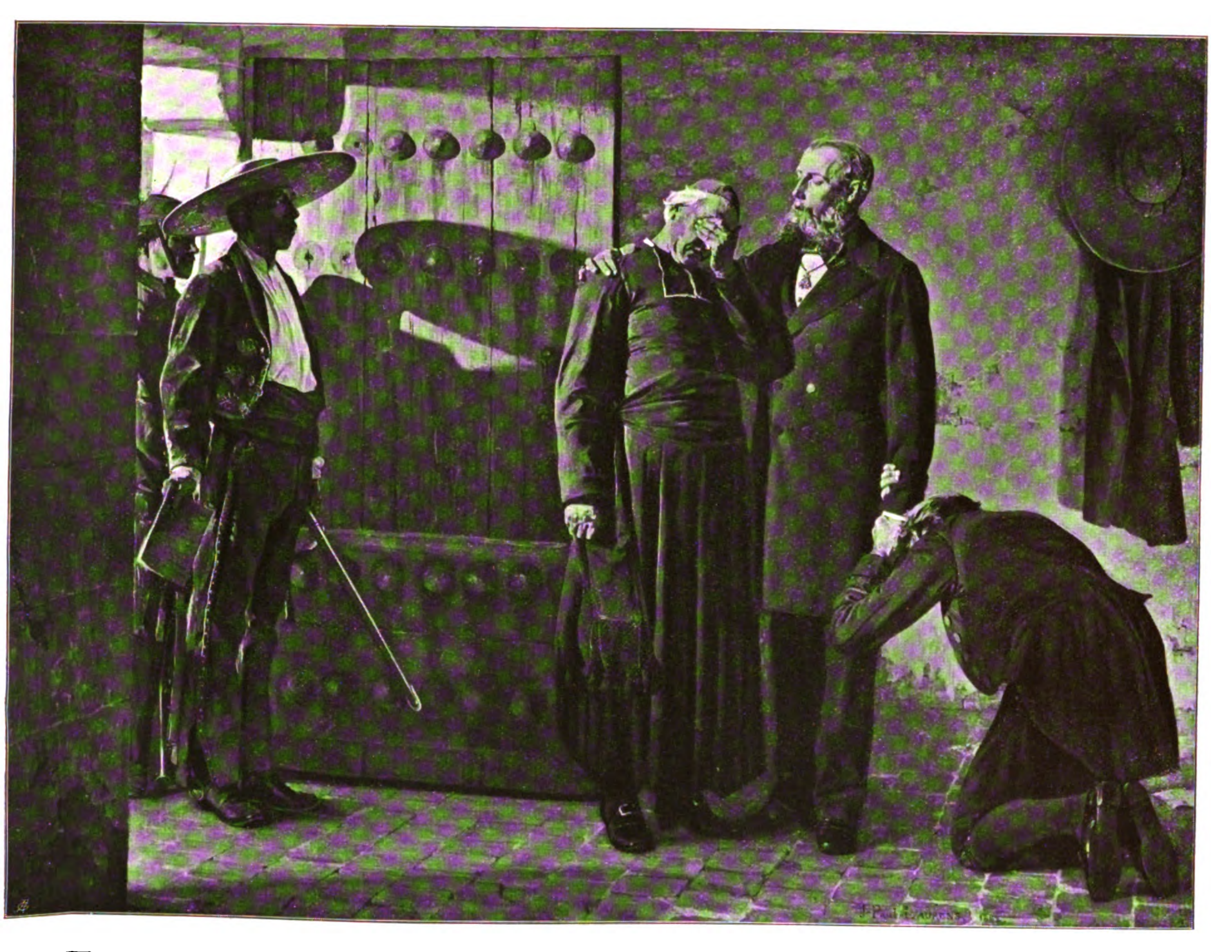
панцы безъ труда взяли Вера-Круцъ. Испанской эскадрой командовалъ Примъ, французской — Жюріанъ де ла Гравьеръ, англійской — Дёнлопъ. Нота, присланная уполномоченными, гласила, что европейскія державы не имѣютъ намѣренія вмѣшаться въ борьбу мексиканскихъ партій. Хуарецъ началъ переговоры. Испанія и Англія не пожелали поддержать требованія Франціи, находя ихъ чрезмѣрными. Европейцы заняли нѣсколько городовъ, и мексиканскій флагъ снова былъ поднятъ въ Вера-Круцѣ.

Но въ эту самую минуту Наполеонъ III нарушилъ соглашеніе съ остальными двумя державами, затѣявъ лично политику, дружественную врагамъ Хуареца и внушенную, какъ думали, папой, который горѣлъ желаніемъ отмстить за мексиканское духовенство. Именно, генералъ Альмонте, бывшій посланникъ Мирамона въ Парижѣ, заявилъ англійскому и испанскому уполномоченнымъ, что Наполеонъ обѣщалъ ему свою поддержку для возведенія на мексиканскій престолъ эрцгерцога Максимиліана. Англійскій и испанскій уполномоченные отказались примкнуть къ этому заговору; итакъ, лондонское соглашеніе было расторгнуто. Хуарецъ рѣшилъ, что дѣло равносильно объявленію войны со стороны Франціи, и вступилъ въ переговоры съ Испаніей и Англіей.

Война между Франціей и Мексикой.—Генералъ Альмонте отправился внутрь страны, собралъ своихъ приверженцевъ, провозгласилъ себя президентомъ и такимъ образомъ открылъ эру гражданскихъ войнъ. Французскимъ экспедиціоннымъ отрядомъ командовалъ Лорансэ. 5 мая 1862 г. онъ потерпѣлъ неудачу при атакѣ форта Гваделупа подъ Пуэблой; отступивъ къ Оризабѣ, онъ укрѣпился здѣсь. Въ сентябрѣ прибылъ генералъ Форэ съ 30.000-нымъ французскимъ войскомъ; оно высадилось въ Вера-Круцѣ. Въ мартѣ 1863 г. онъ осадилъ Пуэблу. Мексиканскій генералъ Комонфортъ пошелъ на выручку крѣпости, но французская дивизія генерала Базэна отбросила его при Санъ-Лоренцо (8 мая). Два мѣсяца Ортега оборонялся въ осажденной крѣпости; онъ капитулировалъ 18 мая 1862 г., уничтоживъ предварительно все свое оружіе и знамена.

Теперь Хуарецъ рѣшилъ покинуть Мексико; онъ удалился въ сѣверныя провинціи съ цѣлью организовать здѣсь сопротивленіе и искать поддержки Соединенныхъ Штатовъ. Передъ его отъѣздомъ конгрессъ вручилъ ему диктаторскія полномочія на время войны и разошелся. Путь былъ свободенъ; французы вступили въ Мексико (5 іюня 1863). Комиссія изъ 35 членовъ, назначенная французскимъ генераломъ Форэ, созвала хунту изъ 215 членовъ. Эта хунта избрала мексиканскимъ императоромъ эрцгерцога Максимиліана, брата австрійскаго императора. Новый государь прибылъ въ маѣ 1864 г.

Но консервативная олигархія, сдѣлавшая этотъ выборъ подъ руководствомъ иностраннаго генерала, повергаетъ вслѣдъ затѣмъ Мексику въ бѣдствія ужаснѣйшей гражданской войны. Республиканцы сразу возненавидѣли навязаннаго имъ государя и подъ предводительствомъ Хуареца открыли безпощадную, безжалостную борьбу. Хуарецъ организовалъ войну на сѣверѣ; французскому экспедиціонному корпусу приходилось бороться и съ климатомъ, и съ неуловимымъ врагомъ, дѣйствовавшимъ партизански; возобновились ужасы испанской войны. Французскіе генералы—Форэ, потомъ Базэнъ—видѣли, что ихъ войска съ каждымъ днемъ таютъ. А мѣры, принятыя съ вѣдома Максимиліана, сдѣлали навѣки несмываемымъ позоръ этой войны, вмѣстѣ и гражданской, и иностранной: съ октября 1865 года военноплѣнные мексиканскіе республиканцы разстрѣливались; генералы Артеага и Салацаръ были казнены.

Ж. П. Лоранъ.

Послѣднія минуты императора Максимиліана.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и Ко

Мексиканцы отмстили за эти звѣрства въ сраженіяхъ при Такамбаро близъ Мореліи въ Мичаоканѣ (1865), при Матаморосѣ (май 1866), Тампико (августъ), Альварадо и Оахокѣ. Французскія войска плохо поддерживали новаго государя, такъ какъ генералъ Базэнъ дѣйствовалъ, повидимому, въ собственныхъ интересахъ, желая удержать за собою занятую имъ страну. Онъ былъ въ ссорѣ съ Максимиліаномъ, а вскорѣ онъ и вовсе удалился послѣ дипломатическаго вмѣшательства Соединенныхъ Штатовъ. Въ 1867 г. экспедиціонный отрядъ оставилъ Мексико и ушелъ моремъ въ Вера-Круцъ. Максимиліанъ отказался покинуть Мексику вслѣдъ за французскими войсками; онъ разсчитывалъ удержаться съ помощью горсти австрійскихъ и бельгійскихъ солдатъ и мексиканскихъ имперіалистовъ. Можетъ быть, онъ надѣяся либеральной политикой привлечь къ себѣ сердца мексиканцевъ. Онъ лично былъ кроткій человѣкъ. Тотчасъ по отплытіи французовъ возстаніе приняло общій характеръ; Эскобедо захватилъ въ Кератеро императора, Мирамона и Мехію; всѣ трое были судимы военнымъ совѣтомъ, приговорены къ смерти и разстрѣляны (19 іюня 1867).

Теперь приверженцы Хуареца принялись въ свой чередъ осуждать и изгонять своихъ противниковъ и конфисковать ихъ имущества. Такъ кончилась эта кровопролитная война. Монархически-централистическая партія исчезла, духовенство было окончательно ослаблено: восторжествовала демократическая партія, *jorkinos*. Конституція 1857 г. была возстановлена, и Хуарецъ снова избранъ въ президенты республики на четыре года (1867—1871); въ 1871 г. онъ опять былъ выбранъ, но умеръ въ 1872 г.

Глава VIII.
Дальній Востокъ.

Китай.—Россія и Китай—.Аннамъ.—Сіамъ и Камбоджа.—Бирманія.—Японія.

1850–1870.

I.—Китай.

Императоръ Гіенъ-Фунгъ (1851 – 1861).— Четвертый сынъ Тао Куанга, умершаго 25 февраля 1850 г., Ій-Чу, вступая на престолъ, принялъ имя Гіенъ-Фунга [1]). Внутреннія смуты, пошатнувшія тронъ его дѣда К'іа-К'инга, теперь еще усиливаются; брешь, пробитая европейцами въ Китай при его отцѣ Тао Куангѣ, становится еще больше. А Гіенъ-Фунгъ, ни какъ человѣкъ, ни какъ государь, не стоялъ на высотѣ своей задачи: слабостью и жестокостями онъ прикрывалъ свою глубочайшую апатію, и своимъ спасеніемъ его держава была обязана какъ-разъ тѣмъ, кто объявилъ ему войну: французамъ и англичанамъ.

Тай-пинги. Съ конца XVII вѣка безпрестанно возникали тайныя общества, ставившія себѣ цѣлью низверженіе манчжурской династіи и сильно безпокоившія Т'синговъ. Эти попытки повторялись непрерывно подъ разными именами. Мы видѣли, какъ при императорѣ К'іа-К'ингѣ возникло сильное движеніе т. наз. *Пей Ліенъ Кіао* [2]); теперь императорскій престолъ поколеблетъ еще болѣе грозное возстаніе, подъ руководствомъ Гонгъ Сіуцуэна.

Гонгъ былъ третій самый младшій сынъ крестьянина-собственника и родился въ 1813 г. въ одной деревушкѣ округа Гоа, въ десяти миляхъ къ сѣверо-востоку отъ Кантона. Хотя онъ былъ очень развитъ, однако провалился на экзаменахъ въ Кантонѣ; здѣсь онъ познакомился съ протестантскими миссіонерами (1833). Горячій патріотизмъ, чтеніе иностранныхъ книгъ, а затѣмъ и видѣнія, которыя начали представляться ему послѣ одной болѣзни (1837), внушили ему увѣренность, что на него возложена высокая миссія, и онъ сталъ искать вокругъ себя учениковъ, которые помогли бы ему исполнить ее. Въ лицѣ Фунгъ Юнъ-сана онъ пріобрѣлъ цѣннаго помощника; въ 1844 г. Гонгъ отправился въ Куангъ-си проповѣдовать свои идеи, и съ 1850 г. это религіозное движеніе принимаетъ политическій характеръ. Смерть императора Тао Куанга (25 февраля 1850) послужила какъ бы сигналомъ, и въ октябрѣ Гонгъ перешелъ отъ проповѣди къ дѣлу. Начался долгій походъ черезъ весь Китай; громадная армія мятежниковъ во главѣ съ Гонгомъ,

---

[1]) См. т. IV, стр. 278.
[2]) См. т. IV, стр. 267.

принявшимъ титулъ небеснаго царя, *Тіенъ Ванъ*, шла подъ начальствомъ четырехъ его полководцевъ — *Янга, Сіеу, Фунга* и *Вей*, владыкъ Востока, Запада, Юга и Сѣвера (Тонгъ-Вангъ, Си-Вангъ, Нанъ-Вангъ, Пе-Вангъ); въ Куангси они осадили столицу Куэн-линъ, затѣмъ проникли въ Гу-нань, осадили Чангъ-Ша и по рѣкѣ Сіангъ проникли въ озеро Тунгъ-тингъ, которое и переплыли до Іо-чеу на Янгъ-це (13 декабря 1852). Отсюда они совершенно безпрепятственно начали спускаться по Кіангу; всѣ большіе города послѣдовательно перешли въ ихъ руки; Ханкеу (23 дек. 1852), Ву-чангъ (12 янв. 1853), Кіу-кіангъ (18 февр.), Нганъ-кингъ (24 февр.). Наконецъ, 8 марта мятежники подошли къ Нанъ-Кингу, который и капитулировалъ нѣсколько дней спустя, послѣ страшнаго штурма. Вождь мятежниковъ провозгласилъ себя Сыномъ неба, и его династія стала называться Таи-Пингъ, а народъ прозвалъ мятежниковъ Чангъ Мао (длинноволосыми), потому что они бросили татарскій обычай брить макушку и стали носить длинные волосы, какъ во времена Минговъ. Между тѣмъ это крупное движеніе взволновало иностранцевъ, и вскорѣ мятежниковъ посѣтили въ Нанъ-Кингѣ губернаторъ Гонконга, сэръ Джорджъ Бонгэмъ, на *Гермесъ* (май 1853), де Бурбулонъ на *Кассини* (30 ноября) и американскій пароходъ *Сусквеганна* (май 1854).

Движеніе на сѣверъ.—Овладѣвъ Нанъ-Кингомъ, Таи-Пинги перешли Кіангъ, дважды разбили татаръ (12 и 15 мая 1853) и заняли Фонгъ-Янгъ (28 мая); изъ провинціи Кіангъ-су они перешли въ Го-нань, столицы котораго—Кай-фунга—имъ взять не удалось; они перешли Желтую рѣку, вступили въ Шанъ-си и наконецъ проникли въ Че-ли (29 сент.). Ихъ развѣдчики появились передъ Тіенъ-циномъ (30 окт.); казалось, Пекину не миновать было ихъ рукъ. Но изъ-за страха ли, или вслѣдствіе перемѣны плана, или наводненія, или недостатка провіанта, они вдругъ повернули обратно и ушли на югъ. Снова перейдя Желтую рѣку (17 марта 1854), они овладѣли крупнымъ городомъ Линъ-цингомъ (12 апрѣля) и наконецъ достигли Кіанга.

Въ то же время они упрочили свое положеніе на этой рѣкѣ. Предпринявъ экспедицію въ Кіангъ-си, они овладѣли озеромъ По-іангъ, осадили Нанъ-чангъ (іюнь 1853), затѣмъ поднялись вдоль рѣки, вторично взяли столицу Гу-пэ, Ву-чангъ (26 іюня 1854), потомъ очистили его и въ мартѣ слѣдующаго года заняли въ третій разъ.

Шанхай.—Между тѣмъ Таи-Пингамъ пришлось столкнуться съ иноземцами. Съ 7 сентября 1853 г. по 17 февраля 1855 мятежники занимали китайскую часть Шанхая, и за это время возникъ рядъ столкновеній между европейскими резидентами и ими или императорскими войсками. Когда послѣднія стали грозить иностраннымъ концессіямъ, отрядъ посольскихъ стражниковъ и англійскихъ и американскихъ матросовъ отбросилъ ихъ силою (4 апрѣля 1854, т. наз. сраженіе при *Muddy Flat*—прозвище, данное Шанхаю, такъ какъ онъ лежитъ на болотистой равнинѣ). 9 декабря 1854 г. адмиралъ Лагерръ бомбардировалъ мятежниковъ, а 6 января слѣдующаго года его суда *Жанна д'Аркъ* и *Кольберъ* окончательно освободили французскую концессію и дессантный отрядъ; въ этомъ сраженіи французы потеряли двухъ офицеровъ и семь морскихъ солдатъ убитыми; кромѣ того, тридцать четыре были ранены.

Намъ надо теперь на минуту оставить Таи-Пинговъ, чтобы разсказать о другихъ событіяхъ, потрясшихъ въ это же время Китай.

Мусульмане въ Юнъ-нанѣ.—Это возстаніе началось въ Юнъ-нанѣ на почвѣ ссоры между мусульманскими и китайскими рудокопами. Въ пяти дняхъ пути отъ Та-ли-фу находились залежи серебро-

свинцоваго блеска, сообща разрабатываемыя китайцами и мусульманами. Жадные на прибыль китайцы скоро начали вытѣснять мусульманъ, послѣдніе же сначала работали въ убытокъ, а потомъ, когда дѣло у нихъ пошло удачно, въ свою очередь стали отказывать въ пріемѣ на службу китайцамъ, которымъ приходилось бѣдствовать; отсюда возникли ссоры, нѣсколько человѣкъ было убито и китайцы вытѣснены, а напуганный мандаринъ, вмѣсто того чтобы постараться успокоить волненіе, бѣжалъ въ Юнъ-нань-фу и тамъ составилъ яростное донесеніе противъ мусульманъ, что̀, конечно, только подлило масла въ огонь. Боясь нападенія, мусульмане укрѣпились, но китайцы пришли въ большомъ числѣ и, сильно атаковавъ ихъ, перебили всѣхъ, кого имъ удалось захватить въ сосѣднихъ селеніяхъ. Правда, мандарины послѣ этого возстановили порядокъ, но не надолго.

Нѣкій Гуангъ Чунгъ, вице-президентъ военнаго министерства и ярый врагъ мусульманъ, составилъ планъ поголовнаго ихъ избіенія; но ихъ предупредили, и они поднялись подъ предводительствомъ своего главнаго священнослужителя Ма Тохсинга и другого столь же уважаемаго ими лица—Ту Венъ-Сіеу, и овладѣли Та-лифу, который сталъ отнынѣ столицей и крѣпостью мусульманъ въ Юнъ-нанѣ.

Нѣкій Ма Х'сіенъ, братъ котораго былъ въ числѣ первыхъ минеровъ, убитыхъ подъ Та-ли-фу, командовалъ въ качествѣ второго военачальника этими 20.000 человѣкъ, двинутыми въ походъ Ма Тохсингомъ. Его безумная храбрость и энергія до такой степени воодушевили его единовѣрцевъ, что въ 1860 г. побѣда на всѣхъ пунктахъ была за мусульманами. Несмотря на свой громадный успѣхъ, оба Ма, имѣвшіе возможность продиктовать императорскимъ войскамъ самыя тяжелыя условія, изъявили покорность и удовольствовались тѣмъ, что пекинское правительство пожаловало Ма Х'сіену, перемѣнившему теперь свое имя на Ма-Ю-Лунгъ, чинъ бригаднаго генерала, второстепеннымъ вождямъ — соотвѣтственные чины въ императорской арміи и солдатамъ—щедрыя награды.

Подчиненіе обоихъ Ма (1860) было непоправимой ошибкой; оно обрекло на гибель мусульманскую партію. Мы увидимъ ниже [1]), что временныя удачи Ту Венъ-Сіеу, оставшагося султаномъ Та-ли, не спасли ее отъ окончательнаго крушенія (январь 1873).

Первыя осложненія съ Англіей.—Нанкинскій договоръ [2]) отъ 29 августа 1842 г. былъ дополненъ договоромъ, подписаннымъ 8 октября 1843 г. сэромъ Генри Поттингеромъ въ Гоомюнъ-Шаэ и касавшимся преимущественно вопроса объ урегулированіи торговли. Согласно ст. XII перваго договора и ст. XI второго, острова Шусанъ и Кулангсу были эвакуированы [3]) тотчасъ послѣ уплаты вознагражденій. Соглашеніе, подписанное 4 апрѣля 1846 г. въ Бокка Тигрисъ гонконгскимъ губернаторомъ Девисомъ, точно опредѣлило условія допущенія иностранцевъ въ Кантонъ; далѣе было выговорено, что островъ Шусанъ, очищенный англичанами, никогда не будетъ уступленъ Китаемъ никакой западной державѣ и даже что въ случаѣ чьего-либо нападенія на него Великобританія снова займетъ его, чтобы затѣмъ вернуть Китаю; это соглашеніе было дополнено сдѣлкой, заключенной два дня спустя главнымъ императорскимъ комиссаромъ Ки-Іингомъ.

Коварство китайцевъ очень скоро сказалось въ опалѣ, постигшей тѣхъ мандариновъ, которые вели переговоры съ „западными варварами“; если прибавить сюда многочисленныя нападенія, которымъ подвергались англійскіе подданные со стороны черни и со стороны морскихъ

[1]) См. ниже, т. VIII, глава *Дальній Востокъ*.
[2]) См. т. IV, стр. 273.
[3]) См. т. VI, стр. 277.

разбойниковъ, то станетъ понятнымъ раздраженіе, овладѣвавшее британскимъ правительствомъ.

Инцидентъ съ Arrow.—Новая обида послужила сигналомъ къ открытію военныхъ дѣйствій, и вся тяжесть переговоровъ легла на доктора (позднѣе сэра) Джона Боуринга, который исполнялъ обязанности гонконгскаго губернатора за отсутствіемъ сэра Самуэля Бонгама и вмѣстѣ съ тѣмъ располагалъ неограниченными полномочіями, какъ посланникъ британской королевы. Боурингъ первый понялъ, что вліять на правительство слѣдуетъ не въ Кантонѣ, а въ Пекинѣ. *Лорча* (такъ называютъ судно съ европейскимъ кузовомъ, но туземными оснасткой и экипажемъ) *Arrow*, шедшая подъ англійскимъ флагомъ и подъ командою ирландца Томаса Кеннеди, была захвачена китайскими чиновниками, и двѣнадцать китайскихъ матросовъ изъ четырнадцати, составлявшихъ экипажъ, были уведены въ плѣнъ. Консулъ Гарри С. Перксъ тотчасъ заявилъ протестъ имераторскому комиссару Іе; послѣдній извинился, ложно сославшись на то, что одинъ изъ матросовъ экипажа былъ отцомъ извѣстнаго пирата; но затѣмъ онъ сообразилъ, что хотя это судно, снаряженное по-китайски, и было записано въ Гонконгѣ, куда оно должно было прибыть въ самый день захвата экипажа, но срокъ его свидѣтельства истекъ 27 сентября 1856 г. и, слѣдовательно, оно съ этого дня уже не имѣло права носить англійское знамя; въ виду этого Іе отказалъ консулу Перксу въ какомъ бы то ни было удовлетвореніи. Предлогъ былъ не слишкомъ хорошъ, но достаточенъ.

Начало военныхъ дѣйствій.—22 октября Гарри Перксъ увѣдомилъ своихъ соотечественниковъ объ отвѣтѣ комиссара Іе и въ то же время сообщилъ командовавшему морскими силами вице-адмиралу Микаэлю Сеймуру о томъ, какой оборотъ приняло дѣло. Адмиралъ на слѣдующій день прибылъ въ Кантонъ съ кораблемъ *Coromandel*, предварительно подвергнувъ бомбардировкѣ четыре форта (*Barrier forts*) между Вампоа и Кантономъ. Въ то же время военныя суда *Encounter, Sampson, Barracouta* и *Comus* заняли позиціи—первыя у англійской факторіи, послѣднее въ проходѣ Макао. Адмиралъ послѣдовательно пробовалъ свои силы на остальныхъ фортахъ, но китайцы не изъявляли никакихъ признаковъ раскаянія. Напротивъ, выведенные изъ себя, они 14 декабря 1856 г. въ одиннадцать часовъ вечера подожгли иностранныя факторіи. Все было разрушено, кромѣ англійской факторіи, которая частью уцѣлѣла. На слѣдующій день сэръ Микаэль Сеймуръ бомбардировалъ городъ.

Поведеніе Франціи. — Будь на мѣстѣ французскій или американскій отрядъ, они, можетъ быть, предотвратили бы эту катастрофу; но французскій уполномоченный, графъ Р. де Курси, 24 ноября 1856 г. сообщилъ изъ Макао сэру Джону Боурингу, что адмиралъ Герэнъ „отозвалъ изъ факторіи отрядъ, присланный имъ туда для защиты вице-консульства и французскаго флага“. „Теперь,—писалъ французскій посолъ,—у насъ нѣтъ въ Кантонѣ никакого матеріальнаго интереса, который намъ приходилось бы защищать; я не преминулъ сообщить китайскому правительству о моральной поддержкѣ, которую я намѣренъ оказать вамъ въ этихъ серьезныхъ обстоятельствахъ, разумѣется, на дѣлѣ сохраняя полный нейтралитетъ, котораго не могу нарушить безъ разрѣшенія правительства его величества“.

Франціи скоро представится поводъ выйти изъ своего нейтральнаго положенія и принять активное участіе въ войнѣ.

Мученическая смерть аббата Шаделэна.—Со времени заключенія французами въ 1844 году договора съ Китаемъ, китайцы перестали обижать французскихъ миссіонеровъ какъ въ сѣверной Манчжуріи, такъ и на югѣ провинціи Кантонъ. И

вотъ въ провинціи Куангъ-си, знаменитой въ мартирологѣ католической церкви, было совершено преступленіе, подобное которому случилось, впрочемъ, и въ наши дни. Въ Куангъ-си не было миссіонеровъ со времени изгнанія іезуитовъ; но въ 1853 г. папскій легатъ въ Квантунѣ, Либуа, изъ семинаріи Иностранныхъ миссій въ Парижѣ, прислалъ сюда аббата Огюста Шаделэна изъ епархіи Кутансъ. Послѣ трехлѣтней дѣятельности по распространенію христіанства аббатъ Шаделэнъ былъ арестованъ и звѣрски умерщвленъ 27 февраля 1856 г. въ Синъ-линъгіенѣ; ему было всего 42 года. Его смерть дала французамъ предлогъ ко вмѣшательству въ китайскія дѣла.

Англійскій парламентъ.—Въ Китаѣ царило военное положеніе, хотя война еще не была объявлена. Было невозможно не принять рѣшительныхъ мѣръ; но по этому вопросу британское правительство встрѣтило упорную оппозицію въ парламентѣ. Ричардъ Кобденъ раскрылъ исторію мѣръ, принятыхъ въ Кантонѣ по дѣлу *Arrow*, и его предложеніе объ осужденіи дѣйствій правительства, поддержанное въ энергичной рѣчи Гладстономъ, было принято 26 февраля 1857 г. большинствомъ въ 16 голосовъ. Не колеблясь ни минуты, лордъ Пальмерстонъ аппелировалъ къ избирателямъ, которые всецѣло одобрили его китайскую политику.

Уполномоченные. — Въ апрѣлѣ 1857 г. Джемсъ, восьмой графъ Эльджинъ и двѣнадцатый графъ Кинкардинъ, былъ назначенъ главнымъ комиссаромъ и уполномоченнымъ британской королевы для улаженія отношеній съ китайскимъ императоромъ. Согласно инструкціи, присланной ему Кларендономъ 20 апрѣля 1857 г., Эльджинъ долженъ былъ выставить пять требованій: первыя три касались возмѣщенія убытковъ, понесенныхъ британскими подданными, и строгаго соблюденія различныхъ трактатовъ; четвертое касалось права держать въ Пекинѣ посла, надлежащимъ образомъ аккредитованнаго королевою, съ тѣмъ, чтобы онъ имѣлъ право непосредственно сноситься съ высшими китайскими чиновниками; пятое касалось пересмотра договоровъ съ цѣлью получить новыя льготы по торговлѣ, доступъ въ крупные приморскіе города и рѣки и разрѣшеніе для китайскихъ судовъ со всѣхъ пунктовъ побережья приходить въ Гонконгъ по торговой надобности. Въ этой инструкціи предусматривалась и возможность войны.

Франція назначила уполномоченнымъ барона Гро.

Возстаніе въ Индіи.—Отплывъ въ Китай, Эльджинъ на Цейлонѣ узналъ отъ генералъ-лейтенанта Эшбурнема, командовавшаго экспедиціонными силами, который только что прибылъ изъ Бомбея, что 11 мая 1857 г. въ Мирутѣ возмутился одинъ туземный полкъ. Въ Сингапурѣ Эльджинъ получилъ отъ индійскаго генералъ-губернатора, виконта Каннинга, депешу, требовавшую отъ него немедленной присылки въ Калькутту тѣхъ войскъ, которыя были предназначены для Китая. По соглашенію съ генераломъ Эшбурнемомъ, онъ отправилъ въ Калькутту 5-й стрѣлковый полкъ и 90-й легкій пѣхотный полкъ [1]). Прибывъ въ Гонконгъ 3 іюля и не ожидая барона Гро раньше конца сентября, Эльджинъ отправился въ Калькутту; онъ вернулся въ Гонконгъ въ сентябрѣ, а баронъ Гро прибылъ 16 октября.

Открытіе военныхъ дѣйствій.—12 декабря 1857 г. комиссару Іе былъ посланъ ультиматумъ, и 15-го безпрепятственно занятъ остовъ Гонанъ. 25 декабря Іе отказался очистить городъ Кантонъ. 29 декабря сухопутныя и морскія силы союзниковъ подъ командою контръ-адмираловъ сэра Микаэля Сеймура и Риго де Женуильи и генералъ-майора К. Т. ванъ Штраубензей бомбардировали Кантонъ и

[1]) См. выше, стр. 115 и слѣд.

овладѣли имъ; 5 января 1858 г. были взяты въ плѣнъ генералъ-губернаторъ Іе, губернаторъ провинціи Пи-Квей, и татарскій генералъ. Іе былъ плѣнникомъ отосланъ въ Калькутту, а управленіе городомъ поручено Пи-Квею подъ контролемъ трехъ иноземныхъ комиссаровъ: французскаго морского командира Ф. Мартино де Шенэ, англійскаго консула Гарри С. Перкса и полковника англійской морской пѣхоты Т. Голлоуэя.

Движеніе къ сѣверу.—Между тѣмъ русскій посланникъ, графъ Путятинъ, и посланникъ Соединенныхъ Штатовъ Уильямъ Ридъ соединились съ французскимъ и великобританскимъ послами, чтобы сообща поддержать при пекинскомъ дворѣ жалобы и требованія иностранцевъ. Уполномоченные извѣстили китайскаго губернатора, что они ѣдутъ въ Пекинъ и будутъ тамъ ждать до конца марта (1858) делегатовъ китайскаго правительства, имѣющихъ вмѣстѣ съ ними уладить затрудненія. Когда же китайское правительство отказалось вступить въ переговоры съ уполномоченными, союзники отправились въ Та-ку, у устья Пей-хо. Китайскіе комиссары не имѣли полномочія вести переговоры; съ другой стороны, генералъ-губернаторъ Тау 17 мая прислалъ къ графу Путятину мандарина съ извѣщеніемъ, что богдыханъ отказывается принять иностранныхъ посланниковъ въ Пекинѣ. Въ виду этихъ обстоятельствъ рѣшено было предпринять наступленіе къ Тіенъ-цину (20 мая). Въ этотъ самый день форты Та-ку были бомбардированы и заняты союзниками, такъ что 30 мая уполномоченные могли безпрепятственно вступить въ Тіенъ-цинъ.

Тіенъ-цинскіе договоры. — Тотчасъ по прибытіи Эльджинъ и Гро получили отъ генералъ-губернатора Че-ли, Тау, управляющаго департаментомъ земледѣлія Цонга и товарища государственнаго секретаря Ву императорскій указъ отъ 29 мая, возвѣщавшій, что двое комиссаровъ—главный статсъ-секретарь Куей-Ліангъ и президентъ финансоваго совѣта Гуа-ша-на—ѣдутъ въ Тіенъ-цинъ для разсмотрѣнія спорныхъ вопросовъ. На всякій случай были приняты мѣры въ видахъ дальнѣйшаго похода къ Пекину; однако императорскіе комиссары 2 іюня дѣйствительно прибыли въ Тіенъ-цинъ. Они были снабжены полномочіями, и 26 іюня 1858 г. былъ заключенъ двойной договоръ съ Франціей и Великобританіей.

Англо-китайскій договоръ содержитъ 56 статей. Главныя изъ нихъ слѣдующія: Англіи предоставляется право держать посланника или резидента при пекинскомъ дворѣ, равно какъ и Китаю—при англійскомъ; узаконяется свобода культа; Ченъ-Кіангъ на Янгъ-це открывается для торговли немедленно, Ханъ-Кеу долженъ быть открытъ по водвореніи мира. Кромѣ портовъ Кантона, Амои, Фу-чеу, Нингъ-по и Шанхая, открытыхъ въ силу Нанкинскаго договора, иностранцы получаютъ доступъ также въ Ніу-чуангъ (Манчжурія), Тангъ-чеу (Че-фу, Шанъ-тунгъ), Таиуанъ (Формоза), Чао-чеу (Сватовъ, Квантунъ) и Кіунгъ-чеу (Хайнанъ). Дальнѣйшія статьи касаются таможенныхъ сборовъ, навигаціи и пр. Наконецъ условливалось, что ратификаціи должны быть обмѣнены въ Пекинѣ въ продолженіе года, слѣдующаго за подписаніемъ договора. Дополнительная статья устанавливала, что англійскія войска удалятся изъ Кантона по уплатѣ двухъ милліоновъ таэлей за протори и убытки и другихъ двухъ милліоновъ таэлей за расходы экспедиціи.

Французскій договоръ, подписанный 27 іюня 1858 г., состоитъ изъ 42 статей и мало разнится отъ англійскаго. Онъ прибавилъ къ открытымъ портамъ еще Тамъ-суи на островѣ Формозѣ и Нанъ-Кингъ въ Кіангъ-су (послѣдній пунктъ остался мертвой буквой); зато Ніу-чуанга въ немъ нѣтъ. Кромѣ военной контрибуціи въ два милліона таэлей, китайцы должны были выплатить французскимъ подданнымъ и

лицамъ, состоящимъ подъ покровительствомъ Франціи, особое вознагражденіе за ихъ имущество, разграбленное или сожженное жителями Кантона раньше взятія этого города союзными войсками. Сверхъ того, мандаринъ Синъ-линъ-хіенъ, убійца аббата Шаделэна, былъ отставленъ и навсегда лишенъ права занимать государственную должность. Такимъ образомъ, первая миссія барона Гро и лорда Эльджина въ Китаѣ была исполнена.

Происшествіе въ Та-ку.— Въ Китаѣ были оставлены изъ французскаго посольства Бурбулонъ, изъ англійскаго Фредерикъ Брюсъ для ратификаціи Тіенъ-цинскихъ договоровъ; для исполненія возложеннаго на нихъ порученія они въ іюнѣ 1859 г. отправились въ устье Пей-хо. Англійская эскадра подъ командой адмирала Джемса Гопа и два французскихъ судна сопровождали уполномоченныхъ. Но входъ въ рѣку оказался прегражденнымъ; посланное китайцамъ 22 іюня требованіе объ открытіи рѣки осталось безъ отвѣта; 25 іюня союзники сдѣлали попытку пробиться силою; они были встрѣчены огнемъ фортовъ Таку и послѣ кровопролитнаго боя, гдѣ были ранены адмиралъ Гопъ и французскій командиръ Трико, союзники принуждены были отказаться отъ своего плана и удалиться въ Шанхай. Здѣсь они дожидались инструкцій отъ своихъ правительствъ. Такъ какъ императоръ Гіенъфунгъ одобрилъ поведеніе мѣстныхъ властей Та-ку, то война сдѣлалась неизбѣжной.

Война 1860 г.—Извѣстіе о неудачной атакѣ фортовъ Пей-хо прибыло въ Европу въ сентябрѣ; 2 ноября 1859 г. императоръ Наполеонъ утвердилъ планъ сформированія войскъ, которыя должны были принять участіе въ экспедиціи, а 13-го императорскій указъ назначилъ дивизіоннаго генерала Кузенъ-Монтобана главнокомандующимъ сухопутными и морскими силами, которыя состояли изъ двухъ пѣхотныхъ бригадъ, а всего, считая другіе роды оружія, изъ восьми тысячъ человѣкъ. Генерала Монтобана сопровождалъ блестящій штабъ, начальникомъ котораго былъ подполковникъ Шмицъ. Командиромъ англійскихъ силъ былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ сэръ Гопъ Грантъ; его войско состояло изъ 13.116 человѣкъ, въ томъ числѣ около 1.000 кавалеристовъ. Командованіе флотомъ было отдѣлено отъ сухопутнаго начальства и ввѣрено контръ-адмиралу Джемсу Гопу, помощникомъ котораго былъ контръ-адмиралъ Люисъ Джонсъ. Наконецъ рѣшено было снова прибѣгнуть къ услугамъ барона Гро и лорда Эльджина; они должны были потребовать извиненія за нападеніе въ Та-ку, ратификаціи и исполненія Тіенъ-цинскихъ договоровъ и уплаты военной контрибуціи. Уполномоченные отплыли изъ Марселя 28 апрѣля 1860 г.

Начало военныхъ дѣйствій.—Отплывъ изъ Марселя 12 января 1860 г., генералъ Монтобанъ 26 февраля высадился въ Гонконгѣ. Здѣсь онъ имѣлъ совѣщаніе съ англійскими командирами и французскимъ контръ-адмираломъ Пажемъ, который прибылъ въ Шанхай на *Forbin* (12 марта). Между тѣмъ по примѣру Англіи французскія морскія силы въ китайскихъ водахъ были отдѣлены отъ сухопутныхъ и императорскимъ декретомъ ввѣрены начальству вице-адмирала Шарнэ (4 февраля 1860). Шарнэ выѣхалъ изъ Марселя 29 февраля и, прибывъ въ Гонконгъ 12 апрѣля, отправился отсюда въ Шанхай, гдѣ впервые встрѣтился съ генераломъ Монтобаномъ (19 апрѣля). Англійскій генералъ сэръ Гопъ Грантъ прибылъ въ Шанхай 6 апрѣля. Спустя два дня китайцы отвергли ультиматумъ, представленный имъ въ Пекинѣ 8 марта Бурбулономъ и Брюсомъ. 14 апрѣля въ Шанхаѣ состоялось совѣщаніе французскихъ и англійскихъ командировъ, на которомъ рѣшено было занять большой Шу-санъ, съ тѣмъ, чтобы Шанхай служилъ базой для французовъ, а Гонконгъ для англичанъ; мысль о бло-

кадѣ была совершенно оставлена. Недѣлю спустя (21 апрѣля) безъ сопротивленія сдался союзникамъ Тингъ-Хай въ большомъ Шу-санѣ; наконецъ, 8 іюня французы безъ единаго выстрѣла заняли Чефу. 18 іюня въ Шанхаѣ снова состоялось совѣщаніе французскихъ и англійскихъ генераловъ и адмираловъ, результатомъ котораго было перемѣщеніе операціоннаго базиса: Че-фу, куда 11 іюля прибылъ баронъ Гро, сдѣлался базисомъ французовъ, тогда какъ генералъ Грантъ и адмиралъ Гопъ утвердились насупротивъ въ Та-ліенъ-ванѣ, на полуостровѣ Ліаотунгѣ.

Взятіе Та-ку.—12 іюля 1860 г. была произведена рекогносцировка китайскаго побережья; она показала, что доступъ возможенъ лишь по рѣкѣ Пе-тангъ, нѣсколько сѣвернѣе Пей-хо. 19 іюля снова состоялось военное совѣщаніе въ Че-фу, и нѣсколько дней спустя (26 іюля) эскадры покинули свои стоянки въ Че-фу и Та-ліенъ-ванѣ; вице-адмирала Шарнэ на *Renommée* сопровождали адмиралъ Пажъ на *Némésis*, командовавшей первой эскадрой, контръ-адмиралъ Протэ на *Dryade*, командовавшей второй эскадрой и капитанъ Бургуа на *Dragonne*. 30 іюля обѣ эскадры соединились и направились къ Пе-тангъ-хо, но состояніе моря позволило войску высадиться лишь 1 августа; на слѣдующій день авангардъ безпрепятственно занялъ городъ, южный фортъ и сѣверный фортъ Пе-танга. Несмотря на дурную погоду, въ ближайшіе за тѣмъ дни была обслѣдована болотистая равнина между Пе-тангъ-хо и Пей-хо, черезъ которую пролегаетъ большая дорога; 12 августа были взяты окопы Синъ-ко, а еще два дня спустя союзники заняли Тангъ-ко. Планъ генерала Монтобана состоялъ въ томъ, чтобы, опираясь на эти два укрѣпленія, перекинуть мостъ черезъ Пей-хо и атаковать форты на правомъ берегу этой рѣки. 18 августа была совершена переправа; тѣмъ не менѣе, этотъ планъ былъ измѣненъ по инициативѣ генераловъ сэра Гопа Гранта и Коллино, и 21 августа былъ начатъ штурмъ форта, лежащаго нѣсколько выше, на лѣвомъ берегу. Дѣйствія сухопутныхъ войскъ поддерживала соединенная эскадра генераловъ Пажа и Джонса. Штурмъ начался въ пять часовъ; въ шесть онъ развернулся по всей линіи, въ семь взорвался пороховой погребъ во внутреннемъ фортѣ; наконецъ союзники пошли на приступъ, французы первые проникли въ крѣпость, и барабанщикъ Фашаръ водрузилъ на стѣнѣ французское знамя. Южные форты остались безмолвными, второй сѣверный фортъ сдался безъ сопротивленія, наконецъ въ тотъ же день сдались всѣ три форта лѣваго берега. Такимъ образомъ союзники въ одинъ день овладѣли пятью фортами, четырьмя плотинами, 167 орудіями большого калибра, 444 орудіями малаго калибра, множествомъ ружей, самострѣловъ и т. д.

Взятіе Тіенъ-цина. — Дорога къ Тіенъцину была открыта; *Alarme* въ сопровожденіи *Avalanche*, *Mitraille* и адмирала Гопа вышелъ изъ Тангъ-ко и поднялся вверхъ по Пей-хо (23 августа). Нѣкоторое время спустя пришелъ сюда и адмиралъ Шарнэ; Тіенъ-цинъ безъ сопротивленія сдался обоимъ генераламъ 24 августа 1860 г. Два дня спустя прибыли въ этотъ городъ сухопутныя войска съ обоими уполномоченными, Эльджиномъ и Гро.

Губернаторъ Че-ли, Генгъ-фу, и императорскій комиссаръ Куей-ліангъ изъявили готовность вступить въ переговоры; но нѣсколько дней спустя оказалось, что у нихъ нѣтъ полномочій; поэтому переговоры были прерваны (7 сентября) и объявленъ общій походъ союзной арміи на Пекинъ.

Западня въ Тунгъ-чеу. — При первой остановкѣ на Пей-хо, въ Іангъ-цунѣ, Цаи, принцъ И, и Гангъ Ки, военный министръ, сообщили союзникамъ новыя предложенія китайскаго правительства (10 сентября).

Эти предложенія были приняты лишь на второмъ привалѣ, въ Го-си-во; войска должны были стать лагеремъ въ двухъ миляхъ отъ Тунгъ-чеу и 17 сентября покинуть Го-си-во. Но на слѣдующій день союзники наткнулись на татарскую армію, и вмѣстѣ съ тѣмъ получено было извѣстіе, что посланные впередъ офицеры взяты въ плѣнъ. Въ эту ловушку, прозванную именемъ Тунгъ-чеу, хотя на самомъ дѣлѣ она была устроена въ Чангъ-кіа-чуангѣ, попалось 11 французовъ и 26 англичанъ (18 сентября); большинство изъ нихъ позднѣе нашли смерть въ ужасныхъ истязаніяхъ.

Па-ли-као.—Между тѣмъ союзная армія, отбросивъ татарское войско, спустилась на длинную дорогу къ Тунгъ-чеу и затѣмъ вышла на каменистую дорогу въ 18 километровъ, которая ведетъ отъ этого города къ Пекину. Въ восьми „ли" (*па-ли*) черезъ каналъ, соединяющій Пей-хо со столицей, перекинутъ мраморный мостъ (*кіао*); здѣсь сосредоточилъ свою конницу татарскій генералъ Санъ-Ко-ли-цинъ; въ бѣшеномъ сраженіи, длившемся съ семи часовъ утра до полудня, союзники и прежде всего французы во главѣ съ генераломъ Коллино взяли мостъ и разсѣяли татарскую конницу. Эта блестящая побѣда доставила генералу Монтобану титулъ графа Па-ли-као. Въ этотъ самый день китайцы на мосту обезглавили аббата Делюка; ему было всего тридцать четыре года (21 сентября).

Взятіе Лѣтняго дворца.—6 октября французская пѣхота и англійская конница обошли Пекинъ и овладѣли къ сѣверо-востоку отъ города императорскимъ Лѣтнимъ дворцомъ, Юэнъ-мингъ-юэнъ, откуда императоръ Гіенъ-Фунгъ за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ впопыхахъ бѣжалъ въ Джеголь въ Монголіи. Здѣсь были найдены слѣды пытокъ, которымъ подверглись несчастные плѣнные европейцы. Однако жестокость китайцевъ можетъ, пожалуй, объяснить, но не оправдать разграбленіе Лѣтняго дворца; Юэнъ-мингъ-юэнъ представлялъ собою настоящій музей; его дворцы, разбросанные среди парковъ и озеръ, были биткомъ набиты подарками, которые за долгое время были получены китайскими императорами. Между тѣмъ китайцы отпустили 17 плѣнныхъ, которые и сообщили о судьбѣ остальныхъ жертвъ Тунгъ-чеуской западни: четверо изъ нихъ были казнены, а остальные отправлены въ Пекинъ пѣшкомъ или въ телѣгахъ, утыканныхъ гвоздями, и тамъ погибли въ пыткахъ или вслѣдствіе дурного обращенія. Извѣстіе объ этихъ жестокостяхъ довело до крайней степени негодованіе лорда Эльджина, находившагося въ Вантъ-шеу-шанѣ близъ Юэнъ-мингъ-юэна. Убійства были совершены по почину императора; не имѣя возможности настигнуть бѣглеца, англійскій уполномоченный рѣшилъ отнять у него самое цѣнное его достояніе. Юнгъ-мингъ-юэнъ былъ, по словамъ лорда Эльджина, „любимой резиденціей императора, и его разрушеніе неизбѣжно должно было нанести ударъ гордости и чувствительности послѣдняго". Въ пятницу 18 октября дворецъ былъ подожженъ.

Взятіе Пекина.—13 октября министръ Гангъ-Ки подъ вліяніемъ угрозъ союзниковъ рѣшилъ открыть портъ Анъ-ингъ, и въ то же время союзники рѣшили утвердиться въ столицѣ. 17-го китайцамъ былъ посланъ ультиматумъ съ предупрежденіемъ, что если миръ не будетъ подписанъ 29-го, то императорскій дворецъ въ Пекинѣ будетъ сожженъ. Братъ императора, принцъ Конгъ, понялъ, что интересы манчжурской династіи требуютъ скорѣйшаго соглашенія съ чужеземцами; къ тому же русскій посолъ графъ Игнатьевъ убѣдилъ наконецъ принца отправиться къ союзникамъ. 22 октября было уплачено вознагражденіе семьямъ погибшихъ 8 октября, и нѣсколько дней спустя заключенъ миръ.

Пекинскія соглашенія.—24 октября 1860 г. лордъ Эльджинъ подписалъ соглашеніе

изъ девяти статей, содержавшихъ слѣдующія условія: китайцы должны извиниться за нападеніе на Та-ку въ іюнѣ 1859 г.; англійское правительство можетъ держать резидента въ Пекинѣ; взамѣнъ суммы, выговоренной въ сепаратной статьѣ Тіенъ-цинскаго договора, контрибуція опредѣляется въ восемь милліоновъ таэлей, т.-е. шесть милліоновъ франковъ, да два милліона должны быть уплачены въ вознагражденіе англійскимъ резидентамъ; Тіенъ-цинъ открывается для торговли, эмиграція должна быть упорядочена, Англіи уступается Као-лунь насупротивъ Гонконга; Тіенъ-цинскій договоръ долженъ быть тотчасъ приведенъ въ исполненіе, Шу-санъ очищенъ по подписаніи настоящаго соглашенія; наконецъ, англичане занимаютъ Тіенъ-цинъ, форты Та-ку, сѣверо-восточное побережье Шанъ-тунга и Кантонъ до уплаты вознагражденія. Въ этотъ же день состоялся обмѣнъ ратификаціями Тіенъ-цинскаго договора. На слѣдующій день баронъ Гро заключилъ съ принцемъ Конгомъ аналогичное соглашеніе изъ десяти статей. Особый интересъ представляетъ ст. 6-ая, касающаяся протектората надъ миссіями: „Согласно указу императораТао Куанга отъ 20 марта 1846 г. религіозныя и благотворительныя учрежденія, конфискованныя у христіанъ во время постигшихъ ихъ гоненій, будутъ возвращены ихъ собственникамъ чрезъ посредство его превосходительства г. французскаго посла въ Китаѣ, которому императорское правительство передастъ ихъ вмѣстѣ съ кладбищами и прочими зданіями, принадлежащими къ нимъ“. Въ этотъ же день состоялся обмѣнъ ратификаціями Тіенъ-цинскаго договора.

Конецъ кампаніи.—28 октября на католическомъ кладбищѣ, переданномъ монсиньеру Мули, лазаристу, епископу сѣвернаго Че-ли, состоялись торжественныя похороны жертвъ Тунгъ-чеуской западни; на слѣдующій день въ присутствіи посольства были отслужены панихида по убитымъ и молебствіе въ соборѣ, переданномъ тому же монсиньеру Мули. 1 ноября покинули Пекинъ французы, 7-го—англичане; послы оставили его 9-го вмѣстѣ съ послѣдними колоннами. 14 ноября всѣ войска опять собрались въ Тіенъ-цинѣ; генералы Коллино и Стэвелей остались здѣсь, а остальныя войска были отправлены моремъ частью въ Шанхай, частью въ Кантонъ. Баронъ Гро оставилъ Тіенъ-цинъ 24 ноября, водворивъ Бурбулона въ Пекинѣ въ качествѣ резидента. Лордъ Эльджинъ уѣхалъ 25-го, а англійскимъ посломъ въ Китаѣ остался его младшій братъ, сэръ Фредерикъ Брюсъ.

Смерть Гіенъ-Фунга; Тунгъ Чи.—Жалкій императоръ, къ счастью для своей державы, умеръ вскорѣ послѣ этого разгрома (22 августа 1861). Ему наслѣдовалъ его сынъ Цаи Чунъ, принявшій на царство (*ніенъ-гао*) имя Ци Чіанга, „добрая надежда“. Тяжелое наслѣдіе досталось этому ребенку. Въ сѣверо-западной и юго-западной частяхъ Китая пылало мусульманское возстаніе, въ центрѣ тай-пинги, столицей которыхъ былъ Нанъ-кингъ, распространились по берегамъ Кіанга и захватили главные города Кіангъ-су и Че-кіанга; иностранцы еще не эвакуировали ни сѣверныхъ портовъ, ни Шанхая, и Кантонъ былъ въ ихъ власти; русскіе твердой ногою стояли на Амурѣ. Правительство не располагало ни флотомъ, ни арміей, которые заслуживали бы этихъ именъ; казна была пуста; стоило только какой-нибудь западной державѣ пожелать того, и манчжурскій тронъ, расшатанный еще со времени Тао Куанга, позорно рухнулъ бы вмѣстѣ съ Гіенъ-Фунгомъ. Но какъ разъ иностранцы и спасли эту династію отъ вѣрной гибели и помогли тому ловкому человѣку, который становится теперь вершителемъ судебъ имперіи, справиться съ трудностями почти неодолимыми.

Принцъ Конгъ.—Ій Синъ, принцъ Конгъ, шестой сынъ императора Тао Куанга и

братъ Гіенъ-Фунга, былъ въ это время молодымъ человѣкомъ: онъ родился 11 января 1833 г. Именно онъ велъ переговоры съ союзниками и онъ же управлялъ дѣлами въ послѣдніе мѣсяцы царствованія своего брата. Иностранныя дѣла, которыя вѣдались губернаторами пограничныхъ провинцій и *Ли-фанъ-юэномъ*, насколько они касались Монголіи и Россіи, не подлежали усмотрѣнію ни одного изъ шести министерствъ. Война 1860 г. обнаружила неудобство этой системы, и по докладу принца Вей 19 января 1861 г. императорскимъ указомъ было учреждено новое министерство подъ названіемъ Цонгъ-ли Ко Куо Ше Ву Яменъ или просто Цонгъ-ли Яменъ, управленіе которымъ было поручено принцу Конгу, первому государственному секретарю Куей Ліангу и вице-президенту военнаго министерства Вонъ-Сіангу. Въ слѣдующемъ году въ составъ этого министерства было призвано еще четыре члена, а въ 1869 г. ихъ было десять. Юность новаго императора должна была еще усилить вліяніе принца; теперь надолго устанавливается регентство. 7 ноября 1861 г. принцъ Конгъ былъ назначенъ первымъ министромъ и регентомъ вмѣстѣ съ вдовствующей императрицей. Съ цѣлью явственно отмѣтить переходъ отъ старой политической системы къ новой, онъ замѣнилъ царское имя своего племянника Ци-Чіангъ именемъ Тунгъ Чи (*единеніе въ порядкѣ*), и затѣмъ, путемъ настоящаго государственнаго переворота, устранилъ старыхъ совѣтниковъ Гіенъ-Фунга: 2 декабря былъ обнародованъ указъ, гдѣ перечислялись проступки Совѣта восьми, учрежденнаго Гіенъ-Фунгомъ, и предписывалось составить докладъ о карахъ, которымъ подлежатъ Цаи Юанъ, принцъ И, Туанъ Гюа, принцъ Ченъ, и статсъ-секретарь Су Чуенъ. Въ тотъ же день былъ отданъ приказъ разжаловать двухъ первыхъ и арестовать третьяго; восемь дней спустя всѣ трое были приговорены къ смерти; чтобы спасти престижъ царской фамиліи, Цаи и Туану было дозволено самимъ покончить съ собою, тогда какъ Су былъ казненъ; впрочемъ, онъ встрѣтилъ смерть весьма мужественно. Всѣ остальные члены Совѣта были лишены чиновъ. Надо прибавить, что 31 августа 1864 г. въ *Пекинской газетѣ* было объявлено, что ради услугъ, оказанныхъ предками Цаи и Туана, княжескіе титулы послѣднихъ будутъ сохранены и пожалованы далекимъ членамъ ихъ фамилій. Теперь принцъ Конгъ былъ хозяиномъ положенія; онъ удерживалъ власть почти безъ перерыва въ теченіе многихъ лѣтъ, пока его не затмилъ Ли-Хунгъ Чангъ.

Война съ тай-пингами.—Главныя усилія правительства были направлены на возстановленіе порядка въ провинціяхъ. Мы видѣли, что оба Ма, изъявивъ покорность въ 1860 г., нанесли тѣмъ роковой ударъ мусульманскому вліянію въ Юн-нанѣ; но тай-пинги продолжали занимать Нанъ-Кингъ и Кіангъ-су, а взятіе Нингъ-по (9 декабря 1861) и Гангъ-чеу (29 декабря 1861) отдало въ ихъ руки Че-кіангъ. Ихъ наступленіе грозило опасностью интересамъ европейцевъ въ долинѣ Кіанга и слѣдовательно не могло не вызвать вмѣшательства съ ихъ стороны. 13 февраля 1862 г. въ Шанхаѣ собрались на совѣщаніе морскіе и военные начальники: вице-адмиралъ сэръ Дж. Гопъ, полковникъ Муди, контръ-адмиралъ Протэ, полковникъ Теологъ и французскій консулъ Эданъ; на этой конференціи было рѣшено дѣйствовать энергично. Съ другой стороны, въ іюнѣ 1860 г. китайцы набрали отрядъ изъ ста иностранцевъ подъ командою американца Уорда; взятіе въ этомъ же мѣсяцѣ Сонгъ-кіанга и поддержка, оказанная этимъ отрядомъ франко-англійскимъ войскамъ, стяжали ему прозваніе *Ever victorious Army*, ***Чанъ шанъ-кіунъ.*** Бригадный генералъ Ч.-В.-Д. Стевелей съ французскимъ контингентомъ занялъ послѣдовательно Цингъ-пу (12 мая 1862) и

Нанъ-яо (17 мая 1862), гдѣ французы потеряли адмирала Протэ, пораженнаго пулею въ сердце. За нѣсколько дней до того англійскій капитанъ Дью снова занялъ Нингъ-по (10 мая 1862). Къ несчастью, Уордъ былъ 20 сентября убитъ въ Цу-чи въ Че-кіангѣ и замѣщенъ Генри Бёргевайномъ, которому пришлось въ январѣ 1863 г. дать отставку; его смѣнилъ капитанъ Голландъ изъ англійской морской пѣхоты, и наконецъ, въ мартѣ, знаменитый Гордонъ (Гордонъ-паша). Взятіе Фу-шана (6 апрѣля 1863), Тай-цана (2 мая 1863), Квинъ-сана (30 мая 1863), Во-конга (29 іюля 1863) и Фонгъ-чинга (26 августа 1863) дало возможность предпринять осаду большого города Су-чеу. Тѣмъ временемъ Генри Бёргевайнъ перешелъ на сторону мятежниковъ [1]) (августъ), но два мѣсяца спустя принужденъ былъ сдаться Гордону. Пораженіе (27 ноября), искупленное побѣдою (29 ноября) подъ стѣнами Су-чеу, предшествовало сдачѣ этого города Гордону и Ли-Фу-таи (5 декабря 1863); несмотря на клятвенное обѣщаніе, вожди мятежниковъ были казнены по приказанію Ли-Фу-таи, а Гордонъ подалъ въ отставку.

Окончаніе войны съ тай-пингами.—Пока Гордонъ и Ли руководили военными операціями на рѣкѣ Су-чеу, франко-китайское войско дѣйствовало на Че-кіангѣ. Взятіе капитаномъ Дью Шао-Гинга (18 марта 1863) проложило путь къ миру. Французъ Тардифъ де Муадрэ, замѣститель Протэ, былъ убитъ передъ этимъ городомъ (19 февраля 1863), но его преемники, лейтенанты флота Пьеръ д'Эгебель и Проспeръ Жикель, овладѣли столицей Че-кіанга, крупнымъ городомъ Гангъ-чеу (21 марта 1864), а занятіе Гу-чеу (28 августа 1864) успѣшно закончило кампанію.

Между тѣмъ Гордонъ снова вступилъ въ службу (мартъ 1864); былъ предпринятъ рядъ энергичныхъ операцій въ долинѣ Кіанга, и, наконецъ, удалось атаковать Нанъ-Кингъ; тіенъ-вангъ Гонгъ-Сіуцуэнъ покончилъ съ собою, и столица сдалась Ценгъ Куофану (19 іюля 1864). Знаменитая фарфоровая башня была разрушена въ 1865 г. взрывомъ порохового погреба. Съ этихъ поръ тай-пинговъ преслѣдовали изъ провинціи въ провинцію; изгнанные изъ Чангъ-чеу въ Фу Кіенѣ (апрѣль 1865), они укрылись въ горахъ; многіе изъ нихъ добрались до родной провинціи, другіе перешли тонкинскую границу, гдѣ мы позднѣе встрѣтимъ ихъ подъ названіемъ Желтыхъ и Черныхъ флаговъ.

Ніенъ-феи.—Въ эти послѣдніе годы войны нѣкоторыя провинціи совершенно подпали подъ власть разбойниковъ, которые подъ видомъ мятежа грабили страну; таковы были мародеры, носившіе на югѣ Че-ли, на западѣ Шанъ-тунга и на сѣверѣ Го-нана имя „ніенъ-феи".

Желая положить конецъ ихъ безчинствамъ, китайское правительство приказало вице-королю Ценгъ-Куофану напасть на нихъ съ юга, а принцу Санъ-Ко-Ли-цину—съ сѣвера; послѣдній былъ тотъ самый татарскій генералъ, котораго Французы обратили въ бѣгство при Па-ли-као; но онъ былъ убитъ ніенъ-феями въ маѣ 1865 г. Произведя большія опустошенія въ долинѣ Желтой рѣки, мятежники были, наконецъ, въ 1868 г. разсѣяны войсками Ли въ Шанъ-тунгѣ; отдѣльнымъ шайкамъ этихъ ніенъ-феевъ удалось спастись и соединиться съ мусульманскими мятежниками въ Че-ли. Вслѣдствіе этого Ли былъ разжалованъ въ Пекинѣ; тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ свою побѣдоносную кампанію и ему были возвращены всѣ отличія.

Попытки военной организаціи. — Война 1860 г., мятежи мусульманъ въ Юньнанѣ, тай-пинговъ и ніенъ-феевъ были жестокимъ урокомъ, и правительству необходимо было преобразовать, по крайней мѣрѣ, систему обороны имперіи. По-

[1]) Этотъ авантюристъ погибъ жалкою смертью: онъ былъ утопленъ въ іюнѣ 1865 г.

слѣ взятія Нанъ Кинга въ 1864 г. близъ Шанхая, въ Фонгъ Гоангъ-шанѣ, былъ устроенъ лагерь для обученія китайскихъ войскъ на европейсокій ладъ подъ руководствомъ французскихъ и англійскихъ офицеровъ. Но эта попытка, чисто мѣстная къ тому же, была недостаточна; надо было принять болѣе широкія мѣры,— и мы сейчасъ увидимъ, каковы были результаты двухъ такихъ попытокъ: флотиліи англійскаго командира Шерардъ-Осборна и устройства французскаго арсенала въ Фу-чеу.

Флотилія Шерардъ-Осборна.—Еще осенью 1861 г. главный таможенный инспекторъ Г. Н. Лей при свиданіи съ принцемъ Конгомъ указалъ ему, какъ важно для Китая подавить возстаніе тай-пинговъ и какъ легко было бы достигнуть этого съ помощью военной силы, организованной по-европейски. Принцу эта мысль понравилась, и въ письмѣ отъ 20 октября 1862 г. онъ далъ Лею инструкціи насчетъ покупки судовъ и пушекъ и найма англійскихъ офицеровъ для будущаго китайскаго флота. Вернувшись въ Европу по причинѣ разстроеннаго здоровья, Лей энергично принялся за это дѣло. Сначала нужно было добиться позволенія англичанамъ вступать на китайскую службу, а для этого пришлось бы отмѣнить изданный Джономъ Боурингомъ указъ о нейтралитетѣ отъ 17 января 1865 г., запрещавшій великобританскимъ подданнымъ подъ страхомъ штрафа или тюремнаго заключенія поступать на службу какъ къ китайскому правительству, такъ и къ мятежникамъ. Эта трудность была обойдена. Затѣмъ нужно было возстановить престижъ императорскаго правительства на Кіангѣ и справиться съ морскими разбойниками. По выработкѣ проекта Леемъ (16 іюня 1862), съ разрѣшенія британскаго правительства флотскій капитанъ Шерардъ-Осборнъ (іюль 1862) былъ приглашенъ организовать военную и морскую силу для борьбы съ пиратами въ Китаѣ и 2 сентября 1862 г. ему было дано право набирать людей и нанимать суда на службу китайскаго императора. Когда британское правительство потребовало, чтобы Лей представилъ письменное полномочіе отъ китайскихъ властей на покупку судовъ и военныхъ запасовъ и на наемъ офицеровъ, Лей отвѣчалъ, что это удостовѣреніе находится у его помощника Гарта, что оно датировано 14 марта 1862 г. и что онъ уже послѣ того получилъ деньги черезъ китайскую таможню, равно какъ и депешу отъ китайскаго министра иностранныхъ дѣлъ съ просьбою ускорить дѣло. Сверхъ того принцъ Конгъ письмомъ отъ 24 октября 1862 г. оффиціально возлагалъ на Лея это порученіе. Капитанъ Шерардъ-Осборнъ заключилъ съ послѣднимъ (Лондонъ, 16 января 1863) договоръ, въ силу котораго онъ долженъ былъ получить командованіе надъ всѣми европейскими судами и надъ всѣми туземными, на которыхъ экипажъ будетъ состоять изъ европейцевъ; въ теченіе четырехъ лѣтъ онъ долженъ былъ быть единственнымъ европейскимъ главнокомандующимъ. Прибывъ въ Пекинъ (1-го іюня 1863), Лей встрѣтилъ со стороны принца Конга отказъ на нѣкоторыя свои ходатайства. Осборнъ, который долженъ былъ оставаться въ Шанхаѣ, былъ вызванъ въ столицу, гдѣ узналъ, что центральное правительство рѣшило вернуться къ старой системѣ—поручать оборону побережій провинціальнымъ властямъ, и что ему придется состоять подъ начальствомъ фу-таи Кіангъ-су. Задѣтый за живое, Осборнъ заявилъ принцу Конгу (19 октября 1863), что не можетъ принять положенія, уготованнаго ему вопреки его договору съ Леемъ, и что онъ распускаетъ собранный имъ флотъ. Дѣйствительно, Лей по соглашенію съ англійскимъ резидентомъ, сэромъ Фредерикомъ Брюсомъ, отослалъ часть своей эскадры въ Англію, часть—въ Бомбей (ноябрь

1863). Лей поплатился за эту авантюру, потому что принцъ Конгъ лишилъ его занимаемаго имъ высокаго поста, полагая, что онъ плохо велъ это дѣло, превысилъ свои полномочія и, можетъ быть, даже, что его притязанія были непомѣрно велики (15 ноября 1863).

Учрежденіе таможенъ. — Сэръ Робертъ Гартъ. — Возникновеніе таможенъ относится ко времени занятія тай-пингами Шанхая (7 сентября 1853). Трудность обезпечить правильное поступленіе ввозныхъ пошлинъ заставила французскаго, великобританскаго и сѣверо - американскаго консуловъ войти въ соглашеніе съ тао-таемъ, въ силу котораго представители этихъ трехъ державъ [1]) должны были контролировать сборъ этихъ пошлинъ за счетъ китайскаго правительства. Эта новая система была введена въ дѣйствіе 12 іюля 1854 г., и китайцы признали ее настолько удовлетворительной, что когда туземный городъ былъ сызнова занятъ императорскими войсками, они предложили Горацію Нельсону Лею, исполнявшему вмѣсто Уэйда должность англійскаго консула, стать постояннымъ таможеннымъ инспекторомъ въ Шанхаѣ; вѣдѣнію этого скромнаго органа были затѣмъ подчинены и другіе порты, и мы увидимъ далѣе, какое громадное значеніе онъ пріобрѣлъ со временемъ.

Какъ сказано, изъ-за дѣла съ флотиліей Шерардъ-Осборна Лей потерялъ мѣсто. Его преемникомъ на высокомъ посту главнаго инспектора императорскихъ морскихъ таможенъ сталъ сэръ Робертъ Гартъ (ноябрь 1863), который съ тѣхъ поръ значительно развилъ это вѣдомство и изъ всѣхъ иностранныхъ совѣтниковъ пользовался, конечно, наибольшимъ вліяніемъ въ Пекинѣ, гдѣ онъ болѣе сорока лѣтъ играетъ первенствующую роль. Онъ родился въ февралѣ 1835 г., началъ службу при англійскомъ консульствѣ въ Китаѣ (1854), былъ секретаремъ комиссіи союзниковъ въ Кантонѣ (1858) и въ 1859 г. перешелъ на службу въ китайскую таможню въ качествѣ делегированнаго комиссара; занявъ мѣсто Лея (1863), онъ затѣмъ, по смерти сэра Гарри Перкса, былъ назначенъ англійскимъ посломъ въ Пекинѣ, но потомъ вышелъ въ отставку и въ 1893 г. получилъ титулъ баронета.

Устройство китайскихъ таможенъ.—Служебный персоналъ таможеннаго вѣдомства состоитъ (1 іюля 1895) изъ 4.206 человѣкъ, изъ коихъ 735 иностранцы и 3471 туземцы. Онъ дѣлится на три департамента: 1) *Revenue Department*—3062 китайца и 647 иностранцевъ, изъ коихъ 205 для внутренняго управленія (*In-door Staff*), 403 для внѣшней службы (*Outdoor Staff*) и 39 для прибрежья; 2)—*Marine Department*—408 китайцевъ и 82 иностранца, изъ нихъ четверо въ канцеляріи главнаго инженера и его помощника (*Engineers' Staff*), 13 для надзора за портами и 65 для надзора за маяками; 3) *Educational Department*, 6 иностранцевъ и 1 китаецъ для двухъ коллежей (*т'онъ вен куанъ*), пекинскаго и кантонскаго. Главному инспектору непосредственно подчинены ***комиссары*** (1 іюля 1895 г. ихъ было 29, въ томъ числѣ 16 англійскихъ подданныхъ, 5 американцевъ, 4 нѣмца, 3 француза и 1 венгерецъ), далѣе ***deputy commissionners*** (14), ***chief assistants*** (3), ***assistants*** 1-го (20), 2-го (23), 3-го (56) и 4-го класса (27), ***клерки*** (19) и разные другіе служащіе (13), въ общемъ 205 чиновниковъ. При таможенномъ вѣдомствѣ состоитъ 23 врача. Береговую службу несутъ пять стаціонеровъ, изъ которыхъ трое англійскихъ, одинъ датскій и одинъ норвежскій, и пароходы ***Пинъ-шинъ***, ***Фей-Гоо***, ***Шуэнъ-Тіао***, ***Кай-Панъ*** и ***Ли-кинъ***. Учебная программа въ обоихъ коллежахъ насчитываетъ слѣдую-

[1]) Это были: Томасъ, Фенсисъ Уэйдъ отъ Англіи, Л. Карръ отъ Америки и Артуръ Смитъ отъ Франціи.

щіе предметы (отмѣчаемъ въ скобкахъ національность): Пекинъ: *Международное право* (?), *химія* (нѣмецъ), *физика* (англичанинъ) *астрономія* (англичанинъ), *французскій яз.* (французъ), *англійскій языкъ* (англичанинъ), *русскій яз.* (русскій); *нѣмецкій языкъ* (нѣмецъ), *анатомія* и *физіологія* (англичанинъ). Кантонъ: *англійскій яз.* (1 англичанинъ, 1 китаецъ). Директоръ — Оливеръ (англичанинъ).—Таможенное вѣдомство печатаетъ въ собственной типографіи, въ Шанхаѣ, 4 періодическихъ изданія: 1) *Statistical Series*, 2) *Special Series*, 3) *Miscellaneious Series*; 4) *Service Series*. Это—сборники нумерованныхъ документовъ, составляемые съ величайшей тщательностью. Вторая, спеціальная серія содержитъ обширныя работы о китайской медицинѣ и музыкѣ, шелкѣ, опіумѣ и пр.; въ третьей, смѣси, напечатаны каталоги выставокъ Вѣнской (1873), Филадельфійской (1876), Парижской (1878), Берлинской (1880—рыбоводство), списокъ моряковъ и пр. Таможенное вѣдомство имѣетъ своихъ агентовъ во всѣхъ пунктахъ, во всѣхъ морскихъ и рѣчныхъ портахъ, открытыхъ для иностранной торговли. Послѣдніе обслуживаются, кромѣ упомянутыхъ выше пяти пароходовъ, изъ которыхъ одинъ стоитъ въ Шанхаѣ, другой—въ Амои, остальные три въ Каолунѣ, — тремя крейсерами, пятью барками и однимъ буксирнымъ плашкотомъ. Канцелярія главнаго инспектора таможенъ находится, какъ мы видѣли, въ Пекинѣ, статистическое бюро и типографія—въ Шанхаѣ. Таможенное вѣдомство представлено въ Европѣ, именно въ Лондонѣ, секретаріатомъ, начальникъ котораго состоитъ въ чинѣ комиссара.

Арсеналъ въ Фу-чеу. — Французы не встрѣтили тѣхъ затрудненій, какія пришлось одолѣвать англичанамъ. Франко-китайскій отрядъ, оказавшій такія важныя услуги при подавленіи возстанія тай-пинговъ въ Че-Кіангѣ, состоялъ подъ начальствомъ двухъ выдающихся офицеровъ французскаго флота, Эгебеля и Жикеля. Этимъ двумъ офицерамъ фу-кіенскій вице-король Цо-Цонгъ-тангъ поручилъ устроить на рѣкѣ Минъ, между Фу-чеу и моремъ, фабрику, гдѣ могло бы изготовляться оружіе и все необходимое для арміи и флота. Такъ возникъ въ 1867 г. Фучеускій арсеналъ, который, хотя съ 16 февраля 1874 г. уже не управляется непосредственно европейцами, однако и понынѣ оказываетъ большія услуги; молодые люди, назначаемые состоять при арсеналѣ и готовящіеся въ инженеры или флотскіе офицеры, заканчиваютъ свое образованіе въ Европѣ въ особомъ институтѣ, которымъ управляли сначала Проспeръ Жикель и Ли Фонгъ-пао (1876), затѣмъ Л. Дюнуайэ де Сегонзакъ и Че Меу-ки и, наконецъ Ву Та-енъ. Этотъ институтъ размѣщаетъ молодыхъ людей на англійскія военныя суда, на казенные заводы въ Крёзо и Сенъ-Шамонъ, въ инженерно-морскія, матросскія, техническія, горныя и др. школы, и послѣ трехъ или четырехлѣтняго пребыванія въ Европѣ эти молодые люди возращаются на родину превосходно обученные по-европейски.

Порты на Янгъ-це. — Энергія принца Конга выразилась не только въ походахъ на мятежниковъ, но и въ исполненіи обѣщаній, данныхъ иностраннымъ посламъ. Между Брюсомъ и принцомъ Конгомъ было условлено, чтобы Янгъ-це былъ открытъ для иностранной торговли временнымъ распоряженіемъ; когда послѣднее состоялось, лордъ Эльджинъ (20 января 1861) попросилъ вице-адмирала сэра Джемса Гопа помочь ему заключить соглашеніе съ нанкинскими повстанцами и водворить въ Кіу-Кіангѣ и Ханъ-Кеу консуловъ, назначенныхъ Брюсомъ. Адмирала долженъ былъ сопровождать Перксъ. И вотъ Гопъ и Перксъ поднялись вверхъ по Кіангу на *Короманделѣ*, въ сопровожденіи нѣсколькихъ другихъ военныхъ судовъ, водворили консула въ Ченъ-Кіан-

гѣ, направились отсюда въ Нанкинъ (20 февраля 1861), гдѣ завязали сношенія съ тай-пингами, затѣмъ продолжали путь, оставили въ Кіу-Кіанѣ В. Раймонда Джинджеля въ качествѣ консула и наконецъ прибыли въ Ханъ-Кеу (11 марта 1861), который уже раньше однажды посѣтилъ лордъ Эльджинъ на *Furious*. П. Дж. Юзъ остался здѣсь въ качествѣ консула, а адмиралъ поплылъ дальше вверхъ по Кіангу до Іочеу на озерѣ Тунгъ-тингъ, гдѣ встрѣтилъ англійскую миссію, искавшую дорогу черезъ Тибетъ между Китаемъ и англійской Индіей. Адмиралъ Гопъ вернулся въ Шанхай 30 марта 1861 г. За нѣсколько дней до того Гарри Перксъ по порученію адмирала объявилъ (9 марта) Кіангъ открытымъ между Ченъ-Кіангомъ и Ханъ-Кеу и опубликовалъ правила, которыми должна была регулироваться англійская торговля на этой рѣкѣ. Съ другой стороны, англійская Торговая палата въ Шанхаѣ снарядила экспедицію для изслѣдованія портовъ Янгъ-це съ коммерческой точки зрѣнія. Вторая такая экспедиція, снаряженная въ 1869 г., поднялась до Се-чуана. Ханъ-Кеу въ провинціи Гу-пе лежитъ на лѣвомъ берегу одной изъ значительнѣйшихъ китайскихъ рѣкъ — Ханъ, при ея сліяніи съ Кіангомъ; на другомъ берегу Кіанга находится городъ Гангъ-іангъ, а насупротивъ, на правомъ берегу Кіанга,—крупный городъ и центръ провинціи Ву-чангъ. Соединеніе этихъ трехъ городовъ образуетъ одинъ изъ самыхъ большихъ населенныхъ центровъ имперіи, и русскіе ведутъ здѣсь большую торговлю кирпичнымъ чаемъ. Понятно, какой большой интересъ представлялъ этотъ портъ для французовъ. Достаточно сказать, что станцію франко-бельгійской желѣзной дороги, строившейся для соединенія его съ Пекиномъ, рѣшено было воздвигнуть на французской концессіи; это показываетъ, что англичане, вопреки распространяемымъ ими слухамъ, являются далеко не самой заинтересованной изъ европейскихъ націй въ долинѣ Янгъ-це. Кіу Кіангъ лежитъ на берегу Янгъ-це, близъ озера Поянгъ; это — ближайшій портъ къ императорской фарфоровой фабрикѣ въ Кингъ-те-чинѣ. Наконецъ, Ченъ-Кіангъ, лежащій тоже на правомъ берегу рѣки, у впаденія въ нее Императорскаго канала, занимаетъ превосходное положеніе въ провинціи Кіангъ-су, главный городъ которой, Нанъ-Кингъ, долженъ былъ быть открытъ для иностранной торговли въ силу французскаго торговаго договора, заключеннаго въ Тіенъ-цинѣ (1858), но, будучи занятъ тай-пингами, остался закрытымъ. Зато Кантонъ былъ совершенно очищенъ союзниками 21 октября 1861 г. послѣ трехъ лѣтъ и десяти мѣсяцевъ оккупаціи. Городъ былъ съ пышной церемоніей возвращенъ вице-королю Лао Цунгъ Куангу, командиромъ Куванъ де Буа отъ имени французовъ и капитаномъ Борлэзомъ отъ имени англичанъ. Французскій консулъ остался въ финансовомъ *яменъ*, англійскій—въ *яменъ* союзныхъ комиссаровъ. Въ іюлѣ 1865 г. послѣднія иностранныя войска были выведены изъ Таку и Шанхая.

Американцы въ Китаѣ.—Двѣ державы съ живѣйшимъ интересомъ слѣдили за событіями 1858 и 1860 гг.: русскіе, о которыхъ рѣчь будетъ ниже, и Соединенные Штаты, резидентомъ которыхъ былъ сначала Уильямъ Р. Ридъ, затѣмъ Джонъ Э. Уордъ. Чрезъ посредство перваго Соединенные Штаты 18 іюня 1858 г. заключили въ Тіенъ-цинѣ договоръ съ китайцами; этотъ договоръ былъ восполненъ добавочными статьями, выработанными въ Вашингтонѣ 28 іюля 1868 г. и ратификованными въ Пекинѣ 23 ноября 1869 г. Американцы еще съ конца XVIII в. имѣли въ Китаѣ значительные торговые интересы; экспортныя фирмы Рессель, Гердъ, Олифантъ долго конкурировали съ фирмами Дантъ и Жардинъ, а по торговлѣ чаемъ и бумажными тканями Бостонъ,

Нью-Іоркъ и Балтимора, позднѣе также Санъ-Франциско, были опасными соперниками Лондону и Манчестеру.

Другіе договоры.—Какъ и послѣ заключенія Нанъ-Кингскаго договора въ 1842 г., Тіенъ-цинскихъ въ 1858 и Пекинскихъ соглашеній въ 1860, иностранныя націи поспѣшили воспользоваться льготами, предоставленными Франціи и Англіи, чтобы, каждая въ отдѣльности, заключить съ Китаемъ подобные же договоры. Прусскій король отъ имени Таможеннаго союза, великія герцогства Мекленбургъ-Шверинъ и Мекленбургъ-Стрелицъ и Ганзейскіе города отправили въ восточную Азію (1859—1862) экспедицію, однимъ изъ первыхъ дѣйствій которой было заключеніе чрезъ графа Эйленбурга договора въ Тіенъ-цинѣ (2 сентября 1861), ратификованнаго въ Шанхаѣ 14 января 1863 г. Генералъ-губернаторъ Макао, Исидоро Франсиско Гимараэсъ, 13 августа 1862 г. заключилъ въ Тіенъ-цинѣ договоръ, который китайское правительство отказалось ратифицировать по причинѣ разногласія между португальскимъ и китайскимъ текстами въ истолкованіи статьи, касавшейся Макао. Отъ лица Даніи договоръ заключенъ Вальдемаромъ Рудольфомъ де-Рааословъ въ Тіенъ-цинѣ (13 іюля 1863) и ратификованъ въ Шанхаѣ 29 іюля 1864 г.. Испанскій договоръ заключенъ дономъ Синибальдо де Масъ въ Тіенъ-цинѣ (10 октября 1864), ратификованъ испанской королевой 14 мая 1866, и обмѣнъ ратификаціями состоялся въ Тіенъ-цинѣ 10 мая 1867. Голландскій договоръ заключенъ І. де-Амори ванъ деръ Гевеномъ въ Тіенъ-цинѣ 6 октября 1863 г. Бельгійскій заключенъ Огюстомъ Т'Кинтомъ въ Пекинѣ 2 ноября 1865 и ратификованъ въ Шанхаѣ 27 октября 1866. Итальянскій заключенъ въ Пекинѣ капитаномъ фрегата Витторіо Арминьономъ 26 октября 1866 г. и ратификованъ въ Шанхаѣ 12 ноября 1867. Австрія, чей фрегатъ ***Новара*** во время своего кругосвѣтнаго плаванія (30 апрѣля 1857—26 августа 1859) уже посѣтилъ моря восточной Азіи, въ 1869 г. отправилъ въ Китай новую экспедицію, во главѣ которой сталъ контръ-адмиралъ баронъ Пецъ; 2 сентября 1869 г. онъ заключилъ договоръ въ Пекинѣ, ратификованный въ Шанхаѣ 27 ноября 1871. Слѣдуетъ прибавить, что въ послѣдніе договоры были цѣликомъ или частью перенесены многія статьи датскаго договора, изложеннаго образцово.

Освобожденіе Китая. — Съ эвакуаціей Кантона, усмиреніемъ тай-пинговъ и упроченіемъ регентства, Китай мало-по-малу снова становится хозяиномъ у себя. Съ цѣлью подчеркнуть, что для имперіи начинается новая эра, дипломаты 1860 года, оставшіеся въ Пекинѣ въ качествѣ уполномоченныхъ, были смѣнены (1865). Бурбулонъ вернулся во Францію, оставивъ уполномоченнымъ въ дѣлахъ де-Беллонэ; сэръ Фредерикъ Уильямъ Адольфъ Брюсъ уступилъ свое мѣсто англійскому послу въ Японіи Рутерфорду Олькоку (28 марта и 7 апрѣля 1865), а самъ перешелъ въ Вашингтонъ (1 марта 1865). Возникалъ вопросъ, что будетъ дѣлать Китай. Принцъ Конгъ былъ одушевленъ, казалось, наилучшими намѣреніями. Основаніе пекинскаго университета, Тонгъ Венъ Куанъ (1867), сэромъ Робертомъ Гартомъ, свидѣтельствовало, очевидно, о стремленіи китайцевъ познакомиться съ европейской наукой и литературой, тогда какъ ихъ военныя преобразованія изобличали готовность усвоить европейскую военную систему. Но провинціальнымъ властямъ нелегко было уяснить то глубокое и неотразимое движеніе, которое привело къ вмѣшательству иностранцевъ во внутреннія дѣла Китая и къ окончательному водворенію европейскихъ посольствъ въ Пекинѣ. Нападенія на европейцевъ, вродѣ инцидента съ протестантской миссіей въ Янгъ-чеу (1868), показывали, что китайское правительство еще не давало себѣ отчета въ положеніи дѣлъ.

Соглашеніе Олькока.—Статья 27-я Тіенъ-цинскаго договора отъ 26 іюня 1868 г. гласила, что каждая изъ двухъ договаривающихся сторонъ можетъ по истеченіи десятилѣтняго срока требовать пересмотра тарифа и статей, касающихся торговли. На этомъ основаніи англійскій посолъ сэръ Рутерфордъ Олькокъ, принцъ Конгъ, Венъ Сіангъ и другіе назначенные чиновники заключили въ Пекинѣ 24 октября 1869 г. дополнительное соглашеніе изъ 16 статей. Венъ-чеу въ Че-кіангѣ и Вугу въ Нганъ-гуэй должны были быть открыты для британской торговли, взамѣнъ чего англичане отказывались отъ открытія Кіунгъ-чеу на островѣ Гайнанѣ; Китаю предоставлялось право держать консуловъ въ портахъ, принадлежащихъ Великобританіи. Остальныя статьи касались большею частью различныхъ таможенныхъ ставокъ. Это соглашеніе далеко не удовлетворило притязаній англійскихъ коммерсантовъ въ Китаѣ и подверглось сильнѣйшей критикѣ; подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія англійское правительство отказалось ратифицировать соглашеніе, заключенное Рутерфордомъ Олькокомъ. Послѣдній болѣе не оправился отъ этой неудачи; спустя два года (іюль 1871) онъ подалъ въ отставку. Его карьера въ Японіи оказалась болѣе удачной.

Миссія Берлингэма.—По настоянію сэра Роберта Гарта, жаждавшаго доказать западнымъ державамъ, что новое китайское правительство одушевлено либеральными идеями, послѣднее рѣшило отправить въ Соединенные Штаты и Европу спеціальную миссію, начальникомъ которой былъ назначенъ Ансонъ Берлингемъ, состоявшій съ 14 іюня 1861 г. посланникомъ Соединенныхъ Штатовъ. Берлингэмъ былъ скорѣе краснорѣчивымъ ораторомъ, нежели искуснымъ дипломатомъ. Принявъ приглашеніе китайскаго правительства, онъ 21 ноября 1867 г. оставилъ постъ американскаго резидента. Секретарями при немъ были назначены Макъ Ливэ Браунъ (англичанинъ), де Шанъ (французъ) и два китайскихъ делегата Сунъ и Чи (1868). Берлингэмъ отправился сначала въ Соединенные Штаты, гдѣ заключилъ съ статсъ-секретаремъ, Уильямомъ Г. Сюардомъ, Вашингтонскія дополнительныя статьи (28 іюля 1868) и гдѣ произнесъ съ необычайнымъ краснорѣчіемъ рядъ рѣчей, въ которыхъ рисовалъ картину „креста, сіяющаго на всѣхъ горахъ Срединнаго царства". Затѣмъ онъ посѣтилъ послѣдовательно Лондонъ, Парижъ и Берлинъ, гдѣ встрѣчалъ уже не столь восторженный пріемъ, какъ въ Вашингтонѣ; отсюда онъ отправился въ Петербургъ и здѣсь умеръ въ ту самую минуту, когда прибыло извѣстіе объ ужасной катастрофѣ, опровергавшее его разсказы о либерализмѣ Китая: это была рѣзня въ Тіенъ-цинѣ.

Рѣзня въ Тіенъ-цинѣ.—Французскій посланникъ графъ Лальмань 6 ноября 1868 г. покинулъ этотъ постъ, который занималъ съ мая 1867 г.; временно управлять посольствомъ долженъ былъ Жюльенъ де-Рошешуаръ. Въ провинціяхъ какъ разъ возобновились гоненія на миссіонеровъ, анти-европейская партія подняла голову и нѣкій Ченгъ Ко-юи раскинулъ искусную сѣть интригъ, которыя имѣли цѣлью изгнаніе иностранцевъ и вскорѣ принесли кровавый плодъ. 21 іюня 1870 г. въ Тіенъ-цинѣ были самымъ звѣрскимъ образомъ убиты мѣстный французскій консулъ Фонтанье, дѣлопроизводитель консульства Симонъ, драгоманъ французскаго посольства Томассэнъ съ женою, лазаристъ аббатъ Шевріэ, французскій купецъ Шальмэзонъ съ женою, трое русскихъ—Баровъ, Протопоповъ и жена послѣдняго, девять сестеръ ордена Сенъ-Венсанъ де-Поль, въ томъ числѣ четыре француженки, двѣ бельгійки, двѣ итальянки и одна ирландка, а всего двадцать европейцевъ. Католическій соборъ былъ сожженъ. Убійцы воспользовались тѣмъ, что на Пей-хо какъ разъ не было ни

одного европейскаго судна, и готовились уже вторгнуться на европейскія концессіи съ цѣлью продолжать рѣзню. Но ихъ остановило энергичное поведеніе иностранныхъ резидентовъ. Кто знаетъ, какое вліяніе могла бы оказать эта страшная катастрофа на событія, послѣдствіями которыхъ былъ разрывъ между Франціей и Пруссіей въ 1870 г.? Но въ ту пору телеграфъ еще не шелъ дальше Сингапура, и извѣстіе о ней поздно прибыло въ Европу.

II.— Россія и Китай.

Русскія посольства.—Въ силу Нерчинскаго договора 29 августа 1689 г. русскіе принуждены были совершенно очистить бассейнъ Ге-лунгъ-кіанга; Эвертъ Исбрандъ Идесъ стоялъ во главѣ перваго изъ тѣхъ посольствъ (1693—1694), которыя отъ имени царя посѣтили пекинскій дворъ въ теченіе XVIII и въ началѣ XIX вѣка. Назовемъ важнѣйшія изъ нихъ. Когда русскимъ купцамъ въ виду чинимыхъ ими безобразій былъ запрещенъ въѣздъ въ столицу, присланъ былъ Иванъ Измайловъ съ порученіемъ снова добиться отъ китайскаго правительства разрѣшенія на свободный въѣздъ въ Пекинъ каравановъ съ русскими товарами. Въ сопровожденіи блестящей свиты Измайловъ 20 ноября 1720 г. прибылъ въ Пекинъ и прожилъ здѣсь до 2 мая 1721 г. Слѣдующее за тѣмъ посольство подъ начальствомъ графа Саввы Владиславича отправилось въ Китай въ 1725 г. съ офиціальнымъ порученіемъ сообщить Сыну неба о восшествіи на русскій престолъ вдовы только что умершаго Петра Великаго, Екатерины. 20 августа 1727 г. Владиславичъ заключилъ съ китайцами договоръ, точнѣе прежняго опредѣлившій границу между обеими имперіями; имъ же заключены были еще договоры отъ 21 и 27 октября 1727 г. Шведъ Лоренцъ Ланге, пріѣхавшій въ свитѣ Измайлова и послѣ его отъѣзда оставшійся въ Пекинѣ, принужденъ былъ 12 августа 1722 г. покинуть этотъ городъ. Онъ опять вернулся сюда съ графомъ Владиславичемъ и въ третій разъ—во главѣ посольства 1736 г.; 10 мая 1737 г. онъ окончательно покинулъ Пекинъ и былъ назначенъ вице-губернаторомъ въ Иркутскѣ. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые оказали русскимъ наибольшія услуги въ китайской столицѣ. 18 октября 1768 г. Иванъ Кропотовъ заключилъ дополнительное соглашеніе къ мирному договору отъ 21 октября 1727 г. Отмѣтимъ еще актъ 8 февраля 1792 г., посольство Головкина (1805—1806) и болѣе извѣстное, но не болѣе полезное посольство Егора Ѳедоровича Тимковскаго въ 1820—21 г.

Муравьевъ.—Невельской. — Второй періодъ въ исторіи завоеванія русскими Амура начинается съ той минуты, когда тульскій губернаторъ Муравьевъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири. Муравьевъ познакомился въ Петербургѣ съ лейтенантомъ Геннадіемъ Невельскимъ, который командовалъ транспортомъ Россійско-Американской компаніи *Байкаломъ*, совершавшимъ рейсы между Кронштадтомъ и Камчаткой. Николай Николаевичъ Муравьевъ рѣшилъ, что Невельской и есть тотъ человѣкъ, который ему былъ нуженъ для изслѣдованія юго-восточнаго побережья Восточной Сибири отъ Тугурскаго залива до рѣки Амура.

Въ маѣ 1849 г. Невельской прибылъ въ Петропавловскъ на Камчатскомъ побережьи и 31-го направился къ сѣверной оконечности той большой земли, которая была извѣстна подъ названіемъ Сахалина, Крафто и Тара-Каи; онъ обогнулъ мысъ Елизаветы и мысъ Маріи, открытые Крузенштерномъ, поднялся вдоль западнаго берега, открылъ заливъ Обманчивый, названный позднѣе Байкальскимъ, обогнулъ мысъ Головачева и вошелъ въ Амуръ. Путешествіе Невельского

имѣло важное значеніе: оно доказало, что Сахалинъ вовсе не соединенъ съ материкомъ, а представляетъ собою островъ, и что Татарскій проливъ есть именно проливъ, а не заливъ, какъ думалъ Лаперузъ. Путешествія Орлова, дальнѣйшія изысканія Невельского, экспедиція Римскаго-Корсакова и пр. довершили это открытіе, которымъ Муравьевъ вскорѣ воспользуется.

Муравьевъ на Амурѣ.—16 іюня 1853 г. Муравьевъ возбудилъ въ Пекинѣ ходатайство о разграниченіи областей, оставшихся неразмежеванными по Нерчинскому договору; самъ онъ отправился въ Восточную Сибирь (1854) и во главѣ большой эскадры 18 мая вступилъ въ воды Ге Лунгъ-кіанга, который уже два вѣка былъ закрытъ для русскихъ судовъ. Отсюда онъ отправилъ новую ноту въ Пекинъ, извѣщая китайцевъ, что отнынѣ имъ придется вести переговоры о границахъ съ генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири. Затѣмъ Муравьевъ спустился по рѣкѣ до порта Маріинска (14 іюня 1854); еще до этого эскадра генерала Путятина была сосредоточена въ Императорской бухтѣ и заливѣ де-Кастри; Амурская область сдѣлалась достояніемъ русскаго правительства. Въ 1855 и 1856 г. Муравьевъ предпринялъ еще двѣ экспедиціи на Амуръ. Въ концѣ 1856 г. европейскія державы признали существованіе Приморской области (Николаевскъ), и Путятинъ былъ посланъ въ Пекинъ въ качествѣ посла.

Айгунскій договоръ. — Между тѣмъ Муравьевъ 26 апрѣля 1857 г. снова пустился внизъ по рѣкѣ; 9 мая онъ основалъ на лѣвомъ берегу, у устья Зеи, новый городъ Благовѣщенскъ; насупротивъ, на правомъ берегу Амура, въ Айгунѣ онъ нѣсколько дней спустя (16—28 мая 1858) заключилъ договоръ съ китайскимъ делегатомъ, главнокомандующимъ на Амурѣ, принцемъ И-шаномъ. Этотъ договоръ, ратификованный русскимъ императоромъ 8 іюля 1858 г. и китайскимъ императоромъ 2 іюня 1858 г. и изложенный на русскомъ, манчжурскомъ и монгольскомъ языкахъ, состоитъ всего изъ трехъ статей: русскіе получаютъ лѣвый берегъ Амура отъ Аргуна до его устья; правый берегъ до Уссури остается за китайцами; „земли и округа, лежащіе между рѣкою Уссури и моремъ, остаются, какъ донынѣ, въ общемъ владѣніи Китайской и Русской имперіи впредь до точнаго опредѣленія границы“; право плаванія по Амуру, Уссури и Сунгари предоставляется исключительно русскимъ и китайцамъ. При сліяніи Уссури и Амура былъ основанъ городъ Хабаровскъ, значеніе котораго съ каждымъ днемъ возрастаетъ. За всѣ эти заслуги Муравьеву былъ пожалованъ титулъ графа Амурскаго.

Тіенъ-цинскій договоръ.—Въ то же время контръ-адмиралъ Евфимій Путятинъ заключилъ въ Тіенъ-цинѣ 1 – 13 іюня 1858 г. договоръ съ Куэй Ліангомъ и Гуа Шана. Этотъ договоръ, содержащій 12 статей, устанавливаетъ, что отнынѣ сношенія между Россіей и Китаемъ будутъ вестись „не черезъ посредство сената и Ли-фанъ-юэна, какъ до сихъ поръ, а черезъ русскаго министра иностранныхъ дѣлъ и перваго члена верховнаго совѣта Китайской имперіи (Кіунъ-ки-чу) или черезъ главнаго министра на правахъ полнаго равенства“. Главныя статьи этого договора касаются открытія портовъ для русской торговли, разрѣшенія русскимъ имѣть православную миссію въ Пекинѣ, учрежденія письменной почты между Кяхтой и Пекиномъ и т. д.

Пекинскій договоръ. — Между тѣмъ война 1860 г. раздразнила аппетитъ русскихъ; вслѣдствіе этого 2—14 ноября 1860 г. генералъ-майоромъ Николаемъ Игнатьевымъ и принцемъ Конгомъ былъ заключенъ дополнительный договоръ въ 15 статей. По этому договору территорія между Уссури и моремъ, состоявшая до сихъ поръ въ совмѣстномъ владѣніи обѣихъ

имперій, перешла въ собственность Россіи и границею была признана линія рѣкъ Уссури и Сонгача, озеро Гинъ Каи до Ту Менъ-кіанга, корейская граница и т. д. Пекинскій договоръ былъ ратификованъ въ Петербургѣ 20 декабря и опубликованъ 26 декабря 1860 г. 20 февраля (4 марта) 1862 г. русскимъ посломъ Балліузекомъ было заключено въ Пекинѣ соглашеніе о сухопутной торговлѣ, которое 15—27 августа 1869 г. было дополнено соглашеніемъ, заключеннымъ въ Пекинѣ же генераломъ Влангали.

III.—Аннамъ.

Ту-Ду'къ.—Избіеніе миссіонеровъ [1]).— Занявъ престолъ послѣ своего отца Тіеутри (1847), Ту-Ду'къ долженъ былъ вступить въ борьбу со своимъ роднымъ братомъ Гоангбао или Анъ-Фонгомъ, который заявлялъ притязанія на престолъ. Однако Ту-Ду'къ получилъ китайскую инвеституру въ Гюэ, тогда какъ его предшественникамъ приходилось отправляться за нею въ Ганои. Гоангбао былъ взятъ въ плѣнъ и приговоренъ къ пожизненному заключенію въ тюрьмѣ; но онъ въ ней покончилъ съ собою. Правительство воспользовалось этимъ мятежомъ, чтобы запутать въ него христіанъ и воздвигнуть гоненіе на нихъ. 21 марта 1851 г. былъ изданъ указъ, предписывавшій умертвить европейскихъ и туземныхъ священниковъ. Огюстэнъ Шеффлеръ былъ казненъ 1 мая 1851 г., Жанъ-Луи Боннаръ—1 мая 1852 г., епископъ Хозе-Марія Діацъ—20 іюля 1857 г. священникъ Сампедро—въ 1858 г. Франція не могла остаться равнодушной. 16 сентября 1856 г. *Catinat* подъ командой Леліеръ де Виль-Сюръ-Арсъ явился въ Туранскомъ заливѣ, но Ту-Ду'къ отказался вступить въ сношенія съ нимъ; 23 января 1857 г. прибылъ въ Туранъ Монтиньги, но и его постигла неудача.

[1]) См. т. IV, стр. 284.

Адмиралъ Риго де Женуйльи.—Между тѣмъ Франція не упускала изъ виду своихъ интересовъ въ Кохинхинѣ; въ 1857 г. въ Парижѣ была образована комиссія подъ предсѣдательствомъ барона Бренье для пересмотра договора, заключеннаго епископомъ Адранскимъ въ 1787 г. Надо было наказать аннамитовъ за дерзость и отмстить за убійство французскихъ и испанскихъ миссіонеровъ. 31 августа 1851 г. вице-адмиралъ Риго де Женуйльи съ четырнадцатью судами явился предъ Тураномъ. Въ составъ дессантнаго корпуса входили флотскія команды, два пѣхотныхъ батальона, одна батарея морской артиллеріи и отрядъ тагаловъ подъ командой испанскаго полковника Ланцероти. 1 сентября были взяты оба Туранскихъ форта; но затѣмъ адмиралъ сдѣлалъ крупную ошибку, задержавшись на этомъ побережьи, гдѣ отъ нездороваго климата погибла часть его войска. Въ концѣ концовъ онъ понялъ, что Туранъ не является той уязвимой точкой, гдѣ можно было бы нанести Ту-Ду'ку рѣшительный ударъ; поэтому онъ 2 февраля 1859 г. оставилъ эту бухту. Семь дней спустя онъ бросилъ якорь въ устьѣ Доннэ, и 18 февраля занялъ Сайгонъ. Оставивъ здѣсь флотскаго капитана Жорегиберри, Риго де Женуйльи вернулся въ Туранъ, заставивъ аннамитовъ снять блокаду его (15 сентября 1859 г.), послѣ чего передалъ командованіе контръ-адмиралу Пажу (1 ноября 1859 г.).

Адмиралъ Пажъ.—Онъ оставилъ адмиралу Пажу самыя миролюбивыя инструкціи: не требовать отъ аннамитовъ ни военной контрибуціи, ни территоріальныхъ уступокъ, а требовать лишь свободы богослуженія и права держать трехъ консуловъ и одного уполномоченнаго въ Гюэ. Между тѣмъ Пажу пришлось ради собственной безопасности разрушить форты Кіенъшангъ къ сѣверу отъ Туранскаго залива. Въ этомъ дѣлѣ былъ убитъ лейтенантъ Дюпрэ Деруледъ на *Немезидѣ* (18 ноября 1859 г.).

Нгюйэнъ-три-фуонгъ. — Между тѣмъ вторая война съ Китаемъ заняла бо́льшую часть французскихъ силъ. Туранъ былъ эвакуированъ 3 марта 1860 г. и адмиралъ Пажъ присоединился къ адмиралу Шарнэ, назначенному главнокомандующимъ китайскихъ морскихъ силъ; въ Сайгонѣ онъ оставилъ 800 человѣкъ, которыми съ 1 апрѣля 1860 г. командовалъ флотскій капитанъ Даріэсъ, преемникъ Жорегиберри; помощникомъ Даріэса былъ испанскій полковникъ Паланка. Французы занимали между Сайгономъ и Шо-лономъ четыре пагоды, называемыя Каима, Маресъ, Клошетонъ и Барбэ. Аннамитскій вождь Нгюйэнъ-три-фуонгъ утвердился со своимъ войскомъ между обоими городами и въ ночь съ 3 на 4 іюля 1860 г. съ 3000 человѣкъ атаковалъ Клошетонъ, занятый испанцами, но былъ обращенъ въ бѣгство.

Адмиралы Шарнэ и Пажъ.—Благодаря окончанію франко-китайской войны французскій флотъ освободился, и адмиралу Шарнэ приказано было вести его противъ Кохинхины; начальникомъ его генеральнаго штаба былъ назначенъ контръ-адмиралъ Лаффонъ де Ладеба, а начальникомъ штаба войскъ—эскадронный командиръ штаба Кульсъ; онъ располагалъ 474 орудіями въ Ву-Сонгѣ. 24 января 1861 г. онъ на *Императрицѣ* покинулъ этотъ портъ, 7 февраля онъ бросилъ якорь въ Сайгонѣ, а 24-25 февраля вытѣснилъ Нгюйэнъ-трифуонга изъ окоповъ Ки-гоа. Но чувствуя себя утомленнымъ послѣ двойной кампаніи, онъ передалъ командованіе Пажу, который 13 апрѣля 1861 г. овладѣлъ Мито. Затѣмъ и Пажъ уѣхалъ во Францію, и 8 августа 1861 г. главно командующимъ въ Кохинхинѣ былъ назначенъ контръ-адмиралъ Бонаръ.

Адмиралъ Бонаръ и Сайгонскій договоръ.— Адмиралъ Бонаръ послалъ *Narzagaray* занять Пуло-Кондоръ; затѣмъ онъ довершилъ завоеваніе нижней Кохинхины взятіемъ Біенъ-гоа (9 декабря 1861 г.) и Винъ-лонга (23 марта 1862 г.). Его успѣхи заставили аннамитовъ заключить Сайгонскій договоръ (5 іюня 1862 г.). Францію представлялъ на этой конференціи адмиралъ Бонаръ, Аннамъ—Фанъ Тганъ-гіанъ и Ламъ Дюи-нгія. Французамъ были уступлены городъ Пуло-Кондоръ и три провинціи—Гіа-динъ (Сайгонъ), Динъ-туонгъ (Мито) и Біенъ-гоа; для иностранной торговли должны были быть открыты три порта — Ку-а-ганъ (Туранъ), Ба-лать и Кванъ-іенъ; аннамиты должны были уплатить французамъ вознагражденіе въ 4 милліона мексиканскихъ піастровъ; французамъ предоставлялась свобода культа и Аннамъ уступалъ имъ свои права на Камбоджу. 30 апрѣля 1863 г. адмиралъ Бонаръ уѣхалъ во Францію, передавъ командованіе адмиралу Ля Грандьеръ.

Изслѣдованіе Ме-Конга.—Ставъ владѣльцами Сайгона, французы не могли не подвергнуть изслѣдованію ту великую рѣку, которая орошаетъ Индо-Китайскій полуостровъ подъ именемъ Ме-Конга и южный Китай подъ именемъ Ланъ-цанъ-кіанга. Францисъ Гарнье издалъ подъ псевдонимомъ Г. Франсиса брошюру, въ которой указывалъ на важное значеніе этого воднаго пути, уже нѣкогда изслѣдованнаго Генри Муго. Въ 1865 г. морской министръ и президентъ географическаго общества, маркизъ Шасселу-Лоба, изъявилъ намѣреніе организовать научную экспедицію въ Индо-Китай; въ декабрѣ этого же года адмиралъ Ля Грандьеръ пригласилъ въ начальники этой экспедиціи капитана фрегата Дударъ де Лагрэ. Составъ экспедиціи былъ окончательно опредѣленъ 1 іюня 1866 г.; въ него входилъ и флотскій лейтенантъ, инспекторъ по туземнымъ дѣламъ Францисъ Гарнье. Экспедиція покинула Сайгонъ 5 іюня 1866 г.; посѣтивъ развалины Ангкора, она отплыла отсюда 5 іюля къ Сіемъ-рипу; 16 сентября она прибыла въ Бассакъ и отсюда посѣтила бывшую столицу Віенъ-шангъ, затѣмъ Луангъ Прабангъ, далѣе, исправивъ гробницу Муго, она проникла въ Юнъ-нанъ, причемъ уста-

новила, что Ме-Конгъ не судоходенъ. Какъ извѣстно, позднѣйшія путешествія доказали противоположное. Гарнье дважды разставался съ главной экспедиціей; въ ноябрѣ 1867 г. онъ спустился по Го-ти-кіангу отъ Юэнъ-кіанга до того мѣста, гдѣ былъ остановленъ порогами: онъ предугадалъ позднѣйшую артерію Тонкина. Налѣво онъ посѣтилъ Та-ли, столицу мусульманскаго султана Ту-венъ-сіеу, гдѣ уже до него былъ Сладенъ; но отсюда онъ принужденъ былъ вернуться вспять. 16 января 1868 г. экспедиція прибыла въ Тонгъ-чуэнъ. Здѣсь Лагрей, изнуренный столько же своимъ долгимъ пребываніемъ въ Камбоджѣ и Кохинхинѣ, сколько труднымъ путешествіемъ, умеръ 12 марта. Экспедиція подъ начальствомъ Гарнье вернулась въ Кіангъ, откуда моремъ отправилась въ Шанхай; сюда она прибыла 12 іюня 1868 г., а въ Сайгонъ — 29. Такъ кончилось это памятное путешествіе, столь плодотворное съ географической и столь важное впослѣдствіи съ политической точки зрѣнія.

Адмиралъ Ля Грандьеръ. — Контръ-адмиралъ Пьеръ-Поль-Мари де Ля Грандьеръ, назначенный 28 января 1863 г. губернаторомъ Кохинхины и временнымъ главнокомандующимъ вмѣсто адмирала Бонара, 31 марта 1865 г. прибылъ со специіальной миссіей во Францію. Въ его отсутствіе его должность исправлялъ контръ-адмиралъ Розъ. Вернувшись 28 ноября этого же года въ Кохинхину, Ля Грандьеръ организовалъ экспедицію для изслѣдованія Ме-Конга. Съ одной стороны поведеніе аннамитовъ, съ другой—французскій протекторатъ надъ Камбоджей заставили французовъ присоединить къ своимъ владѣніямъ лежавшія къ западу отъ послѣднихъ три провинціи. Кампанія была непродолжительна: французы безъ труда заняли Винъ-луонгъ (20 іюня), Шау-докъ (22 іюня) и Ха-тіенъ (24 іюня 1867 г.). Довершивъ такимъ образомъ завоеваніе Нижней Кохинхины, Ля Грандьеръ вышелъ въ отставку и 4 апрѣля 1868 г. уѣхалъ во Францію.

Сайгонъ —Сайгонъ, расположенный на притокѣ Донъ-Наи, образуетъ округъ, въ составъ котораго входятъ самый городъ (Танъ-Фо Саи-Гонъ) и пять уѣздовъ (*гатъ*) (Гіадинъ, Тай-нинъ, Ту-Дау-Мотъ, Біенъ-Гоа и Баріа), распадающихся на 63 волости (*тонгъ*) и 635 общинъ (*лангъ*). Планъ города былъ утвержденъ 13 мая 1862 г.; по указу адмирала Ля Грандьеръ (4 апрѣля 1867 г.) образована была муниципальная комиссія, въ окончательномъ видѣ сформированная адмираломъ Ойэ (8 іюля 1869 г.). Обязанности мэра съ 8 мая 1867 г. по 1871 г. исполнялъ флотскій врачъ Луи Тюркъ.

IV.—Сіамъ и Камбоджа.

Сіамъ.—Столица Ютія, основанная въ 1350 г. (712 г. сіамской эры) Фая Утонгомъ, принявшимъ имя Фра-Рама-Тибоди, была названа при своей закладкѣ Крунгъ-Тепъ-Мага-Нахонъ-Си-Аютая; она была разорена бирманцами. Сіамъ имѣлъ уже нѣсколько столицъ, изъ которыхъ древнѣйшая, основанная въ 520 г. до Р. Х. первымъ царемъ Батамаратомъ, называлась Савантевалокъ или Сангхалокъ. Между тѣмъ одному сіамскому патріоту, Фая-Таку, удалось (1767) прогнать завоевателей-бирманцевъ изъ развалинъ Ютіи, послѣ чего онъ утвердился въ Банкокѣ, переименованномъ имъ въ Танабури. Фая-Такъ овладѣлъ на югѣ Лигоромъ, на сѣверѣ – Хіенгъ-Маи и Віенгъ-шаномъ (1778); но въ 1782 г. онъ былъ убитъ своимъ первымъ министромъ, который и вступилъ на престолъ подъ именемъ Фра-Фути-Хао-Луанга (Іотъ Фа). Онъ былъ основателемъ династіи, царствующей еще и теперь въ Сіамѣ; онъ оставилъ Банкокъ столицей, но перенесъ свою резиденцію съ западнаго берега Ме-нама на восточный. Въ 1794 г. сіамскій царь короновалъ въ Банкокѣ изгнаннаго царя Камбоджи, далъ ему имя Преа-бат-сомдах-сдах-преа-реашеа-

онгкар-преа-нореаи-реашеа-тиреашъ и послалъ съ нимъ, чтобы водворить его въ Камбоджѣ (май того же года), сіамское войско, занявшее провинціи Ангкоръ и Баттамбангъ. Новый царь умеръ въ августѣ 1796 г. двадцати четырехъ лѣтъ отъ роду, и послѣ продолжительнаго правленія его перваго министра, въ августѣ 1806 г. короновался въ Банкокѣ его сынъ Пре-Ангъ-шанъ; состоя уже вассаломъ Сіама, Ангъ-шанъ призналъ еще надъ собою суверенитетъ Аннама, утвердившаго его царемъ Камбоджи. Послѣ 29-лѣтняго царствованія Фра-Фути-Хао-Луангъ умеръ въ 1811 г., и ему наслѣдовалъ его сынъ Фенъ-динъ-Клангъ, умершій въ 1825 г.

Войны между Сіамомъ и Камбоджей.— Когда въ 1811 г. въ Камбоджѣ вспыхнуло возстаніе, царь Камбоджи обратился къ Аннаму съ просьбой возстановить порядокъ; это встревожило Сіамъ, и онъ вмѣшался въ пользу мятежниковъ. Вмѣшательство Гіа-Лонга обезпечило У-донгъ за царемъ Ангъ-шаномъ; въ Ла-бишѣ было заключено (1813) соглашеніе съ Сіамомъ.

Фенъ-динъ-Клангу наслѣдовалъ въ Банкокѣ его старшій сынъ Шао-Празатъ-Тонгъ, силою захватившій престолъ, который собственно долженъ былъ занять его младшій братъ Шао-Фа Монгкутъ. Въ 1829 г. новый царь объявилъ войну царю Віенгъ-шана въ Лаосѣ; послѣдній былъ взятъ въ плѣнъ и приведенъ въ Банкокъ, послѣ чего Сіамъ, Бирманія и Аннамъ подѣлили между собою Лаосъ. Во время возстанія Кхои [1]) въ нижней Кохинхинѣ сіамцы вторглись въ Ха-Тіенъ и Шодокъ; царь Камбоджи принужденъ былъ бѣжать въ Винъ-лонгъ, и аннамскому царю Минъ-Мангу лишь въ 1834 г. удалось прогнать ихъ до Баттамбанга. Чтобы держать въ уздѣ сіамцевъ, Минъ-Мангъ построилъ въ Пномъ-Пенѣ крѣпость, начальникомъ которой назначилъ аннамскаго генерала Труонгъ Минъ-Гіанга. Тѣмъ временемъ Ангъ-шанъ умеръ послѣ двадцативосьмилѣтняго царствованія. Ему наслѣдовала его 20-лѣтняя младшая дочь Нгокъ-ванъ подъ именемъ Неакъ Ангъ-Мей. Между тѣмъ аннамиты грозили завладѣть Камбоджей, которая распадалась на 33 фу и администрація которой была организована на подобіе кохинхинской, съ центромъ въ Транъ-Тай-Танкѣ (бывшая крѣпость Анъманъ). Сіамцы вмѣшались, царица Ангъ-Мей была вынуждена бѣжать въ Шодокъ (1841) и царемъ былъ провозглашенъ братъ покойнаго царя Пре-Ангъ-Дуонгъ. Однако инвеституру онъ получилъ лишь въ 1847 г., послѣ того, какъ въ іюнѣ 1846 г. былъ заключенъ договоръ, положившій конецъ враждѣ между Аннамомъ и Сіамомъ. Послѣдній, въ ущербъ Аннаму, снова пріобрѣлъ затѣмъ прежнее свое вліяніе на Камбоджу, утраченное имъ въ эпоху Гіа-Лонга.

Сношенія съ иностранными державами.— Первымъ посольствомъ въ Сіамъ послѣ XVII вѣка было посольство Джона Крауфорда, прибывшаго въ Пакнамъ на *John-Adam*'ѣ 26 марта 1822 г., а въ Банкокъ— 28-го; ему было поручено исходатайствовать пониженіе ввозныхъ пошлинъ на товары и право свободной торговли въ сіамскихъ портахъ. 28 апрѣля Крауфордъ былъ принятъ въ аудіенціи царемъ; но ему не удалось склонить сіамцевъ къ заключенію договора; они указывали на то, что португальцы два года тому назадъ заключили такой же договоръ, между тѣмъ еще ни одно ихъ судно не появилось въ Банкокѣ. Англичане тщетно пытались растолковать имъ, что ихъ торговые интересы безконечно сложнѣе португальскихъ. Ничего не добившись, Крауфордъ отплылъ 14 іюля 1822 г. и четыре дня спустя прибылъ въ Пакнамъ по пути въ Аннамъ [1]). Въ 1826 г. индійскій генералъ-губернаторъ лордъ Амгерстъ, желая привлечь Сіамъ на помощь противъ бирман-

[1]) См. т. IV, стр. 280.

[1]) См. т. IV, стр. 281.

цевъ и разсѣять опасенія, которыя возбудила въ сіамской колоніи Пенангѣ оккупація англичанами владѣній союзника сіамцевъ, царя Кведы, Ахмеда I Саджъэд-дин-Алима (эта оккупація продолжалась до 1842 г.), послалъ въ Сіамъ капитана Генри Бёрнея. Онъ оказался счастливѣе своего предшественника Крауфорда: ему удалось 20 іюня 1826 г. заключить договоръ изъ 14 статей, который носилъ преимущественно политическій характеръ, но куда Бёрней сумѣлъ ввести и торговое соглашеніе изъ шести статей. Соединенные Штаты Америки, въ свою очередь, чрезъ посредство министра Эдмунда Робертса заключили 20 марта 1833 г. дружескій и торговый договоръ изъ 10 статей, ратификованный царемъ 14 апрѣля 1836 г. 9 августа 1850 г. сэръ Джемсъ Брукъ прибылъ въ Мей-Намъ со *Сфинксомъ* и судномъ Остъ-индской компаніи *Немезидой*; онъ потерпѣлъ неудачу въ переговорахъ, предметъ которыхъ остался тайной и которые онъ прервалъ 28 сентября 1850 г. Такую же неудачу потерпѣлъ въ томъ же году Баллестье, присланный правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ заявить протестъ противъ обидъ, чинимыхъ американцамъ въ Сіамѣ, и заключить новый договоръ.

Царь Монгкутъ.—Между тѣмъ Фра-Хао-Празатъ-Тонгъ умеръ 3 апрѣля 1851 г., и вопреки стараніямъ его сыновей, престолъ занялъ, подъ именемъ Сомдетъ-Фра-Парамандеръ-Мага-Монгкута, его братъ Хао-Фа (род. 18 октября 1808), свергнутый имъ въ 1825 г. Притязанія иностранцевъ становились настойчивѣе, чѣмъ когда-либо. Въ 1855 г. изъ Гонконга въ Банкокъ былъ присланъ сэръ Джонъ Боурингъ; ему не безъ труда удалось 18 апрѣля 1855 г. заключить дружескій и торговый договоръ изъ 12 статей, ратификованный въ Банкокѣ 5 апрѣля 1856 г. Къ этому договору были приложены шесть узаконеній, регулировавшихъ англійскую торговлю въ Сіамѣ, и тарифъ. Гарри С. Перксъ, привезшій ратификацію англійской королевы, заключилъ, по просьбѣ лорда Кларендона, дополнительное торговое соглашеніе (13 мая 1856), съ цѣлью точно опредѣлить, какія статьи договора, заключеннаго въ 1826 г. Бёрнеемъ, остаются въ силѣ, какія отмѣняются. Тоуншендъ Гаррисъ, генеральный консулъ Соединенныхъ Штатовъ въ Японіи, заключилъ отъ лица своего правительства договоръ о дружбѣ, торговлѣ и навигаціи, списанный большею частью съ англійскаго договора 1855 г. (11 статей, Банкокъ, 29 мая 1856, ратификованъ тамъ же 15 іюня 1857). Франція, имѣвшая крупные интересы на Дальнемъ Востокѣ, не могла оставаться безучастной зрительницей. Французскій консулъ въ Шанхаѣ, Монтиньи, посланный въ Банкокъ со спеціальной миссіей, заключилъ здѣсь 15 августа 1856 г. договоръ о дружбѣ, торговлѣ и навигаціи въ 24 параграфа, сопровождаемый четырьмя регламентами и тарифомъ; этотъ договоръ былъ ратификованъ въ Банкокѣ 24 августа 1857 г. Къ несчастью, французскій агентъ имѣлъ неосторожность сообщить сіамцамъ, что ѣдетъ отсюда въ Камбоджу заключать такой же договоръ; еще большей неосторожностью было то, что онъ довезъ на своемъ суднѣ одного сіамскаго министра въ Кампотъ. Въ Кампотѣ Монтиньи былъ хорошо принятъ, но благодаря сіамскимъ проискамъ ему не удалось вынудить договоръ у слабаго царя Ангъ-Дуонга, хотя послѣдній и желалъ стать подъ покровительство Франціи. Датскій консулъ въ Сингапурѣ, Джонъ Жарви, 21 мая 1858 г. заключилъ въ Банкокѣ договоръ на англійскомъ языкѣ съ сіамскимъ переводомъ изъ 25 статей, сопровождаемый шестью регламентами и тарифомъ и ратификованный въ томъ же городѣ 15 сентября 1859 г. Графъ Эйленбургъ, чрезвычайный посолъ и полномочный министръ Пруссіи, прочихъ государствъ нѣмецкаго Таможеннаго союза и великихъ герцогствъ

Мекленбургъ-Шверинъ и Мекленбургъ-Стрелицъ, также заключилъ договоръ о дружбѣ, торговлѣ и навигаціи по-нѣмецки, англійски и сіамски (7 февраля 1862) изъ 25 статей, съ приложеніемъ торговыхъ регламентовъ и тарифа; этотъ договоръ былъ ратификованъ въ Банкокѣ 23 мая 1864 г.

Протекторатъ Франціи надъ Камбоджей[1]).— Царь Ангъ-Дуонгъ умеръ въ Удонгѣ въ 1859 г. и въ 1860 г. былъ коронованъ его старшій сынъ отъ Неакъ-Менеангъ-Пенъ, Преа-Ангъ-водей или Преа-Ангъ-Шрелангъ, родившійся въ 1835 г. въ Ангкоръ-Бореѣ; онъ извѣстенъ подъ именемъ царя Нородома I (Сомъ-Дахъ-Пра *Норудамъ* Промъ Борераакса Пра-Мага-Аббарахъ). Сначала ему приходилось вести борьбу съ его младшимъ братомъ Вотой, и въ январѣ 1862 г. онъ ѣздилъ къ сіамскому двору просить помощи. Завоеваніе Нижней Кохинхины французами лишило аннамитовъ всякаго вліянія и сіамцы стали фактически господами въ Камбоджѣ. Еще 24 марта 1861 г. адмиралъ Шарнэ, освободивъ Сайгонъ, послалъ въ Кампотъ авизо *Norzagaray*, подъ командою флотскаго лейтенанта Леспеса. Въ сентябрѣ 1862 г. генералъ-губернаторъ Кохинхины адмиралъ Бонаръ отдалъ визитъ Нородому и легко замѣтилъ вліяніе, пріобрѣтенное при дворѣ сіамскимъ агентомъ. Въ іюлѣ 1863 г. новый генералъ-губернаторъ Кохинхины, контръ-адмиралъ Ля Грандьеръ, поѣхалъ въ Удонгъ, чтобы поторопить царя отдаться подъ покровительство Франціи. Нородомъ колебался, боясь сіамцевъ; энергичный майоръ Дударъ де Лагрей преодолѣлъ эти увертки, и благодаря этому выдающемуся офицеру 11 августа 1863 г. въ Удонгѣ былъ заключенъ дружественный и торговый договоръ между царемъ Камбоджи Пра-Мага-Аббарахомъ (Нородомъ) и Франціей въ лицѣ ея представителя, губернатора и главнокомандующаго въ Кохинхинѣ контръ-адмирала Ля Грандьера. Онъ состоялъ изъ восемнадцати статей; вотъ главныя изъ нихъ: Франція принимаетъ Камбоджу подъ свой протекторатъ; она держитъ при царѣ Камбоджи резидента или консула, наблюдающаго подъ верховнымъ контролемъ губернатора Кохинхины за точнымъ исполненіемъ договора о протекторатѣ; французы пользуются въ Камбоджѣ полной свободой, предоставляется свобода католическому культу и пр.; французы получаютъ въ собственность участокъ земли у Четырехъ рукавовъ на предметъ постройки форта, угольной станціи и провіантскихъ складовъ для французскихъ судовъ. Этотъ договоръ былъ ратификованъ въ Удонгѣ 14 апрѣля 1864 г.

Происки сіамцевъ.—Какъ путемъ происковъ, такъ и посредствомъ военныхъ успѣховъ сіамцы сумѣли значительно расширить сферу своего вліянія; въ Лаосѣ они изъ стараго царства Віенгъ-Шана образовали три небольшихъ государства, которыя взяли подъ свой протекторатъ: Луангъ-Прабангъ, Віенгъ-Шанъ и Бассакъ. Отъ Камбоджи также были послѣдовательно отрѣзаны: въ 1794 г. провинціи Баттамбангъ и Ангкоръ, въ 1814—провинціи Тонлэ-Репу, Саакъ и Стунгъ-Тренгъ, въ 1847—провинціи Стунгъ-Поръ и Молу-Прей. Естественно, что сіамцы были очень недовольны французскимъ вліяніемъ, смѣнившимъ вліяніе Аннама и разстроившимъ ихъ планы насчетъ царства Хмеръ. Между тѣмъ Нородомъ по свойственной ему слабости, несмотря на свои обязательства по отношенію къ Франціи, 1 декабря 1863 г. заключилъ договоръ съ Сіамомъ, ратификованный въ январѣ 1864 г. Этотъ договоръ нѣсколько мѣсяцевъ держался втайнѣ, но тенденціи его были ясно намѣчены въ нотѣ, сообщенной сіамскимъ дворомъ

---

[1]) Представителями Франціи въ Банкокѣ со времени заключенія договора 1856 по 1869 г. были консулы Кастельно, Заноль, Обарэ, Горсъ и Диллонъ.

3 іюня 1864 г. на коронованіи царя Камбоджи въ присутствіи флотскаго капитана Демулэна, начальника штаба при адмиралѣ Ля Грандьерѣ: Сіамъ сохранялъ за собою права на суверенитетъ надъ Камбоджей и на провинціи Баттамбангъ, Ангкоръ и Лаосъ до Большой рѣки. Размолвка съ Сіамомъ была улажена лишь въ 1867 г.

Договоръ 1867 г.—12 мая 1867 г. Наполеонъ III принялъ сіамское посольство, во главѣ котораго стоялъ Фіа-Сура-Вонгъ-Вай-Ваднъ, уже однажды пріѣзжавшій во Францію въ 1861 г., въ составѣ другого посольства. Два мѣсяца спустя сіамскіе послы заключили договоръ съ Франціей, ратификованный по-французски и по-сіамски.

Этотъ договоръ, подписанный 15 іюля 1867 г. въ Парижѣ государственнымъ секретаремъ въ департаментѣ иностранныхъ дѣлъ, маркизомъ Мутье, отъ лица Франціи, и Фіа-Суравонгсъ-Вай-Ватомъ и Фра-Какса-Сеной отъ имени Сіама, опредѣлилъ „окончательно и по взаимному согласію положеніе, въ которое поставилъ царство Камбоджу договоръ, заключенный въ Удонгѣ между Франціей и этимъ царствомъ 11 августа 1863 г. (въ двадцать седьмой день мѣсяца Ассахъ года Коръ 1225); сіамскій царь призналъ протекторатъ Франціи надъ Камбоджей, объявилъ недѣйствительнымъ договоръ, заключенный имъ съ Камбоджей въ декабрѣ 1863 г., отказался отъ всякой дани со стороны Камбоджи, которую Франція обязывалась не присоединять къ своимъ владѣніямъ въ Кохинхинѣ, провинціи Баттамбангъ и Ангкоръ (Нахонъ-Сіемрапъ) были окончательно закрѣплены за Сіамомъ. Остальные пункты договора, содержавшаго въ общемъ 9 статей, регулировали отношенія между сіамцами и камбоджцами и пр.

Уступивъ Баттамбангъ и Ангкоръ, французы сдѣлали большую ошибку, не исправленную и до сихъ поръ. Генеральный консулъ Дю Шень де Белькуръ, посланный со специальной миссіей къ сіамскому царю, выѣхалъ изъ Франціи 19 сентября по направленію къ Сайгону, откуда на канонеркѣ *Alarme* прибылъ въ Банкокъ; здѣсь 24 ноября и состоялся обмѣнъ ратификаціями по договору 15 іюля.

Католическія миссіи въ Сіамѣ и Камбоджѣ—Первымъ апостольскимъ викаріемъ въ Сіамѣ былъ Луи Лано изъ Шартра, епископъ Метеллополиса (1674—1696), принадлежавшій къ Missions Etrangères въ Парижѣ. Въ 1841 г., когда Малакка была отдѣлена отъ Сіама, эту новую каѳедру занялъ монсиньоръ Илэръ Курвези, епископъ Биды, а сіамскимъ викаріемъ назначенъ Жанъ-Батистъ Паллегуа изъ Дижона, епископъ Маллоса, авторъ крайне замѣчательныхъ изслѣдованій о языкѣ таи. По смерти его, 18 іюня 1862 г. его мѣсто занялъ сначала Фердинандъ-Эмэ-Огюстэнъ-Жозефъ Дюпонъ изъ Арраса, епископъ Азота (1864—1872), затѣмъ монс. Жанъ-Луи Вей изъ Пюи, епископъ Жераза (1875).

Апостольскій викаріатъ въ Камбоджѣ былъ учрежденъ въ 1850 г. въ ущербъ западной Кохинхинѣ и также принадлежитъ семинаріи Missions Etrangères въ Парижѣ. Первымъ викаріемъ здѣсь былъ Жанъ-Клодъ Мишъ, епископъ Дансары, умершій въ Сайгонѣ 1 декабря 1873 г. Въ составъ этого викаріата входятъ также двѣ провинціи французской Кохинхины, Ха-тіенъ и Шодокъ, и нѣкоторыя части Лаоса. Аббатъ Луи Оссолейль изъ епархіи Тюлль, смѣнившій Миша въ качествѣ пріора миссіи, въ 1875 г. вернулся во Францію; теперь этотъ постъ окончательно занялъ Мари-Лоранъ-Франсуа-Ксавье Кордье, который пробывъ пріоромъ миссіи съ 1875 по 1882 г., 6 января 1883 г. былъ посвященъ въ епископы Гратіанополиса.

Протестантскія миссіи.—Изъ нихъ дѣйствуютъ въ Сіамѣ *American Baptist Missionary Union*, миссія которой основана

въ 1833 г. Дж. Лаларомъ Джонсомъ (ум. въ сентябрѣ 1851 г.), *Board of Foreign Missions of the Presbyterian Church in the United States*, миссія которой основана въ мартѣ 1840 г. В. П. Буэлемъ, и *Siamese Mission*. Существовала раньше и *American Missionary Association*, учрежденная въ 1850 г. докторомъ Брадлеемъ, который впервые посѣтилъ Сіамъ въ 1835 г.

Царь Шулалонгъ-Корнъ.—Царю Монгкуту, умершему 1 октября 1868 г., наслѣдовалъ его сынъ Сомдечъ - Фра-Парамендръ-Мага-Шулалонгъ-Корнъ, который родился въ Банкокѣ 27 сентября 1853 г. и былъ женатъ на принцессѣ Савангъ Ваддана, родившейся 10 сентября 1862 г. Это пятый царь изъ нынѣшней династіи; онъ царствуетъ до сихъ поръ. Регентомъ во время его малолѣтства былъ Фіа Суріавонгсе.

V. — Бирманія.

Первая бирманская война.—Въ первую четверть XIX столѣтія англичане въ Бирманіи потерпѣли рядъ неудачъ; неудачно для нихъ кончился споръ съ Араканомъ, возникшій въ 1811 г. и не удалось имъ отразить также нападеніе бирманскаго правительства этой страны, примыкающей съ юго-востока къ Бенгаліи, вызвавшее вмѣшательство англичанъ во время управленія Индіей лорда Амгерста, преемника маркиза Гастингса (1823—1828). Въ началѣ 1824 г. было рѣшено, что генералъ-майоръ сэръ Арчибальдъ Кэмпбель во главѣ 5—6.000 человѣкъ, стянутыхъ изъ президентствъ Фортъ-Уильямъ (Бенгалія) и Фортъ Сенъ-Джорджъ (Мадрасъ) и сосредоточенныхъ въ Портѣ Корнуэльсъ на Большомъ Андаманѣ, постарается овладѣть крупнѣйшимъ городомъ на устьѣ Иррауадди, Рангуномъ, въ бывшемъ царствѣ Пегу. 5 мая 1824 г. война была объявлена. 10 мая совершенно неожиданно для бирманскаго двора англійскій флотъ во главѣ съ коммодоромъ Грантомъ на *Liffy* прошелъ мель рѣки Рангуна, и 11 мая большая часть экспедиціоннаго отряда, прибывшаго въ Корнуэльсъ между 2 и 4 мая, заняла городъ. Первая встрѣча англичанъ съ бирманцами, которые лишь съ большимъ трудомъ собрали всѣ свои силы, произошла 28 мая. Послѣ того, какъ двоимъ бирманскимъ уполномоченнымъ не удалось столковаться съ англичанами, послѣдніе 1 іюля атаковали бирманцевъ и 8-го овладѣли фортомъ Камерутъ. Небольшой отрядъ, посланный на югъ, заставилъ Тавой капитулировать и взялъ штурмомъ Мерги.

Терпя въ теченіе трехъ мѣсяцевъ пораженіе за пораженіемъ, бирманцы призвали Мага Бандула, командовавшаго въ Араканѣ, со всѣмъ его войскомъ. Сіамцы, зорко слѣдившіе за ходомъ англо-бирманской войны, признали этотъ моментъ благопріятнымъ для того, чтобы вернуть себѣ Тенассеримъ; они разсчитывали не только на успѣхъ англійскаго оружія, но и на критическое положеніе, въ которомъ находились бирманцы. Съ этой цѣлью они выразили англичанамъ свое дружеское расположеніе. Но англичане не пошли на удочку; чтобы сразу разстроить замыслы бирманцевъ, они послали въ Мартабанъ подполковника Годвина. Онъ встрѣтилъ въ пути противные вѣтры, на мѣстѣ— упорное сопротивленіе Мага Удна, губернатора Іэ. Однако этотъ городъ, лежащій къ востоку отъ Мартабана и Тавои, все-таки перешелъ въ его руки. Мага Бандула воспользовался окончаніемъ періода дождей, чтобы двинуться со всей своей арміей къ Рангуну; съ 1 по 7 декабря разыгрался ожесточенный бой, 15-го была произведена атака на фортъ Кокіенъ, и войска Бандулы принуждены были отступить къ Донобеву.

Вернувшись въ Тонгу, экспедиція была сызнова организована для продолженія кампаніи. Она расположилась на зимнія квартиры въ Промѣ на Иррауадди. Послѣ нѣсколькихъ безплодныхъ попытокъ при-

миренія бирманская армія, состоявшая изъ трехъ дивизій, перешла въ наступленіе, но была отбита подъ Промомъ и принуждена отступить въ Меллону. Подступивъ къ этому городу, англичане 29 декабря 1825 года заключили съ бирманцами прелиминарный миръ; но военныя дѣйствія скоро возобновились, такъ какъ царь отказался ратифицировать этотъ договоръ. Отбросивъ бирманцевъ, занявшихъ Меллону, англичане продолжали путь къ столицѣ Бирманіи Авѣ.

Іандабускій договоръ.—Царь Авы, видя, что англійское войско приближается къ его столицѣ, и потерпѣвъ уже пораженіе у Прагангніу, рѣшился послать новыхъ уполномоченныхъ. Ихъ сопровождали американскій миссіонеръ Адонирамъ Джедсонъ съ женою, англійскій купецъ Гоуджеръ и нѣсколько другихъ лицъ, взятыхъ въ плѣнъ за время войны. 24 февраля 1826 г. въ Іандабу былъ заключенъ договоръ, заключавшій въ себѣ одиннадцать статей. Главными изъ нихъ были: уступка англичанамъ Ассама, Аракана, Іэ, Тавои, Мерги, Тенассерима и принадлежащихъ къ нимъ острововъ; запрещеніе бирманцамъ какъ бы то ни было вмѣшиваться въ дѣла Манипура, Кашара и Интіи; параграфъ 11 касается сіамскаго царя, на котораго этотъ договоръ распространялся какъ на вѣрнаго союзника Великобританіи. Дополнительная статья устанавливала, что англійскія войска должны очистить Рангунъ по выплатѣ четвертой части контрибуціи, т.-е. 25 лаховъ рупій, и исполненіи договора; по выплатѣ второй четверти британскія войска должны совсѣмъ удалиться, а остальныя двѣ уплаты должны быть сдѣланы погодно, считая со дня заключенія договора.

Іандабускимъ договоромъ Бирманія была совершенно отрѣзана отъ сѣверо-восточной Индіи и устьевъ Салуэна; точно также отъ нея было отрѣзано западное побережье Индо-Китая, т.-е. Араканъ. Теперь владѣнія бирманскихъ царей ограничивались лишь обоими берегами Иррауадди, а на морскомъ побережьи имъ принадлежало теперь только бывшее царство Пегу, т.-е. Рангунъ, который также вскорѣ, послѣ новой войны съ англичанами, перейдетъ въ руки послѣднихъ. Вліяніе бирманской короны простиралось теперь только на княжества по верхнему теченію Салуэна и на правый берегъ Ме-Конга.

Миссія Джона Крауфорда.—Изъ письма, помѣченнаго 1 сентября 1826 г., мы узнаемъ, что Джонъ Крауфордъ уже полгода занималъ постъ гражданскаго комиссара англійскаго правительства въ Рангунѣ, когда Джоржъ Суинтонъ, секретарь индійскаго правительства, прислалъ ему инструкціи касательно спеціальной миссіи въ Аву. Настоящей цѣлью миссіи было заключеніе торговаго договора съ бирманскимъ правительствомъ и разрѣшеніе нѣкоторыхъ спорныхъ вопросовъ, напримѣръ, о восточной границѣ Ассана, объ учрежденіи въ Рангунѣ поста главноначальствующаго, о дѣлахъ Манипура, о границѣ Мартабана, о пріобрѣтеніи острова Негресъ у устья рѣки Бассейнъ, и пр. 22 февраля 1827 г. Крауфордъ изъ Сангора оффиціально сообщилъ Джоржу Суинтону, что 23 ноября заключилъ торговый договоръ съ бирманскимъ правительствомъ; царемъ бирманскимъ былъ въ это время тотъ самый Сагэнъ-Менгъ или Фагійдоа, который подписалъ и Іандабускій договоръ.

Новыя осложненія. — Но въ Бирманіи случилось то же, что въ Китаѣ передъ 1842 г. (Нанкинскій договоръ): заключенное въ этомъ торговомъ договорѣ обѣщаніе предоставить англійскимъ купцамъ въ Рангунѣ полную свободу торговли нимало не было исполнено. На Дальнемъ Востокѣ только сила заставляетъ исполнять договоры. Въ 1830 году прибылъ въ Аву майоръ Бёрней въ качествѣ англійскаго комиссара при бирманскомъ дворѣ. Въ

1837 г. царь Сагэнъ-Менгъ, царствовавшій уже восемнадцать лѣтъ, былъ свергнутъ своимъ братомъ Таравади-Менгомъ. Въ 1838 г. столица была перенесена въ Амарапуру; этотъ городъ, построенный на лѣвомъ берегу Иррауадди, въ полутора миляхъ отъ Авы, Бадунъ-Менгомъ (Бодоапра), сыномъ Аломпры, шестымъ царемъ династіи, и занятый имъ 10 мая 1783 г., оставался до 1860 г. мѣстопребываніемъ правительства, тогда какъ Ава или (на языкѣ пали) Ратанапура, „городъ драгоцѣнныхъ камней", основанный въ 1364 г. Тадоменгомъ-бія на Иррауадди у устья Митнге, потеряла всякое значеніе. Только въ 1860 г. Менгдунъ-Менгъ перенесъ свою резиденцію въ Мандалай. Всѣ эти перемѣны измучили майора Генри Бёрнея; его положеніе въ Авѣ въ качествѣ англійскаго резидента было очень трудно; отсюда онъ принужденъ былъ переѣхать въ Рангунъ потомъ въ Калькутту и, наконецъ, вернуться въ Англію. Въ 1838 г. лордомъ Ауклендомъ былъ присланъ въ Аву въ качествѣ новаго резидента полковникъ Бансонъ, который, однако, въ слѣдующемъ же году вернулся въ Бенгалію, успѣвъ не больше своего предшественника. Его помощникъ капитанъ Маклеодъ, проживвшій въ Рангунѣ до 1840 г. (когда англичане оставили этотъ городъ, чтобы вернуться сюда уже послѣ 1852 г.), во время своихъ поѣздокъ по бирманскому Лаосу заключилъ соглашеніе съ однимъ изъ владыкъ этого края.

Вторая бирманская война.—Во время управленія лорда Ауклендa, при которомъ англичане потерпѣли крупное пораженіе въ первой своей войнѣ съ афганцами, и при его преемникахъ лордѣ Элленборо (1842—1844) и лордѣ Гардингѣ (1844—1848) вниманіе англичанъ было почти исключительно сосредоточено на сѣверозападной Индіи, и бирманскій вопросъ отошелъ на задній планъ. Сызнова британскими интересами въ Бирманіи занялся лордъ Далгузи, присоединившій Пенджабъ, снова разбившій сикховъ и завоевавшій въ 1856 г. Пегу, устье Иррауадди, территорію Удъ и нѣсколько другихъ областей. Быть можетъ, замѣчательнѣйшій изъ генералъ-губернаторовъ Остъ-Индіи послѣ лорда Клейва, Далгузи завершилъ дѣло своихъ предшественниковъ, лорда Гардинга и лорда Амгерста, и въ 1856 г., послѣ восьмилѣтняго чрезвычайно удачнаго управленія Индіей, передалъ власть лорду Каннингу.

Въ 1852 г., 10 января, бирманцы, несмотря на ноту индійскаго правительства, упрекавшаго ихъ во всяческихъ притѣсненіяхъ, чинимыхъ британской торговлѣ, и въ дурномъ обращеніи съ британскими купцами и требовавшаго удовлетворенія отъ бирманскаго двора, открыли въ Рангунѣ военныя дѣйствія. Послѣ жестокихъ битвъ 12 и 14 апрѣля городъ перешелъ въ руки англичанъ, а 19 мая они заняли Бассейнъ. Въ іюнѣ 1852 г. майоръ Коттонъ и комендантъ Тарлетонъ атаковали городъ Пегу, и 20 декабря лордъ Далгузи объявилъ это царство присоединеннымъ къ прочимъ англійскимъ владѣніямъ. Уцѣлѣвшая часть Бирманіи оказывалась изолированной со всѣхъ сторонъ. Въ февралѣ 1853 г. Пуганъ-Менгъ, царствовавшій съ 1846 г., былъ низвергнутъ въ Амарапурѣ своимъ своднымъ братомъ Менгдунъ-Менгомъ. Лордъ Далгузи не связалъ новаго царя договоромъ; онъ только продлилъ оккупацію Пегу и тѣмъ упрочилъ послѣдній за Англіей.

Посольство въ Аву.—Новый царь Менгдунъ-Менгъ понялъ, какъ важно для него сохранять добрыя отношенія съ чужеземными завоевателями Индіи. Съ своей стороны, англичане, имѣя въ рукахъ залогъ, удовольствовались тѣмъ, что назначили майора Артура Фейра губернаторомъ Пегу и не потребовали заключенія договора, что̀ при наличныхъ обстоятельствахъ могло бы вызвать серьезныя осложненія

и, можетъ быть, даже войну, какъ нѣкогда съ Аломпрой. И вотъ въ 1855 г. Менгдунъ-Менгъ послалъ специальное посольство къ лорду Далгузи, чтобы привѣтствовать его и тѣмъ доказать свое дружеское расположеніе. Въ отвѣтъ на эту любезность лордъ Далгузи 1 августа 1855 года также отправилъ къ нему специальное посольство во главѣ съ Артуромъ Фейромъ. Согласно письму лорда Далгузи къ Менгдунъ-Менгу отъ 3 іюля 1855 г. миссія Фейра́ имѣла цѣлью упрочить „дружбу, питаемую владыками обоихъ государствъ, устранить всѣ поводы къ возможному разногласію между ними и развить торговыя сношенія къ равной выгодѣ для обоихъ“. Однако обстоятельства сложились такъ, что заключить договоръ, какъ того желали англичане, не представилось случая. Сэръ А.-П. Фейръ первый былъ 31 января 1862 г. назначенъ главнымъ комиссаромъ англійскихъ владѣній въ Бирманіи.

Миссія Слейдена.—Занявъ царство Пегу, англичане естественно принуждены были искать рынковъ для своей торговли въ юго-западныхъ провинціяхъ Китая, особенно въ Юнъ-нанѣ. Капитану Ричарду Спраю первому въ 1858 г. пришла въ голову мысль о проведеніи желѣзной дороги изъ Рангуна въ Юнъ-нанъ съ развѣтвленіями въ Сіамъ, Камбоджу, Тонкинъ и Аннамъ. Въ 1867 г. Бирманія и Англія заключили между собою торговый договоръ и въ 1868 г. были произведены изысканія подъ руководствомъ майора Э.-Б. Слейдена, агента въ Мандалаѣ. Слейденъ оставилъ Мандалай 13 января и 21 прибылъ въ Бгамо, гдѣ прожилъ до 26 февраля; затѣмъ онъ семь недѣль прожилъ въ Момейнѣ и нѣкоторое время въ Та-ли и 20 сентября вернулся въ Мандалай. Одновременно совершала свои изысканія комиссія по изслѣдованію Ме-Конга подъ руководствомъ Дударъ де Лагрея и Френсиса Гарнье, выѣхавшая изъ Сайгона 5 іюня 1866 года.

VI.—Японія.

Организація власти Токугава. — Устройство, созданное въ Японіи Іейасомъ, просуществовало съ 1603 г. до революціи 1868 г.; шогунъ былъ настоящимъ самодержцемъ. Центральное управленіе было раздѣлено между шестью главными органами: кабинетомъ министровъ (*іобейа*), верховной судебной палатой (*гіоджошо*), коллегіей интендантовъ (*канджошо*), начальникомъ вѣдомства буддійскаго и шинтоистскаго культа (*джишабугіо*), префектомъ города Іеддо (*матсибугіо*) и, наконецъ, полицейской префектурой (*метсукейо*). Можно сказать, что областное управленіе сосредоточивалось въ рукахъ магнатовъ, дайміо, но доменомъ шогуна (*коріо*) управляли: 1) *шошидаи* (губернаторъ Кіото), 2) *джодаи*, *джобанъ* и *кабанъ* (коменданты дворцовъ Ниджо, Осака и Сумпу), 3) *матсибугіо* (градоначальники главныхъ городовъ—Кіото, Осака, Сумпу, Нара, Фушими и пр.), 4) *бугіо* (управляющіе торговыми портами Нагасаки, Садо, Сакаи, Урага и др., равно какъ и священными округами Ямада, Никко и пр.), 5) *даикванъ* (су-префекты, взимающіе налоги и творящіе судъ въ отдѣльныхъ округахъ территоріи, принадлежащей шогуну). Муниципальнымъ управленіемъ въ городахъ завѣдывали матсибудго, т.-е. префекты, а областнымъ — старосты (*матсидошіиори*) и мэры (*мануши* или *шойа*). Селами управляли *муракатасаніаку*, въ составъ которыхъ входили *мануши*, т.-е. мэры, выбранные крестьянами, *кумигашира*—товарищи мэровъ,—и *гіакушосодаи*, т.-е. муниципальные совѣтники [1]). Такимъ образомъ коммуны пользовались широкой автономіей. *Бакуфу* или *Га-фу* называли правительство шогуна, состоявшее изъ него самого и его кабинета (*іобейа*), т.-е. одного министра (*таиро*), трехъ *роджу* и

[1]) Эти подробности заимствованы изъ новѣйшаго сочиненія Іородзу-Ода.

пяти *вакадошіори*. Разность въ обращеніи шогуна съ тѣмъ или другимъ вассаломъ, испорченность этихъ вассаловъ, ревность между дайміями и особенно между принцами Сатсума и Шошіу привели къ крушенію Токугава, когда явились чужеземцы съ силами, какихъ и не подозрѣвали японцы.

Чужеземцы въ Японіи. — Послѣ китайцевъ голландцы были единственными иностранцами, которымъ въ XVII вѣкѣ разрѣшено было жить въ Дешимѣ. Тщетно русскіе въ 1807 г. пытались высадиться въ Іессо, а французы завязать сношенія то на японскомъ архипелагѣ, то на островахъ Ліеу-Кіеу. Всѣ свѣдѣнія французовъ о странѣ Восходящаго Солнца ограничивались тѣмъ, чтò сумѣли разсказать немногіе путешественники, которымъ удалось высадиться тамъ; это были: Энгельбертъ Кемпферъ, прожившій въ Японіи два года (1690—92) и чья *Исторія* вышла въ 1720 г. по-англійски, хотя онъ былъ вестфалецъ; шведъ Карлъ-Петръ Тунбергъ, бывшій воспитанникъ Линнея, присланный въ Японію въ 1772 г.; наконецъ, Филиппъ Францъ баронъ Зибольдъ, авторъ книги *Nippon, Archiv zur Beschreibung von Japan*, изданной въ Лейденѣ въ 1832—1851 гг. Радикально измѣнилось положеніе дѣла съ прибытіемъ коммодора Перри.

Американцы въ Японіи. — Въ это время микадо былъ Нори-гито (Комей Тенно, 1847—1856), шогуномъ—Іэ-Іоси (1838—1853); предшественниками послѣдняго были Мина-мото-но Іейясу Ко (1603—1605); Гиде-тада Ко (1605—1622); Іэ-миту Ко (1623—1649); Іэ-туна Ко (1650—1680); Тнуа-іоси Ко (1681—1709); Іэ-нобу Ко (1709—1712); Іэ-тугу Ко (1713—1715); Іоси-мунэ Ко (1716—1745); Іэ-сиге Ко (1745—1762); Іэ-гару Ко (1762—1786); Іэ-нари Ко (1787—1837). Ихъ преемниками, послѣдними шогунами изъ династіи Токугава, были Іэ-сада Ко (1853—1858), Іэ-моци Ко (1858—1866) и Іосигиса Ко (1866—1867). Торговые интересы Соединенныхъ Штатовъ на Дальнемъ Востокѣ были настолько важны, что президентъ Филлиморъ рѣшилъ въ видахъ заключенія договора послать въ Японію эскадру подъ начальствомъ коммодора Метью Кальбрейса Перрэ. Послѣдній достигъ Ураги, у входа въ бухту Іедо, въ іюлѣ 1853 г. Онъ еще нѣсколько мѣсяцевъ крейсировалъ въ китайскихъ водахъ, подходилъ къ островамъ Ліеу-Кіеу и 31 марта слѣдующаго года, несмотря на противодѣйствіе принца Мито и враговъ династіи Токугава, заключилъ съ *бакуфу* въ Канагавѣ договоръ, заключавшій двѣнадцать пунктовъ, изъ которыхъ важнѣйшимъ для американцевъ было открытіе портовъ Шимода въ провинціи Идзу и Хакодате на островѣ Іессо. Этотъ договоръ, подписанный со стороны Америки коммодоромъ Перри и со стороны Японіи Гайаши, Даи-гаку-но-ками, Идо, принцемъ Цушима, Ица-ва, принцемъ Мимасака, и Удоно, членомъ министерства финансовъ, былъ ратификованъ президентомъ Соединенныхъ Штатовъ въ 1854 г., а обмѣнъ ратификаціями состоялся въ Шимодѣ 21 февраля 1855 г. Заключеніе этого договора послужило прецедентомъ для такихъ же соглашеній съ другими европейскими державами; Англія, Россія и Голландія одна за другою путемъ договоровъ добились важныхъ преимуществъ. Нагасакскій договоръ (14 октября 1855), заключенный адмираломъ сэромъ Джемсомъ Стирлингомъ, открылъ англичанамъ порты Нагасаки (Гизенъ) и Хакодате (Мацмаи); Шимодскій (7 февраля 1855) и Нагасакскій (30 января 1856) были послѣдовательно заключены вице-адмираломъ Евѳиміемъ Путятинымъ и Яномъ Гендрикомъ Донкеромъ Куртіусомъ.

Новые договоры. — Новый американскій посланникъ генералъ Тоуншендъ Гаррисъ, воспользовавшись франко-англійскими побѣдами въ Китаѣ, 29 іюля 1858 г. заклю-

чилъ въ Іедо новый договоръ, въ силу котораго Канагава открывалась для иностранной торговли и Соединеннымъ Штатамъ предоставлялось имѣть дипломатическаго агента въ Іедо. 18 августа 1858 г. японцы заключили договоръ съ Голландіей, 7 августа—съ Россіей, 26 августа—съ Англіей, 9 октября—съ Франціей. 13 августа 1859 г. представитель Франціи, баронъ Гро, добился открытія Хакодате, Каназавы и Нагасаки для французской торговли. Затѣмъ были открыты еще Ни-и-гата 1 января 1860 г. и Гіого 1 января 1863 г. Съ 1 января 1862 г. Японія разрѣшила французскимъ подданнымъ жить въ Іедо, съ 1 января 1863 г.—въ Осакѣ, но только по торговой надобности. Когда въ 1858 г. внезапно скончался шогунъ Іэ іа-сада, на его мѣсто попытались возвести Гитоцубаши; но первый министръ (*таиро*) Ій Камонъ разстроилъ этотъ планъ, и на престолъ вступилъ Іэ-моци.

Вражда къ иностранцамъ. — Ій Камонъ но Ками одинъ изъ немногихъ въ Японіи понялъ важность и силу иностранцевъ. Именно онъ, наперекоръ микадо и даймiямъ, заключилъ съ ними послѣдніе договоры. Не сдѣлай онъ этого, и не только Токугава, но и самого микадо постигло бы тяжкое испытаніе. Но этотъ замѣчательный государственный дѣятель заплатилъ жизнью за свою прозорливость: онъ былъ убитъ въ 1860 г. Броженіе противъ иностранцевъ усиливалось: 5 іюля 1861 г. было произведено нападеніе на англійское посольство, а 14 сентября 1862 г. люди даймія Сатсума убили близъ Іокогамы англичанина Ричардсона. Необходимо было предпринять рѣшительные шаги. 5 сентября 1864 г. англійская, французская, голландская и американская эскадры соединились для нападенія на форты Шимоносеки и разрушили ихъ. Два года спустя Гитоцубаши, болѣе извѣстный подъ именемъ Кеики, сдѣлался шогуномъ; онъ былъ послѣднимъ изъ линіи Іейасъ.

Паденіе Токугава.—Между тѣмъ микадо Комей Тенно умеръ, и престолъ занялъ его сынъ Мутсу-гито, родившійся въ Кіото 3 ноября 1852 г. Новый государь принялъ *нению* (царское имя) *Мей джи* (1868); вспыхнула революція, и шогунатъ былъ упраздненъ; императорскія войска въ нѣсколькихъ сраженіяхъ побѣдили сторонниковъ Токугава, и послѣдніе въ слѣдующемъ году въ Хакодате сложили оружіе. Мутсу-гито подтвердилъ заключенные съ иностранцами договоры и открылъ для торговли Кобе, Осаку (1868), Ни-и-гату и Іедо (1869); онъ перенесъ свою резиденцію изъ Кіото въ Іедо, переименованный въ Токіо („восточный дворъ“—то же, что Тонкинъ). Началось полное преобразованіе страны Восходящаго Солнца; мы увидимъ дальше, какъ быстро оно совершилось, несмотря на великія трудности, тормозившія его.

Глава IX.

Война 1870-1871.

Имперія.

I.—Объявленіе войны.

Войну, вспыхнувшую между Пруссіей и Франціей въ 1870 г., предвидѣли еще въ 1866-мъ. Маршалъ Ніэль, назначенный министромъ въ январѣ 1867 г., дѣятельно готовился къ ней. По его приказанію были тщательно обслѣдованы не только французскія границы, но и нѣмецкая территорія. Онъ увеличилъ число баттарей и вооружилъ нарѣзными орудіями главныя крѣпости восточной Франціи. Онъ учредилъ главную желѣзнодорожную комиссію, которая должна была заранѣе установить порядокъ перевозки и концентраціи войскъ и военныхъ грузовъ. Онъ выработалъ и планъ кампаніи: двѣ арміи — Эльзасская подъ начальствомъ Макъ-Магона и Лотарингская подъ начальствомъ Базена—должны были вести наступленіе и поддерживать другъ друга, между тѣмъ какъ третья, подъ командой Канробера, должна была служить имъ резервомъ.

Но Ніэль умеръ въ августѣ 1869 г., а всѣ мѣры, принятыя его преемникомъ Лэ-Бёфомъ, были пагубны. Онъ отказался увеличить количество баттарей, упразднилъ желѣзнодорожную комиссію и оставилъ заботу о сформированіи *garde mobile*, составлявшейся изъ смѣнныхъ и уволенныхъ солдатъ, заявивъ, что она должна существовать только на бумагѣ и что ея маневры—не болѣе какъ фарсы. Подобно Ніэлю, онъ разсчитывалъ исключительно на регулярную армію, которая, по его мысли, одна могла принять или нанести первый ударъ, и увѣрялъ, самъ не подозрѣвая пророческаго смысла своихъ словъ, что это первое столкновеніе рѣшитъ участь всей войны. Да и кто не думалъ тогда, что французы, благодаря своему уму, находчивости и ловкости въ рукопашной атакѣ, выпутаются изъ любого положенія и непремѣнно побѣдятъ врага? Доказательствомъ являлся ихъ успѣхъ въ итальянской войнѣ, несмотря на недостаточность приготовленій и рискованныя комбинаціи: сумѣли же французскія войска, еще не выступившія изъ своихъ гарнизонныхъ стоянокъ, когда австрійцы уже перешли Новару и грозили Турину, во-время остановить ихъ, отбросить назадъ и принудить къ славному миру!

Взрывъ былъ внезапно вызванъ однимъ происшествіемъ въ іюлѣ 1870 г., „Мы,— сказалъ одинъ генералъ,—то воинственны, то миролюбивы. Мы никакъ не можемъ

искренно и сполна примириться съ тѣмъ положеніемъ, въ которое поставили насъ тяжелыя ошибки, сдѣланныя нами въ 1866 г., но въ то же время не можемъ рѣшиться и на войну. Мы безпрестанно мечтаемъ объ ней и постоянно готовимся къ ней то вяло, то съ удвоенной настойчивостью, а въ послѣднюю минуту смѣлость покидаетъ насъ, и сдѣлавъ одинъ шагъ впередъ, мы затѣмъ отступаемъ на два. Миръ покоится на слишкомъ шаткихъ основаніяхъ, чтобы онъ могъ быть продолжительнымъ. Пруссія можетъ отсрочивать исполненіе своихъ плановъ, но никогда не откажется отъ нихъ. Не ясно ли, что въ такомъ состояніи броженія, смуты и недовѣрія, какой-нибудь непредвидѣнный случай можетъ ежеминутно вызвать страшный кризисъ [1])?“

Принцъ Леопольдъ Гогенцоллернъ—Зигмариненъ принялъ испанскую корону. Французская печать возмутилась этимъ. Въ палатѣ по этому поводу былъ сдѣланъ запросъ. 6 іюля министръ иностранныхъ дѣлъ герцогъ Грамонъ нелѣпо-вызывающимъ тономъ заявилъ въ парламентѣ, что всякая держава, которая рѣшилась бы посадить одного изъ своихъ принцевъ на тронъ Карла V, нарушила бы европейское равновѣсіе, и что въ такомъ случаѣ Франція исполнитъ свой долгъ безъ колебанія и неослабно. Дѣйствительно Леопольдъ Гогенцоллернъ отступился. Но Грамонъ, желая удовлетворить общественное мнѣніе и „смирить возбужденіе умовъ“, потребовалъ, чтобы прусскій король Вильгельмъ запретилъ принцу взять назадъ свой отказъ. Вильгельмъ былъ тогда въ Эмсѣ. Французскій посолъ Бенедетти отправился туда и 13 іюля утромъ, на прогулкѣ, обратился къ нему съ просьбой заявить, что онъ никогда не дастъ своего согласія, если принцъ вздумаетъ снова выставить свою кандидатуру. Вильгельмъ отвѣчалъ, что не можетъ взять на себя такого обязательства. Нѣсколько минутъ спустя король получилъ письмо отъ своего парижскаго посла Вертера, который сообщалъ, что герцогъ Грамонъ желаетъ, чтобы Вильгельмъ написалъ Наполеону, что онъ не имѣлъ намѣренія нарушить интересы и достоинство Франціи. Вильгельмъ былъ оскорбленъ, и, когда Бенедетти послѣ обѣда попросилъ у него новой аудіенціи для продолженія утренней бесѣды, онъ отвѣчалъ чрезъ своего адъютанта, что то было его послѣднее слово. На слѣдующій день онъ оставилъ Эмсъ и на вокзалѣ повторилъ Бенедетти, что болѣе ничего не можетъ ему сообщить, прибавивъ, что дальнѣйшіе переговоры будетъ вести его правительство.

Такимъ образомъ Бенедетти не было нанесено никакого оскорбленія, да онъ и не жаловался на это. Но Бисмаркъ получилъ отъ короля депешу, гдѣ излагалось это происшествіе; онъ обнародовалъ ее, не поддѣлавъ, какъ утверждали нѣкоторые, а сокративъ и тѣмъ сообщивъ ей болѣе строгую и рѣзкую форму. Вотъ ея текстъ: „Французскій посолъ обратился къ его величеству въ Эмсѣ съ просьбой разрѣшить ему телеграфировать въ Парижъ, что его величество обязывается разъ навсегда не давать своего согласія, если Гогенцоллерны снова выставятъ свою кандидатуру. Тогда его величество отказался принять французскаго посла и велѣлъ ему передать, что болѣе ничего не имѣетъ ему сообщить“.

Французское министерство признало эту депешу оскорбленіемъ и Грамонъ воскликнулъ, что Пруссія дала пощечину Франціи. 15 іюля глава кабинета Эмиль Оливье потребовалъ отъ палаты кредита въ пятьдесятъ милліоновъ и при этомъ заявилъ, что призываетъ резервы, чтобы „отвѣчать на вызовъ къ войнѣ“. На это Тьеръ возразилъ, что главная цѣль достигнута, такъ какъ принцъ Гогенцоллернъ отказался отъ короны и король Вильгельмъ

[1]) *Correspondance du général Ducrot*, II, стр. 303—304 (письмо отъ 30 апрѣля 1869).

одобрилъ этотъ отказъ, и что не слѣдуетъ ссориться изъ-за словъ и доводить до разрыва по чисто формальному поводу. Оливье отвѣчалъ, что съ спокойной совѣстью будетъ нести отвѣтственность, которая съ этого дня ложится на него, и что Франціи нанесено явное оскорбленіе, такъ какъ, по разсказамъ пруссаковъ, король отказался въ послѣдній разъ выслушать Бенедетти. Въ результатѣ кредитъ былъ вотированъ, и 19 іюля Франція оффиціально объявила войну.

Но что могла она сдѣлать одна противъ всей Германіи? У нея не было союзниковъ. Россія, раздраженная тѣмъ, что Наполеонъ во время польскаго возстанія принялъ сторону поляковъ, гарантировала Пруссіи свой доброжелательный нейтралитетъ и обѣщала ей помощь въ томъ случаѣ, если Австрія вступитъ въ союзъ съ Франціей. Съ этой минуты Австрія не рѣшилась шевельнуть пальцемъ; притомъ, по плану, который герцогъ Альбертъ изложилъ Наполеону въ февралѣ 1870 г., его армія должна была выступить въ походъ лишь чрезъ десять недѣль послѣ французской. Точно такъ же вела себя и Италія: она обязалась вторгнуться въ Баварію, но лишь 15 сентября и только въ томъ случаѣ, если французы къ тому времени вторгнутся въ Южную Германію. Такимъ образомъ, Австрія и Италія обязывались выступить только послѣ того, какъ Франція одержитъ блестящую побѣду, которая между тѣмъ безъ ихъ поддержки была невозможна.

И пусть бы, по крайней мѣрѣ, императоръ и Лэ-Бёфъ остались при томъ планѣ кампаніи, который такъ тщательно обдумалъ Ніэль! Здѣсь все было точно опредѣлено: штабы, выборъ вождей Эльзасской, Лотарингской и резервной арміи,—и, можетъ быть, Макъ-Магонъ и Базенъ, которымъ пришлось бы отвѣчать за успѣхъ первыхъ операцій и которые въ виду этого должны были бы сосредоточить свои силы, сумѣли бы—первый остановить кронпринца у Фрешвилера, другой — поддержать Фроссара у Шпихерна. Но императоръ рѣшилъ слить всѣ войска въ одну—Рейнскую армію подъ его личнымъ начальствомъ и съ Лэ-Бёфомъ въ качествѣ начальника генеральнаго штаба. Пришлось передѣлывать весь планъ. Императоръ и Лэ-Бёфъ разсчитывали имѣть въ строю 450—500.000 человѣкъ. Но значительная часть призванныхъ къ оружію запасныхъ не явилась во-время. Магазины были въ то время еще очень удалены отъ полковъ. Солдатъ сѣверянинъ отправлялся для вооруженія и экипировки на югъ Франціи, а отсюда на войну въ Эльзасъ; бывшій зуавъ, прежде чѣмъ явиться въ свой корпусъ, стоявшій въ Шалонѣ, долженъ былъ поѣхать за оружіемъ въ Алжиръ. Неудивительно поэтому, что въ началѣ августа Рейнская армія состояла всего изъ 250.000 человѣкъ. Наполеонъ хотѣлъ въ каждый армейскій батальонъ ввести сотню-другую *gardes mobiles*, но бюро отвергли эту цѣнную мысль, какъ противорѣчащую закону.

Итакъ, почти всѣ приготовленія пришлось дѣлать уже послѣ объявленія войны. Бригады, дивизіи и корпусы формировались въ послѣднюю минуту. Перевозкою войскъ и провіанта завѣдывали различныя канцеляріи, дѣйствовавшія вразбродъ, такъ что она производилась крайне безпорядочно и съ безконечными задержками. Батальоны, предназначенные для Эльзаса, попадали на Мозель. Баттареи выгружались въ Мецѣ безъ упряжи и должны были возвращаться за нею въ Дуэ. Генералъ Мишель пишетъ въ Бельфоръ, что не нашелъ ни своего дивизіоннаго генерала, ни своей бригады. 24 августа, послѣ главныхъ сраженій, когда думали, что боевые запасы истощены, на мецскомъ вокзалѣ нашли три милліона патроновъ относительно которыхъ никто не зналъ, когда и кѣмъ они присланы.

Ничего не было готово. Форты Меца и Бельфора еще далеко не были достроены; всѣ высоты, господствующія надъ осталь-

ными сѣверо-восточными крѣпостями, были лишены укрѣпленій; въ главныхъ лотарингскихъ и эльзасскихъ крѣпостяхъ—Тіонвилѣ, Мецѣ и Страсбургѣ—не было крупныхъ провіантскихъ складовъ, которые обезпечивали бы продовольствіе арміи; въ Мецѣ запасъ ядеръ былъ недостаточенъ; этотъ городъ не соединялся съ Верденомъ прямой желѣзной дорогой. Многія части арміи никогда не получили телѣгъ, полагавшихся имъ по штату: послѣднія уже изъ Тульскихъ казематовъ были выпущены негодными для ѣзды, такъ какъ дерево покоробилось и ободья колесъ не держались. Когда дивизія Абель Дуэ 4 августа подверглась нападенію у Вейссенбурга, она принуждена была оставить своихъ раненыхъ на волю врага, потому что ея походный лазаретъ еще не прибылъ, а главный врачъ, пріѣхавшій на мѣсто сраженія въ этотъ самый день изъ Страсбурга, ничего не могъ сдѣлать, такъ какъ не располагалъ ни перевязочными средствами, ни инструментами, кромѣ своего собственнаго хирургическаго набора.

Генеральный штабъ составили наиболѣе выдающіеся питомцы военныхъ школъ; но большинство этихъ офицеровъ либо должны были довольствоваться безплодной канцелярской работой, либо исполняли блестящую роль адъютантовъ, и подробности военнаго дѣла оставались имъ неизвѣстны.

Пѣхота отличалась мужествомъ, энергіей и стойкостью; она располагала превосходнымъ оружіемъ шасспо. Но въ бою она, согласно старымъ тактическимъ правиламъ, выстраивалась двумя линіями, не пользуясь тѣми удобствами, какія представляла мѣстность, и такимъ образомъ безцѣльно подвергала себя огню непріятельской артиллеріи. Вмѣсто того, чтобы отодвигать ее назадъ, или скрывать по рощамъ и оврагамъ, или загораживать траншеями, ее заставляли ложиться наземь; это, конечно, нисколько не защищало ее отъ гранатъ, и когда, вставъ, она шла въ дѣло, ея энергія была уже значительно ослаблена.

Конница была хороша въ томъ же смыслѣ, какъ и пѣхота; хороши были кони, хорошо обучены люди—и она прекрасно исполняла общіе маневры, какіе никогда не производятся на войнѣ, но боевой службы не знала. Ее посылали въ атаку большими массами, и она атаковала блестяще, героически: нѣмецкія донесенія признаютъ, что, несмотря на постигшія ее неудачи, она можетъ съ законной гордостью называть мѣста своихъ славныхъ пораженій, и подъ Седаномъ король Вильгельмъ, видя, какъ она нѣсколько разъ кидалась въ бой подъ убійственнымъ огнемъ пруссаковъ, невольно воскликнулъ: „Молодцы!" Но она не умѣла ни развѣдывать путь для арміи, ни тревожить и изнурять противника. Производя развѣдки, она не замѣчала врага, который въ слѣдующую минуту внезапно громилъ пушками ея стоянки. Иной разъ даже, когда ей надо было зайти подальше, она просила поддержки у пѣхоты.

Артиллерія обнаружила замѣчательное хладнокровіе и безусловную вѣрность долгу; но она была снабжена не ударными, а расплавляющимися трубками. Ея бронзовыя пушки заряжались съ дула, и нѣмецкія стальныя орудія, заряжавшіяся съ казенной части, превосходили ихъ дальнобойностью, мѣткостью и быстротою стрѣльбы. Если французскія 12-ти дюймовыя орудія еще могли выдержать сравненіе съ прусскими, то 4-дюймовыя, милыя Наполеону и Лэ-Бёфу потому, что они легко справились со скверной австрійской артиллеріей и своей чрезвычайной легкостью обезпечили побѣду при Сольферино, завѣдомо уступали прусскимъ. Что касается митральезъ, метавшихъ цѣлые снопы ядеръ на разстояніи 1200—1800 метровъ, то онѣ отнюдь не оказали тѣхъ необычайныхъ услугъ, какихъ ждалъ отъ нихъ императоръ.

Назначивъ императрицу регентшей, На-

Фр. Ленбахъ.

Графъ Мольтке.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°

полеонъ III 28 іюля прибылъ въ Мецъ. Три дня спустя его армія была раздѣлена на слѣдующія восемь частей: 1-й корпусъ или корпусъ Макъ-Магона—въ Страсбургѣ; 2-й корпусъ, Фроссара,—въ Форбахѣ; 3-й, Базена,—въ Сентъ-Авольдѣ; 4-й, Лядмиро,—въ Булэ; 5-й, Фейльи,—въ Бичѣ; 6-й, Канробера,—въ Шалонѣ; 7-й, Феликса Дуэ,—въ Мюльгаузенѣ; императорская гвардія, составившая подъ начальствомъ Бурбаки особый корпусъ изъ двухъ дивизій, гренадерской и стрѣлковой,—въ окрестностяхъ Меца. Такимъ образомъ армія была разбита на части по линіи въ 70 миль. Императоръ не рѣшился сосредоточить ее и кинуть, какъ онъ намѣревался сначала, въ Баденъ, между Максау и Гермерсгеймомъ, чтобы отрѣзать сѣверную Германію отъ южной, принудить Баварію и Вюртембергъ къ нейтралитету и этимъ смѣлымъ ударомъ увлечь Австрію и Италію.

Наполеонъ былъ боленъ, почти безсиленъ, какъ бы одержимъ старческой немощью; лучше чѣмъ кто-нибудь онъ зналъ военное превосходство врага, — зналъ хотя бы изъ донесеній полковника Стоффеля, что прусская армія, составленная изъ всѣхъ классовъ народа, является въ монархіи Гогенцоллерновъ первымъ и самымъ почетнымъ учрежденіемъ, что она болѣе, нежели французская, на всѣхъ ступеняхъ іерархіи проникнута чувствомъ долга, что всѣ ея спеціальныя вѣдомства, какъ желѣзнодорожное, телеграфное, санитарное, издавна организованы съ величайшей тщательностью, въ видѣ постоянныхъ органовъ и безъ ущерба для боевого состава арміи, наконецъ, что послѣдняя можетъ быть сосредоточена maximum въ одиннадцать часовъ, такъ какъ каждый изъ минуты въ минуту знаетъ, что ему слѣдуетъ дѣлать. Онъ объявилъ войну лишь по совѣтамъ Грамона, который полагался на вѣрность союзниковъ, и Лэ-Бёфа, вѣрившаго въ выкладки министерскихъ канцелярій, а главное—по настоянію императрицы, думавшей о своемъ сынѣ и желавшей озарить царствованіе Наполеона IV великими побѣдами и местью за Садову. Можетъ быть также, онъ разсчитывалъ на счастье; можетъ быть, онъ думалъ, что судьба такъ же будетъ благопріятствовать ему, какъ въ 1859 г. въ итальянской кампаніи. Но, пріѣхавъ въ Мецъ и увидѣвъ царящую кругомъ неурядицу, онъ съ грустью рѣшился ограничиться обороной и на слѣдующій день по пріѣздѣ далъ знать Макъ-Магону, чтобы онъ не начиналъ военныхъ дѣйствій раньше, какъ черезъ восемь дней.

Но еще до истеченія этого срока непріятель перешелъ границу. Вся Германія, Саксонія, Баварія, Вюртембергъ и Баденъ шли вмѣстѣ съ Пруссіей на Францію, и король Вильгельмъ говорилъ, что еще никогда не видѣлъ такого сильнаго и всеобщаго взрыва національнаго чувства. Непріятель надвигался тремя арміями; первою командовалъ Штейнмецъ, второю принцъ Фридрихъ-Карлъ, третьей, въ которую вошли всѣ южные контингенты, — прусскій наслѣдный принцъ. Штейнмецъ и Фридрихъ-Карлъ шли къ Саррѣ, одинъ чрезъ Триръ и Сарлуи съ 50.000 человѣкъ, другой чрезъ Кайзерслаутернъ и Нейнкирхенъ съ 180.000 человѣкъ. Прусскій кронпринцъ съ 160.000 человѣкъ, сосредоточенными вокругъ Ландау, долженъ былъ вторгнуться въ Эльзасъ. Главнокомандующимъ былъ король Вильгельмъ, дѣятельный, энергичный, неутомимый, воинъ по призванію. Но онъ командовалъ лишь номинально. Его сопровождали три человѣка, которыхъ онъ сумѣлъ выбрать и удержать при себѣ: Бисмаркъ, Мольтке и Роонъ. Бисмаркъ велъ переговоры. Мольтке съ помощью превосходнаго генеральнаго штаба, организованнаго имъ же, руководилъ военными дѣйствіями и диктовалъ общій планъ операцій. Военный министръ Роонъ, искусный организаторъ, завѣдывалъ до-

ставленіемъ провіанта и боевыхъ запасовъ. Нѣмецкіе офицеры были увѣрены въ успѣхѣ. „Мы превосходимъ врага,— сказалъ одинъ изъ нихъ,—талантами полководцевъ, качествомъ артиллеріи и численностью; мы идемъ на войну полные энтузіазма и убѣжденные въ правотѣ нашего дѣла".

II — Первыя пораженія. Вейсенбургъ, Фрешвилеръ, Форбахъ.

Вейсенбургъ.—31 іюля нѣмцы закончили сосредоточеніе своихъ силъ, и небольшіе отряды ихъ кавалеріи уже появлялись на французской территоріи, повергая въ панику пограничное населеніе своими смѣлыми набѣгами. Императоръ, желая удовлетворить нетерпѣніе французовъ мнимымъ наступленіемъ и дать своему сыну, наслѣдному принцу, случай заслужить свои первыя шпоры, приказалъ 2 августа атаковать прусскій городъ Саарбрюкенъ. Двѣ дивизіи 2-го корпуса (Фроссара) двинулись на городъ; небольшой отрядъ, защищавшій Саарбрюкенъ, отступилъ передъ ними, и эта безплодная операція была прославлена какъ побѣда. Но на слѣдующій день Мольтке двинулъ впередъ нѣмецкую армію, и 4 августа французы понесли первое свое пораженіе—при Вейсенбургѣ.

Одна дивизія корпуса Макъ-Магона, именно дивизія Абеля Дуэ, насчитывавшая не болѣе 5 000 человѣкъ, стояла на крайней границѣ Нижняго Рейна въ Вейсенбургѣ и на окрестныхъ высотахъ. На нее-то утромъ 4 августа врасплохъ напали одна баварская дивизія и два прусскихъ корпуса изъ III арміи, т.-е. арміи кронпринца. Спасенія не было. Одинъ батальонъ, окруженный въ самомъ городѣ, сложилъ оружіе; 200 солдатъ, защищавшихъ замокъ Гейсбергъ, капитулировали послѣ упорнаго сопротивленія; остальные французы отступили къ Лембаху. У нѣмцевъ было выведено изъ строя 1.500 человѣкъ; но уже въ первой стычкѣ они захватили орудіе и 1.000 плѣнныхъ и вступили въ Эльзасъ, откуда больше не выйдутъ.

Фрешвилеръ.—Узнавъ о пораженіи подъ Вейсенбургомъ, императоръ понялъ, какую ошибку онъ сдѣлалъ, разбросавъ свои войска. Теперь онъ назначилъ Базена главнокомандующимъ всѣмъ лѣвымъ флангомъ Рейнской арміи, т.-е. корпусовъ 2, 3, 4 и императорской гвардіи, а Макъ-Магону, командовавшему 1-мъ корпусомъ, отдалъ подъ начальство еще пятый корпусъ (Фейльи) и 7-й (Феликса Дуэ).

Но было уже поздно. 6 августа Макъ-Магонъ противъ своего ожиданія былъ атакованъ непріятелемъ. Онъ не поторопилъ Фейльи, который долженъ былъ соединиться съ нимъ, и единственнымъ подкрѣпленіемъ, которое онъ получилъ, была дивизія Консейль-Дюмениля изъ 7-го корпуса; далѣе, ему слѣдовало бы отступить въ горы между Бичемъ и Фальсбургомъ для соединенія съ Фейльи и занять гребень Вогезовъ, чтобы съ этихъ неприступныхъ твердынь подать руку Мецской арміи,—а онъ вмѣсто этого принялъ сраженіе за Вейсенбургомъ, на высотахъ, которыхъ онъ не позаботился укрѣпить, боясь утомить солдатъ.

Макъ-Магонъ со своими 45.000 человѣкъ занималъ плоскогорье, на которомъ находятся деревни Фрешвилеръ и Эльзасгаузенъ. Дюкро стоялъ на лѣвомъ флангѣ въ Нейвилерѣ, Рауль и Консейль-Дюмениль—въ центрѣ, въ Фрешвилерѣ, Лартигъ—на правомъ флангѣ, въ Нидервальдѣ.

До полудня успѣхъ былъ на сторонѣ французовъ, и они радостными криками привѣтствовали Макъ-Магона всюду, гдѣ онъ появлялся. Дюкро отбросилъ баварцевъ; Рауль оттѣснилъ прусскій корпусъ Кирхбаха и нѣсколько разъ гналъ ихъ до подошвы плоскогорья, даже въ самомъ Вертѣ; Лартигъ отбросилъ прусскій корпусъ Бозе за Зауэръ.

Г. Блейбтрей.

Кронпринцъ при Вертѣ.

Но вотъ большой массой, какъ и позднѣе во все время кампаніи, показалась нѣмецкая артиллерія. Она тотчасъ заставила умолкнуть французскую артиллерію и засыпала французскую пѣхоту градомъ ядеръ. Наконецъ въ часъ дня были введены въ бой уже не только авангарды, но цѣлые корпуса, и если Дюкро удержалъ свои позиціи, а Рауль потерялъ только холмъ Кальверъ, то Лартигъ принужденъ былъ отступить подъ упорнымъ натискомъ Бозе. Видя, что пруссаки, опередивъ его, проникли въ Нидервальдъ и укрѣпляются въ деревнѣ Морсброннъ, Лартигъ призвалъ на помощь себѣ бригаду Мишеля, состоявшую изъ двухъ уланскихъ эскадроновъ и двухъ кирасирскихъ полковъ, 8-го и 9-го. Бригада Мишеля ворвалась въ Морсброннъ, но здѣсь была встрѣчена убійственнымъ огнемъ пруссаковъ, пули которыхъ забарабанили по кирасамъ французовъ словно градъ [1]). Лартигъ попытался перейти въ наступленіе, но тотчасъ ослабѣлъ и опять отступилъ. Французская линія была прорвана на одномъ концѣ и мало-по-малу вся разбилась, благодаря двойной атакѣ, которую Бозе и Кирхбахъ направляли на флангъ и на фронтъ французовъ. Блестящее мужество, обнаруженное войсками Макъ-Магона, ничему не помогло: пришлось оставить и Нидервальдъ и Эльзасгаузенъ. Въ $3^1/_2$ часа маршалъ занималъ уже только окрестности Фрешвилера. Онъ пустилъ въ ходъ свою резервную артиллерію, но она была разбита; онъ двинулъ четыре кирасирскихъ полка дивизіи Боннмэна, 1-й, 2-й, 3-й и 4-й, но ихъ остановили рвы, виноградники и хмѣльники, такъ же какъ и огонь непріятельскихъ стрѣлковъ; наконецъ онъ выслалъ впередъ тюркосовъ, единственный свой еще нетронутый полкъ, но они отступили подъ дождемъ картечи. Въ $4^1/_2$ ч. пруссаки, вюртембержцы и баварцы вступили въ Фрешвилеръ. Маршалъ отступилъ къ Рейхсгофену и отсюда къ Саверну. Его отступленіе прикрывала одна дивизія 5-го корпуса (Фейльи), прибывшая лишь для того, чтобы быть свидѣтелемъ пораженія. Онъ потерялъ убитыми, ранеными и плѣнными 16.000 человѣкъ, и его 1-й корпусъ, этотъ отборный корпусъ, составленный изъ лучшихъ африканскихъ войскъ, былъ почти весь выведенъ изъ строя.

Форбахъ.—Въ тотъ же день, 6 августа, нѣмцы, побѣдивъ французовъ еще въ другомъ мѣстѣ, вторглись въ Лотарингію. 2-й корпусъ Фроссара, покинувъ Саарбрюкенъ, занялъ Форбахъ и плоскогорье Шпихернъ. Здѣсь на него напала 1-я армія Штейнмеца, и, будучи обойденъ слѣва и уступая врагу въ числѣ, онъ очистилъ высоты, потерявъ около 8.000 человѣкъ. Какъ и при Фрешвилерѣ, гдѣ сраженіе было вызвано рекогносцировкой генерала Вальтера, такъ этой побѣдой при Шпихернѣ или Форбахѣ нѣмцы были обязаны быстрой рѣшимости начальника авангарда Камеке, который на собственный рискъ рѣшился атаковать французовъ, принявши ихъ движеніе за отступленіе, и Камеке, Штюльпнагель, Гебенъ, Застровъ и Штейнмецъ поочередно руководили сраженіемъ по мѣрѣ прибытія новыхъ войскъ. Но въ то время, какъ нѣмцы смѣло и увѣренно шли на огонь и съ полнѣйшей солидарностью товарищески спѣшили на помощь другъ другу, французы оставались неподвижными или дѣлали безполезныя движенія, не рѣшаясь подаваться впередъ. Базенъ, находившійся въ Сентъ-Авольдѣ, могъ бы выручить Фроссара; но онъ оставилъ его выпутываться собственными силами. Фроссаръ въ первую половину боя имѣлъ

---

[1]) Это—знаменитая атака Рейхсгофенскихъ кирасиръ; ихъ слѣдовало бы называть собственно Морсброннскими, и колонна, воздвигнутая Франціей въ честь этихъ удальцовъ на возвышенности у поворота дороги изъ Морсбронна въ Мерцвиллеръ, носитъ надпись: „Такъ называемымъ Рейхсгофенскимъ кирасирамъ“.

возможность, въ виду своего численнаго перевѣса, прорвать тонкую боевую линію врага, и до трехъ часовъ дня, благодаря отвагѣ и стойкости дивизіи Лявокупэ, онъ имѣлъ перевѣсъ. Но, какъ впослѣдствіи всѣ его товарищи, онъ только отстаивалъ свою позицію и не воспользовался ни однимъ удобнымъ моментомъ, чтобы перейти въ наступленіе. Смѣлостью почина обладали одни нѣмцы; французская отвага, казалось, умерла,—всюду царилъ *furor teutonicus*,

III.—Сраженія подъ Мецомъ.

Борни.—Подъ впечатлѣніемъ двойного разгрома при Фрешвилерѣ и Форбахѣ главная часть Рейнской арміи отступила къ Мецу. Императоръ въ смущеніи колебался, что дѣлать. Онъ принужденъ былъ подчиниться голосу общественнаго негодованія. Министерство Оливье пало, и президентомъ новаго кабинета императрица - регентша назначила генерала Кузэнъ-Монтобана, графа Паликао, выказавшаго во время китайской экспедиціи 1860 г. отличныя организаторскія способности; правда, онъ уже перешагнулъ за семьдесятъ, но былъ еще свѣжъ, горячъ и изобрѣтателенъ; притомъ онъ былъ убѣжденъ, что своей лихорадочной дѣятельностью спасаетъ и Францію, и имперію. Палата объявила свою сессію непрерывною, наперекоръ Наполеону, обвинявшему ее въ нарушеніи конституціи и въ стремленіи воскресить то время, когда делегаты народа предводительствовали арміями. По просьбѣ регентши Лэбёфъ пожертвовалъ собою: не безъ жалобъ на людскую несправедливость, онъ отказался отъ должности начальника генеральнаго штаба. 12 августа главнокомандующимъ былъ назначенъ Базэнъ, самый молодой изъ маршаловъ и наименѣе симпатичный императору, а потому и наиболѣе популярный; оппозиція прославила его великимъ военачальникомъ, такъ какъ въ предыдущихъ кампаніяхъ—въ Крыму, въ Италіи, въ Мексикѣ — онъ обнаружилъ неподдѣльную храбрость и нѣкоторую смѣтку.

По совѣту Наполеона, новый главнокомандующій рѣшилъ овладѣть Верденомъ и Шалономъ. 14 августа началось движеніе, и за исключеніемъ одной дивизіи 4 корпуса, всего 3-го и императорской гвардіи, армія перешла Мозель.

Но Мольтке угадалъ замыселъ французовъ и рѣшилъ отрѣзать имъ путь на Верденъ и тѣмъ оттѣснить къ Мецу. Его планъ состоялъ въ томъ, чтобы корпусъ Штейнмеца остался для наблюденія на правомъ берегу Мозеля, а тѣмъ временемъ армія Фридриха-Карла перешла бы рѣку у Новеана и Понтъ-а-Муссона по мостамъ, которые французскій штабъ не позаботился разрушить.

Успѣху этого плана содѣйствовала отвага его помощниковъ. Дѣло разыгралось такъ же, какъ при Фрешвилерѣ и Форбахѣ. 14 августа послѣ полудня одинъ изъ командовавшихъ авангардомъ Штейнмеца, генералъ-майоръ фонъ деръ Гольцъ, будучи увѣренъ, что французы отступаютъ, и считая нужнымъ еще нѣсколько задержать ихъ, на собственный рискъ атаковалъ врага и, поддерживаемый смежными корпусами — I-мъ подъ командой Мантейфеля и VII-мъ подъ командой Застрова—затѣялъ дѣло, извѣстное подъ названіемъ битвы при Борни или Коломбэ-Нуйльи.

Базэнъ вернулся и пять часовъ палилъ изъ ружей и пушекъ. Его стойкіе батальоны дрались необыкновенно мужественно. Но здѣсь снова обнаружилось превосходство нѣмецкой артиллеріи: когда Ляд-миро, грозя опередить Мантейфеля, отбросилъ его отъ Мея къ Нуйльи, 90 орудій, размѣщенныхъ въ Нуасвиллѣ, Сервиньи и Пуаксѣ, остановили обходное движеніе французовъ. Вечеромъ часть прусской пѣхоты разсѣялась въ котловинѣ Ловалье, другая взяла Мей, Ванту,

Грижи и лѣсъ Борни. Это безпорядочное и нерѣшительное сраженіе, которое Базэну слѣдовало или не принять вовсе, или вести со всѣмъ напряженіемъ силъ, въ общемъ оказалось удачнымъ для рейнской арміи, но вмѣстѣ съ тѣмъ задержало отступленіе.

15 августа бо́льшая часть ея появилась на возвышенностяхъ лѣваго берега. Но вмѣсто того, чтобы пойти всѣми тремя дорогами, ведущими изъ Меца въ Верденъ: на Марсъ-ля-Туръ, на Этэнъ и, дальше къ сѣверу, на Бріэ,—ей приказано было идти только первыми двумя. Возникла отчаянная давка, потому что до равнины Гравелотта, гдѣ оба пути расходятся, войску пришлось идти по единственной дорогѣ, именно по той, которая ведетъ изъ Меца чрезъ Лонжвиль и Мулэнъ. Немудрено, что вечеромъ 15 августа ни одинъ корпусъ еще не достигъ пункта, назначеннаго ему Базэномъ, и двумъ сильно отставшимъ дивизіямъ не пришлось участвовать въ битвѣ, разыгравшейся на слѣдующій день [1]).

Наполеонъ, встревожившись, утромъ 16 августа рѣшилъ обогнать врага и поспѣшно двинулся къ Вердену Этэнской дорогой. Но Базэну вовсе не хотѣлось послѣдовать за нимъ и покинуть Мецъ. Наканунѣ онъ заявилъ, что хочетъ перейти рѣку. Теперь, избавившись отъ императора, онъ пріостановилъ всѣ движенія и приказалъ ждать инструкцій, которыя онъ дастъ послѣ обѣда.

Но уже на него шла атака. Фридрихъ-Карлъ, воспользовавшись его медлительностью, преградилъ ему путь, и два прусскихъ корпуса—III-ій подъ начальствомъ Константина Альвенслебена и X-ый подъ командой Фойгтсъ-Реца—въ этотъ день 16 августа и затѣмъ еще въ одной импровизированной битвѣ остановили почти всю французскую армію.

Резонвиль.—Дорога на Верденъ пролегаетъ чрезъ четыре села: Гравелоттъ, Резонвиль, Віонвиль и Марсъ-ля-Туръ. 16 августа французы занимали Гравелоттъ и Резонвиль. Но Віонвиль они принуждены были уступить врагу, а Марсъ-ля-Тура не достигли. Они называютъ это сраженіе битвой при Гравелоттѣ или Резонвилѣ, нѣмцы—битвой при Марсъ-ля-турѣ или Віонвилѣ.

Въ 9 часовъ утра прусская конная артиллерія впереди Віонвиля осыпала врасплохъ дождемъ гранатъ французскую кавалерію Фортона, которая и бѣжала до почтовой конторы въ Гравелоттѣ. 2-ой корпусъ Фроссара тотчасъ занялъ Віонвиль и къ юго-западу отъ него деревушку Флавиньи. Но Константинъ Альвенслебенъ не колеблясь атаковалъ Фроссара, послѣ кровопролитныхъ схватокъ вытѣснилъ его изъ Флавиньи и Віонвиля, отнялъ у него даже по ту сторону тракта Тіонвильскій лѣсъ и отбросилъ его къ Резонвилю. 6-й корпусъ Канробера, прибывшій изъ Шалона еще нѣсколько дней назадъ, прикрывалъ правое крыло Фроссара и оставался въ нерѣшительности. Тутъ подоспѣлъ Базэнъ. Не будь онъ, какъ и его помощники, совершенно лишенъ глазомѣра, отваги и наступательнаго почина, онъ могъ бы и въ этотъ разъ, и въ другіе моменты кампаніи опередить Альвенслебена и опрокинуть его въ лощины Горзъ. Онъ же принялся размѣщать свои полки и баттареи, разбросалъ свои орудія вмѣсто того, чтобы сосредоточить ихъ, усилилъ свой лѣвый флангъ, боясь быть отрѣзаннымъ отъ Меца, вмѣсто того, чтобы усилить свой правый флангъ,—и сраженіе шло наудачу. Онъ не послалъ 4-му корпусу Лядмиро ни одного приказа!

Это былъ день атакъ. Въ $12^1/_2$ час., когда Фроссаръ сталъ отступать къ Ре-

[1]) Именно, дивизіи Лорансэ изъ 4-го корпуса и дивизіи Метмана изъ 3-го корпуса (по назначеніи Базэна главнокомандующимъ начальство надъ 3-мъ корпусомъ было ввѣрено сначала генералу Декану, смертельно раненному при Борни, потомъ маршалу Лэ Бёфу).

зонвилю, Базэнъ прикрылъ это отступленіе 3-мъ уланскимъ полкомъ и гвардейскими кирасирами. Огонь прусской пѣхоты произвелъ страшныя опустошенія въ этихъ двухъ полкахъ, а брауншвейгскіе и вестфальскіе гусары пустились за ними въ погоню и разсѣяли эскортъ Базэна. На свое несчастіе маршалъ не былъ ни убитъ, ни взятъ въ плѣнъ.

Нѣсколько минутъ спустя бригады Грютера и Рауха, составлявшія 6-ю кавалерійскую дивизію (бранденбургскіе кирасиры, уланы и гусары и шлезвигъ-голштинскіе уланы и гусары), двинулись съ мѣста, чтобы довершить пораженіе Фроссара, и Бурбаки съ гренадерами гвардіи отбросилъ ихъ назадъ.

Въ два часа, когда Канроберъ рѣшился двинуться впередъ съ цѣлью отнять Віонвиль у изнуренныхъ нѣмцевъ, Альвенслебенъ бросилъ навстрѣчу ему магдебургскихъ кирасиръ и уланъ изъ Марки, два полка изъ той бригады Бредова, героическій наѣздъ которой, *der Todesritt*, воспѣтъ нѣмецкой поэзіей,— и эта бригада опрокинула первую линію Канробера, изрубила или пронзила пиками орудійную прислугу, миновала даже вторую французскую линію, затѣмъ подъ ударами конницы Фортона и Валабрега повернула вспять, снова прорубилась сквозь пѣхоту и вернулась во Флавиньи, потерявъ половину своего состава. Такимъ образомъ эта бригада спасла Альвенслебена. А Канроберъ въ этотъ день больше не тронулся съ мѣста [1]).

Въ три часа, когда на полѣ битвы, на крайнемъ правомъ крылѣ французовъ, появился 4-й корпусъ Лядмиро, который для скорости шелъ чрезъ Бріэ, Альвенслебенъ атаковалъ бригаду Барби, и послѣдняя была сокрушена. Въ эту минуту прусская пѣхота начала слабѣть, и французы могли бы гнать ее передъ собою; но, какъ и всегда, французы не воспользовались своимъ выгоднымъ положеніемъ: они думали только о самооборонѣ.

Въ четыре часа X-ый корпусъ Фойгтсъ-Реца подалъ помощь III-му корпусу Альвенслебена, и когда дивизія, предводимая генераломъ Сиссеемъ, къ югу отъ фермы Гризьеръ разбила пѣхотную бригаду Веделя, принадлежавшую къ этому же X корпусу, на французовъ обрушилась тьма полковъ—кавалерійскихъ, драгунскихъ и кирасирскихъ, которые однако скоро должны были отступить подъ огнемъ картечи и шасспо.

Въ пять часовъ Лядмиро, чтобы освободить свой правый флангъ, двинулъ въ бой всѣ свои эскадроны, и тутъ-то, къ сѣверу отъ Марсъ-ля-Тура и къ западу отъ Брювиля, на возвышенности Вильсюръ-Иронъ, разыгрался знаменитый Резонвильскій бой, самое крупное кавалерійское сраженіе за всю кампанію и вообще одно изъ ожесточеннѣйшихъ и крупнѣйшихъ, какія знаетъ военная исторія. Все стремится, сталкивается, спутывается, мѣшаетъ другъ другу, — лязгъ сабель, пистолетные выстрѣлы, крики на обоихъ языкахъ: ***впередъ***, ***атака***, и стоны раненыхъ сливаются въ оглушительный гулъ, и надъ смѣшавшимися и рубящими другъ друга полками поднимается густое, слѣпящее глаза облако пыли. Но французы втягиваются въ бой лишь постепенно, частями, а не массою. 2-й африканскій стрѣлковый полкъ при попыткѣ овладѣть одною изъ баттарей отбитъ драгунами и пѣхотой. 2-й и 7-й гусарскіе полки опрокинуты, потому что выступили слишкомъ поздно, и ихъ командиръ, генералъ Монтегю, тяжело раненный и сброшенный съ лошади, остается въ рукахъ врага. Къ нимъ на выручку спѣшитъ генералъ Легранъ съ 3-мъ драгунскимъ полкомъ, но послѣдній также принужденъ отступить, и Легранъ падаетъ, раненный на смерть. Уланы генерала Франса опрокидываютъ ольденбург-

[1]) Сравн. Hohenlohe, *Lettres sur la cavalerie*, франц. пер. Jaeglé, стр. 22—23.

скихъ драгунъ, но ихъ самихъ опрокидываютъ уланы и драгуны Леграна, принявшіе ихъ изъ-за ихъ синихъ мундировъ за пруссаковъ. Драгуны императрицы, сцѣпившись съ африканскими стрѣлками, чрезъ нѣсколько минутъ поворачиваютъ и увлекаютъ въ водоворотъ своего бѣгства спѣшащую къ нимъ на помощь егерскую бригаду Брюшара. Сигналъ къ сбору, данный по приказанію генерала Франса, еще усиливаетъ смятеніе. Къ счастью, 2-й и 4-й драгунскіе полки подъ предводительствомъ генерала Мобранша развертываются въ полномъ порядкѣ, и вскорѣ затѣмъ прусская конница принуждена удалиться, осыпаемая огнемъ съ трехъ сторонъ: одной баттареей изъ 12 орудій, пѣхотнымъ полкомъ Сиссея, засѣвшимъ въ фермѣ Гризьеръ, и 2-мъ африканскимъ стрѣлковымъ полкомъ, спрятавшимся въ сосѣдней рощѣ [1]).

Наконецъ въ семь часовъ вечера бригада Грютера, бросившаяся на одинъ линейный полкъ и опрокинувшая его, была немедленно отброшена кавалерійской дивизіей Валабрега. Даже въ половинѣ девятаго вечера одна бригада гусаръ и драгунъ подъ предводительствомъ полковника Шмита сдѣлала послѣднее усиліе и перешла большую дорогу близъ Резонвиля, но тотчасъ бросилась назадъ подъ ружейной пальбой гвардейскихъ зуавовъ.

Шестнадцать тысячъ человѣкъ съ обѣихъ сторонъ выбыло изъ строя. Благодаря повторнымъ атакамъ своей конницы и своимъ цѣлесообразнымъ жертвамъ, благодаря превосходству своей артиллеріи, сдѣлавшей болѣе двадцати тысячъ выстрѣловъ и постоянно доминировавшей надъ французскимъ огнемъ, особенно же благодаря бездарности Базэна, совершенно не понявшаго ситуаціи, нѣмцы фактически выиграли это сраженіе, которое французы признавали нерѣшеннымъ или даже выдавали за свою побѣду: мало того, что ихъ было всего 65.000 противъ 125.000, и чтобы держать подъ шахомъ непріятеля, они весь день безпрерывно возобновляли атаки, но они отрѣзали также обѣ дороги, ведущія въ Верденъ,— на Марсъ-ля-Туръ и на Этэнъ.

Сенъ-Прива.—Имъ оставалось отрѣзать врагу послѣднюю дорогу въ Верденъ—на Бріэ. Базэнъ 17 августа отступилъ, чтобы запастись провіантомъ. Онъ могъ бы напасть на нѣмцевъ, которые еще не оправились отъ усталости, и завершить свой вчерашній успѣхъ. Принцъ Фридрихъ-Карлъ, подкрѣпленія котораго были очень далеки, признавался впослѣдствіи, что въ теченіе всего дня очень боялся этого движенія и что успокоился лишь тогда, когда увидѣлъ отступленіе французовъ. Маршалъ заявилъ, что по причинѣ большой убыли въ артиллерійскихъ и пѣхотныхъ боевыхъ запасахъ необходимо занять прежнія лагерныя мѣста на плоскогорьи Пляппевиль.

Фроссаръ расположился въ Розеріелѣ, Лэ-Бёфъ—въ фермахъ Московской и Пуанъ-дю-Журъ, Лядмиро—въ Аманвильерѣ, Канроберъ въ Сенъ-Прива. Какъ и 16 августа, лѣвое крыло французовъ было сильно, хорошо подкрѣплено и, сверхъ того, защищено траншеями, которыя оно успѣло построить. Но ихъ правый флангъ висѣлъ въ воздухѣ: прибывъ послѣднимъ въ Рейнскую армію, Канроберъ имѣлъ меньше людей и орудій, нежели остальные корпусные командиры, и не могъ воздвигнуть полевыхъ укрѣпленій, такъ какъ его инженерный паркъ еще не прибылъ.

18 августа въ полдень, убѣдившись, что французы рѣшили не отступать къ Бріэ, а удержаться на высотахъ Розеріэля и Аманвильера, Мольтке напалъ на ихъ позиціи; онъ соединилъ для этого почти всѣ силы 1-й и 2-й арміи.

На лѣвомъ французскомъ крылѣ нѣмцы

[1]) A. Chuquet, *La Guerre de 1870—71*, стр. 63—65.

были отброшены Фроссаромъ и Лэ Бéфомъ. Сенъ-Гюберъ они заняли, но Московскую ферму и Пуанъ-дю-Журъ имъ не удалось взять. Вечеромъ VI-й корпусъ отступилъ, охваченный паникой, и II-й корпусъ Франсеки, бросившійся ему на помощь, потерпѣлъ неудачу во всѣхъ своихъ попыткахъ.

Въ центрѣ Лядмиро стойко держался въ Аманвильерѣ и не уступилъ ни пяди земли.

Но на правомъ крылѣ Канроберъ былъ обойденъ и на голову разбитъ. Правда, онъ разбилъ королевскую гвардію на открытомъ склонѣ Сенъ-Привà, но съ наступленіемъ ночи онъ принужденъ былъ, въ виду страшной канонады двадцати четырехъ саксонскихъ и прусскихъ батарей, подъ настоящимъ ураганомъ огня и свинца, отступить къ Мецу въ полномъ разстройствѣ, и это пораженіе повлекло за собою и пораженіе Лядмиро.

Базэнъ и не появился на полѣ битвы. Онъ вышелъ изъ своей стоянки на Пляппевилѣ лишь для того, чтобы провести два часа на горѣ Сенъ-Кантэнъ, наводя орудія на крайнюю оконечность своего лѣваго фланга, въ точку, недосягаемую для врага. Онъ не послалъ своимъ помощникамъ ни инструкцій, ни подкрѣпленій, и въ этомъ громадномъ сраженіи, гдѣ Мольтке и король Вильгельмъ располагали 180.000 человѣкъ и 700 орудіями, онъ не ввелъ въ дѣло ни общаго артиллерійскаго резерва, ни императорской гвардіи, которая, поддержавъ Канробера, измѣнила бы исходъ боя. Очевидно, маршалъ боялся рисковать своей репутаціей. Поэтому онъ назвалъ это сраженіе — не сраженіемъ, а „обороной Аманвильерскихъ линій": это была, по его словамъ, простая операція, гдѣ приходилось лишь отстоять свои позиции и гдѣ главнокомандующему не было надобности вмѣшиваться.

Сраженіе при Сенъ-Прива стоило нѣмцамъ 20.000 человѣкъ, французамъ — 13.000 человѣкъ. Но Базэнъ былъ отброшенъ къ Мецу, и Мольтке тотчасъ блокировалъ его тремя корпусами 1-ой арміи и четырьмя 2-ой, составившими армію въ 160.000 человѣкъ подъ начальствомъ Фридриха-Карла. Онъ самъ и король Вильгельмъ присоединились къ прусскому кронпринцу, который съ 137.000 человѣкъ направлялся къ Парижу чрезъ Нанси и Баръ-ле-Дюкъ. Новой арміи, т. н. Маасской, приказано было идти къ Парижу чрезъ Верденъ и Сентъ-Менегудъ; она заключала въ себѣ 86.000 человѣкъ и состояла подъ начальствомъ наслѣднаго принца саксонскаго.

IV.—Седанъ.

Шалонская армія. — Побѣжденные при Фрешвилерѣ, которые, по выраженію одного изъ ихъ офицеровъ, дрались какъ львы и отступили какъ зайцы, въ безпорядкѣ и лишь съ трудомъ добрались чрезъ Люневиль, Невшатель и Жуанвиль до Шалона на Марнѣ. Здѣсь и образовалась т. н. Шалонская армія, въ составъ которой вошли четыре корпуса: 1-й, отданный подъ начальство Дюкро; 5-й — корпусъ Фэльи, прибывшій въ Шампань послѣ разныхъ проволочекъ и уклоненій отъ прямого пути чрезъ Сарбургъ, Люневиль, Мирекуръ и Шомонъ; 7-ой — корпусъ Феликса Дуэ, прибывшій въ Шалонъ по желѣзной дорогѣ, частью на Дижонъ и Парижъ, частью на Труа и Нуази-ле-Секъ; наконецъ 12-й корпусъ подъ командою генерала Лебрена. Она насчитывала 120.000 человѣкъ, и ея главнокомандующимъ былъ Макъ-Магонъ.

Подобно императору, и маршалъ хотѣлъ передвинуться къ стѣнамъ Парижа. Но императрица-регентша воспротивилась возвращенію Наполеона въ столицу [1]), а

---

[1]) „Приняли ли вы во вниманіе,—писала она императору, — всѣ послѣдствія, какія повлечетъ ваше возвращеніе въ Парижъ послѣ двухъ неудачъ? Что до меня, то я не рѣшаюсь взять на себя отвѣтственность за совѣтъ".

министръ Паликао желалъ, чтобы Макъ-Магонъ быстрымъ и смѣлымъ переходомъ выручилъ Базэна. Перейти Аргоннъ, сокрушить саксонскаго наслѣднаго принца, прежде чѣмъ прусскій успѣетъ подать ему помощь, наконецъ поставить Фридриха-Карла межъ двухъ огней,—таковъ былъ безразсудный и очень опасный планъ Паликао.

Но Макъ-Магонъ не рѣшился на такое рискованное дѣло. Онъ полагалъ, что истинное назначеніе его арміи—поддержать и продлить сопротивленіе Парижа, и когда онъ 21 августа перебрался въ Реймсъ, то онъ сдѣлалъ это не столько для того, чтобы подать руку помощи Базэну, сколько съ цѣлью приблизиться къ столицѣ долиною Уазы. Но 22-го императоръ получилъ письмо отъ Паликао и депешу отъ Базэна; министръ писалъ, что невозможно оставить Базэна безъ помощи, а главнокомандующій сообщалъ изъ Меца отъ 19-го, что уходитъ на сѣверъ. Магъ-Магонъ рѣшилъ идти къ Мецу чрезъ Монмеди.

Движеніе Макъ-Магона. — Настолько же вслѣдствіе собственной нерѣшимости и неисправности интендантскаго вѣдомства, сколько потому, что его полки, большею частью обезкураженные и недисциплинированные, были лишены органической связи, онъ подвигался медленно и скоро утратилъ все преимущество во времени, какое было на его сторонѣ. 23-го его армія была на Сюиппѣ; 24-го она сдѣлала поворотъ къ Ретелю; 25-го, между тѣмъ какъ Фэльи и Лебренъ оставались въ Ретелѣ, Дюкро и Дуэ достигли Аттиньи и Вузьера. 26-го нѣмецкая конница на Эрѣ, въ Маркѣ, Апремонѣ и Сенюкѣ столкнулась съ французской и радостнымъ „ура" привѣтствовала эту встрѣчу съ врагомъ, котораго она не видѣла со дня Фрешвилера.

Увѣдомленный парижскими газетами и догадавшись, что непріятель направляется къ сѣверо-востоку, Мольтке повернулъ въ томъ же направленіи. 27 августа саксонцы, составлявшіе XII-й нѣмецкій корпусъ, прибыли въ Дунъ и Стенэ на Маасѣ и, стало быть, преградили Макъ-Магону дорогу въ Мецъ.

Однако остальныя нѣмецкія силы были еще далеко и маршалъ могъ бы напасть на саксонцевъ и сокрушить ихъ. Но онъ думалъ лишь о собственной гибели. 27 августа изъ Шеня онъ написалъ въ Парижъ, что не имѣетъ извѣстій отъ Базэна, что если онъ будетъ продолжать свое движеніе на востокъ, то попадетъ между двухъ армій, и что онъ намѣренъ приблизиться къ Мезьеру. Паликао отвѣчалъ, что возвращеніе императора вызоветъ революцію въ Парижѣ и что надо во что бы то ни стало выручить Мецъ, и какъ отъ имени совѣта министровъ, такъ и отъ имени тайнаго совѣта, потребовалъ, чтобы Макъ-Магонъ подалъ помощь Базэну. Для вящаго успѣха своего требованія онъ обѣщалъ прислать Макъ-Магону совершенно свѣжій корпусъ, 13-й, подъ командою Винуа.

Макъ-Магонъ послушался и возобновилъ свое прерванное движеніе къ Монмеди. Но 29 августа французы почувствовали приближеніе грозы. Правда, Лебренъ уже перешелъ Маасъ у Музона, а Дюкро готовился перейти его на слѣдующій день, но Дуэ, тревожимый неотступно, упустилъ драгоцѣнное время, и Фэльи, атакованный у Нуара и Буа-де-Дамъ, достигъ Бомона лишь поздно ночью, съ изнуреннымъ отъ усталости войскомъ.

Бомонъ.—30 августа Дюкро перешелъ Маасъ въ Ремильи и прибылъ въ Кариньянъ. Точно такъ же и Дуэ, хотя и преслѣдуемый баварцами, перешелъ рѣку. Но въ тотъ же день въ полдень, у Бомона, въ котловинѣ, съ трехъ сторонъ окруженной толстыми деревьями, Фэльи, который не прятался и не принялъ никакихъ мѣръ предосторожности, внезапно подвергся нападенію арміи Альбрехта саксонскаго и праваго крыла арміи прусскаго кронпринца. Его войско оказало мужественное

сопротивленіе; несмотря на замѣшательство первой минуты и безпорядокъ, вызванный сначала этимъ неожиданнымъ ударомъ, оно въ теченіе нѣсколькихъ часовъ защищало фермы Тибодинъ и Гарнотери, возвышенность Іонкъ, кустарники Живодо и окрестности Вильмонтри; однако оно было принуждено отступить къ Музону и лишь подъ защитою артиллеріи Лебрена могло перебраться на другой берегъ Мааса.

Седанъ.—Послѣ этого пораженія ничего больше не оставалось, какъ отойти назадъ, и 31 августа въ часъ дня Макъ-Магонъ сухо сообщилъ Паликао, что принужденъ идти къ Седану.

Но, какъ и при Фрешвилерѣ, маршалъ думалъ, что непріятель нападетъ на него лишь день спустя, и остался на высотахъ вокругъ Седана, вмѣсто того чтобы поспѣшно идти къ Мезьеру. На правомъ флангѣ Лебренъ занималъ Базейль и Монсель, въ центрѣ Дюкро занималъ Деньи и Живоннъ, на лѣвомъ флангѣ Дуэ утвердился на холмѣ Илли. 5-й корпусъ, состоявшій отнынѣ подъ командою Вимпфена, котораго Паликао вызвалъ изъ Алжира и назначилъ на мѣсто несчастнаго Фэльи, составлялъ резервъ.

Французы попали въ мышеловку. Пока они стягивались въ Седанъ, по мысли Мольтке былъ произведенъ рядъ движеній, которыя имѣли цѣлью запереть ихъ между Маасомъ и бельгійской границей: армія Альбрехта саксонскаго, двигаясь по правому берегу, закрыла имъ восточные выходы, армія прусскаго кронпринца, двигаясь по лѣвому берегу,—западные. Вечеромъ 31 августа одинъ авангардъ достигъ Пуррю-Сенъ-Реми и Франшеваля, другой—Доншери, Френуа и Ваделинкура, откуда на слѣдующій день ядра, перелетая чрезъ Седанъ, стали поражать французовъ сзади, а баварцы уже овладѣли Базейльскимъ мостомъ.

1 сентября 140.000 нѣмцевъ двинулись противъ 90.000 французовъ. Бой начали баварцы и саксонцы; первые вошли въ Базейль и вступили въ жестокій бой съ морской пѣхотой, вторые овладѣли Монселемъ и лѣсомъ Шевалье. Въ половинѣ 7-го часа Макъ-Магонъ, раненный и избавленный этой удачной раной отъ отвѣтственности за конечный разгромъ, передалъ командованіе арміей Дюкро. Въ 8 часовъ Дюкро, боясь, чтобы врагъ не окружилъ его, приказалъ войскамъ собраться на возвышенности Илли и отступить къ Мезьеру. Уже началось это отступательное движеніе, когда въ 9 часовъ Вимпфенъ, считая эту операцію неисполнимой, вынулъ изъ кармана письмо Паликао, назначавшее его на случай катастрофы замѣстителемъ Макъ-Магона, и отдалъ приказъ всѣмъ корпусамъ сохранять свои позиціи и драться, не сходя съ мѣста. Было бы благоразумнѣе оставить власть въ рукахъ Дюкро, который несомнѣнно спасъ бы часть арміи, открывъ ли ей путь на Мезьеръ, или перебросивъ ее на бельгійскую территорію. Къ часу французы, несмотря на всю свою храбрость, потеряли Базейль и Баланъ, Деньи и Живоннъ; баварцы, саксонцы и прусская гвардія оттѣснили ихъ къ Седану [1]).

Между тѣмъ какъ армія Альбрехта саксонскаго такимъ образомъ преградила

---

[1]) О пожарѣ въ Базейлѣ и жестокостяхъ, приписываемыхъ баварцамъ, см. у Gabriel Monod, *Allemands et Français, Souvenirs de campagne* (p. 55): „Я видѣлъ пожаръ Базейля; я самымъ тщательнымъ образомъ освѣдомился о томъ, какъ что случилось. Я опрашивалъ французскихъ солдатъ, баварскихъ солдатъ и обывателей, очевидцевъ этой ужасной драмы, и въ итогѣ она представляется мнѣ нечѣмъ инымъ, какъ страшнымъ, но неизбѣжнымъ послѣдствіемъ войны. Большая часть села была разрушена гранатами, многіе дома также были подожжены съ цѣлью выгнать оттуда засѣвшихъ тамъ пѣхотныхъ солдатъ, остальные дома были сожжены потому, что ихъ обитатели, прячась въ погребахъ, стрѣляли въ баварцевъ по окончаніи битвы. Изъ нихъ 11 человѣкъ было разстрѣляно; нѣсколько несчастныхъ задохлись тогда же или еще во время боя". Ср. H. von Helvig, *Ludvig Freiherr von der Tann*, стр. 159—160.

путь на Кариньянъ, вюртембержцы, перейдя Маасъ въ Домъ-ле-Мениль, заняли дорогу на Мезьеръ, а два другихъ корпуса арміи прусскаго кронприца, V-й и XI-й, перейдя рѣку въ Доншери и затѣмъ повернувъ вправо, чрезъ проходъ Фализеттъ достигли Сенъ-Манжа, Флейньё и Флуанга. Французы были совершенно окружены. При Седанѣ, какъ и при Садовой, и еще съ бо́льшимъ блескомъ, нѣмецкія арміи, пройдя свой путь раздѣльно, соединились на самомъ полѣ битвы.

Артиллерія XI корпуса, V корпуса и прусской гвардіи обрушилась на корпусъ Дуэ, который принужденъ былъ оставить возвышенность Илли и спрятаться въ Гаренскомъ лѣсу. Тщетно Дуэ двинулъ свою подкрѣпленную пѣхоту на вершину Илли и пустилъ въ ходъ резервную артиллерію. Тщетно по приказу Дюкро дивизія Маргеритта нѣсколько разъ повторяла героическую атаку на плоскогорье Флуангъ. Искусно направляемая пальба прусскихъ стрѣлковъ косила французскую конницу. Огонь нѣмецкихъ орудій, направленный въ одну точку, уничтожалъ французскую артиллерію. Мало-по-малу тѣснимая пѣхота отступала къ Седану. Въ концѣ концовъ вся армія, въ смятеніи и унынiи, скучилась въ городѣ подъ защитою крѣпостныхъ орудій, которыя, по словамъ одного очевидца, были для нея какъ бы неодолимымъ магнитомъ.

Въ отчаяніи Вимпфенъ сдѣлалъ попытку проложить себѣ путь въ Кариньянъ и дважды бросался на Баланъ съ горстью храбрецовъ. Но въ половинѣ 3-го часа императоръ, ни съ кѣмъ не посовѣтовавшись, съ цѣлью прекратить кровопролитіе, велѣлъ поднять бѣлый флагъ на башнѣ Седана. Вимпфенъ потребовалъ отставки, но Наполеонъ отказалъ ему въ ней на томъ основаніи, что Вимпфенъ по собственному почину принялъ командованіе и осуществлялъ его во время битвы: теперь его долгъ спасти армію, какъ можетъ. Въ десять часовъ вечера Вимпфенъ въ одномъ домѣ въ Доншери велъ переговоры съ Мольтке. „У васъ нѣтъ больше ни боевыхъ запасовъ, ни провіанта, — сказалъ ему начальникъ штаба нѣмецкой арміи,—всякое сопротивленіе тщетно, и если вы тотчасъ не сдадитесь, мы сокрушимъ васъ завтра съ зарею".

2 сентября, собравъ военный совѣтъ и убѣдившись, что оборона невозможна, что врагъ занимаетъ уже седанскую заставу и что его орудія—числомъ 690!—размѣщенныя на всѣхъ окрестныхъ высотахъ и наведенныя на узкія улицы, которыя ведутъ къ крѣпости, произведутъ во французскомъ войскѣ, если оно вздумаетъ еще драться или прорваться силою, страшную и безполезную бойню, Вимпфенъ подписалъ капитуляцію.

Въ этой битвѣ подъ Седаномъ, являющейся крупнѣйшимъ артиллерійскимъ сраженіемъ XIX вѣка, у нѣмцевъ выбыло изъ строя всего 6.000 человѣкъ. У французовъ было убито 3.000 и ранено 14.000 человѣкъ; 3.000 удалось перейти бельгійскую границу, а 82.000 были вмѣстѣ съ императоромъ взяты въ плѣнъ.

V.—Капитуляція Меца.

Меньше чѣмъ два мѣсяца спустя, армію Базэна постигла та же участь, что армію Макъ-Магона.

Базэнъ.—Базэнъ отличался храбростью и хладнокровіемъ, но охотно предавался бездѣйствію, былъ мало способенъ передвигать массы и распоряжаться ими, лишенъ энергіи и твердости, склоненъ къ проискамъ, пронырливъ и очень честолюбивъ; подъ открытой и благодушной внѣшностью онъ скрывалъ глубочайшій эгоизмъ, не думалъ ни о чемъ, кромѣ себя самого, и всегда былъ готовъ пожертвовать благомъ отчизны собственному интересу. Онъ рѣшилъ теперь больше не рисковать сраженіемъ въ открытомъ полѣ и выжидать дальнѣйшихъ событій подъ прикрытіемъ укрѣпленій Меца. Онъ счи-

талъ дѣло безповоротно проиграннымъ. Онъ полагалъ, что Макъ-Магонъ будетъ вторично разбитъ, что нѣмцы затѣмъ безпрепятственно дойдутъ до Парижа и миръ скоро будетъ заключенъ. И кто же, думалъ онъ, гарантируетъ этотъ миръ, кто подпишетъ его, какъ не онъ, побѣдоносный Базэнъ, чья армія одна осталась странѣ и который сохранилъ ее цѣлой и непобѣжденной? Такъ онъ ласкалъ себя надеждою стать героемъ Франціи, не предвидя, что народъ возстанетъ противъ иноземнаго нашествія и что Парижъ будетъ долго сопротивляться,—дольше, чѣмъ Мецъ.

Вылазка 26 августа.—На слѣдующій день послѣ сраженія при Сенъ-Прива онъ оставилъ линію высотъ и отвелъ свою доблестную армію—Рейнскую армію, уже окруженную врагомъ и ставшую мецской арміей—въ укрѣпленный лагерь. Но 23 августа онъ былъ извѣщенъ депешей, что Макъ-Магонъ идетъ къ Монмеди. Тогда онъ отдалъ приказъ, чтобы войско 26-го двинулось къ Тіонвилю. Эта попытка не носила серьезнаго характера. Въ то время, какъ солдаты переходили Мозель и тащились по грязи подъ проливнымъ дождемъ, корпусные командиры, которыхъ Базэнъ созвалъ на военный совѣтъ въ замкѣ Гримонъ, чтобы переложить на нихъ часть отвѣтственности, рѣшили оставаться за стѣнами города. Базэнъ возражалъ, указывая на дурную погоду, недостатокъ боевыхъ запасовъ и слабость мецскихъ фортовъ, но ни словомъ не упомянулъ о депешѣ Макъ-Магона.

Вылазка 31 августа.—31 августа, получивъ наканунѣ новую депешу отъ Макъ-Магона, Базэнъ снова для вида предпринялъ вылазку по направленію къ Тіонвилю. Но вмѣсто того, чтобы тайкомъ выйти ночью или на зарѣ, онъ далъ сигналъ къ сраженію въ 4 часа дня, послѣ того какъ весь день маневрировалъ на глазахъ у нѣмцевъ. Онъ повелъ въ дѣло лишь шесть пѣхотныхъ дивизій изъ четырнадцати. Онѣ овладѣли нѣсколькими деревнями, и въ томъ числѣ—Сервиньи, которая была имъ нужна, чтобы прорвать осаду. Но два часа спустя Сервиньи была отнята у нихъ, войско остановилось, и когда на слѣдующій день, 1 сентября, оно возобновило бой безъ точныхъ инструкцій отъ Базэна, безъ установленія взаимной поддержки, ободрившіеся нѣмцы вернули себѣ утраченныя позиціи; въ 11 час. утра маршалъ велѣлъ прекратить огонь.

Фуражировка и набѣги.—Весь сентябрь онъ возводилъ и заканчивалъ укрѣпленія, долженствовавшія обезпечить оборону Меца и укрѣпленнаго лагеря. Но онъ не позаботился о томъ, чтобы забрать весь провіантъ, какой можно было найти въ окрестныхъ деревняхъ. Вскорѣ обнаружился недостатокъ въ припасахъ. Со времени сраженія при Резонвилѣ армія продовольствовалась провіантомъ, предназначеннымъ для мецскаго гарнизона. Съ 15 сентября пришлось уменьшить хлѣбный паекъ, а съ 18-го—рѣзать ежедневно по 250 лошадей для прокормленія солдатъ. Небольшія экспедиціи, предпринятыя по окрестнымъ мѣстамъ, набѣги на Ловалье, Гранжъ-о-Буа и Нуйльи, Шіелль и Вани, Пельтръ и Мерси-ле-О, Максъ и Бельвю (22, 23 и 27 сентября) мало содѣйствовали увеличенію запасовъ провіанта.

Политическіе разсчеты.—Жители Меца ставили въ упрекъ Базэну, что онъ смѣшиваетъ политическія задачи съ военными; и дѣйствительно, долгъ солдата отступалъ у маршала на задній планъ передъ личными соображеніями. Онъ получилъ извѣстія о пораженіи при Седанѣ, взятіи въ плѣнъ Наполеона III, отъѣздѣ императрицы-регентши, бѣжавшей въ Англію, въ Гастингсъ, и образованіи правительства національной обороны изъ парижскихъ депутатовъ подъ предсѣдательствомъ генерала Трошю. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній онъ, главнымъ обра-

зомъ изъ зависти къ Трошю, высказался—не вслухъ, а подъ рукою и въ бесѣдахъ со своими приближенными—противъ новаго правительства, какъ мятежнической власти. 16 сентября онъ запросилъ у Фридриха - Карла свѣдѣній о положеніи дѣлъ. Принцъ отвѣчалъ ему на слѣдующій день, что республика не признана ни всей Франціей, ни монархическими державами; онъ прибавлялъ, что готовъ и уполномоченъ сообщить маршалу всѣ свѣдѣнія, какихъ пожелаетъ послѣдній, и вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ ему ноту Бисмарка, напечатанную въ *Indépendant rémois*; эта нота гласила, что Германія не станетъ вести переговоровъ съ властью, представляющей лишь часть лѣвой бывшаго парламента, но только съ Наполеономъ, или съ регентствомъ, или съ Базэномъ, получившимъ командованіе отъ императора. Базэнъ попался на приманку. Онъ вступилъ въ переговоры съ непріятелемъ. 18 сентября Бисмаркъ узналъ, что Базэнъ остался вѣренъ императорской династіи, и сказалъ Жюлю Фавру: „Маршалъ—не вашъ", а спустя три дня въ кругу лицъ, приближенныхъ къ Мольтке, уже знали, что Базэнъ—отъявленный врагъ парижскаго правительства и что въ письмѣ, адресованномъ въ главный военный штабъ, онъ оплакивалъ свою бѣдную родину, ставшую добычей анархіи [1]).

Инцидентъ Ренье.—Въ этотъ моментъ нѣкій Ренье, желавшій во что бы то ни стало сыграть роль, предложилъ Бисмарку устроить миръ. Онъ тщетно пытался увидѣться съ императрицей въ Гастингсѣ, но зато ухитрился достать чрезъ воспитателя наслѣднаго принца, Филона, фотографію мѣстечка, снабженную подписью наслѣдника. У Бисмарка было правило испробовать всякаго человѣка хоть одинъ разъ и пользоваться для достиженія своихъ цѣлей всѣми средствами хотя бы и самыми фантастическими; онъ далъ Ренье пропускъ. Вечеромъ 23 сентября этотъ авантюристъ въ сопровожденіи прусскаго парламентера прошелъ чрезъ французскую линію, явился къ Базэну и, показавъ ему фотографію Гастингса, изложилъ свой планъ, заключавшійся въ томъ, чтобы объявить мецскую армію нейтральной и перевести ее въ какой-нибудь открытый городъ, гдѣ должны были собраться, вмѣстѣ съ императрицей-регентшей, сенатъ и Законодательный корпусъ. Базэнъ отвѣчалъ, что съ каждымъ уходящимъ днемъ слабѣетъ матеріальная и моральная сила его войскъ, что онъ въ безвыходномъ положеніи и вступитъ въ переговоры при первой возможности—не относительно Меца, а относительно своей арміи, что онъ согласится выйти изъ крѣпости съ оружіемъ и обозомъ, лишь бы сохранить порядокъ внутри страны. Получивъ отъ Базэна подпись подъ фотографіей Гастингса рядомъ съ подписью наслѣднаго принца, Ренье вернулся въ главную квартиру Фридриха-Карла, но на слѣдующій день снова пріѣхалъ съ извѣстіемъ, что Бисмаркъ позволяетъ одному изъ генераловъ отправиться къ императрицѣ-регентшѣ. Послѣ того какъ Канроберъ отказался, изъ Меца уѣхалъ Бурбаки. Императрица заявила ему, что не знаетъ Ренье и что она не вступитъ ни въ какіе переговоры, чтобы не стать поперекъ дороги правительству національной обороны, которое, чего добраго, можетъ быть дастъ дѣлу неожиданно-счастливый оборотъ.

Но Базэнъ раскрылъ свои карты, признавшись, что у него хватитъ продовольствія лишь до 18 октября,—и слово „капитуляція" уже было произнесено. 29 сентября Бисмаркъ прислалъ ему депешу, спрашивая, согласенъ ли маршалъ сдать мецскую армію на тѣхъ условіяхъ, которыя приметъ Ренье. И Базэнъ, вмѣсто того, чтобы съ негодованіемъ отвергнуть

[1]) Verdy du Vernois, *Deutsche Rundschau*, августъ 1895 г., стр. 205.

предложенія Бисмарка, отвѣтилъ, что онъ согласенъ сдаться на почетныхъ условіяхъ, только бы Мецъ не былъ включенъ въ капитуляцію.

Сраженіе при Бельвю.—Во время этихъ переговоровъ, парализовавшихъ армію до неизбѣжной и близкой минуты, когда она будетъ сломлена голодомъ, въ лагерѣ и самомъ городѣ Мецѣ шло сильное волненіе среди солдатъ и горожанъ. Съ цѣлью смирить это броженіе Базэнъ 7 октября далъ сраженіе при Бельвю или Лядоншанѣ. Войска, особенно гвардейскіе стрѣлки и егеря, своей отвагой и пыломъ доказали, что еще способны на серьезное дѣло. Но это было ихъ послѣднее усиліе, и начавшійся въ это время непрерывный дождь, невылазная грязь въ бивуакахъ, постепенное уменьшеніе хлѣбнаго пайка, потребленіе конины безъ соли, скука и уныніе скоро привели ихъ въ самое жалкое состояніе.

Миссія Буайэ.—10 октября Базэнъ созвалъ своихъ корпусныхъ командировъ на военный совѣтъ. Всѣ высказались за то, чтобы держаться подъ Мецемъ до полнаго истощенія запасовъ, вступить въ переговоры съ непріятелемъ и, если условія не будутъ почетны, пробиться сквозь блокаду. Черезъ день въ главную нѣмецкую квартиру, въ Версаль, былъ посланъ генералъ Буайэ, адъютантъ и наперсникъ маршала, съ тайной инструкціей отъ Базэна. Онъ сказалъ королю Вильгельму, что военный вопросъ рѣшенъ, что мецская армія не признаетъ другого правительства, кромѣ регентства, что она—*ядро порядка*, единственная сила, способная одолѣть анархію во Франціи и представить тѣ ручательства, какихъ потребуетъ Пруссія.

17 октября Буайэ вернулся изъ Версаля, причемъ всю дорогу пруссаки не спускали его съ глазъ, какъ парламентера. 18-го онъ сообщилъ на военномъ совѣтѣ, что Франція находится въ плачевномъ положеніи, и передалъ условія Бисмарка; армія должна выйти изъ Меца и отправиться въ одинъ изъ открытыхъ городовъ, гдѣ сенатъ и бывшая палата депутатовъ возстановятъ имперію, но предварительно должна высказаться за императрицу-регентшу. 19-го начальники корпусовъ рѣшили отправить Буайэ къ императрицѣ: имперія, сказалъ имъ Базэнъ, — единственно-законная власть, а присутствовавшій на засѣданіи генералъ Шангарнье воскликнулъ, что необходимо спасти общество, что регентша приметъ прусскія предложенія, чтобы сохранить престолъ для своего сына, и войска по зову энергичной и прекрасной женщины послѣдуютъ за нею всюду.

Буайэ увидѣлся съ императрицей въ Чизльгёрстѣ 22 октября. Но, прежде чѣмъ начать переговоры, регентша пожелала, чтобы мецской арміи было дано двухнедѣльное перемиріе съ правомъ добычи съѣстныхъ припасовъ. Король Вильгельмъ отказалъ, и 24-го Бисмаркъ написалъ Базэну, что у него нѣтъ никакихъ гарантій, что французскій народъ и войско, повидимому, не расположены въ пользу имперіи, что предложенія, идущія изъ Англіи, абсолютно непріемлемы и что онъ не видитъ никакой возможности достигнуть какого-нибудь результата путемъ переговоровъ.

Итакъ, политическія комбинаціи Базэна не удались. „Онъ жестоко заблуждается,—говорили въ нѣмецкомъ генеральномъ штабѣ,—если думаетъ, что мы станемъ трактовать его армію и Мецъ иначе, какъ съ военной точки зрѣнія". Какое дѣло было Бисмарку до возстановленія имперіи? Со своей обычной проницательностью онъ на слѣдующій день послѣ сраженія при Фрешвилерѣ предсказалъ республику, и его мало заботило, будетъ ли эта республика красной, синей или сѣрой, лишь бы онъ могъ заключить съ нею миръ, который удовлетворилъ бы Германію [1]).

---

[1]) L. Bamberger, *Studien und Meditationen aus fünfunddreissig Jahren*, 1898, стр. 425.

Базэнъ капитулировалъ. Онъ тщетно просилъ, чтобы войско было послано въ Алжиръ и Мецъ исключенъ изъ капитуляціи. Фридрихъ-Карлъ отвѣтилъ ему, что условія сдачи—тѣ же, что при Седанѣ, и что крѣпость раздѣлитъ участь войска.

Капитуляція была подписана вечеромъ 27 октября. Она отдала въ руки нѣмцевъ, кромѣ крѣпости Меца и ея огромныхъ боевыхъ запасовъ, войско въ 173.000 человѣкъ.

По возвращеніи во Францію Базэнъ 10 декабря 1873 г. былъ приговоренъ къ смерти военнымъ совѣтомъ за то, что сдался въ открытомъ полѣ, не исчерпавъ всѣхъ средствъ обороны и не сдѣлавъ всего, что предписывали ему долгъ и честь. Макъ-Магонъ, ставшій президентомъ республики, смягчилъ кару своего соратника, замѣнивъ казнь пожизненнымъ заключеніемъ на о-вѣ Св. Маргариты, но Базэнъ сумѣлъ бѣжать; онъ умеръ въ Мадридѣ въ 1888 г., въ нищетѣ.

Его примѣръ показываетъ, какъ правы были авторы Военнаго уложенія, воспретивъ сношенія съ непріятелемъ. Базэнъ велъ переговоры и интриговалъ съ цѣлью послѣ войны сыграть роль Монка. Но будь онъ солдатомъ и только солдатомъ, онъ, можетъ быть, далъ бы дѣламъ иной оборотъ. Онъ могъ за мѣсяцъ до капитуляціи пробиться къ Тіонвилю или Шато-Салину; при этомъ онъ потерялъ бы половину войска, но другая половина пробилась бы и доставила бы арміи національной обороны необходимые кадры [1]). Или же, если эта жертва казалась ему слишкомъ тяжелой, онъ могъ бы просто держаться крѣпко и стойко, тратя провіантъ съ величайшей бережливостью и собирая всякій провіантъ, какой только можно было найти въ окрестностяхъ Меца,—и при нѣкоторой предусмотрительности ему пришлось бы капитулировать развѣ только въ декабрѣ. Сдача 27 октября обезпечила побѣду нѣмцевъ [1]). Армія Фридриха-Карла теперь освободилась; часть ея направилась на Луару, часть—на Сомму встрѣчать и разбивать отряды, наскоро сформированные провинціями на выручку Парижа, и Гамбетта съ вѣрнымъ и скорбнымъ предчувствіемъ воскликнулъ, что „лавина катится изъ Меца“.

[1]) Сравн. мнѣніе прусскаго генерала, автора брошюры *Der Krieg um Metz*, приводимое Andlau въ его *Metz, campagnes et négociations*, стр. 330.

VI.—Крѣпости.

Капитуляція Страсбурга.—За мѣсяцъ до Меца палъ Страсбургъ. Нѣмцамъ понадобилось всего шесть недѣль, чтобы овладѣть этой крѣпостью. У нея не было отдѣльныхъ фортовъ: устами Фроссара французское инженерное вѣдомство увѣряло, что такіе форты служили бы скорѣе помѣхой, чѣмъ опорой, что непріятель не

[1]) Вопросъ о знаменахъ вызвалъ ожесточенный споръ. Базэнъ не хотѣлъ сдавать ихъ непріятелю. Но вмѣсто того, чтобы приказать полкамъ уничтожить ихъ, онъ велѣлъ прислать ихъ въ арсеналъ для сожженія и со своимъ обычнымъ хитроуміемъ сообщилъ чрезъ начальника своего главнаго штаба, генерала Жарра, начальнику штаба принца Фридриха-Карла, генералу Штиле, что таковъ обычай во Франціи—истреблять послѣ революціи знамена, данныя войскамъ свергнутымъ правительствомъ, и что къ исполненію этого обычая уже приступлено. Этимъ онъ естественно обратилъ вниманіе врага на данный предметъ. Штиле заявилъ, что такой обычай ему неизвѣстенъ, и письменно запросилъ у Базэна, сколько знаменъ еще цѣло и гдѣ они находятся. Между тѣмъ приказъ маршала, переданный главному начальнику артиллеріи, генералу Солейлю, не былъ тотчасъ исполненъ. Базэнъ, желая подчеркнуть свою вѣрность принятымъ обязательствамъ, отвѣчалъ Штиле чрезъ Жарра, что въ мецскомъ арсеналѣ находится еще не менѣе 41 знамени. Въ концѣ-концовъ побѣдителю было передано 56 знаменъ. Директоръ арсенала полковникъ Жирель и полковникъ Мельшіоръ успѣли сжечь—первый 8 кавалерійскихъ штандартовъ, второй—знамена гвардейскихъ стрѣлковъ и егерей. Зуавы и гренадеры гвардіи ухитрились сами уничтожить свои значки. Лявокупэ сжегъ въ пепелъ знамена своей дивизіи, Ляпассэ—своей бригады.

займетъ опасныхъ высотъ, а если его артиллерія вызоветъ пожары, то ихъ можно будетъ потушить пожарными помпами. У нея не было казематовъ. Изъ 15.000 человѣкъ, составлявшихъ гарнизонъ, едва 10.000 годились для боя, а во время вылазки 16 августа, спустя пять дней послѣ появленія врага, войско, охваченное паникой, бѣжало, бросивъ три орудія. Вердеръ, командовавшій осаждающими, хотѣлъ сразу вынудить сдачу бомбардировкой. Но ему не удалось запугать населеніе города; тогда онъ предпринялъ правильную осаду, не переставая однако засыпать Страсбургъ ядрами—ихъ упало въ городъ и наружныя укрѣпленія 193.000. Онъ атаковалъ сѣверо-западный уголъ линіи укрѣпленій, гдѣ ворота Пьеръ. Намѣченныя имъ параллели были скоро готовы. Мало-по-малу его артиллерія приблизилась къ стѣнамъ. Она сбила большую часть пушекъ осажденныхъ и заставила послѣднихъ оставить одинъ за другимъ люнеты 44, 52 и 53, прикрывавшіе фронтъ. Наконецъ она пробила брешь въ двухъ бастіонахъ, валгангъ которыхъ, отчаянно изрытый, представлялъ собою не что иное, какъ кучи земли. Съ часу на часъ ждали штурма. И вотъ генералъ Ульрихъ, губернаторъ Страсбурга, капитулировалъ. 28 сентября нѣмцы вступили въ городъ, который подъ градомъ ядеръ и гранатъ, несмотря на пожары и ежедневно растущее разрушеніе, несмотря на все умножающееся количество раненыхъ и убитыхъ, обнаружилъ столько мужества и самоотверженія и такъ вѣрно послужилъ своему отечеству — Франціи, отъ которой его теперь оторвали. За недѣлю до того былъ совершенъ героическій поступокъ, граничащій съ чудомъ: уроженецъ Страсбурга Эдмондъ Валантэнъ, назначенный новымъ правительствомъ на постъ префекта деп. Нижняго Рейна, пробрался чрезъ непріятельскія линіи, переплылъ Ааръ вплавь, вскарабкался на крѣпостной валъ подъ пулями французскихъ часовыхъ и проникъ въ городъ.

Другія осады и капитуляціи. — Точно такъ же пало и большинство остальныхъ крѣпостей. Онѣ располагали для своей защиты негодными средствами: ихъ укрѣпленія были плохи и со всѣхъ сторонъ доступны обстрѣлу, гарнизоны не сплочены и не стойки, коменданты часто стары и лишены энергіи.

Птитъ-Пьеръ обороняли десятка три солдатъ подъ начальствомъ фельдфебеля Бельца; 8 августа Бельцъ уничтожилъ весь боевой матеріалъ и присоединился къ арміи.

Другая крѣпостца въ Вогезахъ, Лиштамберъ, гдѣ командовалъ пѣхотный подпоручикъ Аршэ, была бомбардирована вюртембергскимъ отрядомъ и капитулировала 9 августа; передъ сдачей Аршэ привелъ въ негодность все, чѣмъ могъ бы воспользоваться непріятель.

Марсаль на верхнемъ теченіи Сейля сдался 14 августа II баварскому корпусу, сдѣлавъ лишь одинъ выстрѣлъ изъ пушки: въ этомъ дырявомъ гнѣздѣ было 600 человѣкъ—и ни одного артиллериста.

Гарнизонъ Витри-ле-Франсуа состоялъ приблизительно изъ тысячи gardes mobiles; 26 августа они очистили эту крѣпость и въ тотъ же день были взяты въ плѣнъ 6-й кавалерійской дивизіей въ Эпансѣ на пути въ Сентъ-Менегудъ.

Цитадель Лана сдалась 9 сентября безъ боя, едва появился непріятель; но одинъ изъ смотрителей при военномъ складѣ, по имени Анріо, въ порывѣ отчаянія взорвалъ пороховой погребъ и похоронилъ подъ развалинами около сотни нѣмцевъ и 300 французовъ.

Туль преграждалъ завоевателямъ желѣзную дорогу изъ Фруара въ Парижъ и заставилъ ихъ потратить нѣкоторое время на медленные и трудные обходы. 16 августа эта крѣпость отбила вооруженной рукой атаку, предпринятую авангардомъ IV корпуса. 23 августа она была

бомбардирована VI корпусомъ, 10 сентября—артиллеріей, которую нѣмцы нашли въ Марсалѣ, 18-го—сорока двумя полевыми орудіями; наконецъ 23 сентября она сдалась подъ убійственнымъ огнемъ шестидесяти двухъ орудій большого и малаго калибра, установленныхъ на горѣ Сенъ-Мишель.

Суассонъ сдался 16 октября 2-й дивизіи Ландвера послѣ трехнедѣльной осады и четырехдневной бомбардировки. Онъ оборонялся дѣятельно и энергично, но не могъ устоять противъ артиллеріи, помѣстившейся на горѣ Св. Женевьевы и горѣ Маріонъ.

Шлештадтъ, защищенный лишь ветхими укрѣпленіями безъ прикрытій и казематовъ, сдался 23 октября послѣ кратковременнаго сопротивленія.

Нейбризахъ оборонялся дольше и сдался лишь послѣ восьмидневной бомбардировки, 10 ноября, послѣ того какъ нѣкоторые его кварталы превратились въ настоящія каменоломни.

Верденъ вначалѣ отбилъ атаку, предпринятую противъ него 23 августа саксонскимъ наслѣднымъ принцемъ. Затѣмъ онъ былъ три дня, съ 13 по 15 октября, бомбардируемъ французскими орудіями, вывезенными изъ Туля и Седана; его гарнизонъ, умноженный бѣглецами изъ арміи Макъ-Магона, сдѣлалъ двѣ удачныхъ вылазки и энергично отвѣчалъ на артиллерійскій огонь осаждающихъ; крѣпость сдалась наконецъ 8 ноября, когда на холмахъ Сенъ-Бартелеми и Сенъ-Мишель развернулась цѣпь въ сто съ лишнимъ орудій, обильно снабженныхъ боевыми запасами. Условія ея капитуляціи были весьма почетны. Во вниманіе къ доблестному сопротивленію, оказанному губернаторомъ города, генераломъ Гереномъ-де-Вальдерсбахъ, онъ добился согласія на то, чтобы боевой матеріалъ по заключеніи мира былъ возвращенъ Франціи.

Тіонвиль, осажденный 20 ноября и подвергнутый двухдневной бомбардировкѣ изъ 76 орудій крупнаго калибра, выбросившихъ на него 25.000 гранатъ, сдался 24-го.

Ля-Ферѣ, осыпанный 25 ноября 3.500 ядрами съ вершины холмовъ Паркъ и Данизи, сдался на слѣдующій день.

Фальсбургъ, атакованный 10 августа, бомбардированный 14-го войсками VI корпуса и осажденный 19-го, сдался лишь 12 декабря, когда не стало хлѣба и треть города была разрушена бомбардировкой. Комендантъ Тейльянъ исполнилъ все, чего требуетъ военная честь: истребилъ орудія, боевые запасы и вообще все, что могло бы пригодиться врагу.

Монмеди, атакованный 5 сентября полевой артиллеріей и обложенный 15 ноября, капитулировалъ 14 декабря послѣ двухдневной бомбардировки; большей части его гарнизона удалось перебраться на бельгійскую территорію.

Мезьеръ, бомбардированный 31 декабря, открылъ свои ворота 2 января 1871 года, послѣ того какъ по немъ было выпущено 12.000 ядеръ.

Рокруа былъ взятъ 5 января внезапнымъ нападеніемъ. Полевыя орудія четыре часа бомбардировали эту маленькую крѣпость. Не добившись толку, нѣмцы рѣшили уйти, но, прежде чѣмъ удалиться, въ послѣдній разъ потребовали отъ коменданта сдачи, на что онъ отвѣтилъ согласіемъ.

По Лонгви осаждающіе въ четыре дня выпустили 28.000 ядеръ съ окрестныхъ высотъ — Мекси, Ромэна и горы Ша; 23 января крѣпость капитулировала.

Лангръ, Безансонъ и Оксоннъ не подвергались осадѣ. Генералъ фонъ-деръ Гольцъ 18 декабря обложилъ Лангръ и собирался бомбардировать городъ изъ 39 орудій крупнаго калибра, когда извѣстіе о движеніяхъ Бурбаки заставило его уйти на востокъ.

Неприступный Бичъ былъ до конца военныхъ дѣйствій охраняемъ двумя батареями.

Организація завоеванной страны. — Въ самомъ разгарѣ этихъ осадъ и передви-

женій нѣмцы организовали управленіе завоеванной ими страны. 16 сентября было учреждено въ Реймсѣ генералъ-губернаторство, которому должны были быть подчинены всѣ занятыя нѣмцами области, кромѣ Лотарингіи и Эльзаса. Всюду были назначены префекты, су-префекты, гражданскіе комиссары, обязанные собирать подати и слѣдить за тѣмъ, чтобы способные къ военной службѣ мужчины не шли на призывъ національной обороны. Изъ боевыхъ батальоновъ и ландвера были сформированы *транспортные отряды*, охранявшіе перевозку боевыхъ запасовъ и провіанта по желѣзнымъ дорогамъ, ведущимъ отъ Рейна къ Сенѣ. Строжайшими, безпощадными репрессивными мѣрами войскамъ была обезпечена безопасность въ смыслѣ внезапныхъ нападеній и безпрепятственное сообщеніе. Вольные стрѣлки были объявлены внѣ военныхъ законовъ, и тѣ села, гдѣ ими былъ убитъ или раненъ нѣмецъ, несли круговую отвѣтственность и карались съ крайней строгостью. Абли, Этрепаньи, Шеризи и въ окрестностяхъ Манта деревни Мезьеръ, Пармэнъ, Даннемуа и Муаньи были сожжены. Въ ночь съ 21 на 22 января 250 вогезскихъ партизановъ, собравшихся близъ Ламарша подъ командою майора Бернара, взорвали мостъ Фонтенуа между Тулемъ и Нанси; и вотъ Фонтенуа былъ сожженъ и Лотарингія обложена контрибуціей въ 10 мил. франковъ. Одинъ нѣмецкій унтеръ-офицеръ палъ въ схваткѣ съ вольными стрѣлками близъ Во въ Арденнахъ: нѣмцы заставили мѣстныхъ жителей въ числѣ 40 собраться въ церкви и указать трехъ изъ своей среды, которые и были разстрѣляны. Нѣмцы вообще довели военный терроръ до совершенства. Они брали заложниковъ изъ среды гражданскаго населенія и отсылали ихъ въ Германію. Они ставили на паровозы почетныхъ лицъ—мэровъ, муниципальныхъ совѣтниковъ, крупныхъ собственниковъ,—чтобы удерживать вольныхъ стрѣлковъ отъ устройства крушенія поѣздовъ. Чтобы заставить нансійскихъ мастеровыхъ явиться на реквизиціонныя работы, они пригрозили въ противномъ случаѣ разстрѣлять ихъ надсмотрщиковъ.

Морскія операціи.—У нѣмцевъ тогда не было военнаго флота, и побѣжденные могли во вторую половину войны безпрепятственно получать изъ Америки оружіе и боевые запасы. Зато и Франція, въ началѣ войны замышлявшая высадку на берегахъ Балтики, должна была послѣ первыхъ пораженій призвать своихъ моряковъ въ армію. Поэтому на морѣ разыгрались лишь незначительныя операціи. 24 іюля французская эскадра подъ командою Боюэ-Вильомеца отплыла изъ Шербурга въ присутствіи императрицы и при кликахъ толпы; она недолго покрейсировала въ Балтійскомъ морѣ и скоро вернулась, пустивъ нѣсколько ядеръ въ прусскія канонерки на высотѣ Рюгена. Другая эскадра, подъ командою адмирала Фуришона, явилась въ Сѣверномъ морѣ и бросила якорь въ Гельголандѣ; но и она не предприняла никакихъ серьезныхъ дѣйствій по причинѣ дурной погоды. Въ декабрѣ флотъ, командуемый адмираломъ Гейдономъ, показался въ Балтикѣ, на Сѣверномъ морѣ, въ устьѣ Эльбы, и забралъ нѣсколько торговыхъ судовъ. Въ отместку прусскій корветъ *Августа* въ январѣ 1871 г. потопилъ въ устьѣ Жиронды два торговыхъ судна и одинъ пароходъ, нагруженный провіантомъ, и послѣ этого доблестнаго подвига поспѣшно спрятался въ испанскомъ портѣ Виго. 9 ноября 1870 г. произошло морское сраженіе въ водахъ Гаванны между французскимъ авизо *Le Bouvet* и прусской канонеркой *Метеоромъ*. На *Bouvet* ядромъ пробило котелъ, на *Метеорѣ* сбило большую мачту и фокъ-мачту, и оба судна отправились въ нейтральный портъ Гаванну чинить свои аваріи.

Національная оборона.

VII.—Луарская армія.

4 сентября, въ то время, когда Законодательный корпусъ обсуждалъ положеніе дѣлъ, толпа ворвалась въ залу засѣданій. Чтобы устранить будущихъ вождей коммуны, Гамбетта, Фавръ и Ферри отправились въ ратушу и тамъ провозгласили республику. Тотчасъ же организовалось „правительство національной обороны". Въ него вошли всѣ парижскіе депутаты, исключая Тьера, именно: Эммануэль Араго, Кремье, Фавръ, Ферри, Гамбетта, Гарнье Пажэ, Глэ-Бизуанъ, Пельтанъ, Пикаръ, Рошфоръ, котораго предпочли „имѣть внутри, чѣмъ снаружи", Жюль Симонъ и генералъ Трошю. Назначенный недавно губернаторомъ Парижа, Трошю въ видахъ сплоченія арміи потребовалъ, чтобы его выбрали президентомъ, что и было исполнено безъ преній. Министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ Гамбетта, финансовъ—Пикаръ, юстиціи—Кремье, народнаго просвѣщенія—Симонъ, иностранныхъ дѣлъ—Фавръ, военнымъ—генералъ Ле Фло, морскимъ—адмиралъ Фуришонъ. Мэромъ Парижа былъ сдѣланъ Этьенъ Араго, его товарищами—Бриссонъ и Флокэ. Ферри въ званіи делегата исполнялъ обязанности Сенскаго префекта.

Однимъ изъ первыхъ дѣйствій новаго правительства былъ созывъ Учредительнаго собранія на 16 октября. Но для производства выборовъ нужно было перемиріе, и послѣ свиданія Фавра съ Бисмаркомъ въ Ферьерѣ (20 сентября) рѣшено было ихъ отсрочить. Министръ иностранныхъ дѣлъ заявилъ, что Франція не уступитъ ни одной пяди земли, ни одного камня въ своихъ крѣпостяхъ; на это Бисмаркъ отвѣтилъ ему, что Германія требуетъ Страсбургъ, *ключъ своего дома*, и условіями перемирія поставилъ сдачу Бича, Туля и Страсбурга, продолженіе войны вокругъ Меца и оккупацію нѣмцами Мóнъ-Валеріана. Но правительство національной обороны отказалось сложить оружіе. „Врагъ даетъ намъ на выборъ,—сказало оно,—позоръ или долгъ; колебаній быть не можетъ. Парижъ будетъ обороняться до послѣдней возможности, департаменты поддержатъ его, и съ Божьей помощью Франція будетъ спасена".

Правительство осталось въ Парижѣ. Хотя послѣдній, находившійся въ осадномъ и военномъ положеніи, не могъ теперь считаться административнымъ центромъ, но онъ былъ центральнымъ пунктомъ обороны, и считалось, что власть должна находиться тамъ, гдѣ опасность всего больше.

Между тѣмъ три члена правительства—старый Кремье, взбалмошный Глэ-Бизуанъ и адмиралъ Фуришонъ, человѣкъ способный и благоразумный, но слишкомъ осторожный и мало-извѣстный—отправились въ Туръ, чтобы организовать силы провинціи. Войною руководилъ Фуришонъ. 17 сентября, когда по распоряженію его двухъ товарищей генералы, командовавшіе территоріальными дивизіями, были подчинены гражданскимъ комиссарамъ, онъ подалъ въ отставку.

Артенэ и первое взятіе Орлеана.—Но въ Буржѣ сформировался новый армейскій корпусъ, 15-й, подъ командой генерала де ля Моттеружъ, насчитывавшій 60.000 человѣкъ. 10 октября, у Артенэ, его авангардъ попытался остановить прусскія и баварскія войска, которыя фонъ-деръ Таннъ и Виттихъ вели на Орлеанъ. Онъ былъ отбитъ, и на слѣдующій день нѣмцы заняли Орлеанъ послѣ ожесточеннаго боя въ его окрестностяхъ и предмѣстьяхъ.

Шатодёнъ.—Спустя восемь дней (18 октября) Виттихъ двинулся на Шатодёнъ, между тѣмъ какъ фонъ-деръ-Таннъ остался въ Орлеанѣ. Виттихъ наткнулся на вольныхъ стрѣлковъ подъ командой Липовскаго и національную гвардію Шато-

дѣна, которые нѣсколько часовъ, до полуночи, упорно дрались на улицахъ и въ домахъ. Храбрый городъ былъ наполовину сожженъ, но его оборона пріобрѣла заслуженную славу.

Гамбетта и Фрейсинэ.—Оборона провинцій сдѣлалась теперь болѣе энергичной. Ея душою былъ Гамбетта, самый молодой, самый смѣлый, самый кипучій изъ членовъ правительства. 8 октября этотъ пылкій трибунъ, совершенно несвѣдущій въ военныхъ дѣлахъ, но полный энергіи и патріотизма, обуянный страстной жаждой мщенія, покинулъ Парижъ на воздушномъ шарѣ и спустился близъ Мондидье. На слѣдующій день онъ былъ въ Турѣ. Ему принадлежалъ первенствующій голосъ, и онъ сразу занялъ посты министровъ внутреннихъ дѣлъ и военнаго.

Въ качествѣ военнаго министра ему нуженъ былъ помощникъ, правая рука. Онъ остановилъ свой выборъ на одномъ горномъ инженерѣ, бывшемъ начальникѣ движенія Южныхъ желѣзныхъ дорогъ, назначенномъ тотчасъ послѣ 4 сентября префектомъ Тарна-и-Гаронны, Шарлѣ Фрейсинэ. Человѣкъ образованный, проницательный, работящій, положительный и флегматичный, умѣвшій подчасъ властнымъ тономъ дѣлать полезныя указанія, Фрейсинэ отнюдь не былъ стратегомъ; онъ думалъ, что войско можетъ совершать движенія на полѣ битвы съ той же быстротой и точностью, съ какою дѣлаются эти распоряженія въ кабинетѣ; онъ не умѣлъ сообщить оборонѣ общій импульсъ и направленіе; онъ не понялъ, что лучшей оборонительной системой является партизанская война, война, состоящая не изъ правильныхъ битвъ и стройныхъ передвиженій, а изъ мелкихъ стычекъ, которыя въ концѣ-концовъ доводятъ врага до изнуренія, что нужны не крупныя попытки съ цѣлью выручить Парижъ изъ осады, а стычки, внезапныя нападенія, мелкія операціи, которыя отрѣзывали бы врагу сообщеніе. А Гамбетта считалъ его вторымъ Карно. Какъ и всѣ французы со времени пораженій подъ Фрешвилеромъ и Седаномъ, онъ считалъ всѣхъ военныхъ ограниченными людьми, способными только осуществлять замыслы ученыхъ стратеговъ. Онъ мечталъ, „порвавъ съ традиціей, возобновить легендарныя чудеса 1792 и 93 гг. Онъ вѣрилъ, что Франція, обновленная установленіемъ республики, отразитъ иноземное нашествіе могучимъ порывомъ, какъ въ концѣ XVIII вѣка, и клялся, что народъ покажетъ дверь деспоту. Онъ забывалъ, что добровольцы навлекли много невзгодъ на революцію своей недисциплинированностью и трусостью, что первую республику спасла не храбрость ея ополченій, а разногласія въ средѣ коалиціи, что въ 1793 г. нѣмцы, нерѣшительные и малочисленные, топтались на одномъ мѣстѣ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ границы, а теперь, объединенные, побѣдоносные, неисчислимые, они стоятъ не на Зауерѣ и Шельдѣ, а на Сенѣ и Луарѣ, въ сердцѣ Франціи“ [1]).

Однако Гамбетта и Фрейсинэ съ помощью директоровъ министерства—Ловердо, Гака, Тума—развивали необычайную дѣятельность. Они спасли честь французскаго имени. Большинство генераловъ, привлеченныхъ ими къ командованію, признало, что Делегація сумѣла путемъ быстрыхъ и энергичныхъ мѣропріятій подкрѣпить дѣйствующіе корпуса и, несмотря на суровую зиму и загроможденіе желѣзнодорожныхъ линій, обезпечить солдата всѣмъ необходимымъ. 238 новыхъ баттарей было сформировано и 11 армейскихъ корпусовъ въ составѣ 600.000 человѣкъ выросли точно изъ-подъ земли, другими словами—по 2 баттареи и 5.000 человѣкъ въ день!

Къ знаменамъ были призваны всѣ остатки запаса, бывшіе солдаты моложе 35 лѣтъ, наборъ 1870 года, всѣ gardes

---

[1]) Сравн. A. Chuquet, *La Guerre de 1870—71*, стр. 168.

mobiles и т. наз. мобилизованные или vieux garçons, наконецъ всѣ національные гвардейцы, холостые и овдовѣвшіе безъ дѣтей, моложе 40 лѣтъ. Но офицеровъ не хватило. Новый штатъ офицеровъ былъ почти такъ же неопытенъ, какъ солдаты, и не умѣлъ внушить имъ привычки послушанія. И могли ли устоять противъ смѣтливаго, ловкаго въ передвиженіяхъ, самоувѣреннаго и выносливаго врага, воодушевленнаго своими успѣхами, эти сводные полки, эти батальоны garde mobile, эти мобилизованные,—все новыя, необученныя, недисциплинированныя войска, порывисто-отважныя, но неспособныя долго терпѣть усталость, стойко переносить лишенія и упорно добиваться важныхъ результатовъ, обезкураженныя, унылыя, недовѣрчивыя и, противъ обыкновенія, не привыкавшія воевать, хотя и воевавшія безпрерывно? „Какъ бы ни былъ великъ патріотизмъ націи,—сказалъ Бисмаркъ Жюлю Фавру, — она не можетъ вдругъ создавать арміи, и если бы можно было превратить гражданина въ солдата, давъ ему въ руки ружье, глупо было бы тратить наибольшую часть народнаго богатства на содержаніе постоянныхъ армій".

Кульмьеръ. — Гамбетта дебютировалъ блестящимъ успѣхомъ. Покинувъ Орлеанъ, Ля Моттеружъ отвелъ свой 15-й корпусъ въ полномъ разстройствѣ въ Ля Фертэ Сентъ-Обэнъ на лѣвомъ берегу Луары. Онъ былъ отставленъ за то, что въ сраженіи подъ Артенэ употребилъ въ дѣло лишь часть своихъ силъ. На его мѣсто назначили д'Орелль де Паладина, твердаго и строгаго человѣка. Онъ собралъ свое войско въ Сальбрисѣ и не безъ успѣха постарался обучить его, поднять его нравственный уровень и, какъ выразился Фрейсинэ, обработать его своей суровой дисциплиной. Вскорѣ д'Ореллю было ввѣрено командованіе, кромѣ 15-го, еще 16-мъ корпусомъ, сформированнымъ въ Блуа и находившимся подъ начальствомъ сперва Пурсэ, потомъ Шанзи. Этимъ двумъ корпусамъ Делегація поручила вернуть Орлеанъ.

Они исполнили свою задачу съ успѣхомъ. 9 ноября Луарская—или, какъ ее обыкновенно называли, Первая луарская армія—за два дня до того выдержавшая сраженіе при Вальерѣ, одержала единственную полную и неоспоримую побѣду, какая досталась Франціи въ эту кампанію.

Генералъ фонъ-деръ-Таннъ, предупрежденный во-время, очистилъ Орлеанъ и сосредоточилъ свои 15.000 человѣкъ вокругъ Кульмьера. Но онъ не могъ устоять противъ атаки 60.000 французовъ, которые шли на него по этой голой и почти гладкой широкой равнинѣ двумя линіями, въ отличномъ порядкѣ, точно на смотру. Воодушевленные примѣромъ своихъ генераловъ, шедшихъ впереди, молодые французскіе солдаты штурмомъ взяли деревни, окопанныя и укрѣпленныя баварцами, — Бакконъ, Кульмьеръ, Жемини, Розьеръ, Шанъ, Ормето. Въ 4 часа пополудни Таннъ отступилъ къ Артенэ. Онъ былъ разбитъ, но не вполнѣ, какъ надѣялась турская Делегація. Одинъ кавалерійскій генералъ [1]), получивъ приказаніе обойти его, напрасно подвергъ его бомбардировкѣ, а Мартэнъ де Пальеръ, приближавшійся на Жіанъ, чтобы загородить ему путь, опоздалъ; французы думали, что врагъ будетъ дольше сопротивляться, и Мартэнъ де Пальеръ долженъ былъ выступить лишь 10-го вечеромъ или 11-го утромъ.

Д'Орелль былъ назначенъ главнокомандующимъ Луарской арміи, и наиболѣе нетерпѣливые думали, что онъ двинется

[1]) Это былъ генералъ Рейо, изъ запаса, впрочемъ, прекрасный кавалерійскій офицеръ, умѣвшій маневрировать по правиламъ Сомюра. Завидя колонну, приближавшуюся по Шатодѐнской дорогѣ и оказавшуюся впослѣдствіи партизанскимъ отрядомъ Липовскаго, онъ повернулъ въ полъ-оборота; за это онъ былъ немедленно отставленъ правительствомъ.

къ Парижу и прорветъ линію обложенія. Но благоразумный д'Орелль понялъ, что его войска еще недостаточно закалены въ боевомъ огнѣ и слишкомъ плохо вооружены, чтобы рискнуть на это безразсудное наступленіе, и расположился въ Орлеанскомъ лѣсу, устроивъ себѣ обширный укрѣпленный лагерь, который простирался отъ Шапеля до Луары мимо Жиди и Шевильи. Къ тому же онъ зналъ, что принцъ Фридрихъ-Карлъ, освободившись послѣ сдачи Меца, форсированными маршами ведетъ отъ Меца три своихъ корпуса—III-ій подъ командой Константина Альвенслебена, IX-ый подъ командой Манштейна и X-й подъ командою Фойгтсъ-Реца,—и онъ хотѣлъ имѣть свои войска подъ рукою и сосредоточенными, чтобы выждать съ ними атаку нѣмцевъ въ хорошо изученной и тщательно вооруженной позиціи, снабженной траншеями и защищенной дальнобойными морскими орудіями.

Бонъ-ля-Роландъ.—Но Делегація, озабоченная прежде всего мыслью о снятіи осады Парижа, который она считала „главной сутью", въ своемъ лихорадочномъ возбужденіи торопила д'Орелля выйти изъ лѣса. Она отдала въ его распоряженіе, кромѣ 17-го корпуса подъ начальствомъ Шанзи, три новыхъ корпуса—17, 18 и 20-й подъ командою Сони, Бильо и Круза. Почему же не идти впередъ со всѣми этими силами, достигавшими 250.000 человѣкъ? Делегація не думала о томъ, что большинство этихъ людей—не солдаты, и что эти многочисленные полки, не организованные и не обученные, плохо снаряженные, плохо одѣтые, плохо вооруженные и далеко не готовые къ бою, не смогутъ устоять противъ нѣмцевъ.

Спѣша дѣйствовать или, какъ она сама говорила, сдѣлать что-нибудь, Делегація взяла на себя руководство операціями обоихъ крыльевъ арміи. 24 ноября она двинула на Питивьеръ 1-ую дивизію 16-го корпуса, подъ командою Мартэна де Пальера, и два корпуса Круза и Бильо. Но Мартэнъ де Пальеръ застрялъ на плохихъ дорогахъ изъ Шиллёръ-о-Буа въ Лури, а стычки при Ладонѣ и Мезьерѣ, гдѣ три бригады Фойгтсъ-Реца наткнулись на войска Круза и Бильо, только заставили Фридриха-Карла быть насторожѣ.

Спустя четыре дня, 28 ноября, по предписанію Делегаціи, 18-й и 20-й корпуса, соединенные подъ начальствомъ Круза, снова двинулись впередъ, и результатомъ этого наступленія опять былъ лишь рядъ безплодныхъ и кровопролитныхъ сраженій. Круза взялъ Сенъ-Лу, Нанкрэ, Батильи, но встрѣтилъ подъ Бонъ-ля-Роландомъ очень упорное сопротивленіе. Бильо овладѣлъ Мезьеромъ, Жюранвилемъ, Лорси, Котеллемъ, но лишь ночью поспѣлъ на выручку Круза, который тѣмъ временемъ отступилъ. Въ этомъ сраженіи, какъ позднѣе на берегахъ Лизэнъ, нѣмцы, увѣренные въ своей стойкости, широко раскинулись; какъ ни была жидка ихъ боевая линія, она побѣдоносно выдерживала натискъ французовъ, и Фойгтсъ-Рецъ, стоявшій одинъ со своимъ X-мъ корпусомъ, введшій въ бой всѣ свои войска до послѣдняго человѣка и уже совершенно лишенный резерва, отбивался на всѣ стороны до прибытія двухъ кавалерійскихъ дивизій, которыя прислалъ ему Альвенслебенъ.

Луаньи-Пупри.—Въ эту минуту депеша, отправленная изъ Парижа на воздушномъ шарѣ, возвѣстила, что изъ столицы выступила армія, идущая навстрѣчу Луарской арміи. Воздушный шаръ упалъ въ Норвегіи, и депеша прибыла съ опозданіемъ въ тотъ самый день, когда состоялось выступленіе. Делегація велѣла немедленно идти къ Фонтенебло чрезъ Питивьеръ и Бонъ-ля-Роландъ. Но войска, раскинутыя на протяженіи шестидесяти километровъ, не могли поддерживать другъ друга. Слѣва, одинъ въ Сенъ-Пе-

рави, другой—въ Маршнуарскомъ лѣсу, стояли 16-й корпусъ Шанзи и 17-й Сони, поспѣшно прибывшій изъ Шатодена, куда правительство, введенное въ заблужденіе ложными слухами, зря послало его; въ центрѣ, впереди Орлеана,—15-й корпусъ, которымъ лично командовалъ д'Орелль и въ составъ котораго входили дивизіи Мартэна де Пальера, Мартино и Пейтавэна; справа, у Бельгарда, по направленію къ Жіану,—18-й и 20-й корпуса Бильо и Круза.

Всего дальше долженъ былъ пройти Шанзи. Онъ выступилъ первымъ и 1 декабря выгналъ фонъ деръ Танна съ его баварцами изъ нѣсколькихъ деревень—Гильонвилля, Гомьера, Терминьера, Фаверолля и Виллепіюна.

Но 2 декабря передъ Шанзи оказались всѣ силы великаго герцога Мекленбургскаго, которому Мольтке поручилъ прикрывать дорогу на Парижъ: къ баварцамъ присоединились двѣ пѣхотныя и три кавалерійскія дивизіи. Несмотря на свою энергію и энергію своихъ помощниковъ, Барри и Жорегиберри, Шанзи безуспѣшно пытался взять Люмо и замокъ Гури. Онъ потерялъ Луаньи въ ту самую минуту, когда Сони, служившій ему резервомъ, прибылъ изъ Патэ. Сони имѣлъ въ своемъ распоряженіи только артиллерію, одну бригаду, gardes mobiles отъ Côtes-du-Nord и папскихъ зуавовъ или добровольцевъ западной Франціи. Онъ установилъ свои баттареи въ Виллепіонѣ и послалъ 51-й сводный полкъ къ Луаньи. Но этотъ полкъ бѣжалъ. Внѣ себя, Сони съ 300 папскихъ зуавовъ кинулся къ Луаньи подъ градомъ ядеръ; онъ взялъ одну ферму—Виллуръ,—но не достигъ Луаньи; онъ самъ палъ, тяжело раненый, и съ нимъ начальникъ его штаба Буйлье и полковникъ Шареттъ; спаслись только 60 зуавовъ.

Двѣ дивизіи 15-го корпуса—Мартино и Пейтавэна,—поддерживавшія правое крыло Шанзи, были отброшены—одна у мельницы Мораля, другая передъ деревней Пупри.

Вторичное взятіе Орлеана.—Это пораженіе при Луаньи-Пупри заставило Луарскую армію отступить. На ея лѣвомъ флангѣ одна изъ трехъ дивизій Шанзи, дивизія Моранди, ушла въ Гюэтръ, за линіями Орлеанскаго лѣса, и помощники Сони увѣряли, что 17-й корпусъ изнуренъ и неспособенъ къ дальнѣйшимъ передвиженіямъ. На его правомъ флангѣ корпуса Бильо и Круза, которыми до тѣхъ поръ командовалъ Фрейсинэ и которые онъ слишкомъ поздно передалъ д'Ореллю, стояли слишкомъ далеко, чтобы быть сколько-нибудь полезными, и, будучи разъединены въ битвѣ при Бонъ-ля-Роландѣ, допустили генерала Гартмана, располагавшаго всего одной конной дивизіей изъ четырехъ батальоновъ и шестью орудіями, запереть имъ всѣ выходы. Оставался центръ, занятый 15-мъ корпусомъ, который уже значительно пострадалъ въ битвѣ подъ Пупри. Фридрихъ-Карлъ легко сокрушилъ его концентрической атакой. Прогнанный 3 декабря изъ Шиллёръ-о-Буа и Шевильи, этотъ корпусъ принужденъ былъ отступить въ крайнемъ разстройствѣ и не могъ удержаться даже за насыпями и траншеями, возведенными съ такимъ трудомъ впереди Орлеана. Солдаты и офицеры были деморализованы. Они наполняли кабаки и кафе. Тщетно д'Орелль и его штабъ старались собрать эти разсѣянныя банды и вести ихъ въ бой. Пальеръ, собравъ остатки трехъ дивизій 15-го корпуса, нѣкоторое время прикрывалъ доступъ къ городу съ помощью морской артиллеріи, которою командовалъ флотскій капитанъ Рибуръ. Но 4 декабря, въ половинѣ 12-го вечера, онъ эвакуировалъ Орлеанъ. Делегація возложила всю отвѣтственность за катастрофу на д'Орелля: она обвиняла его въ томъ, что онъ не сосредоточилъ своихъ войскъ, что „не противопоставилъ одновременно всю массу своихъ

силъ непріятельскимъ атакамъ",—хотя д'Орелль въ своихъ депешахъ безпрестанно протестовалъ противъ дробленія своей арміи, — и лишила его командованія.

Жонъ.—Первой луарской арміи болѣе не существовало. Шанзи, будучи не въ силахъ исполнить приказаніе д'Орелля—идти къ Орлеану, оставался съ 16-мъ и 17-мъ корпусами на правомъ берегу рѣки. Остальныя войска, т.-е. 15-й, 18-й и 20-й корпуса, перешли на лѣвый берегъ: 15-й по Орлеанскому каменному мосту, котораго за недостаткомъ пороха не взорвалъ за собою, 18-й по висячему мосту въ Сюлли, 20-й—по мосту Жаржо.

Правительство, которому стала грозить опасность, 8 декабря покинуло Туръ и перебралось въ Бордо. Но оно не падало духомъ и Гамбетта заявлялъ, что онъ недоступенъ отчаянію. Оно сформировало двѣ арміи: вторую луарскую подъ начальствомъ Шанзи, изъ 16-го и 17-го корпусовъ, и будущую восточную армію, подъ командою Бурбаки, составленную изъ 15-го, 18-го и 20-го корпусовъ, которые повернули къ Буржу, чтобы оправиться отъ лишеній и смертельной усталости.

Шанзи былъ настоящій полководецъ: твердъ, непоколебимъ, одушевленъ до конца надеждою на успѣхъ. Мыслью о наступленіи онъ старался одушевить войска и внушить имъ смѣлость; въ душѣ своей онъ твердо рѣшилъ освободить Парижъ и, по его собственному выраженію, цѣплялся за эту мысль.

Отступивъ за рощу Монпипо, онъ загородилъ ту просѣку, по которой долженъ былъ бы пройти непріятель, направляясь изъ Орлеана въ Туръ, и вечеромъ 5 декабря расположился въ Жонѣ, въ неровной мѣстности, простирающейся отъ Лоржа до Божанси, опершись слѣва о Маршнуарскій лѣсъ, справа—о Луару. Отнынѣ его армія состояла изъ трехъ корпусовъ: 16-го, подъ командою адмирала Жорегиберри, 17-го, подъ командою генерала Коломба, и 21-го, только что сформированнаго въ Мансѣ и состоявшаго подъ начальствомъ флотскаго капитана Жореса.

7 декабря великій герцогъ Мекленбургскій атаковалъ Шанзи. Бой оказался нерѣшительнымъ: у Месса французы отступили, зато они вытѣснили непріятеля изъ Кравана и Бомона и удержали свои линіи, такъ что ночевали на своихъ прежнихъ позиціяхъ.

8-го Таннъ и великій герцогъ начали сраженіе, извѣстное подъ именемъ Божанси или Виллорсо. Огонь шаспо и митральезъ производилъ сильныя опустошенія въ ихъ войскахъ; они оставили въ рукахъ французовъ Бомонъ и Ле Мей; одну минуту генералъ фонъ деръ Таннъ былъ въ очень критическомъ положеніи, и къ концу боя у него истощились боевые запасы и онъ располагалъ всего двумя ротами, которыя не рѣшался бросить „въ этотъ адъ, гдѣ онѣ испарились бы, какъ капля воды на огнѣ". Но на крайнемъ правомъ флангѣ Шанзи колонна Камо принуждена была эвакуировать Вернонъ, Месса и Божанси.

Шанзи однако не отступилъ. Онъ увелъ свое правое крыло на высоты Тавера и сопротивлялся весь день 9 декабря съ прежнимъ упорствомъ; онъ очистилъ Вильжуанъ и Ориньи, но оттѣснилъ прусскіе батальоны за лощину Тавера.

10-го онъ вернулъ себѣ Ориньи, и если нѣмцы снова заняли Вильжуанъ, зато онъ овладѣлъ замкомъ Кудрэ.

Вандомъ.—Было замѣчено, что этотъ четырехдневный бой является, можетъ быть, славнѣйшимъ моментомъ національной обороны. Таннъ не скрывалъ, что пѣхота I-го баварскаго корпуса совершенно изнурена: съ 1 декабря она потеряла на полѣ битвы треть солдатъ и больше половины офицеровъ. Но Фридрихъ-Карлъ подоспѣлъ на помощь къ великому герцогу. Войска его IX-го корпуса приближались лѣвымъ берегомъ Луары, они

взяли замокъ Шамборъ внезапнымъ нападеніемъ и явились передъ Блуа. Шанзи грозила опасность обхода, и въ этомъ критическомъ положеніи онъ призвалъ къ себѣ на помощь Бурбаки и поручилъ ему, двинувшись тотчасъ на Орлеанъ, остановить Фридриха-Карла. Но Бурбаки отвѣтилъ, что не можетъ требовать наступленія отъ своей изнуренной арміи. Шанзи настаивалъ, и правительство поддержало просьбу генерала своимъ приказаніемъ. Бурбаки опять—и справедливо—возразилъ указаніемъ на полное обнищаніе своихъ солдатъ, терпѣвшихъ нужду въ одеждѣ и продовольствіи, на жалкое состояніе исхудавшихъ и исцарапанныхъ по всему тѣлу лошадей, на крайнюю усталость своей арміи, которая неминуемо распадется, лишь только двинется впередъ. Шанзи 11 декабря отступилъ къ Вандому, и 13-го двинулся вдоль Луары.

Фридрихъ-Карлъ послѣдовалъ за нимъ со всѣми своими силами. 14 декабря онъ взялъ Фретеваль, на слѣдующій день—Бель-Эссоръ. Шанзи принужденъ былъ отодвинуться еще дальше. Подъ непрерывнымъ дождемъ и въ жестокій холодъ онъ направился къ Мансу. Цѣлые батальоны распались; множество солдатъ тащились сзади колоннъ или разошлись по фермамъ. Иные умышленно задерживались или уходили въ сторону, чтобы попасть въ плѣнъ къ уланамъ; другіе опережали войско, спѣша попасть въ Мансъ, гдѣ надѣялись обрѣсти покой и конецъ своимъ страданіямъ. Но Шанзи почти не былъ обезпокоенъ въ дорогѣ. Фридрихъ-Карлъ, обманутый диверсіей Бурбаки, выгнавшаго изъ Жіана баварскій отрядъ, поспѣшилъ къ Орлеану.

Мансъ.—Прибывъ въ Мансъ 19 декабря, Шанзи поспѣшно реорганизовалъ свою армію, перенесшую столь тяжкія испытанія. Спустя четыре дня двѣ летучія колонны подъ начальствомъ Руссо и Жуффруа отправились—одна къ Ножанъ-лэ-Ротру, другая къ Вандому—съ цѣлью вывѣдать положеніе непріятеля и маскировать движеніе къ Парижу, которое думалъ произвести настойчивый генералъ. Эти двѣ колонны сначала имѣли успѣхъ въ нѣсколькихъ мелкихъ дѣлахъ, и колонна Жуффруа добралась до предмѣстій Вандома; но скоро онѣ были принуждены отступить предъ болѣе значительными непріятельскими силами: подошли великій герцогъ Мекленбургскій и Фридрихъ-Карлъ, первый чрезъ Ножанъ-лэ-Ротру и долину Гюиня, второй со своими тремя корпусами, III, IX и X, подъ командой Альвенслебена, Манштейна и Фойгтсъ-Рецa, чрезъ Сенъ-Калэ, Вандомъ и Туръ. Противъ Шанзи выступили, такимъ образомъ, 58.000 пѣхотинцевъ, 15.000 кавалеристовъ и 300 орудій.

6 января начался рядъ битвъ, объединяемыхъ нѣмцами подъ названіемъ сраженія при Мансѣ или „семи дней предъ Мансомъ". Бой жарко кипѣлъ на этой волнистой, неровной мѣстности, перерѣзанной изгородями и отлогостями, удобной для оборонительной войны,—а къ топографическимъ препятствіямъ прибавилась еще отвратительная погода: снѣжная метель мѣшала видѣть вдаль, вслѣдствіе оттепели образовалась глубокая грязь, замедлявшая движеніе, а наступившій вслѣдъ за оттепелью морозъ образовалъ гололедицу, благодаря которой дороги сдѣлались скользкими и почти непроходимыми. Но нѣмцы приближались съ увѣренной медлительностью, и по ихъ собственнымъ словамъ, войска, которыми они собирались сломить энергичное сопротивленіе Шанзи, были отборныя, закаленныя войска—*Kerntruppen.*

9 января великій герцогъ Мекленбургскій на своемъ правомъ флангѣ отнялъ у генерала Руссо деревни Коннеррэ и Торинье; въ центрѣ Альвенслебенъ занялъ Арденэ, а за нимъ надвигался Манштейнъ; на лѣвомъ флангѣ показался Фойгтсъ-Рецъ.

10-го нѣмцы овладѣли Париньe-л'Эвекъ и Шанжэ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ французы дрались геройски. Но ихъ генералы единодушно увѣряли, что солдаты изнемогаютъ и способны еще развѣ только защищать позиціи; за наступленіе высказался одинъ Шанзи.

Рѣшительный бой разыгрался 11 января въ мѣстности, покрытой снѣгомъ, при холодной и ясной погодѣ. Героемъ этого, какъ и слѣдующихъ дней, былъ Жоресъ, стойко державшійся противъ великаго герцога Мекленбургскаго между Сартой и Гюинемъ, на возвышенности Саржэ, къ сѣверу отъ Манса. Онъ удержалъ за собою Пон-де-Женнъ, и герцогу Мекленбургскому не удалось соединиться съ Фридрихомъ-Карломъ.

Въ центрѣ, между Гюинемъ и дорогой на Сенъ-Калэ, Коломбъ боролся съ Альвенслебеномъ и Манштейномъ. Онъ потерялъ деревню Шампане и, несмотря на храбрость флотскаго капитана Гужара, большую часть плоскогорья Овуръ, зато онъ удержалъ въ своихъ рукахъ Иврэ-л'Эвекъ.

Въ виду этихъ обстоятельствъ Шанзи не терялъ надежды на успѣхъ и одобрительно отзывался о поведеніи своей арміи. Но при наступленіи ночи французскій правый флангъ, гдѣ Жорегиберри при содѣйствіи Жуффруа и Рокебрюна до сихъ поръ держался твердо, вдругъ попалъ въ критическое положеніе: авангардъ Фойгтсъ-Реца, подходившій по Турской дорогѣ, подъ прикрытіемъ ночи внезапно напалъ на „мобилизованныхъ" Иль-э-Вилэна, на холмѣ Тюильри. Французы сдѣлали попытку вернуть себѣ эту позицію, но войска разсѣялись, и какъ въ теченіе ночи, такъ и на зарѣ, оказалось невозможнымъ собрать ихъ въ одно мѣсто: солдаты отказывались идти и на снѣгу укладывались спать. Такое же смятеніе воцарилось повсюду. Ни одинъ генералъ не ручался за своихъ солдатъ. Утромъ дивизія Париса, охваченная паникой, очистила возвышенность Овуръ.

12 января Шанзи, за два дня до того формально запретившій и думать объ отступленіи и заявившій, что нужно держаться до послѣдней крайности, Шанзи, плача отъ бѣшенства, оставилъ Мансъ. Сначала онъ рѣшилъ отступить къ Алансону, чтобы остаться поближе къ Парижу; но по приказанію правительства онъ отступилъ къ Лавалю, чтобы утвердиться за Майенной. 21-й корпусъ Жореса еще держался твердо; онъ прикрывалъ отступленіе, а 13-го у Силлэ-ле-Гильомъ жаркой ружейной пальбой и залпами картечи отбросилъ нѣмецкую колонну, преслѣдовавшую разбитыхъ при Мансѣ. Но другая колонна, подъ командой генерала Шмидта, оказалась счастливѣе 14 и 15 января въ бояхъ при Шассилье и Сенъ-Жанъ-сюръ-Эрвъ, гдѣ она захватила большой обозъ и около тысячи плѣнныхъ изъ 16-го корпуса. Этотъ корпусъ, какъ и 17-й, представлялъ собою теперь, по выраженію Жорегиберри, лишь толпу бѣглецовъ въ невообразимомъ смятеніи.

Правда, и непріятель былъ почти совершенно изнуренъ. Нѣкоторые нѣмецкіе полки потеряли двѣ трети своихъ офицеровъ; иными ротами командовали фельдфебели. Солдаты до того обносились, что надѣвали крестьянскіе холстинные штаны или синія брюки gardes mobiles, сорвавъ съ нихъ красную полосу; иные шли въ деревянныхъ башмакахъ, другіе остались въ однѣхъ гамашахъ. Но Луарская армія была въ конецъ истощена, и вмѣстѣ съ нею отпала послѣдняя и главная опора національной обороны. Между тѣмъ нѣмецкое нашествіе непрерывно раздвигало свои предѣлы: 17 января послѣ короткаго боя съ вольными стрѣлками Липовскаго великій герцогъ Мекленбургскій выступилъ въ Алансонъ, а 19-го колонна подъ начальствомъ генерала Гартмана заняла Туръ.

VIII.—Восточная армія и Бельфоръ.

Оборона Вогезовъ.—Ко второй половинѣ сентября въ Вогезахъ собралось нѣсколько батальоновъ мобилей и добровольцевъ. Генералу Камбріэлю было поручено соединить ихъ въ т. наз. „Восточный корпусъ". Но противъ него Дононской дорогой двинулся XIV нѣмецкій корпусъ подъ командой Вердера. Несмотря на храбрость національныхъ гвардейцевъ, защищавшихъ Раонъ-л'Этапъ и Рамбервильеръ, несмотря на энергію генерала Дюпрэ, давшаго 9 октября генералу Дегенфельду злополучное сраженіе при Бюргонсѣ, и несмотря на схватки при Бровельерѣ и Брюйерѣ, нѣмцы заняли Эпиналь, Люръ и Люксейль.

Опасаясь быть окруженнымъ въ горахъ, Камбріэль отступилъ къ Безансону. Вердеръ погнался за нимъ, но Камбріэль занялъ превосходную позицію, къ которой лишь съ трудомъ можно было подступить и которую почти невозможно было обойти,—именно Шатильонъ-лэ-Дюкъ и Оксонъ-Дессю, на лѣвомъ берегу Оньона. При поддержкѣ безансонскаго гарнизона Восточный корпусъ 22 и 23 октября оттѣснилъ нѣмцевъ, которые бросились назадъ къ Дижону.

Взятіе Дижона.—Дижонъ могли защищать три арміи, едва заслуживавшія этого названія: Восточный корпусъ подъ начальствомъ Камбріэля, Вогезская армія, формировавшаяся въ Долѣ подъ начальствомъ Гарибальди, и Кот-д'Орская армія, которою тогда командовалъ полковникъ Фоконнэ. Но Камбріэль отказался идти на вѣрное пораженіе. Гарибальди, располагавшій еще только двумя бригадами, не тронулся съ мѣста. Фоконнэ одинъ вступилъ въ борьбу; онъ былъ смертельно раненъ, и Вердеръ 30 октября занялъ Дижонъ, который сталъ для нѣмцевъ новымъ продовольственнымъ центромъ.

Делегація отставила Камбріэля и назначила на его мѣсто Круза, а Восточный корпусъ, зачисленный теперь 20-мъ, присоединился къ Луарской арміи. Въ районѣ Соны и Роны остались только Вогезская армія и корпусъ, съ грѣхомъ пополамъ формировавшійся въ Ліонѣ среди мятежей стараніями префекта Шальмель-Лякура и генерала Брессоля.

Въ Вогезской арміи, которую Гарибальди привелъ изъ Доля въ Отэнъ, въ концѣ концовъ набралось 16.000 человѣкъ. Но она только парадировала, а ея командиръ, больной и дряхлый, вполнѣ подчинившійся вліянію начальника своего штаба, бывшаго аптекаря Бордона, дѣлалъ все на свой страхъ, не обращая вниманія на приказы правительства и, какъ выражался Бордонъ,—помимо чьего-либо вмѣшательства, съ безусловной независимостью. Между тѣмъ одинъ изъ сыновей Гарибальди, Ричьотти, 17 ноября при Шатильонѣ на Сенѣ врасплохъ разбилъ транспортный отрядъ. Спустя восемь дней Вогезская армія шла къ Дижону и заняла Паскъ и Пренуа. Но у Отвиля она была охвачена паникой, и 27 ноября поспѣшно вернулась въ Отэнъ. Генералъ Келлеръ погнался за нею по пятамъ съ одной бригадой; 1 декабря онъ смѣло ударилъ на Отэнъ, и если бы не мобили, мужественно выдержавшіе ударъ, если бы не безстрашіе одного поляка, Боссакъ-Гауке, городъ попалъ бы въ руки непріятеля.

Битвы при Нюи.—Эту неудачу гарибальдійцевъ искупилъ капитанъ генеральнаго штаба Кремеръ, которому Брессоль ввѣрилъ начальство надъ отрядомъ въ 6000 человѣкъ. 20 ноября онъ при Нюи разсѣялъ развѣдочный отрядъ, предводимый штабомъ Вердера, а 3 декабря онъ бросился навстрѣчу бригадѣ Келлера, шедшей изъ Отэна, и у Шатонѣфа перебилъ изъ нея болѣе 200 человѣкъ.

Мольтке предписалъ отбросить Кремера, чтобы изолировать Безансонъ и прикрыть осаду Бельфора. 18 декабря баденская

дивизія Глюмера атаковала Кремера у Нюи на плоской возвышенности Шо. Баденцы потеряли 900 человѣкъ; но въ то время какъ мобили Жиронды дрались мужественно, ронскіе „мобилизованные" отказались идти. Кремеръ отступилъ къ Бону и оттуда къ Шаньи.

Восточная кампанія [1]).—Тутъ-то и была произведена та памятная диверсія, которую принято называть Восточной экспедиціей и которая оказалась не то запоздалой, не то преждевременной: запоздалой—потому что лучше было выступить изъ Безансона въ октябрѣ и, опираясь правымъ флангомъ о Бельфоръ, лѣвымъ о Лангръ, вступить въ Лотарингію долинами Мааса и Мозеля, снова занять ущелья въ Вогезахъ, отрѣзать врага отъ Эльзаса и попытаться освободить Мецъ отъ блокады; преждевременной—потому что не надо было пускаться въ путь раньше, чѣмъ пройдутъ сильнѣйшие холода и чѣмъ удалось бы собрать въ Безансонѣ и на Юрскомъ плоскогорьѣ возможно больше войска и запасовъ.

Делегація рѣшила прогнать Вердера, стоявшаго на квартирахъ въ Дижонѣ, освободить осажденный Бельфоръ и перерѣзать нѣмецкія сообщенія. Исполненіе этой задачи было поручено арміи, насчитывавшей болѣе 100.000 человѣкъ. Въ ея составъ вошли четыре корпуса: 15-й—Мартино, 18-й—Бильо, 20-й—Клиншана, и 24-й — Брессоля, кромѣ того дивизія Кремера, а также резервъ подъ начальствомъ флотскаго капитана Паллю де ля Барьеръ. Ея главнокомандующимъ былъ Бурбаки. Но онъ уже утратилъ свой прежній пылъ; онъ повторялъ, что ставить все на карту можно только навѣрняка; онъ не вѣрилъ въ свои войска и былъ не въ силахъ увлекать ихъ за собою. Онъ боялся, какъ бы на него не пало подозрѣній. „Предвижу заранѣе, что случится, — сказалъ онъ; какъ только пойдетъ дождь или снѣгъ, солдаты станутъ вопить объ измѣнѣ, да и какъ мнѣ не измѣнить, разъ я былъ адъютантомъ императора!"

Начало экспедиціи было испорчено невѣроятной медлительностью. Бригады и дивизіи прибывали медленно по одноколейной желѣзной дорогѣ. Ни магазины, ни обозы не были заранѣе приготовлены.

Виллерсэксель.—Между тѣмъ на сторонѣ Бурбаки былъ такой большой численный перевѣсъ, что онъ безъ боя заставилъ генерала Вердера отступить отъ Дижона къ Везулю и 9 января разбилъ его у Виллерсэкселя. Ожесточенный бой шелъ не только въ Маратѣ и Муамэ, но и въ деревнѣ Виллерсэкселѣ и особенно въ громадномъ замкѣ Граммонъ, гдѣ нѣмцы занимали нижній этажъ, а французы первый этажъ и подвалы. Бурбаки выказалъ себя прежнимъ блестящимъ воиномъ. „Ко мнѣ пѣхота!—воскликнулъ онъ въ разгарѣ боя;—французская пѣхота разучилась ли атаковать?"

Эрикуръ.—Но вмѣсто того, чтобы торопиться и не медля послѣдовать за Вердеромъ, побѣдитель терялъ время, въ теченіе трехъ или четырехъ дней отдавая свое вниманіе ничтожнымъ демонстраціямъ на аванпостахъ. Вердеръ успѣлъ сосредоточить свою армію на линіи Лизэны—лѣвое крыло въ Монбельярѣ, центръ въ Эрикурѣ, правое крыло въ Шенебье, и его позиція, подъ защитою орудій большого калибра, присланныхъ ему осаждавшими Бельфоръ, была чрезвычайно сильна.

Можетъ быть, ему пришлось бы оставить ее, если бы Бурбаки исполнилъ маневръ, который рекомендовалъ ему подполковникъ Биго, начальникъ штаба безансонскаго губернатора, генерала Ролланда. Стоило 20.000-ному корпусу спуститься съ возвышенностей Бламонъ и Круа, спускающихся ступенями въ долину Алланъ между Монбельяромъ и Деллемъ и снабженныхъ по приказанію Биго редутами и насыпями;

[1]) Кое-какія подробности объ этой экспедиціи заимствованы изъ неизданныхъ записокъ полковника Биго.

стоило этому корпусу, фланги котораго были бы защищены справа швейцарской территоріей, слѣва долиной Дуба, спуститься въ долину Аллэнъ, гдѣ почти совсѣмъ не было войска, и занять плоскогорье Дамбенуа на лѣвомъ берегу Савурёзы, и корпусъ Вердера, обойденный и раздробленный на части, былъ бы принужденъ снять осаду Бельфора. Но Бурбаки, пообѣщавъ Биго предоставить ему для этой операціи первую дивизію 15-го корпуса, прислалъ ему только бригаду Мино, и когда она достигла Понъ-де-Руада и Бламона, онъ отозвалъ ее на правый берегъ Дуба, послѣ чего у Биго осталось всего 7.000 человѣкъ и онъ оказался не въ силахъ произвести задуманное имъ рѣшительное движеніе въ тылу Вердера.

Въ теченіе трехъ дней, 15—18 января, 130.000 французовъ на берегахъ Лизэны атаковали 45.000 нѣмцевъ. Нѣмецкая артиллерія повсюду оттѣснила французовъ, которые время отъ времени предпринимали безпорядочныя и слишкомъ удаленныя другъ отъ друга атаки на ея фронтъ, вмѣсто того, чтобы направить большую часть своихъ силъ на одинъ пунктъ, на край ея праваго фланга. Однако 16 января Кремеръ и адмиралъ Пеноа взяли Шенебье, лежащій всего въ девяти километрахъ отъ Бельфора, и удержали за собою эту деревню на слѣдующее утро, несмотря на повторныя атаки баденцевъ.

Но было уже поздно. Французы были истощены. Не всѣ дрались: треть ротъ участвовала въ бою, остальныя скрывались. Стояли сильные холода, проѣздъ былъ труденъ, и фуражъ подвозился очень медленно. Уже 8 января Бурбаки въ письмѣ къ Шанзи предсказалъ, какъ сильно повредитъ экспедиціи „трудность продовольствовать войска, когда они отдалятся отъ желѣзной дороги, и дурное состояніе дорогъ, ставшихъ почти непроѣздными вслѣдствіе гололедицы“. Онъ отступилъ къ Безансону.

Отступленіе къ Безансону. — Его рѣшеніе было обусловлено столько же опасностью, грозившей его сообщеніямъ, сколько изнуреніемъ его войскъ. На помощь Вердеру шла т. наз. Южная армія подъ командою Мантейфеля. Она состояла изъ двухъ прусскихъ корпусовъ, II-го, подъ командой Франсеки, и VII-го, подъ командой Застрова, прикрывавшихъ до сихъ поръ блокаду Парижа въ окрестностяхъ Монтаржи и Оксерра. Гарибальдійцы могли бы задержать ее въ ущельяхъ Кот-д'Ора, но они не тронулись съ мѣста, обманутые энергичной демонстраціей бригады Кеттлера, которая четыре дня, съ 20 по 24 января, держала ихъ подъ угрозой и дала имъ два побѣдоносныхъ боя, при Таланѣ и Пуйльи. Между тѣмъ Мантейфель прошелъ почти на глазахъ Гарибальди и, обойдя Дижонъ съ сѣвера, вышелъ въ бассейнъ Дуба и Оньона, съ цѣлью отрѣзать Бурбаки дорогу на Ліонъ и не оставить ему другого убѣжища, какъ трудныя дороги Юры.

По распоряженію Бурбаки Брессоль со своимъ 24-мъ корпусомъ занялъ линію верхняго Дуба и возвышенности Ломона; этимъ онъ прикрылъ себя противъ Вердера, которому онъ зашелъ во флангъ и котораго такимъ образомъ приковалъ къ мѣсту на правомъ берегу Дуба. Но противъ Мантейфеля Южная армія была задержана только на Оссельскомъ мосту и въ Салинскомъ ущельѣ; она перешла Дубъ во Фрезанѣ, Дампьерѣ и Долѣ, и Шоскимъ лѣсомъ вышла на позиціи у Біана и Аббанъ-Дессю, равно какъ и въ долину Лу. Она заняла шоссе и желѣзную дорогу изъ Безансона въ Ліонъ.

По совѣту начальника своего штаба Бореля, и подполковника Биго Бурбаки рѣшилъ теперь остаться въ Безансонѣ. Его планъ состоялъ въ томъ, чтобы, опираясь на Швейцарію и получая провіантъ по желѣзно-дорожнымъ линіямъ на Понтарлье и Бренэ, держаться на плоскогорьяхъ Юры, которыя образуютъ какъ

бы одну громадную естественную крѣпость благодаря своимъ почти всюду неприступнымъ скатамъ и удобнымъ для обороны ущельямъ. 24-й корпусъ Брессоля долженъ былъ утвердиться въ Ломонѣ, помѣстивъ свое правое крыло на возвышенности Бламонъ и лѣвое—въ ущельѣ Пон-лэ-Мулэнъ, противъ Бом-лэ-Дамъ; безансонскій гарнизонъ (мобили)—въ долинѣ Дуба, между Пон-лэ-Мулэнъ и возвышенностью Бюзи, 15-й корпусъ Мартино—между возвышенностью Бюзи и Салиномъ, на позиціяхъ, господствующихъ надъ Лизонскими ущельями, дивизія Кремера—въ ущельяхъ между Пон-д' Эри, и Андѐло-ан-Монтань, гдѣ пролегаютъ шоссе и желѣзная дорога на Понтарлье, 20-й корпусъ Клиншана—на горѣ Ривэ и въ долинахъ Эня и Соны, 18-й корпусъ Бильо и резервъ—въ центрѣ плоскогорья, чтобы имѣть возможность быстро появляться всюду, гдѣ понадобится, и обезпечивать сообщенія. Инструкціи были разосланы. 15-й корпусъ Мартино уже достигъ указанной ему позиціи и его вторая дивизія отразила послѣдовательно двѣ атаки, произведенныя пруссаками на Бюзи, который загораживаетъ входъ на плоскогорье между Дубомъ и Лу. Дивизія Кремера уже прибыла въ долину Лу и приближалась къ Салину.

Но дубскіе „мобилизованные" покинули Ломонскія ущелья, а Брессоль не позаботился тотчасъ снова занять ихъ. 24 января войска Вердера, наведя мосты въ виду Бом-лэ-Дамъ, смѣло углубились въ эти ущелья и вышли на плоскогорье по лѣвому берегу Дуба передъ лощиною Пон-лэ-Мулэна. Ихъ можно было сокрушить, занявъ высоты или поставивъ ихъ межъ двухъ огней. Брессоль получилъ приказъ снова занять Ломонъ и двинуться съ лѣвымъ флангомъ 24 корпуса къ лощинѣ Пон-лэ-Мулэна, чтобы атаковать пруссаковъ съ тыла. Бильо долженъ былъ со своимъ 18-мъ корпусомъ, который уже два дня отдыхалъ на квартирахъ, пройти Безансонъ, вечеромъ того же 25 января занять возвышенность позади города и 26-го утромъ напасть на пруссаковъ; при этомъ его правое крыло должно было занять доминирующій пунктъ Кот-Брюна, откуда оно могло бы обстрѣливать всю позицію непріятеля, а лѣвое, продвинувшись къ Даннемари, занять Силлэ, господствующій надъ ущельемъ Пон-лэ-Мулэнъ, и тѣмъ отрѣзать нѣмцамъ всякое отступленіе.

Къ несчастію, Бильо прошелъ Безансонъ лишь 26-го въ 3 часа утра, и Бурбаки, разсчитывавшій застать войска 18-го корпуса въ схваткѣ со врагомъ съ ранняго утра, встрѣтилъ ихъ въ Монфоконѣ, Женнѣ, Сонѣ и Нанкрэ, за три мили до позицій, которыя они должны были бы занимать. Огорченный, встревоженный, недовольный, онъ вечеромъ вернулся въ Безансонъ. Здѣсь онъ получилъ одну за другой три депеши, доведшія его уныніе до полнаго отчаянія: одна, отъ Фрейсинэ, упрекала его въ медлительности и винила въ томъ, что онъ готовитъ второй Мецъ или Седанъ; другая сообщала ему, что 24-й корпусъ Брессоля безвозвратно покинулъ Ломонъ и отступилъ къ Морто и Понтарлье; третья извѣщала его, что Кремеръ, вмѣсто того, чтобы защищать Салинскія ущелья, также отступаетъ къ Понтарлье, такъ какъ слышалъ канонаду съ фортовъ. Генералъ сдѣлалъ попытку застрѣлиться, но револьверная пуля уклонилась и ударила въ височную кость.

Мартино, Клиншанъ, Борель, Ролланъ и Биго собрались на военный совѣтъ, чтобы обсудить положеніе дѣлъ. Мартино и Борель отказались принять командованіе, Клиншанъ согласился, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы отступить къ Понтарлье и затѣмъ двинуться на югъ.

Отступленіе къ Понтарлье.—Двѣ дивизіи остались въ окрестностяхъ Безансона. Остальная часть Восточной арміи безпрепятственно достигла перваго плоскогорья между Безансономъ и долиной Лу;

но при переходѣ на вторую и затѣмъ третью гряду ея путь сдѣлался гибельнымъ. Пушки и обозъ здѣсь не могли слѣдовать за колоннами. Люди и лошади падали отъ изнуренія, холода и голода. Пруссаки, наступая отъ Арбуа по дорогамъ, которыя Кремеръ долженъ былъ бы защищать, обошли фортъ Салинъ и загородили всѣ выходы; 29 января французская дивизія въ 4.000 человѣкъ дала взять себя въ плѣнъ у Сомбакура вмѣстѣ съ двумя генералами и всѣми орудіями. Узнавъ о перемиріи, Клиншанъ счелъ себя спасеннымъ; но онъ былъ изъятъ изъ перемирія. Тогда онъ заключилъ въ Верьерѣ соглашеніе съ командующимъ войсками швейцарскаго союза, Гансомъ Герцогомъ, и 1-го февраля вступилъ на швейцарскую территорію, гдѣ его армія, насчитывавшая еще 80.000 человѣкъ, была интернирована. Безпрепятственному переходу черезъ границу способствовали энергичное сопротивленіе, оказанное въ Клюзскомъ ущельѣ пѣхотнымъ арьергардомъ подъ командой Паллю де ля Барьеръ, и канонада фортовъ Жу и Лармонъ.

Вторичное взятіе Дижона. — Дижонъ и Бельфоръ пали одновременно. При извѣстіи о перемиріи, не простиравшемся на Кот-д'Оръ, Гарибальди отступилъ къ Ліону, и 1-го февраля генералъ Ганъ фонъ-Вейэрнъ, только что приведшій на соединеніе съ Кетлеромъ двѣ баденскія бригады, безъ боя вступилъ въ Дижонъ.

Осада Бельфора. — Крѣпость Бельфоръ, обложенная еще съ 3 ноября, долго противилась усиліямъ осаждающихъ и выдержала 73-дневную бомбардировку. Между тѣмъ ея гарнизонъ былъ невеликъ: онъ состоялъ изъ 16.000 человѣкъ, изъ которыхъ настоящую силу представляли только 3.000. Но онъ имѣлъ время приготовиться къ предстоявшимъ ему испытаніямъ и возвести превосходныя оборонительныя укрѣпленія. Выдающіеся военачальники одушевляли войска своей энергіей. Капитанъ Тьеръ командовалъ въ фортѣ Бельвю, капитанъ Ля Лоранси завѣдывалъ батареями въ замкѣ, полковникъ Денферъ сначала управлялъ инженерной частью, а потомъ сдѣлался комендантомъ города и умѣлъ подчинить всѣхъ своей непреклонной волѣ — горожанъ и солдатъ. Между тѣмъ нѣмцы подъ командой Трескова съ каждымъ днемъ подвигались впередъ; мало-по-малу они заняли всѣ окольныя деревни; затѣмъ они открыли траншею противъ Верхнихъ и Нижнихъ Першей. 8 февраля Денферъ принужденъ былъ очистить эти два холма, и пять дней спустя Тресковъ въ тысячѣ метрахъ отсюда навелъ на замокъ около сотни орудій. Но 15 февраля перемиріе было распространено на весь восточный районъ. 18-го Денферъ вышелъ изъ Бельфора съ оружіемъ и обозомъ, сдѣлавъ послѣдній пушечный выстрѣлъ и съ гордымъ сознаніемъ, что спасъ для Франціи единственный городъ, оставшійся у нея въ Эльзасѣ.

IX.—Сѣверная армія.

Въ Нормандіи и на Сѣверѣ война шла такъ же, какъ на Сонѣ и Луарѣ.

Въ Нормандіи, гдѣ нѣмецкій корпусъ подъ начальствомъ графа Липпе занялъ Жизоръ и Гурнэ, собралась небольшая армія подъ командой генерала Бріана. Она дѣлала развѣдки, отбросила 28 октября у Формери отрядъ изъ войска графа Липпе, а въ концѣ ноября врасплохъ захватила другой отрядъ въ мѣстечкѣ Этрепаньи.

Болѣе серьезныя операціи были предприняты на сѣверѣ, гдѣ въ укрѣпленіяхъ были собраны большіе запасы военнаго матеріала и куда направилось большинство плѣнныхъ, бѣжавшихъ изъ Седана и Меца. Правительственный комиссаръ Тестелэнъ при содѣйствіи генерала Фаррэ и подполковника Вильнуази сформировалъ здѣсь 22-й корпусъ изъ четырехъ бригадъ и семи артиллерійскихъ батарей.

Но скоро нѣмцы выступили въ походъ. Сперва они произвели двѣ диверсіи на Сенъ-Кантэнъ. Первый разъ, 8 октября, они явились въ небольшомъ числѣ—всего три драгунскихъ эскадрона и полторы роты ландвера—и отступили предъ загражденіемъ, воздвигнутымъ въ предмѣстьѣ, и подъ ружейной пальбой національныхъ гвардейцевъ и вольныхъ стрѣлковъ, воодушевляемыхъ Эньскимъ префектомъ Анатолемъ де-ля Форжъ. Во второй разъ, 21 октября, они явились въ большомъ числѣ: три батальона ландвера и одна батарея поддерживали драгунъ; городъ былъ обложенъ контрибуціей.

Вильеръ-Бретоннё.—Послѣ взятія Меца войско, составленное изъ двухъ корпусовъ, 1-го и 8-го, двинулось подъ начальствомъ Мантейфеля на Амьенъ, взятіе котораго обезпечило бы нѣмцамъ переходъ черезъ Сомму и отдало бы въ ихъ руки конечную станцію желѣзнодорожной линіи на Руанъ. 27 ноября оно разбило французскую армію, которую генералъ Фарръ размѣстилъ въ Вильеръ-Бретонне, между Соммой и Авромъ для прикрытія сразу и Амьена, и Корби. На слѣдующій день нѣмцы вступили въ Амьенъ. Въ городѣ была цитадель, комендантъ которой, храбрый капитанъ Фогель, хотѣлъ обороняться до послѣдней крайности; но онъ былъ убитъ на валу, и 30 ноября, послѣ двухкратнаго требованія сдачи и однодневной бомбардировки, цитадель открыла свои ворота.

Изъ Амьена армія Мантейфеля двинулась къ Невшателю и Форжъ-лез-О. Опрокинувъ 4 декабря у Бюши лѣвое крыло генерала Бріана, поспѣшно отступившаго къ Гонфлеру, она на слѣдующій день заняла Руанъ.

Теперь нѣмецкія войска образовали въ этомъ районѣ двѣ группы, соединенныя, впрочемъ, желѣзной дорогой: одна, подъ начальствомъ Бентгейма, занимала Руанъ и наблюдала за Гавромъ; другая, подъ начальствомъ Гебена, занимала Амьенъ и берега Соммы.

На Соммѣ и стала продолжаться война. Сѣверная армія увеличилась: она заключала въ себѣ теперь два корпуса—22-ой, наиболѣе сильный, подъ начальствомъ Лекуантра, и 23-ій, подъ командой Польз-д'Ивуа, далеко уступавшій первому качественно, такъ какъ въ его составъ, наряду съ морскими стрѣлками, обнаружившими позднѣе большую храбрость, входила дивизія мобилизованныхъ, отступавшая во всякомъ бою и оказывавшаяся болѣе вредной, чѣмъ полезной. Главнокомандующимъ этой арміи былъ Федэрбъ, бывшій инженерный полковникъ и губернаторъ Сенегала, командовавшій недавно дивизіей Константины, человѣкъ осторожный, вдумчивый, очень опытный, настойчивый и вмѣстѣ ловкій; онъ ничего не дѣлалъ на авось, давалъ только однодневныя сраженія, безъ устали производилъ диверсіи, безпокоилъ врага и обучалъ свои неопытныя войска, опиравшіяся на укрѣпленія Артуа и Фландріи.

Понтъ-Нуайэль.—Снова занявъ замокъ Гамъ, небольшой гарнизонъ котораго сдался 9 декабря, и отбросивъ къ Ля Феру пѣхотный развѣдочный отрядъ, Федэрбъ съ 78 орудіями и 35.000 человѣкъ расположился на Галлю въ Понтъ-Нуайэлѣ и окрестныхъ деревняхъ. 23 декабря Мантейфель атаковалъ его съ 25.000 солдатъ и 108 орудіями. Сраженіе оказалось нерѣшительнымъ; но 23-ій корпусъ вечеромъ болѣе не могъ держаться въ деревнѣ Даурѣ. Утомленные боемъ и особенно морозной ночью, проведенной на полѣ битвы, наконецъ, боясь быть обойденными, французы на слѣдующій день отступили въ полномъ порядкѣ.

Бапомъ.—Они снова появились 2 января, чтобы освободить осажденный Пероннъ, и если 23-ій корпусъ потерпѣлъ неудачу передъ Беаньи и Сапиньи, зато 22-й занялъ Ашіэ-лэ-Гранъ и Беюкуръ. 3-го они смѣло двинулись къ Бапому;

стоялъ сильный морозъ, иней покрывалъ ихъ волосы и затвердѣвшій снѣгъ хрустѣлъ подъ ихъ ногами. На этотъ разъ побѣда осталась за ними. Генералъ Куммеръ потерялъ почти всѣ наружные верки своей позиции и былъ оттѣсненъ за старую ограду Бапома. Правда, онъ удержалъ въ своихъ рукахъ деревню Линьи и деревушку Сентъ-Обэнъ, отбросилъ бригаду Форстера, атаковавшую его безъ приказанія Федэрба въ предмѣстьѣ Арра, и отразилъ нападенія Федэрба на Кальверскій трактъ и желѣзную дорогу, но на слѣдующій день онъ долженъ былъ очистить Бапомъ и отступить за Сомму. Федэрбу слѣдовало бы послѣдовать за нимъ и освободить Пероннъ. Но и онъ ушелъ: вѣчно осторожный, нимало не увѣренный въ завтрашнемъ днѣ, разсчитывая лишь на треть своихъ войскъ, какъ на передовыя свои фаланги, боясь испортить добытый успѣхъ и считая пруссаковъ менѣе разбитыми, чѣмъ они были въ дѣйствительности, онъ ушелъ въ Буалё, чтобы дать роздыхъ своему войску и снабдить его провіантомъ.

Сенъ-Кантэнъ.—Спустя нѣсколько дней, 10 января, онъ снова двинулся и вступилъ въ Бапомъ. Но здѣсь онъ узналъ, что Пероннъ ночью капитулировалъ: нѣмцы захватили 47 орудій и 3.000 человѣкъ, а главное—ихъ правое крыло пріобрѣло драгоцѣнный опорный пунктъ на Соммѣ. Федэрбъ, твердо рѣшившій подать помощь Парижу и, по его собственному выраженію, принести себя въ жертву, кинулся къ востоку, чтобы двинуться къ Сенъ-Кантэну, Гаму и Компьеню. У него было 40.000 человѣкъ, и передъ этимъ полчищемъ кавалерійская дивизія генерала Липпе поспѣшила 16 января эвакуировать Сенъ-Кантэнъ. Но Гебену, смѣнившему Мантейфеля въ званіи главнокомандующаго нѣмецкихъ силъ на Соммѣ, было приказано нанести врагу рѣшительный ударъ. Собравъ 30.000 человѣкъ, онъ двинулся противъ Федэрба. 18 января его лѣвое крыло наткнулось на французовъ у Трефкона, Коленкура и Пуйльи и захватило 500 человѣкъ въ плѣнъ. 19-го онъ далъ сраженіе Федэрбу, который неподвижно ждалъ его на высотахъ къ западу и югу отъ Сенъ-Кантэна.

Подойти къ врагу вплотную и опрокинуть его—таковъ былъ приказъ, данный Гебеномъ его помощникамъ Барнекову и Куммеру. Барнековъ, наступавшій по парижской и ля-ферской дорогамъ, послѣ семичасоваго боя отбросилъ 22-й корпусъ Лекуанта къ предмѣстью Иль и станціи. Точно такъ же Куммеръ, подошедшій по пероннской и гамской дорогамъ, лишь послѣ полудня сумѣлъ загнать 23-й корпусъ Пользъ д'Ивуа въ предмѣстье Сенъ-Мартэнъ. Но Лекуантъ, атакованный съ праваго фланга, отступилъ черезъ городъ на полчаса слишкомъ рано, и пруссаки, вступивъ по его слѣдамъ въ Сенъ-Кантэнъ, обошли лѣвое крыло Пользъ д'Ивуа, который утвердился въ предмѣстьѣ Сенъ-Мартэнъ за баррикадой, сложенной изъ тюковъ шерсти. Многіе солдаты 23-го корпуса, будучи обойдены, должны были сложить оружіе.

Пользъ д'Ивуа отступилъ къ Камбрэ, Лекуантъ къ Като. Какъ ни была утомлена Сѣверная армія, она къ удивленію и радости Федэрба снялась съ мѣста и отступила, избѣжавъ такимъ образомъ той участи, которой грозилъ ей Гебенъ. Она обманула надежду врага, который разсчитывалъ окружить ее и нанести ей пораженіе, подобное Седанскому. Но она оставила въ рукахъ побѣдителя 9.000 плѣнныхъ и шесть орудій. Битва при Сенъ-Кантэнѣ деморализовала, сломила ее. Отряды нѣмецкой кавалеріи потребовали сдачи Камбрэ и атаковали гласисъ Ландреси. Федэрбъ свидѣтельствовалъ, что, вторгнись непріятель во Фландрію, всякій комендантъ крѣпости, который захотѣлъ бы обороняться до послѣдней крайности, встрѣтилъ бы сопротивленіе со стороны буржуазіи, національной гвардіи и мобилизованныхъ.

V.—Осада Парижа.

Между тѣмъ какъ провинція боролась съ цѣлью выручить Парижъ, Парижъ, снабженный припасами на четыре мѣсяца, получая оружіе и пушки изъ собственныхъ мастерскихъ и защищенный своей оградой и своими фортами [1]), оказывалъ долгое и изумительное сопротивленіе.

16 сентября нѣмцы появились къ сѣверу отъ Парижа и, перейдя Сену въ Вильневъ-Сенъ-Жоржѣ и Жювизи, размѣстили свои главныя силы на лѣвомъ берегу рѣки. 19-го произошло первое сраженіе при Шатильонѣ. Его далъ Дюкро. Ускользнувъ отъ нѣмцевъ, этотъ смѣлый генералъ отправился въ Парижъ, гдѣ его товарищъ и другъ Трошю предоставилъ ему верховное начальство надъ обоими корпусами, составлявшими теперь дѣйствующую армію: 13-мъ, который Винуа повелъ на помощь Макъ-Магону и затѣмъ не безъ труда, но искусно провелъ изъ Мезьера въ Парижъ, и 14-мъ, еще не вполнѣ сформированнымъ подъ руководствомъ генерала Рено.

Шатильонъ.—Дюкро намѣревался атаковать нѣмцевъ въ то время, когда они будутъ проходить долину Бьевра. Но только что набранные зуавы были охвачены паникой и ихъ бѣгство привело въ полное разстройство двѣ дивизіи, которыя и очистили Кламаръ и Банье; пришлось оставить плоскогорье Шатильона, и Трошю тотчасъ велѣлъ взорвать всѣ мосты, исключая мостовъ Нейльи и Аньера. Это былъ непоправимый ударъ. Нѣмцы заняли высоты Шатильона, Кламара и Медона, господствовавшія надъ южными фортами. Они блокировали Парижъ. Подобно Мецу, столица должна была пасть вслѣдствіе голода. Армія прусскаго кронпринца размѣстилась отъ Буживаля до Шуази-лэ-Руа, вюртембергская дивизія—между Сеной и Марной, армія саксонскаго наслѣднаго принца—отъ Марны до Сенъ-Жермэна. Главная квартира короля Вильгельма была въ Версали.

Осаждающіе ни разу не собрали вокругъ Парижа болѣе 235.000 человѣкъ. Но въ то время, какъ нѣмецкіе корпуса съ сѣверной, западной и восточной стороны набрасывались на каждый формируемый французскій отрядъ, прежде чѣмъ онъ успѣвалъ пріобрѣсти хотя нѣкоторую военную опытность, — они также мало-помалу улучшали свои осадныя линіи и въ концѣ концовъ сдѣлали ихъ почти неприступными; они баррикадировали деревни, снабжали зубцами стѣны парковъ и виллъ, использовали малѣйшія неровности почвы, соединили свои позиціи искусной системой аванпостовъ.

А у осажденныхъ набралось въ концѣ концовъ до 500.000 вооруженныхъ человѣкъ. Но единственными стойкими въ огнѣ и надежными войсками были 14.000 моряковъ, которые несли въ нѣсколькихъ фортахъ [1]) такую же службу, какъ на борту своихъ судовъ, и два пѣхотныхъ полка, приведенныхъ Винуа,—35-й и 42-й,—которые вынесли, такъ сказать, на своихъ плечахъ всѣ вылазки. Остальное войско оставляло многаго желать. Это были сводные полки, 90 батальоновъ мобилей, 283 батальона національной гвардіи и множество добровольческихъ отрядовъ. Лишь четвертая часть сводныхъ полковъ была до нѣкоторой степени обучена. Сенскіе мобили были непослушны, а провинціальные, хотя и добросовѣстнѣе, испор-

[1]) Это были слѣдующіе форты: на лѣвомъ берегу Сены—Монъ-Валеріанъ, Исси, Ванвъ, Монтружъ, Бисетръ и Иври, на правомъ Шарантонъ, Ножанъ, Рони, Нуази, Роменвиль, Обервильеръ, Восточный фортъ. Двойная корона и Бришъ.

[1]) Морякамъ были ввѣрены (не считая батарей Сентъ-Уанской и Монмартрской) шесть фортовъ: три на сѣверо-востокѣ—Роменвиль, Нуази и Рони, соединенные подъ начальствомъ контръ-адмирала Сессэ, три на югѣ—Иври, Бисетръ и Монтружъ, всѣ три подъ командою контръ-адмирала Потюо; главнокомандующимъ тѣми и другими былъ вице-адмиралъ Ля Ронсьеръ лэ Нури, которому съ самаго начала было ввѣрено верховное начальство надъ всѣми моряками.

тились благодаря общенію съ парижскимъ населеніемъ. Въ національной гвардіи, рядомъ съ храбрыми людьми, готовыми жертвовать собою, были смутьяны, отчасти даже преступники, подвергшіеся наказанію, и двѣ трети ея батальоновъ были совершенно лишены дисциплины, навыка въ службѣ и желанія драться. Добровольческіе отряды за немногими исключеніями только и знали, что мародерствовать.

Между тѣмъ эта безпорядочная орда могла бы принести громадную пользу; надо было только не медля, въ первый же день, извлечь изъ нея наиболѣе послушныхъ и стойкихъ людей, слить ихъ съ регулярнымъ войскомъ, вышколить и пріучить къ военному дѣлу. Но Трошю относился съ недовѣріемъ ко всему, что не принадлежало къ регулярной арміи. Этотъ человѣкъ, котораго Наполеонъ III называлъ сильнѣйшимъ изъ своихъ генераловъ, не обладалъ достаточной твердостью воли для исполненія взятой имъ на себя задачи. Это былъ краснобай, гордившійся своимъ ораторскимъ талантомъ и любившій ослѣплять краснорѣчіемъ своихъ товарищей по правительству; больше адвокатъ, чѣмъ всѣ окружавшіе его адвокаты, онъ считалъ себя „моральной силой". Онъ не вѣрилъ въ успѣхъ, считалъ осаду героическимъ безуміемъ, сопротивлялся лишь ради чести и изъ чувства долга, да и сопротивлялся пассивно, какъ бы съ кроткой покорностью судьбѣ, не пользуясь, какъ слѣдуетъ, всѣми неисчерпаемыми средствами необъятнаго Парижа. Почему онъ не тревожилъ нѣмцевъ ежедневными схватками, не задиралъ ихъ безпрестанно, не мучилъ ихъ, какъ онъ самъ говорилъ, булавочными уколами? Почему онъ не мѣшалъ имъ, не разорялъ ихъ полевыхъ укрѣпленій и стоянокъ? Почему не осаждалъ осаждающихъ, не предпринималъ траншейной войны, почему не двинулся на какую-нибудь непріятельскую позицію, прикрываясь насыпями и окопами?

Онъ дѣлалъ вылазки, но лишь для формы, не ставя своему войску опредѣленной цѣли, не пуская въ ходъ достаточныхъ силъ, не стараясь обезпечить себѣ всѣ шансы успѣха, и въ большинствѣ этихъ дѣлъ канонада съ фортовъ не столько прикрывала выступленіе французовъ, сколько предостерегала нѣмцевъ.

22 сентября Винуа взялъ назадъ мѣстечки Вильжюифъ и Витри, равно какъ и редуты Отъ-Брюйэръ и Мулэнъ-Сакэ.

Шевильи и Банье.—Но 30 сентября, при атакѣ Шевильи, Гэ и Тіэ, Трошю запретилъ Винуа вести въ бой резервы, и 13 октября, будучи увѣдомленъ, что Винуа овладѣлъ нижней частью Шатильона и Банье, онъ не приказалъ удержать завоеванныя позиціи.

Мальмэзонъ. — 21 октября произошло сраженіе при Мальмэзонѣ, гдѣ зуавы, увлекаемые героемъ, комендантомъ Жако и одушевленные желаніемъ смыть пятно, легшее на нихъ 19 сентября, дрались яростно. Если эта наступательная развѣдка, вопреки общепринятому мнѣнію, и не вызвала паники среди нѣмецкаго главнаго штаба въ Версали, то она, по крайней мѣрѣ, помѣшала непріятелю размѣстить свои орудія до оконечности Буживаля и продвинуться къ Рюейлю и Нантерру.

Буржэ.—Но 30 октября Трошю далъ прусской гвардіи занять Буржэ, который волонтеры Прессы взяли за два дня до того по приказанію Каррэ де Бельмара; онъ разсудилъ, что Буржэ лежитъ на отлетѣ и имѣетъ ничтожное значеніе, не входя въ общую систему обороны. Каррэ потребовалъ у него артиллеріи, но орудія прибыли уже послѣ сраженія, и предоставленный собственнымъ силамъ, гарнизонъ Буржэ сдался. Онъ состоялъ изъ 1.900 человѣкъ, волонтеровъ Прессы, сенскихъ мобилей (12-й и 14-й батальоны) и солдатъ 28-го своднаго полка. Увлекаемые маіорами Барошемъ и Брассеромъ, они оказали ожесточенное, героическое сопро-

тивленіе. Они всѣ погибли или были взяты въ плѣнъ.

31 октября.—Это злополучное сраженіе при Буржэ вывело Парижъ изъ себя. Населеніе въ эту самую минуту узнало о капитуляціи Меца и прибытіи Тьера, явившагося предложить перемиріе. 31 октября національная гвардія забастовала. Правительство, засѣдавшее въ одной изъ залъ ратуши, было арестовано стрѣлками агитатора Флурана и объявлено низложеннымъ. Но Пикару удалось бѣжать, а Трошю и Ферри освободилъ одинъ батальонъ Сенъ-Жерменскаго предмѣстья. Щепетильный Трошю не хотѣлъ опереться ни на какую вооруженную силу, кромѣ національной гвардіи. Пикаръ велѣлъ ударить сборъ и Ферри привелъ батальонъ бретонскихъ мобилей. Мятежники удерживали еще Фавра и Симона въ качествѣ заложниковъ; они были отпущены цѣлыми и невредимыми. 3 ноября состоялся плебисцитъ; 559.000 голосами противъ 62.000 было рѣшено, чтобы правительство національной обороны осталось на своемъ посту.

Миссія Тьера.—Тьеръ оставилъ Парижъ 31 октября. Объѣхавъ Европу въ надеждѣ склонить державы къ вмѣшательству, онъ явился въ Парижъ за полномочіемъ отъ правительства и 4 ноября началъ переговоры съ Бисмаркомъ въ Версали о перемиріи, которое позволило бы Франціи выбрать національное собраніе; соотвѣтственное предложеніе, сдѣланное Англіей Пруссіи, было поддержано Австріей, Италіей и Россіей.

Бисмаркъ въ принципѣ соглашался на перемиріе. Но онъ не хотѣлъ, чтобы Парижъ во время перемирія запасся продовольствіемъ, или, по крайней мѣрѣ, требовалъ „военнаго эквивалента", напримѣръ, одного или двухъ парижскихъ фортовъ. Тьеръ отвѣчалъ ему, что это равносильно требованію сдачи Парижа. Однако 5 ноября на совѣщаніи съ Фавромъ и Дюкро у Севрскаго моста онъ посовѣтовалъ заключить миръ тотчасъ, хотя бы цѣною Эльзаса. Дюкро въ мужественныхъ и полныхъ достоинства выраженіяхъ отвѣчалъ ему, что Франціи слѣдуетъ еще защищаться: „Она оправится отъ матеріальнаго разоренія, но никогда не оправится отъ нравственнаго разгрома. Пусть нашему поколѣнію не сдобровать, зато слѣдующее будетъ сильно той честью, которую мы спасемъ!"

Правительство заявило, что можетъ согласиться на перемиріе лишь въ томъ случаѣ, если Парижу позволено будетъ запастись провіантомъ. Оно сформировало три арміи. Первая, подъ начальствомъ Клемана Тома, составилась изъ парижскихъ полковъ или боевыхъ батальоновъ, постепенно, хотя и слишкомъ поздно, извлеченныхъ изъ среды національной гвардіи; вторая, подъ начальствомъ Дюкро, заключала въ себѣ 100.000 человѣкъ, раздѣленныхъ на три корпуса, которыми командовали Бланшаръ, Рено и Эксеа; третья, подъ командою Винуа, насчитывала 70.000. Одна дивизія въ 30.000 человѣкъ стояла въ Сенъ-Дени подъ начальствомъ вице-адмирала Ля Ронсьера ле Нури.

Планъ Трошю.—Эти силы должны были сообща осуществить планъ, составленный Дюкро и одобренный Трошю. Съ 15 по 18 ноября предполагалось вывести изъ Парижа 50.000 отборныхъ солдатъ, которые должны были собраться на полуостровѣ Женневильеръ, перейти Сену подъ защитою крупной артиллеріи и, выйдя послѣ однократнаго боя на высоты Кормейля и перейдя Уазу, достигнуть Руана; отсюда они должны были двинуться къ Гавру и, опираясь о море, превращенное какъ бы въ операціонный базисъ, соединиться съ главной частью Луарской арміи и отдѣльными отрядами Сѣверной, послѣ чего вернуться, чтобы снабдить провіантомъ и освободить Парижъ. Вотъ почему Дюкро и Трошю 21 октября атаковали Мальмэзонъ: они хотѣли вытѣс-

нить осаждающихъ съ полуострова Женневильеръ, т.-е. удалить ихъ съ арены замышляемой нормандской экспедиціи.

Этотъ планъ разстроила битва подъ Кульмьеромъ. Приходилось идти не къ Руану, а къ Орлеану и Жьяну, навстрѣчу Луарской арміи, и передвинуть батальоны и орудія съ запада на юго-востокъ, на берега Марны, изъ Шарантона въ Авронъ.

Сраженіе на Марнѣ. — Исполненіе этого плана было поручено Дюкро, котораго Трошю называлъ своимъ лучшимъ сотрудникомъ. Онъ рѣшилъ перейти Марну въ томъ мѣстѣ, гдѣ она между Жуанвилемъ и Бри образуетъ излучину, взять Вильеръ и Кейльи, развернуться длинной боевой линіей между Гурнэ и Шенневьеромъ и идти на Ланьи, а затѣмъ двинуться съ востока на югъ, оставивъ вправо грозныя позиціи Вильневъ-Сенъ-Жоржъ и Буасси-Сенъ-Лежеръ.

28 ноября Дюкро въ пламенной прокламаціи, которую весь Парижъ читалъ съ патріотическимъ волненіемъ, клятвенно обѣщалъ вернуться либо мертвымъ, либо побѣдителемъ. Но на слѣдующій же день явилось неожиданное препятствіе, заставившее его потерять цѣлый день. Понтоны, которые пароходъ буксировалъ изъ Шарантонскаго канала въ Марну, встрѣтили нѣсколько выше Жуанвильскаго моста столь быстрое теченіе, что имъ удалось пройти лишь въ часъ дня. Начинать дѣло теперь было поздно. Однако отрядъ успѣлъ исполнить предначертанныя демонстраціи въ Эпинэ, Гэ и у Gare aux Boeufs; онъ овладѣлъ плоскогорьемъ Авронъ, выгодной позиціей, господствующей надъ равниной Марны и клиномъ входившей въ нѣмецкія линіи, а 30 ноября вторая армія перешла рѣку.

Бланшаръ и Рено должны были съ фронта подойти къ возвышенностямъ Вильеръ и Кейльи, а Эксеа долженъ былъ обойти ихъ сзади чрезъ Нуази-ле-Гранъ. Но войска Бланшара отступили подъ упорнымъ огнемъ вюртембержцевъ, скрытыхъ за паркомъ Кейльи. Войско Рено также отступило передъ паркомъ Вильера, который, подобно кейльискому, представлялъ собою нѣчто въ родѣ крѣпости или укрѣпленнаго лагеря. Что же касается Эксеа, то онъ прибылъ слишкомъ поздно, да и не чрезъ Нуази-ле-Гранъ, а чрезъ Бри, и его нападеніе на Вильеръ потерпѣло неудачу. Какъ и во всю эту войну, усилія французовъ были безпорядочны и незакончены; какъ и всегда, ихъ движенія были энергичны, но лишены точности и систематичности.

Армія переночевала на своихъ позиціяхъ. Однако она была разстроена и утомлена, а жестокій холодъ этой ночи окончательно изнурилъ ее. Эксеа перешелъ назадъ Марну, заявивъ, что его батальоны болѣе не въ силахъ сопротивляться, и Трошю долженъ былъ приказать ему вернуться на лѣвый берегъ.

2 декабря, послѣ однодневнаго перемирія, въ продолженіе котораго обѣ стороны не только похоронили убитыхъ, но и успѣли отдохнуть и придти въ себя, сраженіе возобновилось. II-й прусскій корпусъ, предводимый Франсеки (этотъ корпусъ долженъ былъ идти впереди всѣхъ нѣмецкихъ войскъ между Сеной и Марной), подкрѣпилъ вюртембержцевъ и саксонцевъ. Французы были врасплохъ застигнуты въ Бри и Шампиньи; они скоро оправились отъ замѣшательства, дрались упорно, вернули себѣ утраченные раньше посты, отняли обратно Бри и половину Шампиньи, и къ концу боя сумѣли даже занять наступательное положеніе,—но они не подвинулись впередъ ни на пядь и не взяли ни Кейльи, ни Вильера, ключей позиціи. Такимъ образомъ, сраженія 30 ноября и 2 декабря оказались безплодными. По признанію Трошю, они стоили второй арміи—арміи, являвшейся главнымъ нервомъ обороны, — 10.000 человѣкъ, въ томъ числѣ большинства офицеровъ и большей части кадровъ. Да и останься она побѣдительни-

цей, куда могла бы она повести французовъ, которые подальше, въ концѣ третьяго перехода, были бы въ открытомъ полѣ атакованы свѣжими войсками и неизбѣжно разбиты.

Они перешли назадъ Марну, и Дюкро, доблестный Дюкро, оставившій половину своей шпаги въ тѣлѣ одного саксонца, совѣтовалъ заключить почетное соглашеніе, которое спасло бы городъ отъ голода и армію отъ безусловной сдачи. Но Парижъ отказался входить въ какую бы то ни было сдѣлку. 5 декабря Мольтке сообщилъ Трошю, что нѣмцы снова заняли Орлеанъ, и предлагалъ свободный пропускъ для французскаго офицера, который былъ бы посланъ для того, чтобы убѣдиться во взятіи нѣмцами этого города. Трошю не пожелалъ воспользоваться этимъ предложеніемъ; онъ увѣдомилъ о полученіи письма и велѣлъ расклеить послѣднее съ добавленіемъ, что оно нисколько не повліяетъ на правительство, долгъ и рѣшеніе котораго—продолжать борьбу.

Точно такъ же, когда Россія заявила, что она болѣе не связана договоромъ 1856 г., правительство формально отказалось послать Жюля Фавра представителемъ Франціи на лондонскую конференцію. Тщетно Гамбетта просилъ, чтобы Фавръ поѣхалъ поговорить о войнѣ съ представителями великихъ державъ. Тщетно делегатъ по иностраннымъ дѣламъ, Шодорди, просилъ Фавра отправиться въ Лондонъ, чтобы превратить конференцію въ конгрессъ, поднять на немъ вопросъ о мирѣ и, можетъ быть, добиться болѣе выгодныхъ условій. Правительство боялось возбудить неудовольствіе Парижа.

Вторая неудача при Буржэ.—Трошю снова организовалъ армію. 21 декабря онъ сдѣлалъ новую попытку: онъ вывелъ свои войска на равнину Сенъ-Дени, чтобы вызвать пѣхотный бой. Винуа взялъ Виль-Эвраръ и Мэзонъ-Бланшъ, но не могъ помѣшать саксонцамъ къ вечеру опять занять эти два пункта. Двѣ бригады Ля Ронсьера, бригады Ламотъ-Тенэ и Лавуанье, должны были атаковать Буржэ. Но нѣмцы укрѣпили эти деревню, такъ какъ она служила для нихъ аванпостомъ и прикрывала ихъ какъ противъ фронтальной атаки, такъ и противъ обхода укрѣпленій, воздвигнутыхъ ими на рѣкѣ Мореѣ. Бригада Лавуанье была остановлена сильнымъ огнемъ съ баррикадъ и снабженныхъ зубцами стѣнъ, а бригада Ламотъ-Тенэ, овладѣвъ западной частью Буржэ, отступила, когда ее стали громить французскія орудія съ Обервильера и Дранси. Дюкро со своей стороны овладѣлъ фермою Гролэ, но видя, что Буржэ остается въ рукахъ пруссаковъ, онъ не рѣшился идти впередъ, боясь вызвать катастрофу. Эта вылазка привела лишь къ жестокой и безполезной канонадѣ. Парижъ думалъ, что началась рѣшительная битва, а она оказалась простою сшибкой.

Главнокомандующій жаловался, что не могъ достать врага, который противопоставилъ ему свою артиллерію, спрятавъ свою пѣхоту за рѣками. Онъ поставилъ армію въ виду Буржэ. Но въ первую же ночь термометръ упалъ до—14°; почва такъ промерзла, что о возведеніи траншей нельзя было и думать; ежедневно отмѣчалось множество случаевъ отмораживанья. 26 декабря эта равнина Сенъ-Дени, которую солдаты прозвали морознымъ лагеремъ, была оставлена.

Бомбардировка.—На слѣдующій день началась бомбардировка. Нѣмецкій осадный паркъ былъ наконецъ готовъ. Они хотѣли еще въ самомъ началѣ осады правильно атаковать сѣверо-западный фронтъ крѣпости и одновременно съ крупной демонстраціей противъ Монтружа направить свои главныя усилія на Исси и Ванвъ. Но для этого были нужны осадныя орудія и достаточное количество боевыхъ запасовъ. Дѣло представляло необыкновенныя трудности: надо было собрать

орудія въ Виллакублейскій паркъ, надо было непрерывно подвозить провіантъ, сначала до Нантейля, по желѣзной дорогѣ, затѣмъ, отъ Нантейля до Виллакублэ, лошадьми, на четырехколесныхъ повозкахъ; надо было помѣстить баттареи въ паркахъ Мёдона и Сенъ-Клу, на Шатильонской возвышенности, въ Фонтенэ, въ Гэ.

27 декабря, въ сильную метель, нѣмецкая артиллерія, показавъ шестьдесятъ орудій большого калибра, принялась громить восточные форты, Ножанъ, Рони, Нуази и особенно гору Авронъ, которая два дня спустя была очищена подъ градомъ ядеръ.

Затѣмъ бомбардировка расширила свои предѣлы и сосредоточилась на южномъ и сѣверномъ фронтахъ. Въ послѣдній день осады форты Исси, Ванвъ и Монтружъ громило 110 орудій, а форты Восточный, Двойной короны и Бришъ—130.

А оборона, руководимая разными органами, была лишена единства. Форты, изъ которыхъ одни принадлежали морскому, другіе военному вѣдомству, и промежуточныя баттареи не оказывали другъ другу взаимной поддержки. Если въ фортахъ морского вѣдомства дѣйствительно всевластно царила воля главнаго начальника, то командованіе военными фортами было лишено необходимаго единства. Наконецъ французская артиллерія, превосходившая непріятельскую количественно, уступала ей въ дальнобойности и точности, такъ какъ она стрѣляла снизу вверхъ.

На сѣверномъ фронтѣ Сенъ-Дени, бомбардируемое 80 орудіями, было жестоко разстрѣляно и опустошено пожаромъ. 26 января фортъ Бришъ пострадалъ особенно сильно, и въ виду безпрестанныхъ повреждений, причиняемыхъ его артиллеріи, располагалъ уже только десятью орудіями, способными отвѣчать осаждающимъ; въ фортѣ Двойной короны грозила опасность пороховымъ складамъ, а въ Восточномъ фортѣ блиндажъ изъ набитыхъ землею мѣшковъ былъ сильно попорченъ.

На южномъ фронтѣ Исси, Ванвъ и особенно Монтружъ, одолѣваемые чрезвычайно точной и все болѣе мѣткой стрѣльбой, боролись мужественно. Несмотря на крайнюю усталось моряки на Монтружѣ обслуживали орудія и каждую ночь убирали мусоръ отъ разбитыхъ стѣнъ, задѣлывали бреши и поправляли траверсы, разрушенные нѣмецкими снарядами. Но мало-по-малу положеніе форта ухудшалось; своды его магазиновъ осѣли, такъ какъ почва его парапетовъ лишилась устойчивости; его команда, принужденная покидать одинъ ложементъ за другимъ, съ каждымъ днемъ сосредоточивалась все тѣснѣе.

Бомбардировкѣ подвергся и самый Парижъ. Въ Отейль, Пасси, въ кварталы лѣваго берега ежедневно попадало отъ трехъ-до четырехсотъ гранатъ.

Монтрету.—При такихъ условіяхъ самъ собою напрашивался какой-нибудь отчаянный шагъ, какая-нибудь крайняя попытка, и Трошю, повторяя изреченіе Сюффрена и Наполеона, говорилъ, что пока въ пушкѣ еще есть послѣднее ядро, его надо выпустить: можетъ быть, какъ разъ оно и убьетъ врага. Губернаторъ хотѣлъ атаковать Шатильонское плоскогорье, прорваться сквозь непріятельскія линіи и подступить къ Версали съ юга. Но всѣ генералы отвергли его планъ и согласились идти на Версаль лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы исходной точкой и операціоннымъ базисомъ была взята гора Валеріанъ.

19 января 1871 г., одновременно съ битвой при Сенъ-Кантенѣ, произошло сраженіе при Монтрету или Бюзенвалѣ, которое нѣмцы называютъ битвой при Монъ-Валеріанѣ. Болѣе 100.000 французовъ напали на 20.000 пруссаковъ изъ V корпуса, защищавшихъ плоскогорье Гаршъ.

Дѣло началось плохо. Три колонны, составлявшія французскую армію, явились

не сразу, а постепенно, въ разные часы, и въ операціяхъ, по обыкновенію, не было единства.

Винуа овладѣлъ редутомъ Монтрету и сосѣдними домами—Беарня и Арманго— и виллами Поццо ди Борго и Циммермана, представлявшими собою лишь передовые посты.

Каррэ де Бельмаръ занялъ первые дома Гарша, т. наз. домъ кюре, паркъ и замокъ Бюзенваля. Но, взойдя на плоскогорье, онъ оказался не въ силахъ взять ферму Овчарню и домъ Краона.

Пылкій Дюкро тоже неудачно, и притомъ нѣсколько разъ, атаковалъ стѣны Лонгбойо. „Невозможно одолѣть препятствія, которыя воздвигъ противъ насъ непріятель“, сказалъ онъ. Пруссаки, хладнокровно цѣлясь изъ-за засѣкъ, траншей и амбразуръ, повсюду отражали штурмы французовъ необычайно сильнымъ огнемъ.

Но при попыткѣ перейти въ наступленіе они въ свою очередь были отбиты. Между тѣмъ наступила ночь. Тутъ возникла паника среди тѣхъ батальоновъ національной гвардіи, которые Клеманъ Тома предложилъ испытатъ въ бою и которые Трошю слилъ съ линейными войсками.

Капитуляція.—Парижъ, побѣжденный и оставленный провинціальными арміями, которыя являлись его единственной надеждой и которыя, будучи разбиты на всѣхъ пунктахъ, давно уже потеряли возможность идти къ нему на выручку,—Парижъ долженъ былъ пасть. Уже нѣсколько недѣль назадъ началъ сказываться голодъ: 20 ноября вышла говядина и баранина, 15 декабря паекъ конскаго мяса былъ опредѣленъ въ тридцать граммъ, 15-го января паекъ хлѣба — неудобоваримаго, чернаго, съ примѣсью овса, ячменя или риса — уменьшенъ съ 500 до 300 граммъ, и было извѣстно, что съ 31 января городу совсѣмъ нечего будетъ ѣсть.

Близился конецъ. Трошю, обвиняемый въ бездарности со времени битвъ на Марнѣ, остался президентомъ правительства, но былъ отставленъ отъ должности главнокомандующаго парижской арміи. Его преемникъ, Винуа, закрылъ клубы, запретилъ двѣ особенно рѣзкія газеты *Réveil* и *Combat*, энергично подавилъ мятежъ 22 января, когда толпа напала на ратушу. 23-го Жюль Фавръ отправился въ Версаль и пять дней спустя заключилъ перемиріе на слѣдующихъ условіяхъ: 8 февраля должно быть избрано и на 12-ое созвано собраніе изъ делагатовъ отъ покоренныхъ областей; парижскіе форты и всѣ боевые матеріалы должны быть сданы нѣмцамъ; гарнизонъ остается въ городѣ военноплѣннымъ, кромѣ дивизіи въ 12.000 человѣкъ, которой ввѣряется охрана порядка; національная гвардія сохраняетъ свое оружіе. Но Фавръ превзошелъ мѣру самой неосторожности: онъ согласился на выгодное для нѣмцевъ размежеваніе по всей линіи ихъ аванпостовъ, согласился исключить изъ перемирія Бельфоръ и Восточную армію, плачевное состояніе которой было ему неизвѣстно, и въ своей депешѣ къ Гамбеттѣ забылъ упомянуть объ этомъ изъятіи.

Гамбетта пришелъ въ негодованіе. Онъ заявилъ, что война будетъ продолжаться ожесточенно и безпощадно, и издалъ декретъ, въ силу котораго изъ будущаго собранія исключались всѣ высшие сановноки и оффиціальные кандидаты имперіи. Но Бисмаркъ телеграфировалъ ему, что выборы должны быть свободны, и Жюль Симонъ, присланный парижскимъ правительствомъ съ неограниченнымъ полномочіемъ, объявилъ декретъ недѣйствительнымъ. Гамбетта, дрожа отъ гнѣва, подалъ въ отставку. Ободренный манифестаціями обывателей Бордо, поддерживаемый всѣмъ югомъ, онъ одну минуту имѣлъ мысль отвергнуть перемиріе, отмѣнить выборы, принять диктактуру и продолжать борьбу со всѣмъ напряженіемъ силъ до

полнаго истощенія, до послѣдняго человѣка, перенеся ее на центральное плоскогорье, въ Бретань, въ Котантэнъ и линіи Шербурга. Но генералы Гака и Тума доказали ему, что дальнѣйшее сопротивленіе невозможно.

Миръ.—Собраніе открылось 12 февраля въ Бордо. 1 марта, на томъ драматическомъ засѣданіи, гдѣ имъ было утверждено низложеніе Наполеона III и послѣдній признанъ отвѣтственнымъ за разгромъ Франціи, оно приняло прелиминарный миръ, выработанный 26 февраля Тьеромъ, какъ главой исполнительной власти, и Бисмаркомъ.

Окончательно миръ былъ заключенъ во Франкфуртѣ 10 мая. Не считая контрибуціи въ 5 милліардовъ, Германія получила Эльзасъ безъ Бельфора и т. наз. нѣмецкую Лотарингію, Тіонвиль и Мецъ. Да и отъ Бельфора нѣмцы отказались лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы вступить въ Парижъ, гдѣ они въ теченіе двухъ дней, 1 и 2 марта, занимали Елисейскія поля и пространство отъ праваго берега Сены и улицы предмѣстья Сентъ-Онорэ до площади Согласія.

Такъ кончилась эта война, которой, по словамъ Гамбетты, суждено было порѣшить споръ о преобладаніи между Германіей и Франціей. На поляхъ сраженій,—у Фрешвиллера, Меца, Седана, Парижа,—огнемъ и желѣзомъ было выковано нѣмецкое единство. 18 января 1871 г. Вильгельмъ на зеркальной галлереѣ Версальскаго дворца принялъ для себя и своихъ преемниковъ, прусскихъ королей, императорскій титулъ, „символъ древняго блеска отечества“. Нѣмецкая имперія возродилась, и камни ея фундамента были скрѣплены французской кровью.

Глава X.

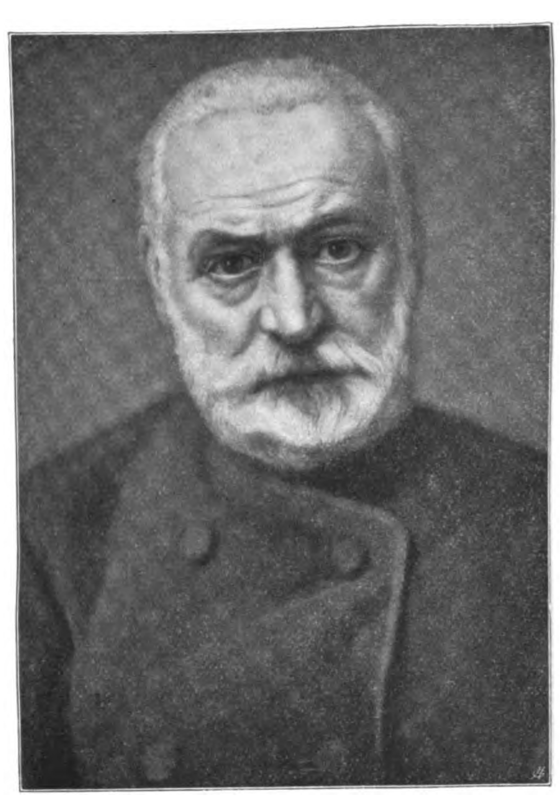
Французская литература.

1848—1870.

Французская литература въ эпоху Второй Имперіи по сравненію съ ея состояніемъ въ періодъ 1815—1848 гг. вступаетъ въ полосу упадка; этого упадка не зачѣмъ скрывать: онъ совершенно естественъ послѣ такого періода процвѣтанія литературы, который можно сравнить съ вѣкомъ Людовика XIV. Разсматриваемая эпоха характеризуется упадкомъ романтизма и поворотомъ къ реализму; около 1850 года произошло то же самое, что и въ 1660 году съ той разницей, что въ 1660 году реалисты превзошли своихъ предшественниковъ, тогда какъ въ 1850 году реалисты стали гораздо ниже писателей предшествовавшаго періода и этимъ тѣмъ рѣзче оттѣнили ихъ значеніе; и хотя въ обѣ сравниваемыя эпохи эволюція носила аналогичный характеръ, XVII столѣтіе осталось въ исторіи литературы вѣкомъ классиковъ, а XIX столѣтіе—вѣкомъ романтиковъ.

Поэты.—Въ эпоху 1848—1870 гг. поэзія благодаря послѣднимъ романтикамъ даетъ намъ еще рядъ блестящихъ произведеній. Въ 1853 году появились „Эмали и Камеи", о которыхъ мы упоминали при характеристикѣ литературной дѣятельности Теофиля Готье. Викторъ Гюго не только продолжалъ дарить французское общество своими произведеніями, но въ разсматриваемый періодъ его геній достигъ даже апогея своего развитія. Въ изгнаніи онъ всецѣло отдался литературной дѣятельности; съ другой стороны, періодъ зрѣлости оказался благопріятнымъ для развитія этого могучаго и терпѣливаго генія, подобно тому какъ для болѣе инстинктивныхъ талантовъ бываетъ благопріятенъ періодъ юности.

Съ 1850 по 1860 годъ онъ далъ намъ самыя сильныя свои произведенія. Въ 1856 году появились его *Contemplations*, сборникъ стихотвореній, то чисто субъективныхъ и элегическихъ, какъ замѣчательныя *Pauca meae*, то болѣе объективныхъ изображеній людского горя и героизма, представляющихъ какъ бы коллективную элегію человѣчества, это были тѣ же „Осеннія листья" или „Внутренніе голоса", но расширенныя и углубленныя болѣе широкимъ наблюденіемъ и усилившимся въ страданіяхъ чувствомъ. Въ гнѣвѣ обманутыхъ надеждъ и оскорбленныхъ убѣжденій онъ бросилъ міру свои страшныя и часто поразительныя по силѣ *Châtiments,* въ которыхъ наряду съ вульгарными и тривіальными ругательствами, недостойными искусства и не сглаженными талантомъ автора, содер-

Викторъ Гюго.

Victor Hugo

Жоржъ Зандъ.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

жатся мѣста чудной красоты, возрождающія лирическую сатиру, забытую со временъ д'Обинье. Ихъ значеніе было еще шире. Сравнивая величіе Первой Имперіи съ ничтожествомъ Второй, Гюго приведенъ былъ къ необходимости разсказать наиболѣе выдающіяся событія Первой Имперіи, дать (чего до сихъ поръ ему не приходилось дѣлать) стихотворное изложеніе событій, и при этомъ онъ обнаружилъ талантъ великаго эпическаго поэта. Это открытіе, неожиданное для него самого, впослѣдствіи сослужило Виктору Гюго хорошую службу; „Искупленію" изъ *Châtiments* мы обязаны „Легендой вѣковъ".

Послѣдняя появилась въ 1859 году; въ этомъ величайшемъ изъ всѣхъ написанныхъ имъ произведеній мы имѣемъ дѣло съ окончательной формой писательской манеры Гюго. Какъ это бываетъ почти всегда, публика сразу этого не замѣтила и заговорила объ упадкѣ генія; одинъ только Монтегю объявилъ новое произведеніе шедевромъ и лучшимъ твореніемъ поэта.

Въ 1865 году Гюго далъ еще „Пѣсни улицъ и лѣсовъ"; потому ли, что это произведеніе было продуктомъ юношескаго творчества, какъ утверждалъ самъ авторъ, или потому, что это мимолетная экскурсія въ совершенно чуждую ему область, эта книга весьма слаба. Въ ней замѣчается кое-гдѣ виртуозность, никогда не измѣнявшая Виктору Гюго, и попадаются иногда довольно свѣжіе наброски, но въ общемъ это тяжелое и неловкое острословіе.

Въ разсматриваемую эпоху Гюго писалъ прозой больше, чѣмъ въ какой бы то ни было другой періодъ своей жизни.

Въ 1862 году вышли въ свѣтъ „Несчастные", романъ съ соціалистическими тенденціями, въ которомъ новый эпическій талантъ Гюго развернулся въ полномъ блескѣ, особенно въ сценахъ битвы при Ватерлоо, смерти героя романа Жана Валжана и т. д. „Труженики моря", очень скучный романъ, въ которомъ попадаются поразительныя страницы, дышащія истинно-художественной красотой, появился въ 1866 году, а въ 1864 г. вышла въ свѣтъ красочная и лирическая фантазія въ формѣ критическаго произведенія, озаглавленная „Вильямъ Шекспиръ". Наконецъ, въ 1869 году вышелъ романъ „93-й годъ", лишенный всякаго интереса, а въ смыслѣ формы отличающійся всѣми недостатками стиля Виктора Гюго.

Съ этого момента для великаго поэта начинается періодъ дѣйствительнаго упадка; хотя онъ писалъ вплоть до своей смерти, наступившей въ 1885 году, и оставилъ посмертныя сочиненія, обнародованіе которыхъ не закончено до сихъ поръ, мы укажемъ здѣсь главныя его произведенія, для того чтобы впослѣдствіи къ нимъ не возвращаться. Въ 1872 году появился „Ужасный годъ" (1870—1871), въ которомъ среди безконечныхъ словоизверженій попадаются очень сильныя вещи и, по нашему мнѣнію, даже самыя могучія лирическія ноты Виктора Гюго. Во второй и третьей „Легендѣ вѣковъ" встрѣчаются нѣкоторыя прекрасныя поэмы, какъ напримѣръ, „Кладбище въ Эйлау". *L'Art d'être grand père* и *Quatre vents de l'esprit* временами производятъ пріятное впечатлѣніе.

Этотъ великій поэтъ, которому не могли повредить ни проявляемое имъ невыносимое самодовольство, ни преувеличенное поклоненіе его друзей, остается однимъ изъ крупнѣйшихъ именъ французской литературы. Будучи великимъ мастеромъ слова, онъ прекрасно зналъ всѣ ресурсы французскаго языка и съ своей стороны приумножилъ сокровищницу французской рѣчи. Викторъ Гюго былъ величайшимъ, искуснѣйшимъ и изумительнымъ художникомъ, то-есть чудеснѣйшимъ виртуозомъ слова, созвучій и риѳмъ, какого только знала французская литература.

Рядомъ съ нимъ другіе поэты кажутся пигмеями, а между тѣмъ въ эпоху Второй Имперіи появилось нѣсколько весьма почтенныхъ поэтовъ. Ученикъ Ламартина и при этомъ одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ его учениковъ, Викторъ де Лапрадъ издалъ въ 1852 г. „Евангельскія поэмы", обратившія на него вниманіе публики; его слава упрочилась изданіемъ „Психеи", крупной и довольно удачно построенной миѳологической поэмы, и нѣкоторыми отдѣльными, весьма художественными стихотвореніями, какъ напр., „Смерть дуба". Въ 1860 году онъ совершилъ довольно таки неудачную и сенсаціонную экскурсію въ область политической сатиры; въ общемъ онъ занималъ весьма почетное положеніе въ литературномъ мірѣ.

Болѣе крупнымъ поэтомъ, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ совершенства формы, является Леконтъ де Лиль. Его „Античныя поэмы" (1854) и „Варварскія поэмы" (1863) представляютъ нѣсколько монотонныя произведенія, въ которыя авторъ сумѣлъ или захотѣлъ внести только цвѣтовые и звуковые эффекты, но вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ отличаются безспорной красотой и пластической гармоніей. Воспользовавшись однимъ изъ пріемовъ Виктора Гюго, Леконтъ де Лиль сдѣлалъ изъ него цѣлый жанръ, которымъ, по нашему мнѣнію, не слѣдуетъ злоупотреблять, но который не лишенъ извѣстныхъ достоинствъ и суроваго величія. Въ періодъ 1850 — 1865 Леконтъ де Лиль стоялъ во главѣ группы молодыхъ поэтовъ, которая послѣдовательно перемѣнила множество названій, но въ концѣ-концовъ остановилась на имени „парнасцевъ" (*Parnassiens*). Эти молодые поэты главнымъ образомъ щеголяли полнымъ отсутствіемъ чувствительности и величайшей заботой о формѣ. Въ обѣихъ этихъ тенденціяхъ проявляется вліяніе Леконта де Лиля и Теофиля Готье. Не отказываясь отъ названія „безстрастныхъ", эти поэты составили во время Второй Имперіи довольно видную школу. Изъ нея вышли замѣчательные поэты, о которыхъ мы поговоримъ въ своемъ мѣстѣ и которые, какъ это часто бываетъ, распрощались съ коллективными тенденціями своей школы, какъ только дошли до сознанія своей индивидуальности.

Внѣ ихъ стоялъ симпатичный поэтъ Отранъ; своей пьесой „Дочь Эсхила" и своими сочиненіями, въ которыхъ онъ изображалъ, часто съ силой и почти всегда съ изяществомъ, красоту полей и моря, Отранъ добился значительной извѣстности, вполнѣ удовлетворявшей его въ виду присущей ему скромности. Замкнувшись въ высокомѣрное уединеніе, Шарль Бодлэръ, обладавшій незначительнымъ талантомъ, но большимъ трудолюбіемъ и оригинальностью, пріобрѣлъ себѣ среди нѣкоторой части современной ему, равно какъ и нынѣшней молодежи славу, которой онъ въ сущности не заслуживалъ. Благодаря нѣкоторымъ стихотвореніямъ, написаннымъ въ приподнятомъ тонѣ или изящно выражающимъ рѣдкую и эксцентричную мысль, нѣкоторымъ болѣзненнымъ ощущеніямъ, не всегда вытекавшимъ изъ чистаго источника и выраженнымъ въ томной и возбуждающей формѣ, небольшой томикъ Бодлэра долженъ читаться любопытными и нѣкоторое время еще будетъ читаться съ интересомъ. Но попытка сдѣлать изъ Бодлэра одно изъ славныхъ именъ французской литературы можетъ быть объяснена только подражаніемъ одной изъ чертъ его характера, а именно упорному стремленію къ мистификаціи.

Въ послѣдніе годы Имперіи на сцену выступили Сюлли Прюдомъ и Франсуа Коппэ и даже Хозе Марія де Эредіа, съ которыми мы встрѣтимся ниже, по достиженіи ими успѣха, то-есть въ эпоху Третьей Республики.

Театръ.—Въ эпоху Второй Имперіи и въ первые годы Третьей Республики мы

не замѣчаемъ никакихъ выдающихся произведенiй въ области трагедiи (можно указать лишь на „Влюбленнаго льва“ Понсара въ 1866 г. и „Галилея“ въ 1867 г., на „Madame de Montarcy“, 1856 г. и „La Conjuration d'Amboise“, 1866 г.), но зато жанръ высокой и даже низшей комедiи процвѣталъ. Два соперника, находившiеся всегда въ самыхъ дружескихъ отношенiяхъ, Эмиль Ожье и Дюма-сынъ, въ продолженiе указанныхъ двадцати или двадцати пяти лѣтъ создали комическiй репертуаръ, подобнаго которому не существовало за послѣднiя полтораста лѣтъ, и заняли мѣсто классическихъ писателей комическаго жанра наряду съ Мольеромъ, Реньяромъ, Лесажемъ и Бомарше.

Оба они, а въ особенности Ожье, испытали на себѣ влiянiе Бальзака и поворота къ реализму, сигналъ къ которому, по крайней мѣрѣ, былъ поданъ Бальзакомъ. Оба они старались освободиться отъ присущаго имъ (первому въ очень слабой степени) романтическаго элемента и стремились наблюдать и въ живыхъ краскахъ изображать окружавшую ихъ дѣйствительность. Оба они успѣли осуществить свою задачу сообразно своему темпераменту и индивидуальнымъ особенностямъ своего таланта, порвали съ искусной, но поверхностной и условной манерой Скриба (сумѣвшаго въ то же время воспользоваться ея положительными сторонами) и вернули французскому театру всю славу минувшей великой эпохи.

Ожье явился во Францiи основоположникомъ реалистическаго театра; эту славу онъ раздѣляетъ съ Дюма-сыномъ, но если строго придерживаться хронологическихъ датъ, то пальма первенства принадлежитъ въ данномъ случаѣ Ожье, такъ какъ „Габрiель“ написана въ 1849 г., а „Деми-мондъ“—въ 1855 г. и даже „Дама съ камелiями“ (если признать эту драму реалистической)—въ 1852 г. Ожье не сразу сдѣлался реалистомъ; въ началѣ своей литературной карьеры онъ искалъ новаго пути. Относясь враждебно къ романтизму, но не зная, чѣмъ его замѣнить, и будучи большимъ поклонникомъ Понсара, онъ сначала мечталъ о частичномъ возрожденiи античнаго искусства. Таково происхожденiе его „La Ciguë“ (1845 г.), недурной драмы, но отдающей нѣсколько школьнымъ духомъ; затѣмъ онъ сдѣлалъ нѣкоторыя попытки въ области чисто психологической комедiи; сюда относится его „L'Homme de bien“ (1845 г.), пьеса весьма интересная, такъ какъ для полнаго своего пониманiя она требуетъ значительнаго напряженiя мысли, но уже по тому одному не могущая разсчитывать на широкую популярность среди публики.

Наконецъ въ „Авантюристкѣ“ онъ далъ первый опытъ реалистической драмы, хотя и сдѣлалъ это косвенно и нерѣшительно; „Авантюристка“ была реалистической драмой, передъ грубостью которой Ожье отступилъ. Желая изобразить старика, завлеченнаго въ сѣти куртизанкой и грубо спасеннаго собственнымъ сыномъ, онъ не посмѣлъ одѣть своихъ героевъ въ современный костюмъ, напримѣръ, въ гусарскiя панталоны Филиппа Бридо, и перенесъ дѣйствiе въ XVI столѣтiе. Такимъ образомъ получилась реалистическая драма въ замаскированномъ видѣ. Въ „Габрiели“ (1849 г.) Ожье окончательно далъ образецъ новѣйшей мѣщанской драмы, рѣшительно направленной противъ романтизма, проникнутой буржуазнымъ настроенiемъ и заканчивающейся буржуазной моралью.

Онъ избралъ предметомъ своихъ произведенiй французскую семью XIX вѣка и сдѣлался ея изобразителемъ и историографомъ. Съ этого момента онъ можетъ, конечно, въ видѣ развлеченiя посвящать часть своего времени на составленiе такихъ (впрочемъ, превосходныхъ) пьесъ, какъ „Joueur de flûte“ и „Philiberte“, но его роль и задачи вполнѣ опредѣлились; онъ сдѣлался бытописателемъ современнаго ему общества, останавливаясь

съ особенной любовью на вліяніи половыхъ пороковъ и отношеній между мужчинами и женщинами, на жизнь семьи, на вызываемые ими конфликты и катастрофы. Его дѣятельность въ этомъ направленіи встрѣчала всеобщее пониманіе и одобреніе, причемъ его поддерживали такіе знаменитые писатели, какъ Мериме, который долженъ былъ съ удовольствіемъ смотрѣть на то, что драма вступаетъ на тотъ же путь, на какой онъ самъ поставилъ романъ.

Затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ пьесъ, какъ „Le Gendre de M. Poirier" (1854), „Le Mariage d Olympe" (1855), „Les Lionnes pauvres" (1858), „Les Effrontés" (1861), „Le fils de Giboger" (1862), „Maître Guérin" (1864), „Paul Forestier" (1868), вплоть до „Madame Caverlet" (1876) и „Les Fourchambault" (1878). Всѣ эти пьесы изображали современную французскую семью въ различныхъ видахъ; въ нихъ выводились дѣльцы, провинціальные судьи, литературная богема, политическій салонъ, мѣщанка, родившаяся куртизанкой, и куртизанка, сдѣлавшаяся „честной женщиной" (и вытекающіе изъ этихъ превращеній результаты); по геніальному наитію, которое онъ превратилъ въ чисто механическій пріемъ, авторъ сопоставлялъ непримиримую и строгую честность двадцатипятилѣтняго юноши съ моральнымъ паденіемъ пятидесятилѣтняго отца семейства, смущеннаго и краснѣющаго за свои грѣхи; въ этихъ пьесахъ Ожье какъ бы дѣлалъ смотръ всему современному обществу и изображалъ его съ нѣкоторыми преувеличеніями, обыкновенно свойственными театральнымъ произведеніямъ, но съ точностью, а иногда и съ глубокой проницательностью.

Всѣ эти пьесы отличаются живымъ характеромъ и содержатъ также значительную долю общей и вѣчной истины, способной надолго пережить породившую ихъ эпоху. Если считать по созданнымъ типамъ,—а это вовсе не дурной пріемъ счета,—то слѣдуетъ упомянуть Габріель („непонятую женщину", въ то время новый типъ или, по крайней мѣрѣ, впервые осмѣянный), г. Пуарье, бѣдную львицу, Жибуайе, д'Эстриго, Наваретъ (типъ куртизанки-дѣльца, впервые выведенный на сцену), г. Герэна и обольстительнаго Лестибулуа, префекта Второй Имперіи. Это весьма недурная галлерея типовъ. При этомъ Ожье обладалъ замѣчательнымъ техническимъ даромъ и умѣлъ прекрасно скомпоновать свои нѣсколько растянутыя пьесы.

Онъ отличался большимъ остроуміемъ; его „словечки" были очень удачны, составлены въ чисто-французскомъ духѣ и напоминали говоруновъ конца XVIII вѣка. Нѣкоторыя оригинальныя черты дополняли его физіономію, физіономію крупнаго французскаго буржуа середины XIX вѣка; онъ вѣрилъ въ колоссальное вліяніе іезуитовъ и журналистовъ, которыхъ онъ терпѣть не могъ; онъ видѣлъ въ нихъ два грозныхъ союза, противъ которыхъ несчастному, попавшему въ ихъ сѣти, совершенно безполезно бороться. Это отвращеніе къ іезуитамъ характерно для буржуа эпохи Луи-Филиппа, а этотъ ужасъ передъ журналистами—для ученика Бальзака, который также до крайности преувеличивалъ злокозненную силу журналистовъ.

Въ общемъ драматическія произведенія Эмиля Ожье представляютъ крупное явленіе. Ему можно, пожалуй, поставить въ укоръ нѣкоторую сухость и упорное стремленіе избѣгать всякой чувствительности,—недостатокъ, общій всѣмъ писателямъ, которымъ надоѣла романтическая декламація и которые старались съ ней бороться. Но при всемъ томъ произведенія Ожье представляютъ прочный и блестящій памятникъ, который черезъ двадцать лѣтъ еще сильнѣе, чѣмъ въ настоящее время, будетъ привлекать вниманіе и возбуждать удивленіе людей,—я говорю: людей.

Дюма-сынъ былъ столь же великъ и, пожалуй, болѣе оригиналенъ. Будучи сыномъ романтика, отличаясь любовью къ романтическому элементу (любовью, которая никогда его не оставляла), обладая особенной чувствительностью скорѣе нервнаго, чѣмъ сентиментальнаго свойства, но, во всякомъ случаѣ, настолько сильной, что она должна была надольше привязать его къ школѣ, господствовавшей до 1850 года, Дюма-сынъ не такъ скоро, какъ Ожье, нашелъ свое настоящее призваніе. Свою литературную дѣятельность онъ началъ довольно слабыми романами, изъ которыхъ одни были написаны въ сентиментальномъ, а другіе въ комическомъ духѣ. Одинъ изъ нихъ, „Дама съ камеліями", признанъ былъ шедевромъ; въ 1852 году онъ передѣлалъ его въ романтическую драму, отличавшуюся уже нѣкоторыми реалистическими чертами. Онъ добился извѣстности.

Въ 1853 году появилась „Diane de Lys"; наполовину еще романтическій, наполовину реалистическій, этотъ романъ не отличался ни такой глубиной, ни такой трогательностью, какъ „Дама съ камеліями", но онъ упрочилъ все-таки мнѣніе французской публики о талантѣ автора. А въ 1855 г. появилась пьеса „Полусвѣтъ", показавшая, что Дюма обладаетъ еще громаднымъ талантомъ драматическаго писателя. Вдохновеннымъ взглядомъ Дюма проникъ въ современное общество; онъ замѣтилъ, что нѣкогда непреодолимый барьеръ, отдѣлявшій міръ честныхъ женщинъ отъ остальныхъ, понизился, что между обоими мірами установилось нѣкоторое общеніе, что на раздѣлявшей ихъ границѣ возникъ промежуточный міръ, сомнительный полусвѣтъ, отъ котораго настоящій „свѣтъ" не умѣлъ въ достаточной степени отмежеваться, что это явленіе чрезвычайно серьезно и, во всякомъ случаѣ, весьма интересно. Уловивши основныя черты этой картины, онъ написалъ очень сильную, прекрасно построенную, точную и вѣрную пьесу, которая совершенно свободна была отъ романтическаго или сентиментальнаго элемента.

Успѣхъ этой пьесы былъ громаденъ, и съ этого момента литературный успѣхъ и слава не оставляли Дюма-сына. Онъ избралъ себѣ два жанра, къ которымъ въ послѣднее время прибавилъ еще третій. То онъ, подобно Ожье, писалъ просто комедію нравовъ; таковы его: „Le père prodigue (1859), „L'Ami des femmes" (1864), „Les Idées de madame Aubray" (1867), „Une visite de noces" (1871), „Monsieur Alphonse" (1873). Въ этихъ пьесахъ онъ изображалъ вѣчные людскіе пороки, но въ той специфической формѣ, которую они приняли въ нашу эпоху: въ „Père prodigue" осмѣивается старый ловеласъ, упорно разыгрывающій роль молодого человѣка; въ „Les Idées de madame Aubray" изображается столкновеніе словъ и дѣла и описываются мученія человѣка, котораго обстоятельства принуждаютъ согласовать свои поступки со своими фразами; въ „Une visite de noces", замѣчательной одноактной драмѣ, описывается страшное разочарованіе человѣка, принявшаго половое увлеченіе за истинную любовь; въ превосходной пьесѣ „Monsieur Alphonse" изображается любовь женщины изъ народа, эгоизмъ мужчины и—къ ужасу для виновныхъ родителей—поражающе раннее развитіе ребенка, родившагося и воспитаннаго въ ненормальныхъ условіяхъ; въ „L'Ami des femmes", самой глубокой пьесѣ Дюма и, пожалуй, всего новѣйшаго театра, описываются неуравновѣшенность, нервозность, неустойчивость, преувеличенная стыдливость, сейчасъ же смѣняющаяся моральнымъ паденіемъ, наконецъ „нелѣпый характеръ", выработанный въ женщинѣ, одаренной притомъ хорошими задатками, сентиментальнымъ воспитаніемъ и романтическимъ настроеніемъ.

Иногда Дюма, подобно своему великому предшественнику Мольеру, писалъ пьесы съ тенденціей, въ которыхъ онъ ставилъ какой-нибудь вопросъ и заставлялъ дѣйствующихъ лицъ, поставленныхъ въ опредѣленныя условія, давать на него наглядный отвѣтъ. Такъ въ „La Question d'argent" (1857) и „Le Fils naturel" (1858) онъ выступалъ въ защиту той или иной изъ дорогихъ ему мыслей и подсказывалъ то рѣшеніе, которое онъ лично давалъ поставленному вопросу; въ „Question d'argent" онъ объявилъ соціальный паразитизмъ порокомъ и требовалъ, чтобы праздное и непроизводительное богатство было обложено особымъ налогомъ, какъ нарушеніе гражданскаго долга; въ „Fils naturel" онъ клеймилъ жестокость закона, позволяющаго мужчинѣ буквально выбрасывать на мостовую ребенка, отцомъ котораго онъ является по всей очевидности и по собственному признанію, и предоставляющаго драматургу покарать этого недостойнаго отца путемъ его осмѣянія.

Наконецъ, къ концу своей писательской карьеры Дюма, вернувшись къ своимъ первоначальнымъ тенденціямъ, написалъ нѣсколько чисто-романтическихъ пьесъ, нѣсколько пахнувшихъ даже мелодрамой, очень патетическихъ или очень веселыхъ, какъ напримѣръ. „La Princesse Georges", „La Femme de Claude" (скорѣе пылкая сатира на испорченныхъ женщинъ, чѣмъ драма), „L'Etrangère", „La princesse de Bagdad" и прелестная сентиментальная комедія „Dénise".

Въ своихъ драматическихъ произведеніяхъ Дюма-сынъ затронулъ множество мыслей, поднялъ массу вопросовъ, изучилъ цѣлыя специфическія области и потаенные уголки современнаго общества; при этомъ онъ обнаружилъ умѣлый выборъ, останавливаясь на дѣйствительно интересныхъ положеніяхъ и освѣщая ихъ яркимъ свѣтомъ. Если мы примѣнимъ къ Дюма тотъ же пріемъ, который мы примѣнили къ Ожье, и обратимъ вниманіе на созданные писателемъ типы, то въ этомъ отношеніи пальму первенства придется, пожалуй, отдать его знаменитому сопернику, да и это еще подлежитъ сомнѣнію: современный повѣса, то щедрый, то черствый (де-Ріонъ, Шарзе, де-Жалэнъ); интриганка, прожигающая жизнь и пускающаяся на всякія хитрости для того, чтобы перейти изъ міра испорченности въ не столь порочную среду (баронесса д'Анжъ); умный дѣлецъ, человѣкъ не дурной, почти благородный, но совершенно лишенный моральнаго чутья (Жанъ Жиро); расточительный отецъ, влюбленная женщина изъ народа (госпожа Гишаръ); наконецъ, г. Альфонсъ—все это удачно схваченные типы, отмѣченные неизгладимыми чертами. Искусство, съ которымъ въ этихъ пьесахъ проведено дѣйствіе, часто вызываетъ удивленіе. Быстрое движеніе, увѣренность и точность эффектовъ, сильныя сцены и нервные діалоги придаютъ этимъ пьесамъ огромныя достоинства, обезпечивающія имъ возможность надолго пережить породившія ихъ условія и описанное въ нихъ общество. Средина XIX столѣтія выдвинула двухъ такихъ драматурговъ, которыхъ одно поколѣніе завѣщало слѣдующему для того, чтобы послѣднее могло въ ихъ произведеніяхъ узнать себя самого и своихъ предшественниковъ.

Эта же эпоха дала еще, по крайней мѣрѣ, двухъ не столь великихъ писателей, но обладавшихъ высоко развитой техникой, умѣвшихъ построить комедію съ утонченной ловкостью, заинтересовать или развлечь зрителя и вообще бывшихъ замѣчательными мастерами въ области самаго труднаго изъ всѣхъ видовъ искусства. Викторіенъ Сарду въ началѣ Имперіи съ увлеченіемъ изучалъ произведенія Мольера, Бомарше и Скриба; какъ разсказываютъ, онъ производилъ слѣдующее упражненіе: прочитавши первый актъ какой-нибудь пьесы Скриба, онъ закрывалъ

книгу и старался представить себѣ дальнѣйшій ходъ интриги и развязку, причемъ онъ чувствовалъ себя совершеннымъ счастливцемъ (и это счастье случалось съ нимъ нерѣдко), если придуманная имъ пьеса довольно точно совпадала съ сочиненіемъ Скриба. Но что важнѣе всего, Сарду обладалъ литературнымъ дарованіемъ, и драматическая комбинація сама собой слагалась въ его мозгу,

Его первыя пьесы (*La Perle noire*, *La Papillone*) являются чудомъ остроумія и искусства и въ этомъ отношеніи стоятъ даже выше позднѣйшихъ его произведеній. Къ присущему ему техническому искусству впослѣдствіи присоединилась способность нѣсколько поверхностнаго наблюденія, схватывавшаго мимолетные промахи, эфемерныя смѣшныя черты, измѣнчивыя моды и причуды; этой способности онъ обязанъ успѣхомъ своихъ пьесъ „Nos intimes“, „La famille Benoîton“, „Seraphine“, „Daniel Rochat“, „Rabagas“. Наконецъ, будучи по существу водевилистомъ, онъ при желаніи могъ сочинять недурную мелодраму; „La Haine“ и „Patrie“ представляютъ патетическія и красиво написанныя драмы, а „Madame Sans-Gêne“, съ одной стороны, и „Théodora“—съ другой, являются искусно составленными историческими драмами, смотрящимися съ неослабѣваемымъ интересомъ. Среди этой массы пьесъ, доказывающей изумительную плодовитость и гибкость таланта, небольшая пьеска „Divorçons!“, состоящая изъ трехъ коротенькихъ актовъ, обнаруживаетъ въ авторѣ недюжинную способность къ тонкому психологическому анализу и заслуживаетъ вниманія не только толпы, но и знатоковъ.

Сарду, подобно Скрибу, рядомъ съ которымъ поставитъ его потомство, ибо оно возвратитъ Скрибу отнятую у него славу,—Сарду (что рѣдко бываетъ съ драматургами) до глубокой старости сохранилъ весь свой талантъ и искусство и даже пріобрѣлъ больше увѣренности. И въ настоящее время онъ пишетъ превосходныя вещи, причемъ мы не замѣчаемъ никакихъ признаковъ, которые позволили бы намъ думать о близкомъ концѣ его литературной дѣятельности; онъ обладаетъ темпераментомъ драматурга въ такой степени, какая до сихъ поръ наблюдалась въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ.

Лабишъ обладалъ живой фантазіей и большимъ юморомъ, комическимъ воображеніемъ, неистощимымъ въ придумываніи положеній, вполнѣ естественныхъ сюрпризовъ, неожиданныхъ поворотовъ, развлекающихъ событій, логически развертывающихся и принимающихъ характеръ веселаго фарса, ничуть не утрачивая при этомъ своего правдоподобія, открытой и непосредственной веселостью, свободно выливающейся, не отдающей придуманностью, забавляющей себя и другихъ, беззлобной, лишенной даже желчи и какъ бы довольной тѣмъ, что въ человѣчествѣ встрѣчается столько комизма. У Лабиша насмѣшка теряетъ характеръ злости, который всегда присущъ ей, даже въ самомъ ослабленномъ ея видѣ; у него насмѣшка кажется просто одной изъ формъ (правда, нѣсколько пикантной) добродушія.

Эта основанная на веселомъ добродушіи жизнерадостность, разлитая по всѣмъ произведеніямъ Лабиша, нѣсколько затемняетъ даже истину, если не глубину наблюденія. „Ему недостаетъ только нѣсколько больше горечи, — сказалъ про него Ожье,—для того чтобы казаться глубокимъ“. Это совершенно справедливо. Лабишъ обладалъ всѣми необходимыми способностями для того, чтобы сдѣлаться грознымъ цензоромъ нашихъ недостатковъ и пороковъ; но онъ предпочелъ смотрѣть на нихъ и изображать ихъ съ увеселительной точки зрѣнія. Онъ оставилъ рядъ остроумныхъ пьесъ, производящихъ здоровое и освѣжающее впе-

чатлѣніе, комедій, которыя дѣйствительно смѣшны (свойство, рѣдко встрѣчающееся не только среди его современниковъ), мелкихъ шедевровъ, проникнутыхъ духомъ веселой радости, остроуміемъ и полныхъ движенія. И не скоро отыскался ему преемникъ.

Романисты.—Эпоха Второй Имперіи выдвинула много талантливыхъ романистовъ, а одинъ изъ нихъ, Густавъ Флоберъ, заслуживаетъ даже названія великаго романиста. Въ Флоберѣ, какъ и въ Бальзакѣ, соединились романтикъ и реалистъ; реалистическій элементъ былъ въ немъ гораздо цѣннѣе и, какъ это бываетъ, пользовался съ его стороны гораздо меньшей симпатіей. Онъ писалъ „Госпожу Бовари" со скукой, а „Искушеніе св. Антонія"—съ увлеченіемъ. Въ качествѣ романтика, прямого ученика Шатобріана, онъ прежде всего любилъ красивую, отдѣланную, звучную и блестящую прозу; будучи прекраснымъ стилистомъ, онъ далъ рядъ сильныхъ и рельефныхъ описаній поразительной красоты. Кромѣ того, онъ любилъ возвращаться къ минувшимъ временамъ и далъ намъ описаніе варварскаго міра въ Африкѣ въ эпоху Сципіоновъ („Саламбо"), средневѣковья („Святой Іоаннъ Странноприимецъ"), еврейскаго народа во времена Іисуса („Иродіада") и т. п.

Реалистъ Флоберъ съ удивительной силой проникалъ въ сокровенную сущность людей и явленій, особенно маленькихъ людей и пошлыхъ явленій; онъ подмѣчалъ не только смѣшныя стороны, но и всю психологію жителей небольшихъ городовъ, проникалъ въ ихъ душу, разгадывалъ ихъ побужденія, медленное зарожденіе ихъ чувствъ, послѣдовательное развитіе ихъ страстей во всѣхъ деталяхъ и малѣйшихъ изгибахъ. Онъ то схватывалъ съ полной опредѣленностью духъ давно минувшей эпохи („L'éducation sentimentale"), весь комплексъ предразсудковъ, стремленій и странностей цѣлаго поколѣнія, и изображалъ людей, управляемыхъ этими силами, страдающихъ отъ нихъ, потрясаемыхъ ими или же прозябающихъ и какъ бы закоченѣлыхъ подъ ихъ мягкимъ, но непобѣдимымъ давленіемъ и остающихся пассивными даже въ моментъ наиболѣе лихорадочной, казалось бы, подвижности. При этомъ Флоберъ больше придерживался дѣйствительности, чѣмъ Бальзакъ, избѣгая фантастическихъ преувеличеній и искаженій, неожиданныхъ отклоненій и не давая воли полету воображенія.

Обладая этими замѣчательными чертами, Флоберъ создалъ шедевръ „Madame Bovary", который въ виду проникающей его тенденціи представляетъ не только чисто литературное произведеніе, но имѣетъ и общественное значеніе; въ этомъ романѣ онъ изображалъ то, что Ожье только намѣчалъ въ „Габріели" и „Бѣдныхъ львицахъ", даровитую и почти интеллигентную женщину, но изуродованную сентиментальнымъ воспитаніемъ, чтеніемъ романтическихъ романовъ, стремленіемъ къ роскоши, нелѣпымъ преклоненіемъ передъ жизнью высшихъ классовъ, совершающую цѣлый рядъ паденій и не заслуживающую сожалѣнія, такъ какъ она при всѣхъ перипетіяхъ своей жизни остается смѣшной,—и въ этомъ заключается великая мораль этого произведенія. „L'Education sentimentale", въ которомъ разсыпано гораздо больше мыслей и выведено гораздо больше дѣйствующихъ лицъ, можно было бы поставить выше „Мадамъ Бовари", если бы оно не было такъ скучно; скверно скомпанованное, растянутое и изобилующее излишними длиннотами, это сочиненіе является рѣшительно неудобочитаемымъ; его слѣдуетъ прочитать одинъ разъ, а затѣмъ, отмѣтивши наиболѣе выдающіяся по наблюдательности и глубокомыслію мѣста, возвращаться къ нему неоднократно и перечитывать его безъ устали. Этотъ человѣкъ, мысль котораго работала тяжело и которому исполненіе

давалось съ большимъ трудомъ, мучимый желаніемъ не оставить ни одной строчки, тщательно не отдѣланной и не отличающейся полной ясностью и стилистическими достоинствами, создалъ очень немного, но все, что онъ далъ публикѣ, заслуживаетъ величайшаго интереса. Флоберъ оказалъ огромное вліяніе на развитіе реалистической литературы, которое началось до него, но которое было имъ ускорено и которому онъ придалъ окончательное направленіе.

Во всѣхъ смыслахъ далеко отъ него стоялъ Октавъ Фейе, тонкій и выдающійся писатель, прекрасно знавшій свѣтскихъ людей, мужчинъ и женщинъ, любившій ихъ нѣсколько чрезмѣрной любовью и слишкомъ желавшій имъ нравиться,—что помѣшало ему изобразить ихъ съ той полнотой, которая допускалась его проницательной наблюдательностью,—всегда идеализировавшій ихъ, даже когда онъ описывалъ ихъ пороки. Фейе (Feuillet) писалъ въ очень чистомъ, нѣсколько кокетливомъ, черезчуръ элегантномъ, если не вычурномъ, стилѣ красивые разсказы о бѣдномъ и гордомъ юношѣ и о гордой, богатой дѣвицѣ; о глубоко набожной дѣвушкѣ, которая разстается съ любимымъ, но невѣрующимъ человѣкомъ; о лойяльномъ и гордомъ жантильомѣ изъ высшаго свѣта, но человѣкѣ съ сухимъ и черствымъ сердцемъ, распространяющемъ поэтому вокругъ себя одно горе и въ концѣ-концовъ лично пострадавшемъ и умершемъ отъ посѣянныхъ имъ кругомъ бѣдствій.

Эти романы, проникнутые духомъ романтизма, соотвѣтствовали въ извѣстномъ смыслѣ дѣйствительности; они изображали психологическое состояніе части французскаго общества 60-хъ годовъ. Этотъ особый, нѣсколько ограниченный мірокъ, колебавшійся между открытымъ эгоизмомъ и новѣйшимъ сенсуализмомъ, съ одной стороны, и между извѣстными традиціями сентиментализма, религіозно настроенный и проникнутый рыцарскимъ духомъ, узнавалъ себя въ прикрашенномъ видѣ (что ему, конечно, не нравилось) въ сочиненіяхъ Фейе и относился къ нимъ съ интересомъ, напоминающимъ то удовольствіе, которое мы испытываемъ, когда видимъ, что насъ понимаетъ вѣжливый и воспитанный человѣкъ. Толпа, съ своей стороны, съ неослабѣвающимъ интересомъ слѣдила за сочиненіями Фейе, открывающими ей жизнь надъ ней стоящаго міра, передъ которымъ она смутно преклоняется, утѣшая себя тѣмъ, что она не принадлежитъ къ этому міру, для того чтобы имѣть возможность позлословить на его счетъ.

Фейе пользовался большимъ и вполнѣ заслуженнымъ успѣхомъ. Онъ иногда писалъ и для театра, то передѣлывая свои романы въ довольно недурныя пьесы, то прямо сочиняя пьесы для сцены („Далила"). Его драматическія произведенія, всецѣло проникнутыя романтическимъ духомъ, пользовались симпатіями публики именно потому, что, какъ мы уже говорили, владѣвшіе сценой чистые реалисты, Ожье и Дюма, а также Сарду (по другимъ мотивамъ), а тѣмъ болѣе такіе водевилисты, какъ Лабишъ, совершенно не разрабатывавшіе женскихъ характеровъ, отводили чувству очень мало мѣста въ своихъ пьесахъ. Но если людямъ „стыдно плакать въ театрѣ", какъ сказалъ Лабрюйеръ, то они любятъ испытывать тамъ трогательныя ощущенія, а за исключеніемъ народныхъ мелодрамъ только пьесы Фейе давали удовлетвореніе этому законному желанію. Это былъ талантливый и остроумный человѣкъ, лишенный воображенія, отличавшійся извѣстнымъ риторическимъ искусствомъ и ограниченной, но довольно точной наблюдательностью; онъ сумѣлъ дать все, что было въ его силахъ, и это обезпечило ему громкій и почетный успѣхъ.

Эдмондъ Абу обнаружилъ такое остроуміе, что съ первыхъ же шаговъ его ли-

тературной дѣятельности его прозвали сыномъ Вольтера и даже просто Вольтеромъ, что̀ было уже излишней краткостью выраженія. Воспитанникъ Нормальной Школы и Аѳинской Школы, онъ привезъ изъ Аѳинъ въ 1855 году извѣстную книгу „Современная Греція", написанную съ такимъ остроуміемъ и веселостью, что имя его прославилось за одну недѣлю; затѣмъ послѣдовали „Tolla", весьма живо написанный романъ изъ итальянской жизни. „Les Mariages de Paris", „Le roi des Montagnes", воспоминанія о Греціи, которыя можно было бы озаглавить „Греческія трущобы", далѣе „Germaine", парижскій романъ, развязка котораго происходитъ въ Греціи и въ которомъ Абу соединилъ свои знанія изъ парижской и греческой жизни; эти произведенія доставили молодому писателю блестящую репутацію. Онъ не потерялъ, а еще увеличилъ эту репутацію во второмъ періодѣ своей литературной дѣятельности. Комическіе романы „Le Nez d'un notaire", „L'Homme à l'oreille cassée" и „Trente et quarante" и въ настоящее время читаются съ удовольствіемъ; но „Le cas de maître Guérin" представляетъ нѣсколько тяжеловѣсную фантазію; романъ „Madelon", первая часть котораго написана сильно и ярко, слишкомъ растянутъ; „Les Mariages de province" содержитъ еще нѣсколько довольно пикантныхъ разсказовъ, не представляющихъ, впрочемъ, особеннаго интереса.

Кромѣ того, Абу увлекался журналистикой; сначала въ *Figaro*, затѣмъ въ *Gaulois* и, наконецъ, въ *XIX siècle*, который онъ редактировалъ вплоть до смерти (въ 1884 году), онъ обнаружилъ блестящій талантъ и пріобрѣлъ славу грознаго полемиста, впрочемъ, безъ особой пользы для настоящей литературы. Обладая легкимъ умомъ, чистотою и ясностью слога, необыкновенной живостью и одаренный поразительнымъ талантомъ популяризатора (*Progrès, A. B. C. du travailleur*), Эдмондъ Абу лишенъ былъ умственной самостоятельности и постоянства. Этимъ объясняется, что публика видѣла въ немъ просто веселаго разсказчика, одареннаго рѣдкими способностями; на самомъ дѣлѣ, онъ былъ болѣе крупной величиной, но ему недоставало той силы, которая превращаетъ очень умнаго человѣка въ мыслителя.

Философія. — Эпоха Второй Имперіи была почти великой философской эпохой. Въ это время склонилась къ упадку и исчезла эклектическая школа Кузена, Жуффруа, Дамирона и др., а на смѣну ей выступила позитивистская школа, и вмѣстѣ съ тѣмъ возникла группа выдающихся и высоко развитыхъ идеалистовъ. Такимъ образомъ мы имѣемъ дѣло съ умственнымъ броженіемъ и разногласіями, но именно это и доказываетъ общую работу мысли и указываетъ историку, что въ данномъ случаѣ передъ нимъ серьезное философское движеніе.

Самый блестящій изъ учениковъ Кузена (притомъ весьма независимый ученикъ), въ молодыхъ лѣтахъ достигшій прочной репутаціи, что̀ могло бы внушить ему мысль о недолговѣчной жизни и въ чемъ онъ, впрочемъ, сильно ошибся бы, Жюль Симонъ, чувствуя, быть можетъ, что метафизика школы, къ которой онъ принадлежалъ, крайне слаба, и слѣдуя, кромѣ того, влеченіямъ своего вкуса, почти исключительно замкнулся въ изученіе вопросовъ морали. Онъ написалъ очень хорошую книгу подъ заглавіемъ „Долгъ"; затѣмъ въ своихъ соціологическихъ этюдахъ „L'Ouvrière, „L'Ouvrier de huit ans" онъ приступилъ къ анализу грозной проблемы объ отношеніяхъ между матеріальными и моральными условіями въ современномъ обществѣ. Вскорѣ онъ увлекся политической дѣятельностью, и ниже намъ придется коснуться его, какъ оратора. Прекрасный слогъ, ясность и прозрачность мысли, рѣдкая гибкость ума, остроуміе и хитрость, незамѣтныя при началѣ его карьеры и обнаружившіяся

съ гораздо большей ясностью впослѣдствіи,—таковы были отличительныя черты этого выдающагося человѣка.

Незадолго до того позитивизмъ потерялъ своего знаменитаго и могучаго основателя, Огюста Конта, который писалъ въ эпоху Луи-Филиппа, но котораго можно съ удобствомъ причислить къ разсматриваемой нами эпохѣ, такъ какъ онъ, подобно всѣмъ великимъ мыслителямъ, жилъ только послѣ своей смерти, и въ особенности въ періодъ 1848—1870 г.. Контъ хотѣлъ совершенно изгнать метафизику изъ области человѣческаго мышленія и идейныхъ интересовъ, построить философію на научной основѣ, начертать для людей программу должнаго, мораль, которая вытекала бы исключительно изъ ихъ природы, поскольку послѣдняя вытекаетъ изъ открытыхъ наукой естественныхъ законовъ мірозданія. Это было прекрасное (хотя, быть можетъ, и тщетное) усиліе разрѣшить присущее намъ внутреннее противорѣчіе между животной стороной нашей натуры и нашими возвышенными стремленіями, упростить наше самопониманіе и нашу мораль, не жертвуя притомъ вѣчными и основными элементами нравственности, и искоренить изъ нашей души таинственные порывы къ чему-то неизвѣстному и смутное чувство тоски. При жизни онъ оставался почти неизвѣстенъ; но въ первые годы Второй Имперіи его ученики Литтре и Тэнъ привлекли вниманіе общества къ своему учителю и къ самимъ себѣ. Литтре написалъ замѣчательное введеніе къ собранію сочиненій Огюста Конта и въ сотрудничествѣ съ нѣсколькими единомышленниками помѣстилъ въ философскихъ журналахъ того времени рядъ статей, въ которыхъ онъ постепенно и упорно популяризировалъ доктрину своего учителя среди широкихъ слоевъ читателей. Заговоривши о Литтре, укажемъ кстати на извѣстное сочиненіе въ совершенно другомъ родѣ, прославившее его имя во всемъ мірѣ, а именно на „Историческій Словарь французскаго языка“ (*Dictionnaire historique de la langue française*).

Тэнъ былъ больше, чѣмъ простымъ популяризаторомъ,—это былъ оригинальный мыслитель. Глубоко заинтересованный „Курсомъ положительной философіи“ Огюста Конта, но вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасно знакомый съ произведеніями Милля, Дарвина и Спенсера, которые одновременно съ выступленіемъ Тэна на поприще умственной дѣятельности полагали въ Англіи основаніе новѣйшей научной философіи; не пренебрегая, а, напротивъ, умѣло пользуясь метафизической философіей нѣмцевъ, въ частности Гегеля и Фихте, Тэнъ, при своей поразительной способности усвоенія прочитаннаго, сдѣлавшись ученымъ въ двадцать лѣтъ, сразу (и, пожалуй, нѣсколько преждевременно) началъ писать философскія произведенія, сочиненія по моральнымъ вопросамъ, литературныя и критическія произведенія.

Укажемъ на „Французскихъ философовъ XIX вѣка“, сочиненіе, которое въ одно и то же время является жестокимъ памфлетомъ и сильнымъ догматическимъ изложеніемъ позитивизма; „Thomas Graindorge“, мѣстами поверхностный, но временами довольно глубокій анализъ современнаго общества,—анализъ, по которому уже можно было предвидѣть предстоявшее превращеніе Тэна въ желчнаго мизантропа; „L'Intelligence“, сильно написанный этюдъ по физіологической психологіи; „Исторія англійской литературы“, неровно написанное, мѣстами превосходное сочиненіе, отдѣльныя части котораго, какъ, напримѣръ, этюдъ о Шекспирѣ, являются шедеврами глубокаго проникновенія и художественнаго воспроизведенія предмета; „Лафонтэнъ и его басни“, образецъ скорѣе философской, чѣмъ литературной критики, скорѣе психологическій, чѣмъ эстетическій этюдъ, но умно и блестяще написанный и поражающій

широтой обобщенія; „Критическіе и историческіе опыты“, сборникъ статей, который можно было бы признать лучшимъ произведеніемъ Тэна и въ которомъ имѣются статьи о Бальзакѣ и Расинѣ, являющіяся въ сущности прекрасными книгами (хотя со статьей о Расинѣ можно и не соглашаться).

Таково было начало литературной дѣятельности Тэна, причемъ мы не привели всѣхъ сочиненій юношескаго періода. Впослѣдствіи, увлекшись изученіемъ исторіи, онъ задумалъ обширное произведеніе „Происхожденіе современной Франціи“, изслѣдованіе о послѣднихъ годахъ стараго режима, о революціи, имперіи и объ эволюціи французскаго общества послѣ этихъ потрясеній и подъ ихъ вліяніемъ. Это сочиненіе, вызывающее массу возраженій, подобно всѣмъ произведеніямъ, содержащимъ множество мыслей, тѣмъ не менѣе остается крупнымъ памятникомъ; оно является продуктомъ упорнаго труда, продолжительнаго размышленія, поразительной способности къ обобщенію и синтезу, не имѣющей себѣ равной въ исторіи XIX вѣка. Оно вызвало размышленія и споры и составило эпоху; до того времени французская революція служила предметомъ проклятія или преклоненія, а послѣ изданія этого сочиненія она сдѣлалась предметомъ физіологическаго, если такъ можно выразиться, изученія.

На противоположномъ полюсѣ философскаго міра мы видимъ Ренувье и Равесона, работавшихъ съ различныхъ сторонъ надъ возстановленіемъ идеализма, Каро и Жанэ, являвшихся независимыми и оригинальными продолжателями спиритуалистической школы предшествовавшей эпохи. Краснорѣчивый Каро въ своихъ лекціяхъ, читанныхъ въ Сорбоннѣ, и въ своихъ сочиненіяхъ старался главнымъ образомъ стать на почву морали и силился доказать, что она погибнетъ, если признаетъ и станетъ распространять идеи позитивизма. Его книги объ „Идеѣ Божества“, о „Концѣ XVIII вѣка“, о „Философіи Гёте“ и многія другія написаны чистымъ и увлекательнымъ языкомъ и отличаются гораздо большими философскими достоинствами, чѣмъ это утверждали его противники.

Жанэ, болѣе образованный и прекрасно знакомый съ исторіей философіи, обладавшій весьма широкими взглядами и притомъ отличавшійся значительной терпимостью, не мѣшавшей ему оставаться вѣрнымъ своимъ спиритуалистическимъ убѣжденіямъ, старался понять все и дать добросовѣстное и толковое изложеніе всѣхъ философскихъ системъ. Равесонъ, послѣ своей блестящей диссертаціи о „Привычкѣ“, не любилъ много писать; онъ распространилъ свои возвышенныя и порой проницательныя философскія идеи въ бесѣдахъ, принесшихъ огромную пользу многимъ выдающимся умамъ, составилъ въ 1867 году „Докладъ о философіи XIX вѣка“, являющійся настоящей исторіей и даже больше чѣмъ просто исторіей современной философіи, и въ концѣ-концовъ замкнулся въ изученіе искусства, которое онъ страстно любитъ и прекрасно понимаетъ. Ренувье въ своихъ „Опытахъ общей критики“ (1855—1864) и „Философской критики“ старался обновить и возродить философію Канта, а профессоръ Нормальной Школы, Лашелье, въ своей книгѣ объ „Индукціи“ и въ немногочисленныхъ статьяхъ защищалъ аналогичныя идеи съ удивительнымъ талантомъ и съ сжатой діалектикой при изложеніи чужихъ мыслей.

Но какъ бы въ центрѣ и на вершинѣ интеллектуальнаго міра стоялъ философъ, историкъ, моралистъ, соціологъ, филологъ и мечтатель Ренанъ, легко оперировавшій всякими идеями и привлекавшій къ себѣ всеобщее вниманіе. Это былъ выдающійся умъ, соединенный съ такой же необыкновенной трудоспособностью, какой отличался Тэнъ. Воспитавшись въ родной

Л. Бонна.

Э. Ренанъ.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

Бретани подъ вліяніемъ католическихъ священниковъ и очень набожной семьи, Ренанъ сначала готовился къ духовной карьерѣ; получивши образованіе въ семинаріи св. Сульпиція, предавшись съ увлеченіемъ изученію экзегетики, онъ убѣдился въ томъ, что подлинность священныхъ книгъ весьма сомнительна, а основы католической религіи такимъ образомъ не выдерживаютъ критики, онъ отрекся отъ католической церкви и отъ вѣры. Сначала, какъ это всегда бываетъ, онъ замѣнилъ одну вѣру другой, твердо увѣровавши во всемогущество науки, способной усовершенствовать человѣка, дать ему правила жизни, основать и сильно расширить мораль.

Эту вѣру онъ изложилъ въ книгѣ, которая вышла въ свѣтъ гораздо позднѣе, когда Ренанъ уже разстался съ своей вѣрой, „L'Avenir de la Science"; затѣмъ онъ раздѣлилъ свою жизнь на двѣ части: одну онъ посвятилъ на изученіе началъ христіанства отъ библейскихъ временъ до Марка Аврелія, другую — на попутное ознакомленіе со всѣми важными идеями и вопросами, выдвигаемыми современностью, и на ихъ изслѣдованіе и обсужденіе предъ читающей публикой. Онъ осуществилъ оба свои плана.

Къ первому относятся всѣ его изслѣдованія о семитическихъ языкахъ и литературахъ, послужившихъ какъ бы подготовительными работами къ выполненію задуманнаго имъ крупнаго труда, а также „L'Histoire d' Israël" и „L'Histoire des origines du christianisme". Поразительная способность оживлять самыя далекія историческія личности; глубокое и тонкое пониманіе исчезнувшихъ цивилизацій, — идетъ ли дѣло объ Іерусалимѣ, Галилеѣ, Антіохіи, Аѳинахъ, Коринѳѣ или Римѣ; — замѣчательная способность слѣдить за развитіемъ религіозной идеи въ различныя эпохи и различныхъ мѣстахъ, искажающихъ, преобразующихъ или расширяющихъ эту идею; искусство, превращенное имъ въ особый техническій пріемъ, уяснять мысль людей минувшей эпохи людямъ современной эпохи путемъ остроумнаго сопоставленія первыхъ съ послѣдними; однимъ словомъ, чрезвычайно рѣдкія и драгоцѣнныя качества историка-моралиста дѣлаютъ это крупное историческое произведеніе не только великой справочной книгой о христіанствѣ, его происхожденіи и первоначальномъ развитіи, но и великой справочной книгой о моральной жизни, о формахъ коллективнаго чувствованія, мышленія, надеждъ, отчаянія, сомнѣнія и вѣры человѣчества.

Помимо этого памятника, надъ возведеніемъ котораго Ренанъ трудился всю свою жизнь, онъ шутя исполнялъ свой второй планъ, высказывая свое мнѣніе по всѣмъ важнымъ вопросамъ умственной жизни.

Такъ, въ „La Réforme intellectuelle et morale" (1871) онъ анализировалъ новыя условія политической и моральной жизни, созданныя для Франціи умаленіемъ ея роли въ Европѣ; въ „Les Questions contemporaines" соціологическія, литературныя, моральныя и политическія размышленія перемѣшиваются и пополняютъ другъ друга; въ „Les Mélanges d'histoire et de voyages" авторъ поочередно касается вопросовъ археологіи, исторіи литературы и исторіи философіи; въ замѣчательныхъ „Философскихъ діалогахъ" сначала данныя точной науки, затѣмъ смѣлыя, но пока еще правдоподобныя гипотезы, и, наконецъ, поэтически-философскія фантазіи Ренана слѣдуютъ другъ за другомъ, какъ бы для того, чтобы постепенно раскрыть передъ читателемъ плѣнительное и нѣсколько головокружительное зрѣлище безконечнаго.

Кромѣ того (и въ этомъ отношеніи мы, пожалуй, неточно выразились, сказавши, что Ренанъ раздѣлилъ свою умственную жизнь только на двѣ части) онъ находилъ время и силы для непринужденной работы надъ чисто литературными вопросами; его сочиненія изъ этой области

могли бы сами по себѣ прославить имя какого-нибудь писателя, а для Ренана они играли просто роль умственнаго отдыха. Онъ писалъ свои прелестныя, поэтическія, а иногда краснорѣчивыя и трогательныя „Souvenirs d'enfance et de jeunesse", составлялъ фантастическія вещи въ видѣ діалоговъ (*Caliban*, *L'Eau de Jouvence*, *Le Prêtre de Némi*, *L'Abbesse de Jouarre*, 1878—1886), въ которыя онъ вкладывалъ много изящества, ума, парадоксовъ, шутокъ, а иногда глубокую философію, горькій пессимизмъ, болѣе или менѣе удачно прикрытый добродушнымъ тономъ, отъ котораго онъ воздерживался въ серьезныхъ сочиненіяхъ; и во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ проглядывалъ многосторонній талантъ, изумлявшій читающую публику. И, наконецъ, прежде чѣмъ отойти въ вѣчность, онъ издалъ подъ заглавіемъ „L'Avenir de la Science", книгу, составленную въ 1848 году и отложенную имъ въ сторону, какъ бы для того, чтобы въ послѣдній моментъ показать исходный и конечный пункты своего умственнаго развитія.

Въ качествѣ историка Ренанъ, несмотря на нѣсколько широкое мѣсто, отводимое имъ гипотезѣ, отличается изумительной способностью выставить въ рельефной формѣ настроеніе далекихъ эпохъ и является въ этомъ отношеніи великимъ психологомъ прошлаго. Опредѣленной философской доктрины онъ не имѣлъ; по существу позитивистъ, но слишкомъ проникнутый и, употребляя любимое имъ выраженіе, „надушенный" запахомъ христіанства, которымъ онъ до опьянѣнія надышался въ дѣтскомъ возрастѣ, т.-е. въ періодъ неизгладимыхъ впечатлѣній, онъ всегда старался спасти не только христіанскую мораль, которую онъ рекомендовалъ и самъ практиковалъ, но также вѣру въ Бога, любовь къ Богу и надежду на Бога,—наиболѣе дорогое ему чувство.

Этимъ объясняется нерѣшительность, которая у другого автора производила бы непріятное впечатлѣніе, но которой Ренанъ умѣлъ придать привлекательную форму благодаря своей удивительной способности сплетать на одной страницѣ, съ тысячью оттѣнковъ и переходовъ, а иногда даже въ одной переливчатой и прелестной фразѣ, двѣ совершенно противоположныя мысли; этимъ объясняются также его усилія доказать присутствіе въ человѣческой душѣ и во вселенной, если не Бога, то „божественнаго", т.-е. религіознаго чувства въ человѣкѣ, смутнаго и могучаго стремленія къ идеальному міру—во вселенной; этимъ, наконецъ, объясняется сложившаяся съ помощью и подъ вліяніемъ нѣмецкой философіи, тонкая и нѣсколько обманчивая мысль, принимающая у Ренана обольстительную и обаятельную форму, гласящая, что если Бога не существуетъ, то онъ создается нами, нашими стремленіями къ истинѣ, красотѣ и благу, нашими альтруистическими поступками, и что такимъ образомъ мы ускоряемъ наступленіе царства Божія. Это была новая и курьезная форма упованія на Бога, превратившагося въ надежду и пожеланіе существованія Бога; такова была, пожалуй, центральная, интимная и затаенная мысль этого искалѣченнаго христіанина, который вырвалъ Бога изъ своего сердца, но который не вырвалъ изъ него любви и желанія Бога и который, повинуясь стремленіямъ своей души, создалъ его заново.

Исторія. — Алексисъ де Токвиль въ 1835 году началъ, а въ 1839 году закончилъ свой прекрасный трудъ о „Демократіи въ Америкѣ", нѣсколько тяжеловѣсное, но въ то время совершенно новое, въ высшей степени цѣнное и полезное сочиненіе; въ этой книгѣ авторъ съ замѣчательной добросовѣстностью, на живомъ примѣрѣ, съ помощью проницательнаго и терпѣливаго наблюденія, заранѣе старался учесть всѣ выгодныя и отрицательныя стороны демократіи, которая, по его мнѣнію, въ близкомъ буду-

щемъ неизбѣжно должна была восторжествовать въ европейскихъ государствахъ. Въ 1850 году онъ издалъ книгу „Старый порядокъ и революція“, изслѣдованіе, которое Тэномъ просто было продолжено и расширено въ своемъ „Происхожденіи современной Франціи“, и которому онъ безконечно многимъ обязанъ.

Токвиль, съ свойственной ему добросовѣстностью и старательностью порывшись въ провинціальныхъ архивахъ XVII и XVIII вѣковъ, пришелъ къ тому (въ то время новому) выводу, что централизація не создана французской революціей, которая въ этомъ отношеніи только продолжила и усилила дѣло стараго режима, что современная Франція является Франціей стараго порядка, но только болѣе сплоченной и сдавленной, чѣмъ въ предшествовавшую эпоху. Эта незаконченная книга, которая была бы доведена до конца не въ болѣе глубокомъ, но въ болѣе безпристрастномъ и менѣе пламенномъ духѣ, чѣмъ это было сдѣлано Тэномъ, является одной изъ лучшихъ книгъ вѣка. Токвиль пустилъ въ обращеніе массу идей, которыя составили умственный багажъ не одного писателя и дали матеріалъ цѣлому ряду политическихъ дѣятелей. Немногочисленныя посмертныя сочиненія, оставленныя этимъ философомъ, слишкомъ рано отнятымъ у соціологической науки (*Correspondance et oeuvres inédites*, 1860), интересны только для тѣхъ, кто желаетъ во всѣхъ деталяхъ ознакомиться съ ходомъ мысли, характеромъ и увлеченіями, незамѣтными въ дидактическихъ произведеніяхъ этого выдающагося человѣка.

Въ моментъ смерти Токвиля Викторъ Дюрюи былъ еще скромнымъ преподавателемъ исторіи въ одномъ изъ парижскихъ лицеевъ и не помышлялъ о томъ, что черезъ два года онъ вслѣдствіе очень умнаго каприза Наполеона III сдѣлается министромъ. Но онъ написалъ уже много книгъ; послѣднія, предназначенныя для школьниковъ, какъ и подобаетъ быть книгамъ хорошаго преподавателя, пользовались большимъ успѣхомъ, такъ какъ были написаны живо, легко и ярко. Переходъ Дюрюи къ политической дѣятельности излѣчилъ его отъ единственнаго, быть можетъ, присущаго ему недостатка, а именно отъ излишней скромности; онъ понялъ, что годится на что-нибудь болѣе крупное, чѣмъ составленіе хорошихъ школьныхъ учебниковъ. Онъ передѣлалъ эти книги, составленныя на основаніи пособій, въ настоящія историческія сочиненія, написанныя терпѣливо по источникамъ, такъ какъ онъ въ сущности былъ настоящимъ и почти великимъ историкомъ.

Такъ возникли его крупныя сочиненія „Греческая исторія“ и „Исторія римлянъ“. Употребленные имъ пріемы повредили этимъ книгамъ въ глазахъ широкой публики, которая полагала, что новыя произведенія Дюрюи представляютъ просто видоизмѣненное переизданіе его прежнихъ учебниковъ. Но историки не впали въ подобную ошибку и сумѣли разглядѣть въ нихъ совершенно новыя серьезныя и полныя произведенія, стоящія на уровнѣ послѣднихъ научныхъ открытій и наряду съ новыми качествами автора отличающіяся всѣми прежними его достоинствами, т.-е. написанныя такъ же живо и блестяще, какъ и юношескія сочиненія профессора лицея Генриха IV.

Викторъ Дюрюи, послѣ долгой жизни, посвященной труду и организаціи новыхъ образовательныхъ учрежденій, принятыхъ новымъ политическимъ режимомъ изъ его рукъ, скончался въ декабрѣ 1894 года, окруженный всеобщимъ уваженіемъ.

Фюстель де Куланжъ также началъ съ исторіи древняго міра. Его „Cité antique“ (Гражданская община древняго міра), появившаяся въ 1864 году, была настоящимъ откровеніемъ. Исторія философіи и морали, подкрѣпленная огромной эрудиціей и тщательнымъ подборомъ фактовъ, чрез-

мѣрная торопливость въ истолкованіи текстовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣдкая сила синтеза и искусное расположеніе матеріала позволили Фюстелю дать въ одномъ томѣ новое, точное и весьма правдоподобное объясненіе самой сущности политической и религіозной жизни Греціи и Рима, такъ сказать, національнаго духа обоихъ великихъ народовъ. Въ другомъ сочиненіи болѣе крупныхъ размѣровъ, не доведенномъ до конца, „Исторія политическихъ учрежденій древней Франціи" (L'Histoire des Institutions politiques de l'ancienne France"), Фюстель съ тѣмъ же литературнымъ талантомъ, съ еще болѣе обширной эрудиціей, съ нѣсколько, пожалуй, преувеличенной систематичностью, бросилъ яркій свѣтъ на одну изъ самыхъ темныхъ областей всемірной исторіи и поставилъ передъ своими преемниками грандіозную задачу, показавши имъ, сколько еще остается сдѣлать на этомъ полѣ, наполовину имъ самимъ обработанномъ.

Подобно вышеупомянутымъ историкамъ, Гастонъ Буасье также началъ съ изученія древности, но почти никогда не выходилъ изъ этихъ рамокъ. Его первая книга „Цицеронъ и его друзья", прелестно написанная, была наполовину литературной критикой, наполовину анекдотической исторіей. Эта книга составила автору репутацію; нужно было поддержать ее, и Буасье ее увеличилъ. „Оппозиція при Цезаряхъ", „Римская религія отъ Августа до Антониновъ" и „Конецъ язычества на Западѣ" являются своего рода исторіей моральныхъ идей въ древнемъ Римѣ, дополняютъ и разъясняютъ труды Ренана тѣмъ болѣе, что сочиненія Буасье настолько же далеки отъ современныхъ интересовъ, насколько мысль Ренана естественно съ ними связана. Буасье продолжаетъ свои изслѣдованія въ области античнаго духа и дѣлаетъ въ этой области открытія, равно интересныя какъ для историка, такъ и для моралиста. Время отъ времени онъ совершаетъ поѣздку по мѣстамъ, въ которыхъ жили его любимые герои, и привозитъ оттуда „Археологическія прогулки", въ которыхъ къ большой эрудиціи автора присоединяются мило переданныя впечатлѣнія путешественника.

Ораторы и критики.—Эпоха Второй Имперіи выдвинула нѣсколько великихъ ораторовъ, хотя и не очень много. На сторонѣ правительства стоялъ рѣчистый, ловкій и хитрый Руэръ, рѣчь котораго подчасъ была некорректна, но богата и временами горяча и который отличался удивительной способностью подыскивать аргументы и находчивостью въ отвѣтахъ. Оппозиція, численно слабая, но располагавшая многими крупными талантами, насчитывала въ своихъ рядахъ могучаго и рѣзкаго Жюля Фавра, великаго оратора, нѣсколько бравшаго усидчивостью, краснорѣчіе котораго имѣло нѣсколько принужденный характеръ и временами отдавало риторикой, но отличалось силой и красотой, напоминавшей ораторовъ Реставраціи; затѣмъ остроумнаго и ироническаго Пикара; мрачнаго и мелодраматическаго Эженя Пельтана, который въ качествѣ ученика Ламартина обладалъ извѣстной ораторской жилкой; гибкаго, искуснаго и остроумнаго Жюля Симона, способнаго переходить отъ тона остроумной и ѣдкой шутки къ самому возвышенному краснорѣчію. Не забудемъ, что Тьеръ, продолжая сохранять всю свою самостоятельность, принесъ этой оппозиціи въ помощь свою опытность и ораторскій талантъ, возросшій съ годами.

Наконецъ, Эмиль Оливье, долгое время находившійся въ оппозиціи, а затѣмъ примкнувшій къ Имперіи, когда онъ счелъ возможнымъ превратить ее въ „либеральную имперію", въ роли сторонника и въ роли противника бонапартовскаго режима щеголялъ своей легкой и гармонической рѣчью, обстоятельной, блестящей и образной, нѣсколько цвѣтистой, но тѣмъ не менѣе ласкавшей слухъ и умъ.

Разсматриваемая эпоха была также хорошимъ временемъ для литературной критики. Сентъ-Бевъ, начавшій литературную дѣятельность еще въ 1850 году, въ періодъ 1850—1869 находился тѣмъ не менѣе въ расцвѣтѣ своего таланта и достигъ тогда апогея вліянія и славы. Какъ и всѣ, онъ началъ съ писанія стихотвореній, которыя по большей части были ниже всякой критики; затѣмъ онъ сдѣлалъ попытку въ области романа (*Volupté*, 1834 г.). Романъ оказался не лучше стиховъ, но обнаружилъ способность автора къ психологическому анализу. Въ концѣ-концовъ Сентъ-Бевъ цѣликомъ посвятилъ себя исторіи литературы и критики и сдѣлался въ этой области авторитетомъ.

„Исторія Поръ Рояля", которая была закончена въ 1860 году, но большая часть которой появилась въ царствованіе Луи-Филиппа, была неудачнымъ произведеніемъ; въ немъ авторъ посредствомъ ряда отступленій старался связать весь XVII вѣкъ съ исторіей одного монастыря, приписывая такимъ образомъ этому монастырю преувеличенное значеніе, а проникнутому свѣтскимъ духомъ XVII вѣку— какой-то сектантскій характеръ, не соотвѣтствующій дѣйствительности; но если отвлечься отъ этого недостатка, то „Port Royal" является продуктомъ огромнаго знанія, глубокаго психологическаго анализа, остроумной и вѣрной критики, можно сказать, крупнымъ историко-философскимъ произведеніемъ.

Кромѣ того, Сентъ-Бевъ помѣщалъ въ разныхъ журналахъ статьи, которыя впослѣдствіи были соединены въ сборники подъ заглавіемъ „Литературные портреты" и Современные портреты". Эти статьи отличались серьезнымъ характеромъ, но были нѣсколько испорчены вліяніемъ романтизма, впрочемъ, никогда не достигавшимъ особенныхъ размѣровъ; онѣ до тонкости разрабатывали всѣ детали и были полны тѣхъ неуловимыхъ оттѣнковъ мысли, безъ которыхъ истина не достигается и критика не существуетъ; но онѣ писались съ трудомъ, составлялись медленно, вѣроятно, подвергались частымъ переработкамъ; по нимъ замѣтно было, что авторъ статей не доволенъ самъ собой, а рельефныя очертанія предмета скрывались въ нихъ за лѣсами нагроможденныхъ деталей,

Въ 1850 году Сентъ-Беву было поручено писать еженедѣльные критическіе фельетоны въ ежедневной газетѣ; теперь Сентъ-Беву пришлось работать болѣе ускореннымъ темпомъ, меньше начинать сначала и рѣшительнѣе идти къ своей цѣли: „Теперь онъ будетъ писать хорошія статьи,—говорили знавшие его люди,—у него не будетъ времени ихъ портить". Это замѣчаніе было справедливо. Изъ этихъ еженедѣльныхъ статей Сентъ-Бева, которыя онъ писалъ въ теченіе двадцати лѣтъ, выказавши при этомъ поразительную трудоспособность, составились „Les Causeries du lundi" (Понедѣльничныя бесѣды). Это обширнѣйшій каталогъ мѣткихъ литературныхъ замѣтокъ, умныхъ литературныхъ мыслей и даже нѣчто большее; въ этихъ статьяхъ Сентъ-Бевъ касался вопросовъ политической исторіи, исторіи морали, соціологіи, исторіи литературы и современной критики. Немного существуетъ важныхъ общихъ вопросовъ, которые не были бы, по крайней мѣрѣ, слегка задѣты въ этихъ статьяхъ; немного крупныхъ литературныхъ именъ (не говоря уже о массѣ мелкихъ и безконечно мелкихъ), которыя не были бы разсмотрѣны и изучены; немного литературныхъ вопросовъ, которые не были бы въ нихъ подвергнуты серьезному обсужденію.

Начавши съ сенсуализма XVIII вѣка, привлеченный и прельщенный могучей и интенсивной моральной жизнью янсенистовъ и такимъ образомъ почти превратившись въ христіанина, вернувшись затѣмъ къ своеобразному позитивизму, мало

отличавшемуся отъ его первоначальныхъ философскихъ симпатій, Сентъ-Бевъ былъ въ сущности скептикомъ, если и не въ грубомъ смыслѣ этого слова, то такимъ, который воздерживается отъ окончательнаго приговора и который примыкаетъ къ опредѣленному положенію лишь постольку, поскольку это необходимо для пониманія дѣйствительности. Его вліяніе на Тэна, на всѣхъ историковъ и критиковъ, писавшихъ послѣ него, было, какъ и можно предполагать, весьма значительнымъ; всѣхъ ихъ онъ училъ уваженію и страстному стремленію къ истинѣ, важности психологическаго образованія для литературнаго критика, для котораго психологія должна служить основой и какъ бы душой. Вокругъ Сентъ-Бева собралась блестящая группа критиковъ, которые, не раздѣляя его славы, привлекали къ себѣ вниманіе французской и даже европейской публики.

Жюль Жанэнъ добился значительной извѣстности уже въ періодъ Іюльской монархіи; сдѣлавшись сотрудникомъ газеты „Journal des Debats“ въ 1836 году, онъ вплоть до 1874 года занималъ тамъ амплуа литературнаго и въ особенности театральнаго критика. Отличаясь легкимъ и капризнымъ настроеніемъ, значительнымъ остроуміемъ, гибкимъ, образнымъ, пестрымъ стилемъ, часто впадая въ дурной тонъ, иногда очаровательный и всегда забавный, онъ водилъ два поколѣнія читателей по садамъ словесности древней и новой, театральныхъ пьесъ и фантазій г. Жанэна. Онъ пользовался общей любовью вплоть до того дня, когда онъ утратилъ легкость и непринужденность формы, составлявшія его силу, и когда ему пришлось выѣзжать на содержаніи, составлявшемъ его слабую сторону. Это была выдающаяся и блестящая личность, но подражать этому образцу было бы чрезвычайно опасно.

Работавшій въ это самое время въ „Revue des Deux Mondes“ Монтегю обнаружилъ, напротивъ, обширныя знанія, силу ума и оригинальность настоящаго, самостоятельнаго мыслителя, и показалъ себя достойнымъ преемникомъ Густава Планша. Прекрасно знакомый съ иностранной и въ особенности съ англійской литературой, обладая широкимъ міросозерцаніемъ и вкусомъ, основаннымъ на твердыхъ принципахъ, онъ былъ наиболѣе подходящимъ человѣкомъ для литературныхъ бесѣдъ съ знатоками дѣла.

Интересную фигуру представляетъ Ж.-Ж. Вейсъ, воспитанникъ Нормальной Школы въ 1848 году, нѣкоторое время бывшій профессоромъ университета, а затѣмъ сдѣлавшійся журналистомъ, писавшимъ по политическимъ и литературнымъ вопросамъ. Человѣкъ довольно образованный (хотя и съ большими пробѣлами въ образованіи), одаренный живымъ воображеніемъ, писавшій нервно, быстро, живо и сильно, а иногда поражавшій внезапными вспышками естественнаго и непринужденнаго краснорѣчія, онъ имѣлъ чрезвычайно странный—чтобы не сказать совершенно ложный—вкусъ (ибо въ такомъ дѣлѣ трудно сказать, гдѣ истина). Сужденія Вейса были настолько эксцентричны, что ихъ почти всегда принимали за парадоксы блестящаго ума, играющаго понятіями, забавляющагося восхваленіемъ дождя, москита или Калигулы. Этотъ крупный писатель, вполнѣ заслуживающій такого эпитета, создалъ очень мало благодаря неустойчивости характера и странной причудливости, составлявшей отличительную черту его ума. Онъ сдѣлалъ, какъ и можно догадываться, блестящую карьеру благодаря столько же своимъ недостаткамъ, какъ и своимъ выдающимся достоинствамъ: въ то время какъ однимъ читателямъ нравились именно его недостатки, другіе любили читать произведенія человѣка, про котораго никогда нельзя было заранѣе сказать, что онъ будетъ отстаивать, отвергать или защищать, и отъ котораго во всякій моментъ можно было ждать непредвидѣнныхъ сюрпризовъ,

а это ожиданіе не лишено извѣстной прелести.

Поль де Сенъ-Викторъ, подобно Жюлю Жанэну, но въ большей степени, чѣмъ послѣдній, былъ въ то время представителемъ романтической критики, находившейся въ состояніи упадка. Эта критика, исторію которой слѣдуетъ еще написать, которая началась съ „Предисловія“ къ „Кромвелю“ и съ „Французской Музы“, представителемъ которой (этого не слѣдуетъ забывать) въ 1830 году былъ Сентъ-Бёвъ, которая въ царствованіе Луи-Филиппа насчитывала множество представителей, пользовавшихся относительно слабой извѣстностью, послѣднимъ словомъ которой, страннымъ и преувеличеннымъ до абсурда, былъ появившійся въ 1869 году „Вильямъ Шекспиръ“ Виктора Гюго,—эта критика мало прибѣгала къ логическимъ аргументамъ. Она получала или старалась получить отъ автора или произведенія сильное впечатлѣніе, а затѣмъ она передавала это впечатлѣніе въ изображеніяхъ, картинахъ, яркихъ и богатыхъ образахъ, лирическихъ размышленіяхъ или отступленіяхъ, а часто просто въ риторическихъ декламаціяхъ. Сенъ-Викторъ, обладавшій художественнымъ талантомъ, занялъ въ этой области выдающееся положеніе.

Въ эпоху Второй Имперіи сложилась также репутація Франциска Сарсэ. Это былъ, по собственному его выраженію, „человѣкъ театра“, насколько можно быть таковымъ, онъ страстно любилъ театръ, хорошо понималъ его и понималъ самую его сущность, то-есть понималъ и любилъ не только то, что онъ можетъ дать, допустить или заимствовать отъ другихъ видовъ искусства, но и то, безъ чего театръ не могъ бы существовать, что основнымъ образомъ отличаетъ и отдѣляетъ его отъ нихъ. Фраза о томъ, что театръ представляетъ человѣческую жизнь, для Сарсэ ничего не говоритъ; это неточно, такъ какъ романъ и этическая поэма также изображаютъ эту жизнь. Точно такъ же Сарсэ отвергаетъ положеніе, что въ основѣ театральной эмоціи лежитъ сочувствіе человѣка къ человѣку; ибо тотъ же элементъ лежитъ въ основѣ той эмоціи, которую мы испытываемъ при чтеніи элегіи или надгробнаго слова; онъ не согласенъ также и съ мнѣніемъ, что театральныя пьесы являются трагическимъ или комическимъ изображеніемъ особенно сильныхъ человѣческихъ страстей, такъ какъ такой же характеръ имѣютъ или могутъ имѣть романъ, поэма и лирическая поэзія. Театръ по самой сущности своей имѣетъ отличительныя черты, безъ которыхъ онъ пересталъ бы существовать, какъ таковой. Какова же эта отличительная черта? Это *дѣйствіе*, представляемое на подмосткахъ *актерами* съ цѣлью удержать тысячу зрителей въ четырехъ стѣнахъ въ продолженіе трехъ часовъ, чтобы они при этомъ не испытывали никакого желанія удалиться. Вотъ что такое театръ и вотъ чего не имѣютъ ни романъ, ни эпопея, ни элегія, ни лирика, ни дидактическая поэзія, ни какой бы то ни было другой видъ искусства, кромѣ театра. Такимъ образомъ театръ можетъ имѣть тысячу точекъ соприкосновенія со всѣми остальными видами искусства, но его основныя черты вытекаютъ изъ вышеприведеннаго опредѣленія.

Съ этимъ пробнымъ камнемъ въ рукахъ Сарсэ въ продолженіе сорока лѣтъ твердо и увѣренно подвергалъ критической оцѣнкѣ тысячи старыхъ и новыхъ пьесъ, поддерживаемый своей страстью къ театру, трудоспособностью и вниманіемъ, поражавшими его современниковъ. Какъ это всегда бываетъ, онъ проявилъ нѣкоторую односторонность: отличительную черту театра (по крайней мѣрѣ, новѣйшаго) онъ готовъ былъ (или казалось, что готовъ былъ) признать единственной его чертой; если пьеса грѣшила со стороны интриги, неясности, недостаточнаго

интереса и завлекательности, но при этомъ въ другихъ отношеніяхъ отличалась замѣчательными достоинствами, то Сарсэ, игнорируя ея положительныя качества, не прощалъ ея недостатковъ и не обинуясь зачислялъ ее въ разрядъ романовъ, поэмъ или чего-нибудь подобнаго.

А между тѣмъ онъ былъ хорошимъ, добросовѣстнымъ и умнымъ критикомъ. Несмотря на то, что онъ отдавалъ свои силы на драматическую критику, работу въ прессѣ и чтеніе лекцій, онъ нашелъ время для того, чтобы написать нѣсколько легкихъ и остроумныхъ книгъ „Souvenirs d' enfance", „Comment je suis devenu conférencier" и превосходную, художественно и съ жаромъ составленную „Осаду Парижа".

Разсматриваемая эпоха выдвинула, кромѣ того, цѣлый рядъ талантливыхъ журналистовъ, имѣющикъ право на видное и весьма почетное мѣсто въ исторіи литературы. О нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ напримѣръ, о Вейсѣ, Сарсэ, Эдмондѣ Абу, мы уже упоминали, говоря о другихъ литературныхъ областяхъ, въ которыхъ они прославились. Изъ лицъ, исключительно предавшихся дѣятельности политическихъ журналистовъ, необходимо назвать Луи Вейо, пылкаго и рѣзкаго защитника католической религіи и католической церкви, сатирика, безпощадно бичевавшаго всѣхъ, не принадлежавшихъ къ католицизму. Это былъ замѣчательный писатель, который одновременно владѣлъ классическимъ стилемъ, классическимъ языкомъ и народными ругательствами и умѣлъ объединить все это въ своеобразное, ему одному присущее сочетаніе; энергичный, нервный, сочный, онъ легко и свободно переходилъ отъ короткой, бичующей фразы Вольтера къ гармоническому и круглому періоду Боссюэта.

Прево Парадоль, воспитанникъ Нормальной Школы, подобно Вейсу пробывшій нѣкоторое время профессоромъ университета, въ срединѣ царствованія Наполеона III добился невиданно быстраго и блестящаго успѣха въ качествѣ журналиста, писавшаго по политическимъ и литературнымъ вопросамъ. Нѣкоторую роль, несомнѣнно, сыгралъ при этомъ его абсолютно чистый языкъ, отличавшійся выдержаннымъ, пожалуй слишкомъ даже выдержаннымъ, изяществомъ; еще большую роль сыграли его остроуміе и мастерская иронія, иногда принуждавшая его читателей затрачивать съ своей стороны столько же остроумія на его пониманіе и льстившая имъ въ чувствительныхъ мѣстахъ. Онъ издалъ подъ заглавіемъ „Новая Франція" хорошую и обстоятельную книгу по общей политикѣ, резюмировавшую въ очень полномъ видѣ доктрину либеральной партіи въ 1868 году; эту книгу стоитъ прочесть и прочесть не безъ пользы даже въ настоящее время. Раньше, чѣмъ всецѣло отдаться политической дѣятельности, Прево Парадоль издалъ въ одномъ томѣ свои университетскія лекціи подъ заглавіемъ „Французскіе моралисты".

Укажемъ еще нѣсколькихъ писателей, составившихъ себѣ заслуженную репутацію въ качествѣ фельетонистовъ и хроникеровъ. До 1860 года на этомъ поприщѣ уже блистали въ возрожденномъ Вильмесаномъ „Figaro", или въ „Gaulois", или въ иллюстрированныхъ журналахъ Альфонсъ Карръ, Альберикъ Сгонъ, Эдмондъ Абу, Сарсэ, Огюстъ Вильмо. Этотъ литературный жанръ („бесѣдъ" и „хроникъ") созданъ былъ при Іюльской монархіи женой Эмиля Жирардэна, основателя газетъ „Presse", „Liberté", „France" и др. Талантливый журналистъ Э. Жирардэнъ основалъ во Франціи дешевую прессу, а г-жа Жирардэнъ создала новый литературный жанръ—хронику; такимъ образомъ эта семья оказала сильное вліяніе на судьбы французской періодической печати.

Глава XI.

Искусство въ Европѣ.

1848—1870.

Періодъ, сложную и обильную содержаніемъ исторію котораго предстоитъ вкратцѣ изложить здѣсь, такъ богатъ опытами и твореніями противорѣчиваго характера, что тщетно было бы пытаться выразить въ одномъ опредѣленіи всѣ главныя черты его. Среди истощеннаго классицизма и утомленія романтиковъ реализмъ въ своемъ стремленіи къ расцвѣту становится доктринерскимъ и боевымъ; своею узостью и крайностями онъ умаляетъ цѣнность содержащагося въ немъ плодотворнаго принципа правды. Возрождается идеализмъ уже не формальнаго и традиціоннаго характера, но чувствительный и „архаизирующій"; онъ признаетъ, что слѣдуетъ искать примѣровъ, если только не самыхъ образцовъ, по ту сторону великихъ мастеровъ классицизма и язычниковъ Возрожденія. Между этихъ двухъ направленій стоятъ,—съ одной стороны, попытки обновить педагогическое значеніе классицизма, и появляется нео-классицизмъ, который вскорѣ сливается съ жанровою живописью, этой образумившейся и недостаточно почтительной наслѣдницей великихъ притязаній романтизма; съ другой—выдвигаются значеніе и возрастающія завоеванія пейзажа, который все въ большей степени проникаетъ всѣ роды искусства, упраздняетъ ихъ строгія нѣкогда границы и даже порождаетъ новую технику. Вотъ тѣ главные, въ общихъ чертахъ намѣченные элементы, которые анализъ открываетъ въ европейскомъ искусствѣ этого періода. Во всѣхъ странахъ среда живописцевъ отличается наиболѣе дѣятельной жизнью, самыми живыми спорами, наибольшей противоположностью мнѣній и самымъ независимымъ индивидуализмомъ. Архитектура не идетъ пока дальше примѣненія къ вокзаламъ, рынкамъ и большимъ общественнымъ зданіямъ желѣза, предлагаемаго промышленностью къ услугамъ архитектуры и ведущаго къ постепенному видоизмѣненію нѣкоторыхъ ея формъ и излюбленныхъ пріемовъ. Громадныя галлереи всемірныхъ и національныхъ выставокъ, входившихъ тогда въ обычай въ жизни народовъ, съ своей стороны, оказываютъ замѣтное вліяніе на этотъ спеціальный родъ архитектуры. Въ то же время сравненія и обмѣнъ, облегченные между отдѣльными народами этими періодическими встрѣчами, вносятъ новый элементъ въ творческую дѣятельность въ области искусства. Скульптура стремится освободиться отъ строгой и холодной выучки,

тяготѣвшей надъ ней со времени реформы Давида, и снова начинаетъ соприкасаться съ жизнью. Быстрый упадокъ художественной промышленности, обособленной отъ общей жизни искусства аристократическимъ ученіемъ академиковъ, привлекаетъ вниманіе и пробуждаетъ заботливость нѣсколькихъ прозорливыхъ умовъ, еще не нашедшихъ средства къ исцѣленію, но уже предостерегающихъ объ опасности и силящихся отразить ее.

I. Искусство во Франціи съ 1848 до 1870 г.

Живопись. „Февральская Революція застигла академическихъ жюри при самомъ отправленіи ихъ обязанностей", писалъ 17 марта 1848 г. одинъ критикъ, Т. Торэ. При грохотѣ возстанія эти „присяжные, обезпеченные по цивильному листу", едва успѣли снять свои очки и парики; Салонъ былъ провозглашенъ свободнымъ, и комиссіи, избранной художниками всеобщимъ голосованіемъ, было поручено подъ руководствомъ Жанрона позаботиться о распредѣленіи пяти тысячъ ста восьмидесяти произведеній искусства, которыя всѣ сразу требовали себѣ мѣста надъ панелью. Получилось невыразимое смѣшеніе, въ которомъ не выдѣлилось и не могло выдѣлиться что-нибудь новое. Нѣкоторые художники, до того времени не допускавшіеся въ составъ жюри, могли все-таки, благодаря голосу народа, быть призваны въ число ихъ, наряду съ академиками. Бари возсѣлъ рядомъ съ Абелемъ де Пюжолемъ, Теодоръ Руссо — съ Леономъ Конье; Рюдъ, Давидъ Анжерскій попали впервые въ число избранныхъ.

Революція 1848 г. пронеслась слишкомъ быстро, чтобы оказать рѣшительное вліяніе на творчество въ области искусства. Но все же она оставила слѣдъ своего шествія и энциклопедическаго и гуманитарнаго идеала въ обширномъ проектѣ украшенія Пантеона. Живописецъ Шенаваръ, ученикъ Энгра, искусный рисовальщикъ въ условномъ стилѣ, духъ высококультурный, философскаго направленія, своего рода французскій Корнеліусъ, задумалъ планъ „всемірной палингенезіи", въ которой онъ предполагалъ показать „послѣдовательныя превращенія человѣчества, моральныя эволюціи міра".

Стѣны Пантеона прекрасно подходили, чтобы развернуть на нихъ рядъ символическихъ и историческихъ образовъ, которые должны были уяснить его мысли для всѣхъ очей. На стѣнѣ, въ глубинѣ храма, предполагалось дать мѣсто изображенію „Нагорной проповѣди", въ смыслѣ центральнаго момента или серединной грани въ исторіи міра; языческая древность заняла бы всю лѣвую сторону; правая отводилась для христіанской эры до Революціи; Конвентъ долженъ былъ составить предметъ послѣдней картины всего ряда. Ледрю-Роллэнъ открылъ художнику первоначальный кредитъ въ тридцать тысячъ франковъ, и работа надъ громаднымъ твореніемъ тотчасъ закипѣла. Шенаваръ посвящалъ себя ему въ теченіе четырехъ лѣтъ. Но на другой день послѣ государственнаго переворота М. де Монталамберъ и его друзья, „смущенные мѣстомъ, которое художникъ предоставилъ философіи, рядомъ съ религіей", и, считая эти композиціи недостаточно правовѣрными, добились ихъ удаленія. Пантеонъ былъ возвращенъ культу, и начатое твореніе осталось неоконченнымъ. Картоны къ нему сохраняются въ Ліонскомъ музеѣ.

Шенаваръ питалъ надежду, что имъ открытъ для живописи плодотворный путь; онъ думалъ, что она должна быть современной, философской и моральной. Случай, который, казалось, представился ему, исчезъ слишкомъ скоро, чтобъ онъ могъ осуществить свою мечту, и притомъ „живописецъ" былъ въ немъ слишкомъ не равенъ мыслителю.

Какъ разъ въ иномъ направленіи толкали современную живопись и логика вещей, и общее движеніе умовъ. Романтизмъ, достигнувъ конечнаго предѣла своего развитія, исчерпалъ до конца—согласно съ эстетикою Гегеля—свое назначеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ выполнилъ и назначеніе самого искусства. Когда личность достигла крайней точки развитія, когда все подчинилось индивидуальному инстинкту, фантазіи и виртуозности художника, вознесеннаго на степень неограниченнаго господина надъ всей областью реальнаго, тогда искусство стало только высшею способностью изображать видимое,—и реализмъ торжествуетъ. Его выступленіе на сцену совершилось, дѣйствительно, не безъ шумной ломки, и онъ нашелъ или старался найти въ демократическомъ движеніи отзывчиваго пособника.

Въ салонѣ 1851 г. Густавъ Курбе (1819—1877), основательный и плодовитый работникъ, выставилъ *Дробителей камня*, *Похороны въ Орнанѣ*, *Человѣка съ трубкой* и объявилъ войну всѣмъ формамъ идеализма, одинаково, какъ романтической, такъ и классической. Вскорѣ (1853 г.) послѣдовали *Купальщицы*, затѣмъ *Барышни съ береговъ Сены*, *Возвращеніе съ конференціи*. Въ 1855 г., воспользовавшись всемірной выставкой, онъ соединилъ въ отдѣльномъ помѣщеніи всѣ свои творенія и выпустилъ въ свѣтъ громкій манифестъ. „Въ настоящее время", говорилъ онъ, „по послѣднему слову философіи, необходимо разсуждать даже въ искусствѣ и никогда не допускать побѣды чувства надъ логикой. Разсудокъ долженъ быть во всемъ господиномъ человѣка. Языкъ моего искусства является послѣднимъ, потому что до настоящаго времени онъ одинъ сочеталъ въ себѣ всѣ элементы. Заключая къ отрицанію идеала и всего, что съ нимъ связано, я прихожу къ полному освобожденію индивидуума и въ концѣ-концовъ—къ демократіи. Реализмъ по существу есть искусство демократическое... Передать идеи, нравы, внѣшній видъ моей эпохи согласно моей оцѣнкѣ, быть не только живописцемъ, но кромѣ того, человѣкомъ, однимъ словомъ, творить жизненно,—такова моя цѣль".

Прудонъ вскорѣ послѣ того сталъ изъяснять творчество „великаго живописца изъ Орнана" и, не одобряя всѣхъ его стремленій и всѣхъ формъ, онъ выдѣлялъ ихъ философское и соціальное значеніе. „Изображать людей, ихъ природу и привычки во всей чистотѣ, среди ихъ трудовъ, при отправленіи ихъ гражданской и домашней жизни, съ ихъ дѣйствительною физіономіей, въ особенности обходясь безъ позы, застигать ихъ, такъ сказать, врасплохъ, когда ихъ внутренній міръ не пріодѣтъ, не просто ради удовольствія осмѣянія, но съ цѣлью общевоспитательной и въ видѣ эстетическаго предостереженія,—такова, мнѣ по крайней мѣрѣ такъ кажется, истинная точка отправленія новѣйшаго искусства". *Заснувшая пряха*, *Возвращеніе съ базара*, *Похороны въ Орнанѣ* были въ его глазахъ произведеніями столь же глубокаго моралиста, какъ и оригинальнаго художника; *Дробители камня* были „ироніей по адресу нашей промышленной цивилизаціи, которая ежедневно изобрѣтаетъ удивительныя машины, чтобы обрабатывать ими землю, сѣять, косить, жать, молотить, молоть, мѣсить, прясть, ткать, шить, набивать... и неспособна въ то же время освободить человѣка отъ самыхъ грубыхъ, отвратительныхъ работъ—вѣчной участи бѣдноты". *Барышни съ береговъ Сены* имѣли въ его глазахъ не меньшее значеніе. Одна, брюнетка, съ рѣзкими и слегка мужественными чертами, протянувшаяся на травѣ, „прижавшись къ землѣ пылающею грудью... это Федра въ мечтахъ объ Ипполитѣ, это Лелія, которая винитъ людей въ своихъ сердечныхъ несчастіяхъ, укоряетъ ихъ въ неумѣніи

любить и все таки отталкиваетъ робкаго и преданнаго Стеніо... Бѣгите, если вы дорожите вашею свободой, вашимъ человѣческимъ достоинствомъ, если не хотите, чтобы эта Цирцея обратила васъ въ животное!..“ „Другая, блондинка, сидящая, также предается своимъ химерамъ, но не химерамъ любви, а холоднаго тщеславія... Она обладательница акцій и ренты, она свѣдуща въ дѣлахъ и внимательно слѣдитъ за курсомъ... Она не строитъ себѣ иллюзій, безумная любовь не терзаетъ ея. Сильно отличаясь отъ своей подруги, она госпожа своего сердца и умѣетъ повелѣвать собственными желаніями. Она долго сохранитъ свѣжесть; въ тридцать лѣтъ ей будетъ казаться не больше 20. До тѣхъ поръ она, навѣрное, встрѣтитъ въ Булонской рощѣ русскаго князя или испанскаго гранда, или биржевого маклера. Впрочемъ, въ какомъ бы возрастѣ она ни вышла замужъ, у нея не будетъ дѣтей“...

Это была критика, безъ сомнѣнія, въ черезчуръ приподнятомъ тонѣ, литературная, романтическая и скорѣе „идеалистическая“, чѣмъ въ духѣ реализма. И все же эти дородныя дѣвицы, притомъ широко и жирно написанныя, (но что значитъ для философа, какъ бы онъ ни назывался, Прудонъ или Паскаль, такой „пустякъ“, какъ „живопись“), были предназначены сказать нѣчто, приблизительно слѣдующее: „Народились новыя времена; нѣсколько лѣтъ назадъ мы не могли бы здѣсь устроиться, чтобы спать нашимъ тяжелымъ сномъ или предаваться нашей грубой мечтѣ; наше мѣсто было бы занято хорами нимфъ и дріадъ, всевозможными божествами водъ и лѣсовъ. Ихъ царство окончилось и начинается наше...“ „Курбе, критическій, аналитическій, синтетическій, гуманитарный живописецъ, есть выраженіе времени“, писалъ также Прудонъ. Его творчество сходится съ *Позитивной философіей* Огюста Конта, *Позитивной метафизикой* Вашро, съ *Человѣческимъ правомъ* или *Имманентной справедливостью* своего „я“, съ правомъ на трудъ и съ правомъ рабочаго, возвѣщающаго конецъ капитализма и господство производителей, съ френологіей Галля и Шпурцгейма, съ физіогномикой Лафатера“.

И однако въ то же самое время обворожительный Коро (1796—1875) вызывалъ безъ предвзятой мысли нимфъ, занятыхъ любовною игрой, и этимъ волшебствомъ, въ которомъ вся гармонія, вся поэзія и ласки природы дѣлались соучастницами безхитростнаго чародѣя, охотно плѣнялись, наперекоръ Курбе и его манифестамъ. По-своему, въ одно и то же время безыскусственно и съ мастерствомъ, Коро прославлялъ переливы отблесковъ свѣта, эхо веселыхъ нотъ, стремительныхъ и пѣвучихъ, которыя пробуждаются, перекликаются и отвѣчаютъ другъ другу во всѣхъ концахъ горизонта. Своимъ живымъ чувствомъ, своимъ вѣрнымъ и тонкимъ прозрѣніемъ жизни атмосферы и ея отношеній ко всему, что облекаетъ она и вызываетъ къ жизни, онъ открывалъ дорогу импрессіонизму, но можно сказать, что онъ самъ былъ и остался „идеалистомъ“ въ истинномъ смыслѣ слова; вмѣстѣ съ видимой картиной міра онъ далъ намъ пережить чарующій лиризмъ, которымъ созерцаніе природы наполнило его сердце.

Равнымъ образомъ, изъ того же повседневнаго созерцанія природы серьезной и мыслящей душой родилось творчество Ж. Ф. Милле (1814 — 1875), котораго также можно, въ противоположность Курбе назвать идеалистомъ. Въ каждой изъ своихъ картинъ онъ, кажется, хотѣлъ вполнѣ опредѣленно запечатлѣть одну изъ существенныхъ чертъ, одну изъ обычныхъ повадокъ этого деревенскаго люда, имъ любимаго, а въ то же время и земли, которая ихъ носитъ, къ которой они принадлежатъ, какъ машина къ заводу, и слабо оживленные куски которой они,

такъ сказать, составляютъ. Его произведенія образуютъ, точно пѣсни обширной поэмы, ***Георгики*** въ духѣ христіанства, безъ воззванія къ бѣлокурой Церерѣ и къ Палесъ, богинѣ стадъ, носящія въ заголовкѣ, вмѣсто *fortunatos nimium*, трагическое изреченіе Библіи: „Въ потѣ лица своего обрѣтешь ты хлѣбъ свой". „Я стараюсь,—писалъ онъ,—сдѣлать такъ, чтобы вещи не имѣли вида смѣшанныхъ наудачу и случая ради, но чтобъ между ними была необходимая и неминуемая связь... Отдѣльное произведеніе должно быть все изъ одного куска, ***люди и вещи всегда должны быть тутъ ради одной цѣли***. Только то важно, что имѣетъ основное значеніе. Какое дерево самое красивое, прямое или искривленное? То, которое болѣе всего на мѣстѣ... Красоту создаютъ не столько изображенные предметы, сколько сознаваемая нами необходимость ихъ изображенія.. Ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ ослаблять черты; пусть Алкивіадъ будетъ Алкивіадомъ и Сократъ Сократомъ. Можно сказать, что все прекрасно, если только является въ свое время и на своемъ мѣстѣ. Сдѣлать больше или меньше вещей, ничего не говорящихъ, не значитъ создать. Творчество есть только тамъ, гдѣ есть ***выраженіе***... Горе художнику, который даетъ замѣтить свой талантъ раньше своего произведенія"... И никогда, можетъ быть, живыя связи, соединяющія произведеніе съ человѣкомъ и талантъ съ душой, не обнаружились глубже и съ большею очевидностью, чѣмъ въ этомъ живописцѣ, у котораго отсутствуетъ виртуозность, а рука немного тяжела, но мысль исполнена строгой чистоты, воля—всегда налицо, а душевныя движенія—мужественны и человѣчны.

Онъ былъ изъ тѣхъ, для которыхъ реальность, по словамъ Гете, есть источникъ всякой поэзіи, и именно поэтому онъ отличалъ себя отъ реалистовъ догматическаго и сектантскаго духа, которые заботились не столько объ истинѣ вообще, сколько объ извѣстной истинѣ, и были увлечены въ своей полемикѣ и возстаніи противъ „идеалистовъ" къ буйному отрицанію, къ узкимъ пристрастіямъ.

Обнаруживать въ самыхъ скромныхъ зрѣлищахъ жизни долю человѣчнаго чувства и таящейся въ нихъ внутренней красоты, приступать къ нимъ не съ пустымъ любопытствомъ и педантическимъ исканіемъ „документа", но съ тѣмъ разоблачающимъ сочувствіемъ, которое вѣрно вскрываетъ идеальный смыслъ всякой реальности, потому что оно этого желаетъ, дѣлать ощутимымъ для глазъ народа то, что въ окружающемъ достойно любви,—вотъ чему учили всѣ Милле, Коро, Т. Руссо, Жюли Дюпре живописцевъ своего времени, заключенныхъ въ тиски между безплоднымъ академизмомъ и грубо-животнымъ реализмомъ.

Теодоръ Руссо, исполненный вниманія къ вѣчной и мѣняющейся въ чередованіи временъ года и часовъ красотѣ „существъ, которыя не мыслятъ, но наводятъ насъ на мысли", хотѣлъ писать все: рѣку и дубраву, гору и равнину. Съ страстнымъ любопытствомъ вопрошалъ онъ неистощимую природу. Такъ же безконечно, какъ она, была гамма его чувствъ. „Наше искусство,—говорилъ онъ, можетъ достигнуть патетическаго только искренностью. Если я сліяніемъ воздуха съ тѣмъ, въ чемъ онъ поддерживаетъ жизнь, свѣта съ тѣмъ, что расцвѣтаетъ и умираетъ подъ его воздѣйствіемъ, добьюсь того, что дамъ жизнь міру растительности, вы услышите тогда стонъ деревьевъ подъ натискомъ вьюги и птицъ, призывающихъ своихъ птенцовъ.

Жюль Дюпрэ, его другъ, былъ по очереди живописцемъ пастбищъ Крезы и Берри, лѣсовъ Иль-Адама, солнечныхъ закатовъ на Уазѣ. Онъ превзошелъ самого себя, по словамъ Т. Руссо, въ искусствѣ „сгущать средства картины". Добиньи, его сосѣдъ и отчасти ученикъ,

вложилъ въ свои тихія созерцанія, при нѣсколько меньшемъ лиризмѣ, глубокое чувство умиротворяющей красоты вещей.

Въ то время какъ эта группа живописцевъ-натуралистовъ, къ которой вскорѣ присоединяется Жюль Бретонъ, выставившій въ 1857 г. *Освященіе жатвы*, обогащала французскую живопись здоровыми и сильными твореніями и направляла ея путь къ ея настоящему назначенію, новыя поколѣнія классиковъ, опекаемыя тревожными взорами стараго Энгра, также раскрывались навстрѣчу идеямъ и проявляли намѣреніе обновленія. Эрнестъ Эберъ, пробывшій на виллѣ Медичи подъ послѣдовательнымъ руководствомъ Энгра и Шнетца, этого друга Леопольда Робера, какъ онъ, исполненнаго уваженія къ Давиду, влюбленнаго въ итальянскую, современную и народную, жизнь, стремившагося выразить ее стильно и величаво, но заключавшаго въ сухія формы, въ застывшіе и условные пластическіе силуэты, — Эрнестъ Эберъ, передъ которымъ Жюль Дюпрэ раскрылъ выразительную силу пейзажа, послалъ въ Салонъ 1850 г. такую картину, какой тамъ не привыкли ожидать отъ пенсіонеровъ академіи. *Малярія* была встрѣчена восторженно; казалось, авторъ открылъ въ глубинѣ большихъ черныхъ зрачковъ, расширенныхъ лихорадкой, и на янтарно-зеленоватыхъ лицахъ дѣвушекъ римской Кампаньи тайны новой поэзіи — меланхолической, болѣзненной, но захватывающей, которая тронула одинаково сердца романтиковъ и классиковъ. Это была сцена сельской жизни въ чувствительномъ и итальянскомъ духѣ и притомъ хорошая картина.

Кабанель (1824 — 1889), котораго желаніе нравиться и довольно банальное исканіе изящества заставляли часто впадать въ приторность, находилъ въ нѣкоторыхъ своихъ портретахъ и передъ лицомъ природы свои лучшія вдохновенія. Делонэ (1828 — 1891), какъ „историческій живописецъ", никогда не поднимался въ творчествѣ выше своей картины *Чумы*, изборожденной рѣзкими чертами; но онъ остается однимъ изъ великихъ портретистовъ вѣка; проявляя странную смѣсь воли и чувствительности, упорства и безпокойства, гордой сдержанности и робости, грусти и иронiи, онъ оставилъ галлерею портретовъ, которые найдутъ немного опасныхъ для себя сосѣдствъ въ музеяхъ будущаго. Бретонецъ, какъ и Делонэ, Поль Бодри (1828 — 1886) искалъ у флорентинцевъ и венеціанцевъ совѣтовъ и уроковъ; но въ особенности Венеція очаровала его раньше всего. Очаровательность бѣлокурой *Фортуны съ ребенкомъ* плѣнила глаза всѣхъ и привлекла всѣ сердца въ Салонѣ 1857 г., между тѣмъ какъ *Портретъ Белэ* и появившійся вскорѣ затѣмъ портретъ *Гизо* предсказывали въ немъ одного изъ лучшихъ портретистовъ эпохи. Впечатлительность, пылкая и честная любознательность, которымъ суждено было вести его въ теченіе его блестящаго и слишкомъ короткаго поприща, поочередно отъ Клуе къ Микель-Анджело и Тиціану, чтобы подъ конецъ привести плѣненнымъ болѣе, чѣмъ наполовину, во всякомъ случаѣ, искренно смущеннымъ на порогѣ школы „пленэра", несомнѣнно, повредили полному расцвѣту его оригинальности; этимъ качествамъ во всякомъ случаѣ онъ былъ обязанъ въ каждомъ изъ своихъ портретовъ способностью облечь самою глубокою симпатіей самыя различныя модели. Украшеніе фойе Оперы было великимъ твореніемъ его жизни; здѣсь онъ нашелъ блестящее примѣненіе всему, чему онъ научился въ Римской академіи (École de Rome), и онъ придалъ молодость во вкусѣ улыбающейся новизны всему, что онъ черпалъ въ докучливомъ подчасъ богатствѣ своихъ воспоминаній. Именно въ немъ „классическая" группа нашла дѣйствительно самаго славнаго и въ то же время самаго независимаго представителя.

Л. Ж. Рикаръ (1823—1872) былъ только портретистомъ. Онъ также любилъ венеціанцевъ и Флоренцію; къ нимъ онъ примѣшалъ воспоминанія объ Англіи и сквозь всѣ эти вліянія проявилъ личную печать въ своихъ портретахъ, гдѣ въ богатствѣ блистающихъ солидныхъ матеріаловъ раскрывается таинственный цвѣтокъ жизни и какъ бы излучается душа.

Начиная съ послѣднихъ лѣтъ Второй Имперіи были уже извѣстны Эннеръ, Бонна, Ж. П. Лоренсъ, но только послѣ 1870 г. начались для нихъ годы полнаго творческаго расцвѣта. Равнымъ образомъ, скорѣе къ этому послѣднему періоду принадлежатъ Пювисъ де Шаваннь, декоративная живопись котораго открыла, уже наряду съ подобными же работами Бодри, принципъ украшенія болѣе свободнаго и вмѣстѣ болѣе простого и синтетическаго, при которомъ пейзажъ прибавлялъ къ выраженію фигуръ свою мягкость и свое величіе, и Гюставъ Моро, ясновидящій и поэтъ, облекшій античные миѳы посредствомъ меланхолической пышности эмалевыхъ красокъ и позолоты, подъ видомъ архаизма, какъ бы новой и совершенно современной формой и значеніемъ. Съ 1855 г. онъ сдѣлался извѣстенъ; онъ былъ однимъ изъ самыхъ „видныхъ“ художниковъ, изъ поколѣнія, которое глубоко проникло романтизмомъ и „литературнымъ недугомъ“ и не умѣло уже создавать „форму“, не обремененную замысломъ и идеей.

Школа Изящныхъ Искусствъ (L'École des Beaux-Arts), которая, въ силу основного устава 4-го августа 1819 г., во внутреннихъ дѣлахъ управлялась посредствомъ общаго собранія своихъ профессоровъ, передававшихъ свои полномочія комитету изъ пяти членовъ, состояла въ полной зависимости отъ Института. Въ 1863 г. моментъ казался подходящимъ, чтобы нѣсколько расширить рамки и открыть для притока свѣжаго воздуха окна стараго дома. Императорскій указъ 13 ноября, преобразовывавшій сразу школу и Французскую академію въ Римѣ и отнимавшій—или пытавшійся отнять—у Института часть его исключительной власти надъ этими двумя учрежденіями, вызвалъ въ рядахъ академиковъ сильное волненіе и послужилъ поводомъ для рѣзкой полемики. Намѣренія этого указа въ дѣйствительности остались довольно платоническими, и изъ него на дѣлѣ почти ничего не вышло, если не считать созданія спеціальныхъ мастерскихъ, польза которыхъ была болѣе чѣмъ спорной, а послѣдствія должны были какъ разъ направиться противъ той цѣли, которая предполагалась. Но вначалѣ можно было думать, бояться или надѣяться, смотря по лагерю, что нанесенъ чувствительный ударъ преимуществамъ и власти академіи, и Энгръ отъ имени четвертаго класса Института составилъ *Отвѣтъ на докладъ объ Императорской школѣ изящныхъ искусствъ, обращенный къ маршалу Вальяну, министру Императорскаго Двора и Изящныхъ Искусствъ*. „Болѣе чѣмъ вѣрно,—писалъ онъ,—что Франція уже больше тридцати лѣтъ испытывала муки отъ бича, называемаго романтизмомъ, губящаго и портящаго вкусъ къ античному искусству, которое нашъ великій и славный учитель Давидъ заставилъ возродиться въ своихъ удивительныхъ твореніяхъ и которое послѣ того такъ оскорбляли“. Для школы, которая „подъ своимъ счастливымъ вліяніемъ ведетъ молодыхъ учениковъ къ достиженію истинной цѣли искусства при помощи классическихъ изученій природы, греческой и римской древности и прекрасныхъ временъ Возрожденія и Рафаэля“, Энгръ провозглашалъ право „обучать безконтрольно“. Онъ „никого“ не признавалъ достаточно свѣдущимъ въ искусствѣ, чтобы считать себя болѣе художникомъ, чѣмъ сами художники, *въ особенности, когда эти художники—члены Института*. Онъ негодовалъ, какъ могли найти, что

обязательное пребываніе пенсіонеровъ въ Римѣ было слишкомъ продолжительнымъ; „Римъ,—отвѣчалъ онъ,—соединяетъ всѣ возможныя черты и представляетъ искусство на всей высотѣ его развитія; я хотѣлъ бы, чтобы пенсіонеры были какъ бы привязаны къ нему".

Эта крайняя неподатливость свидѣтельствовала объ упорствѣ стараго живописца въ своихъ принципахъ, плохо знавшаго свою же собственную истинную силу и тайну своего генія; онъ служилъ доказательствомъ того, что классическая и академическая педагогія ничего не забыла и ничему не научилась, но плохо умѣла скрывать свой упадокъ. Столкновеніе стремленій современнаго и живого искусства съ требованіями преданія сдѣлалось оттого только еще болѣе обостреннымъ. Въ томъ же 1863 г. въ Moniteur'ѣ отъ 24 апрѣля можно было прочесть слѣдующую замѣтку: „Многочисленныя жалобы по поводу художественныхъ произведеній, отвергнутыхъ жюри Выставки, достигли до императора. Его Величество, желая предоставить публикѣ быть судьей законности этихъ жалобъ, постановилъ, что отвергнутыя художественныя произведенія должны быть выставлены въ другой части дворца промышленности". Взрывъ всеобщаго безумнаго восторга охватилъ мастерскія „молодыхъ". „Ни Миланскій эдиктъ, ни Нантскій,—писалъ Кастаньяри не внесли столько радости въ сердца угнетенныхъ. Всѣ смѣялись, плакали, обнимались!" Въ этомъ-то „салонѣ отверженныхъ" появилось много впослѣдствіи славныхъ или извѣстныхъ живописцевъ: Шентрель, Фантэнъ-Латуръ, Жонкэнъ, Лансье, Альфонсъ Легро, Воллонъ, Уистлеръ, Арпиньи, Писсарро, Манэ. Здѣсь-то импрессіонизмъ впервые заявилъ о себѣ и сталъ предметомъ общаго вниманія и обсужденій критики. Впослѣдствіи мы увидимъ, какова была его роль въ развитіи новѣйшей живописи.

Преобладающей чертой у поколѣнія молодыхъ въ послѣдніе годы Второй Имперіи была потребность возвратиться къ „краскамъ" и къ свѣтлой живописи. „Если бы первые учителя Рубенса ревностно старались преслѣдовать неправильность его рисунка и низменность его типовъ,—писалъ Энгръ Маршалу Вальяну,—имъ, безъ сомнѣнія, удалось бы сдѣлать этого великаго художника болѣе совершеннымъ въ отношеніи формы, безъ ущерба для его выдающихся качествъ". И онъ добавлялъ: „рисунокъ составляетъ все, это—искусство во всемъ его объемѣ; матеріальные же пріемы живописи очень легки и могутъ быть изучены въ восемь дней". Но способы изученія рисунка отвѣчали не столько истиннымъ требованіямъ искусства, сколько извѣстному идеалу каллиграфіи, правильной и изящной, въ которой отличались нѣкоторые ученики Энгра, не прибавившіе ничего къ исторіи французской живописи. Тѣ, которые, какъ Лекокъ де Буабодранъ, пытались ввести въ школу менѣе узкіе принципы преподаванія и предлагали систему *воспитанія живописной памяти*, скоро утратили бодрость и опустили руки. „Краска" казалась, въ противоположность академическому преданію, условіемъ самой жизни; именно красокъ вслѣдъ за Делакруа отправились искать „оріенталисты" по ту сторону Средиземнаго моря; краски же прославлялъ въ лирическихъ выраженіяхъ въ своихъ письмахъ изъ Испаніи Анри Реньо (1843—1871), жаждавшій бѣжать отъ „грязныхъ тѣней" и хмураго свѣта парижскихъ мастерскихъ; красокъ же искалъ онъ съ страстнымъ восторгомъ въ своихъ первыхъ картинахъ. „Отмыть палитру отъ грязи" скоро стало лозунгомъ новой школы, родившейся, въ силу логическаго развитія, изъ пейзажа, отнынѣ освобожденнаго и торжествующаго.

Между этими двумя главными теченіями живописцы жанра, во всякое время увѣренные во вниманіи и благосклонности большой французской публики, продол-

жали тихо итти своей дорогой. Если одни изъ нихъ, всегда въ поискахъ анекдота и забавныхъ сюжетовъ, были не болѣе, какъ костюмеры, то другіе поднимались до живописи нравовъ. Тассаеръ, Альфонсъ Легро, Франсуа Бонвенъ считаются въ числѣ лучшихъ; Мейссонье, благодаря совершенству своего добровольно избраннаго и очень точнаго мастерства, особенно вслѣдствіе интереса его военныхъ картинъ, сохранитъ въ глазахъ потомства часть той славы, всѣ дары которой въ теченіе всего его долгаго поприща расточали передъ нимъ его современники. Но въ дѣйствительности его творчество могло бы не появляться на свѣтъ: можно сказать, что оно ничего не измѣнило въ общемъ движеніи живописи вѣка.

Скульптура. Смерть Прадье въ 1852 г., Рюда въ 1855 г. и Давида Анжерскаго въ 1856 г. унесла въ лицѣ этихъ трехъ художниковъ неравной величины наиболѣе вліятельныхъ представителей различныхъ стремленій, между которыми дѣлилась французская школа скульптуры. Каждый оставлялъ учениковъ, если не продолжателей. Изъ мастерской Прадье вышла большая часть ваятелей, для которыхъ классическая древность осталась предпочтительнымъ идеаломъ и которые силились продолжать античное преданіе, приспособляя его къ потребностямъ искусства ихъ времени. Гильомъ, Перро, Жуффруа стоятъ въ первомъ ряду. Среди учениковъ Давида Анжерскаго одни, какъ Кавелье и Бонассье, усвоили себѣ то, что было въ немъ классическаго, другіе, какъ Прео, представили романтическую сторону его эстетики и его воображенія. Милле, Фуайятье, эклектики и умѣренные новаторы доискивались въ своихъ историческихъ или героическихъ фигурахъ движенія и иногда даже „новизны“—Фуайятье, напримѣръ, въ *Полуденномъ отдыхѣ* (1848),—никогда не достигая ни глубины жизни, ни истинной оригинальности. Мастерская Кавелье, которую прославила его *Пенелопа*, сдѣлалась разсадникомъ скульпторовъ; черезъ его науку и прошла большая часть тѣхъ, которые въ свою очередь стали мастерами. Черезъ такихъ-то мастеровъ и передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе сводъ ученій, положительное доступное для усвоенія преданіе и продолжается пополненіе школы, поддерживается ея незыблемость, ея честь,—они заполняютъ, ничего не теряя изъ прошедшаго, ничего не подвергая риску въ будущемъ, всегда продолжительные, лишенные генія промежуточные періоды.

Но зато среди учениковъ Рюда находятся тѣ, которые дали французской школѣ произведенія, наиболѣе полныя жизни и значенія. Карпо, умершій сорока семи лѣтъ (1828—1875), сообщилъ мрамору, который разбудилъ его учитель Рюдъ, лихорадочность, опьянѣніе жизни. Когда его группа *Танецъ* появилась на фасадѣ новой Оперы, это вызвало большой переполохъ. Одинъ разгнѣванный классикъ дошелъ даже до того, что вылилъ бутылку чернилъ на торсъ танцовщицы, канканъ которой казался прямымъ оскорбленіемъ величія мѣста и достоинства большого искусства. Время изгладило чернила и сохранило на мѣстѣ образцовое произведеніе. Никогда скульптура не была болѣе пылкой и сверкающей; мастера XVIII вѣка признали бы въ ней свою кровь, какъ во *Флорѣ*, столь граціозной въ расцвѣтѣ, полнотѣ и улыбкѣ своей молодости. Въ бюстахъ Карпо, отъ Шарля Гарнье до Александра Дюма и Наполеона III и отъ мадемуазель Фіокръ до маркизы Де ла Валеттъ, оживаютъ въ говорящихъ изображеніяхъ мужчины и женщины Второй Имперіи. Онъ былъ скульпторъ въ полномъ значеніи слова и останется въ пластикѣ великимъ толкователемъ этого періода нашей исторіи.

Былъ моментъ, когда можно было думать, что судьбы Клезенже будутъ одинаковы съ судьбой Карпо. *Женщина, ужаленная змѣей*, въ салонѣ 1847 г. была

привѣтствована кликами восхищенія. Онъ былъ провозглашенъ „Мюратомъ скульптуры", великимъ ваятелемъ и мастеромъ будущаго. Будущее не сдержало этихъ обѣщаній.

Уже главнымъ образомъ послѣ 1870 г. стяжали свою широкую извѣстность Фремье, ученикъ Рюда, Далу, ученикъ Карпо, Поль Дюбуа, Шапю, Фалгьеръ.

Архитектура. Чего особенно недоставало статуямъ и ваятелямъ этого періода—это поддержки истинно національной архитектуры. Разладъ архитектуры и искусствъ, которыя нѣкогда питались отъ ея существа, дополняли и возвышали значеніе памятника, ими украшаемаго, открывали его душу—вотъ чрезвычайно слабое мѣсто новѣйшей школы или скорѣе одна изъ основныхъ причинъ, объясняющихъ исчезновеніе всякой школы, понимая это слово въ томъ смыслѣ, какой оно имѣло нѣкогда. Въ самомъ дѣлѣ, недостаточно „заказывать" живописцамъ и скульпторамъ въ канцеляріи какого-нибудь департамента „Изящныхъ Искусствъ" партію статуй, барельефовъ или картинъ, предназначенныхъ для украшенія зданія ратуши, оперы или церкви, чтобы опять завязать между искусствами тотъ внутренній и плодотворный союзъ, который составлялъ ихъ силу въ великія эпохи художественнаго творчества. Союзъ, связующій эти разношерстныя произведенія одни съ другими, имѣетъ только административный, т.-е. искусственный, характеръ. Для созданія „стиля" въ архитектурѣ необходимо продолжительное вынашиваніе, въ которомъ принимаютъ участіе всѣ силы общественной и нравственной жизни народовъ.

Періодъ Второй Имперіи видѣлъ, какъ обрисовывались въ смутныхъ чертахъ нѣкоторыя попытки новой архитектуры. Въ послѣдней желѣзо, какъ элементъ конструктивный, образующій невиданныя формы, стремилось взять на себя роль, которая въ дальнѣйшемъ не замедлитъ получить еще большее преобладаніе, но съ точки зрѣнія привычныхъ вкусовъ публики долго признавалась скорѣй „промышленной", чѣмъ художественной. И все же Центральный рынокъ В. Бальтара, совсѣмъ не имѣвшій предшественниковъ, сдѣлался типомъ всѣхъ рынковъ, созданіе которыхъ было вызвано нуждами, возникающими при снабженіи провіантомъ большихъ городовъ, и далъ съ перваго раза съ образцовой рѣшительностью, логикой и силой типъ металлической конструкціи. Съ меньшею удачей хотѣлъ Бальтаръ въ конструкціи церкви св. Августина сочетать одновременное примѣненіе камня и чугуна. Результатъ этого смѣшаннаго замысла, интересный какъ попытка, остается посредственнымъ въ отношеніи монументальной выразительности. Зато Лабрустъ въ большой залѣ для занятій въ Императорской Библіотекѣ сдѣлалъ изъ желѣза примѣненіе столь же осмысленное, какъ и смѣлое; по свободѣ излюбленнаго замысла, по ясному и логичному приспособленію памятника къ его назначенію, это одно изъ лучшихъ архитектурныхъ созданій вѣка. Устройство и быстрое развитіе желѣзныхъ дорогъ скоро вызвали постройку монументальныхъ вокзаловъ, которые тотчасъ же оказались недостаточными. Восточный вокзалъ, начатый въ 1847 г. Дюкене, послужилъ образцомъ для большей части другихъ. Сѣверный вокзалъ, перестроенный Гитторфомъ, ничего не выигрываетъ отъ присоединенія ново-греческихъ мотивовъ.

Работы по украшенію и оздоровленію Парижа, предпринятыя Второй Имперіей, а также заботы о внутренней военной оборонѣ, безполезность которыхъ предстояло обнаружить событіямъ, вызвали проложеніе большихъ артерій; ихъ безжалостное выпрямленіе повлекло за собой сломку большого числа старинныхъ отелей и любопытныхъ памятниковъ. Казармы, предназначенныя господствовать надъ этими большими артеріями, возвысились

на площади Лобо, на площади Шато До, на улицѣ Риволи и въ Ситe. Французскаго искусства отъ этого не прибавилось.

Церкви Троицы, св. Клотильды были только приспособленіемъ старыхъ стилей: искусство, обнаруженное въ этомъ отношеніи архитекторами Баллю и Го, не прибавило ровно ничего къ монументальной сокровищницѣ Франціи.

Новый Луврь Лефюеля, продолжателя Висконти, сталъ съ момента его построенія предметомъ оживленныхъ нападокъ, выразителемъ которыхъ сталъ Вите; онѣ не были опровергнуты и потомствомъ. Переходы нижняго этажа и террасы, устроенныя надъ ними,—эта простая безцѣльная наклейка, безъ всякаго назначенія, которую климатъ скорѣе побуждалъ отвергнуть,—тяжесть фронтоновъ свидѣтельствуютъ о поверхностномъ и совершенно внѣшнемъ методѣ, тѣмъ не менѣе оставшемся въ почетѣ, несмотря на частыя осужденія, въ работахъ многихъ архитекторовъ, наиболѣе извѣстныхъ въ эпоху Второй Имперіи. Они, кромѣ того, продолжали постоянно оказывать сопротивленіе всѣмъ попыткамъ преобразованія или расширенія обученія, и когда Віолле-ле-Дюкъ, получивъ приглашеніе преподавать исторію французской архитектуры въ Школѣ Изящныхъ Искусствъ, попробовалъ открыть свой курсъ, буйныя и заранѣе условленныя манифестаціи закрыли ему ротъ. Онъ принужденъ былъ удалиться.

Наиболѣе выразительнымъ памятникомъ эпохи была все-таки Опера Шарля Гарнье. Съ своей полихроміей, получившейся благодаря примѣненію цѣнныхъ и тщательно выбранныхъ матеріаловъ, съ своей разнородной и черезчуръ обильной орнаментаціей, она отличается нѣсколько тяжелымъ богатствомъ и, если можно такъ выразиться, оттѣнкомъ блеска и великолѣпія, которые лучше всего соотвѣтствуютъ идеалу общества и двора Второй Имперіи. Но красота плана, обнаруживающаго съ ясною опредѣленностью всѣ существенныя части строенія: сцену, залъ, фойе и самое назначеніе зданія, просторъ и практичная ширина боковыхъ корридоровъ, увлекательность общаго замысла дѣлаютъ этотъ памятникъ оригинальнымъ и сильнымъ произведеніемъ.

Искусство декоративное и промышленное. Съ начала столѣтія и съ исчезновеніемъ послѣднихъ представителей художественнаго ремесла, продолжавшихъ во время Первой Имперіи преданія стиля Людовика XVI, можно было видѣть, какъ быстро падали декоративныя искусства и какой страшный ударъ нанесло имъ противодѣйствіе, созданное вліяніемъ Давида. Энгръ являлся еще отголоскомъ и защитникомъ этого аристократическаго ученія, когда въ 1863 г. онъ писалъ въ своемъ отвѣтѣ маршалу Вальяну: „Въ настоящее время хотятъ перемѣшать промышленность съ искусствомъ. Но мы не хотимъ промышленности! Пусть она останется на своемъ мѣстѣ и не пробуетъ водвориться на ступеняхъ нашей школы, истиннаго храма Аполлона, посвященнаго однимъ только искусствамъ Греціи и Рима“. По мѣрѣ того, какъ это узко - аристократическая теорія оказывала больше вліянія, становилось замѣтнымъ, какъ обезображивалось со дня на день внѣшнее убранство нашей жизни. Всѣ шли раскрывать рты отъ удивленія передъ историческими картинами, съ героями въ шлемахъ и нагими, производившими красивыя движенія, а возвращаясь къ себѣ натыкались на пошлую и неуклюжую обстановку. Видно было, какъ утрачивалось чувство красоты, разсѣянной вокругъ въ природѣ и доступной намъ для примѣненія. Умы предусмотрительные хотѣли снова вернуть въ почетъ „низшія“ искусства. Въ 1845 г. было основано общество промышленнаго искусства, въ 1848 г. былъ созданъ Высшій Совѣтъ отраслей національнаго производства, который разсматривалъ „проектъ Выставки прикладныхъ изящныхъ искусствъ“,

а немного лѣтъ спустя появился знаменитый докладъ графа Леона де Лаборда, забившаго настоящую тревогу. Въ 1858 г. учредилось еще Общество преуспѣянія промышленнаго искусства, которое должно было дать начало Центральному Союзу прикладныхъ изящныхъ искусствъ. Предостереженіе, громко провозглашенное Л. де Лабордомъ, было высказано снова въ 1862 г. Проспeромъ Меримэ: „Неизмѣримые успѣхи обнаружились во всей Европѣ,—писалъ онъ, и—хотя мы не оставались неподвижными, мы не можемъ скрыть отъ себя, что пріобрѣтенныя нами преимущества грозятъ утратиться... Пораженіе возможно; его слѣдуетъ даже предвидѣть въ недалекомъ будущемъ, если съ настоящаго дня наши фабриканты не употребятъ всѣхъ усилій, чтобы сохранить первенство, которое можно удержать только подъ условіемъ безпрестаннаго совершенствованія...“ Но общественное мнѣніе нескоро можно возбудить из-за подобныхъ предметовъ, а оффиціальнаго оптимизма и академическаго пренебреженія не могли пересилить уроки опыта. Все же Викторъ Дюрюи, съ его доброю готовностью и проницательностью предложилъ обсудить проектъ „Коллегіи прикладныхъ изящныхъ искусствъ“, который, если не осуществился подъ этой формой, далъ тѣмъ не менѣе случай внести въ „порядокъ дня“ вопросы, касающіеся обученія рисованію и его приложеній въ художественной промышленности.

II. Искусство внѣ Франціи.

Искусство въ Англіи.—Въ 1851 г. Англія потеряла послѣдняго изъ своихъ великихъ пейзажистовъ. Старый Кромъ умеръ въ 1821 г., Констэбль въ 1837 г., Мюллеръ въ 1845 г., 33 лѣтъ, не успѣвъ обнаружить всѣ свои средства и оставляя послѣ себя мощнаго Давида Кокса, который жилъ до 1859 г. Среди нихъ Тернеръ (1775—1851), болѣе великій, чѣмъ всѣ они, одинокій геній, ясновидецъ, попеременно то смущающій, то возвышенный, приближался къ своей послѣдней эволюціи къ тому, что называютъ его третьей манерой; онъ воспламенялся до галлюцинаціи своей мечтой о свѣтѣ, стремился закрѣпить на полотнѣ неуловимые миражи воздушныхъ фейерверковъ, и въ результатѣ получалась иногда фруктовая пастила, иногда же чудныя видѣнія.

Въ 1841 г., въ картинѣ, хватающей за сердце, написанной на слѣдующій день послѣ смерти Уильки, онъ воспроизвелъ похороны славнаго живописца, въ открытомъ морѣ, спусканіе гроба вдоль боковъ мрачнаго корабля въ ночную и черноватую воду, въ бездну тѣни, подъ свинцовымъ небомъ, изборожденнымъ молніей.

Вскорѣ послѣ того онъ затворился въ угрюмомъ одиночествѣ и англійская живопись стала считать въ своихъ рядахъ только такихъ живописцевъ анекдотическаго жанра, каковы Мюльреди (1786—1863), Мэклизъ (1811—1870), Эльморъ, Лесли (1794—1859), Фритсъ (1819—1895), Петти (1839—1893), Эрмитеджъ (1817—1894), Уебстеръ (1800—1886), картины которыхъ съ ихъ сильнымъ мѣстнымъ оттѣнкомъ, смѣлой рѣзкостью ихъ красокъ и ихъ нравственными стремленіями пользовались популярностью, меньшей, впрочемъ, чѣмъ произведенія Эдвина Лендсира (1802—1873), великаго національнаго живописца животныхъ.

Тогда-то разразилось то движеніе, которое нѣкоторые англійскіе критики назвали „прерафаэлитскимъ возстаніемъ (въ 1849 наступило прерафаэлитское возстаніе) [1]). Въ настоящее время трудно понять то возмущеніе, которое было вызвано у критиковъ и англійской публики первыми выступленіями „прерафаэлитовъ“. Ожесточенность поднявшейся тогда полемики тѣмъ поразительнѣй, что, благодаря своему

[1]) Ультеръ Эмстронгъ, *Изящныя искусства въ царствованіе Викторіи* (Walter Amstrong, Victorian fine art; The Art Journal, juin 1887).

островному положенію и также позднему образованію своей національной школы, Англія была болѣе всякаго другого народа ограждена отъ академическихъ пристрастій, изсушающую тираннію которыхъ испытывали слишкомъ часто обитатели континента [1]). Нельзя удержаться отъ улыбки при разсказѣ о томъ, съ какимъ пыломъ негодованія добрые англійскіе буржуа принялись вдругъ защищать бѣднаго Рафаэля, которому, какъ казалось, угрожала серьезная опасность. Самъ Диккенсъ счелъ своимъ долгомъ вмѣшаться въ споръ и придти ему на помощь своимъ перомъ и своимъ великимъ именемъ.

Семь молодыхъ людей, Уильямъ Холманъ Хёнтъ, Данте-Габріель Россетти, Джонъ Эвереттъ Миллэсъ, Джемсъ Коллинзонъ, скоро замѣщенный Дж.-Х. Девереллемъ, Фредерикъ Джоржъ Стефенсъ, Томасъ Ульнеръ, Уильямъ Майкель Россетти — живописцы, поэты, критики, скульпторы—были основателями „братства“. Уильямъ Бель Скоттъ, Артуръ Іузъ, Фордъ Мадоксъ Броунъ, старшій изъ нихъ, скоро выразили имъ горячую приверженность. Они шли отъ самыхъ различныхъ точекъ духовнаго горизонта; они отличались по происхожденію, характеру, воспитанію. Россетти, утонченный чуткій и страстный, былъ сынъ неаполитанскаго изгнанника, комментатора Данта, революціонера, католика и платоника. Уильямъ Холманъ Хёнтъ, строгій и полный воодушевленія, наподобіе пуританъ, принадлежалъ къ мелко-буржуазной семьѣ съ скромнымъ достаткомъ; онъ много читалъ и былъ большимъ искателемъ. Одно время, отдалившись отъ своихъ религіозныхъ вѣрованій, подъ вліяніемъ чтенія Вольтера и Шелли, онъ вскорѣ усиліемъ своей воли и совѣсти, вернулся къ своей реформатской англиканской вѣрѣ и рѣшилъ предоставить на служеніе ей всѣ средства своего искусства. Наконецъ, Миллэсъ, если ограничиться только этими тремя „собратьями“, достигшими славы, былъ изъ всѣхъ болѣе всего „живописцемъ“ по природѣ и долженъ былъ только перейти черезъ прерафаэлизмъ. *Учитель же душа* (master spirit) плеяды былъ Россетти, одаренный необычайной силой воздѣйствія на умы и сердца.

Въ этихъ пылкихъ душахъ, склонныхъ къ мистицизму, теоріи эстетиковъ, которые клялись Рафаэлемъ, приторности неоклассиковъ, даже буржуазныя нравоученія какого-нибудь Уильки и его продолжателей вызывали только глубокое отвращеніе или презрительное равнодушіе. Они искали немного ощупью, но съ полнымъ убѣжденіемъ „въ области природы для цѣлей поэзіи и искусства“, по выраженію *Germe*, ихъ недолговѣчнаго органа, когда случайная находка сообщила имъ формулу и девизъ, если только не откровеніе, того, что они ожидали. Одинъ изъ нихъ, Холманъ Хёнтъ, разсказалъ въ одномъ англійскомъ журналѣ [1]), какъ въ одну изъ ночей, во время собранія, происходившаго у Миллэса, они открыли впервые альбомъ гравюръ съ фресокъ *Campo Santo* въ Пизѣ. Это было для нихъ какъ бы лучомъ свѣта, и открытіе этой книги какъ разъ въ этотъ моментъ ихъ жизни порѣшило вопросъ объ основаніи „Прерафаэлитскаго Братства“. Съ тѣхъ поръ они нашли руководителя въ своихъ занятіяхъ; они знали тайну ожидаемаго ими освобожденія и какъ имъ одолѣть испорченность, спесивое и нездоровое самомнѣніе, исполненныя нетерпимости условности, которыя

[1]) Этти (умершій въ 1849 г.) былъ одинъ изъ рѣдкихъ англійскихъ художниковъ, которые предались въ первой половинѣ вѣка изображенію „нагого“ главнымъ образомъ женскаго тѣла. Онъ жилъ долго въ Италіи, особенно въ Венеціи. Гомерическій танецъ, который онъ выставилъ въ Манчестерѣ, былъ прикрытъ драпировками однимъ цѣломудреннымъ островитяниномъ. Онъ писалъ купальщицъ, купидоновъ, нимфъ, немного черезчуръ атласныхъ, но съ нѣжными формами.

[1]) The contemporary Rewiew (апрѣль, май, іюнь 1886 г., іюль, августъ 1887 г.).

отравляли въ ихъ глазахъ самые источники искусства. Они дали обѣтъ возвратиться, съ смиреніемъ и вѣрою въ сердцахъ, отрѣшившись отъ всякой чувственности", къ правдѣ и къ природѣ, проникаясь духомъ старыхъ мастеровъ „примитивовъ", предшествовавшихъ XVI вѣку, въ которыхъ все казалось имъ „простымъ, искреннимъ, вѣчно и неизмѣнно истиннымъ". Въ эту достопамятную ночь религіознаго воодушевленія истина явилась имъ „въ свѣтѣ молніи"; они окрестили себя прерафаэлитами и постановили прибавить къ своимъ именамъ, какъ признакъ принадлежности къ союзу и посвященія въ него—три буквы: P. R. B. (Preraphaelite Brotherhood—Прерафаэлитское Братство). Въ 1854 г. Рескинъ сталъ оказывать имъ мощную поддержку своимъ сочувствіемъ, своей вдохновенной проповѣдью и своимъ возраставшимъ съ году на годъ вліяніемъ на соотечественниковъ. Въ сущности чувства, ихъ одушевлявшія, были тѣ же, которыя обновили уже литературу.

Правда: таковъ былъ ихъ пароль. Но было бы ошибочнымъ видѣть въ нихъ реалистовъ въ томъ смыслѣ, какой придали этому слову споры на континентѣ. Одно только простое изображеніе реальнаго не могло ихъ удовлетворить: они всегда примѣшиваютъ къ нему нѣкоторую нравственную мысль; они дѣлаютъ его средствомъ выраженія чувства или символа; они съ неутомимымъ терпѣніемъ накопляютъ отчетливо исполненныя подробности; они хотятъ, чтобы ботаникъ могъ узнать всѣ растенія и каждую былинку травы въ ихъ картинахъ; они съ ожесточеніемъ мелочности выражаютъ малѣйшія жилки каждаго листа, но ихъ сосредоточенный идеализмъ проникаетъ со всѣхъ сторонъ въ міръ чувственныхъ явленій. „Прославляйте Луку, евангелиста,—пишетъ Россетти въ одномъ изъ своихъ сонетовъ,—потому что это онъ первый научилъ искусство складывать руки и молиться. Сначала искусство едва осмѣливалось разрывать покровы древнихъ символовъ, но, уразумѣвъ скоро, что неизмѣримость неба, молчаніе полей и самый день были символами еще болѣе могучими, оно увидѣло проявленіе Бога во всемъ и сдѣлалось его служителемъ. И если къ склону дня трудъ искусства становится тягостнымъ... оно можетъ еще, въ этихъ сумеркахъ, опуститься на колѣни на траву для молитвы, прежде чѣмъ ночь помѣшаетъ всякому труду".

У многихъ англійскихъ художниковъ, которые не принадлежатъ къ группѣ прерафаэлитовъ, можно встрѣтить частицу этой напряженной и скорбной меланхоліи въ ихъ обычномъ вдохновеніи—напримѣръ у Мэсона (1818—1872).

Уаттсъ, не принадлежа къ нимъ и скорѣе склонный въ своей работѣ къ формамъ, проложеннымъ широкой кистью въ манерѣ художниковъ XVI вѣка, имѣетъ однако тѣ же нравственныя предрасположенія. Онъ сдѣлалъ изъ своего искусства очень продуманный, очень возвышенный и совсѣмъ англійскій замыселъ. Живописецъ въ его глазахъ унизился бы, согласившись быть только ремесленникомъ красоты, страсти или жизни; совѣсть долженъ онъ имѣть въ виду, онъ долженъ дать для народа школу идеала, и такъ какъ стѣнная живопись казалась ему особенно пригодной для этой цѣли, то онъ предлагалъ покрыть обширными фресками вокзалы и стѣны всѣхъ памятниковъ Лондона.

Бернъ Джонсъ (1833—1898) и его другъ У. Моррисъ (1838—1897) примыкаютъ болѣе непосредственно къ Россетти, уроковъ котораго они искали въ 1855 г., когда они рѣшились покинуть занятія богословіемъ, начатыя ими въ Exeter College, чтобы посвятить себя искусству. Дружба этихъ двухъ людей оказала на современное англійское искусство и въ частности на декоративное искусство глубокое вліяніе, характеръ котораго бу-

детъ разъясненъ въ послѣднемъ томѣ этого труда.

Англійская школа вступила съ этихъ поръ на новую дорогу; будучи съ одной стороны открыта итальянскимъ и даже академическимъ вліяніямъ (самымъ виднымъ представителемъ которыхъ былъ Ф. Лейтсонъ, 1830—1896), она налагаетъ сильный національный отпечатокъ на всѣ элементы, которые она себѣ усвоила, и ея пейзажисты какъ и портретисты принимаются въ разсчетъ въ современномъ искусствѣ второй половины и конца столѣтія.

Въ послѣднемъ томѣ этого труда будетъ дано краткое изложеніе исторіи искусства въ Германіи, въ Скандинавскихъ странахъ, въ Голландіи, въ Бельгіи, въ Италіи, Испаніи и въ Швейцаріи во второй половинѣ и въ концѣ XIX вѣка. Тогда будетъ видно, что наиболѣе живучими и плодовитыми являются тѣ школы, которыя освободились отъ академическихъ вліяній, навязанныхъ европейской эстетикѣ возвратомъ классицизма въ началѣ вѣка—и какъ, съ своей стороны, Американскіе Соединенные Штаты начали образовывать подъ вліяніемъ старой Европы школу живописи, которая стремится стать національной.

Музыка съ 1848 до 1870 г.

Великіе композиторы предшествовавшаго періода необычайно расширили мощь музыкальной выразительности. Съ Бетховеномъ и Шуманомъ въ музыкѣ стала возможной передача душевныхъ движеній наиболѣе глубокихъ и сложныхъ; Берліозъ научилъ ее живописать внѣшній міръ. Отнынѣ, какъ и всѣ искусства нашей эпохи, музыка стремится выйти изъ своихъ границъ; она хочетъ быть также поэзіей и живописью. Тенденція эта укрѣпляется въ теченіе слѣдующей четверти вѣка. Правда, въ числѣ поборниковъ ея за это время нельзя, кромѣ Вагнера, насчитать такихъ могучихъ геніевъ, какъ тѣ, которыхъ мы только что назвали; но въ 1848—70 гг. завоеванія великихъ романтиковъ дѣлаются общественнымъ достояніемъ, и даже самые упорные классики, продолжая возставать противъ Берліоза или Шумана, пользуются ихъ нововведеніями. Музыка все болѣе дѣлается языкомъ психологическаго анализа. При этомъ она не только утончается, но и демократизируется; кадры публики, интересующейся ею, растутъ; она проникаетъ изъ кружковъ избранныхъ въ толпу. *Théâtre-Lyrique*, основанный въ 1851, и Concerts populaires (народные концерты), основанные Падлу (Pasdeloup) въ 1861, распространяютъ во Франціи знакомство съ великими симфоническими и музыкально-драматическими сочиненіями. Въ Германіи развитію вкуса публики способствуютъ не только исполненія музыкальныхъ произведеній, но и книги, сочиненія въ родѣ вагнеровскихъ, замѣчательные журналы по искусству, первое мѣсто среди которыхъ завоевала себѣ „Neue Musikzeitung" Шумана, обширные критически-просмотрѣнныя музыкальныя изданія фирмы Брейткопфъ и Гертель, труды по исторіи музыки Яна, Кехеля, Ноля, Амброса и др. Эта болѣе совершенная и вдумчивая музыкальная культура и сдѣлала возможной ту музыкальную революцію, которой суждено было совершиться на нашихъ глазахъ въ Байрейтѣ.

Французская музыка. Гуно и Амбруазъ Тома. Въ 1848—70 мы встрѣчаемъ еще на музыкальномъ поприщѣ во Франціи всѣ великія имена предшествующаго періода. Мейерберъ умеръ въ 1864, Галеви въ 1862, Берліозъ—въ 1869, Оберъ—въ 1871, Ф. Давидъ—въ 1876. Но школы сближаются другъ съ другомъ, разница между ними уменьшается; время героической борьбы миновало. И если Оберъ, наиболѣе изъ этихъ композиторовъ склонный къ традиціямъ старины, отдалъ дань

романтизму и оріентализму въ музыкѣ (*Enfant prodigue*, 1850), то и наиболѣе смѣлый среди нихъ, Берліозъ, умѣлъ сдержать свою пылкую фантазію, слѣдуя по стопамъ великихъ классиковъ, Глюка и Спонтини, въ *Троянцахъ* (1863—64),— произведеніи, достойномъ удивленія, но неровномъ, гдѣ рядомъ съ лучшими страницами, принадлежащими перу Берліоза, можно найти и страницы, наиболѣе условныя, наименѣе прочувствованныя. Образуется нѣчто среднее между обѣими школами, и на почвѣ этого компромисса выростаютъ художники, бывшіе представителями французскаго искусства въ теченіе трети вѣка: Амбруазъ Тома (Thomas; род. въ Метцѣ въ 1811, ум. въ 1896) и Шарль Гуно (Gounod; род. въ Парижѣ въ 1818, ум. въ 1893). Это—композиторы привлекательные, тонкіе, умѣлые, доступные всяческимъ вліяніямъ: нѣмецкимъ и итальянскимъ, классическимъ и романтическимъ. Со всѣхъ цвѣтовъ собираютъ они медъ, достаточно благоухающій и пріятный, и если медъ этотъ не можетъ служить пищей крѣпкимъ, все же отъ прелести его вкусила вся Европа. По поводу первой комической оперы Амбруаза Тома (*la Double Échelle*, 1837) Берліозъ писалъ: „Стиль Тома лишенъ ярко - индивидуальной физіономіи. Его формы не всегда очерчены вполнѣ ясно; мы видимъ въ немъ нерѣшительныя колебанія то въ сторону итальянской школы, то въ сторону нѣмецкой, причемъ всетаки послѣдней отдается явное предпочтеніе". Слова Берліоза вѣрны и по отношенію ко всему остальному, что было написано Тома. Это былъ добросовѣстный эклектикъ, съ дарованіемъ достаточно сильнымъ, но мало оригинальнымъ; его изящный и мягкій стиль и вообще весь духъ его творчества стоятъ какъ бы на полупути между нѣмецкою сентиментальностью и итальянскою яркостью. Главныя его произведенія: *le Caïd* (1849), *le Songe d'une nuit d'Été* (1850), *Psyché* (1855), *Mignon* (Миньона, 1866), *Hamlet* (1868). Тома почти не пришлось вести борьбы; онъ пользовался симпатіями исключительными и, пожалуй, чрезмѣрными. Въ 1871, послѣ смерти Обера, онъ сдѣлался директоромъ консерваторіи и въ 1894 имѣлъ радость присутствовать на тысячномъ представленіи своей *Миньоны*.

Гуно также эклетикъ, въ которомъ скрещиваются и сочетаются различныя вліянія; но это уже художникъ болѣе интересный. Можно его не особенно любить; можно быть даже врагомъ приторности, отчасти свойственной его стилю, но никто не станетъ отрицать въ немъ индивидуальности, одной изъ двухъ-трехъ наиболѣе видныхъ во всей французской музыкѣ XIX вѣка. Вліяніе Гуно на французскую школу было наиболѣе сильнымъ до смерти Цезаря Франка. Музыка его—странная смѣсь искренней и утонченной наивности, истинной и дѣланной нѣжности, сладострастія и свѣтскаго мистицизма. Глубочайшимъ чувствомъ въ Гуно было чувство религіозное, которому онъ далъ наиболѣе сильное выраженіе въ нѣсколькихъ ораторіяхъ, написанныхъ послѣ 1870 г. Мы еще вернемся къ нимъ. Но всѣ сценическія произведенія Гуно, создавшія его всемірную славу, относятся ко времени до 1870 г. Имъ написаны: *Сафо* (1851), хоры къ *Улиссу* Понсара (1852), *la Nonne sanglante* (1854), *le Médecin malgré lui* (1858), *Фаустъ* (1859), *Филемонъ и Бавкиди* (1860), *la Reine de Saba* (1862), *Мирейль* (1864), *Ромео и Джульетта* (1867).

Томно-соблазнительной музыкѣ Гуно можно отчасти поставить въ упрекъ, что она разслабила, обезсилила французское искусство, но она была поэзіей цѣлаго поколѣнія, да и трудно быть суровымъ по отношенію къ одному изъ наиболѣе изящныхъ французскихъ мелодистовъ.

Рядомъ съ этими главными именами должны быть упомянуты еще Викторъ

Массе (1822—1884), популярный авторъ оперъ *Noces de Jeanette* (1851) и „Галатея" (1852), о которой Берліозъ писалъ: „Настоящая парижская музыка: немножко чувствительности, немножко граціи и всего понемножку"; Мерме (Mermet, 1815—1890), оперу котораго *Roland à Roncevaux* (1864) публика принимала съ тріумфомъ въ то самое время, какъ освистывала *Троянцевъ* Берліоза; Мельяръ (Maillart, 1817—1871) съ *Драгунами Виллара* (*les Dragons de Villars*, 1856); Базенъ (Bazin, 1815—1878) съ *Voyage en Chine* (1865); Нидермейеръ (1802—1861), Реберъ (1807—1880), Гризаръ, Клаписсонъ и наконецъ слишкомъ извѣстный Оффенбахъ (1819—1882), апогей господства котораго относится къ 1860—1870 гг. Къ этой же эпохѣ относятся и первые опыты современныхъ намъ композиторовъ. Таковы Рейеръ (1823) въ то время написавшій уже нѣсколько оперъ, изъ коихъ особенно извѣстна *la Statue* (1861); Массне, впервые выступившій на сценѣ въ 1867, и, наконецъ, наиболѣе вдохновенный изъ всѣхъ французскихъ композиторовъ послѣ Берліоза, Жоржъ Бизе, дебютировавшій въ томъ же году *Пертскою красавицей* (*la Jolie fille de Perth*).

Итальянская музыка. Верди.—Итальянская музыка второй половины XIX в. резюмируется въ одномъ имени—Верди. Россини и Доницетти были продуктами эпохи эгоистическаго отдыха и погони за наслажденіями, послѣдовавшей за войнами Имперіи. Верди соотвѣтствуетъ пробужденію національностей, революціонному движенію, которое стало чувствоваться во всѣхъ углахъ Европы и преобразило Италію. Это уже не Италія Стендаля, страна, гдѣ запрещено мыслить, но жить можно безъ всякихъ стѣсненій. Это—Италія объединенная, твердая пьемонтская монархія, спутанная съ цѣлымъ клубкомъ политическихъ вопросовъ, но съ искусствомъ связанная столь мало, что кажется чужою въ томъ самомъ отечествѣ, которое ею же основано. Верди—итальянецъ Сѣвера, полный новаго духа, страстный патріотъ. Оперы его имѣютъ историческій интересъ въ томъ смыслѣ, что во многихъ отношеніяхъ имѣли политическое значеніе и служили сигналомъ революціоннаго движенія.

Джузеппе Верди родился въ 1813 г. близъ Буссето (въ герцогствѣ Пармскомъ); какъ оперный композиторъ онъ дебютировалъ въ 1839 г. въ театрѣ Скала, въ Миланѣ. Первый большой успѣхъ создалъ ему *Навуходоносоръ* (1842). Въ 1843 году его *Ломбардцы* вызвали патріотическій энтузіазмъ въ Миланѣ; затѣмъ послѣдовали *Эрнани* (1844), *Атилла* (1846) и *Макбетъ* (1847), изъ коихъ обѣ послѣднія послужили поводомъ къ національнымъ манифестаціямъ въ Венеціи. Все это произведенія, запечатлѣнныя мелодраматической жестокостью, грубый стиль которыхъ привелъ въ потрясеніе все итальянское искусство. Крайности этого стиля оттолкнули отъ себя самого автора. Индивидуальность Верди, болѣе сильная, чѣмъ глубокая, на протяженіи долгой жизни композитора неоднократно подвергалась трансформаціи,—и каждый разъ въ самую неожиданную сторону. Послѣ 1850 г., казалось, онъ вернулся къ традиціямъ своего народа. Къ этой эпохѣ относятся его наиболѣе популярныя оперы: *Риголетто* (1851), *Трубадуръ* (1853), *Травіата* (1853)—это любопытное произведеніе, явившееся за сорокъ лѣтъ провозвѣстникомъ мѣщанской оперы нашего времени, — *Сицилійская Вечерня* (1855), *Балъ-маскарадъ* (1859), *La Forza del destino* (*Сила судьбы*, написана для Петербурга 1862). Во всѣхъ этихъ операхъ можно наблюдать странное смѣшеніе непріятнаго грубаго стиля, доходящаго порой до неистовства, съ тонкостью, до которой раньше Верди не подымался. *Донъ-Карлосъ*, написанный въ 1867 г. для Парижа, является новымъ этапомъ въ эволюціи вердіевскаго стиля: въ немъ больше

вдумчивости, болѣе тщательная декламація на французскій ладъ. Наконецъ, *Аида*, написанная въ 1869 г., но поставленная только въ 1871 г. въ Каирѣ, возвѣщаетъ революцію въ итальянскомъ оперномъ стилѣ: онъ рѣзко трансформируется, оплодотворяется нѣмецкими вліяніями, вѣяніями вагнеровскихъ *Лоэнгрина* и *Тангейзера*. Въ слѣдующемъ періодѣ мы еще прослѣдимъ до конца любопытную эволюцію этой энергичной и въ то же время нерѣшительной личности.

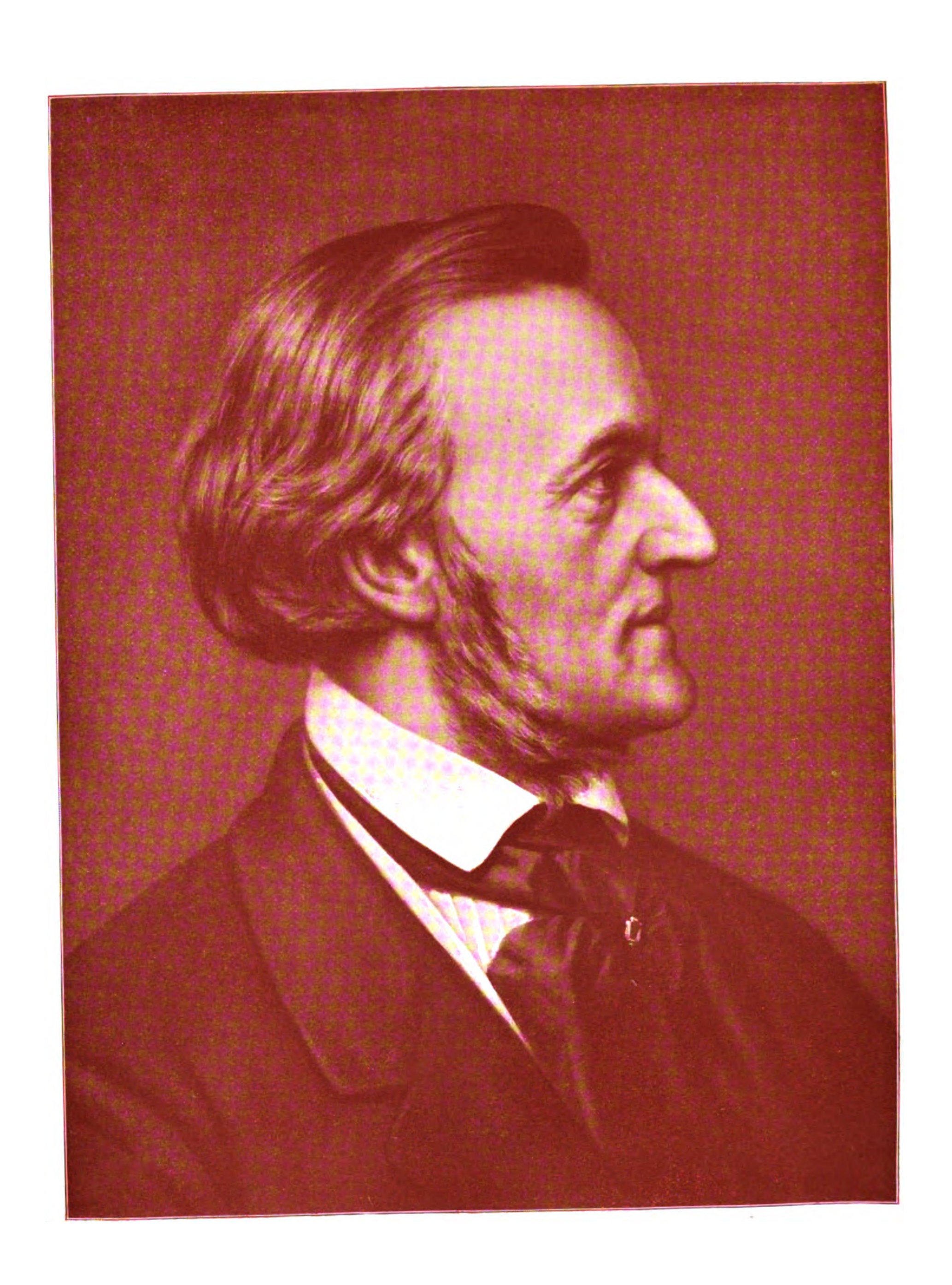
Остальные итальянскіе композиторы меркли рядомъ съ Верди. Изъ числа ихъ достаточно назвать Пачини, Копполу, особенно Меркаданте (1795—1870), плодовитаго автора цѣлой сотни оперъ, и нѣскольких композиторовъ, писавшихъ не лишенныя искры комическія оперы, каковы братья Риччи, Петрелла, Каньони, Педротти.

Нѣмецкая музыка. Вагнеръ.— Надъ всею этой эпохой господствуетъ Вагнеръ. Онъ не достигъ еще въ это время художественной гегемоніи; только послѣ 1870 г. воздѣйствіе его распространяется на всю европейскую музыку, но въ 1848—1870 гг. созданы были шедевры Вагнера, и его творческая мысль обвиваетъ и дополняетъ мысль всѣхъ его современниковъ.

Рихардъ Вагнеръ родился 22 мая 1813 г. въ Лейпцигѣ. До 1848 года онъ успѣлъ написать свои самыя популярныя оперы: *Ріэнзи* (1842), *Корабль-призракъ* (*Fliegender Holländer*, 1843), *Тангейзеръ* (1840—1845), *Лоэнгринъ* (1845—1847). Въ нихъ сказываются уже всѣ поэтическія и нравственныя черты Вагнера: острый мистицизмъ, ненасытная чувственность, героическая воля, кризисы религіознаго экстаза и языческой страсти. Но всѣ эти произведенія—еще оперы; ихъ прекрасный стиль,—не что иное, какъ старыя веберовскія формы на службѣ у новаго и могучаго таланта.

Именно въ 1848 году Вагнеру пришлось пережить кризисъ, явившійся источникомъ провозглашенной музыкальной революціи. Онъ работалъ надъ драмой, гдѣ героемъ былъ Фридрихъ Барбарусса, причемъ увидѣлъ, что сюжетъ этотъ непригоденъ для музыки. И вотъ, изслѣдуя условія, благопріятствующія сліянію обоихъ искусствъ, Вагнеръ пришелъ къ радикальному разрыву съ Глюкомъ, котораго упорно продолжаютъ называть его предшественникомъ. Глюкъ вѣрилъ, что „истинное назначеніе музыки—вспомоществовать поэзіи". Вагнеръ же открылъ, что музыка сама по себѣ—поэзія опредѣленная, особый языкъ души. Онъ отказывается отъ современной оперы. „Я не хочу реформировать оперу; я оставляю ее, какъ она есть, и дѣлаю иное... Больше я не пишу оперъ; не желая однако изобрѣтать произвольнаго имени для моихъ произведеній, я называю ихъ „драмами" (1851).

Сосредоточившись и развивъ свои мысли въ трехъ главныхъ трудахъ: *Искусство и революція* (1849), *Художественное произведеніе будущаго* (1850), *Опера и драма* (1851), Вагнеръ затѣмъ снова отдался драматическому творчеству. Плодомъ этого яснаго самосознанія явились произведенія, совершенныя по своей поэтической полнотѣ и цѣльности, не имѣющія почти ничего общаго съ искусствомъ прошлаго: *Тристанъ и Изольда* (1857—1859), пѣснь всепожирающей и гибнущей страсти; *Нюрнбергскіе Мейстерзингеры* (1845—1867), запечатлѣнные эпическою радостью и простодушіемъ; колоссальная тетралогія *Нибелунговъ*, увидавшая свѣтъ только послѣ 1870 г., но почти вся написанная въ предшествовавшую эпоху (общій набросокъ—1845 г.; *Золото Рейна* 1853—1854; *Валькирія* 1854—1856; *Зигфридъ* 1857—1858 и 1868—1869; *Сумерки боговъ*—начаты въ 1869) и, наконецъ *Парсифаль*, первая мысль о которомъ относится къ 1855 г., а первые эскизы—къ 1864 г. Всѣ эти сочиненія носятъ на себѣ отпечатокъ шопенгауэровскаго пессимизма; смутныя буддійскія тенденціи

Рихардъ Вагнеръ.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

смѣшаны въ нихъ съ неистовымъ и героическимъ жизненнымъ пыломъ. Въ то же время они являются грандіознымъ зеркаломъ жизни Вагнера, снѣдаемаго страстями, мучимаго тоскою, честолюбіемъ, изгнаннаго изъ Германіи въ качествѣ революціонера, подавленнаго нуждою и интригами въ Парижѣ, непризнаннаго, оклеветаннаго, оскорбляемаго, спасеннаго отъ отчаянія чудесною помощью несчастнаго короля-поэта Людвига Баварскаго, который сумѣлъ понять и защитить его геній. 1870-й годъ приблизительно является гранью этой ожесточенной борьбы и началомъ полной тріумфовъ старости Вагнера, съ послѣдними отблесками которой мы уже познакомились. Къ тому же году относятся и первые планы постройки театра въ Байрейтѣ.

Какъ ни проникнуто творчество Вагнера дыханіемъ великихъ классиковъ, особенно Бетховена,— оно представляетъ собою совершенное преобразованіе музыки. Мелодія ширится, разбиваетъ границы, слѣдуетъ за изгибами мысли и измѣненіями характеровъ, течетъ, волнуется, постоянно стремится впередъ. Гармонія больше не расчленяется, а тѣсно сливается; въ ней отражается вся безпокойная жизнь души; она безпрестанно модулируетъ, нигдѣ не закрѣпляясь. „Отдайся безъ страха безпредѣльнымъ волнамъ въ открытомъ морѣ музыки. Широко открой источники твоей мелодіи, чтобы сплошнымъ потокомъ разлилась она по всему твоему произведенію“ (1861). Все—мелодія. „Единственная форма музыки—это мелодія“. Ритмъ разбивается; страстная ассимметрія заступаетъ мѣсто разсчитанныхъ колебаній классическаго стиля. Повсюду стремленіе возвратить жизни ея свободу и сложность. „Искусство должно производить полное впечатлѣніе жизни“.

Эта музыка, желающая быть непосредственнымъ языкомъ сердца, предполагаетъ внутренній идеализмъ. Вотъ, между прочимъ, относящееся сюда объясненіе, данное Вагнеромъ *Тристану:* „Когда я сочинялъ *Тристана*, я, полный довѣрія, погрузился въ глубины души и ея таинства; и я видѣлъ изъ этого внутренняго центра міра, какъ рождалась его внѣшняя форма. Трактуя историческій сюжетъ, поэтъ обыкновенно не можетъ избѣжать тысячи мелочей, необходимыхъ для объясненія внѣшней связи дѣйствія, но затемняющихъ ясное развитіе мотивовъ внутреннихъ. Бросьте однако взглядъ на все протяженіе *Тристана*, и вы сразу увидите, что я дерзнулъ сохранить здѣсь исключительно тѣ подробности, которыя относятся именно къ этимъ внутреннимъ мотивамъ. Жизнь и смерть, важность и существованіе внѣшняго міра — все зависитъ здѣсь исключительно отъ внутреннихъ движеній души. Дѣйствіе, которому предстоитъ свершиться, зависитъ отъ единственной причины—души, которая его вызываетъ; и оно разражается въ такомъ видѣ, въ какомъ душа представляла его себѣ въ своихъ мечтахъ“ (1861). Вагнеръ, такимъ образомъ, имѣлъ двоякое вліяніе: какъ композиторъ и какъ писатель. Обѣ эти стороны его вліянія—музыка и мысль—часто дѣйствовали разъединенно другъ отъ друга; вторая изъ нихъ съ особенной силой дѣйствуетъ на всѣ искусства нашего времени. Вагнеръ оставляетъ далеко за собой всѣхъ современныхъ нѣмецкихъ композиторовъ, среди которыхъ имѣются однако крупныя величины. Знаменитѣйшій изъ нихъ, Іоганнъ Брамсъ, родомъ изъ Гамбурга (1833—1897). Славой своей, нѣсколько преувеличенной въ Германіи вслѣдствіе скрытой реакціи противъ Вагнера, онъ обязанъ своимъ симфоническимъ сочиненіямъ, солиднымъ и достаточно оригинальнымъ, прямымъ источникомъ коихъ является Шуманъ и послѣднія произведенія Бетховена. Впрочемъ, главныя его сочиненія относятся къ періоду послѣ 1870 г. Послѣ Брамса можно назвать симфониста Іоахима Раффа (1822—1872), весьма приверженнаго къ

романтизму; Фердинанда Гиллера (1811—1885), Рейнеке, Макса Бруха, Флотова, Гольдмарка и др.

Русская музыка. Вторымъ послѣ Глинки лицомъ, которому принадлежитъ заслуга созданія русской школы въ музыкѣ, является Александръ Сергѣевичъ Даргомыжскій (1813—1869). Даргомыжскій рано выдвинулся въ Петербургѣ, какъ композиторъ-дилеттантъ (романсы и др.). Большое значеніе для его музыкальнаго развитія имѣло знакомство съ Глинкой, по деновскимъ тетрадямъ котораго онъ прошелъ теорію музыки. Въ 1843 г. онъ бросилъ службу и всецѣло отдался композиціи. Но композиторскій путь его усыпанъ былъ терніями. Опера *Эсмеральда*, оконченная въ 1839 г., была принята дирекціей къ постановкѣ только въ 1847; опера-балетъ *Торжество Вакха* (1843) вовсе не была поставлена; опера *Русалка*—нынѣ одна изъ любимѣйшихъ въ Россіи—задуманная еще въ 1843 г., подъ вліяніемъ вышеуказанныхъ неудачъ была временно заброшена и окончена лишь въ 1855 (поставлена въ 1856); начало же успѣха *Русалки* относится лишь къ возобновленію ея (1866 г.). Послѣднюю свою оперу *Каменный гость* Даргомыжскій не успѣлъ вполнѣ закончить; это сдѣлали за него Римскій-Корсаковъ и Кюи, члены кружка „Новой русской школы" (см. ниже), признававшаго Даргомыжскаго своимъ главой.

Даргомыжскій началъ *Эсмеральдой* съ явнаго подражанія французамъ (Галеви, Мейерберъ); въ *Русалкѣ* онъ вступилъ на самостоятельный путь созданія русской оперы, примкнувъ къ Глинкѣ. Въ противоположность непосредственному лиризму Глинки, творчество Даргомыжскаго отличается большей сознательностью, драматической силой; по красотѣ и ширинѣ мелодіи Даргомыжскій далеко уступаетъ Глинкѣ, зато его речитативы много гибче и выразительнѣе глинкинскихъ; въ менѣе самостоятельныхъ мѣстахъ онъ тяготѣетъ къ французамъ, тогда какъ Глинка къ итальянцамъ. Слѣдуетъ отмѣтить еще оригинальный комическій талантъ Даргомыжскаго. Въ *Каменномъ гостѣ*, написанномъ на неизмѣненный (!) текстъ Пушкина, композиторъ отказался, за незначительными исключеніями, отъ законченныхъ оперныхъ формъ; вся опера построена изъ свободныхъ мелодическихъ речитативовъ, живо имитирующихъ измѣнчивыя интонаціи рѣчи. Вообще драматическая концепція преобладаетъ здѣсь надъ чисто-музыкальной, но центръ тяжести музыки лежитъ не въ оркестрѣ, а въ пѣніи, что и отличаетъ систему Даргомыжскаго отъ вагнеровской. Такимъ образомъ, Даргомыжскаго можно назвать реалистомъ въ музыкѣ, въ противоположность идеалисту Глинкѣ; изъ синтеза обоихъ теченій и создалась вся позднѣйшая русская музыка, для которой изъ оперъ Даргомыжскаго наибольшее значеніе имѣла покуда *Русалка*. Изъ другихъ сочиненій Даргомыжскаго надо упомянуть еще о романсахъ, представляющихъ шагъ впередъ по отношенію къ глинкинскимъ (въ смыслѣ болѣе тонкой декламаціи и большаго соотвѣтствія текста съ музыкой), дуэтахъ, хорахъ и оркестровыхъ пьесахъ, очень уступающихъ глинкинскимъ по мастерству инструментовки.

Современникомъ Даргомыжскаго и отчасти Глинки является Александръ Николаевичъ Сѣровъ (1820—1871), впервые выдвинувшійся какъ композиторъ только въ 1863 г. оперой *Юдиѳь*, за которою послѣдовали *Рогнѣда* (1866) и *Вражья сила* (1871), вполнѣ законченная по смерти композитора его женой В. С. Сѣровой и Н. Соловьевымъ. Періодъ до *Юдиѳи*, (съ 1851) ознаменованъ энергичной музыкально-критической дѣятельностью Сѣрова, которой онъ не покидалъ затѣмъ до смерти. Въ этой области, гдѣ Сѣровъ явился въ Россіи чуть ли не піонеромъ, значеніе его было громадно какъ благодаря эрудиціи общей и музы-

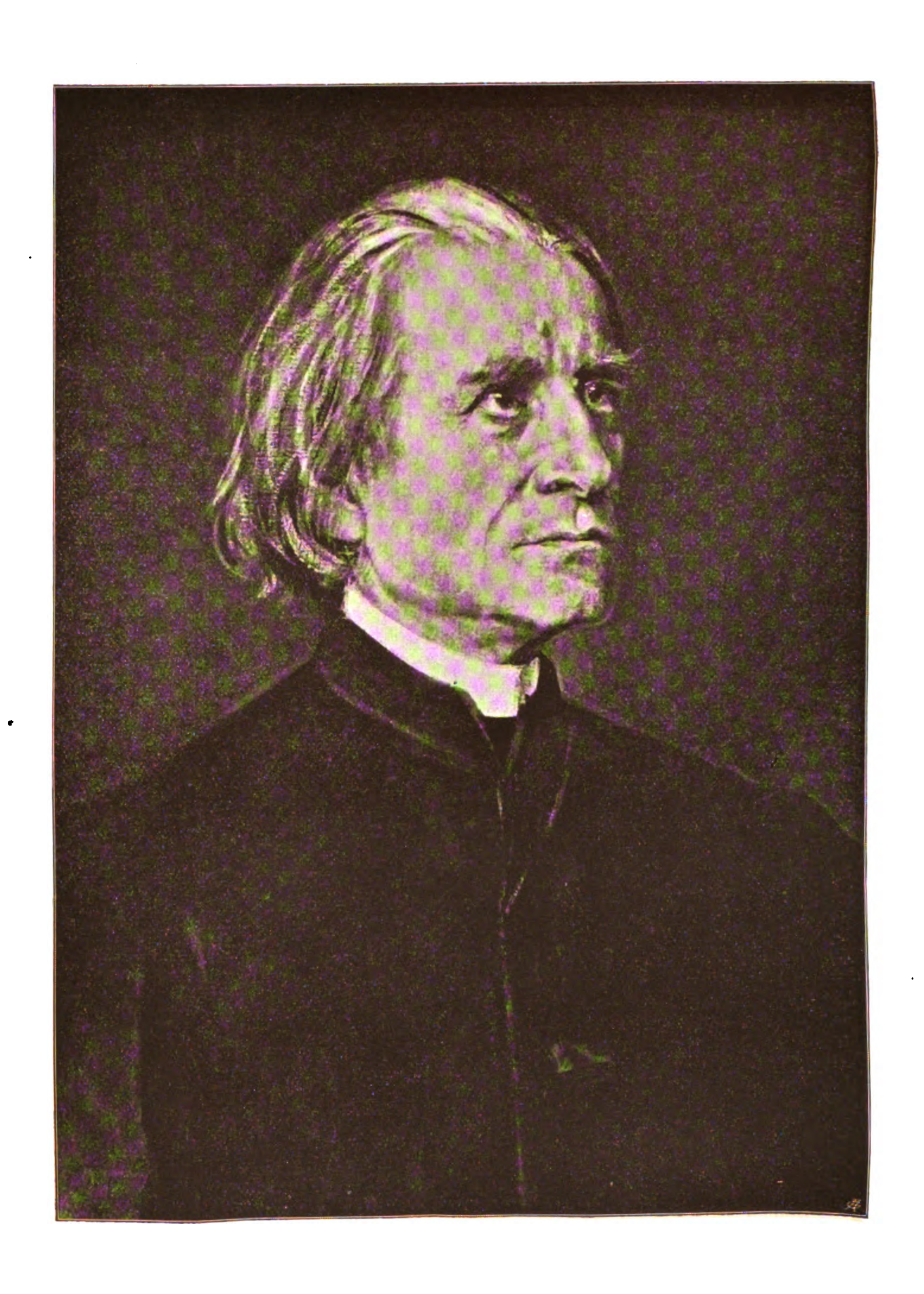
кальной, такъ и вслѣдствіе ясности и увлекательности изложенія. Онъ пропагандировалъ Глинку, Даргомыжскаго, классиковъ; какъ человѣкъ увлекающійся, онъ, впрочемъ, нерѣдко мѣнялъ точку зрѣнія. Такъ, бывъ сначала поклонникомъ Мейербера, онъ затѣмъ предалъ его проклятію и сдѣлался вагнеристомъ, кстати сказать, первымъ въ Россіи. Сѣровъ работалъ въ 27 изданіяхъ; онъ первый сдѣлалъ попытку основать въ Россіи серьезный спеціально-музыкальный журналъ („Музыка и театръ“ 1867—68), а также былъ первымъ въ Россіи музыкальнымъ лекторомъ. Какъ композиторъ, Сѣровъ представляетъ величину своеобразную и довольно значительную, въ которой однако наиболѣе сильный элементъ—мыслительный не былъ въ достаточной мѣрѣ уравновѣшенъ непосредственнымъ вдохновеньемъ и техникой. Наиболѣе счастливымъ въ послѣднемъ отношеніи произведеніемъ является *Юдиѳь* (особенно ея „восточныя“ страницы), въ музыкѣ которой есть „простота и строгость, придающія ей нѣсколько ораторіальный характеръ“. Въ *Рогнѣдѣ* Сѣровъ, въ то время теоретически уже вагнеристъ, далъ произведеніе скорѣе въ стилѣ мейерберовской пестрой „большой“ оперы, мало раздвинувшее горизонты русской музыки. Послѣднее должна была сдѣлать *Вражья сила*, по замыслу автора первая *народная* русская опера (на сюжетъ Островскаго *Не такъ живи, какъ хочется*), но произведеніе это удалось лишь въ нѣсколькихъ эпизодахъ, ибо натура Сѣрова была чужда народности и ему приходилось здѣсь насиловать себя. Въ общемъ можно сказать, что въ развитіи русской оперы Сѣровъ стоитъ особнякомъ, мало примыкая къ Глинкѣ и Даргомыжскому. То же слѣдуетъ сказать и объ Антонѣ Григорьевичѣ Рубинштейнѣ (1829—1894). 10-ти лѣтъ Рубинштейнъ впервые далъ концертъ въ Москвѣ, а въ 12 лѣтъ концертировалъ уже по Европѣ. Рядомъ съ Листомъ Рубинштейнъ является однимъ изъ величайшихъ когда-либо существовавшихъ піанистовъ, какъ по универсальности репертуара, такъ и по силѣ и глубинѣ передачи. Кстати сказать, Рубинштейнъ былъ первымъ русскимъ виртуозомъ, пріобрѣвшимъ всесвѣтную извѣстность. Рано сталъ Рубинштейнъ и писать. Творчество его, какъ и фортепіанное исполненіе, отличается не столько тщательностью отдѣлки, сколько цѣльностью общей концепціи. Онъ не всегда достаточно строгъ къ самому себѣ, часто довольствуется первою попавшеюся мыслью и оттого водянистъ, но развиваетъ эту мысль всегда легко и непосредственно, хотя бы и эскизно. Отсюда необыкновенная плодовитость Рубинштейна, затронувшаго чуть ли не всѣ области композиціи. По духу своего творчества Рубинштейнъ—эклектикъ, воспитавшійся на западныхъ классикахъ и романтикахъ и къ нимъ примыкающій. Когда Рубинштейнъ хотѣлъ писать въ русскомъ духѣ, онъ впадалъ въ явное подражаніе; наоборотъ, въ музыкѣ восточной онъ былъ необыкновенно оригиналенъ (въ чемъ сказалось, можетъ быть, его еврейское происхожденіе) и самъ являлся предметомъ подражанія. Во всякомъ случаѣ, Рубинштейнъ много сдѣлалъ для развитія русской музыки,—между прочимъ, фортепіанной и камерной. Въ описываемый періодъ (до 1870 г.) онъ уже написалъ 7 оперъ (изъ коихъ не всѣ даже дошли до насъ и значеніе сохранили лишь *Ферамарсъ* (1863) и отчасти *Дѣти степей* (1861) [1]), симфонію *Океанъ*, рядъ камерныхъ ансамблей, фортепіанныхъ сочиненій, романсы (*Персидскія пѣсни!*) и др.

Велики заслуги А. Рубинштейна, какъ и брата его, москвича Николая Рубинштейна (также первокласснаго піаниста,

[1]) Обѣ оперы, какъ и нѣкоторыя позднѣйшія оперы Рубинштейна, поставлены были впервые за границей, гдѣ композиторъ живалъ часто и подолгу и гдѣ талантъ его вообще находилъ больше признанія, чѣмъ въ Россіи.

по мнѣнію многихъ, не уступавшаго Антону), въ дѣлѣ музыкальнаго просвѣщенія Россіи. Благодаря иниціативѣ А. Рубинштейна и подъ его руководствомъ основано было въ 1859 г. русское музыкальное общество, имѣющее нынѣ отдѣленія въ 28 городахъ. При помощи концертовъ и музыкально-учебныхъ заведеній (двухъ консерваторій и многихъ музыкальныхъ училищъ) общество это, несмотря на нѣкоторыя свои слабыя стороны (склонность къ бюрократизму и недостаточное вниманіе къ русской музыкѣ), оказало существенное вліяніе на подъемъ музыкальнаго развитія Россіи. Подъемъ этотъ, находившійся въ связи съ общимъ подъемомъ культурной и общественной жизни, вызвалъ и небывалое дотолѣ развитіе музыкальнаго издательства въ Россіи.

Къ разсматриваемой же эпохѣ относится зарожденіе такъ называемой „новой русской школы“ (Балакиревъ, Мусоргскій, Кюи, Бородинъ, Римскій-Корсаковъ), имѣвшей крупное значеніе для развитія русской музыки; но такъ какъ главная дѣятельность представителей этой школы развернулась позднѣе (часть ихъ является даже нашими современниками), то о нихъ будетъ сказано позднѣе, точно такъ же какъ и о Чайковскомъ, только въ 1865 г. окончившемъ консерваторію. Картина русской музыкальной жизни только что разсмотрѣнной эпохи будетъ однако не полна, если не упомянуть, что еще до 1870 г. были написаны музыка къ „Королю Лиру“ и увертюры Балакирева (точно также какъ его *Сборникъ русскихъ народныхъ пѣсенъ*, 1866, давшій сильный толчокъ серьезному научно-художественному изученію народной пѣсни), рядъ романсовъ и опера *Борисъ Годуновъ* Мусоргскаго (поставленная, впрочемъ, позднѣе), опера Кюи *Ратклифъ* (1869), 1-я симфонія Бородина, симфонія *Антаръ* и симфоническая картина *Садко* Римскаго-Корсакова, 1-я симфонія Чайковскаго. Не надо также забывать, что еще до 1870 г. достаточно обозначилось самостоятельное и боевое направленіе „новой русской школы“, вызвавшее горячую полемику въ литературѣ и приведшее, между прочимъ, къ организаціи „Безплатной музыкальной школы“, концерты которой процвѣтали именно въ 60-хъ годахъ. Характеристику этого направленія, а въ связи съ нимъ и другихъ, ему современныхъ, читатель найдетъ въ главѣ, посвященной исторіи музыки въ новѣйшее время.

Ф. Листъ.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

Глава XII.

Современная наука [1]).

(1848—1870.)

Задача научнаго преподаванія. — Какъ мы видѣли, первая французская революція (см. т. I, стр. 232) повлекла за собою коренной переворотъ въ области научнаго преподаванія; онъ произведенъ былъ внезапно, но очень разумно, въ правильномъ соотвѣтствіи съ успѣхами теоретическаго знанія и съ той ролью, какую начинали играть въ общественной жизни его практическія примѣненія.

Новые успѣхи опять потребовали коренной реформы въ серединѣ истекшаго столѣтія; но подобно тому какъ революція 1848 г. политически не удалась, такъ и попытки реформы преподаванія, по крайней мѣрѣ, во Франціи, закончились самымъ плачевнымъ образомъ.

Высшая наука, витающая въ отвлеченностяхъ, можетъ долго сохранять жизненность лишь при одномъ условіи: необходимо, чтобы успѣхи, послѣдовательно осуществляемые ею, настолько своевременно дѣлались достояніемъ средняго образованія, чтобы между обѣими ступенями не получалось пропасти, которую трудно было бы перешагнуть; вторая изъ этихъ ступеней должна давать достаточную подготовку, чтобы обезпечить вступленіе на первую. Нужно, слѣдовательно, постепенно вводить больше предметовъ въ программу средняго образованія, а для этого нужно научиться излагать ихъ все въ болѣе сжатой формѣ и въ возможно меньшій промежутокъ времени, не компрометируя, однако, достоинства науки.

Задача еще болѣе усложняется тѣмъ, что въ виду непрерывно умножающихся практическихъ примѣненій науки было бы интересно, во всякомъ случаѣ, болѣе или менѣе полно излагать ихъ во время преподаванія, но такъ какъ они весьма нерѣдко требуютъ очень высокихъ познаній, то приходится загромождать средній курсъ чисто практическими свѣдѣніями, которыя не только не способствуютъ умственному развитію, но могутъ затруднить его, безполезно обременивъ память и умъ ложными или же крайне несовершенными понятіями.

Во Франціи, въ силу централизаціи преподаванія и однообразія программъ, этотъ всегда насущный вопросъ принялъ особенно острую форму: въ Германіи же и Англіи широкая свобода пріемовъ высшаго преподаванія, гибкость и разнообразіе учрежденій дали возможность безъ

[1]) Настоящая глава составлена при участіи г. Люсьена Пуанкаре въ отдѣлѣ физико-химическихъ наукъ и г. Гуссэ въ отдѣлѣ біологическомъ.

особаго труда приспособиться къ новымъ требованіямъ.

Кромѣ того, Франціи, въ отличіе отъ другихъ націй, приходилось еще мириться съ тяжеловѣснымъ наслѣдіемъ славныхъ традицій начала вѣка, проникнуться же ихъ духомъ и создать новыя французы не сумѣли.

Конфликтъ идейныхъ теченій закончился знаменитымъ *учебнымъ планомъ* 10 апрѣля 1852 г., съ которымъ связано имя министра Фортуля. Начиная съ четвертаго класса лицеевъ (гимназій) онъ ввелъ *дѣленіе* на классы *словесности* и классы *точныхъ наукъ*, дававшіе особые аттестаты зрѣлости. Эта система, которую мало освѣдомленная публика приняла довольно благосклонно, но всегда не одобрявшаяся университетомъ, существовала полтора десятка лѣтъ, но испортила дѣло просвѣщенія на гораздо болѣе долгій срокъ. Усиливать умственный разладъ между чисто литературнымъ и чисто научнымъ образованіемъ, намѣчавшійся съ первыхъ лѣтъ девятнадцатаго вѣка, было большой ошибкой: задача средней школы именно въ томъ и заключается, чтобы давать законченное образованіе, вырабатывать цѣльную личность. Неправильно также полагали нужнымъ начинать преподаваніе наукъ съ такого возраста, когда умъ учащихся обыкновенно еще недостаточно зрѣлъ для воспріятія ихъ; особенно же не слѣдовало думать, что наибольшую важность представляетъ то, сколько времени тратится на обученіе, а не то, какъ оно ведется.

Въ этомъ смыслѣ программы были задуманы какъ нельзя хуже; уровень теоретическихъ свѣдѣній не только не повысили, а скорѣй понизили, либо тѣмъ, что урѣзали предметы преподаванія, либо тѣмъ, что насильственно сохранили устарѣлые пріемы изложенія, уже смѣшные въ глазахъ учащихся: зато старались расширить практическія свѣдѣнія и предметы, преподаваніе которыхъ незатруднительно, но и безполезно для воспитанія ума.

Отвѣтственность за эти программы больше всего падаетъ, повидимому, на астронома Леверрье, которому его политическая роль (въ противоположность Араго, котораго онъ смѣнилъ въ обсерваторіи въ 1850 г.) давала большое вліяніе въ правительственныхъ совѣщаніяхъ. Это вліяніе осуществлялось имъ въ томъ же духѣ и столь же печальнымъ образомъ при реформѣ преподаванія въ Политехнической школѣ, производившейся по постановленію смѣшанной комиссіи, назначенной 6 іюля 1850 г.

Програма вступительнаго экзамена въ эту школу во Франціи находится въ зависимости отъ рѣшенія военнаго министра, безъ участія его сотоварища по народному образованію; однако эта программа опредѣляетъ болѣе высокій уровень средняго научнаго образованія (классъ спеціальной математики), а потому вліяетъ и на уровень курса Нормальной Школы и факультета. Съ другой стороны, Политехническая Школа, съ національной точки зрѣнія разсадника ученыхъ, по численности и средней подготовкѣ своихъ учащихся стояла въ 1850 г. значительно выше всѣхъ другихъ учебныхъ заведеній. Было, слѣдовательно крайне желательно, чтобы ложные взгляды Леверрье не одержали столь полной побѣды.

Нужно сказать правду—они встрѣтили въ совѣтѣ школы горячую и упорную оппозицію, исторія которой никогда не будетъ обнародована [1]), но которая восторжествовала таки въ 1863 г., несмотря на противодѣйствіе правительства, уда-

[1]) Въ протоколахъ засѣданій ораторы обозначаются буквами A, B, C. Невозможно поэтому слѣдить за поворотомъ, совершившимся во мнѣніяхъ нѣкоторыхъ ученыхъ, въ родѣ Понселэ, первоначально увлекавшихся доводами Леверрье. Генералъ Моренъ, директоръ консерваторіи искусствъ и ремеслъ, одинъ остался ему вѣренъ до конца.

лившаго изъ школы ея лучшихъ профессоровъ и экзаменаторовъ (Шаля, Ліувилля Каталана).

Тѣмъ не менѣе причиненное зло было очень серьезно; если мы прибавимъ, что вообще Вторая Имперія очень мало заботилась объ удовлетвореніи нуждъ научнаго преподаванія необходимыми средствами и предоставляла провинціальнымъ университетамъ прозябать въ подготовкѣ незначительнаго числа лиценціатовъ безъ видовъ на будущее, то не будетъ удивительно, что въ теченіе этого періода Франція потеряла въ научной области то первенство, которое у ней столь дѣятельно оспаривали.

Математическія науки.—Однако этотъ относительный упадокъ Франціи, какъ мы увидимъ, нисколько не коснулся области химіи или естественныхъ наукъ; скорѣе французы возстановили въ этой сферѣ утерянную репутацію. Франція окончательно потеряла господство надъ умственнымъ движеніемъ главнымъ образомъ въ физикѣ и въ меньшей степени въ математикѣ. Если судить только по числу ученыхъ знаменитостей, то эта перемѣна позицій покажется мало замѣтной; академія наукъ все еще блещетъ славными именами, и, напримѣръ, математики, вступившіе въ нее съ 1847 по 1870 г. [1]), прославились трудами, нисколько не уступающими трудамъ ихъ старшихъ собратій. Но производительность математической работы вообще колоссально повысилась во всѣхъ странахъ, и число работниковъ и трудовъ въ этой области безпрестанно растетъ; благодаря спеціальнымъ журналамъ, результаты, едва будучи добыты, уже дѣлаются достояніемъ гласности. Поэтому всякій математикъ вынужденъ быть въ курсѣ всего, что дѣлается въ этой области [1]), но это и ему служитъ на пользу и онъ можетъ положить и свой камень въ зданіе, начатое другимъ. Въ такихъ условіяхъ не можетъ уже быть ни школъ рѣзкаго направленія, ни умственнаго центра; одиноко выдвигаются сильныя индивидуальности, и естественное сродство проявляется независимо отъ національности.

При такой разбросанности математическихъ трудовъ задача историка становится до чрезвычайности трудной; невозможно учесть точные размѣры заслугъ каждаго лица, невозможно входить въ безчисленное множество деталей. Въ нижеслѣдующихъ строкахъ я пытаюсь лишь вкратцѣ отмѣтить нѣкоторые рѣшительные успѣхи и указать нѣкоторые новые пути, открывшіеся изслѣдователямъ.

Геометрія.—Въ 1864 г. Мишель Шаль приступилъ къ обнародованію ряда безчисленныхъ примѣненій своего метода *характеристикъ*, „могущаго выдержать сравненіе съ любымъ открытіемъ нашего вѣка“ [2]), и своего принципа соотвѣтствія, получившаго затѣмъ развитіе въ трудахъ многихъ геометровъ.

Въ 1854 и 1860 г. Христіанъ фонъ Штаудтъ издалъ важныя *дополненія* къ своей *Геометріи положенія*, которую онъ хотѣлъ сдѣлать независимой отъ всякой мѣры величины. Онъ сводитъ значеніе числа въ геометріи къ чистому опредѣленію точки и, исходя изъ этого строя понятій,

---

1) Въ 1851—Мишель Шаль; въ 1855—Делонэ (1816—1872); въ 1856—Эрмитъ и Жозефъ Бертранъ (род. 1822); въ 1860—Серре (1819—1885); въ 1862—Оссіанъ Бонне (1819—1885); въ 1868 Барре де Сенъ-Венанъ (1797—1886).

1) Теперь уже невозможны факты въ родѣ того, что Штейнеръ обнародовалъ результаты, добытые за пять лѣтъ до него Кэйли и Сильвестеромъ, или Шаль трактуетъ тему, уже исчерпанную Штейнеромъ.

2) Въ системѣ коническихъ, ограниченныхъ только четырьмя условіями, Шаль называетъ характеристиками число μ коническихъ, проходящихъ черезъ точку, и число ν коническихъ, касающихся прямой. Съ извѣстными ограниченіями число коническихъ, удовлетворяющихъ пятому условію, въ общемъ будетъ $\alpha\mu+\beta\nu$, гдѣ α и β суть цѣлые параметры, зависящіе только отъ пятаго условія.

даетъ полное изображеніе мнимыхъ въ проэктивной геометріи.

Въ 1864 г. *Графическая Статика* Карла Кульманна, профессора Цюрихской политехнической школы, кладетъ начало приложенію современной геометріи къ изысканіямъ, нѣкогда составлявшимъ сферу аналитическихъ вычисленій, и по важности задачъ, ею затрагиваемыхъ, представляетъ собою такой же шагъ впередъ, какой сдѣлалъ Монжъ, создавшій начертательную геометрію [1]). Эта послѣдняя отрасль, развивавшаяся во Франціи съ момента возникновенія и преимущественно направившаяся (именно благодаря Ла Гурнери, 1814—1883) на изученіе поверхностей и ихъ кривизны, въ свою очередь обновилась за предѣлами Франціи съ введеніемъ методовъ проэктивной геометріи.

Итальянецъ Луиджи Кремона (родился въ Павіи въ 1830 г., профессоръ въ Болоньѣ, затѣмъ въ Миланѣ, наконецъ въ Римѣ съ 1873 г.) создаетъ теорію сходства алгебраическихъ кривыхъ, въ своемъ *Introduzione ad una teoria geometrica delle curve piane* (1863), начала которой онъ затѣмъ распространилъ на три измѣренія (*Preliminarii di una teoria geometrica delle superficie*).

Георгъ Фридрихъ Бернгардъ Риманнъ (1826—1866), смѣнившій въ 1859 г. Лежена-Дирихле въ Геттингенѣ, однимъ изъ своихъ первыхъ мемуаровъ, составленнымъ въ 1854 году по просьбѣ Гаусса, но оставшимся неизданнымъ до 1867 года (*О гипотезахъ, служащихъ основаніемъ геометріи*), значительно расширилъ область не-эвклидовскихъ попытокъ. Его идеи, отчасти популяризировавшіяся Гельмгольцемъ съ 1868 года, нашли себѣ подтвержденіе въ классическомъ мемуарѣ Бельтрами (*Saggio di interpretazione della geometria non euclidea*). Понятіе положительной, нулевой или отрицательной кривизны пространства въ *n* измѣреній и выводъ о возможности (теоретической) геометріи (сферической или риманновской) трехъ измѣреній, въ которой всѣ прямыя плоскости взаимно пересѣкались бы и гдѣ разстояніе между двумя точками было бы подчинено опредѣленному максимуму, не могло не вызвать живѣйшаго изумленія. Но Феликсу Клейну предстояло въ скоромъ времени произвести еще болѣе парадоксальныя изслѣдованія.

Въ области аналитической геометріи мы на первомъ планѣ видимъ Гессе, который, ставъ профессоромъ въ Гейдельбергѣ, (1856), опубликовалъ здѣсь въ 1861 г. свои *Vorlesungen*, гдѣ онъ трактуетъ о геометріи трехъ измѣреній и въ частности о поверхностяхъ второго порядка; около того же времени онъ развилъ свою систему соотвѣтствія между каждой точкой плоскости и парой точекъ на прямой; затѣмъ Плюкера, который, вернувшись къ чистой математикѣ, построилъ *новую геометрію пространства, принимая прямую линію за элементъ пространства* (заглавіе его посмертнаго труда, изданнаго въ 1868 г.), или другими словами, на понятіяхъ, введенныхъ имъ, построилъ *комплексы* и *конгруэнты* прямой.

Клебшъ (1833—1872), уроженецъ Кенигсберга, профессоръ политехникума въ Цюрихѣ съ 1858, въ Гиссенѣ съ 1863, въ Геттингенѣ съ 1868 г. и авторъ *Vorlesungen über Geometrie*, сдѣлавшихся классическими, особенно прославился употребленіемъ абелевскихъ функцій въ общей теоріи кривыхъ и поверхностей, а также изслѣдованіями касательно изображенія одной поверхности на другой. Онъ же ввелъ новое фундаментальное начало, именно разслѣдованіе *рода* въ классификаціи алгебраическихъ кривыхъ.

Алгебра и анализъ.—Первымъ трудомъ, на которомъ сказалось вліяніе идей Грасманна (см. пред. томъ), была книга *О комплексныхъ числахъ* Германна Ганкеля

[1]) Во Франціи *Графическая Статика* Мориса Леви (1874) сдѣлалась капитальнѣйшимъ источникомъ по этому предмету.

(1839—1873), вышедшая въ 1867 г., но, несмотря на свои достоинства, встрѣтившая менѣе радушный пріемъ, чѣмъ замѣчательная посмертная работа (1874) того же автора по исторіи математики въ древности и въ средніе вѣка.

Въ 1864 г. американскій математикъ Бенджаминъ Пирсъ (1809—1880) приступилъ къ изложенію своихъ взглядовъ на *линейную ассоціативную алгебру* (обнимающую до 162 различныхъ алгебръ). Въ 1858 г. Кэйли обобщилъ понятіе *матрицъ*, предложенное Гамильтономъ и впослѣдствіи болѣе широко развитое Сильвестеромъ и другими.

Артуръ Кэйли, родившійся въ Ричмондѣ въ 1821 году, Джемсъ Джозефъ Сильвестеръ, родившійся въ Лондонѣ въ 1814 году (и долгое время профессорствовавшій въ Балтиморѣ), являются знаменитѣйшими англійскими математиками XIX в., оставившими слѣдъ во всѣхъ развѣтвленіяхъ этой науки. Достаточно вспомнить ихъ блестящія открытія (1849—1851) относительно прямыхъ линій поверхностей третьей степени, а равно и сдѣланное Кэйли приложеніе плюкеровскихъ уравненій къ изслѣдованію, въ алгебраическихъ кривыхъ, сложныхъ сингулярностей (каждая изъ коихъ, какъ онъ показалъ, равна извѣстному числу четырехъ простыхъ сингулярностей). Но Кэйли и Сильвестеръ—прежде всего алгебраисты, и главная ихъ заслуга заключается въ томъ, что они обосновали новую отрасль науки, теорію *инваріантовъ* [1]). Кэйли слѣдуетъ считать настоящимъ творцомъ ея; онъ создалъ ее своими первыми мемуарами, печатавшимися въ *Cambridge Mathematical Journal* съ 1845 г. Однако этотъ вопросъ существовалъ уже въ зародышѣ въ работахъ Лагранжа и Гаусса, ровно какъ и въ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ Джорджа Буля (1815—1864), одного изъ своеобразнѣйшихъ писателей, въ частности извѣстнаго своими изслѣдованіями по символикѣ обозначеній и именно приложеніемъ ея къ логикѣ. Сильвестру зато принадлежитъ, пожалуй, честь дальнѣйшей систематизаціи новой теоріи, и именно ему математика обязана большинствомъ техническихъ терминовъ, включая и самое слово *инваріантъ*.

Въ теоріи уравненій отмѣтимъ трансцендентное рѣшеніе уравненія пятой степени помощью эллиптическихъ функцій, предложенное Эрмитомъ въ 1858 г.

Изслѣдованія относительно сходимости рядовъ пріобрѣли особенную важность съ того времени, когда Коши и Абель показали общую недостаточность строгости въ вычисленіяхъ и доказательствахъ при употребленіи рядовъ въ XVIII в. Жозефъ Бертранъ открылъ логариѳмическіе признаки сходимости, долго считавшіеся всегда рѣшающими, но которые, въ нѣкоторыхъ случаяхъ не оправдываясь относительно рядовъ, въ дѣйствительности сходящихся, должны бы считаться *спеціальными*. Первый *общій* признакъ, основанный на отношеніи двухъ рядомъ стоящихъ членовъ, былъ установленъ Куммеромъ (1810—1893) въ выраженіи, вторая часть котораго была впослѣдствіи признана лишнею.

Диришле [1]) наука обязана первымъ строгимъ доказательствомъ относительно изображенія непрерывной функціи тригонометрическимъ рядомъ Фурье; онъ полагалъ однако возможнымъ представить въ такомъ видѣ любую непрерывную функцію; невозможность этого показалъ Риманнъ въ капитальномъ мемуарѣ, посвященномъ прямому изслѣдованію функцій, изображаемыхъ тригонометрическимъ рядомъ; въ томъ же мемуарѣ Риманнъ ука-

---

[1]) Теорія детерминантовъ, по началу восходящая къ Коши, уже стала вводиться въ курсъ средней школы. Дѣйствительно, къ этому періоду относятся классическіе труды Споттисвуда (1851), Бріоши (1854), Бальцера (1857).

[1]) Нѣкоторые произносятъ Дирикле (Dirichlet). *Прим. перев.*

залъ необходимыя и достаточныя условія того, чтобы функція допускала интегрированіе, и выяснилъ, что непрерывная функція можетъ не всегда имѣть дифференціальный коэффиціентъ.

Интегрированіе линейныхъ дифференціальныхъ уравненій вступило на новый путь благодаря мемуарамъ, опубликованнымъ въ 1865 и 1868 году Лазаремъ Фуксомъ (род. 1825 г.).

Теорія эллиптическихъ функцій подверглась важнымъ усовершенствованіямъ, среди которыхъ подлежитъ отмѣтить пользованіе модулярными функціями, введенное Эрмитомъ въ 1858 г. Разсмотрѣніе абелевскихъ функцій и въ частности ихъ соединенія съ Θ-функціями (*theta*), обобщенными Якоби, были развиты Розенгайномъ (1816—1887), Борхартомъ (1817—1880) и Риманномъ. Этотъ послѣдній пытался также обосновать на новомъ принципѣ (которому онъ далъ имя Диришле) общую теорію функцій комплексной перемѣнной, а для разсмотрѣнія различныхъ формъ прерывности изобрѣлъ знаменитыя такъ называемыя Риманновскія поверхности, образуемыя различными, хотя и совпадающими плоскостями.

По теоріи чиселъ отмѣтимъ лишь труды Стифена Смита [1] (1826—1883), Куммера, который ввелъ понятіе *идеальныхъ чиселъ*, и Дедекинда (род. въ 1831 г.), которому удалось ихъ устранить.

Механика и астрономія.—Такъ какъ въ механикѣ построеніе раціональной науки было уже закончено, то дѣятельность ученыхъ направилась на прикладную часть. Ламе (1795—1870) предложилъ въ 1852 г. *Математическую теорію эластичности*, въ которой проявилъ столько же аналитическаго искусства, какъ и въ своихъ предшествующихъ работахъ по теплотѣ. Барре де-Сенъ Венанъ посвятилъ свою жизнь установленію согласія между теоріей и практикой, и открылъ истинные законы сгибанія и скручиванія.

Теорія луны получила особенно глубокую разработку. Въ 1853 г. Джонъ Качъ Адамсъ установилъ, что ускореніе средняго движенія этого свѣтила, согласно объясненію, данному Лапласомъ, составляетъ лишь половину наблюдаемаго ускоренія. Делонэ приписалъ эту разницу приливному тренію и пытался переработать вычисленіе лунныхъ уравненій.

Невозможность иного строенія колецъ Сатурна, какъ въ видѣ частицъ, не связанныхъ между собою, была установлена Пирсомъ и Максвеллемъ.

Что касается наблюдательной астрономіи, то періодъ съ 1847 по 1870 особенно выдается открытіями множества мелкихъ планетъ между Марсомъ и Юпитеромъ, въ дополненіе къ четыремъ, открытымъ съ 1801 по 1807 г. Пятая была замѣчена Генке 8 декабря 1845 г.; 1847 г. далъ еще три планеты. Въ 1870 г. ихъ было извѣстно уже 112, въ среднемъ открывалось 4—5 планетъ въ годъ.

Физико-химическія науки.—Въ предшествующемъ томѣ мы видѣли, какими быстрыми успѣхами отличалась физика въ первой половинѣ девятнадцатаго вѣка. Эти успѣхи завершились рѣшительнымъ синтезомъ; старинное, но смутное убѣжденіе философовъ-механистовъ, что всѣ явленія природы суть не что иное, какъ движенія, теперь могли облечься въ математическую форму (сохраненіе силы, какъ выражался Гельмгольдъ, придававшій этому слову тотъ же смыслъ, что и Декартъ; сохраненіе энергіи, какъ говорятъ теперь), и этотъ выводъ не зависитъ ни отъ какихъ гипотезъ относительно фигуръ или свойствъ элементовъ матеріи. Сразу исчезли всѣ особыя жидкости, изобрѣтав-

[1]) Теорія чиселъ вообще привлекаетъ столь немногихъ математиковъ, что мы здѣсь упоминаемъ о единственномъ исключеніи изъ этого правила. Въ 1882 г. Академія наукъ предложила премію за задачу (представить число въ видѣ суммы пяти квадратовъ), рѣшенную въ мемуарѣ, напечатанномъ Смитомъ въ 1868 г., въ *Proceedings of the Royal Society*.

шіяся для того, чтобы легче было объяснить тепловыя, электрическія или магнитныя явленія; въ то же время оказалось возможнымъ превращать эти явленія одни въ другія или же вызывать ихъ механическимъ путемъ, при условіи строгой эквивалентности.

Этотъ синтезъ—великое завоеваніе девятнадцатаго вѣка; но уже съ момента возникновенія этой идеи всѣ усилія, повидимому, были направляемы въ эту сторону. Вслѣдствіе этого произошло какъ бы замедленіе въ частныхъ изслѣдованіяхъ. Нужно было, впрочемъ, укрѣпить завоеванную территорію, либо скомбинировавъ новые опыты для освѣщенія новыхъ теорій, либо произведя болѣе точныя измѣренія для приданія имъ большей строгости. Приложенія все множатся, но великія открытія становятся все болѣе рѣдкими; изъ нихъ можно указать только на спектральный анализъ.

Наконецъ, сведя свои проблемы къ проблемамъ механики, физика все больше стремится принять математическій характеръ; но для этого ей приходится составлять новыя гипотезы относительно строенія матеріи и природы силъ, воздѣйствующихъ на ея элементы.

Таковы главныя черты исторіи физики въ этотъ періодъ; химія же, напротивъ, все съ большимъ блескомъ слѣдуетъ по пути, предъ ней открывшемуся, и открытія, ею сдѣланныя, могутъ соперничать по важности съ тѣми, которыя были сдѣланы въ предыдущемъ поколѣніи. Но теоретическія положенія, господствующія надъ этими открытіями, принимаютъ все болѣе точный характеръ, и для этой науки въ свою очередь наступаетъ часъ позитивнаго синтеза.

Принципъ сохраненія энергіи: Гельмгольцъ, Клаузіусъ.—Раціональная механика давно уже установила, что въ идеальныхъ матеріальныхъ системахъ, разсматриваемыхъ ею, работа силъ (внѣшнихъ или внутреннихъ) равна измѣненію половины живой силы; практически считалось, что никакое внѣшнее механическое воздѣйствіе не можетъ совершаться безъ невознаградимой потери работы, которую приписывали *такъ называемымъ пассивнымъ сопротивленіямъ* (внутреннимъ силамъ) и считали соотвѣтствующей болѣе или менѣе ощутительнымъ, но во всякомъ случаѣ окончательнымъ деформаціямъ.

Открытіе механическаго эквивалента теплоты показало, что работа, которую такимъ образомъ считали потерянной, въ значительной части соотвѣтствуетъ, напротивъ, приращенію половины живой силы (энергіи), приложенной къ слишкомъ малымъ матеріальнымъ частицамъ, чтобы движеніе ихъ могло быть измѣрено непосредственнымъ образомъ, между тѣмъ какъ это приращеніе дѣлается замѣтнымъ для нашихъ чувствъ въ другой формѣ, именно въ формѣ теплоты. Соотвѣтствующая энергія, слѣдовательно, совсѣмъ не теряется, ибо теплота, въ свою очередь, можетъ быть превращена въ механическую работу.

Болѣе того, деформаціи подъ дѣйствіемъ внутреннихъ силъ не могли уже разсматриваться какъ потерянная энергія. Когда, напримѣръ, поднимаютъ вѣсомое покоящееся тѣло на извѣстную высоту, то при этомъ расходуется работа, а живая сила тѣла не измѣняется. Но оно способно совершить, при паденіи съ высоты, на которую было поднято, работу, равную той, которая была затрачена на его поднятіе.

Разсмотримъ съ этой точки зрѣнія систему тѣлъ природы, такихъ, чтобы можно было пренебречь дѣйствіемъ внѣшнихъ силъ. Можно выставить теорему раціональной механики, сказавъ, что энергія этой системы постоянна, если ее разложить на двѣ: актуальную энергію (половина живой силы, соотвѣтствующая столько же мѣстнымъ движеніямъ частей или всей системы, сколько и движеніямъ звуковымъ, тепловымъ, свѣтовымъ, электрическимъ, магнитнымъ и т. д.), и энер-

гію виртуальную, соотвѣтствующую положенію каждаго изъ элементовъ тѣла.

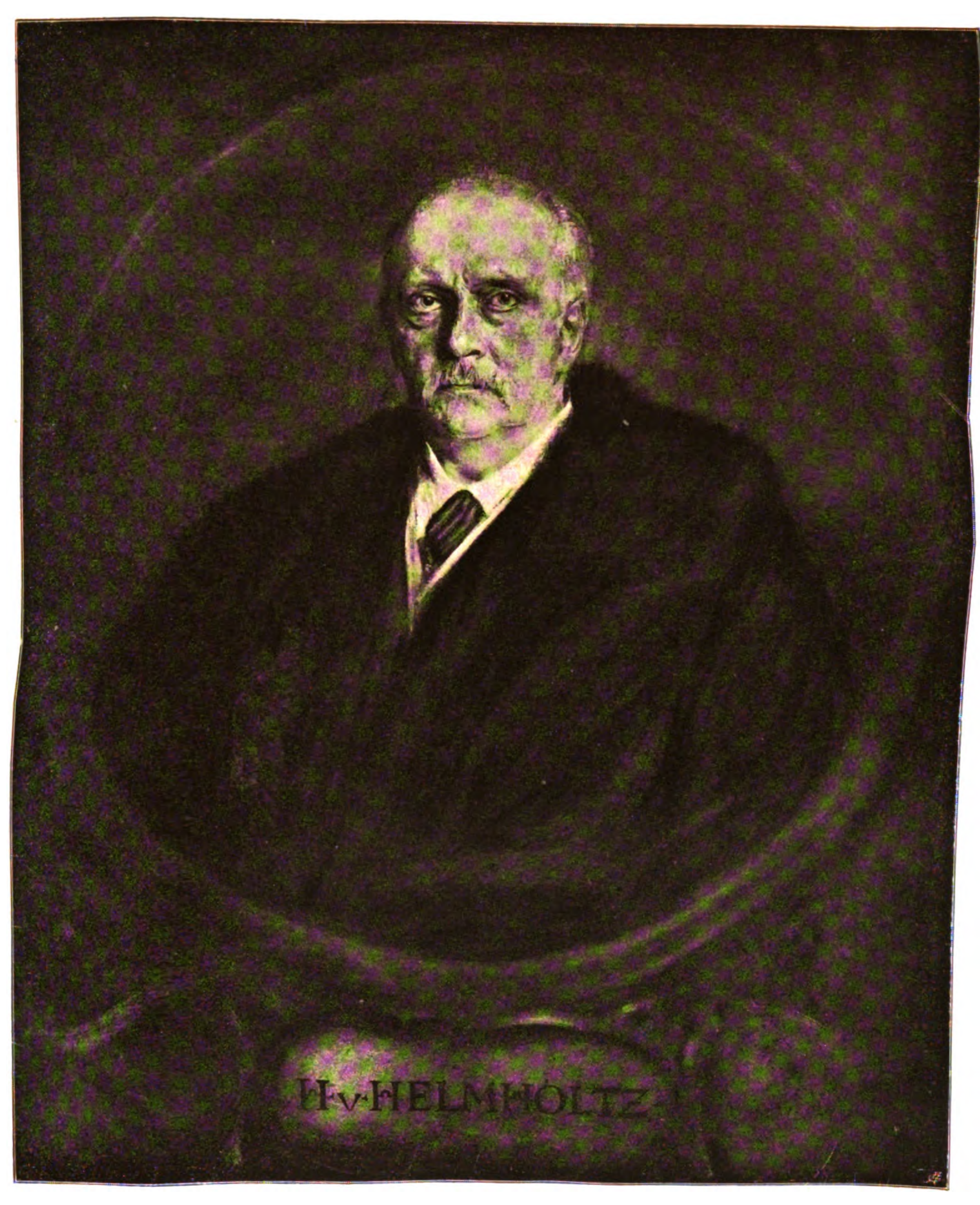
Если притомъ внутреннія или внѣшнія силы (а именно эти разсматриваются въ физикѣ въ данномъ случаѣ) таковы, что виртуальная энергія зависитъ исключительно отъ положенія элементовъ, то можно въ концѣ-концовъ исключить изъ разсмотрѣнія эти силы и сказать, что энергія системы естественныхъ тѣлъ можетъ измѣняться только путемъ заимствованія или уступки сосѣднимъ системамъ.

Таковъ точный смыслъ, который слѣдуетъ придавать знаменитому принципу сохраненія энергіи. Однако нужно отмѣтить явную тенденцію придавать ему еще болѣе важный смыслъ,—тенденцію, особенно проявившуюся въ этотъ періодъ въ книгѣ Секки *Единство физическихъ силъ*, но не приведшую къ рѣшительнымъ выводамъ и нынѣ находящую себѣ, повидимому, все меньше и меньше сторонниковъ.

Утвержденіе общаго принципа, изъ котораго исключено понятіе силы, вело къ упраздненію этого понятія или, по крайней мѣрѣ, къ тому, чтобы считать его производнымъ. Сила, какъ явленіе, является слѣдствіемъ, а не причиной движенія. Въ такомъ разѣ становится необходимымъ найти механическое объясненіе всѣмъ естественнымъ силамъ, дѣйствующимъ на разстояніе, и прежде всего всемірному тяготѣнію; для этого нужно представить себѣ среды, одаренныя свойствами, удобными для опредѣленія законовъ превращенія движенія; виртуальная энергія не должна уже въ такомъ случаѣ принципіально различаться отъ энергіи актуальной; въ дѣйствительности она будетъ реально передаваться средѣ, потому что признаваться будутъ только силы въ моментъ соприкосновенія, дающія начало работамъ, взаимно уничтожающимся.

Таковы математическія рамки, навязывавшіяся физикамъ законами механики, когда въ 1849 г. Гельмгольцъ (1811—1894) приступилъ къ объединенію въ доктрину и къ пропагандѣ своими писаніями идей, выработанныхъ въ предыдущемъ столѣтіи. Этотъ знаменитый ученый, родившійся въ Потсдамѣ, сперва былъ военнымъ врачомъ, до 1848 г.; затѣмъ преподавалъ физіологію въ Кенигсбергѣ, Боннѣ и Гейдельбергѣ, послѣ чего занялъ каѳедру физики въ Берлинскомъ университетѣ (1871). Сильный математикъ, геніальный экспериментаторъ, столь же глубокій мыслитель и столь же остроумный популяризаторъ, какъ Галилей, онъ оставилъ слѣдъ въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ знанія. Особенно же достопамятно, въ акустикѣ, его блестящее объясненіе тембра наслоеніемъ и относительной напряженностью основного звука и его гармоническихъ тоновъ,—объясненіе, содержащееся въ его *Lehre von den Tonempfindungen* (1862).

Что касается собственно механической теоріи теплоты, то лишь основанія ея были начертаны Джоулемъ и Майеромъ. Самое зданіе было воздвигнуто другимъ нѣмецкимъ ученымъ, Клаузіусомъ (1822—1868), въ мемуарахъ, печатавшихся съ 1848 по 1862 г. въ *Анналахъ* Поггендорфа и составившихъ въ 1864 г. сочиненіе, сдѣлавшееся классическимъ. Клаузіусъ нашелъ забытые или необнародованные законы Сади Карно; онъ къ нимъ присоединилъ новое ученіе, объ *энтропіи*, истинное значеніе котораго еще предстоитъ учесть и по которому міровая система эволюціонируетъ къ болѣе равномѣрному распредѣленію теплоты и уменьшенію мѣстныхъ движеній. Наконецъ, онъ обосновалъ кинетическую теорію газовъ, которая считаетъ ихъ состоящими изъ частицъ, охваченныхъ очень быстрыми движеніями и сталкивающихся одна съ другою; онъ показалъ, что эта гипотеза можетъ быть формулирована такимъ образомъ, что изъ нея математически слѣдуютъ основные законы Маріотта и Гей-Люссака.

Фр. Ленбахъ.

Г. фонъ-Гельмгольцъ.

Т-во Бр. А. и И. Г... Ко

Электричество; подводный телеграфъ; Вильямъ Томсонъ, Максвелль.—Въ Англіи послѣ Ранкайна распространенію новыхъ идей и широкому ихъ освѣщенію способствовалъ Вильямъ Томсонъ (нынѣ лордъ Кельвинъ), родившійся въ 1824 г. Но въ разсматриваемый періодъ онъ особенно увлекался успѣхами электричества; телеграфное дѣло быстро развивалось, и уже начинали подумывать о томъ, чтобы перебросить подводный кабель по дну Атлантическаго океана и установить сообщеніе между Старымъ и Новымъ Свѣтомъ. Это предпріятіе, нынѣ ставшее обыденнымъ, удалось лишь въ 1866 г., послѣ нѣсколькихъ лѣтъ безплодныхъ попытокъ. Быть можетъ, это чудеснѣйшее свидѣтельство девятнадцатаго вѣка о могуществѣ средствъ технической науки и превосходствѣ ума надъ природою. Вильямъ Томсонъ изобрѣлъ остроумнѣйшіе аппараты для отправки и пріема телеграфныхъ сигналовъ, а также множество точныхъ и тонкихъ инструментовъ, сдѣлавшихъ возможными измѣренія, необходимыя для прогресса чистой и прикладной науки. Искусный математикъ, онъ, съ другой стороны, значительно усовершенствовалъ пріемы вычисленія; вмѣстѣ съ тѣмъ теорія обязана ему столь же смѣлыми, какъ и остроумными объясненіями многихъ электрическихъ явленій.

На ряду съ нимъ Максвелль (1831—1879), придавъ идеямъ Фарадея болѣе строгое и математическое выраженіе, строилъ электромагнитную теорію свѣта. Показавъ преобладающую роль изолирующей среды въ электрическихъ явленіяхъ, онъ считаетъ свѣтовыя явленія тождественными съ явленіями индукціи, быстро смѣняющимися и распространяющимися по тому же механическому закону, въ различныхъ срединахъ. Эта теорія, въ отличіе отъ господствовавшихъ до того времени, получила впослѣдствіи блестящее экспериментальное подтвержденіе.

Спектральный анализъ: Кирхгофъ и Бунзенъ. Скорость свѣта: Физо и Фуко.—Спектральный анализъ былъ созданъ въ Гейдельбергѣ совмѣстными трудами физика Кирхгофа (1824—1837) и химика Бунзена (род. въ Геттингенѣ въ 1811 г.), знаменитаго другими трудами, именно изобрѣтеніемъ гальваническаго элемента, носящаго его имя. Кирхгофъ въ рядѣ изслѣдованій, одновременно и математическихъ и экспериментальныхъ, производившихся съ 1857 по 1860 г., первый сдѣлалъ выводы изъ факта совпаденія, предвидѣннаго еще Брьюстеромъ и Онгстремомъ, темныхъ линій солнечнаго спектра (такъ называемыхъ Фраунгоферовыхъ) и свѣтлыхъ линій металлическихъ паровъ, доведенныхъ до состоянія свѣченія. По его теоріи темныя линіи происходятъ отъ поглощенія парами, находящимися въ солнечной атмосферѣ, нѣкоторыхъ лучей, испускаемыхъ раскаленной жидкой массой свѣтила. Если пары какого-нибудь вещества сами становятся источникомъ свѣта (напримѣръ, если ввести въ пламя самое ничтожное количество этого вещества), то они даютъ характерную яркую линію, въ точности совпадающую съ темной линіей, которую даютъ тѣ же пары въ охлажденномъ состояніи. Можно, слѣдовательно, утверждать о присутствіи въ солнечной атмосферѣ, напримѣръ, паровъ всѣхъ тѣлъ, спектры которыхъ, изученные на нашей землѣ, представили яркія линіи, тождественныя съ тѣми или иными Фраунгоферовыми линіями.

Но спектральный анализъ оказываетъ услуги не только въ дѣлѣ распознаванія на солнцѣ или звѣздахъ веществъ, встрѣчающихся у насъ на землѣ, чѣмъ доказывается единство состава вселенной; онъ является въ рукахъ химика новымъ и драгоцѣннымъ пріемомъ изслѣдованія, такъ какъ даетъ возможность различить, напримѣръ, въ минералѣ присутствіе металловъ по характернымъ линіямъ, когда они

имѣются въ немъ въ слишкомъ ничтожномъ количествѣ, чтобы ихъ присутствіе могло быть распознано посредствомъ самыхъ чувствительныхъ химическихъ реакцій. Наконецъ, спектральный анализъ даетъ мозможность выдѣлить металлы, дающіе свѣтлыя линіи, которыя нельзя приписать ни одному изъ извѣстныхъ веществъ; этимъ открывается путь къ открытію новыхъ простыхъ тѣлъ. Эту то сторону метода Кирхгофа и освѣтилъ Бунзенъ столь широко, немедленно пустивъ его въ ходъ открытіемъ *церія* и *рубидія* (въ 1862 г.).

Съ тѣхъ поръ изученіе спектровъ пріобрѣло капитальную важность; появилась масса работъ по этому и смежнымъ вопросамъ. Надо еще упомянуть о цѣнныхъ работахъ Стокса и Эд. Беккереля по флуоресценціи и фосфоресценціи.

Мы только что упомянули первое французское имя въ нашемъ обзорѣ успѣховъ науки въ этотъ періодъ; школа французскихъ физиковъ безспорно отстала теперь отъ иностранныхъ. Въ то время, какъ одинъ за другимъ исчезали знаменитые ученые, составившіе славу Франціи, но за старостью уже не могшіе руководить ею, смерть скосила во цвѣтѣ лѣтъ, не давъ проявиться талантамъ, лучшихъ людей слѣдующаго поколѣнія, Вертгейма, Сенармона, Верде, этихъ двухъ несравненныхъ преподавателей.

Впрочемъ, оптика съ усердіемъ и успѣхомъ продолжала разрабатываться на родинѣ Френеля. Въ частности блестящіе опыты привели къ непосредственному измѣренію на землѣ скорости свѣта. Съ этимъ измѣреніемъ связаны два имени: Физо (1829—1896) и Фуко (1819—1868). Совмѣстно участвуя во многихъ трудахъ, они построили для измѣренія скорости свѣта два различныхъ аппарата: аппаратъ Физо, первый по времени, считается нѣсколько менѣе точнымъ; аппаратъ Фуко (1863) позволяетъ оперировать въ комнатѣ надъ лучомъ въ нѣсколько метровъ.

Профессоръ медицинскаго факультета, Физо началъ съ изслѣдованій по дагерротипіи. Послѣдовавшія затѣмъ изслѣдованія его по интерференціи и поляризаціи представляютъ огромную важность. Именно онъ воспользовался первымъ изъ этихъ явленій для въ высшей степени точныхъ микрометрическихъ измѣреній. Въ одномъ изъ своихъ мемуаровъ, мало обратившемъ на себя вниманіе, но, повидимому, содержавшемъ въ себѣ зерно плодотворнаго метода, онъ доказалъ опытнымъ путемъ, что перемѣщеніе центра звуковыхъ колебаній относительно слушателя вліяетъ на высоту звука и что равнымъ образомъ движеніе свѣтящагося тѣла, если оно достаточно быстро, измѣняетъ длину свѣтовой волны. Это фактъ, который долженъ приниматься въ разсчетъ при анализѣ свѣта, излучаемаго небесными тѣлами, и можетъ содѣйствовать изученію ихъ движенія.

Фуко былъ медицинскимъ студентомъ, когда также пристрастился къ дагерротипіи и благодаря этому вошелъ въ сношенія съ Физо. Долгое время состоя простымъ препараторомъ при факультетѣ, онъ уже былъ извѣстностью, когда получилъ приглашеніе на амплуа физика при обсерваторіи. Его аппаратъ для измѣренія скорости свѣта далъ ему возможность производить сравнительныя измѣренія въ воздухѣ и въ водѣ. Показавъ, что свѣтъ быстрѣе распространяется въ воздухѣ, онъ окончательно рѣшилъ въ пользу теоріи колебаній непрестанно возобновлявшійся споръ между защитниками этой теоріи и теоріи истеченія.

Не меньшую славу онъ заслужилъ прямымъ доказательствомъ вращенія земли, посредствомъ опыта, сперва произведеннаго въ погребѣ, затѣмъ повтореннаго въ Пантеонѣ, при помощи маятника, касавшагося плоскости пола остріемъ; плоскость качаній этого маятника перемѣщалась подъ вліяніемъ суточнаго вращенія. Его парадоксальный *жироскопъ*, позволя-

ющій опредѣлить меридіанъ мѣста безъ всякихъ астрономическихъ наблюденій, также доказываетъ, что онъ геніально умѣлъ выводить изъ законовъ механики самыя неожиданныя слѣдствія. Что касается таланта въ сооруженіи приборовъ, которому онъ далъ столько доказательствъ, то ему предстояло еще примѣнить его къ изготовленію телескопическихъ зеркалъ и большихъ чечевицъ неподражаемо совершенныхъ качествъ.

Самоучка ученый, геніальный изобрѣтатель опытовъ, Фуко, напротивъ, не могъ стать главою школы.

Химія: Ж. Б. Дюма, А. Сентъ-Клеръ Девилль, Вюрцъ, Бертло, Пастеръ.—Но если Франція потеряла первенство въ области физики и математики, то она побѣдоносно вторглась въ область химіи. Въ этой наукѣ она еще никогда не насчитывала плеяды столь славныхъ ученыхъ. Анри Сентъ-Клеръ Девилль (1818 — 1881) и Пастеръ (1822 — 1895) въ Нормальной Школѣ; Вюрцъ (1817 — 1884) въ Медицинской школѣ, Бертло (род. въ 1827 г.) въ Collège de France. Но особенно отличаетъ этотъ періодъ то обстоятельство, что каждый изъ этихъ ученыхъ былъ главой школы и вдохновлялъ своихъ учениковъ своей особой идеей. Роль гипотезъ, которыя, не получивъ рѣшительнаго подтвержденія, могутъ служить изслѣдователямъ полезной руководящей нитью, еще достаточно широка, чтобы различныя системы могли оспаривать другъ у друга преобладаніе.

Жанъ-Баптистъ Дюма (1800 — 1884), мощное ученіе котораго породило всѣ эти различныя школы, остался въ сторонѣ и сохранилъ за собою каѳедру въ Сорбоннѣ; но политика отнимала у него большую часть времени, и хотя его дѣятельность, благодаря вліянію въ правительственныхъ совѣщаніяхъ, оказалась плодотворной для прогресса науки, онъ не былъ уже вождемъ умственнаго движенія.

Сентъ-Клеръ Девилль главнымъ образомъ отдался минеральной химіи; онъ изобрѣлъ способы приготовленія въ большихъ количествахъ простыхъ тѣлъ, которыя до него получались лишь въ нечистыхъ зернахъ; онъ такимъ путемъ добылъ слитки аллюминія и магнія, кристаллы бора и кремнія. Промышленная фабрикація аллюминія, такимъ образомъ, обязана своимъ существованіемъ ему. Онъ же изобрѣлъ новые пріемы анализа, воспроизвелъ множество кристаллическихъ породъ, измѣрилъ плотность паровъ при температурахъ, которыхъ считалось невозможнымъ достигнуть. Но главнымъ образомъ онъ посвятилъ свою преподавательскую дѣятельность разрушенію доктрины сродства, освященной авторитетомъ Берцеліуса и основанной на предположеніи какой-то таинственной силы, проявляющейся лишь при соприкосновеніи тѣлъ и тогда развивающей вдругъ всю свою энергію. Онъ первый, перенеся въ область химіи новый принципъ, восторжествовавшій въ физикѣ, показалъ, какимъ образомъ онъ долженъ быть примѣненъ къ установленію непрерывности между двумя порядками явленій: онъ показалъ роль теплоты въ химическихъ реакціяхъ, доказалъ существованіе настоящихъ химическихъ равновѣсій, опредѣляемыхъ физическими условіями температуры и давленія; наконецъ, онъ открылъ явленіе диссоціаціи и формулировалъ законы ея, подобные тѣмъ, какіе управляютъ измѣненіями физическаго состоянія тѣлъ.

Вюрцъ же былъ безспорнымъ главой органической химіи; въ 1849 г. онъ сдѣлалъ открытіе сложныхъ амміачныхъ соединеній, явившееся блестящимъ подтвержденіемъ ученія о типахъ. Въ 1856 г., черезъ два года послѣ того, какъ Бертло установилъ трехалкогольную функцію глицерина, онъ открылъ гликолъ, функція котораго двухалкогольна. Это открытіе послужило отправной точкой цѣлаго ряда работъ, классификацій и новыхъ открытій какъ во Франціи, такъ и за ея пре-

дѣлами. Упомянемъ мимоходомъ о многочисленныхъ изслѣдованіяхъ Кагура (1813—1891) надъ ароматическимъ рядомъ; органо-металлическихъ соединеніяхъ пр. Гофмана (1818—1892) [1]), творца индустріи красящихъ веществъ, добываемыхъ изъ каменноугольной смолы; Вильямсона, открывшаго смѣшанные эѳиры; его соотечественника Франкленда—относительно состава алкоголей и ихъ производныхъ, и т. д.

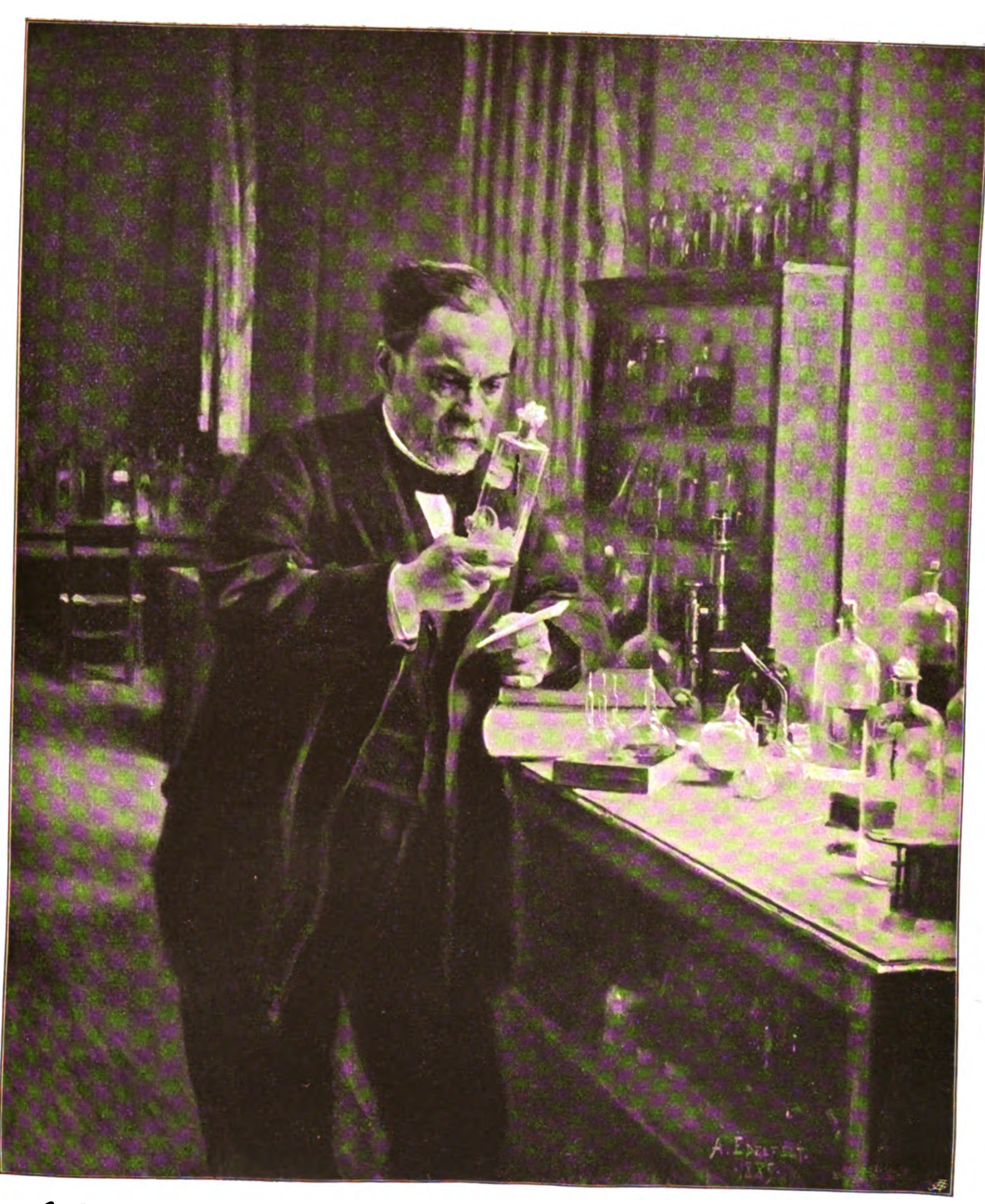
Вюрцъ ревностно отдался пропагандѣ такъ называемой атомной теоріи съ идеей различныхъ *самостностей* простыхъ тѣлъ и системы знаковъ, позволяющей наглядно изображать нерѣдко очень сложный составъ органическихъ тѣлъ. Онъ всю свою жизнь ратовалъ за упраздненіе изъ школьнаго курса эквивалентныхъ обозначеній, въ сущности, чисто условныхъ, но сохранившихся въ силу рутины до весьма недавняго времени. Атомная система обозначаетъ символомъ каждаго элемента массу этого тѣла, которая занимала бы въ газообразномъ состояніи такой же объемъ, какъ и извѣстная масса (2 гр.) водорода, причемъ это послѣднее тѣло принимается за образецъ; слѣдовательно, она принципіально показываетъ составъ въ объемахъ тѣлъ. Сопротивленіе, встрѣченное ею, обусловливалось болѣе или менѣе рискованными гипотезами, связанными съ идеями Дальтона, отъ которыхъ она лишь постепенно отдѣлалась и которыя послужили причиной частыхъ споровъ между Вюрцомъ и Сентъ-Клеръ Девиллемъ. Если эти гипотезы представляютъ въ настоящее время лишь историческій интересъ, то все же слѣдуетъ признать,что онѣ оказали огромную услугу научному прогрессу.

Долгое время состоя простымъ препараторомъ Балара въ Collège de France, Бертло занялъ въ 1859 г. каѳедру органической химіи въ Высшей Фармацевтической Школѣ. Въ 1864 г. для него учредили каѳедру въ Collège de France. Онъ уже совершилъ къ этому времени свои безсмертные труды по синтезу органическихъ соединеній, окончательно изгнавшіе изъ науки понятіе жизненной силы, которая будто бы необходимо и властно участвуетъ въ образованіи этихъ соединеній.

Синтезъ алкоголя и элементовъ жирныхъ веществъ относится къ 1854 году; черезъ нѣсколько лѣтъ послѣдовалъ, при помощи электрической дуги, синтезъ ацетилена (углеводородъ), позволяющій воспроизводить помощью обыкновенныхъ реакцій всѣ органическія соединенія.

Съ 1865 г. Бертло читалъ въ Collège de France и издавалъ свои первыя *Лекціи по термохиміи*; онъ такимъ образомъ закладывалъ основанія, на которыхъ химическая наука должна была быть перестроена въ соотвѣтствіи съ обновленіемъ физики. Если выдѣленіе или поглощеніе теплоты при химическихъ реакціяхъ и побуждало къ измѣреніямъ, произведеннымъ Лавуазье и Лапласомъ, если идея превращенія энергіи все побѣдительнѣе вторгалась въ науку, то задача, принятая на себя Бертло, была тѣмъ труднѣе, ибо требовалось ни больше, ни меньше, какъ опредѣлить законы, которые позволили бы навѣрняка предсказывать всѣ возможныя реакціи; но формулы этихъ законовъ, а равно и численныя опредѣленія, необходимыя для приложенія ихъ, могли быть получены лишь изъ длиннаго ряда точныхъ опытовъ, ибо теоретическая концепція, ведшая къ этимъ изслѣдованіямъ, не давала рѣшительно никакихъ указаній относительно результатовъ, даже въ самой общей формѣ.

[1]) Род. въ Гиссенѣ, ученикъ Либиха, приглашенъ профессоромъ въ Лондонъ, съ 1862 г. въ Берлинъ, гдѣ онъ организовалъ великолѣпную лабораторію и основалъ *Германское химическое общество*. Онъ участвовалъ съ Кагуромъ въ открытіи ряда ненасыщенныхъ алкоголей и въ изслѣдованіяхъ надъ фосфорными основаніями.

А. Эдельфельтъ.

Пастеръ въ его лабораторіи.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

Но дѣло свое славному ученому предстояло закончить въ слѣдующемъ періодѣ, который мы сейчасъ не будемъ разсматривать. Намъ придется также оставить и Пастера ранѣе конца его блестящей дѣятельности.

Она началась весьма замѣчательной работой по вопросу, входящему въ область физики и приковывавшему вниманіе Мичерлиха: почему соль виннокаменной кислоты не оказываетъ никакого вліянія на поляризованный свѣтъ. Пастеръ показалъ, что эта соль въ дѣйствительности состоитъ изъ двухъ солей, которыя могутъ быть отдѣлены, такъ какъ обладаютъ взаимно-противоположной диссиметріей и потому оказываютъ противоположное дѣйствіе на плоскость поляризаціи свѣта. Вынужденный этой работой изучить видоизмѣненія диссиметріи при броженіи виннокаменной кислоты, онъ занялся изслѣдованіемъ броженія вообще.

Въ то время пользовалась общимъ признаніемъ теорія Либиха, предложенная въ 1839 году. Броженіе есть медленная реакція между кислородомъ воздуха и органическимъ веществомъ. Вещество это въ состояніи разрушенія (ферментъ) сообщаетъ соприкасающимся съ нимъ подверженнымъ броженію соединеніямъ процессъ разложенія, которымъ оно само охвачено. Въ общемъ дѣло идетъ о чисто химическомъ явленіи, аналогичномъ реакціямъ между неорганическими тѣлами.

Оперируя надъ срединами, совершенно освобожденными отъ всякаго вещества, которое можно было бы считать ферментомъ въ смыслѣ Либиха, введя туда лишь нѣсколько миллиграммовъ дрожжей (т.-е. растительныхъ клѣтокъ) и вызвавъ такимъ образомъ правильное броженіе, Пастеръ экспериментальнымъ путемъ установилъ совершенно противоположное воззрѣніе. Ферментъ есть живое существо (растительное или животное, микробъ), которое можетъ размножаться въ благопріятной средѣ; броженіе есть результатъ химическаго дѣйствія, которое это существо, чтобы имѣть возможность жить, оказываетъ на окружающую его среду,— дѣйствія, характеръ коего зависитъ отъ химическихъ явленій, ареной которыхъ является самъ ферментъ, поскольку онъ— живое существо.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Пастеръ велъ знаменитый споръ, надѣлавшій много шуму и закончившійся блестящимъ тріумфомъ Пастера[1]).

Вѣра въ самопроизвольное зарожденіе низшихъ существъ являлась мнѣніемъ, освященнымъ могучими авторитетами, хотя и не опиралась ни на какой научно-обоснованный фактъ. Въ 1858 г. видный ученый Пуше, директоръ Руанскаго Музея, рѣшилъ, что ему удалось посредствомъ опытовъ, съ виду безупречныхъ, констатировать факты самопроизвольнаго зарожденія. Со своимъ глубоко-добросовѣстнымъ отношеніемъ къ экспериментальной точности Пастеръ показалъ, какимъ образомъ зародыши могли проникнуть въ закрытые сосуды Пуше: онъ неопровержимымъ образомъ установилъ, какія предосторожности необходимы и достаточны для того, чтобы убить зародыши или воспрепятствовать имъ проникнуть въ приборы; онъ показалъ, что когда эти предосторожности соблюдались, то ни разу не было наблюдаемо самопроизвольное зарожденіе; что наконецъ факты, на которые ссылались его противники, всегда должны объясняться либо предварительнымъ нахожденіемъ микроскопическихъ зародышей въ срединахъ, либо проникновеніемъ зародышей, носящихся въ атмосферѣ.

Естественныя науки: ученіе объ эволюціи. Таковы были, до пятидесятой годовщины, труды славнаго ученаго, который во вторую половину своей дѣятельности, настойчиво занимаясь изученіемъ роли, которую

[1]) Этому спору посвящена блестящая статья Д. И. Писарева „Подвиги европейскихъ авторитетовъ“, въ которой нашъ публицистъ выступилъ ожесточеннымъ противникомъ научныхъ пріемовъ Пастера. *Прим. перев.*

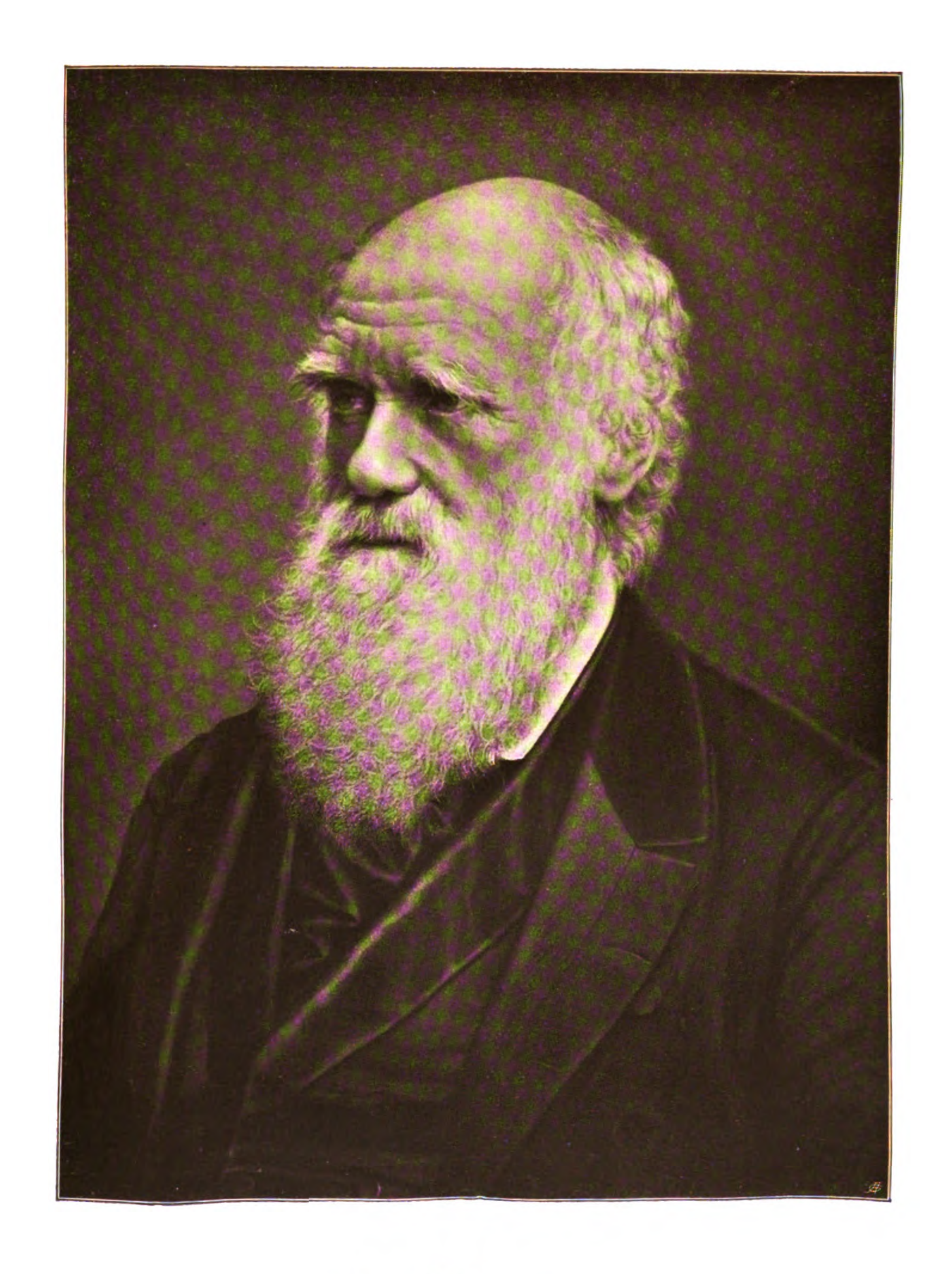
играютъ въ природѣ микробы, обратившіе на себя его вниманіе, произвелъ полную революцію въ медицинскихъ теоріяхъ и практическихъ пріемахъ хирургіи. Уже труды, совершенные имъ до 1870 г., представляютъ чрезвычайную важность для біологическихъ наукъ; они опредѣленно освѣтили связь между жизненными и химическими явленіями, подобно тому какъ труды Бертло пролили свѣтъ на отношенія между физическими и химическими явленіями. Такъ подготовлялся синтезъ наукъ о природѣ, который XIX вѣкъ завѣщалъ совершить XX-му, предварительно сильно двинувъ его впередъ.

Но въ разсматриваемый нами періодъ первое мѣсто въ помыслахъ натуралистовъ начинаетъ занимать другой вопросъ не меньшей философской важности.

Въ 1859 г. появилась знаменитая книга *Происхожденіе видовъ* Чарльза Дарвина (1809—1882); это былъ плодъ свыше чѣмъ двадцатилѣтнихъ размышленій, начинающихся съ научнаго путешествія, совершеннаго имъ въ юности (экспедиція *Бигля* къ Огненной Землѣ, 1831—1836). Не довѣряя собственнымъ выводамъ, онъ довольствовался медленной обработкой своихъ изслѣдованій по искусственному подбору (*Измѣненія животныхъ и растеній въ домашнемъ состояніи*, 1868), когда присылка трансформистскаго мемуара его соотечественникомъ Уоллесомъ и совѣты, полученные имъ по этому поводу отъ Ляйелля и Гукера, побудили его къ изложенію собственныхъ взглядовъ.

Собственно Дарвину принадлежитъ введеніе въ эволюціонную тезу, выставленную еще Ламаркомъ, той мысли, что борьба за жизнь, случайныя, но благопріятныя для вида измѣненія, сохраняются и развиваются путемъ наслѣдственности, что такимъ образомъ совершается естественный подборъ наилучше одаренныхъ специфическихъ формъ. Съ этихъ поръ трансформизмъ привлекъ къ себѣ многихъ ученыхъ; но никто не сумѣлъ найти формулы, столь удобной для выраженія цѣлесообразности въ природѣ; никто не умѣлъ въ такой степени сдѣлать систему понятной ясностью изложенія, столь неопровержимой тщательнымъ подборомъ доказательствъ, выставленныхъ въ ея защиту. Ученіе объ эволюціи какъ-то сразу стало интересовать большую публику; яростное противодѣйствіе, встрѣченное ею со стороны англійскихъ клерикаловъ, только способствовало увеличенію ея популярности и тому, что защитники теоріи дали ей еще большее распространеніе и развитіе, чѣмъ этого хотѣлъ самъ творецъ ея—Дарвинъ. Въ то время какъ этотъ послѣдній, безспорно одинъ изъ наименѣе шумливыхъ и самыхъ скромныхъ ученыхъ современности, продолжалъ вести терпѣливыя и остроумныя наблюденія, которыми полны его послѣдніе труды, Гексли, Карлъ Фохтъ (ум. 1894 г.), Геккель изо всѣхъ силъ старались ускорить побѣду новаго евангелія. Во Франціи изъ ученыхъ къ новой теоріи стало присоединяться только слѣдующее поколѣніе, но доводы, выдвинутые противъ трансформизма Флурансомъ и Катрфажемъ, не могли задержать движенія умовъ. Дѣльныя возраженія появились только тогда, когда пылъ полемики ослабѣлъ и когда въ торжествующей доктринѣ захотѣли видѣть ключъ къ объясненію міра; признано было, что собственно теорія Дарвина должна ограничиться той научной почвой, на которую онъ ее поставилъ. Не приписывая никакой причины случайнымъ измѣненіямъ, ведущимъ къ естественному подбору, она въ сущности менѣе удовлетворяетъ философію, чѣмъ теорія Ламарка, приписывающая эволюцію вліянію среды; дѣйствительно, она нисколько не освѣщаетъ капитальной проблемы происхожденія жизни; тѣмъ не менѣе она остается замѣчательнѣйшимъ фактомъ въ исторіи девятнадцатаго вѣка.

Во всякомъ случаѣ новое теченіе все больше направляло натуралистовъ къ изу-

Ч. Дарвинъ.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°

ченію низшихъ организмовъ, которымъ до этого сравнительно пренебрегали, но которое, повидимому, скрывало въ себѣ ключъ къ затронутымъ проблемамъ. Упомянемъ вкратцѣ о началѣ методическихъ изслѣдованій морского дна, которыя послѣ утвержденія Форбса въ 1859 г., что глубже 300 саженей нѣтъ жизни, доказали присутствіе на глубинѣ въ 3.000 метровъ фауны, приспособившейся къ средѣ, столь отличной отъ тѣхъ, которыя намъ знакомы, и сохранившей типы, которые считались исчезнувшими въ отдаленныя геологическія эпохи; отмѣтимъ также учрежденіе первой морской лабораторіи (Лаказъ-Дютьеромъ въ Роскофѣ, въ 1869 году) для производства правильныхъ изслѣдованій надъ животными и растеніями морскихъ береговъ.

Физіологія: Клодъ Бернаръ.—Такъ какъ описательная зоологія и ботаника почти совершенно исчерпали, въ качествѣ поля изслѣдованія, поверхность земного шара, то открылось новое поле, требовавшее болѣе могучихъ средствъ, а также болѣе кропотливой и терпѣливой работы. То же и въ гистологіи: когда были открыты наиболѣе очевидные факты, то для болѣе глубокаго ознакомленія съ деталями внутренняго строенія, тканей или отправленій органовъ необходимо было изобрѣтать все болѣе тонкіе и деликатные пріемы. Самымъ замѣчательнымъ успѣхомъ въ этой технической отрасли представляется изобрѣтеніе микротома (впервые сооруженнаго во Франціи Риве въ 1866 году), позволяющаго дѣлать необычайно тонкіе разрѣзы въ тканяхъ, предварительно сдѣланныхъ твердыми посредствомъ впрыскиванія реактивовъ, а затѣмъ помѣщенныхъ въ вещество, въ родѣ коллодія или парафина.

Въ ботаникѣ еще оставалась неразрѣшенною капитальная проблема—проблема оплодотворенія и размноженія тайнобрачныхъ растеній. Простое и чистое половое размноженіе было установлено Тюрэ (1851) для фукусовъ, Прингсгеймомъ (1855) и Бари (1858)—для конъюгирующихъ водорослей, Тюрэ и Борнэ для флоридныхъ (съ 1860 по 1870). Для папоротниковъ и мховъ способъ размноженія, болѣе сложный и напоминающій размноженіе поколѣніями въ животномъ царствѣ, былъ установленъ трудами Лещика-Суминскаго (1848) и Гофмейстера (1849).

Особенное же развитіе получила въ эту пору физіологія подъ вліяніемъ учителя, который не только сумѣлъ совершить рядъ оригинальныхъ работъ, достойныхъ служить образцами, не только оставилъ послѣ себя блестящую плеяду учениковъ [1]), но и распространялъ своими книгами и преподаваніемъ правила и принципы, составившіе нѣчто въ родѣ общепризнаннаго кодекса.

Изъ личныхъ открытій Клодъ Бернара (1813—1878) два представляются изъ ряда вонъ выходящими: открытіе гликогенной функціи печени (1848—1849), и системы вазомоторныхъ (сосудодвигательныхъ) нервовъ, т.-е. тѣхъ, которые вліяютъ на калибръ кровеносныхъ сосудовъ (1862). Здѣсь онъ все создалъ, и результаты его окончательны. Его изслѣдованія по физіологіи поджелудочной железы, надъ дѣйствіемъ кураре (1850), надъ возвратной чувствительностью, надъ животной теплотой также носятъ характеръ первоклассныхъ работъ.

Основная біологическая концепція его—это единство и общность жизненныхъ явленій въ обоихъ царствахъ, животномъ и растительномъ; эти явленія суть двухъ порядковъ: функціональныя или разрушительныя, пластическія или органическій синтезъ. Жизнь поддерживается сцѣпленіемъ этихъ двухъ порядковъ явленій, постоянно ассоціирующихся и взаимно объединенныхъ; въ самой сложной жи-

1) Самый выдающійся изъ нихъ, Поль Бэръ (1833—1886), отличился до 1870 г. изслѣдованіями надъ животной прививкой (1863), надъ собственной жизнеспособностью животныхъ тканей (1866), надъ дыханіемъ и асфиксіей и т. д.

вотной формѣ она является лишь интеграломъ элементарныхъ жизней клѣтокъ, живущихъ въ крови (внутренняя среда) такимъ же образомъ, какъ клѣтки простѣйшихъ животныхъ живутъ въ водѣ. Онѣ усваиваютъ питательныя вещества изъ этой среды и извергаютъ въ нее свои отбросы, количество же крови въ каждомъ пунктѣ регулируется нервной системой, а отборъ особыхъ клѣтокъ для различныхъ веществъ, находящихся въ средѣ, обезпечиваетъ устойчивость организма.

Идеи, которымъ Клодъ Бернаръ доставилъ торжество въ качествѣ научныхъ основъ біологіи, таковы: 1°, строгій детерминизмъ. Каждая перемѣна въ явленіи соотвѣтствуетъ различію въ матеріальныхъ условіяхъ, и это соотвѣтствіе надлежитъ опредѣлять опытнымъ путемъ; 2°, полезность гипотезы, какъ руководящей нити изслѣдованія, но съ условіемъ окончательно принимать ее не ранѣе, какъ сдѣлавъ все для ея разрушенія; 3°, ненадежность статистическаго метода и необходимость всегда руководиться сравнительными опытами.

Правила эти въ нынѣшнее время кажутся банальными; Клоды Бернаръ, впрочемъ, заимствовалъ ихъ изъ практики физическихъ и химическихъ наукъ; но въ ту эпоху, когда онъ ихъ формулировалъ, большинство врачей вѣрило въ особыя жизненныя силы, не подчиняющіяся детерминизму. Видные ученые надменно говорили: „Въ медицинѣ (это относилось и къ физіологіи) нѣтъ законовъ, есть только изолированные факты". Отсюда и проистекало злоупотребленіе статистикой наблюденій, которая должна была, по крайней мѣрѣ, дать нѣкоторую долю увѣренности въ прогнозѣ и терапевтикѣ.

Клиническая школа, какъ она себя величала, долгое время, впрочемъ, считала утопіей программу экспериментальной школы, какъ ее начерталъ Клодъ Бернаръ. Эта послѣдняя школа восторжествовала лишь благодаря результатамъ, которые она добыла, слѣдуя по пути, открытому для нея ея основателемъ. Успѣхи, достигнутые ею, прежде всего сказались въ діагностикѣ, которая почти сплошь преобразилась. Но въ то же время медики стали отдаваться изученію дѣйствія медикаментовъ съ той строгостью и точностью, какія необходимы наукѣ, не подозрѣвая, что вскорѣ открытія бактеріологіи, вызванныя трудами Пастера, захватятъ ихъ новымъ потокомъ идей.

Заключеніе. — Въ общемъ періодъ съ 1847 по 1870 г. представляетъ съ точки зрѣнія научнаго прогресса капитальную важность, не столько для обоснованія частныхъ теорій, сколько могучимъ размахомъ синтеза, который обновляетъ систему концепцій и усугубляетъ дѣятельность ума. Новыя открытія своей теоретической цѣнностью не уступаютъ открытіямъ предыдущаго періода и подготовляютъ почву для непосредственныхъ приложеній, пышно развернувшихся въ послѣднюю четверть XIX вѣка.

Въ формѣ, болѣе или менѣе отличной отъ той, которую имъ хотѣлъ придать Огюстъ Контъ, основныя идеи позитивизма получаютъ все большее распространеніе и въ особенности завоевываютъ симпатіи ученыхъ, между тѣмъ какъ оффиціальная философія кажется сбитою съ толку и растерявшеюся передъ истинами, открывающимися безъ всякаго ея участія. Германія, по крайней мѣрѣ, временно, устала отъ метафизическихъ системъ; въ Англіи Стюартъ Милль основываетъ англійскій позитивизмъ, которому Гербертъ Спенсеръ затѣмъ придалъ столь глубокую оригинальность; во Франціи Литре является лучшимъ послѣдователемъ Конта. Но истинными творцами этого новаго умственнаго движенія являются тѣ, кто далъ наукѣ единство, о которомъ только мечталъ основатель позитивизма, изъ числа коихъ мы назвали лишь наиболѣе выдающихся, отъ Гельмгольца до Клодъ Бернара и Бертло.

Глава XIII.

Католическая церковь и некатолическіе культы.

1846–1870.

Григорій XVI умеръ 1 іюня 1846 года; послѣ трехдневнаго обсужденія (14—16 іюня) конклавъ, собравшійся для назначенія ему преемника, остановился на имени кардинала Джованни Мастаи-Ферретти, епископа Имолы, который принялъ имя Пія IX и 21 іюня началъ первосвященническое служеніе, самое долголѣтнее, какое только знала католическая церковь (32 года). Въ настоящей главѣ мы не будемъ касаться дѣйствій Пія IX какъ свѣтскаго государя, а разсмотримъ лишь его политику въ качествѣ духовнаго главы католицизма до 1870 г. Съ этой точки зрѣнія можно сказать, что Пій IX довелъ до конца общую реставрацію католической церкви въ старомъ и новомъ мірѣ; своими пастырскими рѣшеніями и поддержкой миссій содѣйствовалъ сохраненію и пропагандѣ католической вѣры; наконецъ, упрочилъ авторитетъ папы и возстановилъ великія традиціи католической церкви путемъ созыва въ Ватиканѣ двадцатаго вселенскаго собора.

Разсмотрѣвши относящіеся сюда факты, мы скажемъ нѣсколько словъ о некатолическихъ культахъ.

I.—Отношенія между католической церковью и различными государствами.

Возстановленіе католической іерархіи въ Англіи и Голландіи.—9 ноября 1846 года Пій IX, предвосхищая различныя мѣры, которыя онъ долженъ былъ предпринять въ области церковныхъ вопросовъ, обратился ко всѣмъ католическимъ епископамъ съ энцикликой; въ этой энцикликѣ онъ перечислялъ язвы вѣка, излѣчить которыя способна одна только католическая церковь, но при томъ лишь условіи, если ея служители будутъ бодрствовать и окажутся преданными своему дѣлу. Въ этой ранней энцикликѣ уже обнаруживаются тѣ основныя мысли, которыя до послѣдней минуты руководили дѣятельностью новаго папы.

То усердіе къ вѣрѣ, которое Пій IX рекомендовалъ другимъ, онъ сначала проявилъ, занявшись возстановленіемъ католической іерархіи въ Англіи. Онъ заботливо слѣдилъ за движеніемъ, возбужденнымъ въ англиканской церкви опубликованіемъ *Tracts for the times* и содѣйствовалъ послѣдовавшему за нимъ

обращенію многихъ англичанъ въ католицизмъ; въ 1847 году онъ даже поручилъ двумъ изъ наиболѣе знаменитыхъ новообращенныхъ, Фаберу и Ньюману, ввести въ Англіи орденъ Ораторіанъ, а въ 1850 году, согласно мнѣнію апостольскихъ викаріевъ въ Англіи, онъ призналъ благовременнымъ возстановить католическій епископатъ, не существовавшій въ продолженіе трехъ послѣднихъ столѣтій. Буллой, помѣченной 29 сентября, онъ учредилъ двѣнадцать епископствъ, сгруппированныхъ вокругъ Вестминстерской архіепископской епархіи, первымъ іерархомъ которой сдѣлался монсиньоръ Вейземанъ († 1865 г.), занимавшій съ 1840 года постъ апостольскаго викарія.

Этотъ актъ римской куріи вызвалъ среди протестантовъ рѣзкую реакцію; снова проснулась старинная вражда противъ католиковъ; народъ взволновался при крикахъ: *No popery!* Лордъ Россель провелъ законъ, которымъ сдѣланныя Піемъ IX назначенія признавались недѣйствительными, а новымъ епископамъ запрещалось пользоваться своими титулами и т. п. Монсиньоръ Вейземанъ выдержалъ бурю, причемъ ему удалось „лично избѣгнуть костра и быть сожженнымъ лишь *in effigie*". Когда поднятый этой исторіей шумъ умолкъ, обращенія возобновились въ еще большемъ числѣ; въ 1851 году въ католицизмъ перешли тридцать три англиканскихъ священнослужителя, въ томъ числѣ Чайчестерскій архидіаконъ, Маннингъ, которому суждено было наслѣдовать Вейземану въ Вестминстерской епархіи и, подобно ему, умереть кардиналомъ. Съ этого времени дальнѣйшіе успѣхи католицизма въ Англіи не прекращались, а въ настоящее время онъ пользуется въ этой странѣ гораздо большей свободой, чѣмъ во многихъ католическихъ государствахъ.

Не столь громки были успѣхи католицизма въ Голландіи, гдѣ нетерпимость кальвинистовъ всегда мѣшала примѣненію конкордата 1827 года на практикѣ; но, благодаря свободѣ совѣсти, провозглашенной конституцией 1848 года, эти успѣхи сдѣлались настолько реальными, что въ 1853 г. Пій IX счелъ умѣстнымъ возстановить въ этой странѣ католическую іерархію. Онъ учредилъ архіепископство въ Утрехтѣ и четыре викарныхъ епископства въ Гарлемѣ, Буа-ле-Дюкѣ, Бредѣ и Руремонде; вопреки усиліямъ протестантовъ и янсенистовъ, принудившихъ голландское правительство потребовать отъ папы отмѣны этой мѣры, она была оставлена въ силѣ и послужила исходнымъ пунктомъ для сильнаго оживленія католицизма въ Голландіи.

Католическая церковь въ Германіи; Вюрцбургскій меморандумъ. — Затѣмъ вниманіе Пія IX было привлечено серьезными событіями, совершавшимися въ Германіи съ 1848 года. Въ это время положеніе католической церкви въ различныхъ германскихъ государствахъ далеко не удовлетворяло католиковъ; ихъ усилія, направленныя къ освобожденію католической церкви отъ тяготѣвшей надъ ней опеки, не увѣнчались успѣхомъ главнымъ образомъ благодаря отсутствію согласія между ними. Въ 1848 году нѣмецкіе епископы, воспользовавшись волненіемъ, вызваннымъ французской революціей, съѣхались въ Вюрцбургѣ для того, чтобы обсудить мѣры, необходимыя для устраненія условій, угнетавшихъ католическую церковь (21 октября—16 ноября). Результатомъ продолжительнаго обсужденія явился „меморандумъ", въ которомъ изложены были ихъ требованія и который они должны были представить своимъ правительствамъ; они требовали, между прочимъ, соблюденія свободы совѣсти католиковъ, свободы преподаванія, права управлять католическими семинаріями, регулировать дѣла культа и управлять церковными имуществами безъ вмѣшательства свѣтской власти.

Эти усилія епископовъ не остались

безплодными. Прежде всего они добились относительнаго успѣха въ Пруссіи, гдѣ новая конституція (1850 г.) санкціонировала нѣкоторые пункты Вюрцбургскаго меморандума. Въ силу статьи 12 „евангелической и римской церкви, равно какъ остальнымъ религіознымъ общинамъ предоставлено было право самостоятельно устраивать свои дѣла"; статья 13 разрѣшала имъ свободно сноситься со своимъ духовнымъ начальствомъ, а статьей 15 прусское правительство въ принципѣ отказывалось отъ практиковавшагося имъ до тѣхъ поръ права назначенія на церковныя должности. Благодаря этимъ вольностямъ католическая церковь въ Пруссіи упрочила свое положеніе и впослѣдствіи могла съ успѣхомъ сопротивляться „культуркампфу" Бисмарка.

Въ Баваріи епископы послѣ двухъ представленій также добились отъ Максимиліана II (1848—1864) кое-какихъ уступокъ, которыя, при всей своей неполнотѣ, все-таки внесли извѣстное улучшеніе въ положеніе католической церкви.

Фрейбургскій мемуаръ и баденскій конфликтъ.—Въ церковной провинціи Верхняго Рейна труднѣе было достигнуть соглашенія. 21 марта 1848 года фрейбургскій архіепископъ, Германъ фонъ Викари, потребовалъ отъ баденскаго правительства болѣе справедливаго и либеральнаго отношенія къ католикамъ; но ничего не добился. Въ 1850 году внесенное депутатомъ Гиршеромъ предложеніе, клонившееся къ отмѣнѣ направленныхъ противъ католической церкви законовъ, было отвергнуто палатами; тогда верхнерейнскіе епископы собрались въ Фрейбургѣ и составили, наподобіе Вюрцбургскаго меморандума, коллективную записку, которая въ 1851 году была вручена различнымъ правительствамъ. Послѣднія, съ своей стороны, устроили совѣщаніе въ Карлсруэ и долго не сообщали принятаго ими рѣшенія; чтобы покончить съ неопредѣленнымъ положеніемъ, епископы, снова собравшіеся во Фрейбургѣ (въ февралѣ 1853 года), рѣшили послать вторую записку. Тогда заинтересованныя правительства поспѣшили сдѣлать нѣкоторыя мелкія уступки и отвергнуть наиболѣе важныя требованія (5 марта); получивши записку епископовъ, баденское правительство отвѣтило, что оно намѣрено оставаться на почвѣ уступокъ, сдѣланныхъ 5 марта, и строго подавлять всѣ попытки выйти изъ намѣченныхъ рамокъ.

Въ виду непримиримаго поведенія баденскаго правительства, монсиньоръ фонъ Викари, несмотря на свой преклонный возрастъ, не поколебался приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Онъ публично отлучилъ отъ церкви всѣхъ членовъ Высшаго совѣта по духовнымъ дѣламъ и въ пастырскомъ посланіи протестовалъ противъ угнетенія церкви государствомъ; затѣмъ онъ замѣстилъ по собственному назначенію вакантныя церковныя должности и приказалъ священникамъ оправдывать его поведеніе съ церковной каѳедры. Правительство, во исполненіе своихъ угрозъ, приказало заключить въ тюрьму тѣхъ священниковъ, которые повиновались архіепископу; но такъ какъ всѣ они подходили подъ эту категорію, то, чтобы не прерывать повсюду богослуженія, оно принуждено было замѣнить тюремное заключеніе денежнымъ штрафомъ или вычетами изъ жалованья. Тогда Пій IX вмѣшался и въ двухъ рѣчахъ выразилъ порицаніе баденскому правительству (декабрь 1853 и январь 1854 г.). Послѣднее продолжало упорствовать въ своей политикѣ: цѣлымъ рядомъ декретовъ, изданныхъ въ апрѣлѣ и маѣ 1854 года, оно захватило въ свои руки управленіе церковными имуществами, а такъ какъ монсиньоръ фонъ Викари воспротивился и этому насилію, то правительство возбудило противъ него уголовное преслѣдованіе и окружило его дворецъ жандармами, не спускавшими съ него глазъ (май 1854 г.). Но въ виду волне-

нія, поднявшагося въ пользу епископа, оно оставило его въ покоѣ и начало переговоры съ Піемъ IX; послѣ продолжительныхъ и трудныхъ переговоровъ оно въ концѣ-концовъ подписало извѣстныя „предварительныя статьи", установившія нормальный порядокъ вещей.

Обнародованіе этихъ „предварительныхъ статей" въ ноябрѣ 1854 года положило конецъ затяжному характеру конфликта, но не удовлетворило епископовъ Верхнерейнской провинціи, которые твердо настаивали на своихъ требованіяхъ и такимъ образомъ принудили правительства столковаться съ ними или съ папой.

Гессенъ-Дармштадтское правительство первое заключило конвенцію съ майнцскимъ епископомъ, монсиньоромъ Кеттелеромъ (1854 г.), но впослѣдствіи это соглашеніе подверглось столь рѣзкимъ нападкамъ со стороны палатъ, что епископъ самъ объявилъ его недѣйствительнымъ (1866 г.). Въ 1857 году вюртембергское правительство вошло въ соглашеніе съ римской куріей и подписало новый конкордатъ; предложенный на обсужденіе палатъ, этотъ конкордатъ былъ ими отвергнутъ въ 1861 г., но замѣненъ довольно либеральнымъ закономъ (30 января 1862 г.). Герцогство Нассау заключило въ 1861 г. соглашеніе съ Лимбургскимъ епископомъ.

Не такъ гладко устроились дѣла въ герцогствѣ Баденскомъ; 28 января 1859 г. великій герцогъ заключилъ съ папой конкордатъ, но коалиція протестантовъ и либераловъ въ палатахъ отвергла его въ 1860 году, и правительство, отказавшись отъ веденія новыхъ переговоровъ, вернулось къ мысли урегулировать церковныя дѣла законодательнымъ путемъ (9 октября 1860 г.). Это послужило поводомъ къ новымъ конфликтамъ; и когда въ апрѣлѣ 1868 г. скончался монсиньоръ фонъ Викари, то правительство и капитулъ не могли столковаться относительно назначенія ему преемника, такъ что Фрейбургская епархія оставалась вакантной въ продолженіе четырнадцати лѣтъ.

Католическая церковь въ Австріи; конкордатъ 1855 года.—Въ Австріи, благодаря личному благоволенію молодого императора Франца-Іосифа къ католической церкви, положеніе, созданное примѣненіемъ іозефіанской доктрины, сдѣлалось гораздо менѣе натянутымъ. По настоянію собора австрійскихъ епископовъ, съѣхавшихся въ іюлѣ 1849 года въ Вѣну, императоръ отмѣнилъ *placet*, призналъ за епископами право свободно сноситься съ папой и вернулъ имъ право надзора за церковной дисциплиной и завѣдыванія дѣлами культа безъ вмѣшательства государства (1850).

Черезъ нѣсколько лѣтъ (18 августа 1855 г.) Францъ-Іосифъ заключилъ съ Піемъ IX извѣстный конкордатъ, который, по мысли обѣихъ договаривающихся сторонъ, долженъ былъ знаменовать конецъ іозефіанской системы. Этотъ конкордатъ провозглашалъ католицизмъ государственной религіей, признавалъ автономію католической церкви и давалъ ей право пріобрѣтать имущества, возстановлялъ каноническія постановленія относительно епископской юрисдикціи (за исключеніемъ тѣхъ, которыя касались привилегіи нѣкоторыхъ лицъ судиться только церковнымъ судомъ), признавалъ необязательнымъ для католиковъ, съ 1 января 1857 г., „гражданскій" бракъ, поручалъ епископамъ цензуру книгъ и надзоръ за всѣми католическими, общественными и частными, школами.

Впрочемъ, императоръ предоставлялъ диссидентамъ широкую свободу; несмотря на это, они яростно напали на австрійскій конкордатъ и всѣми средствами старались добиться его отмѣны или помѣшать его примѣненію на практикѣ. Въ этомъ отношеніи они встрѣтили поддержку въ лицѣ чиновниковъ, вышедшихъ изъ школы Меттерниха и остав-

шихся сторонниками іозефіанизма; имъ удалось воспрепятствовать осуществленію большей части постановленій конкордата и въ концѣ-концовъ навязать императору въ 1868 году законъ о народномъ образованіи и законъ объ отношеніяхъ между различными вѣроисповѣданіями, составленные въ совершенно отличномъ отъ конкордата духѣ. Съ этого момента послѣдній оказался мертвой буквой.

Католическая церковь въ Португаліи, Испаніи и Италіи.—Въ латинскихъ католическихъ государствахъ, то-есть въ Португаліи, Испаніи, Италіи и Франціи, взаимныя отношенія католической церкви и государства въ періодъ 1846—1870 г. подверглись незначительнымъ измѣненіямъ.

Въ Португаліи Уголовное Уложеніе 1852 года подчиняетъ еще дѣйствія римской куріи королевскому *placet*, а положеніе католической церкви остается такимъ же печальнымъ, какъ и въ предшествующій періодъ. Во многихъ приходахъ нѣтъ священниковъ; мужскіе монастыри закрыты, а женскіе монастыри, въ которыхъ доступъ послушницъ воспрещенъ съ 1834 года, почти исчезли. Въ энцикликѣ, обращенной въ 1862 году къ португальскимъ епископамъ, Пій IX скорбитъ по поводу этого положенія вещей; но ему не удалось его улучшить.

Въ Испаніи сношенія съ римской куріей, фактически прерванныя въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, были возобновлены въ 1848 году; а въ мартѣ 1851 года состоялась первая конвенція съ папой, въ силу которой католическая іерархія въ Испаніи была реорганизована, а вся страна вмѣстѣ съ колоніями раздѣлена на 58 епархій. Отмѣна церковныхъ судовъ и продажа церковныхъ имуществъ были признаны папой, но зато церкви возвращено было право владѣть имуществами. Вторымъ конкордатомъ, ратификованнымъ въ 1859 году и получившимъ силу государственнаго закона въ 1861 году, признана была неприкосновенность неотчужденныхъ церковныхъ имуществъ. Затѣмъ было учреждено нѣсколько новыхъ епископствъ, что повлекло за собой перетасовку прежнихъ епархіальныхъ округовъ.

Въ Италіи Савойская династія, параллельно со своими покушеніями на территорію папскихъ владѣній, начала практиковать политику, враждебную католической церкви. Въ 1851 году законы Сиккарди отмѣнили церковную юрисдикцію, право убѣжища въ монастыряхъ и право пріобрѣтать мэнмортныя имущества безъ разрѣшенія правительства; въ 1854 году другимъ закономъ были конфискованы монастырскія имущества; въ 1855 г. закономъ Кавура закрыты были всѣ монашескіе ордена, кромѣ тѣхъ, которые занимались обученіемъ и уходомъ за больными; 335 монастырей изъ 600 были закрыты; въ 1856 году былъ введенъ гражданскій бракъ. Уже въ предыдущемъ году папа угрожалъ отлучить отъ церкви авторовъ этихъ различныхъ законовъ; но эта угроза не помѣшала Виктору-Эммануилу распространить ихъ дѣйствіе на завоеванныя провинціи, а въ 1866 году вторично конфисковать церковныя имущества, закрыть большую часть семинарій (267 изъ 288) и воспретить пріемъ послушниковъ во всѣ монашескіе ордена, для того чтобы такимъ образомъ ускорить ихъ исчезновеніе.

Католическая церковь во Франціи во время Республики 1848 г. и Второй Имперіи.—Во Франціи реакція противъ правительства Луи-Филиппа, приведшая въ политической области къ установленію всеобщаго избирательнаго права, въ области религіозныхъ вопросовъ оказалась благопріятной для католической церкви. Муниципалитеты приглашали духовенство, снова сдѣлавшееся популярнымъ, благословлять деревья свободы; епископы встрѣтили новый режимъ съ явной симпатіей и помогали буржуазной республикѣ бороться противъ виновниковъ смуты; а монсиньоръ Аффръ, желавшій прекратить

кровавую іюньскую бойню, былъ убитъ на баррикадахъ Сентъ-Антуанскаго предмѣстья (25 іюня 1848 г.). Благодаря этому союзу католическаго духовенства съ демократіей, церкви удалось добиться отъ республики свободы средняго образованія, которую Іюльская монархія въ свое время обѣщала, но не осуществила. Клерикальный законъ 15 марта 1850 г. (названный по имени главнаго своего автора „закономъ Фаллу" разрѣшалъ всякому лицу, міарянину или монаху, удовлетворявшему требованіямъ извѣстнаго образовательнаго ценза, открывать гимназіи, находящіяся подъ *надзоромъ*, но уже не подъ *управленіемъ* государственной власти.

Послѣ декабрьскаго государственнаго переворота страхъ передъ демагогіей и ловкая политика Наполеона III, ручавшагося за сохраненіе матеріальнаго порядка, туманно намекавшаго на возможную отмѣну „органическихъ статей" и такимъ образомъ сумѣвшаго внушить католикамъ довѣріе, сначала привлекли большинство епископовъ и духовенства на сторону имперіи. Епископы получили возможность созвать безъ предварительнаго разрѣшенія нѣсколько провинціальныхъ соборовъ; Реннское епископство было возведено въ рангъ архіепископства (1859), а въ Лавалѣ учреждена новая епархія [1]).

Но доброе согласіе между Католической церковью и Имперіей было вскорѣ нарушено итальянской политикой Наполеона III и его союзомъ съ Пьемонтомъ,—союзомъ, который ободрялъ Савойскій домъ къ дальнѣйшимъ захватамъ и угрожалъ безопасности св. престола [1]). Обманутые епископы отдѣлились отъ Наполеона III и съ этого момента въ большинствѣ случаевъ открыто выказывали ему оппозицію. Послѣ итальянской кампаніи нѣкоторые изъ нихъ краснорѣчиво протестовали, какъ, напримѣръ, монсиньоръ Дюпанлу въ Орлеанѣ (1859 г.) и монсиньоръ Пи въ Пуатье (1861 г.). На эти выходки императоръ отвѣтилъ распущеніемъ филантропической монашеской конгрегаціи св. Винцентія де Поля (январь 1862 г.), которая, по словамъ Персиньи, занималась политической агитаціей.

Благодаря вліянію императрицы, сношенія императорскаго правительства съ Піемъ IX, которыя въ тотъ моментъ были очень натянуты и которыя вопросъ о *Силлабусѣ* долженъ былъ скоро еще болѣе ухудшить (1864 г.), не были совершенно прерваны; но вплоть до конца Имперіи въ отношеніяхъ между французскими епископами и императорскимъ правительствомъ царило извѣстное недовѣріе. И только въ 1867 году Наполеонъ III понялъ, что до сихъ поръ онъ являлся игрушкой въ рукахъ итальянской дипломатіи, и сдѣлалъ позднюю попытку снова сблизиться съ Римомъ.

Католическая церковь въ Россіи; преслѣдованія въ Польшѣ.—Въ Россіи конкордатъ, принятый въ 1847 г. Николаемъ I, оставался мертвой буквой вплоть до самаго конца его царствованія и былъ опубликованъ только въ 1857 году его преемникомъ, Александромъ II. Фактъ обнародованія этого акта сначала подалъ было нѣкоторыя надежды на улучшеніе положенія уніатовъ и польскихъ католиковъ; но эти надежды были быстро разбиты. По случаю тысячелѣтія Россіи въ 1862 г. и вслѣдствіе польскаго возстанія въ 1863 г. возобновились систематическія

[1]) Кромѣ того, учреждены еще три епархіи на островѣ Соединенія, въ Оранѣ и Константинѣ (обѣ послѣднія въ 1867 г.); епископство Алжирское возведено въ архіепископство въ 1866 г. Если принять въ разсчетъ присоединеніе Савойи и графства Ниццы (1860 г.), то, благодаря учрежденію новыхъ епархій общее число французскихъ церковныхъ „провинцій" доведено быдо до 18, а число епархій—до 92.

[1]) О двойственномъ поведеніи Наполеона III по отношенію къ римской куріи и о вызванной этимъ поведеніемъ католической оппозиціи см. т. V, гл. V и VII, § 3.

и безпощадныя религіозныя гоненія. Множество католическихъ ксендзовъ и монаховъ было повѣшено, разстрѣляно или сослано въ Сибирь; 130 мужскихъ монастырей изъ 155 и 32 женскихъ изъ 42 были закрыты (1864 г.), церковныя имущества конфискованы (1865 г.), а конкордатъ съ римской куріей расторгнутъ (1866 г.). Въ приходахъ попы замѣнили католическихъ священниковъ, а поляки силою были принуждаемы присутствовать на православномъ богослуженіи и крестить у нихъ своихъ дѣтей.

Папа Пій IX, оскорбленный въ своемъ собственномъ дворцѣ русскимъ посланникомъ Мейендорфомъ (1 января 1866 г.), энергически возвысилъ свой голосъ противъ этихъ насилій, но его протесты привели лишь къ разрыву дипломатическихъ сношеній съ Россіей и усиленію гоненій.

II.—Внутреннее состояніе католической церкви.

Возстановленіе папской власти.—Самымъ выдающимся фактомъ внутренней исторіи церкви во время первосвященническаго служенія Пія IX является, безъ сомнѣнія, возстановленіе власти святого престола надъ всѣмъ католическимъ міромъ. Ослабленная смутами великаго Западнаго раскола, оттѣсненная протестантизмомъ, подорванная галликанскими теоріями Бурбоновъ и іозефіанскими теоріями Габсбурговъ, папская власть, отличавшаяся такой громадной силой при Григоріи VII и Иннокентіи III, естественно уменьшилась. Но отреченіе отъ прежнихъ теорій правъ свѣтской власти, оживленіе историческихъ изслѣдованій, вліяніе католическихъ публицистовъ, общее пробужденіе, наблюдавшееся въ первой половинѣ XIX столѣтія во всемъ христіанскомъ мірѣ, снова пріучили католиковъ, священнослужителей и міранъ, обратиться къ Риму, „матери и госпожѣ всѣхъ церквей“, за разрѣшеніемъ своихъ сомнѣній, за улаженіемъ своихъ затрудненій, за помощью въ своихъ предпріятіяхъ. Старая католическая поговорка „*Roma locuta est*“ снова сдѣлалась реальностью.

Пій IX умѣло использовалъ это стремленіе общества къ объединенію вокругъ папскаго престола. Прежде всего онъ воспользовался имъ для того, чтобы возстановить единство литургіи, точнѣе—опредѣлить нѣкоторыя догматическія положенія, а также усилить распространеніе религіозныхъ общинъ и миссій. Съ другой стороны, онъ воспользовался имъ для того, чтобы нѣсколько разъ (въ 1854, 1862, 1867 г.) собрать вокругъ себя епископовъ изъ разныхъ странъ, наглядно иллюстрируя такимъ образомъ возстановленіе власти папы надъ католической церковью, и наконецъ созвать въ Ватиканѣ двадцатый вселенскій соборъ, который долженъ былъ *юридически* санкціонировать возстановленный *фактически* авторитетъ римскаго первосвященника.

Римская литургія; догматъ Непорочнаго Зачатія; догматическіе споры. — Сначала Пій IX занялся вопросомъ о литургіи; онъ сохранилъ восточную литургію (ноябрь 1846 г.), но старался подвести подъ общую норму различныя литургіи, которыя при старомъ режимѣ вырабатывались въ большей части французскихъ епархій и въ нѣкоторыхъ епархіяхъ сѣверной и западной Германіи. Домъ Геранже, аббатъ Солесмскій, въ своемъ обширномъ сочиненіи „Les institutions liturgiques“ (1840—1851) открылъ энергическую кампанію противъ этихъ мѣстныхъ литургій; поддерживаемое папой, это движеніе постепенно усиливалось, а въ мартѣ 1853 г. Пій IX могъ поздравить французскихъ епископовъ съ рвеніемъ, которое они обнаружили въ дѣлѣ возстановленія римской литургіи. Впрочемъ, ліонское духовенство упорствовало до 1864 года.

Затѣмъ Пій IX занялся догматомъ Непорочнаго Зачатія Пресвятой Дѣвы. Сформулированная въ срединѣ IX вѣка Кор-

бійскимъ монахомъ, Пасхазіемъ Радбертомъ, принятая въ 1140 году ліонскими канониками, затѣмъ Дунсомъ Скотомъ и францисканцами, открыто провозглашенная въ качествѣ церковнаго догмата Базельскимъ соборомъ въ тридцать шестомъ (не вселенскомъ) засѣданіи, доктрина Непорочнаго Зачатія постепенно распространялась, несмотря на оппозицію доминиканцевъ, опиравшихся на одно (неясное, впрочемъ) мѣсто изъ твореній св. Ѳомы Аквинскаго. Въ 1708 году папа Климентъ XI объявилъ обязательнымъ для всей католической церкви празднованіе Непорочнаго Зачатія, которое было уже установлено въ провинціи Кентерберійской съ 1328 года и во владѣніяхъ австрійскаго дома съ 1629 года. Оставалось только рѣшить вопросъ съ догматической точки зрѣнія; 1 февраля 1849 г. Пій IX обратился ко всѣмъ католическимъ епископамъ съ энцикликой *Ubi primum*, спрашивая ихъ мнѣнія по этому предмету. Получивши 576 отвѣтовъ, почти сплошь въ утвердительномъ смыслѣ, онъ созвалъ 200 прелатовъ и въ ихъ присутствіи 8 декабря 1854 г. торжественно провозгласилъ догматъ Непорочнаго Зачатія (булла *Ineffabilis*). Съ этого момента догматъ сдѣлался обязательнымъ для всѣхъ католиковъ.

Затѣмъ Пію IX пришлось разрѣшить нѣсколько разногласій, угрожавшихъ чистотѣ католической вѣры. Около 1850 г. одинъ австрійскій священникъ, по имени Антонъ Гунтеръ († 1863), исходя изъ принциповъ, аналогичныхъ принципамъ Гермеса, подобно ему пришелъ къ полураціонализму. Его ученіе о Св. Троицѣ и личности Іисуса Христа подверглось суровой критикѣ со стороны Боннскаго профессора Клеменса (1853 г.) и было осуждено Піемъ IX въ январѣ 1857 года; Гунтеръ безпрекословно подчинился рѣшенію св. престола. Въ декабрѣ 1862 г. наступила очередь Мюнхенскаго профессора Якова Фрошамера, который въ своемъ сочиненіи о происхожденіи человѣческой души выдвинулъ теорію „генераціонизма“ противъ „креаціонизма“, а въ февралѣ 1866 г.—очередь профессора Лувенскаго университета, аббата Убагса, который проповѣдывалъ доведенный до крайности „онтологизмъ“, осужденный еще въ 1861 г. декретомъ инквизиціи.

Ростъ религіозныхъ обществъ и католическихъ миссій.—Папа не ограничивался охраной чистоты вѣры; въ интересахъ католической пропаганды онъ поддерживалъ всѣ составленныя съ этой цѣлью религіозныя общества, а въ особенности „Союзъ Пія IX“ (*Piusverein*), первый общій съѣздъ котораго состоялся въ Майнцѣ въ октябрѣ 1848 года. Съ этого времени указанное общество, принципы котораго были одобрены собравшимися въ Вюрцбургѣ нѣмецкими католическими епископами и Піемъ IX въ февралѣ 1849 года, устраивало ежегодные конгрессы въ различныхъ городахъ Германіи, гдѣ оно сдѣлалось центромъ всѣхъ католическихъ предпріятій.

Въ 1852 году о. Петето возстановилъ во Франціи Ораторіанскую конгрегацію, въ которой выдающуюся роль долженъ былъ сыграть о. Гратри. Въ 1856 году M-lle Евгенія Сметъ (мать Марія де ла Провидансъ) основала конгрегацію „Dames auxiliatrices des âmes du purgatoire“. Въ 1868 году послѣ страшнаго голода, постигшаго Алжирію (1867), алжирскій архіепископъ, монсиньоръ Лавижери, организовалъ подъ названіемъ „Pères de Notre-Dame d'Afrique“ (орденъ Африканской Богородицы) или „Pères blancs“ миссіонерскую общину, цѣлью которой являлось воспитаніе арабскихъ сиротъ и проповѣдь христіанства въ центральной Африкѣ.

Основаніе этихъ новыхъ религіозныхъ обществъ доказываетъ, что пропагандистскія миссіи, въ широкихъ размѣрахъ возобновившія свою дѣятельность въ первой половинѣ XIX вѣка, не утратили своей активности. Онѣ продолжали рас-

пространяться во всѣхъ частяхъ свѣта, такъ что слѣдить за ними становится довольно трудно; мы поэтому ограничимся перечисленіемъ важнѣйшихъ относящихся къ ихъ дѣятельности фактовъ.

Въ Левантѣ Пій IX возстановилъ въ 1847 году Латинскій патріархатъ въ Іерусалимѣ, причемъ носителю патріаршаго титула вмѣнено было въ обязанность проживать на мѣстѣ. Но въ Оттоманской имперіи положеніе христіанъ въ виду мусульманскаго фанатизма всегда оставалось крайне непрочнымъ, несмотря на проникнутый духомъ терпимости эдиктъ (*гатти-гумаюнъ*), изданный султаномъ въ 1856 году послѣ Крымской войны и до заключенія Парижскаго трактата.

Въ западной Африкѣ въ 1854 году учрежденъ былъ новый апостольскій викаріатъ въ Сенегалѣ. Въ центральную Африку сразу двинулись община туземныхъ misссіонеровъ, основанная въ Неаполѣ Фра-Людовико ди Казоріа (1865 г.), и „Бѣлые отцы" монсиньора Лавижери (1868 г.). На Мадагаскарѣ порученный въ 1848 году іезуитамъ апостольскій викаріатъ удержался, несмотря на помѣхи, встрѣченныя миссіонерами со стороны англиканскаго протестантизма, который королева Ранавало II объявила въ 1869 г. государственной религіей.

Въ Остъ-Индіи католическая церковная организація получила значительное развитіе; въ 1854 году тамъ насчитывалось не менѣе 20 апостольскихъ викаріатовъ съ 800 священниковъ и милліономъ вѣрныхъ.

Какъ и всегда, миссіонерская пропаганда наталкивается на самыя значительныя затрудненія въ странахъ Дальняго Востока, и именно здѣсь больше всего проливается миссіонерской крови. Въ Аннамѣ появленіе французскаго военнаго судна „*Catinat*" вызвало въ 1856 г. общее гоненіе на христіанъ: всѣ учрежденія, школы, обители и церкви были разрушены. Въ Китаѣ, гдѣ вопреки Нанкинскому договору были въ 1852 году умерщвлены о. Шанделенъ, Тіенъ-дзинскій трактатъ (1858 г.) и взятіе Пекина англо-французской экспедиціей (1860 г.) доставили миссіонерамъ нѣкоторую безопасность и позволили имъ проникнуть въ глубь страны. Въ 1870 г. въ Китаѣ насчитывалось около 800.000 христіанъ, распредѣленныхъ между тремя епископскими епархіями (Пекинъ, Нанкинъ, Макао) и девятью апостольскими викаріатами.

Одновременно съ Китаемъ Японія заключила съ Франціей и Англіей договоръ, открывавшій доступъ въ нѣкоторые порты иностранцамъ, а значитъ, и миссіонерамъ, для которыхъ страна была закрыта въ теченіе двухъ столѣтій (1858 г.). Въ 1862 году апостольскимъ про-викаріемъ выстроена была въ Іокогамѣ католическая церковь, а въ 1865 году одинъ миссіонеръ, Птижанъ, открылъ сохранившіеся еще остатки древнихъ японско-христіанскихъ общинъ, основанныхъ въ XVI столѣтіи іезуитами.

Наконецъ, въ Америкѣ, на которую нельзя было уже смотрѣть какъ на страну, представляющую удобную почву для дѣятельности миссіонеровъ, католическая іерархія упрочивается и развивается.

Въ Соединенныхъ Штатахъ общій соборъ, съѣхавшійся въ 1852 г. въ Балтиморѣ, потребовалъ учрежденія новыхъ епископскихъ епархій; Пій IX учредилъ ихъ въ 1853 г., а въ 1858 г. возвелъ Балтиморскаго епископа въ рангъ примаса. Въ октябрѣ 1866 г. онъ организовалъ въ этомъ городѣ второй общій соборъ, который потребовалъ учрежденія новыхъ епископствъ или апостольскихъ викаріатовъ. Если не считать нѣкоторыхъ мимолетныхъ вспышекъ, возбужденныхъ протестантами (1844, 1853 г.), то католическая церковь, подобно другимъ вѣроисповѣданіямъ, пользуется въ Соединенныхъ Штатахъ полной свободой.

Не такъ обстояло дѣло въ Мексикѣ, гдѣ католическая церковь подвергалась

преслѣдованіямъ со стороны президентовъ Комонфорта (1856) и Хуареса (1860 и 1867). Съ 1848 года мексиканская католическая церковь состоитъ изъ десяти епископскихъ епархій, объединенныхъ вокругъ архіепископства, находящагося въ Мексико.

Въ Центральной Америкѣ отдѣльныя республики подписали каждая конкордатъ съ Піемъ IX: Гватемала и Коста-Рика въ 1852 г., Никарагуа и Санъ-Сальвадоръ въ 1861 г. Въ Южной Америкѣ Бразилія все больше подпадала подъ вліяніе франкъ-массоновъ; напротивъ, въ Чили и Перу, несмотря на недостаточное количество священниковъ, католическая церковь находится въ цвѣтущемъ состояніи.

Энциклика „Quanta cura“ (8 декабря 1864 года).— Пій IX въ своихъ отношеніяхъ къ различнымъ правительствамъ неоднократно наталкивался на нѣкоторыя помѣхи, обязанныя своимъ существованіемъ философскимъ или политическимъ теоріямъ, которыя противорѣчили христіанскимъ принципамъ и широко распространялись въ книгахъ, брошюрахъ и газетахъ, враждебныхъ католицизму. Папа чувствовалъ себя какъ бы окруженнымъ глухимъ заговоромъ, получавшимъ свои лозунги отъ различныхъ тайныхъ обществъ („венты“, карбонаріевъ въ Италіи, масонскія ложи во Франціи, Испаніи и т. д.), которыя всѣми средствами старались разрушить традиціонное вліяніе религіи на личность, семью и общество.

Папа въ нѣсколькихъ посланіяхъ и рѣчахъ отмѣтилъ и осудилъ, подобно своимъ предшественникамъ, тѣ теоріи, во имя которыхъ католическая церковь и ея власть подвергались критикѣ [1]). Но онъ давно уже хотѣлъ собрать въ одномъ документѣ, который епископы могли бы имѣть во всякое время подъ рукой, всѣ осужденныя ученія, дабы предохранить католиковъ отъ заразы и, насколько возможно, предупредить ея распространеніе. Для осуществленія этого проекта и для приданія ему торжественнаго характера онъ избралъ 8 декабря 1864 г., т.-е. первую десятилѣтнюю годовщину провозглашенія догмата Непорочнаго Зачатія.

Въ этотъ день онъ обратился ко всѣмъ епископамъ съ энцикликой *Quanta cura*, въ которой онъ снова осуждалъ значительное число „заблужденій и превратныхъ ученій“, уже отвергнутыхъ его предшественниками и имъ самимъ, а именно: 1⁰ *натурализмъ*, поучающій, что „государство должно устраиваться и управляться безъ участія церкви“, что „свобода печати не должна быть ограничиваема ни церковной, ни свѣтской властью“ и что „воля народа составляетъ верховный законъ, независимый отъ какого бы то ни было божескаго и человѣческаго права“; 2⁰ *коммунизмъ и соціализмъ*, стремящіеся вытравить религію изъ семьи и заявляющіе, что „всѣ права родителей надъ дѣтьми вытекаютъ изъ постановленій гражданскихъ законовъ“ и что „образованіе и воспитаніе юношества должно быть отнято у духовенства, враждебно относящагося къ свѣту, цивилизаціи и прогрессу“; 3⁰ *регализмъ*, утверждающій, что „церковь Іисуса Христа подчинена гражданской власти“, и не признающій, что церковная власть „въ силу божественнаго права отлична и независима отъ свѣтской власти“. Вмѣстѣ съ тѣмъ осуждались всѣ болѣе или менѣе противорѣчащіе свободѣ католической церкви выводы, которые сдѣланы были изъ этихъ предпосылокъ галликанизмомъ, іозефіанизмомъ и протестантизмомъ.

[1]) А именно: энциклика *Qui pluribus*, 1846; рѣчь *Ubi primum*, 1847; энциклика *Nostis et nobiscum*, 1849; апостольское посланіе *Multiplices inter* и *Ad apostolicae*, 1851; рѣчи *Acerbissimum*, 1852, и *Singulari quadam*, 1854; энциклика *Singulari quidem*, 1856; рѣчи *Numquam fore*, 1856; *Multis gravibusque*, 1860, *Jamdudum cernimus*, 1861, *Maxima quidem*, 1862; письма *Gravissimas*, 1862, и *Tuas libenter*, 1863; энциклика *Quanto conficiamur*, 1863.

Силлабусъ; правила для его истолкованія.— Энциклика *Quanta cura*, которая должна была быть сообщена всѣмъ вѣрнымъ католикамъ, сопровождалась документомъ, не предназначеннымъ для опубликованія: это былъ *Силлабусъ* или „Каталогъ главнѣйшихъ заблужденій, отмѣченныхъ въ консисторіальныхъ обращеніяхъ, энцикликахъ и другихъ апостольскихъ посланіяхъ святѣйшаго отца нашего, папы Пія IX". Въ этомъ каталогѣ содержатся раздѣленныя на десять параграфовъ 80 положеній, отвергаемыхъ папой, какъ ошибочныя. Въ первомъ параграфѣ осуждаются пантеизмъ, натурализмъ и абсолютный раціонализмъ; во второмъ — умѣренный раціонализмъ; въ третьемъ—индифферентизмъ и латитудинаризмъ. Четвертый параграфъ въ нѣсколькихъ словахъ касается соціализма, коммунизма, тайныхъ библейскихъ и либерально-католическихъ обществъ. Напротивъ, пятый параграфъ указываетъ не меньше двадцати „заблужденій, касающихся церкви и ея правъ" и клонящихся къ признанію подчиненія ея свѣтской власти. Шестой параграфъ направленъ противъ „заблужденій, касающихся гражданскаго общества, разсматриваемаго либо въ немъ самомъ, либо въ его отношеніяхъ къ церкви", и клонящихся къ оправданію всѣхъ заблужденій іозефіанизма или галликанизма. Затѣмъ идутъ заблужденія относительно „естественной и христіанской морали" (§ 7), „христіанскаго брака" (§ 8), „свѣтской власти римскаго первосвященника" (§ 9) и, наконецъ, „современнаго либерализма", т.-е. заблужденіе, состоящее въ томъ, что свобода совѣсти признается соотвѣтствующей требованіямъ разума, а не просто необходимостью, фактически навязанной правительствомъ.

Въ концѣ каждаго изъ этихъ 80 положеній, составленныхъ въ сжатой и *отрицательной* формѣ (что часто дѣлаетъ его толкованіе крайне труднымъ), указываются апостольскія обращенія и посланія, съ которыми необходимо справляться для правильнаго пониманія того, въ какомъ смыслѣ и въ какой степени осуждается разсматриваемое положеніе. Самъ по себѣ Силлабусъ не имѣетъ, собственно говоря, доктринальнаго значенія и получаетъ его лишь постольку, поскольку онъ отсылаетъ вѣрныхъ къ упоминаемымъ источникамъ; недостаточно прочитать каждое предложеніе навыворотъ и замѣнить отрицательную форму утвердительной, для того чтобы узнать настоящее мнѣніе папы. Не слѣдуетъ, кромѣ того, забывать, что Силлабусъ стоитъ исключительно на почвѣ принциповъ неизмѣннаго и абсолютнаго порядка, оставляя въ сторонѣ потребности измѣнчиваго и относительнаго порядка; выражаясь терминами схоластики, онъ ставитъ *тезисъ* и не обращаетъ вниманія на *гипотезу*, т.-е. на примиреніе принципа съ дѣйствительностью. То или иное положеніе, осуждаемое съ *философской* точки зрѣнія, можетъ быть терпимо въ *практическомъ* смыслѣ.

Пріемъ, оказанный Силлабусу.—Если принять во вниманіе содержаніе и форму Силлабуса, то нетрудно понять, что этотъ документъ не предназначался для опубликованія; тѣмъ не менѣе онъ былъ всетаки разглашенъ при условіяхъ, до сихъ поръ не выясненныхъ, и хотя ничего новаго въ немъ не заключалось, его опубликованіе скандализировало всѣхъ. „Силлабусъ былъ радостно встрѣченъ всѣми противниками церкви, утверждавшими, что папа объявляетъ въ немъ войну всему современному обществу; правительства досадовали на его появленіе и пытались помѣшать его опубликованію; либеральные же католики были, очевидно, приведены имъ въ смущеніе" (*Сеньобосъ*).

Противники церкви не сочли нужнымъ заглянуть въ документы, на которые ссылается Силлабусъ; они поняли его въ буквальномъ смыслѣ, отказываясь дѣлать различіе между философской и практической точкой зрѣнія, и утверждали, что

Силлабусъ открыто осуждаетъ всѣ освященныя революціей вольности, а именно: 1° народный суверенитетъ и всеобщее избирательное право (положеніе 60-е), тогда какъ папа только осуждаетъ доктрину, разсматривающую „власть какъ господство массы и сумму матеріальныхъ силъ“ и не признающую „другой силы, кромѣ матеріальной“ (обращеніе *Maxima quidem*, 1862); 2° свободу не-католическихъ культовъ (положенія 78 и 79), которая отвергается лишь постольку, поскольку она связана съ *догматической* терпимостью, а вовсе не постольку, поскольку она связана съ *гражданской* терпимостью (обращенія *Acerbissimum*, 1852, и *Numquam fore*, 1856); 3° свободу печати вообще (положеніе 79), тогда какъ папа имѣлъ въ виду лишь *неограниченную* свободу (*omnimodam libertatem*), никогда не допускавшуюся никакимъ правительствомъ. И такъ далѣе.

Послѣдній упрекъ относился къ 80-му осужденному положенію, составленному въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Римскій первосвященникъ можетъ и долженъ примириться и вступить въ сдѣлку съ прогрессомъ, либерализмомъ и современной цивилизаціей“. Отсюда дѣлался тотъ выводъ, что папа осуждалъ всю организацію современнаго общества, тогда какъ этими (правда, не совсѣмъ удачными) выраженіями онъ хотѣлъ охарактеризовать „систему, намѣренно придуманную для ослабленія и, быть можетъ, для ниспроверженія Христовой Церкви“ (обращеніе *Jamdudum cernimus*, 1861).

Такое пониманіе этихъ документовъ вызвало волненіе, во-первыхъ, среди монарховъ, изъ коихъ нѣкоторые (Викторъ-Эммануилъ, Наполеонъ III, Александръ II) запретили опубликовать энциклику и Силлабусъ, а во-вторыхъ, среди епископовъ, которые одновременно протестовали и противъ этого запрещенія и противъ толкованія, даваемаго Силлабусу противниками католической церкви. Монсиньоръ Дюпанлу въ своей извѣстной брошюрѣ о „Конвенціи 15 сентября и Энцикликѣ 8 декабря“ выяснилъ истинный смыслъ папскаго документа; представленное имъ толкованіе (которое мы выше резюмировали) признано было 630 епископами всего міра и самимъ Піемъ IX (4 февраля 1865 года); диссидентовъ оказалось очень немного, и среди нихъ наиболѣе выдающимся былъ монсиньоръ Марэ, сурскій епископъ *in partibus*.

III. Ватиканскій соборъ.

Подготовительныя мѣры и созывъ собора.—Не успѣло улечься волненіе, возбужденное разрѣшеніемъ Силлабуса, какъ распространился въ 1867 году слухъ о предстоящемъ созывѣ вселенскаго собора, вызвавшій еще болѣе глубокое и всеобщее броженіе. Пій IX давно уже лелѣялъ этотъ планъ; 6 декабря 1864 года, т.-е. наканунѣ опубликованія энциклики *Quanta cura*, онъ тайкомъ сообщилъ о немъ пятнадцати кардиналамъ, а затѣмъ, въ 1865 году, тридцати пяти епископамъ. Такъ какъ огромное большинство высказалось въ пользу проекта, то папа оффиціально объявилъ о своемъ намѣреніи 500 епископамъ, которые съѣхались въ Римъ по случаю 1800-лѣтней годовщины мученической смерти свв. Петра и Павла (26 іюня 1867 года). 29 іюня 1868 года папа издалъ буллу (*Aeterni Patris*), назначавшую открытіе собора на 8 декабря 1869 года, опредѣлявшую предметъ его занятій и мѣсто засѣданій (Римъ) и выражавшую надежду, что главы различныхъ государствъ, въ особенности католическихъ, не помѣшаютъ приглашеннымъ прелатамъ отправиться на соборъ.

8 декабря 1868 года Пій IX обратился ко всѣмъ восточнымъ православнымъ епископамъ съ посланіемъ *Arcano divinae*, въ которомъ приглашалъ ихъ явиться на соборъ, для того, чтобы добиться „всѣмъ желательнаго объединенія“, но

этотъ призывъ не былъ услышанъ; одни лишь армяне выказали благопріятныя для папы намѣренія, быстро подавленныя стараніями Фанара. 13 сентября папа обратился также къ протестантамъ и другимъ „не-католикамъ", приглашая ихъ подумать, „дѣйствительно ли они стоятъ на пути къ вѣчному спасенію, начертанномъ Іисусомъ Христомъ" (посланіе *Jam vos omnes*). Протестанты отнеслись къ этому посланію различно: скептики издѣвались надъ нимъ; фанатики обидѣлись и отвѣтили оскорбленіями; и только незначительная часть реформистовъ, какъ, напримѣръ, Бауммтаркъ въ Германіи, Гизо во Франціи, Пюзей въ Англіи, поняли намѣренія папы и отнеслись къ нимъ съ уваженіемъ.

Эти подготовительныя мѣры характеризовались, между прочимъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что Пій IX не пригласилъ католическихъ монарховъ прислать на соборъ своихъ представителей, какъ это имѣло мѣсто на другихъ вселенскихъ соборахъ, напримѣръ, на Тріентскомъ. Это рѣшеніе принято было не безъ колебаній; принятое, затѣмъ отвергнутое, оно было окончательно вотировано 28 іюня 1868 года съ рискомъ окончательной ссоры съ нѣкоторыми правительствами [1]). Это рѣшеніе знаменовало полный разрывъ между свѣтской и духовной властью; но такъ какъ фактически этотъ разрывъ по винѣ свѣтскихъ правительствъ существовалъ и раньше, то противоположное рѣшеніе, понятное въ средніе вѣка, было бы необъяснимо въ XIX столѣтіи. Правительства, понимая, что теперь времена уже не тѣ, вели себя сдержанно и не рѣшились протестовать.

Подготовка собора; регламентъ 27 ноября 1869 года. — Теперь слѣдовало спѣшить съ подготовкой собора. Въ продолженіе зимы 1868—1869 г. Пій IX пригласилъ въ Римъ значительное число итальянскихъ, французскихъ, бельгійскихъ, нѣмецкихъ, испанскихъ и американскихъ богослововъ для выработки проектовъ, которые предполагалось предложить на обсужденіе собора; эти богословы были распредѣлены между семью комиссіями, работавшими подъ предсѣдательствомъ кардиналовъ и имѣвшими каждая свою опредѣленную задачу.

Въ продолженіе того времени, когда работали комиссіи, публика не оставалась въ бездѣйствіи: она усердно занималась предстоявшимъ соборомъ; со всѣхъ сторонъ появлялись относительно него книги, брошюры, газеты, статьи, изъ коихъ нѣкоторыя произвели сенсацію. Такъ, напримѣръ, 6 февраля 1869 года въ „Civilta cattolica" появилась корреспонденція изъ Франціи, заявлявшая, что конечной цѣлью, къ которой должны горячо стремиться всѣ католики, является принятіе соборомъ доктринъ Силлабуса и провозглашеніе непогрѣшимости папы. Газета „Майнцскій Католикъ" протестовала противъ этихъ мыслей, и этого было достаточно, чтобы во всѣхъ главныхъ странахъ Европы завязалась живѣйшая полемика. Наибольшую страстность выказали при этомъ нѣмецкіе „германисты" и французскіе „галликанцы".

Въ Германіи каноникъ Деллингеръ составилъ или инспирировалъ „Письма Януса" (мартъ 1869 г.), противъ которыхъ Эргенрѣтеръ написалъ опроверженіе. Во Франціи монсиньоръ Марэ, сурскій епископъ *in partibus*, выпустилъ въ сентябрѣ книгу подъ заглавіемъ „Соборъ и религіозный міръ", а 10 октября журналъ „Le Correspondant" помѣстилъ статью, которая, по общему мнѣнію, отражала взгляды монсиньора Дюпанлу, и т. д. Среди этой агитаціи должны были открыться засѣданія Ватиканскаго собора.

За нѣсколько дней до его открытія папа буллой *Multiplices inter* (27 ноября

[1]) Въ апрѣлѣ 1868 г. князь Гогенлоэ, баварскій министръ иностранныхъ дѣлъ, пытался войти въ соглашеніе съ другими европейскими кабинетами, чтобы помѣшать созыву собора.

1869 г.) опубликовалъ регламентъ собора, выработанный комиссіей кардиналовъ. Этотъ регламентъ, сильно отличавшійся отъ регламента Тріентскаго собора, предоставлялъ прелатамъ право формулировать предложенія, которыя папа воленъ былъ поставить на обсужденіе собора или отклонить, обязывалъ членовъ собора хранить въ тайнѣ происходившія на немъ пренія, опредѣлялъ порядокъ занятій въ „общихъ конгрегаціяхъ“, гдѣ обсуждались соборные декреты [1]), и въ „открытыхъ засѣданіяхъ“, въ которыхъ принятыя рѣшенія объявлялись во всеобщее свѣдѣніе [2]), и т. д. Открытыя засѣданія должны были происходить подъ предсѣдательствомъ самого Пія IX, а „общія конгрегаціи“— подъ предсѣдательствомъ кардинала Рейзаха. Послѣдній скончался 23 декабря и былъ замѣненъ кардиналомъ де Анжелисомъ.

Открытіе и первыя работы собора; новый регламентъ 20 февраля 1870 года.—8 декабря соборъ былъ открытъ Піемъ IX, подъ предсѣдательствомъ котораго состоялось *первое* открытое засѣданіе. Въ этотъ день Римъ представлялъ необычайное зрѣлище. Въ огромной базиликѣ св. Петра, гдѣ былъ выстроенъ синодальный залъ, собрались 723 прелата, съѣхавшіеся со всѣхъ сторонъ земного шара [3]); послѣ обычныхъ молитвъ и церемоній члены собора присягнули въ послушаніи папѣ, который послѣ того обратился къ нимъ съ рѣчью. Второе открытое засѣданіе назначено было на Богоявленіе (6 января 1870 года).

Этому засѣданію предшествовало нѣсколько „общихъ конгрегацій“. Въ первыхъ четырехъ (отъ 10 до 28 декабря) выбраны были одна за другой „конгрегація инициативы“, которой поручено было разсматривать предложеніе членовъ собора, и три комиссіи или „депутаціи“, которымъ поручено было выработать проекты относительно вѣры, дисциплины и религіозныхъ орденовъ.

28 декабря началось обсужденіе догматической „схемы“ *De fide catholica*, отвергающей заблужденія, вытекающія изъ раціонализма; оно продолжалось до 10 января 1870 года, послѣ чего схема была отослана въ „депутацію догмы“, которая должна была передѣлать ее согласно рѣшенію собора; въ этихъ преніяхъ приняли участіе 35 ораторовъ.

Въ ожиданіи открытаго засѣданія „общія конгрегаціи“ обсудили одинъ за другимъ три дисциплинарныхъ проекта, касавшихся епископовъ и вакантныхъ епископскихъ епархій, жизни и обязанностей церковнослужителей, и составленія небольшого однообразнаго катехизиса для всей католической церкви. Эта работа затянулась до 22 февраля.

Въ этотъ день конецъ засѣданія отмѣченъ былъ важнымъ событіемъ. Многіе прелаты, находя, что занятія собора подвигаются очень медленно, потребовали измѣненія регламента съ цѣлью ускоренія процедуры; опросивши кардиналовъ, занимавшихъ предсѣдательскія мѣста, и комиссію инициативы, Пій IX опубликовалъ новый регламентъ, дававшій возможность сократить и даже совершенно прекратить пренія, если собраніе найдетъ, что разбираемый вопросъ достаточно выясненъ (20 февраля). Новый декретъ, сообщенный общей конгрегаціи 22 февраля, вызвалъ протестъ части епископовъ, пре-

[1]) Въ общихъ конгрегаціяхъ каждый членъ вотировалъ устно: да (*placet*), нѣтъ (*non placet*), да съ поправкой (*placet juxta modum*).

[2]) На общихъ засѣданіяхъ можно было вотировать только *да (placet)* или *нѣтъ (non placet)*.

[3]) Члены собора распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: 49 кардиналовъ, 9 патріарховъ, 4 примаса, 123 архіепископа, 481 епископъ, 6 аббатовъ *nullius*, 22 аббата съ митрой, 29 генераловъ или генеральныхъ викаріевъ монашескихъ орденовъ. Къ 20 декабря число членовъ повысилось до 743; благодаря смерти, болѣзни и отъѣзду членовъ, это число понизилось къ *третьему* открытому засѣданію (24 апрѣля 1870 г.) до 667, а къ *четвертому* (18 іюля)—до 535 человѣкъ.

имущественно нѣмецкихъ и австрійскихъ (около ста человѣкъ); но подавляющее большинство высказалось за него, и онъ былъ примѣненъ.

Вопросъ о непогрѣшимости; вызванная имъ агитація; конституція „De fide“ (24 апрѣля).—Впрочемъ, въ этотъ моментъ собраніе волновалъ болѣе важный вопросъ. Въ началѣ января восемнадцать епископовъ внесли предложеніе, клонившееся къ провозглашенію соборомъ догмата папской непогрѣшимости, о которомъ до тѣхъ поръ не было еще рѣчи. За этимъ „постулатомъ“ послѣдовалъ вскорѣ другой, составленный въ такомъ же духѣ и подписанный 420 членами собора, и третій, составленный въ противоположномъ смыслѣ и содержавшій обращенную къ Пію IX просьбу 140 епископовъ не допускать этого предложенія къ обсужденію.

Эта оппозиція состояла изъ двухъ группъ. Одни были „анти-инфалибилистами“, т.-е. отвергали догматъ непогрѣшимости самъ по себѣ и считали его противорѣчащимъ традиціи и конституціи католической церкви, которая, по ихъ мнѣнію, признаетъ только непогрѣшимость вселенскихъ соборовъ вмѣстѣ съ папой. Другіе (составлявшіе большинство оппозиціи) были „иноппортунистами“, то-есть допускали догматъ по существу, но считали неудобнымъ провозглашать его при данныхъ обстоятельствахъ; они опасались, что это еще усилитъ раздраженіе европейскихъ правительствъ, вызванное опубликованіемъ Силлабуса, и дастъ имъ поводъ предполагать, что папа стремится къ всемірному господству и намѣренъ возстановить средневѣковыя отношенія.

Партизаны непогрѣшимости отвѣчали „анти-инфалибилистамъ“, что ученіе, выставленное св. Августиномъ и св. Ѳомой Аквинскимъ, провозглашенное двумя вселенскими соборами, ліонскимъ (1274) и флорентинскимъ (1439), не говоря уже объ областныхъ соборахъ, не можетъ объявляться противорѣчащимъ традиціи католической церкви. „Иноппортунистамъ“ же они ставили на видъ, что, напротивъ, весьма умѣстно точно опредѣлить власть верховнаго первосвященника надъ церковью въ такую эпоху, когда эта власть со всѣхъ сторонъ подвергается нападкамъ и всячески подрывается правительствами, и что притомъ разъ поставленный вопросъ „необходимо“ разрѣшить въ виду возникшей уже агитаціи.

Пока Пій IX размышлялъ и совѣтовался съ комиссіей иниціативы, борьба мнѣній на соборѣ сдѣлалась достояніемъ гласности. Нѣкоторыя англійскія, итальянскія и французскія газеты (главнымъ образомъ „Univers“, редактировавшійся Луи Вейо) вели энергическую кампанію въ пользу догмата непогрѣшимости. Дёллингеръ продолжалъ критиковать его въ своихъ знаменитыхъ „Размышленіяхъ“, вызвавшихъ въ Германіи массу враждебныхъ отвѣтовъ (Губеръ, Фридрихъ, Зеппъ, Рейнкенсъ и т. д.). Во Франціи монсиньоръ Дюпанлу и о. Гратри напали на мехельнскаго архіепископа Дэшана, убѣжденнаго сторонника догмата непогрѣшимости. Монталамберъ († 13 марта 1870 г.) оплакивалъ торжество „исключительнаго ультрамонтанства“.

Эта полемика, принявшая крайне рѣзкую форму, извращала истинныя намѣренія св. престола и возбуждала антирелигіозныя страсти. Сюда вмѣшалась даже и дипломатія; французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Дарю, вопреки мнѣнію президента совѣта 2 января, Эмиля Оливье, счелъ нужнымъ обмѣняться нотами съ берлинскимъ и вѣнскимъ кабинетами и даже обратиться къ римской куріи съ меморандумомъ, не оказавшимъ, впрочемъ, никакого дѣйствія [1]).

Въ началѣ марта Пій IX, опросивши комиссію иниціативы, разрѣшилъ внести „постулатъ“ о непогрѣшимости въ „схему“

[1]) Объ этомъ инцидентѣ см. Эм. Оливье, *L'Église et l'État au concile du Vatican*, томъ II, стр. 100—242.

De ecclesia Christi. Первая часть этой схемы была уже предложена на обсужденіе собора, и „депутація догмы" получила отъ членовъ конгресса, согласно новому регламенту, 120 *писаныхъ* докладовъ. Новая глава, озаглавленная „О непогрѣшимости римскаго первосвященника въ опредѣленіяхъ, касающихся вѣры и нравственности", была включена во вторую часть схемы между главами XI и XII, посвященными верховной власти папы. Проектъ схемы былъ розданъ членамъ собора 6 марта; послѣдніе подали „депутаціи догмы" 150 записокъ, подписанныхъ каждая 10—20 членами.

Но прежде чѣмъ приступить къ общимъ дебатамъ, соборъ возобновилъ прерванное обсужденіе схемы *De fide*, которая въ концѣ-концовъ принята была единогласно и объявлена во всеобщее свѣдѣніе Піемъ IX въ третьемъ открытомъ засѣданіи (24 апрѣля).

Обсужденіе и опредѣленіе непогрѣшимости (18 іюля); отсрочка засѣданій собора.— Тогда „депутація догмы" предложила приступить къ обсужденію верховной власти и непогрѣшимости римскаго первосвященника. Собственно говоря, это предложеніе должно было бы пойти во вторую очередь послѣ принятія первой части схемы *De ecclesia*, трактовавшей о католической церкви вообще. Но большинство членовъ собора, замѣтивъ сгущеніе политической атмосферы и опасаясь за свободу преній, потребовало этого измѣненія въ порядкѣ дня и торопилось закончить *общее* обсужденіе, которое началось 11 мая и продолжалось до 3 іюня. 64 прелата высказали самыя противорѣчивыя мнѣнія; записано было еще сорокъ ораторовъ, какъ вдругъ около сотни членовъ собора потребовали закрытія дебатовъ, которое и постановлено было подавляющимъ большинствомъ голосовъ.

Спеціальная дискуссія по поводу каждой изъ четырехъ главъ „схемы" продолжалась отъ 6 іюня до 13 іюля. Обѣ первыя главы, гласившія о признаніи верховной власти въ церкви за св. Петромъ и о передачѣ ея по наслѣдству римскимъ епископамъ, приняты были безъ особыхъ преній. Третья глава, касавшаяся размѣровъ этой верховной власти, вызвала 32 рѣчи и 72 поправки; четвертая, касавшаяся непогрѣшимости,—57 рѣчей и 96 поправокъ. Дебаты по этому поводу отличались весьма страстнымъ и бурнымъ характеромъ; 13 іюля, благодаря энергіи, выказанной „депутаціей догмы", явилась возможность приступить къ поименному голосованію относительно схемы въ ея цѣломъ, а 16 іюля она съ нѣкоторыми незначительными поправками была окончательно принята. На слѣдующій день 55 епископовъ меньшинства (нѣмцы, австрійцы и французы) покинули Римъ, письменно заявивши папѣ, что они остаются при своихъ прежнихъ голосованіяхъ; при этомъ они обѣщали повиноваться папѣ, и сдержали свое обѣщаніе.

18 іюля состоялось *четвертое* открытое засѣданіе и послѣднее голосованіе первой „конституціи" *De ecclesia*. Изъ 535 присутствовавшихъ 533 высказались *за* и только двое голосовали *противъ (non placet)*, но вслѣдъ затѣмъ поспѣшили присоединиться къ своимъ товарищамъ. „Тогда всталъ Пій IX и при шумѣ грозы, потрясавшей куполъ св. Петра, торжественно одобрилъ конституцію *Pastor Aeternus*" (Alzog). Третья глава этой „конституціи" признаетъ за папой „полную и верховную рѣшающую власть надъ всей церковью не только въ дѣлахъ, касающихся вѣры и нравственности, но также и въ тѣхъ, которыя относятся къ дисциплинѣ и управленію всемірной церкви". Глава IV гласитъ, что папа, „когда онъ говоритъ *ex cathedra*", „пользуется такою же непогрѣшимостью, какую божественный Искупитель далъ своей церкви въ опредѣленіи ученій, касающихся вѣры или нравственности".

Въ тотъ же день сдѣлалось извѣстно, что Франція объявила Пруссіи войну; это

событіе грозило косвенно отразиться и на Римѣ; кромѣ того, зной становился въ этомъ городѣ невыносимъ, а многіе епископы торопились возвратиться въ свои епархіи, изъ коихъ они отсутствовали въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Около трехсотъ членовъ собора попросили разрѣшенія выѣхать изъ Рима и получили его; поэтому было рѣшено, что серьезныя занятія возобновятся не раньше дня св. Мартина. Тѣмъ временемъ пьемонтцы заняли Римъ (20 сентября); папа сдѣлался „ватиканскимъ плѣнникомъ", а соборъ не могъ продолжаться. 20 октября Пій IX отложилъ его засѣданія до лучшихъ дней (буллой *Postquam Dei munere)*.

IV.—Некатолическіе культы.

Протестантизмъ въ Германіи. — Протестантизмъ дѣлится, какъ извѣстно, на три главныя вѣтви: лютеранскую, кальвинистскую и англиканскую церкви. Въ каждой изъ нихъ въ періодъ 1846—1870 гг. происходила внутренняя борьба, приведшая къ образованію враждебныхъ другъ другу теченій.

Въ 1848 году нѣмецкіе лютеране организовали „Евангелическій Союзъ", который съ этого времени собирается, подобно католическому *Piusverein*'у, на періодическіе съѣзды. Въ 1857 году другая ассоціація, „Евангелическое Общество", основанное въ 1846 году въ Лондонѣ шотландцемъ Чельмерсомъ, устроило свой одиннадцатый конгрессъ въ Берлинѣ подъ покровительствомъ прусскаго короля, Фридриха-Вильгельма IV, который не отказался отъ надежды объединить различныя вѣроисповѣданія своего королевства. На этомъ конгрессѣ прусскій дипломатъ Бунзенъ публично облобызался съ женевскимъ кальвинистомъ Мерлемъ д'Обинье, къ великому смущенію лютеранскихъ ортодоксовъ.

Слѣдующій конгрессъ „Евангелическаго Общества" состоялся въ 1862 году въ Женевѣ; на этомъ конгрессѣ методисты, крайне враждебно относившіеся къ раціонализму, вступили въ открытую борьбу съ нѣмецкими протестантами, большинство которыхъ склонялось къ свободомыслію. Поэтому послѣдніе основали въ 1863 г. въ пику „Евангелическому Обществу" новую ассоціацію *(Protestantenverein)*, для того чтобы „обновить протестантскую церковь духомъ евангельской свободы и поставить ее въ уровень съ развитіемъ цивилизаціи". Фактически эта ассоціація пріобрѣла извѣстность, главнымъ образомъ, благодаря своему отрицательному отношенію къ сверхъестественному характеру христіанства.

Съ своей стороны, ортодоксальные лютеране, съ берлинскимъ профессоромъ Энгштенбергомъ во главѣ, отвергали всѣ эти союзы, которые, по ихъ мнѣнію, отличались болѣе или менѣе двусмысленнымъ и слишкомъ „либеральнымъ" характеромъ; для борьбы съ этими союзами они начали основывать провинціальныя братства, составленныя изъ правовѣрныхъ лютеранъ. Съ теченіемъ времени борьба между обоими направленіями, ортодоксальнымъ и раціоналистическимъ, усилилась, причемъ раціонализмъ начинаетъ угрожать опасностью установленной церкви, которая держится только благодаря содѣйствію государства.

Протестантизмъ въ Швейцаріи, Франціи и Голландіи.—Аналогичный кризизъ происходилъ въ франко-швейцерскомъ кальвинизмѣ. Принципъ свободной религіозной группировки, выдвинутый подъ вліяніемъ Александра Винэ, подорвалъ кредитъ оффиціальной церкви прежде всего въ Швейцаріи. Когда въ 1864 году она захотѣла отпраздновать трехсотлѣтнюю годовщину смерти Кальвина, то противъ деспотизма знаменитаго реформатора раздались протесты, которые имѣли, правда, ретроспективный характеръ, но отличались большой страстностью.

Во Франціи Гаспарэнъ и швейцарецъ

Моно основали въ 1848 году „Союзъ французскихъ евангелическихъ церквей“, который вступилъ въ открытую борьбу съ признанной государствомъ церковью. Тогда протестанты раздѣлились на вѣрующихъ, во главѣ которыхъ остался Гизо († 1874), и на утратившихъ вѣру; послѣдніе вскорѣ составили влiятельную партiю подъ руководствомъ Пеко, Ревиля, Кокреля-сына, Эдмонда Шерера. Они примкнули къ рацiоналистическимъ принципамъ Тюбингенской школы и вытравили изъ христiанства всякiй сверхъестественный элементъ. Третья партiя, руководимая Кокрелемъ-отцомъ и Прессансе († 1891), старалась сохранить нѣкоторые положительные элементы христiанства, отказываясь все-таки принять какой-нибудь опредѣленный символъ вѣры.

Въ Голландiи новая синодальная система сложилась въ 1850 году. Но и здѣсь оффицiальной церкви приходится бороться съ сепаратистическими церквами и съ безостановочнымъ распространенiемъ невѣрiя во всевозможныхъ формахъ.

Протестантизмъ въ Англiи и Америкѣ.— Въ Англiи „пюзеистское“ движенiе продолжалось; докторъ Пюзей оставался у бреши и, хотя онъ до самой смерти (1832 г.) принадлежалъ къ англиканской церкви, которую онъ разсматривалъ какъ нераздѣльную часть католицизма, наряду съ римской церковью, его проповѣдническая дѣятельность и влiянiе, вмѣстѣ съ влiянiемъ новообращенныхъ Ньюмана и Маннинга, въ значительной мѣрѣ содѣйствовала распространенiю католицизма въ высшихъ слояхъ англiйскаго общества.

Съ другой стороны, семь оксфордскихъ ученыхъ издали въ 1866 году *Essays and reviews*“, въ которыхъ они высказывали чисто рацiоналистическiя мысли о природѣ христiанства. Верховный судъ выразилъ имъ „оффицiальное порицанiе“, что не помѣшало новой „эссеистской“ школѣ достигнуть извѣстнаго распространенiя; изъ нея впослѣдствiи вышла партiя „широкой церкви“ (*Broad Church*), не приписывающая догмѣ особеннаго значенiя и рѣзкостью своей критики приводящая въ смущенiе господствующую церковь.

Въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ государственной церкви не существуетъ, огромное большинство протестантскаго населенiя не принадлежитъ, собственно говоря, ни къ какой церкви и безразлично присутствуетъ при богослуженiи различныхъ сектъ. Слѣдуетъ однако отмѣтить значительное влiянiе, котораго добились методисты, главнымъ образомъ, благодаря своей энергической борьбѣ съ рабовладѣнiемъ.

Въ 1865 году англичанинъ В. Бутсъ попытался обновить методизмъ основанiемъ „Армiи спасенiя“ (*Salvation Army*). Эта новая секта, возникшая въ Лондонѣ и организованная на военныхъ началахъ, ставитъ себѣ главною цѣлью привлечь на свою сторону народныя массы. „Завоевательная экспедицiя“, посланная этой Армiей въ Америку, навербовала ей тамъ значительное число приверженцевъ.

Отношенiя между католиками и протестантами.—Разсматривая взаимныя отношенiя католиковъ и протестантовъ въ перiодъ 1846—1870 гг., мы замѣчаемъ, что идеи религiозной терпимости дѣлаютъ значительные успѣхи. Различныя правительства, которыя до тѣхъ поръ держались иной политики, начинаютъ признавать принципъ политическаго *равноправiя* обоихъ вѣроисповѣданiй. Въ католическихъ странахъ новая политика оказалась весьма выгодной для протестантовъ, которые получили возможность создать церковную организацiю; въ протестантскихъ же странахъ она доставила католикамъ религiозную свободу.

Такъ, въ 1856 г. *венгерскiе* протестанты получили отъ императора Франца-Iосифа церковную конституцiю; они отказались ее принять (1859 г.), и законъ 1860 года предоставилъ имъ въ этомъ отношенiи

полную автономію, которой они фактически пользовались и раньше. Напротивъ, *нѣмецко-славянскіе* протестанты Австріи согласились принять данную имъ въ 1866 году организацію.

Въ Италіи пьемонтскіе вальденсы получили въ 1848 году всѣ гражданскія права. Напротивъ, въ Испаніи борьба съ протестантизмомъ, проникшимъ сюда изъ Гибралтара вмѣстѣ съ англійскими проповѣдниками, сначала велась весьма энергично. Но послѣ паденія королевы Изабеллы (1868) въ Мадридѣ построенъ былъ евангелическій храмъ, а нѣмецкимъ проповѣдникамъ при содѣйствіи нѣкоторыхъ испанцевъ удалось основать въ Испаніи около двадцати протестантскихъ общинъ.

Съ другой стороны, Голландія въ 1848 г. предоставила католикамъ религіозную свободу.—Въ Даніи въ 1849 году конституція провозгласила свободу культовъ и политическое равноправіе всѣхъ гражданъ.—Швеція и Норвегія послѣдовали этому примѣру въ 1873 году.—Въ 1869 году по предложенію министерства Гладстона англиканская церковь потеряла въ Ирландіи характеръ государственной церкви, а слѣдовательно свои судебныя права и право взимать десятину.—Въ Швейцаріи положеніе католиковъ ухудшилось послѣ войны Зондербунда, которая доставила преобладаніе радикальнымъ и протестантскимъ элементамъ. Впрочемъ, до 1878 года конфликты между католиками и протестантами случались довольно рѣдко; болѣе широкій и серьезный характеръ они приняли только послѣ Ватиканскаго собора.

Эмансипація евреевъ въ Европѣ.—Либеральное движеніе 1848 года оказалось весьма благопріятнымъ для евреевъ; въ большинствѣ странъ, сохранившихъ или возстановившихъ старинныя ограниченія, евреи добились эмансипаціи.

Въ Германіи эмансипація была обѣщана или осуществлена большинствомъ государствъ въ 1848 году. Замедленная нѣсколько реакціей 50-хъ годовъ, она въ концѣ-концовъ была осуществлена въ полномъ или почти полномъ видѣ въ 29 германскихъ государствахъ, въ томъ числѣ въ Пруссіи (1850 г.), Саксоніи, Вюртембергѣ и Баваріи (1855 г.). Впрочемъ, фактически евреи въ Пруссіи попрежнему лишены были доступа къ государственнымъ должностямъ.

Евреи получили эмансипацію въ вольныхъ городахъ Гамбургѣ (1861 г.) и Франкфуртѣ (1864 г.).

Въ 1869 году новообразованный Сѣверо-Германскій Союзъ отмѣнилъ на своей территоріи всѣ сохранившіяся еще (напримѣръ, въ Мекленбургѣ) гражданскія и политическія ограниченія, а черезъ два года это постановленіе было распространено на всю Германскую Имперію, а именно на Баварію и на другія южно-германскія государства (1871 г.).

Въ Австріи результаты революціи 1848 г. для евреевъ не отличались такимъ прочнымъ характеромъ, какъ въ Германіи. Старинное законодательство было возстановлено въ 1853 году, и евреямъ пришлось дожидаться австрійской конституціи 1867 года, провозгласившей равенство всѣхъ жителей имперіи передъ закономъ. Въ томъ же году венгерскій парламентъ вотировалъ эмансипацію евреевъ, хотя расходы на израильскій культъ не были внесены въ государственную роспись.

Въ Италіи революціонное движеніе 1848 года привело къ уничтоженію послѣднихъ „гетто", но они были возстановлены послѣ побѣды абсолютистской реакціи. Только Сардинія сохранила новый порядокъ, и такимъ образомъ евреи оказались заинтересованными въ успѣхѣ политики Виктора-Эммануила; по мѣрѣ того, какъ Сардинское королевство присоединяло къ своимъ владѣніямъ новыя области, еврейское населеніе этихъ государствъ получало свободу (въ Тосканѣ, Моденѣ, Ломбардіи и Романьѣ въ 1859 г.;

въ Умбріи и Мархіи въ 1860 г.; въ Сициліи и Неаполѣ въ 1861 г.; въ Венеціи въ 1866 г.; въ Папской области въ 1870 г.).

Въ Швеціи евреи были эмансипированы въ 1848 г., въ Даніи—въ 1849 г., а въ Испаніи—въ 1868 г.; въ послѣдней странѣ публичное отправленіе культа не было имъ разрѣшено.

Только Швейцарія, Дунайскія княжества, Россія и Турція остались въ сторонѣ отъ этого движенія, которое меньше чѣмъ въ восемьдесятъ лѣтъ охватило всю остальную Европу.

Матеріалы по исторіи соціальнаго движенія.

(Приложеніе къ русскому переводу).

III. 48-й годъ во Франціи.

Программа Луи Блана.

Организація труда.

(Louis Blanc. Organisation du travail. Paris, 1841, pp. 76—93. Conclusion.)

Слѣдуетъ признать правительство верховнымъ руководителемъ производства и облечь его сильною властью, чтобы оно могло выполнить свою задачу.

Задача эта заключается въ томъ, чтобы, для уничтоженія конкурренціи, воспользоваться какъ средствомъ самою же конкурренціей.

Правительство должно заключить заемъ и на полученныя такимъ путемъ средства создать *общественныя мастерскія* въ наиболѣе важныхъ отрасляхъ національной промышленности.

Такъ какъ на устройство ихъ потребуется затратить значительныя суммы, то первоначальное число мастерскихъ должно быть строго ограниченное; но по самой своей организаціи, какъ это будетъ указано ниже, онѣ будутъ обладать громадною способностью расширенія.

Такъ какъ единственнымъ основателемъ *общественныхъ мастерскихъ* будетъ признаваться правительство, то оно и должно редактировать ихъ уставы. Послѣ обсужденія и утвержденія народнымъ представительствомъ послѣдніе получаютъ форму и силу закона.

Работать въ *общественныхъ мастерскихъ* будутъ призваны соразмѣрно запасу орудій труда, закупленныхъ на первоначально собранный капиталъ, рабочіе, которые представятъ гарантіи своей нравственности.

Такъ какъ неправильное и противообщественное воспитаніе, которое получаетъ современное поколѣніе, не позволяетъ искать побужденія для соревнованія или поощренія въ чемъ-либо иномъ, кромѣ увеличенія жалованья, то соотвѣтственно іерархіи обязанностей должна быть установлена разница въ заработной платѣ. Измѣнить обычаи и воззрѣнія на этотъ счетъ должно совершенно новое воспитаніе. Само собою разумѣется, что заработная плата во всякомъ случаѣ должна широко обезпечивать существованіе рабочаго.

На первый годъ, слѣдующій за учрежденіемъ общественныхъ мастерскихъ, іерархію должностей придется установить правительству. Но послѣ перваго года порядокъ измѣняется. Такъ какъ у рабочихъ за истекшее время окажется достаточно возможности оцѣнить другъ друга и такъ какъ всѣ они, какъ сейчасъ будетъ видно, одинаково заинтересованы въ

успѣхѣ ассоціаціи, то іерархія будетъ основана на выборномъ началѣ.

Ежегодно будетъ составляться отчетъ о чистой прибыли, которая будетъ дѣлиться на три части: первая будетъ распредѣляться поровну между всѣми членами ассоціаціи; вторая будетъ предназначена: во-первыхъ, на содержаніе стариковъ, больныхъ, инвалидовъ, во-вторыхъ, на облегченіе кризисовъ, могущихъ произойти въ другихъ отрасляхъ промышленности, такъ какъ всѣ онѣ должны поддерживать одна другую; наконецъ, третья будетъ употребляться на пріобрѣтеніе орудій труда для тѣхъ, кто пожелалъ бы вступить въ ассоціацію, такъ чтобы послѣдняя могла постоянно расширяться.

Такія ассоціаціи устраиваются для отраслей промышленности, допускающихъ крупное производство, и въ каждую изъ этихъ ассоціацій могутъ быть допущены какъ тѣ лица, которыя работаютъ на мѣстѣ, такъ и тѣ, которыя по своей спеціальности заняты на сторонѣ, такъ что каждая общественная мастерская могла бы составиться изъ различныхъ профессій, группирующихся вокругъ какой-нибудь крупной промышленности, какъ различныя части одного цѣлаго, подчиняющіяся тѣмъ же законамъ и участвующія въ тѣхъ же выгодахъ.

Каждый членъ общественной мастерской будетъ имѣть право располагать своимъ заработкомъ, какъ ему заблагоразсудится; однако же очевидная экономія и неоспоримое превосходство жизни коммуной скоро приведутъ къ тому, что изъ ассоціаціи труда возникнетъ добровольная ассоціація удовлетворенія жизненныхъ потребностей и удовольствій.

Капиталисты будутъ привлечены въ ассоціацію и будутъ получать проценты на вложенный ими капиталъ, причемъ эти проценты будутъ имъ обезпечены бюджетомъ; но въ прибыли они могутъ имѣть часть только въ качествѣ рабочихъ.

Разъ общественная мастерская будетъ устроена на такихъ началахъ, то само собою понятно все, что изъ этого произойдетъ. Въ каждой изъ важнѣйшихъ отраслей промышленности, напримѣръ, машиностроительной, хлопчатобумажной, шелковой, типографской, будетъ учреждено по общественной мастерской, которая составитъ конкурренцію частной промышленности. Будетъ ли борьба очень продолжительна? Нѣтъ, потому что на сторонѣ общественной мастерской окажутся преимущества передъ всѣми частными предпріятіями, — преимущества, обусловливаемыя меньшей стоимостью жизни коммуной и ихъ организацией, при которой всѣ рабочіе безъ исключенія будутъ заинтересованы въ томъ, чтобы работать быстро и хорошо. Будетъ ли эта борьба разрушительна? Нѣтъ, потому что правительство всегда будетъ въ состояніи ослабить ея дѣйствіе, не допуская спустить до слишкомъ низкаго уровня цѣну продуктовъ, выходящихъ изъ его мастерскихъ. Въ настоящее время, когда какой-нибудь исключительно богатый предприниматель вступаетъ въ борьбу съ другими, менѣе состоятельными, эта неравная борьба бываетъ неизбѣжнымъ образомъ опустошительна, такъ какъ частное лицо стремится только къ своей личной выгодѣ; если оно можетъ продавать вдвое дешевле, чѣмъ его конкурренты, оно это сдѣлаетъ, чтобы разорить ихъ и остаться господиномъ на аренѣ борьбы. Но когда на мѣстѣ этого частнаго лица находится сама государственная власть, то вопросъ мѣняетъ свой характеръ.

Развѣ государственная власть, такая, какою мы ее желаемъ видѣть, будетъ имѣть какой-нибудь интересъ въ томъ, чтобы разстроить промышленность, чтобы потрясти существованіе всего общества? Развѣ, по своей природѣ и по своему положенію, она не явится естественной покровительницей даже и для тѣхъ, съ кѣмъ она будетъ вести, въ цѣляхъ преобразованія общества, конкурренцію, въ данномъ

случаѣ святую? Сталю быть, не можетъ быть и сравненія между тою промышленною войною, которую ведетъ въ настоящее время крупный капиталистъ съ мелкимъ, и тою, которую объявитъ, по нашей системѣ, государственная власть частному предпринимателю. Первая неизбѣжнымъ образомъ освящаетъ обманъ, насиліе и всѣ несчастія, которыя таитъ въ себѣ несправедливость; вторая будетъ вестись безъ жестокостей, безъ потрясеній и такимъ образомъ, чтобы только достичь своей цѣли—послѣдовательнаго и мирнаго поглощенія частныхъ предпріятій общественными мастерскими. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы быть, какъ въ настоящее время являются всѣ крупные капиталисты, владыкой и поработителемъ рынка, государство явится его регуляторомъ. Оно воспользуется оружіемъ конкурренціи не для того, чтобы насильственно разрушить частную промышленность,—оно вѣдь болѣе всего заинтересовано въ томъ, чтобы избѣжать этого,—а для того, чтобы нечувствительно перевести ее въ общественную. Дѣйствительно, въ каждой области промышленности, гдѣ будетъ учреждена общественная мастерская, вскорѣ обнаружится притокъ рабочихъ и капиталистовъ въ эту мастерскую, въ виду тѣхъ выгодъ, которыя она обезпечиваетъ своимъ участникамъ. По истеченіи извѣстнаго времени, безъ захвата, безъ несправедливости, безъ непоправимыхъ бѣдствій, проявитъ свое дѣйствіе въ пользу начала ассоціаціи та сила, которая въ настоящее время столь печальнымъ образомъ, путемъ тиранніи, служитъ въ пользу индивидуальнаго эгоизма. Очень богатый промышленникъ можетъ въ настоящее время однимъ сильнымъ ударомъ убить своихъ соперниковъ и монополизовать цѣлую отрасль промышленности. При нашей системѣ государство овладѣетъ промышленностью мало-по-малу, и, вмѣсто монополіи, у насъ въ результатѣ получится уничтоженіе конкурренціи—ассоціація.

Предположимъ, что цѣль достигнута въ одной какой-нибудь отрасли промышленности; предположимъ, напримѣръ, что фабриканты машинъ принуждены поступить на службу государства, т.-е. подчиниться началамъ общаго регламента. Такъ какъ никакая промышленность не сосредоточивается вся въ одномъ мѣстѣ и всегда она имѣетъ различные центры, то нужно будетъ установить между всѣми мастерскими, принадлежащими къ одному и тому же роду промышленности, систему ассоціаціи, какая будетъ существовать въ каждой отдѣльной мастерской, потому что было бы нелѣпо, убивъ конкурренцію между отдѣльными лицами, сохранить ее для корпорацій. Поэтому въ каждой области труда, которую государству удастся подчинить себѣ, будетъ одна центральная мастерская, и отъ нея будутъ зависѣть всѣ остальныя, въ качествѣ побочныхъ мастерскихъ. Подобно тому какъ у Ротшильда есть конторы не только во Франціи, но и въ различныхъ странахъ міра, связанныя съ тою, въ которой сосредоточивается главное управленіе его дѣлами, такъ и каждая отрасль промышленности будетъ имѣть свой главный центръ и свои отдѣленія. И тогда уже не будетъ никакой конкурренціи. У различныхъ центровъ производства, принадлежащихъ къ одной и той же промышленности, будетъ одинъ общій интересъ, и разорительная борьба силъ уступитъ мѣсто ихъ дружной работѣ.

Я не буду останавливаться на простотѣ этого механизма: она очевидна. Дѣйствительно, замѣтьте, что каждая мастерская черезъ годъ уже будетъ стоять на собственныхъ ногахъ и роль государства ограничится только надзоромъ за тѣмъ, чтобы между всѣми центрами одного и того же производства поддерживалась связь и не нарушались начала общаго регламента. Въ настоящее время нѣтъ ни одной общественной службы, которая бы не представляла въ сто разъ бо̀льшей сложности. Пе-

ренеситесь на минуту въ то время, когда каждому предоставлено было брать на себя доставку писемъ, и представьте себѣ тотъ моментъ, когда правительство заявляетъ: „Почтовая служба отнынѣ будетъ въ моихъ, и только въ моихъ рукахъ!" Какая масса возраженій! Какимъ образомъ умудрится правительство доставлять точно, въ назначенный часъ, все то, что 34 милліона людей могутъ каждый день, въ каждую минуту дня, написать 34 милліонамъ людей? И однако же, оставляя въ сторонѣ нѣкоторыя злоупотребленія, которыя менѣе связаны съ природою механизма, чѣмъ съ дурнымъ составомъ нашихъ теперешнихъ властей, всѣмъ извѣстно, съ какою чудесною точностью совершается почтовая служба. Я не говорю о нашемъ административномъ строѣ и о требующемся для него сцѣпленіи всѣхъ вѣдомствъ. Взгляните однако же, какова правильность движеній этой громадной машины! Дѣло въ томъ, что въ дѣйствительности одинъ только способъ дѣленій и подраздѣленій заставляетъ, что называется, идти весь этотъ, повидимому, чрезвычайно сложный механизмъ. Какъ! Привести рабочихъ къ стройно - согласованному сотрудничеству объявляется невозможною вещью въ странѣ, которая какихъ - нибудь 40 лѣтъ назадъ видѣла, какъ одинъ человѣкъ воодушевлялъ своею волей, заставлялъ жить своей жизнью, побуждалъ идти въ ногу съ собою цѣлый милліонъ людей! Правда, дѣло шло въ этомъ случаѣ о разрушеніи. Но развѣ это въ природѣ вещей, развѣ это согласно съ волею Бога, развѣ таково предначертаніе судебъ общества, что согласованное производство невозможно, тогда какъ легко возможно согласованное разрушеніе? Впрочемъ, повторяю, возраженія, основанныя на трудности осуществленія, здѣсь не серьезны. Вѣдь отъ государства съ его неизмѣримыми ресурсами всякаго рода мы требуемъ исполненія того, что дѣлается въ настоящее время на нашихъ глазахъ простыми частными лицами.

Отъ солидарности всѣхъ рабочихъ въ одной и той же мастерской мы сдѣлали заключеніе къ солидарности мастерскихъ въ одной и той же промышленности. Чтобы завершить систему, нужно признать и солидарность различныхъ промышленностей. Въ виду этого мы и отчисляемъ изъ общей суммы прибылей, реализуемыхъ каждою промышленностью, одну часть, обращаемую государствомъ на поддержку каждой отрасли промышленности, которая, въ силу непредвидѣнныхъ и чрезвычайныхъ обстоятельствъ, оказалась бы въ затруднительномъ положеніи. Кромѣ того, при той системѣ, которую мы предлагаемъ, кризисы станутъ явленіемъ, гораздо болѣе рѣдкимъ. Отчего большею частью происходятъ они въ настоящее время? Они возникаютъ изъ поистинѣ ужасной борьбы интересовъ,—борьбы, въ которой не можетъ быть побѣдителей безъ побѣжденныхъ и которая, какъ всякая борьба, запрягаетъ рабовъ въ колесницу тріумфаторовъ. Убивая конкурренцію, мы убьемъ и всѣ тѣ бѣдствія, которыя она порождаетъ. Не будетъ болѣе побѣдъ; не будетъ, стало быть, и пораженій. Кризисы тогда могутъ придти только извнѣ. Только съ такими кризисами и придется тогда бороться. Для этого, конечно, недостаточно будетъ мирныхъ трактатовъ и союзныхъ договоровъ; но сколько бѣдствій будетъ предупреждено, если на мѣсто этой постыдной дипломатіи,—этого состязанія лицемѣрія, лжи и низостей,—стремящейся подѣлить народы между нѣсколькими счастливыми разбойниками, будетъ установлена система союзовъ, основанная на нуждахъ промышленности и на взаимныхъ выгодахъ рабочихъ всѣхъ частей міра! Замѣтимъ однако же, что этотъ новый родъ дипломатіи останется неосуществимымъ, покуда будетъ продолжаться пожирающая насъ промышленная анархія. Доказательствъ тому многое множество въ анкетахъ, производящихся въ послѣднія нѣсколько лѣтъ. Сколько безотраднаго открываютъ онѣ пе-

редъ нами. Не показали ли намъ эти анкеты, что земледѣльцы возстаютъ противъ владѣльцевъ свеклосахарныхъ заводовъ, механики—противъ металлургическихъ заводовъ, приморскіе города—противъ фабрикъ внутри страны, Бордо—противъ Парижа, Югъ—противъ Сѣвера, всѣ производители—противъ всѣхъ потребителей? Что можетъ сдѣлать правительство среди такого чудовищнаго разлада? То, чего одни настоятельно добиваются, другіе съ яростью отвергаютъ: то, что однимъ спасло бы жизнь, другимъ принесло бы смерть. Очевидно, что это отсутствіе солидарности интересовъ дѣлаетъ невозможнымъ со стороны государства всякое предвидѣніе и связываетъ его во всѣхъ его отношеніяхъ съ иностранными державами. Солдаты вовнѣ, жандармы внутри, — другихъ способовъ дѣйствія современное правительство не знаетъ, и вся польза отъ него неизбѣжнымъ образомъ сводится къ тому, что оно препятствуетъ разрушенію съ одной стороны, производя разрушеніе съ другой. Пусть государство рѣшительно станетъ во главѣ промышленности; пусть оно заставитъ всѣ усилія прилагаться въ одномъ направленіи; пусть оно соберетъ вокругъ одной цѣли всѣ интересы, находящіеся въ настоящее время въ борьбѣ: насколько выиграла бы тогда его внѣшняя политика въ ясности, плодотворности, счастливой рѣшительности! Такимъ образомъ, реорганизація труда предупредила бы не только вспыхивающіе въ нашей средѣ кризисы, но также въ значительной мѣрѣ и тѣ, которые приноситъ намъ вѣтеръ, надувающій паруса нашихъ судовъ.

Нужно ли мнѣ продолжать перечисленіе тѣхъ выгодъ, которыя принесла бы эта новая система? Въ промышленномъ мірѣ, въ которомъ мы живемъ, всякое научное открытіе является несчастьемъ, прежде всего потому, что машины выбрасываютъ на мостовую рабочихъ, которые нуждаются въ работѣ, чтобы жить; затѣмъ потому, что онѣ являются смертоноснымъ оружіемъ, предоставленнымъ въ руки промышленника, имѣющаго право и возможность примѣнить ихъ къ производству противъ всѣхъ, кто не имѣетъ этой возможности или права. Кто говоритъ *новая машина*, при системѣ конкурренціи, тотъ говоритъ *монополія*; мы это доказали. И вотъ, при системѣ ассоціаціи и солидарности, не будетъ больше никакихъ патентовъ на изобрѣтенія, не будетъ исключительнаго пользованія изобрѣтеніями. Изобрѣтатель будетъ вознаграждаться государствомъ, и его изобрѣтеніе будетъ сейчасъ же обращаться на пользу общую. Такимъ образомъ, то, что въ настоящее время является средствомъ разрушенія, станетъ орудіемъ всемірнаго прогресса; то, что обрекаетъ рабочаго на голодъ, отчаяніе и толкаетъ его къ возмущенію, будетъ вести только къ облегченію его задачи и увеличенію досуга, который онъ сможетъ посвятить своему развитію,—однимъ словомъ, то, что ведетъ въ настоящее время къ тиранніи, будетъ тогда способствовать тріумфу братства.

При непостижимой путаницѣ вещей и понятій, въ которую мы въ настоящее время погружены, торговля не зависитъ и не можетъ зависѣть отъ производства. Когда для производства все сводится къ тому, чтобы найти потребителя, когда производители наперебой стараются отнять его другъ у друга, развѣ мыслимо обойтись безъ маклеровъ и комиссіонеровъ, безъ купцовъ и перекупщиковъ? Торговля становится такимъ образомъ червемъ, подтачивающимъ производство. Помѣщаясь между производителемъ и потребителемъ, торговля подчиняетъ своему господству и того и другого, одного при посредствѣ другого. Фурье, такъ мужественно нападавшій на современный общественный строй, и послѣ него, ученикъ его, Викторъ Консидеранъ, съ неопровержимою логикой обнажили эту ужасную язву общества, которая называется торговлею. Коммерсантъ долженъ

быть агентомъ производства, допущеннымъ къ участію въ его барышахъ и связаннымъ со всѣми его шансами. Это говоритъ разумъ и этого повелительно требуетъ общая польза. При той системѣ, которую мы предлагаемъ, нѣтъ ничего легче, какъ осуществить это. Такъ какъ въ каждой данной отрасли промышленности прекратится антагонизмъ между различными центрами производства, то каждая такая отрасль промышленности будетъ имѣть повсюду, гдѣ этого требуютъ нужды потребленія, свои магазины и склады, все равно какъ то практикуютъ въ настоящее время крупные торговые дома.

Чѣмъ долженъ быть кредитъ? Средствомъ доставить рабочему орудія труда. Въ настоящее время, какъ мы это показали въ другомъ мѣстѣ [1]), кредитъ—вещь совершенно иная. Банки ссужаютъ только богатаго. Если бы они пожелали открыть кредитъ бѣдняку, то они только разорились бы и лопнули. Слѣдовательно, что бы тамъ ни дѣлали, но разъ банки устраиваются на принципѣ частнаго интереса, они не могутъ быть не чѣмъ другимъ, какъ хитроумно задуманнымъ приспособленіемъ для того, чтобы сдѣлать богатыхъ еще болѣе богатыми и могущественныхъ еще болѣе могущественными. Подъ знаменемъ свободы тутъ всегда скрыта монополія, подъ внѣшностью прогресса тутъ всегда тираннія! Предлагаемая нами организація сразу прекратила бы массу несправедливостей. Доля прибыли, неизмѣнно предназначаемая спеціально на расширеніе общественной мастерской и рекрутированіе новыхъ рабочихъ для нея,—въ этомъ и будетъ состоять кредитъ. Тогда зачѣмъ вамъ нужны будутъ банки? Закройте ихъ.

Слѣдуетъ ли опасаться излишка населенія, когда, обезпеченный доходомъ, каждый рабочій неизбѣжно усвоитъ себѣ идеи порядка и привычки предусмотрительности? Но почему нищета въ настоящее время отличается большею плодовитостью, чѣмъ зажиточные классы?

Останется ли при системѣ, когда каждая область труда сосредоточитъ извѣстное число людей, одушевленныхъ единымъ духомъ, дѣйствующихъ по одному и тому же побужденію, вдохновляемыхъ общими надеждами и имѣющихъ одинъ общій интересъ,—останется ли при такой системѣ, спрашиваю я, мѣсто для фальсификацій продуктовъ, для всѣхъ этихъ подлыхъ уловокъ, ежедневной лжи, темныхъ мошенничествъ, которыя навязываются въ настоящее время каждому торговцу необходимостью во что бы то ни стало отнять у своего сосѣда его кліентовъ и его состояніе? Промышленная реформа въ этомъ отношеніи будетъ, стало быть, дѣйствительно глубокою нравственною революціей и въ одинъ день совершитъ болѣе обращеній на путь истины, чѣмъ это сдѣлали въ теченіе цѣлаго вѣка всѣ поученія проповѣдниковъ и всѣ наставленія моралистовъ.

Сказаннаго относительно преобразованія обрабатывающей промышленности достаточно для того, чтобы дать понять, какія начала мы желали бы положить въ основу земельной реформы. Наслѣдованіе въ боковыхъ линіяхъ—широко признанное зло. Такое наслѣдованіе надо отмѣнить и освободившіеся этимъ путемъ участки обратить въ коммунальную собственность. У каждой коммуны получится такимъ образомъ своя земля, которая должна быть признана неотчуждаемой. Количество этой земли можетъ только увеличиваться, и это произведетъ, безо всякихъ раздоровъ и насильственныхъ захватовъ, громадный переворотъ въ сельскомъ хозяйствѣ; разумѣется, хозяйство на коммунальныхъ земляхъ должно вестись въ крупныхъ размѣрахъ и по за-

[1]) См. статью, озаглавленную: „Question des Banques“, въ „Revue du Progrès“, въ № отъ 1-го декабря 1839 г.

конамъ, согласнымъ съ законами, управляющими промышленностью.

Мы уже видѣли, почему при современномъ строѣ невозможно воспитать дѣтей народа. При нашей системѣ оно станетъ настолько возможнымъ, что его нужно будетъ сдѣлать безплатнымъ и обязательнымъ! Разъ жизнь всякаго работника будетъ обезпечена, разъ у него будетъ достаточный заработокъ, какое право имѣлъ бы онъ отказать своимъ дѣтямъ въ школѣ? Многіе серьезные умы полагаютъ, что въ настоящее время опасно распространить просвѣщеніе въ рядахъ народа, и они правы. Но какимъ образомъ они не замѣчаютъ, что эта *опасность воспитанія* является подавляющимъ доказательствомъ нелѣпости нашего соціальнаго строя? Въ этомъ соціальномъ строѣ все неправильно: трудъ въ немъ не уважается; самыя полезныя занятія презираются; земледѣлецъ является въ немъ въ лучшемъ случаѣ объектомъ состраданія, а какая-нибудь танцовщица награждается въ немъ вѣнками и лаврами. Вотъ почему воспитаніе народа представляетъ опасность! Вотъ почему наши гимназіи и школы выбрасываютъ въ общество только честолюбцевъ, недовольныхъ и смутьяновъ! Но научите народъ читать хорошія книги; научите его понимать, что наиболѣе почетнымъ является то, что наиболѣе полезно для всѣхъ; что въ обществѣ есть только искусство и нѣтъ ремеслъ; что презрѣнія достойно только то, что портитъ душу, что вливаетъ въ нее ядъ гордости, что удаляетъ ее отъ братства и прививаетъ ей чувство эгоизма. Затѣмъ, покажите дѣтямъ, что общество управляется тѣми принципами, въ которыхъ ихъ наставляютъ: развѣ тогда воспитаніе будетъ опаснымъ? Изъ образованія сдѣлали подножіе для всякаго глупаго тщеславія, для всякихъ пустыхъ претензій, и затѣмъ провозглашаютъ анаѳему просвѣщенію! Пишутъ плохія книги, наполненныя дурными примѣрами, и затѣмъ считаютъ себя уже въ правѣ воздвигать гоненіе на чтеніе! Какъ все это жалко и ничтожно!

Резюмируемъ сказанное нами. Должно попытаться совершить соціальную революцію: во-первыхъ, потому, что современный соціальный строй слишкомъ полонъ несправедливости, нищеты, позора, чтобы онъ могъ существовать долгое время; во-вторыхъ, потому, что нѣтъ никого, какого бы онъ ни былъ положенія, класса или состоянія, кто не былъ бы заинтересованъ въ томъ, чтобы былъ установленъ новый общественный порядокъ; въ-третьихъ, наконецъ, потому, что эту столь необходимую революцію возможно и даже легко совершить мирнымъ путемъ.

Въ новомъ мірѣ, куда она насъ приведетъ, можетъ быть останется еще что-нибудь сдѣлать для полнаго осуществленія принципа братства. Но, по крайней мѣрѣ, все будетъ подготовлено для этого осуществленія, явится дѣломъ просвѣщенія. Человѣчество слишкомъ удалено отъ своей цѣли, чтобы намъ было дано достичь этой цѣли въ одинъ день.

Развращающая цивилизація, иго которой мы несемъ до сихъ поръ, нарушила всѣ интересы; она смутила кромѣ того всѣ умы и отравила источники человѣческаго разума. Несправедливость стала правосудіемъ; ложь стала истиной; и люди терзаютъ другъ друга подъ покровомъ мрака.

Много ложныхъ идей нужно разрушить: онѣ исчезнутъ, не будемъ въ этомъ сомнѣваться. Такъ, напримѣръ, придетъ день, когда будетъ признано, что наибольшій долгъ по отношенію къ ближнимъ лежитъ на томъ, кто больше всѣхъ получилъ отъ Бога силы или разума. Тогда геній будетъ измѣрять свои законныя владѣнія не величиною дани, которую онъ собираетъ съ общества, но—что одно достойно его — величіемъ тѣхъ услугъ, которыя онъ оказываетъ обществу. Потому что неравенство способностей должно приводить не къ неравенству правъ, а къ неравенству обязанностей.

Библіографія.

Глава I.

Скандинавскія государства.

Данія.—Allen, *Histoire de Danemark* (франц. пер. Beauvois) Копенгагенъ, 1878, т. II.—S.-B. Thrige, *Danmarks Historie i vort Aarhundrede* (Исторія Даніи въ XIX ст.), Копенгагенъ, 1889—1890, 2 т. in-8; *Annuaire historique de* Lesur; *Annuaire des Deux Mondes; Annuaire Register*.—G.-A. Gosch, *Denmark and Germany since 1815*, Лондонъ, 1862.—*Den dansktydske krig* (Датсконѣмецкая война), изд. датскаго генеральнаго штаба, Копенгагенъ, 1867—77.—*Acktenstücke zur neuesten Schleswig-Holsteinischen Geschichte*, Лейпцигъ, 1861. Множество документовъ, относящихся къ исторіи переговоровъ о герцогствахъ, напечатано у *Мартенса*, *Nouveau recueil général des traités*, т. XI—XVII.

Швеція-Норвегія.—Save, *Sveriges historia fran äldsta tid till vara dagar, VI, 1809—1875* (Исторія Швеціи съ древнѣйшаго времени до нашихъ дней, т. VI, 1809—1875), Стокгольмъ, 1881, in-8.—Hildebrand, *Svenska statsforfattningens historiska utveckling* (Историческое развитіе шведской конституціи), Стокгольмъ, 1896, 1 т. in-8.—Dalman, *En kort aterblick pa svenska riksdagarne* (Краткій обзоръ шведскихъ сеймовъ), Стокгольмъ, 1861.—L. De Geer, *Minnen* (Воспоминанія), Стокгольмъ, 1892, 2 т., in-8.—E. von Qvanten, *Konung Karl XV: s Unionsfölslag* (Проектъ уніи короля Карла XV) въ журналѣ *Ni dagens hrönika*, Стокгольмъ, 1889.—Rydin, *Föreningen emellan Sverige och Norge* (Унія между Швеціей и Норвегіей), Стокгольмъ, 1863.—Dalman, *Nágra ordom Unionsfragan och hennes Behandling* (Нѣсколько словъ касательно вопроса объ уніи и способа его рѣшенія); *Underaanigst betoenkning angaaende revision af foreningsakten mellem Norge och Sverige*... (Докладъ по пересмотру акта уніи... представленный комитетомъ, образованнымъ согласно королевскому указу отъ 6 февраля 1865 года), Христіанія, 1867.

Глава II.

Установленіе австро-венгерскаго дуализма.

При помощи историческихъ трудовъ Krones'а и Leger'а можно будетъ пополнить нижеслѣдующую краткую библіографію:

Оффиціальные документы.—Стенографическіе отчеты о разныхъ собраніяхъ: Усиленнаго рейхсрата, рейхсрата 1861—65 и 1867—71; сеймовъ Богеміи и Галиціи; на мадьяр. нарѣчіи, Венгерскій парламентъ 1861 и съ 1865.—Прибавленіе къ Staatsarchiv'у Эгиди и Клаухольда, 1862.

Газеты и журналы. — Вѣнскіе: Wiener Zeitung (оффиціальн.), Presse (оффиціозн.); Neue Freie Presse (нѣмецкій либеральный органъ), Vaterland (клерикально-феодальн.); пражскіе: Narodni Listy и Pokrok; пештскій Pester Lloyd; лейпцигская Unsere Zeit.

Мемуары и переписка.—Бейстъ. „Мемуары". Гаснеръ, „Denkwürdigkeiten", 1892.—Арнетъ, „Aus meinem Leben", 1891.—Б. ф. Мейеръ. Memoires; Dreissig Jahre aus dem Leben eines Journalisten, 1895.—Рѣчь Деака, изданная Коньи (на мадьяр. яз.); переписка между А. Грюномъ и Л. Франклемъ, изданная Б. ф. Франкль-Гохвартомъ; свиданіе между Деакомъ и Бейстомъ, разсказанное Csengery въ „Ungarische Revue", 1887; статьи Е. Коньи и Околишани объ Андраши, въ „Deutsche Revue" (апрѣль и май 1890).

Политико-полемическія сочиненія.—„Къ разрѣшенію венгерскаго вопроса", 1860.—Л. Перталеръ „Palingenesis" и „Neun Briefe über

Verfassungsreform in Oesterreich", 1860.—А. Кечкемети, „Ein Jahr aus der Geschichte Ungarns", 1862.—„Drei Jahre Verfassungsstreit", написанное подъ диктовку Сечени, 1864.—Палацкій „L'idée de l'Etat autrichien" (на нѣмецк. и чешск. яз.), 1865.—Лусткандль, „Ungarisch-österreichisches Staatsrecht", 1863; „Abhandlungen aus dem österreichischen Staatsrecht", 1866.—Деакъ, „Ein Beitrag zum ung. Staatsrecht", 1865.—Фишгофъ, „Oesterreich und die Bürgschaften seines Bestandes", 1869.

Позднѣйшіе труды. — Труды Лючина ф. Эбенгрейта, Бэра, Рогге (т. II и III), Андраши, упоминаемые въ гл. IV—Ульбрихъ, „Die rechtliche Natur der öst-ung. Monarchie", 1879; „Oest. Staatsrecht. 1883.—Теснеръ, „Der österreichische Kaisertitel" въ „Zeitschrift für das Privat und öffentl. Recht der Gegenwart, 1898.—Бексикъ, „Der Dualismus" въ „Zeitschrift für ung. öff. u. Privat Recht", 1895.—Фридъюнгъ, „Der Kampf um die Vorherrschaft in Deutschland", 1897.—Бидерманнъ, „La loi hongroise des nationalités" въ „Revue de droit international", 1869 и 1870.—Ф. Кронесъ, „Moritz von Kaiserfeld, 1888.—Б. Ауэрбахъ, „Les races et les nationalités en Autriche-Hongrie", 1898.

Глава III.

Мусульманскіе народы.

Книги и журналы, напечатанные на турецкомъ и арабскомъ языкахъ, въ этомъ перечнѣ не указываются.

Исламъ, его ученіе, исторія и секты: **Edward Sell**, *The faith of Islam*, 2 изд., Лондонъ, 1876.—**Bosworth Smith**, *Mohammed and Mohammedanism*, 2 изд., Лондонъ, 1876.—**Garcin de Tassy**, *Doctrines et devoirs de la religion musulmane, tirés du Coran*, и въ приложеніи *Eucologe musulman*, in-8, Парижъ, 1840;—*Science des religions. L'islamisme d'après le Coran, l'enseignement doctrinal et la pratique*, in-8, Парижъ, 1874.—**Sylvestre de Sacy**, *La religion des Druses*.—**Barbier de Meynard**, *Journal asiatique*, VII-e série, t. XIV, (1874) (о мусульманскихъ ересяхъ).—**Goldziher**, *Revue des religions*, t. XXVI, № 2, 1892 (тоже).—**Catafago**, *Journal asiat*, IV-e série, t. II (о сектѣ ансаріэ).—**L'Albania** (*Revue albanaise*), Брюссель, 1898 (объ ученіи бекташитовъ).

Турція.—**Engelhardt**, *La Turquie et le Tanzimat*, Парижъ, 1882—1883.—**Vital Cuinet**, *La Turquie d'Asie; Géographie administrative*, Парижъ, 1891—1894.—**Ubicini** et **Pavet de Courteille**, *Etat présent de l'empire ottoman*, Парижъ, 1876.—**Belin**, *Essais sur l'histoire économique de la Turquie*, in-8, Парижъ, 1865; *Etude sur la propriété foncière en pays musulman et particulièrement en Turquie*, in-8, Парижъ, 1862.—*Extrait d'un mémoire sur l'origine et la constitution des biens de mainmorte en pays musulman*, in-8, Парижъ, 1854;—*De l'Instruction publique et du mouvement intellectuel en Orient*, in-8, Парижъ, 1866;—*Bibliographie ottomane*, in-8, Парижъ, 1868 и 1869 (начата въ *Journal asiatique* Hammer'омъ, и **Bianchi**, продолжается въ томъ же журналѣ **Clément Huart'омъ**).—**De Salves**, *Revue des Deux Mondes*, 15 окт. 1874 (о французскомъ лицеѣ въ Константинополѣ).—**Ali Suavi**, *A propos de l'Herzégovine*, in-8, Парижъ, 1875 (типъ ультра-патріота „Молодой Турціи").

Египетъ.—**Iacoub Artin Pacha**, *L'Instruction publique en Egypte*, Парижъ, 1889.

Бабизмъ и Персія.—**Mirza Kazem Beg**, *Bab et le Babisme* въ *Journal asiat.*, VI-e série, t. VII et VIII, въ сокращеніи у **Clément Huart**, *La Religion de Bab*, Парижъ, 1889.—**Nicolas**, *L'Instruction publique en Perse (Journal asiat.*, V-e série, t. IX).

Индія.—**Garcin de Tassy**, *La langue et la littérature hindoustanies de 1850 à 1869*, in-8, Парижъ, 1874 (выходитъ съ 1870 г., ежегодными брошюрами)..

Албанія.—*Albania*, годъ 1898 (Брюссель).—Полковникъ **Becker**, *L'Albanie et les Albanais*, in-8, Парижъ, 1880.—**Wassa Pacha**, *Albanien und die Albanesen*, Берлинъ, 1879.

Глава IV.

Алжиръ и французскія колоніи.

Алжиръ.—Общія сочиненія.—**Camille Rousset**, *La conquête de l'Algérie* (1841—1857), 1889, 2 т.—**Fillias**, *Histoire de la conquête de l'Algérie* (1830—1860), Парижъ. 1860.—**Fillias**, *L'Algérie ancienne et moderne*, Парижъ, 1875.—**Cat**, *Histoire de l'Algérie*, т. II, Алжиръ, 1891.—**Wahl**, *L'Algérie*, 3-е изд., Парижъ, 1897.

Военная исторія. — Мемуары: **Randon**,—**Martimprey**, 1886;—**Du Barail**, 1895;—**Castellane**, 1898; — **Canrobert**, 1898; — письма: **Saint-Arnaud**, 1855;—**Bosquet**.—**Ch. Bocher**, *Le siège de Zaatcha*, въ *Revue des Deux Mondes*, апрѣль 1851.—Генералъ **Herbillon**, *Relation du siège de Zaatcha*, Парижъ, 1863. — **Marbaud**, *Le maréchal Pélisser, assaut de Langhouat*, 1863.—**Fromentin**, *Un été dans le Sahara*.—**Hanoteau** et **Letourneux**, *La Kabylie et coutumes kabyles*, Парижъ, 1872—1873.—**Bertherand**, *Campagne de Kabylie en 1852, 1854, 1856 et 1857*.—**Clerc**, *Campagne de Kabylie en 1857*. — **Carrey**, *Récits de Kabylie, Campagne de 1857*, Парижъ, 1858.—Полковникъ **Trumelet**, *Histoire de l'Insurrection des Ouled-Sidi-ech-Chikh, de 1864 à 1868*, Алжиръ.—**Féraud**, *Histoire des villes*

et des tribus de la province de Constantine, Парижъ, 3 т., 1864—70.—**Féraud**, *Le Sahara de Constantine, Notes et souvenirs*, Алжиръ, 1887.—Генералъ **Wimpfen**, *L'Expédition de l'Oued-Guir*, *Bulletin de la Société de géographie*, 1872.—**Fillias**, *L'Expédition de l'Oued-Guir*, Алжиръ, 1880.

Организація. Колонизація.—**Baudicour**, *Histoire de la colonisation de l'Algérie.—Coup d'oeil sur l'histoire de la colonisation en Algérie* (изданіе генералъ-губернатора), Алжиръ, 1878.—*Rapport présenté au Sénat*, par **Eugéne Labiche**, въ 1897 г.—**Jules Duval**, *L'Algérie*, Парижъ, 1859.—**Warnier**, *L'Algérie devant le Sénat*, 1863.—**Warnier**, *L'Algérie devant l'opinion publique*, 1864.—**Warnier**, *L'Algérie devant l'Empereur*, 1865.—**Jules Duval** et **Warnier**, *Un programme de politique algérienne*, 1869.—*Enquête agricole sur l'Algérie.—Rapport de la commission instituée par décision impériale du 5 mai 1869 pour élaborer les questions qui se rattachent à la constitution et à l'organisation administrative et politique de l'Algérie*, Парижъ, 1870.—**Estoublon** et **Lefebvre**, *Code de l'Algérie annoté*, Алжиръ, 1896.

Колоніи.—Общія сочиненія: **A. Rambaud**, *La France coloniale*, Парижъ, 1895.—**Mager**, *Atlas colonial*.—**Paul Gaffarel**, *Les colonies françaises*.—**De Lanessan**, *L'expansion coloniale de la France*, 1886.—**Jules Duval**, *Les colonies et la politique coloniale de la France*, Парижъ, 1864.—*Notices sur les colonies françaises publiées par ordre du marquis de Chasseloup-Laubat, ministre de la marine*, Парижъ, 1866.—*Tableau décennal du commerce de la France et de ses colonies* (1859—69), Парижъ 1870.—**Edouard Petit**, *Organisation des colonies françaises et des pays de protectorat*, Парижъ, 1894—1895.—**Wahl**, *La France aux colonies*, Парижъ, 1896.

Сенегалъ.—*Annales sénégalaises de 1854 à 1885*, Парижъ, 1885.—**Faidherbe**, *Le Sénégal, la France dans l'Afrique occidentale*, Парижъ, 1889.—*Explorations au Sénégal*, Парижъ, 1886.—**Mage**, *Voyage dans le Soudan occidental*, Парижъ, 1868.—*Annuaire du Sénégal et dépendances*, Сенъ-Луи, 1857—1870.

Индо-Китай.—**Bouinais** et **Paulus**, *L'Indo-Chine française contemporaine*, Парижъ, 1885.—**Jouvet**, *La Cochinchine religieuse*, Парижъ 1885—88.—**Pallu de la Barrière**, *Histoire de l'expédition de Cochinchine en 1861*, Парижъ, 1888.—**Vial**, *Les premières années de la Cochinchine*, Парижъ, 1874.—**G. Francis**, (Francis Garnier), *La Cochinchine française en 1864*, Парижъ, 1864.—**Juro**, *Le pays d'Annam*, Парижъ, 1878.—**Doudart de Jagrée**, *Explorations et missions*, Парижъ, 1883.—**Francis Garnier**, *Voyage d'exploration en Indo-Chine*, Парижъ, 1873.—**De Bizemont**, *L'Indo-Chine française*, Парижъ, 1884.

Мадагаскаръ.—**D'Escamps**, *Histoire et géographie de Madagascar*, Парижъ, 1884.—**Sibree**, *The great african Island*, 1885.—**Ch. Buet**, *Madagascar*, 1883.—**Ellis**, *Three visits to Madagascar*, 1858.—**Ida Pfeiffer**, *Voyage à Madagascar*, перев. De Suckau, Парижъ, 1881.—**Vinson**, *Voyage à Madagascar*, Парижъ, 1865.—**Régnon**, *Madagascar et le roi Radama II*, Парижъ, 1863.

Глава V.

Колоніи и подданства Соединеннаго королевства.

Документы.—Въ этотъ періодъ оффиціальная статистика начинаетъ вестись правильно, и главные ея результаты публикуются ежегодно въ *Statistical Abstract for the several colonial and other possessions of the U. K.* и въ *Statistical Abstract relating to British India*. См. многочисленные ежегодники, изъ которыхъ наиболѣе удобный *Statesman's Year-Book*, Лондонъ, in-8, съ 1867 г., а наиболѣе полный—*Colonial office List*, Лондонъ, in-8.

Общія сочиненія.—**Lord Grey**, *History of the colonial policy of Great Britain, during Lord John Russell's ministery*, Лондонъ, 1852, 2 т., in-8.—**A. Mills**, *Colonial constitutions*, Лондонъ, 1856, in-8.—**E. Creasy**, *Imperial and Colonial Constitution of the br. Empire*, Лондонъ, 1872, in-8.

Канада.—**Turcotte**, *Le Canada sous l'Union, 1841—67*, Квебекъ, 2-е изд., 1882, 4 ч., in-8—самое полное общее сочиненіе.—**J.-E.-C. Munro**, *The Constitution of Canada*, Кембриджъ, 1889, in-8.—**E.-W. Watkin**, *Canada and the States. Recollections, 1851—66*, Лондонъ, 1867, in-8.

Австралазія.—**Sir H. Parkes**, *50 years in the making of Australian history*, Лондонъ, 1892, 2 т., in-8.—**Ch. E. Lyne**, *Life of Sir H. Parkes*, Лондонъ, 1897, in-8.—**Lady Barker**, *Station life in New Zealand*, 1868; франц. пер.: Une femme du monde à la Nouvelle Zélande, Парижъ, 1882, in-8.—**Индія.**—**W.-W. Hunter**, *The marquis of Dalhousie*, Оксфордъ, 1890, in-16 (стоитъ выше біографіи **Trotter**'a, 1889).—**Kaye** и **Malleson**, *History of Indian mutiny*, 1890, 6 т., in-8, наиболѣе полная работа.—**Montgomery Martin**, *The progress and present state of british India*, Лондонъ, 1862, in-8, резюмэ оффиціальныхъ донесеній.—**E. de Valbezen**, *Les Anglais et l'Inde*, Парижъ, 1857, in-8; *Les Anglais et l'Inde, nouvelles études*, Парижъ, 1875, 2 т., in-8 (здѣсь изложена и исторія возстанія).

Для **Капской колоніи** см. библіографію соотвѣтствующей главы въ т. VII настоящаго соч.

Глава VI.

Соединенные Штаты.

Документы. — *The Congressional Globe* за періодъ 1837 — 1872 (пренія въ Конгрессѣ), 108 т.—**Th. Benton**, *Abridgment of the Debates of Congress from 1789 to 1856*, Нью-Іоркъ, 16 т., 1856.

Періодъ 1848—1860.—**J. Schouler**, *History of the United States*, vol. V (1847—1861), Нью-Іоркъ, 1891.—**H. von Holst**, *Verfassungsgeshichte der Vereinigten Staaten*, т. V, Берлинъ, 1895, америк. перев.—Чикаго, 1886.—**H. Wilson**, *Rise and Fall of the Slave Power in Amerika*, 3 т., Бостонъ, 1877.—**J. R. Giddings**, *History of the Rebellion*, Нью-Іоркъ, 1864.—**H. Greeley**, *The American Conflict*, 2 т., Гертфордъ, 1867.—*The Works of* **Charles Summer**, 12 т., Бостонъ, 1875.

Біографіи.—*Daniel Webster*—**G.-T. Curtis'a**, Нью-Іоркъ, 1879; *Wm. Lloyd Garrison*—**Ol. Johnson'a**; *R.-B. Taney*, Chief-Justice,—**Sam. Tyler'a**, Балтимора, 1872; *S.-P. Chase*—**Warden'a**, *B. Wade*—**A.-G. Riddle'я**, Клевелендъ, 1886; *Wendell Phillips*—**G.-L. Austin**, Бостонъ, 1887; *Alex. H. Stephens*—**Johnstone** and **Browne**; *id.*—**Cleveland'a**; *Gerrit Smith*—**Frothingham'a**, 1878.—Въ серіи *American Statesmen*, изд. J. Morse jr., Бостонъ,—біографіи: *D. Webster*—**H.-C. Lodge**; *Th. Benton*—**Theod. Roosevelt'a**, 1887; *Henry Klay*—**Carl Schurz'a**, 2 т., 1887.—**Lyon G. Tyler**, *Letters and Tymes of the Tylers*, 2 т., Ричмондъ, 1885.—*Autobiography of W.-H. Seward*, изд. **F.-W. Seward**.—*The Life of Wm. Lloyd Garrison*, разсказанная его дѣтьми, 4 т., изд. The Century Company, Нью-Іоркъ, 1889.

Гражданская война.—**Wm. Swinton**, *Compaigns of the Army of the Potomac*, Нью-Іоркъ, 1882.—**R.-U. Johnson** и **Cl. Buel**, *Battles and Leaders of the Civil War*, The Century Company, 1887; Лондонъ, 4 т., in-4, 1889.—**Le Comte de Paris**, *La guerre civile en Amérique*, съ атласомъ, Парижъ, 1874 — 1883.—**Edw.-Mc. Pherson**, *Political History of the U. S. during the Great Rebellion*, Вашингтонъ, 1865.

J.-C. Frémont, *Memoirs of my Life*, 1887.—**Gen. C.-W. Doubleday**, *Reminiscences of the Filibuster war (1855—60)*, Нью-Іоркъ, 1887.—**G.-B. Mc Clellan**, *Mc Clellan's own Story*, Нью-Іоркъ, 1887.—**Gen. Rich. Taylor**, *War Reminiscences*, 1878.—**William T. Sherman**, *Memoirs*, 1874.—**J.-B. Hood**, генералъ союзной арміи, *Memoirs*, Нью-Орлеанъ, 1887.—**Jefferson Davis**, *The Rise and Fall of the Confederate Government*, 2 т., Нью-Іоркъ, 1881.—*Personal Memoirs of* **U. S. Grant**, 2 т., 1886.—*Personal Memoirs of* **P.-H. Sheridan**, ген. союзной арміи, 2 т., 1888.

Ad. Badeau, *Military History of Ulysses S. Grant, from April 1861 to April 1865*, 3 т., 1881.—**A.-W. Alexander**, *Grant as a Soldier*, 1887.—Ген. **A.-L. Long**, *Robert E. Lee, his Military and Personal History*, 1896.—Ген. **Walter H. Taylor**, *Four Gears with general Lee*, 1887.—Rev. **J.-W. Jones**, *Personal Reminiscences of general Lee*.—Статья лорда **Wolseley** о генералѣ Ли въ Macmillan за мартъ 1887 г.—Біографіи Ли и Стонуоля Джексона—**Esten Cooke'a**.

Isaac N. Arnold, *The Life of Abraham Lincoln*, Чикаго, 1885.—**Allen Thorndike Rice**, *Reminiscences of Ab. Lincoln*, 1886.—**John G. Nicolay** (секретарь Линкольна) и **John Hay**, *Biography of Ab. Lincoln*, напеч. сначала въ Century Magazine, 1887.—Біографіи генерала Бёрнсайда.—**B. Perley Poore'a**, Провидансъ, 1882, и генерала Г. Томаса—**Van Horne'a** 1882.

Серія *Compaigns of the Civil War*, изд. Ch. Scribner's Sons, Нью-Іоркъ, 1882: 1. **J.-G. Nicolay**, *The Outbreak of Rebellion*.—2. Ген. **M. F. Force**, *From Fort Henry to Corinth*.—3. **Al. S. Webb**, *The Peninsula*.—4. **J.-C. Ropes**, *The Army under Pope*.—5. Ген. **Fr. Winthrop Palfrey**, *The Antietam and Fredericksburg*.—6. Ген. **Abner Doubleday**, *Chancellorsville and Gettysburg*.—7. Ген. **Henry M. Cist**, *The Army of the Cumberland*.—Инж.-лейт. **F.-W. Greene**, *The Mississipi*.—9. Ген. **J.-D. Cox**, *Atlanta*.—10. Его же, *The March to the Sea, Franklin and Nashville*.—11. **G. E. Pond**, *The Shenandoah Valley in 1864*.—12. **A. A. Humphreys**, нач. штаба потомакской арміи, *The Virginia Compaign of 1864 and 1865*.—Дополнительный томъ **Fred. Phisterer**, *Statistical Record of the Armies of the U. S.*, 1882.

Морская серія изд. Ch. Scribner's Sons, 1883:—1. **J.-R. Soley**, *The Blockade and the Cruisers*.—2. Адм. **D. Ammen**, *The Atlantic Coats*.—3. Кап. **A.-T. Mahan**, *The Gulf and Inland Waters*.—Біографія адм. *Farragut*, сост. его сыномъ **Loyall Farragut**, Нью-Іоркъ, 1879.—**J.-T. Scharf**, *The Confederate States Navy*, 1887.—**J. Bigelow**, *France and the Confederate States Navy*, 1888.

The Compaign of Fredericksburg, by a line officer (англ. офицеръ), Лондонъ, 1887.—**Dodge**, *Compaign of Chancellorsville*, 1881.—**J.-D. Cox**, *The second Battle of Bull Run*.—**I. Parton**, *Gen. Buttler in New Orleans*, Бостонъ, 1871.—**M. ngold**, нѣм. офицеръ, *Feldzug im Nord-Virginien (1862)*.—**Sam. R. Reed**, *The Vicksburg Compaign*, Цинциннати, 1882.—**Hoke**, *The Great Invasion of 1863*.—**Alfred Roman**, адъютантъ, *The military operations of Gen. Beauregard*, 2 т., Нью-Іоркъ, 1884.—**C.-W. Williams**, *A History of the Negro Troops in the War of the Rebellion*, Нью-Іоркъ, 1887.—**Fr. Wilkeson**, *Recollections of a Privat*

Soldier, Нью-Іоркъ, 1886.—**Edw.-M. Pherson**, *Political History of the U. S. during the Period of Reconstruction*.—**J.-G. Blaine**, *Twenty years of Congress*, 1884.

Глава VII.

Латинская Америка.

Бразилія.—Оффиціальные документы.—*Actas de sessoes da camara dos Senadores do Imp. do Brazil*, Pio-де—Ж., I, 1826—1827; II, 1828—1831, 34—48, 1850—1865, 44 т. in-4.—*Annaes do Parlamente Brasileiro*, 1858—80, 5 т., in-4.—*Actas dos sessoês da Cam. dos Deputados do Imp. do Brazil*, 1828—1869, 54 т., in-4.—*Annaês da Camara dos deputados*, 1867—1880, 62 т., in.-fol.

Mossé B., *Dom Pedro II, empereur du Brésil*, 1889, Парижъ.—**Pereira da Silva**, *Le Brésil sous Pedro II* (*Revue des Deux Mondes*, 1858).—**Fialho**, *Dom Pedro II, empereur du Brésil*, 1876, Брюссель.

Республики, лежащія въ Андахъ.—**Cl. Say**, *Historia fisica y politica de Chili*, 23 т., 1844—1854.—**J.-V. Lastavisa et Tocornal**, *Histoire générale de la République de Chili*, 5 т., 1866.—**D. Barros**, *Arana, Hist. générale de Chili*, 8 т., 1884, Сантьяго.—**C.-R. Markham**, *A history of Peru*, 1892.—**B. Vicuña Mackenna**, *Hist. de la guerra de Chile con España*, 1863.—**E. Mossbach**, *Bolivia*, 1875—76.—**Mendez**, *Bolivia*, 1875.

Государства, расположенныя по Ла-Платѣ.—**Aug. Meulemans**, *La République du Paraguay*, 1882.—**A.-M. de Gratry**, *La Confédération argentine*, 1858; *La République du Paraguay*, 1862.—**Is. de Maria**, *Compendio de la historia de la republica del Uruguay*, 1875.—**F. Durand**, *Précis de l'histoire politique et militaire des Etats de la république de la Plata*.—**R. Pencet**, *Le Paraguay moderne*, 1867.—**A. Lamas**, *Bibliotheca del Rio de la Plata*, 1873.—**Stancy**, *La terreur sous Rosas*, 1883.—**Dominguez**, *Historia argentina*, 4 изд., 1870.—**Mackenna** и **N.-I. Colson**, *Hist. de la guerra de Chile con España*, 1883.—**Daireaux**, *Buenos-Aires, Pampa, Patagonie*, 1878; *La vie et les moeurs à la Plata*, 2 т., 1888.—**D.-F. Sarmiento**, *Civilisation et Barbarie*, 1853.—**L. Schneider**, *Der Krieg der Triple-Alliance gegen die Regierung der Republ. Paraguay*, 3 т., 1872—1875.—**J. Lelong**, *Le Paraguay. La dynastie de Lopez*, 1868; *L'alliance du Brésil et des républiques de la Plata contre le Paraguay*, 1866.—**Th. Fix**, *La guerre du Paraguay*, 1870.—**J. Arosemana**, *Constituciones politicas de la America meridionale*, 1870.

Колумбія.—**J.-M. Spence**, *The Land of Bolivar*, 2 т., 1878.—**Lor. Montufar**, *Resena historica de centro America*, t. I, 1878.—**Bancroft**, *History of central America*, 1888, t. VIII.—**Pereira**, *Les Etats-Unis de Colombie*, 1883.—**J.-M. de Rojas**, *Bosquejo historico de Venezuela*, 1888.—**Th. C. de Mosquera**, *Los partidos en Colombia*, 1874.—**P. Marcoy**, *Voyage à travers l'Amérique du Sud*, 2 т., 1869.—**Raimondi**, *El Peru*, 1874, 3 т.

Мексика.—**G. Bibesco**, *Au Mexique*, 1862—1887.—**Gaulot P.**, *L'empire de Maximilien*, 1890.—**Alvensleben**, *With Maximil. in Mexico*, 1867.—**E. Domenech**, *Histoire du Mexique*, 3 т., 1868.—**G. Niox**, *L'expédition du Mexique*, 1874.—**E. Lefebvre**, *Documents officiels de la secrétairerie privée de Maximilien ou Histoire de l'intervention française au Mexique*, 2 т., 1869.—**L. de Monluc**, *Correspondance de Juarez et de Montluc, ancien consul général*, 1886.—**Fr. de Arrangoiz**, *Mejico desde 1800 hasta 1867*, 4 т., 1872.—**Nic. de Zamacois**, *Historia de Mejico*, 18 т., 1877—1878.—**Ch. d'Héricault**, *Maximilien et le Mexique*, 1872.—**Chevalier**, *Le Mexique ancien et moderne*, 1863.

Глава VIII.

Дальній Востокъ.

Библіографію къ этой главѣ см. ниже, т. VIII, въ приложеніи къ главѣ *Дальній Востокъ*.

Глава IX.

Война 1870—1871.

Изъ нѣмецкихъ изданій о войнѣ 1870—1871 г. лучшимъ и наименѣе устарѣвшимъ является, не оспоримо, реляція **прусскаго генеральнаго штаба**.

Изъ французскихъ всего полезнѣе книги французскихъ генераловъ: **d'Aurelle**, **Chanzy**, **Ducrot**, **Martin des Pallières** и др.. парламентская анкета, корреспонденція **Гамбетты**, *La guerre en province* **Freycinet**, работа **Albert Sorel**'я о дипломатическихъ событіяхъ, многотомныя сочиненія **Duquet**, **Lehautcourt**, **Rousset** и пр. Впрочемъ, всѣ безчисленныя книги и статьи о франко-прусской войнѣ указаны въ прекрасной и незамѣнимой книгѣ майора **Palat**, *Bibliographie générale de la guerre de 1870—71* (1896).

Глава X.

Французская литература.

Французскіе писатели 1848—1870 гг.—Справочныя сочиненія.

Леконтъ де Лиль: **Brunetière**, *Evolution de la poésie lyrique en France*, лекц. XIII; **P. Bourget**, *Essais de psychologie contemporaine*.—

Бодлеръ: **Brunetière**, *Revue des Deux Mondes*, 1 сент. 1892; **Paul Bourget**, *Essais de psychologie contemporaine*.

Ожье: **H. Parigot**, *Emile Augier*, 1862; *Le Théâtre d'hier* (1893).

Александръ Дюма-сынъ: **H. Parigot**, *Le Théâtre d'hier;* Génie et métier (1894).

Викторіенъ Сарду: **H. Parigot**, *Le Théâtre d'hier.*

Лабишъ: **H. Parigot**, *Le Théâtre d'hier.*

Флоберъ: **Maxime du Camp**, *Souvenirs littéraires;* **Paul Bourget**, *Essais de psychologie contemporaine.*

Эдмондъ Абу: **H. Parigot**, *Le Théâtre d'hier;* **Sarcey**, *Comment je suis devenu conférencier.*

Фелье: **H. Parigot**, *Le Théâtre d'hier*; **Brunetière**, *Revue des deux Mondes,* 1 февр. 1891.

Г. Тэнъ: **Brunetière**, *Évolution de la critique*, лекція IX-я; **G. Monod**, *Renan*, *Taine*, *Michelet*, 1894; **De Margerie**, *H. Taine*, 1894; **Faguet**, *Revue Bleue*, 11 марта 1893.

Ренанъ: **J. Darmesteter**, *Ernest Renan*, *Revue Bleue*, 14 и 21 окт. 1893; **Ledrain**, *Renan, sa vie, son oeuvre,* 1892; **Salomon Reinach**, *Renan*, *Revue archéologique*, 1893; **L'abbé d'Hulst**, *Renan*, 1894; **Faguet**, *Revue Bleue,* 8 окт. 1892; **Gabriel Séailles**, *Renan, essai de biographie psychologique*, 1894.

Фюстель де Куланжъ: **Gulraud**, *Revue des deux Mondes,* 1 марта 1896.

Сэнтъ-Бёвъ: **Brunetière**, *Évolution de la critique*, лекція VIII-я; *Évolution de la poésie lyrique en France,* лекція VI-я; **Levallois**, *Sainte-Beuve,* 1872; **Nicolardot**, *Confession de Sainte-Beuve.*

Прево-Парадоль: **Gréard**, Lettres de Prevost-Paradol précédées d'une étude biographique et littéraire, 1894.

Глава XI.

Искусство въ Европѣ.

См. т. IV, стр. 311 и слѣд.; кромѣ того: **Théophile Gautier**, *Les beaux-arts en Europe en 1855*, 2 т., in-16, 1856; **W. Burger**, *Les Salons de J. Thoré*, 3 т., 1870.—**Th. Sylvestre**, *Les artistes vivants*, 1875.—**P. J. Proudhon**, *Du principe de l'art et de sa destination sociale* (новое изд.)., 1875, in-16.—**Castagnary**, *Salons*, 1857—1870, 2 т., 1892.—**Charles Blanc**, *Les artistes de mon temps,* 1876.—**Champfleury**, *Grandes figures d'hier et d'aujourd'hui*, 1861.—**John W. Mollet**, *The painters of Barbizon*, Лондонъ, 1890.—**David Croal Thomson**, *The Barbizon School of Painters,* Лондонъ, 1891.—**A. Sensier**, *Souvenirs sur Théodore Rousseau*, 1872, in-8.—**Ph. Burty**, *Maîtres et petits maîtres*, 1882.—**Edmond About**, Voyage à travers l'Exposition des Beaux-Arts, 1855.—**André Michel**, *J. F. Millet et l'exposition de son oeuvre à l'Ecole des Beaux-Arts (Gazette des Beaux-Arts, 1887)*; и *Notes sur l'art moderne*, 1896.—**G. Lafenestre**, *La tradition dans la peinture anglaise au XIX-e siècle*, 1898, in-16.—Графъ **Léon de Laborde**, *Rapport sur l'application des arts à l'industrie fait à la Commission française du jury international de l'Exposition universelle de Londres,* 1856, in-8.—**Viollet-le-Duc**, *De l'intervention de l'Etat dans l'enseignement des Beaux-Arts*, 1864, in-8.—**Ernest Chesneau**, *Le décret du 13 novembre et l'Académie des Beaux-Arts*, 1864, in-8.—**Vitet**, *De l'enseignement des arts du dessin* (*Revue des Deux Mondes*, 1 ноября 1864).—**Ingres**, *Réponse au rapport sur l'Ecole impériale des Beaux-Arts*, 1863, in-8.—**Charles Garnier**, *Le Nouvel Opéra*, 1873.—**E. Chesneau**, *Les nations rivales dans l'art*, 1868.—**Adolf Rosenberg**, *Geschichte der modernen Kunst*, 2 т., in-4, Лейпцигъ, 1884—1889.—**John Ruskin**, *Letters, to the Times on the principal preraphaelite pictures in the exhibitions of 1874* (*Reprinted for private circulation,* Лондонъ, 1876; *Prae-Raphaelitism, its arts, literature and professors* (*London and Country Review*, мартъ 1868).—**Robert de la Sizeranne**, *La peinture anglaise contemporaine*, 1895.

Музыка.—**Houston Stewart Chamberlain**, *Richard Wagner*, Мюнхенъ, 1896; *Le drame wagnérien*, Парижъ, 1894; **А. Лиштанберже**, Вагнеръ, какъ поэтъ и мыслитель, 1905.—**Glasenapp**, Das Leben R. Wagners, (2 т., 1894—99).—**Richard Wagner**, Gesammelte Schriften und Dichtungen, 10 т., Лейпцигъ.—**Р. Вагнеръ**, Опера и драма, перев. Шепелевскаго и Винтера, 1906.—**Р. Вагнеръ**, Художественное произведеніе будущаго, „Русск. Музык. Газета", 1897—98.—**Heinrich Reimann**, *Johannes Brahms*, Берлинъ, 1897.—**Pagnerre**, *Charles Gounod et son oeuvre*, in-8, 1890.—**A. Pougin**, *Verdi*, 1886.—**Корчаковъ**, Д. Верди, 1897.—**H. Lavoix**, *Histoire de la musique; Histoire de la musique française*, 1891.—**A. Soubies**, *Histoire de la musique allemande*, 1897; *Histoire de la musique russe*, 1898.—**Soubies et Malherbe**, *Histoire de la deuxième salle Favart*, 1893.—**C. Bellaigue**, Portraits et silhouettes de musiciens, 1896.—**F. Clément et Larousse**, Dictionnaire lyrique, ou histoire des opéras jusqu' à 1876, in-8.—**Н. Финдейзенъ**, А. С. Даргомыжскій, 1904; **Н. Финдейзенъ**, А. Н. Сѣровъ, 1904; **А. Сѣровъ**, собраніе статей, 4 т., 1892—1896; **А. Г. Рубинштейнъ**, Воспоминанія („Русск. Старина", 1889, № 11); **С. Кавосъ-Дегтярева**, А. Рубинштейнъ 1895; **Ю. Энгель**, А. Рубинштейнъ, („Правда", 1904, № 11); **В. Чешихинъ**, Исторія русской оперы, 1906.

Глава XII.

Современная наука.

Общія сочиненія.—**John Theodor Merz**, *A history of european thought in the nineteenth cen-*

tury, 1896.—**William Thomson**, *Popular lectures and adresses*, London, 1871.

Математика.—**Hankel**, *Theorie der Complexen Zahlensysteme*, Leipzig, 1867.—**Quételet**, *Sciences mathématiques et physiques chez lés Belges*, Bruxelles, 1866.—**Gerhardt**, *Geschichte der Mathematik in Deutschland*, München, 1877.—**Walterhausen und Sartorius**, *Gauss, zum Gedächtniss*, Leipzig, 1856.—**Félix Klein**, *Vergleichende Betrachtungen über neuere geometrische Forschungen*, Erlangen, 1872.—**Hankel**, *Die Entwickelung der Mathematik in den letzten Jahrhunderten*, Tübingen, 1884.—**Reiff**, *Geschichte der unendlichen Reihen*, Tübingen, 1889.

Физика и химія.—**J. B. Dumas**, *Discours et éloges académiques.*—**Verdet**, *Théorie mécanique de la chaleur*, Paris, 1872.—**Regnault**, *Relation des expériences entreprises pour déterminer les principales lois et données numériques qui entrent dans le calcul des machines à vapeur.*—**Mayer**, *Bemerkungen über das mechanische Equivalent der Wärme*, Heilbronn, 1851.—**Clausius**, *die Potentialfunction und das Potential*, Leipzig, 1859.—**Tyndall**, *Heat considered as a mode of motion*, London, 1863.—**Rankine**, *On the conservation of energy*, London, 1859.—**Clausius**, *Die mechanische Wärmetheorie*, 1891.—**J. Gay**, *Henri Saint-Claire Déville et ses travaux.*—**Wurtz**, *La théorie atomique*, Paris, 1886.—**Berthelot**, *Essais de mécanique chimique*, Paris, 1879; *La synthèse chimique*, Paris, 1875.

Естественныя науки.—**[Valéry-Radot]**, *Histoire d'un savant par un ignorant*, Paris, 1883.—**Duclaux**, *Pasteur, Histoire d'un esprit*, Paris, 1896.—**Francis Darwin**, *Life and Letters of Charles Darwin*, London, 1887.

Глава XIII.

Католическая церковь и не католическіе культы.

См. т. IV, стр. 312—314; кромѣ того слѣдующія сочиненія:

1. Исторія церкви вообще и въ частности Пій IX.—**Seignobos**, *Hist. politique de l' Europe contempor.*, Парижъ, 1897, гл. XXIII и *passim*. **Nielsen**, (датчанинъ), *Geschichte des Papstthums im 19. Iahrhund.*, 2 т., 1880.—**Marocco**, *Pio IX*, Туринъ, 5 т. (1861—1864).—**Hülskamp**, *Pius IX*, 1870.—**Steplschnegg**, *Papst Pius IX und seine Zeit*, 2 т., 1879.—**Pougeols**, *Hist. de Pie IX*, Парижъ, 6 т., 1877—1886.

2. Исторія церкви въ Англіи и Ирландіи.— * * *, *Situation actuelle des catholiques d'Angleterre*, Ратисбоннъ, 1852.—**Manning**, *England and Christendom*, Лондонъ, 1867.—**W. Ward**, *Vie du card. Wiseman*, Лондонъ, 1897, 2 т., **Newman**, *Apologia pro vita suâ*, послѣдн. изд., Лондонъ, 1878.—**Klein**, *Fréd. W. Faber, der Begründer des Lond. Oratorium*, Фрейбургъ, 1879.—**F. de Pressensé**, *Le card. Manning*, Парижъ, 1897.

3. Баденскій конфликтъ.—**Hirscher**, *Motion sur la question relig.*, Фрейбургъ, 1850.—**De Kianceg**, *La liberté de l'Eglise et la perséc. relig. dans le grand-duché de Bade*, Парижъ, 1853.—**Warnkoenig**, *Sur le conflit de l'épiscopat et du gouv. du Haut-Rhin*, Эрлангенъ, 1853.—**Ketteler**, *Le Droit canon et l'Eglise cathol. en Allemagne*, Майнцъ, 1854.—**Seitz**, Die Katholische Kirchenangelegenheit, in Grossherzogthum Hessen, Майнцъ, 1861.

4. Исторія церкви во Франціи.—**De la Gorce**, *Hist. de la deuxième Rep. française*, Парижъ, 1887, 2 т. и *Hist. du second Empire*, Парижъ, т. I, II, III (1895—1896), *passim.*—**Debidour**, *Hist. des rapports de l'Eglise et de l'Etat en France*, Парижъ, 1898 (въ духѣ весьма враждебномъ по отношеніи къ церкви).—**Cruice**, *Vie de M-gr Affre*, Парижъ, 1849.—**Foisset**, *Le card. Morlot*, Парижъ, 1863.—**Baunard**, *Vie du card. Pie*, Пуатье, 1893, 2 т.—**Besson**, *Vie du card. Mathieu*, Парижъ, 1882; и *Vie du card. De Bonnechose*, Парижъ, 1887, 2 т.—Кард. **Foulon**, *Hist. de la vie et des oeuvres de M-gr Darbay*, Парижъ, 1889.

5. Католическія миссіи.—**F. Klein**, *Le card. Lavigerie et son oeuvre d'Afrique*, Парижъ, 1891.—**Werner**, *Atlas des missions catholiques.*, перев. съ нѣм. Граффіер'а, 1886.—**Launay**, *Atlas des missions de la Soc. des missions étrangères* (Дальн. Вост.), съ историческими справками.—**F. Marnas**, *La religion de Jésus ressuscitée au Japon*, Парижъ, 1897.

6. Энциклика.—*Quantâ curâ* и *Syllabus*:—**M-gr Dupanloup**, *La convention du 15 sept. et l'encyclique du 8 déc.*, 1865.—**Louis Veuillot**, *L'illusion libérale*, Парижъ, 1866.—**Schrader**, *Der Papst und die modernen Ideen*, Вѣна, 1865.—**Huet**, *La révolution relig. du XIX-e siècle.*, 1867 (въ духѣ, враждебномъ къ св. престолу).—**Émile Ollivier**, *L'Eglise et l'Etat au concile du Vatican*, Парижъ, 1879.—**A. Bosseboeuf**, *Le Syllabus sans parti pris*, Парижъ, 1885.

7. Ватиканскій соборъ.—**Baumstark**, *Gedanken eines Protestanten über die Papstliche Einladung zur Wiedererreinigung mit der röm. kathol. Kirche*, Ратисбоннъ, 1869.—**Janus** (псевдонимъ), *Der Papst und das Concil*, Лейпцигъ, 1869.—**Hergenröther**, *Anti-Janus*, Фрейбургъ, 1870.—**M-gr Maret**, *Du Concile général de la paix religieuse* 2-е изд., Парижъ, 1869; и *Le pape et les évêques*, Парижъ, 1869.—**M-gr Dupanloup**, *Observat. sur la controv. soulevée relativ à la définition de l'infa-*

illibilité par le prochain concile, 1869. *Avertissement à M. Louis Veuillot*, 21 ноября, 1869.—**Dom Guéranger**, *De la monarchie pontificale, à propos du livre de M-gr de Sura*, 1870.—**Reinkens**, *Die päpstl. Unfehlbarkeit*, Мюнхенъ, 1870.—**P. Gratry**, *Lettres à M-gr Dechamps*, Парижъ, 1870.—**W. Arthur** (протестантъ), *The pope, the Kings and the people, a history of the movement to make the pope governor of the world* (1864—1871), Лондонъ, 1877, 2 т.—*Acta et Decreta oecumenici Concilii Vaticani*, Фрейбургъ, 1870 и слѣд.—M-gr **Martin**, *Omnium conc. Vatic. quae ad doctrinam et disciplinam pertinent documentorum collectio*, Падерборнъ, 1873.—**E. Friedberg**, *Sammlung der Aktenstücke zum ersten vatikan. Konzil mit einem Grundriss der Geschichte desselben*, Тюбингенъ, 1872.—M-gr **Fessler** (секретарь собора), *Das vatic. Concil, dessen äussere Bedeutung und innerer Verlauf*, Вѣна, 1871.—**J. Wallon**, *La vérite sur le concile du Vatican*, Парижъ, 1872.—Кард. **Manning**, *The true history of the vatic. Council*, франц. перев., Парижъ, 1872.—**De Pressensé** (протестантъ), *Le concile du Vatican*, Парижъ, 1872.—M-gr **Martin**, *Die Arbeiten des vaticanischen Concils*, Падерборнъ, 1873.—**Th. Fromman**, *Geschichte und Kritik des vatican. Concils*, Гота, 1873.—M-gr **Cecconi**, *Storia del Concilio ecumenico Vaticano*, 1873 и слѣд. франц. перев. Боном'а и Дювиляр'а, 1887, 4 т.—**J. Friedrich**, *Geschichte des vatikan Konzils*, Боннъ, 1877—1887, 3 т.

8. Протестантизмъ въ Германіи и Англіи.—**Hettinger**, *Die Krisis des Christenthums, Protestantismus und Kathol. Kirche*, 1881.—Аббатъ **Delisle**, *L'anglicanisme et les sectes dissidentes*, 1893.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Глава I.

Скандинавскія государства.

1848—1870 гг.

Хр. Шеффера.

Глава II.

Установленіе Австро—Венгерскаго дуализма.

1859—1871 гг.

Л. Эйзенмана.

Глава III.

Мусульманскіе народы.

1840—1870 гг.

Л. Каэна.

Глава IV.

Алжиръ и французскія колоніи.

1848—1870 гг.

М. Валя.

Глава V.

Колоніи и подданства Соединеннаго королевства.

1848—1870 гг.

А. Метена.

Глава VI.

Соединенные Штаты.

1848—1870 гг.

А. Муаро.

Глава VII.

Латинская Америка.

1848—1870 гг.

А. Мильо.

Глава VIII.

Дальній Востокъ.

Китай.—Россія и Китай.—Аннамъ.—Сіамъ и Камбоджа.—Бирманія.—Японія.

1850—1870 гг.

А. Кордье.

Глава IX.

Война 1870—1871.

Имперія.

А. Шюкэ.

Національная оборона.

Глава X.

Французская литература.

1848—1870 гг.

Э. Фагэ.

Глава XI.

Искусство въ Европѣ.

1848—1870 гг.

А. Мишеля, Ромэна, Роллана и Ю. Энгеля.

Глава XII.

Современная наука.

1848—1870 гг.

П. Таннери.

Глава XIII.

Католическая церковь и некатолическіе культы.

1848—1870 гг.

Э. Шенона.

Приложеніе.

Матеріалы по исторіи соціальнаго движенія.

III. 48-й годъ во Франціи.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ.

СНИМКИ СЪ ПОРТРЕТОВЪ, КАРТИНЪ и СКУЛЬПТУРЪ.

Digitized by Google

8. **Фр. Мерингъ.** Исторія германской соціалъ-демократіи. Книга II. Мартовская революція. Пер. М. Е. Ландау. 387 стр. больш. форм. Цѣна 1 р. 40 к.

Томъ 4-ый.

9—10. **Фр. Мерингъ.** Исторія германской соціалъ-демократіи. Книга III—IV. Агитація Лассаля и борьба фракцій. Пер. М. Е. Ландау. 416 стр. больш. форм. Цѣна 1 р. 40 к.

11—12. **Фр. Мерингъ.** Исторія германской соціалъ-демократіи. Книга V—VI. Объединеніе партій. Пер. М. Е. Ландау. Выйдетъ въ декабрѣ 1906 г.

Цѣна первой серіи въ четырехъ коленкоровыхъ **переплетахъ** и съ приложеніемъ 60 портретовъ и снимковъ съ картинъ и скульптуръ— 11 р. 40 к. **Условія подписки:** при подпискѣ вносится 2 р. и при полученіи каждаго тома 2 р. 35 к. За пересылку и переводъ платежа по дѣйствительной стоимости. Монографіи, входящія въ составъ серіи, продаются и отдѣльно, безъ переплета и иллюстрацій, по указаннымъ выше цѣнамъ.

На соч. **Фр. Мерингъ. „Исторія германской соціалъ-демократіи"** принимается **подписка.** Цѣна по подпискѣ на все сочиненіе **Меринга** (шесть книгъ **въ четырехъ томахъ**) 4 р. 60 к., изъ нихъ при подпискѣ уплачивается 1 р., при полученіи I, II, III тома по 1 р. и при полученіи IV тома 60 к. За пересылку и переводъ платежа—по дѣйствительной стоимости.

Въ составъ второй серіи войдутъ въ числѣ другихъ монографій:

Саймонсъ. Американскій фермеръ. 196 стр. Цѣна 30 к.

Митчель. Организація труда въ Соединенныхъ Штатахъ (печатается).

Гатти. Аграрный вопросъ и соціализмъ въ Италіи (печатается) и др.

Оларъ. Великая Французская Революція. Внутренняя исторія. Переводъ М. О. Гершензона и Е. Н. Бошнякъ. 331 стр. Цѣна 70 к.

Тексты важнѣйшихъ конституцій съ историческими введеніями подъ редакціей проф. М. А. Рейснера:

I. Конституціи Германіи и Пруссіи. Цѣна 30 к.
II. Конституціи Бельгіи, Даніи и Италіи. Цѣна 35 к.
III. Конституціи Соединенныхъ Штатовъ и Австріи (печатается).
IV. Конституціи Франціи и Норвегіи (печатается).

За пересылку всѣхъ изданій уплачивается по дѣйствительной стоимости, за переводъ платежа по 10 коп.

Подробные проспекты всѣхъ изданій Товарищества „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°" высылаются по требованію безплатно.

Главная Контора изданій Товарищества „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°":
Москва, Б. Никитская, 5.
Отдѣленіе въ С.-Петербургѣ: Загородный просп., 14.

